ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ

ТОМ VI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ

ТОМ VI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1929

ЦЕНТРАРХИВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

MCMXXIX

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА

К ПЕЧАТИ ПОДГОТОВИЛ
Ю. Г. ОКСМАН

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

МАТЕРИАЛЫ
КОМИССИИ ДЛЯ ИЗЫСКАНИЙ О ЗЛОУМЫШЛЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ, ГЛАВНОГО ШТАБА, ШТАБА 1-й АРМИИ, ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА, АУДИТОРИАТСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА, МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ

Ленинградский Облистлит № 18222. С. 54. Гиз № 12202/л. $30^{3}/_{8}$ л. Тираж 3 000 экз.
Типография „Печатный Двор", Ленинград, Гатчинская, 26.

МЫ ВИДИМ ЯСНО ТРИ ПОКОЛЕНИЯ, ТРИ КЛАССА, ДЕЙСТВОВАВШИЕ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. СНАЧАЛА — ДВОРЯНЕ И ПОМЕЩИКИ, ДЕКАБРИСТЫ И ГЕРЦЕН. УЗОК КРУГ ЭТИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ. СТРАШНО ДАЛЕКИ ОНИ ОТ НАРОДА, НО ИХ ДЕЛО НЕ ПРОПАЛО. ДЕКАБРИСТЫ РАЗБУДИЛИ ГЕРЦЕНА. ГЕРЦЕН РАЗВЕРНУЛ РЕВОЛЮЦИОННУЮ АГИТАЦИЮ.

Н. ЛЕНИН. Собрание сочинений, т. XII, ч. I. „ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА", стр. 100.

ОТ РЕДАКЦИИ

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА.

I. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЦИПЫ ИХ ПУБЛИКАЦИИ.

Работа по выявлению и учету материалов о декабрьских событиях 1825 г., произведенная к столетнему их юбилею во всех архивохранилищах СССР, значительно облегчила установление корпуса первоисточников по истории восстания Черниговского пехотного полка.

Документальные данные, накопление которых началось в правительственных канцеляриях при первых же информациях о восстании, когда далеко еще не определился ни самый размах его, ни возможный исход, к моменту окончания следствия и суда над декабристами представляли собою уже целые фолианты «дел», под рубрикою «секретных» исчезнувших затем на целый век в недрах наших столичных и провинциальных архивов.

Однако изъятием из ведомственного и научного оборота нисколько не была гарантирована сохранность всех материалов о Васильковских событиях. Подводя сейчас итоги тому, что до нас дошло и чего на местах уже не оказалось, приходится констатировать гибель подлинных следственных дел о младших офицерах и солдатах Черниговского полка, известную неполноту военно-судного о них делопроизводства, наконец, отсутствие подённых отражений «мятежа» в соответственной полковой и дивизионной переписке. Разумеется, пробелы эти, приходящиеся, главным образом, на провинциальные военные архивы, чрезвычайно досадны и далеко не все могут быть компенсированы данными центральных актохранилищ. Тем не менее было бы большою ошибкою полагать, что погибшие бумаги могли бы внести существенные коррективы в тот исключительный по своему историческому интересу и документальной значимости фонд первоисточников о вооруженном восстании 1825 — 1826 гг., к публикации которого приступил Центрархив РСФСР.

По признаку тематически-временному все дошедшие до нас документальные данные о восстании Черниговского полка распадаются на две группы. К первой относятся бумаги, отражающие информацию о событиях еще, так сказать, по их горячим следам; ко второй — материал, восстановленный путем ретроспективным, во время следствия и суда над вождями заговора в Петербурге и над рядовыми участниками его в Могилеве и в

Белой Церкви. Документы *обеих этих групп* объединились в делах штаба главнокомандующего первою армиею [1]), Комитета для следственных разысканий о злоумышленных обществах и Верховного уголовного суда [2]); что же касается актов и донесений, фиксировавших *отдельные операции* мятежных и правительственных войск, те или иные *этапы* позднейшего розыска и судебного процесса, то они сосредоточены были: по линии верховного управления — в секретной части канцелярии начальника главного штаба е. и. в. [3]); по военно-административной и судебно-контрольным линиям — в канцелярии военного министерства [4]) и в аудиториатском департаменте [5]);

---

[1]) Ленинградский Центральный Исторический архив. Дела штаба 1-й армии. 1825—1826 г. Основной материал по истории заговора и восстания сосредоточен в делах «О злоумышленном тайном обществе», № 9, части первая и вторая, на 2207 листах, и «О возмущении Черниговского пехотного полка», № 10, на 1328 листах. Дополняют эту коллекцию документов дела штаба 1-й армии за 1826 г. №№ 4, 5, 7, 11, 15, 50, 66, 70, 71.

[2]) Архив Октябрьской революции в Москве. Материалы бывш. Государственного архива, разряд 1 В. Дела Следственной Комиссии о злоумышленных обществах, — №№ 20, 21, 22, 23, 24, 30, 145, 148, 151, 153, 210, 247. Дела Верховного Уголовного суда и Следственной Комиссии, касающиеся государственных преступников №№ 395 — 397, 403 — 407, 442, 453. Основным является здесь дело «О мятеже Черниговского пехотного полка», № 20, на 140 листах, сформированное из донесений, непосредственно адресованных чинами военной и гражданской администрации на высочайшее имя, из документов официальной переписки начальника главного штаба е. и. в. с штабом главнокомандующего 1-ю армиею, наконец, из бумаг, шедших от киевского губернатора в министерство внутренних дел. Все эти документы, вместе с особой «выпиской», резюмировавшей важнейшие этапы информации «о возмущении» и «сделанных по сему предмету распоряжений», были 17 января 1826 г. внесены дежурным генералом главного штаба в Комитет для следственных изысканий, который, заслушав их, постановил: «иметь в виду при допросах лиц, заключающихся в сем деле» (Ср. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 456). И действительно, редакция вопросных пунктов, предъявляемых участникам заговора и восстания, была после этого несколько изменена, но вновь добытый о Васильковских событиях материал не был уже использован ни для каких сводок, если не считать нескольких строк официальной информации о восстании Черниговского полка в известном «Донесении Следственной Комиссии».

[3]) Военно-исторический архив в Москве (бывш. Лефортовский архив). Дело по секретной части канцелярии дежурного генерала главного штаба е. и. в. «О возмущении Черниговского пехотного полка, произведенном подполковником Муравьевым-Апостолом», 1826 г., № 7. Некоторые дополнительные данные см. в деле 1826 г., № 97.

[4]) Архив Октябрьской революции в Москве. Материалы бывш. Государственного архива, разряд 1 В, группа «разных дел», № 469: «Бумаги бар. И. И. Дибича и другие из секретного архива канцелярии военного министерства».

[5]) Ленинградский Центральный Исторический архив. Дела аудиториатского департамента за 1826 г. «Об офицерах, участвовавших в мятеже Черниговского пехотного полка» и «О конфирмации г. главнокомандующего 1-ю армиею по делу о нижних чинах Черниговского пехотного полка, сужденных за измену и мятеж, всего 136 человеках»; «Высочайше конфирмованные доклады и докладные записки по военно-судным делам с 1 июня по 1 сентября 1826 г.», № 82, на 130 листах; дела о конфирмациях главнокомандующего 1-ю армиею по делам нижних чинов 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады, 1826 г., №№ 74, 89, 90; 1827 г., № 19.

по линии высших органов гражданской власти — в министерствах внутренних дел [1]) и юстиции [2]).

Концентрируя в настоящем сборнике материалов о восстании Черниговского полка основные документы всех только что перечисленных фондов, мы должны были, однако, отказаться от воспроизведения в нем бумаг, входящих в *личные дела* государственных преступников, осужденных верховным уголовным судом (из участников восстания — С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, М. П. Бестужева-Рюмина; из прикосновенных к нему лиц — А. З. Муравьева, И. С. Повало-Швейковского, В. К. Тизенгаузена, Я. М. Андреевича и др. [3]), ибо «дела» этой категории предназначены к опубликованию в других томах серии «Восстание декабристов» (частью отпечатаны и уже вышли в свет [4]); а тщательная выборка важнейших из находящихся в них свидетельств о событиях в Васильковском районе вошла в юбилейную книгу «Красного Архива» за 1925 год [5]). Тесную связь источников, лежащих в основе этих публикаций, с документами нашего издания особенно приходится иметь в виду при изучении тех декабристских показаний, которые сохранились (иногда в оригиналах, чаще же в копиях и сводках), как «приложения» к печатаемой нами официальной переписке, или использованы, как необходимый дополнительный материал, в редакционных примечаниях к ней. Все сделанные нами выписки из подлинных следственных дел вождей заговора и восстания, равно как и перекрестные ссылки на страницы изданий, в которых они частично воспроизведены, должны, думается, значительно облегчить исследователю и читателю ориентировку в той категории документов о восстании Черниговского полка, которую пришлось исключить из настоящего тома по сторонним техническим соображениям.

По самому типу своих материалов (протоколы допросов, очных ставок, дополнительные вопросные пункты и ответы на них, сводка разновременных признаний и пр.), не дошедшая до нас следственная часть делопроизводства Могилевской военно-судной комиссии, разбиравшей дела младшего командного состава восставшего Черниговского полка, была довольно близка персональным делам петербургского Комитета для изысканий о злоумышленных обществах. Однако совпадение некоторых формальных признаков

---

[1]) Материалы министерства внутренних дел о восстании Черниговского полка полностью вошли в дело Следственной Комиссии о злоумышленных обществах «О мятеже Черниговского пехотного полка», бывш. Государственный архив, разряд 1 В, № 20.

[2]) Ленинградский Центральный Исторический архив. Материалы бывш. архива министерства юстиции. Дело по рапорту киевского прокурора о бунте Черниговского пехотного полка и волынского прокурора о том же, 1826 г., № 39.

[3]) Материалы бывш. Государственного архива, разряд 1 В. Дела Верховного Уголовного Суда и Следственной Комиссии, касающиеся государственных преступников, №№ 395 — 407, 431 — 453.

[4]) «Восстание декабристов», т.т. IV и V, М.-Л., 1926 — 1927 гг.

[5]) «Восстание Черниговского полка в показаниях участников» («Красный Архив», т XIII, М., 1926, стр. 1 — 67).

документов обоих фондов не должно вести к предположениям об их равнозначности по существу, а следовательно и к известным преувеличениям ценности утраченных оригиналов показаний основной группы офицеров-участников мятежа. Могилевские допросные акты, как свидетельствуют сохранившиеся копии очень многих из них (напр., в деле штаба 1-й армии 1826 г., № 10, лл. 300—325, 340—377), прежде всего не являлись автографами подсудимых, никогда не давали ни свободно текущего рассказа-исповеди, ни тщательно разработанной по заданиям следствия общей картины событий. Сухие, сдержанно-лаконические писарские записи, фиксировавшие этапы не многократных и разносторонних признаний на протяжении медленно идущего столичного процесса, а лишь определяющие моменты трех-четырех допросов, снятых тотчас после ареста или в условиях быстрых темпов работы военного суда, — вот типичные признаки погибшей части могилевского следственного производства. Несущественность этого единственного пробела в составе наших первоисточников по истории последнего акта Васильковской драмы становится особенно явственной, если мы здесь же учтем, что основные документальные результаты всех только что указанных персональных допросов и розысканий включены были с буквальною точностью в сохранившуюся обширную «выписку» из материалов предварительного дознания, прочитанную 20 марта 1826 г. всем подсудимым и заверенную их собственноручными подписями в том, что «прописанные в сей выписке их ответы внесены правильно и их утверждают во всем пространстве» (см. стр. 347 наст. издания), а уже из этой «выписки» перенесены в соответственные именные разделы печатаемого нами «всеподданейшего доклада» аудиториатского департамента от 10 июля 1826 г.

Из материалов Бело-Церковской военно-судной комиссии, разбиравшей сперва дела нижних чинов Черниговского пехотного полка, участвовавших в восстании, а затем вообще всех «вовлеченных в заговор» солдат 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады, до нас дошли, во-первых, именные списки всех обвиняемых, распределенных по особым ведомостям, согласно данным предварительного дознания; во-вторых, конфирмованные приговоры по всем солдатским процессам, — с детальною росписью преступных деяний каждой группы осужденных; в-третьих, важнейшие акты обвинения — сводки показаний офицеров, как участников, так и свидетелей событий; в-четвертых, все донесения председателя военно-судной комиссии на имя главнокомандующего 1-ю армиею и переписка последнего по делам нижних чинов с командиром 3-го корпуса, с начальником главного штаба е. и. в. и с председателем петербургского Комитета для следственных изысканий о злоумышленных обществах; в-пятых, основные документальные данные по самой организации суда и по исполнению его приговоров. Материалы эти, частью включенные в основной корпус документов настоящего тома, частью использованные для примечаний к нему, позволяют восстановить не только определяющие моменты всех солдатских процессов, но и общие контуры того не дошедшего до нас «следственного дела о мятеже»,

которое ведено было командиром 1-й бригады 9-й пехотной дивизии генерал-майором Курносовым и легло, вместе с некоторыми из актов, перечисленных уже нами выше, в основу работ Бело-Церковской военно-судной комиссии.

Данными общего обзора основных категорий сохранившегося документального материала о восстании Черниговского пехотного полка определяется вся конструкция настоящего тома. В первом отделе его сосредоточена «Официальная переписка о восстании Черниговского полка и о мерах по его ликвидации», во втором — «Материалы дознания и конфирмованные приговоры по делам нижних чинов 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады». В особых «приложениях», являющихся по существу третьим отделом книги, сконцентрирован дробный следственный материал о тех или иных эпизодических деталях событий («О поступках Черниговского пехотного полка полкового священника Даниила Кейзера», «О штабротмистре гусарского принца Оранского полка Ушакове, проезжавшем чрез Васильков во время мятежа»), разыскания персонального порядка (протоколы допросов рядового Черниговского полка, разжалованного из капитанов, Дмитрия Грохольского; бумаги по делу рядового того же полка, разжалованного из полковников, Флегонта Башмакова) и секретные акты некоторых дополнительных позднейших дознаний (дело «Об отыскании катехизисов, разбросанных по Киевской губернии якобы во время возмущения Черниговского пехотного полка»). Наконец, в «примечаниях», «указателях» и в «обзоре» всех прежних публикаций и изучений сведены наши документальные и некоторые специальные био-библиографические разъяснения, дополнения и поправки ко всем трем отделам настоящего тома.

При подготовке к изданию собранных нами материалов по истории восстания Черниговского пехотного полка тщательно были сохранены все особенности орфографии и пунктуации копируемых документов. Однако, уже типографский оригинал тома пришлось подвергнуть некоторой транскрипционной нивелировке, обусловленной, с одной стороны, желанием избежать той пестроты, которую вносил в текст издания характерный для канцелярских писцов начала XIX столетия произвол в употреблении прописных и строчных букв, знаков препинания, методов подчеркивания и выделения тех или иных слов и т. п., с другой — известными техническими преимуществами печатания рукописей по общепринятой ныне орфографии. Перевод на последнюю не должен был, разумеется, затронуть ни отраженных в документах основных фонетических особенностей речи писавших, ни своеобразия их этимологии, синтаксиса, словаря, ни, что особенно существенно в документах судебно-следственного порядка, сознательной или случайной путаницы личных имен и географических названий. Поэтому сохранены были нами не только все необычные начертания русских и иностранных слов, неправильные согласования, но и явно ошибочные обозначения чинов, фамилий, местностей и пр. (Например: «притчина»,

«щастие», «економической», «гаубвахта», «фельдвебель», «Ебель» вм. «Гебель», «Щипила» и «Щипилов» вм. «Щепилло», «Мозелевский» и «Мазолевский» вм. «Мозалевский», «Кузнецов» вм. «Кузьмин», «Каблуков» вм. «Клабуков», «Липоваловка» вм. «Мотовиловка», «Устимовка» вм. «Устиновка»). Как исключение, в виду неустановленности до сих пор критического текста «катехизиса», прокламированного С. И. Муравьевым-Апостолом, один из авторитетнейших списков этого документа, печатаемый нами на стр. 128 — 129, вовсе не переведен на новую орфографию.

При воспроизведении в приложениях к настоящему тому «дислокационной карты 3-му пехотному корпусу на 1823 год», рисованной портупей-юнкером 15-го егерского полка Ильяшенко и сохранившейся в бывш. Военно-ученом архиве главного штаба (отд. 3, шкаф 76, № 598), нам пришлось, по причинам техническим, границы расположения дивизий обозначить косыми штриховыми линиями, а не красками, как в подлиннике. Большой исторический интерес единственного дошедшего до нас плана расположения войск, среди которых развертывали свою революционную работу вожди Васильковской управы Южного Общества и инициаторы восстания Черниговского полка, заставляют нас только оговорить, а не исправить в самом чертеже такие дефекты картографа, как пропуск им одних заселенных пунктов (напр., селения Плесецкое, Пологи), описки в названиях других (напр., «Поповецкое», «Борщатовка») и некоторые мелкие неточности поверстных, подчас явно глазомерных, расчетов.

Восстанавливая в редакторских прямых скобках (круглые скобки — подлинника) пропущенные слова, литеры, знаки препинания, мы без соответствующих оговорок в тексте заменили запятыми стоящие иногда вместо них точки с запятой и отказались от сохранения прописных букв и разрядки при обозначении в некоторых бумагах чинов, званий, титулов, дат и адресов. Все прочие слова и фразы, самими писавшими выделенные из текста тем или иным способом (курсив, разрядка, подчеркивание), набраны у нас р а з р я д к о ю. Все подстрочные сноски подлинника оставлены на своих местах. Резолюции и отметки всякого рода, сделанные официальными читателями печатаемых документов в самом их тексте или на полях, воспроизводятся нами в редакторских примечаниях; что же касается позднейших регистратурных помет, то они оговариваются нами лишь в случаях их особой важности или характерности. От передачи полностью всех учетно-регистратурных данных пришлось отказаться не только в виду их малой научной значимости и количественного обилия (на некоторых документах сохранились следы их прохождения через пять-шесть промежуточных инстанций), но и в силу того, что многие из бумаг (напр., почти все донесения на «высочайшее имя») регистрировались не в момент их фактического получения и использования, а уже при приобщении к тому или иному следственному или даже архивному делу, причем порою совершенно не представляется возможным определить, к какому учреждению относятся те или иные входящие и исходящие даты и номера.

Все заголовки к печатаемым документам, сделанные нами, печатаются жирным шрифтом, — в отличие от заголовков оригинала, передаваемых разрядкою. Даты их везде обозначены по старому стилю.

Бумаги, оригиналы которых писаны на французском или немецком языке, печатаются в русском переводе. Однако, в виду особой важности некоторых из этих иноязычных документов (напр., письма главнокомандующего 1-й армиею графа Ф. В. Сакена или донесения генерал-майора Ф. К. Гейсмара), мы сочли необходимым воспроизвести в примечаниях и самые подлинники.

Помимо последних, нашли себе место в отделе примечаний и документы, дошедшие до нас лишь в виде черновых отпусков, редакционно-незавершенных проектов или случайных копий. Изъятые из основного текста по формально-археографическим соображениям, материалы этой категории для исследователя имеют, разумеется, не меньшую значимость, чем прочие документы настоящего тома.

Выпуск в свет Центрархивом РСФСР таких изданий, как «Алфавит декабристов» и «Библиография декабристов», позволил нам, за счет отказа от обычных справок био-библиографического порядка о всех упоминаемых в тексте лицах и эпизодах, значительно расширить комментаторский аппарат в тех его частях, где приходилось разъяснить вовсе не освещенные в декабристской историографии моменты заговора и восстания или, на основании новых документальных данных, пересматривать, корректировать и дополнять традиционные сведения о событиях 1825 г. на юге и их участниках. Применительно к основным публикациям тома, нами была осуществлена, поэтому, в примечаниях работа по мобилизации, а частично, и по критическому разбору материалов об агитации и пропаганде среди солдат 3-го пехотного корпуса, о волнениях в Саратовском полку в дни Лещинского лагерного сбора, о военно-оперативной стороне декабрьских и январских происшествий, о личном составе восставшего Черниговского полка, о сфере распространения революционных катехизисов, о настроениях воинских частей и гражданского населения в районе боевых действий, об общем характере правительственных мероприятий по ликвидации заговора; наконец, по линии персональной, о всех тех участниках событий, чьи имена и роли в прежней литературе были совершенно не известны или не достаточно серьезно учтены (например, о таких деятелях заговора и восстания, как И. И. Сухинов, В. Н. Соловьев, А. Е. Мозалевский, А. А. Быстрицкий, Михей Шутов, Г. Ф. Крайников, И. С. Фадеев, И. Л. Гончаров, о таких характерных представителях командного состава и агентуры центральной власти, как Л. О. Рот, бар. Ф. К. Гейсмар, граф Г. И. Ностиц, В. С. Сотников, М. Ф. Бутовт-Андржейкович и др.).

Как введение к настоящему тому основных документальных данных о восстании Черниговского полка мы даем критико-библиографический обзор всех прежних публикаций материала о последнем, общих оценок, популярных характеристик и опытов специальных изучений Васильков-

ских событий в русской и зарубежной печати за сто с лишним лет.

Известная часть справочного материала, собранного нами для введения и примечаний к книге, перемещена была в указатели к ней, где, на ряду с некоторыми топографическими разъяснениями, даны и сведения о званиях, должностях, именах и отчествах, упоминаемых в основном тексте лиц. Благодаря большому проценту в списках солдат Черниговского полка латышских, эстонских, чувашских и татарских имен, ничем не отличающихся по своему начертанию и звуковому составу от фамилий и прозвищ их носителей (например: «Юрий Юрий», «Юрий Ян», «Ян Юрий»), мы в указателе расположили последних по формальному признаку первого слова в первоисточнике. Вовсе не вошли в указатель имена и предметы дополнительно напечатанных (с римскою пагинациею) вводных листов.

II. ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ.

1.

Первой печатной информацией о восстании Черниговского пехотного полка явились приказы начальника главного штаба е. и. в. от 8 и 9 января 1826 г., опубликованные в «Русском Инвалиде» от 10 и 12 января и перепечатанные оттуда крупнейшими органами русской и иностранной прессы. Политический смысл Васильковских событий был в этих официальных декларациях извращен еще в большей степени, чем фактические детали операций мятежных и правительственных войск в приложенных к приказам победных рапортах командира 3-го пехотного корпуса. Генезис восстания объяснялся в первых приказах случайными происками «одного из главных злоумышленников, стремящихся к общему беспокойствию и разрушению благосостояния государства»; характеристика мероприятий С. И. Муравьева-Апостола сводилась к тому, что он «арестовал посланных за ним фельдъегеря и жандармов, ограбил полковую казну, освободил закованных каторжных колодников, содержавшихся в Васильковской городовой тюрьме, и предал город неистовству нижних чинов»; белоцерковская диверсия революционных рот определялась, по лживому донесению командира 3-го корпуса, как попытка «овладеть у графини Браницкой значительной суммой», а успешная ликвидация восстания давала материал для патетических сентенций о том, что «новое мятежническое покушение» может служить доказательством той утешительной и для здравомыслящего наблюдателя неоспоримой истины, что среди великодушного народа русского, среди славных верностию русских войск сии пагубные замыслы не могут никогда иметь даже и малейшего успеха» [1]).

[1]) Эта же мысль развивалась в первом официальном сообщении о ходе работ Следственной Комиссии. «Последствия обоих покушений, как членов Северного общества в Петербурге 14 декабря, так и Муравьева-Апостола в Василькове и окрестностях, доказали, что ни в каком сословии мятежники не могли найти себе пособников; ибо те немногие

Характерные особенности официальной фразеологии и документальной нагрузки первых информационных бюллетеней о восстании Черниговского полка не оставляют сомнений в том, что при их выпуске в свет верховное командование рассчитывало прежде всего на подрыв сочувствия и интереса правящих классов России и Европы к революционной вспышке на юге, фальшиво представленной поэтому лишь как цепь «преступных и безумных покушений», как случайное торжество «безначалия, грабежей и кровопролития».

Однако декларация эта ввела в заблуждение немногих. «Я, например, решительно знаю, — писал под впечатлением штабных приказов князь П. А. Вяземский поэту В. А. Жуковскому, — что Муравьев-Апостол не предавал грабежу и пожару города Василькова, как то сказано в донесении Рота. Город и жители остались неприкосновенными. К чему же эта добровольная клевета? Муравьев по одному возмущению своему уже подлежит казни, ожидающей государственных преступников. Кажется, довольно было того. Чего же ожидать, на какую достоверность надеяться, когда подобные примеры совершаются в глазах наших? И это известие не уличное, оно почерпнуто из официального источника» [1]).

Столь же скептичны были отклики на первые казенные бюллетени и иностранной прессы, придававшей событиям на юге чрезвычайно большое значение и, в известной мере, даже предвидевшей их. Так, в английской печати еще в середине декабря учитывалась возможность восстания в Южной армии в пользу Константина, как выразителя агрессивных тенденций рус-

---

рядовые воины, кои сначала последовали им, и даже некоторые из офицеров, были не обольщены, а обмануты, веря, что их ведут исполнять долг, налагаемый присягою: сии происшествия доказали, что ковы сего рода (если б даже оные были не столь безрассудно составлены) не могут иметь успеха в России» («Русский Инвалид» от 29 января 1826 г., № 24). Ср. приказ от 20 января 1826 г. о переводе в полки лейб-гвардии «всех чинов» первой гренадерской роты Черниговского полка, «сохранившей непоколебимую верность к престолу при возникшем в сем полку мятеже» («Русск. Инв.» от 27 января 1826 г., № 22).

[1]) «Остафьевский Архив князей В я з е м с к и х», т. V, вып. 2-й, СПБ, 1913, стр. 159. Очень характерен был обмен мнений между министром народного просвещения адмиралом А. С. Шишковым и императором Николаем по вопросу о включении в «Месяцеслов на 1827 г.», в отдел «Хронологическое показание достопамятнейших происшествий в 1825 и 1826 годах», сведений о восстании Черниговского полка. В то время как министр полагал, что «нет никакой надобности упоминать и оставлять о сем память в календаре; о худых примерах лучше умалчивать, нежели твердить о них и предавать во всенародное известие», — Николай I определил свое отношение к этому вопросу в следующих строках: «можно коротко сказать: что вспыхнуло как бы затем только, чтобы доказать везде усердие и верность войска» («Красн. Архив» 1925, кн. VI, стр. 318). В силу этой резолюции в «Месяцеслове на 1827 г.» (стр. 128) отмечено под 3 января 1826 г., что «вспыхнувшее в городе Василькове, Киевской губернии, возмущение части Черниговского полка немедленно прекращено усердием и верностию войска». Точка зрения А. С. Шишкова восторжествовала, однако, в писаниях первых официозных историографов николаевского царствования — Н. Г. Устрялова и М. А. Корфа, устранивших из своих трудов упоминания о Васильковских событиях.

ской политики на Востоке; так, с особою тщательностью донесения английского и французского посольств фиксируют всякого рода слухи о настроениях в районе Северного Причерноморья и старых украинских губерний; так, с гораздо бо́льшим вниманием, чем их русские современники, агенты иностранных держав, а вслед за ними и вся западно-европейская публицистика, реагируют на «правила» Соединенных Славян и «катехизис» С. И. Муравьева Апостола[1]). Так, широко осведомленный «Journal des Débats» уже 5 февраля нов. ст. расценивает деятельность Южного Общества и самый факт восстания Черниговского полка не в аспекте официальных деклараций, а как естественный протест против реакционных принципов внешней и внутренней политики Священного Союза.

Чрезвычайно любопытно, что и само николаевское правительство очень скоро отказалось от той фальшиво-тенденциозной интерпретации Васильковских событий, которая дана была в январских приказах начальника главного штаба. Страницы, посвященные восстанию Черниговского полка в знаменитом «Донесении Следственной Комиссии» от 30 мая 1826 г. (распубликованном 12 июня), давали настолько богатый и, в противоположность другим частям этого же документа, почти не осложненный особыми полемическими заданиями фактический материал, что в беспочвенности всех прежних характеристик революционной вспышки в районе расположения войск 3-го пехотного корпуса не оставалось никаких сомнений. И действительно, материал «Донесения Следственной Комиссии», напечатанного, как известно, не только по-русски, но и в переводе на французский, английский, немецкий, шведский и испанский языки, в течение нескольких десятков лет являлся основным, а для большинства публицистов и историков — единственным источником сведений о восстании Черниговского полка.

Популярнейший справочник Лезюра — «Annuaire historique universel pour 1825». Par C. L. Lesur, Paris, 1826 — давая в основном своем тексте краткий пересказ материалов «Донесения» о Васильковских событиях, в приложениях полностью перепечатал и соответственные места первоисточника [2]). Не довольствуясь этой информацией, Лезюр в следующем году счел необходимым вновь обратиться к характеристике революционного брожения в России в 1825 — 1826 гг., причем значительно переработал и

---

[1]) Ср. И. Звавич, «Восстание 14 декабря и английское общественное мнение» («Печать и Революция» 1925, кн. VIII, стр. 36 и 45); А. Шебунин, «Движение декабристов в освещении иностранной публицистики» («Бунт декабристов», под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева, Л., 1926, стр. 289), а также материалы, опубликованные в «Le Monde Slave» 1925, № 12, 1926, № 1, и в «Парижском Вестнике» от 25 дек. 1925 г.

[2]) «Annuaire historique universel pour 1825». Par C. L. Lesur, pp. 373—394, appendice, pp. 111 — 112. Французским текстом «Донесения Следственной Комиссии» в издании Лезюра, несмотря на запрещение этой книги в России, пользовался И. И. Горбачевский при работе над посвященными восстанию Черниговского полка страницами своих мемуаров. См. ссылку на «Annuaire historique» в «Записках декабриста И. И. Горбачевского», М., 1916, стр. 150 (во втор. изд. «Записок» И. И. Горбачевского, М., 1925, стр. 177).

прежний свой рассказ о восстании Черниговского полка [1]). Свидетельства, извлеченные из «Донесения Следственной Комиссии», были на этот раз дополнены данными рапортов командира 3-го корпуса о военно-оперативной стороне событий (французский перевод отмеченных выше приказов начальника главного штаба, к которым рапорта эти были приложены, печатался в «Journal de Saint Pétersbourg»), а идеологическая характеристика восстания оживлена острым анекдотом о своеобразии солдатской трактовки республиканских лозунгов «катехизиса» [2]). Однако, ни этот анекдот, ни ложные детали победных реляций нисколько не помешали Лезюру значительно расширить традиционную интерпретацию Васильковских событий указанием на их ближайшую связь с известными крестьянскими волнениями в Киевской, Волынской и Подольской губерниях весною 1826 г.:

«On a dit, non sans raison, que cette conspiration n'avait trouvé d'appui ni dans les soldats ni dans le peuple russe; ils n'en comprenaient pas les vues; cependant quelques mouvemens d'insurrection ont éclaté, peu de temps après, dans les provinces de Volhynie et de Podolie sur le théâtre de la révolte de Mouravieff. Les paysans y gémissaient sous le double fardeau de leurs prestations seigneuriales et des requisitions pour la subsistance des troupes de l'armée du sud cantonnées chez eux depuis plusieurs années. Il se répandit dans ces districts que le nouvel empereur avait affranchi les paysans de la couronne du paiement de leurs impôts et les paysans et fermiers seigneuriaux de l'obéissance et des droits dus à leurs seigneurs. Ces bruits répandus ou envenimés, dit-on, par des fuyards du corps de Mouravieff eccitèrent des mouvemens séditieux qui furent réprimés par les troupes, mais qui parurent assez graves pour donner lieu à un manifeste imperial qui a ordonné d'en rechercher les propagateurs, de les punir suivant la rigueur des lois russes».

Блестяще подтвержденная позднейшими архивными разысканиями, эта первая в нашей историографии попытка трезво учесть некоторые благоприятствовавшие восстанию особенности социально-экономической конъюнктуры в его районе была в свое время оценена гораздо меньше, чем попутно

---

[1]) «Annuaire historique universel pour 1826», Paris, 1827, pp. 329 — 333. Справочник этот был запрещен в России так же, как выпуск предыдущего года. См. «Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранною цензурою безусловно и для публики с 1815 по 1853 год включительно», СПБ., 1855, стр. 207.

[2]) «On a débité à ce sujet une anecdote dont nous ne garantissons pas la vérité, mais qui peint bien le soldat russe. Au milieu des h o u r r a s républicains que poussaient des compagnies entraînées dans la rébellion, eccitées par la prédication ou la lecture du catéchisme, un vieux grenadier disait à Mouravieff: Je veux bien crier v i v e l a r é p u b l i q u e s l a v o n n e, mais qui sera notre empereur?» (op. cit., p. 331). Анекдот этот явно официозного происхождения, и уже 8 января передавался во дворце со слов императора и императрицы вместе с первыми известиями о восстании: «Сумасшедший Муравьев, — рассказывает об этом в своем дневнике 8 января 1826 г. Г. И. В и л л а м о в, — провозгласил пред Черниговским полком славяно-русскую республику. Его спросили: «Кто же будет царем?». И когда узнали, что вовсе не будет царя, то его начали оставлять» («Русск. Стар.», 1899, кн. III, стр. 669 — 670).

рассказанный анекдот. Последнему необычайно повезло, ибо, найдя место в справочнике Лезюра, он одновременно вошел в книгу Ансело «Six mois en Russie», Bruxelles, 1827, широко распространенную не только в двух французских изданиях, но и в переводах на итальянский и голландский языки [1]).

И в русской и в западно-европейской историографии осталась почему-то неиспользованной публикация в «С. Петербургских Сенатских Ведомостях» от 21 августа 1826 г. «Высочайше утвержденного приговора об офицерах Черниговского пехотного полка, осужденных за участие в мятеже, произведенном бывшим в том полку подполковником Муравьевым-Апостолом» (перепечатано в «Полном Собрании Законов Российской империи». Собрание второе. Том I, СПБ., 1830 г., № 514). В противоположность «Докладу Верховного Уголовного Суда», приложенная к которому «Роспись государственным преступникам, осуждаемых к разным казням и наказаниям» лишь в самой общей форме отмечала «преступные деяния» участников мятежа в Петербурге и в окрестностях Василькова, приговор Могилевской военно-судной комиссии очень детально освещал позицию каждого из своих подсудимых в дни восстания Черниговского полка и, тем самым, проливал свет на многие, остававшиеся прежде в тени, моменты событий.

2.

В труде J. Esneaux et Chennechot «Histoire philosophique et politique de Russie, dépuis les temps les plus reculés jusqu' à nos jours», Paris, 1830, восстанию Черниговского полка посвящено было всего три строки [2]), а в книге T. Willcocks «History of Russia from the foundation of the empire, by Rurik, to the present time», London, 1832, о Васильковских событиях вовсе не упоминалось. Специальный историко-географический справочник M. Chopin'a, «Russie», Paris, 1838, давал предельно сжатый пересказ «Донесения Следственной Комиссии» об отзвуках 14 декабря на юге [3]), политический трактат «Russie, Allemande et France. Révélations

[1]) «Six mois en Russie», Bruxelles, 1827, p. 155; 2-me éd., Paris, 1827, pp. 172 — 173. Французский текст анекдота Ансело о восстании Черниговского полка перепечатан нами в настоящем издании на стр. 362 — 363. Отметим кстати, что книга Ансело, как и большинство иностранных изданий, упоминавших о событиях междуцарствия 1825 — 1826 гг., была у нас запрещена. См. указанный выше «Общий алфавитный список», стр. 8.

[2]) Эти строки — «le lieutenant-colonel Apostol-Mouravieff, apprenant à Wasilkow qu'il est compromis, pousse à la révolte quelques compagnies du régiment de Tchernigow, mais est bientôt forcé de mettre bas les armes» (Tome cinquième, p. 507) — послужили стимулом для известной характеристики восстания Черниговского полка и его вождя в «Примечаниях к книге Энно и Шенншо История России», написанных в Сибири декабристом М. А. Фонвизиным (см. далее, стр. XXV). Книга Энно и Шенншо, ошибочно датированная М. А. Фонвизиным 1835 годом, была в России «запрещена безусловно» уже в 1831 г. Ср. «Общий алфавитный список», стр. 110.

[3]) «Russie», par M. Chopin, tome deuxième, Paris, 1838, p. 535.

sur la politivue russe, d'aprés les notes d'un vieux diplomate». Par Marc Fournier, Paris, 1844, по какому-то недоразумению связывал с именем С. И. Муравьева-Апостола попытку реализации республиканско-федеративных планов Общества Соединенных Славян, а книга «La Russie sous Nicolas I-er», par M. Ivan Golovine, Paris, 1845, ограничивалась регистрацией лишь самого факта восстания Черниговского полка [1]). В популярных обличительных этюдах «Les Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'empire russe». Par M. Frédéric Lacroix, Paris, 1845, строки, отведенные событиям на русском юге в 1825 — 1826 гг., были несколько оживлены путем включения в повествование таких внешне эффектных моментов восстания, как неожиданное появление в Василькове и гибель в бою Ипполита Муравьева-Апостола, провозглашение «катехизиса», самоубийство взятого в плен поручика Кузьмина и пр. Однако даже эти случайные фактические детали, заимствованные из общеизвестных официальных источников, переданы были в книге F. Lacroix не совсем точно, а политически и вовсе не осмыслены [2]).

Не в пример перечисленным французским изданиям, очень вдумчиво охарактеризовал деятельность Южного Общества и восстание Черниговского полка анонимный английский автор «Revelations of Russia or the emperor Nicholas and his empire in 1844. By one who has seen and describes», London, 1844, книга которого уже в следующем году переведена была на французский и немецкий языки, а по-английски выдержала три издания. К сожалению, документальный материал, которым оперировал английский автор и его переводчики-популяризаторы, не выходил из круга информационных данных «Донесения Следственной Комиссии» [3]).

Передачей показаний этого же источника ограничил фактическую часть своего рассказа о восстании Черниговского полка Н. И. Тургенев в известном трактате «La Russie et les Russes», выпущенном в Париже

---

[1]) Marc Fournier, op. cit., p. 35: «Le colonel Mouravieff penchait pour l'établissement d'une république *slavonne*, mais les soldats de son régiment ne le comprenaient point; ils voulaient bien une république, mais *non sans empereur*. Il leur fallait à toute force un empereur. Leur intelligence n'allait pas au delà». Ср. «La Russie sous Nicolas I-er, par M. Ivan Golovine, Paris, 1845, pp. 26 — 27.

[2]) «Les mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'empire russe». Par M. Frédéric Lacroix, Paris, 1845, pp. 97 — 98. 3-e éd., Paris, 1854). В книге Ф. Лакруа, переведенной в том же году на немецкий и итальянский языки, автором «катехизиса» назван был М. П. Бестужев-Рюмин, разгром восставших рот приписан не ген. Гейсмару, а ген. Роту и т. д.

[3]) «Révélations sur la Russie, ou l'Empereur Nicolas et son empire en 1844». Par un résident anglais. Ouvrage traduit de l'anglais par M. Noblet et annoté par M. Cyprien Robert, t. II, Paris, 1845, p. 56 — 57. Ср. «Das enthüllte Russland oder Kaiser Nikolaus und sein Reich». Nach dem englischen Originalwerk Revelations of Russia, bearbeitet von Adolph Heller, Grimma, 1845, s. 272 — 273. При передаче русских названий местностей в английский текст и оба его перевода вкрались ошибки (напр. «Telessie» вм. Трилесы); автором «катехизиса» обозначен везде М. П. Бестужев-Рюмин.

в 1847 г.[1]). Для оправдания своей концепции событий 1825 г. основоположник либеральной легенды о декабристах старался здесь в такой же степени умалить значение вооруженного восстания на юге, как и итоги работ тайных обществ на севере. Тенденциозно сводя восстание Черниговского полка к случайным актам самообороны подлежавших аресту заговорщиков, не разобравшись даже в некоторых русских публикациях материалов о них и вовсе игнорируя иностранную литературу предмета, знаменитый эмигрант-декабрист освятил своим авторитетом не только упрощенно-официозную трактовку «мятежа» С. И. Муравьева-Апостола, но и ту общую недооценку событий 1825 г. на юге, которая так характерна для всей нашей декабристской историографии дореволюционной поры.

Если русскую литературу о восстании Черниговского полка в течение нескольких десятков лет определяли штампы Н. И. Тургенева, то в историографии западно-европейской об этой части событий 1825 — 1826 гг. наиболее авторитетным источником самых разнообразных свидетельств явились страницы книги J. H. Schnitzler'a «Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825», Paris, 1847. Проживая во время событий 1825 — 1826 гг. в России и будучи хорошо осведомлен о настроениях этой поры, J. H. Schnitzler в живом повествовании о последних этапах революционной работы Южного Общества попытался сочетать записи своего дневника, столичные слухи и первые официальные сообщения о выступлении С. И. Муравьева-Апостола с анекдотами Ансело, обобщениями Лезюра, сентенциями анонимного автора «Revelations of Russia». Неудивительно, что в этой компиляции оказалось не мало противоречий и грубых ошибок, объясняемых излишним пиететом к официальным источникам (напр., появление С. И. Муравьева-Апостола с братом перед восстанием в Житомире объяснялось попыткой скрыться от ареста, о котором они были уже якобы предупреждены; ложными сведениями о давних дружеских отношениях С. И. Муравьева с полковником Гебелем осложнялся эпизод кровавой расправы с последним в Трилесах; движение на Белую Церковь мотивировалось, по рапорту ген. Рота, надеждой на захват сокровищ графини Браницкой; случайные грабежи в Василькове при-

[1]) «La Russie et les Russes», par N. Tourguéneff. Tome 1-er. Mémoires d'un proscrit. Paris, 1847. Перепечатывая, на стр. 369 — 371, выдержки из французского текста «Донесения Следственной Комиссии», посвященные восстанию Черниговского полка, Н. И. Тургенев на стр. 377 заключил свой сравнительный обзор событий на севере и на юге совершенно произвольной сентенцией: «J'en dirai autant des événements du midi, ou l'idee de s'insurger ne naqui que le 29 ou le 30 décembre, après l'arrestation et la délivrance de l'auteur même de l'insurrection». Книга Н. И. Тургенева, переведенная на несколько европейских языков, по-русски напечатана была впервые в «Библиотеке Декабристов», М., 1907 — 1908, вып. 2, 5 и 9. Более тщательным является незаконченное издание «Н. И. Тургенев. Россия и Русские», т. I, перевод Н. И. Соболевского, М., 1915 (о восстании Черниговского полка см. стр. 274 — 275 и сл.). Ср. «La Russie en présence de la crise européenne. Par N. Tourguénieff, auteur de la Russie et les Russes», Paris, 1848, pp. 86 — 93.

писывались разрешению вождей заговора и т. п.). Однако ошибки эти в известной мере компенсировались серьезным отношением Шницлера к самому факту вооруженного восстания на юге и к его революционным лозунгам (чего, напр., вовсе не было у Н. И. Тургенева и его эпигонов), интереснейшими биографическими данными о семье Муравьевых-Апостолов, трезвой оценкой растерянности правительственной агентуры и главного командования в районе событий (позднейшие документальные публикации подтвердили указания Шницлера на причины поручения войск 3-го корпуса цесаревичу Константину), наконец, самой попыткой сгруппировать и осветить накопившиеся за двадцать лет материалы о Васильковских событиях[1]).

В ряду изданий, посвященных историческому прошлому России и выпущенных в значительном числе за границей в пору операций англо-французских войск в Крыму, только дневник доктора Robert L e e «The last days of Alexander and the first days of Nicholas, emperors of Russia», London, 1854, давал хотя и небольшой, но ценный свежестью непосредственных наблюдений материал о ближайших отзвуках восстания Черниговского полка. Автор дневника, состоя в 1824—26 гг. домашним врачом Новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, успел познакомиться с некоторыми деятелями тайных обществ на юге (кн. С. Г. Волконский, М. Ф. Орлов, Г. Олизар), а Белую Церковь посетил через несколько недель после выступления С. И. Муравьева-Апостола. О действиях последнего он внес в свой дневник 30 марта 1826 г. рассказ лица, «близко знавшего некоторых участников восстания, но глубоко враждебного их замыслам» (мы полагаем, что информатором Lee явился А. Н. Раевский, часто встречавшийся с ним в то время). В этом рассказе представляют интерес не столько самые факты восстания и биографические сведения об его участниках, сколько особенности преломления и тех и других данных в высших кругах помещичьей аристократии, непосредственно затронутой «мятежом». [2]) Вторая запись в дневнике доктора Lee, сделанная в

---

[1]) «Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825». Par J. H. S h n i t z l e r, Paris, 1847, tome second, pp. 17 — 35. Одновременно с двухтомным французским изданием (перепечатанным в 1854 г.) вышло четырехтомное брюссельское издание книги Шницлера (о восстании Черниговского полка см. стр. 19 — 39 третьего тома). Запрещенная в России (ср. «Общий алфавитный список», стр. 334), книга получила в 1849 году печатную рекомендацию А. И. Г е р ц е н а в трактате «La Russie» на страницах «La Voix du Peuple», а затем «Vom andern Ufer» («On peut relever certains passages dans les froides compilations de Schnitzler qui ne sont pas exemptes d'une influence officielle». Ср. «Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. V, П., 1919, стр. 306). Отзыв о книге Шницлера, как о «лучшем из повествований иностранных», дан был в труде бар. М. А. К о р ф а «Восшествие на престол императора Николая I», изд. 3-е, СПБ., 1857, стр. VII, а разбор некоторых из его показаний о восстании Черниговского полка вошел в статью М. Ф. Ш у г у р о в а («Русск. Арх.» 1902, т. II, стр. 270).

[2]) «The last days of Alexander and the first days of Nicholas, emperors of Russia». By Robert L e e, M. D., F. R. S. Second edition, London, 1854, p. 108: «There were

той же Белой Церкви 5 августа, посвящена была впечатлениям от только что осуществленного прогнания сквозь строй солдат восставшего Черниговского полка и необычайно ярко рисовала сочувственное отношение к повстанцам украинской и еврейской массы населения местечка [1]).

Бытовые детали дневника Lee, как в свое время документальные сводки «высочайше утвержденного приговора» Могилевской военно-судной комиссии и социально-политические обобщения Лезюра, не оставили никаких следов в позднейшей литературе предмета. Варьируя и сокращая материал J. H. Schitzler'a о восстании Черниговского полка, известная «Historie de la Russie», par A. de Lamartine, Paris, 1855, не могла выдержать сравнения со своим первоисточником [2]), а официозный французский историограф николаевского царствования Alphonse Balleydier, не рискуя при обращении к событиям 1825 — 1826 гг. на юге, делать ссылки на запретное в России издание, должен был ограничиться переложением лишь материала «Донесения Следственной Комиссии» (ср. «Histoire de l'empereur Nicolas», t. I, Paris, 1857, pp. 165 — 168).

Очень характерно, что патетические строки о восстании Черниговского полка в изданном в 1858 г. блестящем агитационном трактате А. И. Герп-

four colonels who would have risen at the same time. Colonel Mouravieff wrote to them from Vasselkoff that it way time to rise. Artamon Mouravieff received this note from his cousin Mouravieff at Vasselkoff, but he did not forward it to the other colonels of artillery. Artamon Mouravieff, who wanted to kill the Emperor, is a bad man. He burnt the paper, so that the colonels of the artillery came and fired upon Mouravieff, though they were in the conspiracy. All three who fired upon Mouravieff are now taken and in the fortress. Mouravieff is a man of character, and now, though he knows he will be shot, behaves like a man of honour. He way led by a fool. The proprety of the nobility would have been destroyed, but not divided, because at first all the civilized part of the nation would have been murdered, and for that reason all this project is horrible in the extreme». Об Ипполите Муравьеве-Апостоле («who did not kill himself, as was reported, but was destroyed by the grapeshot») здесь же передается, что будто бы незадолго до смерти он грозил одному из своих консервативных кузенов: «He said, on quitting St. Petersbourgh, i should not be sorry to sel my father's head on the top of a pike in case of a revolution».

[1]) «1.000 soldiers were drawn up in line, each with a small wand of the shoot of a mit tree, and the prisoners were passed along this line and received a switsch from each soldier. I did not arrive until the punishment had been inflicted, but i saw about 28 of those who had undergone the sentence. They locked pale, but all seemed gay, and some laughing aloud. They were in a small square, formed by soldiers with guns and bayonets, but all were standing, and all marched off the ground without assistance... A gread number of Jews, men and women, were close to the scene of action, many of whom, indeed all, showed their sympathy for the sufferers. The prisoners for the last four months have been stationed in the houses of the Jews, each with a soldier to guard hime» (Op. cit., 158 — 159).

[2]) «Histoire de la Russie». Par A. de Lamartine, Paris, 1855, pp. 371 — 374. Некоторые беллетристические тенденции повествования Ламартина о событиях 1825— 1826 гг. на юге обусловили сокращение фактического материала о восстании Черниговского полка, компенсированное тщательностью передачи биографических и бытовых данных о семействе Муравьевых-Апостолов и его трагической судьбе.

цена «La conspiration russe de 1825» [1]), призванном, казалось бы, навсегда разрушить канон официозных и либеральных писаний о декабристах, были настолько далеки от подлинной исторической обстановки и фактического хода Васильковских событий, что их приходится рассматривать сейчас лишь как своеобразное художественное построение, совершенно сознательно отрешенное от связи с общеизвестными документальными данными. В самом деле, трактуя восстание Черниговского полка как героическую попытку офицеров, принадлежавших к «Обществу Соединенных Славян», освободить с помощью уже якобы «возмущенных» ими «нескольких рот» Черниговского полка арестованных перед тем «Пестеля и некоторых других, стоявших во главе заговора», А. И. Герцен замечал, что «оба брата Муравьевы с некоторыми другими были отбиты, но, к несчастию, Пестеля там уже не было» («Mais malheureusement Pestel n'y était plus»), а заключал свое повествование рассказом о том, как Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин «завладели городом Васильковым и отправились подымать солдат дружественных полков, но около Белой Церкви натолкнулись на дивизию генерала Гейсмара. Завязалась битва...» и т. п.

Полны фактических ошибок были строки о восстании Черниговского полка и в «Примечаниях» М. А. Фонвизина к «Histoire philosophique et politique de Russie par J. Esneaux et Chennechot» [2]), опубликованных в девятом томе лейпцигской «Русской Библиотеки» 1859 г. (перепечатано там же в 1861 г.), и в «Записках» кн. С. П. Трубецкого, появившихся впервые в Лондоне в 1863 г. (дважды перепечатаны в Лейпциге в 1874 г.) [3]).

---

[1]) Впервые опубликовано в «Bulletin de l'Association Internationale», 1858, откуда в том же году перепечатано в Лондоне отдельным изданием и переведено на немецкий и итальянский язык («Die russische Verschworung», Hamburg, 1858; «L'Italia del Popolo», 1858, №№ 51 — 52). В сокращенном переводе на русский язык трактат Герцена включен был в изд. Вл. Бурцева «За сто лет», Лондон, 1897; полный русский перевод этой брошюры впервые появился в Берлине в 1903 г., после чего несколько раз переиздавался в России и за границей (СПБ., 1906; М., 1907; М.-Л., 1926). Ср. «Полн. собр. соч. Герцена», под редакцией М. К. Лемке, т. IX, П., 1919, стр. 136 — 155, и т. XXII. стр. 86 и 106. В своем раннем трактате «Du développement des idées revolutionnaires en Russie» (1851 г.) Герцен вовсе не упоминал о восстании Черниговского полка.

[2]) Например: «Узнав об его [С. И. Муравьева-Апостола] арестовании, все шесть рот полка, собранные в Василькове, поднялись, освободили его»; «Сергей Муравьев принял начальство над 6-ю ротами и повел их к Белой Церкви». Известный интерес представляла для своего времени лишь живо намеченная М. А. Фонвизиным личная характеристика вождя восстания Черниговского полка. Выдержки из этих «Примечаний» о Васильковских событиях включены были в статью М. Ф. Шугурова в «Русск. Арх.» 1871, стр. 257 — 258; критическое же издание всего текста М. А. Фонвизина вошло в кн. «Общественное движение в России в первой половине XIX в.», т. I, СПБ., 1905, стр. 195 — 196.

[3]) Кн. С. П. Трубецкой, отказываясь от передачи всей истории восстания Черниговского полка, ввел в свои «Записки» рассказ только об его начале, но даже эти краткие сведения оказались изложенными очень неточно. Так, судя по запискам С. П.

Не совпадая в конкретных промахах своих случайных упоминаний о выступлении С. И. Муравьева-Апостола, оба былых деятеля правого фланга декабризма с одинаковою безыскусственностью популяризировали в своих писаниях те тенденции снижения исторической значимости Васильковских событий, которые определились еще в концепциях «La Russie et les Russes» Н. И. Тургенева. Усвоение точки зрения последнего на южный отголосок 14 декабря характерно и для труда G. G. Gervinus'a «Geschichte des neunzehnten Jarhunderts seit den Wiener Verträgen», Band VI, Leipzig, 1862, данные которого о восстании Черниговского полка не выходили из рамок «Донесения Следственной Комиссии» [1]).

3.

Разумеется, все перечисленные нами зарубежные издания были бы более богаты реальным материалом о событиях на юге зимою 1825 — 1826 г., если бы они располагали хотя бы одним документом, вышедшим из круга самих участников восстания Черниговского полка. Однако публикация свидетельств этого рода началась только в 1863 г., когда в известной лондонской серии «Записки декабристов» появилась «Белая Церковь» Ф. Ф. Вадковского, сводная мемуарная запись, сделанная «со слов Соловьева, Быстрицкого и Мозалевского» [2]).

Протокольный характер повествования, свободного от всяких художественных прикрас, фиксировал внимание исследователя и читателя на основных этапах похода, впервые освещенного, так сказать, изнутри, а строгая взаимная поверка сообщаемых каждым из информаторов Ф. Ф. Вадковского

Трубецкого, полковой командир «Гербель», получив «в корпусной квартире... приказание арестовать Муравьева-Апостола, поехал в Васильков для исполнения поручения. В полку это уже известно было», и, когда «роты собрались для присяги», «командовавший одною, поручик Суханов остановился на дороге, где должны был проезжать Муравьев и Гербель, и, остановив обоих, не дозволил последнему привести в исполнение данного приказа. Между тем, извещенные ротные командиры привели близ стоявшие роты, и когда полковник Гербель хотел вновь приступить к исполнению своего поручения, нанесли ему шпагами многие раны, а Муравьева принудили принять команду над полком» («Записки декабристов», вып. II и III, Лондон, 1863, стр. 17 — 18. Ср. последнее русское издание этого текста — «Записки князя С. П. Трубецкого», издание его дочери, С.-Петербург, 1907, стр. 38).

[1]) G. G. Gervinus, op. cit., B. VI, s. 170 — 171. Ссылаясь на статьи и материалы, которыми ему пришлось воспользоваться при изложении событий 1825 — 1826 гг. в России (французский текст «Донесения Следственной Комиссии», книга М. А. Корфа, статьи А. И. Герцена), немецкий историк особенно подчеркнул свое внимание к труду «des ehrwürdigen Turgenew (La Russie et les Russes)». Ср. краткую передачу официальных материалов о восстании Черниговского полка в изд. Magnus Jacob von Crusenstolpe «Der Russische Hof von Peter I bis auf Nicolaus I, Band V, Hamburg» 1856, s. 250 — 258.

[2]) «Записки декабристов», вып. 2 — 3, Лондон, Вольная русская типография, 1863, стр. 163 — 181. Текст «Белой Церкви» испещрен опечатками (напр. «Масновиловка» вместо «Мотовиловка», «Рыбановский», «Суханов», «Кушилов», вм. Рыбаковский, Сухинов,

материалов, еще не сглаженных в памяти отдаленностью момента рассказа от времени самих событий (датировать эту запись можно только порою пребывания всех ее составителей на Петровском заводе, т. е. 1830 — 1839 гг.), навсегда обеспечивала за «Белой Церковью» место в первом ряду источников по истории восстания Черниговского полка. Правда, не принадлежа к верхушке заговора, к его руководящему штабу, осведомители Ф. Ф. Вадковского не всегда верно учитывали самую перспективу событий, плохо разбирались в вопросах идеологического и тактического порядка, обнаруживали свою явную непосвященность в планы и расчеты вождей Васильковской управы, в мотивы их оперативных мероприятий в декабрьские и январские дни, наконец, совершенно произвольно исключали из своих сообщений все данные об агитационно-пропагандистской работе, как предшествовавшей восстанию, так и связанной с провозглашением и распространением революционного «катехизиса». И все же, несмотря на целый ряд существенных недочетов, «Белая Церковь» давала гораздо более полноценный материал о восстании Черниговского полка, чем прочие писания на эту тему в русской и зарубежной печати эпохи «великих реформ». Так, несколько страниц, посвященных выступлению С. И. Муравьева-Апостола в официозной «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, empereur de Russie», par Paul Lacroix (Bibliophile jacob), Paris, 1865, представляли собой простой пересказ книги Шнитцлера [1]); регистрация самого факта восстания в русском и немецком изданиях «Записок декабриста» бар. А. Е. Розена, выпущенных в Лейпциге в 1869 и 1870 гг. [2]), основана была на еще более скудных официальных источниках, а первые пропущенные у нас цензурою частные свидетельства о Васильковских событиях свелись к слу-

Кучков), искажены фамилии даже авторов «рассказа» («Быстржицкий» и «Мазолевский» вм. Быстрицкий и Мозалевский). Столь же неисправна перепечатка «Белой Церкви» в «Собрании материалов для истории возрождения России», Лейпциг, изд. Э. Л. Каспрович, т. I, стр. 79 — 94. Подлинная рукопись «Белой Церкви», хранившаяся в архиве Якушкиных, куда перешла «из бумаг Пущина», представляла собою «две с половиною страницы писчего листа, исписанного мелким узорным почерком Вадковского» («Красный Архив», т. X, 1925, стр. 137). Кроме трех деятелей восстания, имена которых названы в подзаголовке «Белой Церкви», нам представляется несомненным участие в «Примечаниях» к ней М. И. Муравьева-Апостола, единственного лица, могущего быть осведомителем Ф. Ф. Вадковского по большинству сделанных здесь фактических указаний и поправок к основному тексту.

[1]) «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, empereur de Russie», par Paul Lacroix (Bibliophile Jacob), Paris, 1865, tome deuxième, pp. 91 — 110; том этот в 1869 г. был переиздан, а в 1877 г. частично (без страниц, посвященных восстанию Черниговского полка) переведен на русский язык. Традиционное внимательное отношение к самому факту восстания на юге характерно и для позднейших французских трудов по русской истории. Ср. «Histoire de la Russie» par Alfred. Rambaud, Paris, 1878, p. 636 и «Histoire de la Russie», par Gaston Créhange, Paris 1896, p. 100.

[2]) «Aus den Memoiren eines Russischen Decabristen», Leipzig, 1869. Ср. бар. А. Е. Розен, «Записки декабриста», Лейпциг, 1870 г., и перепечатку этого издания в 1907 г. в С.-Петербурге, гл. IV, стр. 72 — 73.

чайным заметкам записок Ф. Ф. Вигеля об «ужасном происшествии, бывшем в окрестностях Василькова»[1]), и к беглой характеристике С. И. Муравьева-Апостола и его братьев в мемуарах Н. И. Греча, рассказавшего о давних встречах своих с будущим «исступленным революционером, безумным предводителем шайки мятежников»[2]).

Несравненно более богат свежим фактическим материалом был появившийся в «Русском Архиве» за 1870 г. анонимный мемуарный этюд «И. И. Сухинов. Один из декабристов»[3]), работа, вышедшая из-под пера, как установлено нами, бар. В. Н. Соловьева, товарища И. И. Сухинова по тайному обществу, восстанию Черниговского полка и Читинской каторжной тюрьме. Несмотря на то, что Васильковские события использованы были здесь только как фон для индивидуальной биографии, в попутных указаниях В. Н. Соловьева заключались ценные сведения о таких, например, моментах восстания, как освобождение С. И. Муравьева-Апостола из-под ареста в Трилесах, захват гор. Василькова, неудачная операция под Белой Церковью.

К первым мемуарным публикациям участников восстания Черниговского полка очень скоро присоединились документальные данные об этом же эпизоде, шедшие из враждебного декабристам лагеря. Так, в «Историческом сборнике вольной русской типографии в Лондоне» еще в 1861 г. появились «некоторые выписки из бумаг [ген. А. И.] Михайловского-Данилевского», с исключительной четкостью определявшие грозные для существующего строя перспективы развития «мятежа» (см. далее об этом стр. XXXVI), а в «Русском Архиве» за 1871 г. помещена была М. Ф. Шугуровым целая серия необычайно ценных и в политическом и в бытовом разрезе секретных донесений военных и гражданских властей из района восстания на имя особо уполномоченного по тайному военно-полицейскому розыску на территории 1-й армии генерала-лейтенанта Ф. Г. Гогеля[4]). Официальные рапорты и объяснительные записки, шедшие из штаба 3-го пехотного корпуса с 3 по 10 января 1826 г., объединялись здесь с донесе-

---

[1]) «Русский Вестник» 1865, кн. XII, стр. 151 — 152. Перепечатано в «Записках» Ф. Ф. Вигеля, ч. VII, М., 1893 г., стр. 82,

[2]) «Русский Вестник» 1868, кн. VI, стр. 385 — 387. Перепечатано в «Записках о моей жизни» Н. И. Греча, СПБ., 1886 г., стр. 378 — 381.

[3]) «Русский Архив» 1870, кн. IV—V, стр. 908 — 926. Некоторые критические замечания по поводу этой публикации см. в статье М. Ф. Шугурова в «Русском Архиве» 1902, т. II, стр. 272 — 273, 283. В 1916 г. анонимная биография И. И. Сухинова, неправильно приписанная И. И. Горбачевскому, была перепечатана в приложениях к первому отдельному изданию записок последнего («Записки декабриста И. И. Горбачевского», М., 1916, стр. 218 — 235). Авторство бар. В. Н. Соловьева установлено нами в статье, опубликованной в сборн. «Декабристы», под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, М., 1925, стр. 53 — 54.

[4]) «Бунт Черниговского полка» («Русский Архив», 1871, стр. 257 — 288). Публикация эта связана с позднейшей работой М. Ф. Шугурова по истории восстания Черниговского полка, опубликованной в «Русском Архиве» 1902, т. II, стр. 270 — 302.

ниями специально командированных в Киев, Житомир и Васильков тайных агентов Ф. Г. Гогеля, отчеты которых от 13, 20 и 24 января фиксировали не только те или иные моменты недавних событий, всякого рода слухи и анекдоты с действиях мятежных и правительственных войск, но и отклики на восстание и его лозунги в разных пластах местного населения.

Появление этих документов в «Русском Архиве» послужило толчком для записи воспоминаний о восстании Черниговского полка престарелого М. И. Муравьева-Апостола. Рассказ, записанный с его слов и опубликованный в том же «Русском Архиве» за 1871 г. [1]), оказался, однако, совсем не так содержателен, точен и откровенен, как можно было бы предполагать, учитывая ближайшее участие мемуариста как в самом восстании, так и в предшествовавшей ему работе Южного тайного общества. Многие ошибки М. И. Муравьева-Апостола вызваны были, конечно, почти полувековой давностью восстанавливаемых происшествий [2]), но некоторые особенности самого подхода к последним уже выдавали известную тенденциозность рассказчика и совершенно сознательное извращение им подлинного хода событий. Так, восстание Черниговского полка трактовалось М. И. Муравьевым-Апостолом только как трагическая случайность, как акт неожиданный даже для его инициаторов, как едва ли не стихийная вспышка ненависти офицеров и солдат к полковому командиру [3]). Для утверждения такой концепции событий прежде всего пришлось устранить из «Воспоминаний» все материалы, характеризующие ближайшую связь Васильковского «мятежа» с давними планами вооруженного восстания войск 3-го корпуса, разработанными вождями Южного Общества, с их директивами об усилении агитации и пропаганды среди солдат после Лещинского лагерного сбора осенью 1825 г. Искусственная локализация вопроса потребовала умолчания и об

[1]) «Из воспоминаний М. И. Муравьева-Апостола», «Русский Архив» 1871, кн VI, стр. 229 — 238. Перепечатано, не очень исправно, в книжке «Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма». Предисловие и примечания С. Я. Штрайха, П., 1922, стр. 50 — 56. Об этом издании, равно как и об опубликованных впервые в нем интересных, хотя и необычайно лаконических заметках о некоторых фактах с 24 декабря 1825 г. по 20 января 1826 г., сделанных будущим мемуаристом в крепости, на страницах Евангелия, см. далее, стр. LVI.

[2]) К числу ошибок этого рода следует отнести неправильную датировку («в конце декабря») последних сношений Васильковской управы с Пестелем; обозначение предполагавшейся поездки в Брусилов к П. А. Набокову, как состоявшейся; перенесение в Трилесы встречи с Бестужевым-Рюминым в Любаре и т. д. Ср. замечания об ошибках М. И. Муравьева-Апостола, сделанные М. Ф. Шугуровым («Русский Архив» 1902, т. II, стр. 271 — 272), Л. П. Добровольским («Україна» 1925, № 6, стр. 42), В. В. Мияковским («Рух декабристів на Україні», Харків, 1926, стр. 11 втор. пагин.). О самой роли М. И. Муравьева-Апостола в дни восстания см. обличительные данные «Записок декабриста И. И. Горбачевского», изд. 2, М., 1925, стр. 185.

[3]) «Можно безошибочно сказать, — писал М. И. Муравьев-Апостол, — что будь на месте Гебеля полковым командиром Черниговского полка человек, заслуживающий уважения своих подчиненных и более разумный, не было бы ни возмущения, ни восстания».

организационно-политической значимости поездки С. И. Муравьева-Апостола перед восстанием в Житомир, Троянов и Любар, почему не только появление вождя заговора в этих пунктах, но и вся история его бегства из Любара в Трилесы после извещения о предстоящем аресте рисовалась мемуаристом в мирно-идиллических тонах объезда родственников и знакомых [1]). В связи с этим пришлось, конечно, изменить хронологию и топографию событий, предшествовавших встрече братьев С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов с Гебелем и жандармами, прибытие в Трилесы младших офицеров Черниговского полка (как известно, специально вызванных С. И. Муравьевым) толковать опять-таки как случайность, а революционный «катехизис», оглашенный в Василькове, характеризовать только как текст, в котором де «излагались обязанности воина в отношении к богу и отечеству». Таким образом, постулаты либеральной легенды о декабристах, пущенные в свое время в оборот Н. И. Тургеневым, не только полностью усвоены были безнадежно сломленным годами, декабрьским крахом и сибирской ссылкой М. И. Муравьевым-Апостолом, но и обусловили извращение в его рассказе даже общеизвестных фактов восстания Черниговского полка. Несмотря на то, что эти дефекты воспоминаний совмещались с очень ценными личными характеристиками в них таких деятелей восстания, как С. И. Муравьев-Апостол, А. Д. Кузьмин, с интереснейшими сведениями об укладе внутриполковых отношений в годы, предшествующие «мятежу», с живой и образной передачей таких моментов последнего, как занятие и охрана гор. Василькова, встреча восставших рот с правительственными войсками, ночь под арестом 3 января в трилесской корчме, ограбление пленных и убитых повстанцев и пр., — в литературе о восстании Черниговского полка ближайшим образом отразились не эти красочные и безусловно достоверные детали рассказа М. И. Муравьева-Апостола, а тенденциозные общие построения мемуариста, совпавшие с господствовавшими в нашей декабристской историографии дореволюционной поры особенностями восприятия событий 1825 — 1826 гг. Неудивительно поэтому, что и единственный полемический отклик на воспоминания М. И. Муравьева-Апостола обусловлен был не фальшью основной их концепции, а соображениями личного порядка. Мы имеем в виду страницы «Из записок полковника гвардии А. Г. Гебеля», опубликованные его женою в «СПБ. Ве-

[1]) Эта условная концепция событий, предшествовавших восстанию Черниговского полка, очень давнего происхождения. Она родилась тотчас после ликвидации «мятежа», когда заведомо ложные указания арестованных вождей Васильковской управы на неожиданность и случайность революционной вспышки Черниговского полка должны были, во-первых, отвлечь внимание следственных органов от прочих частей 3-го корпуса и, во-вторых, несколько уменьшить ответственность рядовых участников восстания. Однако обвинительный материал, оказавшийся в распоряжении высшей власти, очень скоро заставил братьев С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов и М. П. Бестужева-Рюмина отказаться от схемы их начальных показаний, тенденциозно воскрешенных в мемуарной публикации «Русского Архива».

домостях» и перепечатанные оттуда в «Русском Архиве» [1]). В этой попытке сына командира Черниговского полка защитить память отца от возможных упреков известную ценность представляли, конечно, не путаные материалы семейных преданий о Васильковских событиях и даже не выписки из формуляра Г. И. Гебеля, а лишь некоторые детали детских впечатлений мемуариста, хорошо запомнившего, например, и панику среди чуждых восстанию элементов городского населения [2]), и внешнюю картину похода революционных рот [3]).

Воспоминания М. И. Муравьева-Апостола, снижая политическое значение Васильковских событий и парализуя тем самым интерес к фактам восстания Черниговского полка нашей историко-революционной публицистики, оказались широко использованными в двух направлениях. Одно из них, представленное историографами либерального лагеря, нашло в этих мемуарах благодарный материал для превращения восстания Черниговского полка в повествование о крестном пути трех братьев Муравьевых-Апостолов. Другое, получившее выражение в возродившихся в 70-х годах официозно-консервативных писаниях о декабристах, цитатами из этих же «воспоминаний», могло прикрыть свою резко обличительную интерпретацию Васильковского «бунта». Эти обе линии нередко сливались и, как доказывает, например, история появления в «Русской Старине» за 1873 г. биографического этюда М. Баласа «С. И. Муравьев-Апостол» [4]), цензурное вмешательство играло в контаминации охранительной и либеральной точки зрения на восстание Черниговского полка очень заметную роль. Так, для того, чтобы обеспечить разрешение на пропуск в печать только что названной специальной работы, ее автору пришлось ограничиться в своей характеристике восстания Черниговского полка простым пересказом воспоминаний М. И. Муравьева-Апостола, а М. И. Семевский в особом редакционном «предисловии» к этим материалам вынужден был указать, что «только полным незнанием своей страны и народа и фантазиями, развитыми чужеземным образованием, можно объяснить тот интересный факт, что человек столь образованный и с прекрасным сердцем, каким обладал

---

[1]) «С.Петербургские Ведомости» 1871, № 176. Перепечатано в «Русском Архиве» 1871, стр. 1717 — 1728. Ср. тесно связанную по своему материалу с публикацией А. Г. Гебеля, но направленную уже против М. Баласа заметку Э. Гебель «Подполковник Гебель. 1825» в «Русской Старине» 1873, кн. VIII, стр. 237 — 241. Дефекты записок А. Г. Гебеля вскрыты в заметках М. Ф. Шугурова («Русский Архив» 1902, т. II, стр. 272).

[2]) «Русский Архив» 1871, стр. 1723 — 1724.

[3]) «Около полудня полк выступил ... Я видел, как он поднимался на гору. На редком из солдат была полная аммуниция; многие все побросали, были и в жидовских и мужицких шапках» (op. cit., стр. 1724).

[4]) «Русская Старина» 1873, кн. V, стр. 653 — 676. В своем очерке М. Балас использовал, кроме печатных источников, некоторые устные разъяснения М. И. Муравьева-Апостола.

С. Муравьев-Апостол, мог вступить на стезю заговорщика и стать в челе мятежников».

Если для редакции «Русской Старины» эта тирада являлась только своеобразной цензурной маскировкой пускаемого в оборот историко-революционного материала, то совершенно всерьез взялись за реставрацию давно, казалось бы, сданных в архив официозных точек зрения на декабрьское движение авторы некоторых «жизнеописаний» военных и гражданских администраторов николаевской поры. Поскольку дело ограничивалось передачей новых документальных и мемуарных свидетельств (напр., упоминания о «верной роте» Черниговского полка в переписке цесаревича Константина Павловича с Ф. П. Опочининым [1]) или данные устной традиции о разгроме мятежников в биографии бар. Ф. К. Гейсмара [2]), своеобразие идеологической позиции публикаторов могло просто не учитываться, но в таком опыте общего обзора событий 1825 г., как одна из глав работы Д. А. Кропотова «Жизнь графа М. Н. Муравьева», политическая установка исследователя имела несравненно большее значение, чем его же фактический материал. Проблемы исторического декабризма, к пересмотру которых приступил Д. А. Кропотов на страницах «Русского Вестника» за 1874 г., обусловили необходимость новой характеристики и восстания Черниговского полка [3]). Однако вместо самостоятельной проработки хотя бы старого печатного материала, агиограф М. Н. Муравьева-Виленского ограничился изложением лживых реляций о «мятеже» в приказах начальника главного штаба от 8 и 10 января 1826 г., в своей фактической части анулированных, как известно, последующими правительственными же сообщениями. Самая возможность подобной фальсификации событий декабристской истории свидетельствовала, с одной стороны, об известной недобросовестности исследователя [4]), с другой — о совершенном незнакомстве даже квалифицированного читателя, для которого работа Д. А. Кропотова предназначалась, с основными фактами заговора и восстания 1825—1826 гг. Последнее обстоятельство не должно представляться сейчас особенно странным. Даже такой официально-тенденциозный документ, как «Донесение Следственной Комиссии», уже через несколько лет после своего опубликования усвоил, по самому материалу своему, функции политпросветительного порядка, распространялся в списках, из-

[1]) «Русская Старина» 1873, кн. IX, стр. 375.

[2]) Бар. В. Гейсмар, «Барон Федор Климентьевич Гейсмар» («Русская Старина» 1881, кн. XII, стр. 732 — 733). В этом очерке жизни и деятельности фактического усмирителя восстания Черниговского полка большого внимания заслуживает свидетельство (восходящее, вероятно, к рассказам самого Ф. К. Гейсмара) о попытке солдат конно-артиллерийской роты отказаться от стрельбы по мятежникам.

[3]) «Русский Вестник» 1874, кн. I, стр. 52. Перепечатано без перемен в книге «Жизнь графа М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени до назначения его губернатором в Гродно», СПБ., 1874, стр. 179.

[4]) М. Ф. Шугуров, разбирая промахи рассказа Д. А. Кропотова о восстании Черниговского полка, должен был констатировать в нем «совершенное отсутствие исторической правды» («Русский Архив» 1902, т. II, стр. 274 — 277).

под полы, как своеобразная нелегальщина, и заново дозволен был цензурою только в 1881 г., в дни «диктатуры сердца».

4.

Успехом, выпавшим на долю простой перепечатки в «Русском Архиве» за 1881 г. материала «Донесения Следственной Комиссии»[1]), лучше всего, пожалуй, характеризуется тупик, в котором оказалась легальная декабристская историография к моменту полувекового юбилея восстания 1825 г. Ни один справочник, если не считать запрещенного в России «Annuaire historique» Лезюра, ни один общий исторический труд или специальные мемуары не могли еще дать бо́льшего материала о работе Южного тайного общества и восстании Черниговского полка, чем страницы официального «Донесения». Однако уже через год после перепечатки последнего, на страницах того же «Русского Архива» появились «Записки неизвестного из Общества Соединенных Славян», специально посвященные деятельности революционных организаций в районе 3-го корпуса и восстанию Черниговского полка. Автором этих записок, совершенно исключительных по богатству своего фактического материала и блеску его экспозиции, был, как удалось установить П. И. Бартеневу немедленно по их напечатании, И. И. Горбачевский, один из виднейших деятелей Общества Соединенных Славян, сохранивший свое ответственное положение в тайной организации и после подчинения ее Васильковской управе Южного Общества.

Принимая ближайшее участие в подготовке восстания войск третьего корпуса и хорошо осведомленный о положении дел в его районе осенью и зимою 1825 года, И. И. Горбачевский первый поставил Васильковские события в непосредственную связь с общим планом вооруженного выступления Южного Общества, с проводимой ячейками последнего в дни Лещинского лагерного сбора и междуцарствия революционной агитацией и пропагандой. Провал восстания, «надолго удаливший Россию от того благоденствия, которое ей обещало сие благородное усилие людей истинно благомыслящих», И. И. Горбачевский объяснял не традиционными ссылками на беспочвенность или случайность самого акта, а неудовлетворительными методами организационной и пропагандистской работы Южного Общества, рыхлостью его руководящего состава, грубыми стратегическими и тактическими ошибками С. И. Муравьева-Апостола, предательством и малодушием заговорщиков, занимавших ответственные командные посты в соседних воинских частях и, тем не менее, не оказавших обещанной поддержки мятежникам[2]).

[1]) «Русский Архив» 1881, т. II, стр. 277 — 336.

[2]) «Русский Архив» 1882, кн. I и II. Первое отдельное издание «Записок И. И. Горбачевского» появилось в 1916 году (редакция Б. Е. Сыроечковского); в 1925 г. вышло «издание второе, дополненное и исправленное». Много ценных замечаний о восстании Черниговского полка и его участниках заключалось в опубликованном впервые в газ. «День» 1913 г., № 306, и более исправно перепечатанном в приложениях к отдель-

Эта точка зрения на восстание Черниговского полка, правильно учитывая некоторые частные факторы его провала, грешила, однако, в такой же степени, как и писания антагонистов И. И. Горбачевского, забвением о сновной причины неудачи «мятежа» — неясности его социальной ориентировки, той роковой, но характерной даже для левого крыла декабристов, боязни открыто опереться на крестьянскую массу, вне которой лозунги «Русской Правды» не могли, конечно, рассчитывать на серьезный успех. Проблема классовой базы восстания была в записках И. И. Горбаческого фактически подменена острой трактовкой вопроса о «верхах» и «низах» заговора, причем все выявленные мемуаристом дефекты революционной работы в войсках 3-го корпуса оценивались как естественный результат идеологических и тактических разногласий «южан» и «славян», «аристократов» и «демократов», механически спаянных Лещинским блоком. На диктатуру «южан», установившуюся в результате этого блока, И. И. Горбачевский возлагал ответственность и за неудачу восстания Черниговского полка. Детально, день за днем восстанавливая ход событий, умело комбинируя общие отчеты об операциях революционных и правительственных войск с индивидуальными характеристиками участников заговора, с тонкими бытовыми зарисовками, с меткими соображениями и оценками социально-политического и военно-оперативного порядка, И. И. Горбачевский в блестящую художественную форму облек не только обычный материал лично заостренного мемуарного повествования, но и результаты известной исследовательской работы. Так, для страниц, непосредственно посвященных восстанию, И. И. Горбачевскому пришлось произвести специальный опрос ближайших участников и очевидцев событий (сам он таковым, как известно, не был и описание тех или иных этапов мятежа произведено было им на основании легко выделяемых сейчас из «Записок» рассказов В. Н. Соловьева, А. Е. Мозалевского, А. А. Быстрицкого, Андреевича 2-го), заняться критической оценкой и сводкой этих показаний, их сопоставлением с материалом «Донесений Следственной Комиссии», «Сенатских Ведомостей» и ранних приказов начальника главного штаба. Эта работа выполнена была мемуаристом не позже первой половины сороковых годов, т. е. в условиях довольно благоприятных для перекрестного допроса большинства свидетелей описываемых происшествий. Тем не менее, анализ «Записок» показывает, что, внимательно учитывая рассказы и соображения своих товарищей по Обществу Соединенных Славян, И. И. Горбачевский в самой малой степени воспользовался

ному изданию записок, письме И. И. Горбачевского к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 г. (стр. 339—375), а также в «Двух рассказах И. И. Горбачевского в передаче П. И. Першина-Караксарского» («Истор. Вестн.» 1908, кн. XI, стр. 537—569). Критическая литература о записках И. И. Горбачевского, как историческом источнике, ограничивается до сих пор лишь несколькими общими соображениями Б. Е. Сыроечковского в его ценной вводной статье ко второму изданию (стр. 27—34) и В. В. Мияковского в его кратком обзоре основных материалов о восстании Черниговского полка («Рух декабристів», Харків, 1926, стр. 6—9 втор. пагин.).

материалом, который ему могли бы в это же время предоставить ссыльные члены Южного Общества (напр., М. И. Муравьев-Апостол, А. З. Муравьев, И. С. Повало-Швейковский, В. К. Тизенгаузен). Эта «партийность» мемуариста, отражающая глубокое разочарование после декабрьского краха «славян» в их старших товарищах по революционной работе, обусловила ряд неточностей, ошибок и даже явно тенденциозных упущений в характеризуемых нами «Записках». Так, ограниченный кругом своих осведомителей, рядовых участников мятежа, И. И. Горбачевский с их точки зрения только и рассматривал все этапы развертывающихся событий. Из картины восстания выпала поэтому работа его руководящего ядра; деятельность С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина оказалась заслоненной выступлениями И. И. Сухинова, А. Д. Кузьмина, В. Н. Соловьева. Причины тех или иных маневров, изменения тех или иных оперативных планов и распоряжений приходилось восстанавливать по догадкам, порой мало убедительным и наивным. Вовсе не нашлось места в повествовании И. И. Горбачевского данным о пропаганде «южан» осенью 1825 г. среди солдат бывш. Семеновского полка; случайными упоминаниями ограничились сведения «Записок» о знаменитом «катехизисе». Много неточностей и, пожалуй, прямых измышлений можно установить в страницах, посвященных командировке А. Е. Мозалевского в дни восстания в Киев; резко разошелся с подлинным ходом событий материал И. И. Горбачевского о попытке «славян» поднять на помощь черниговцам Полтавский пехотный полк в Бобруйске [1]). Наконец, при оценке «Записок», как исторического источника, приходится постоянно учитывать чисто художественные тенденции И. И. Горбачевского к возможно более красочной и драматической передаче фактического материала, для чего в повествование введены были им искусно построенные, по методам античных жизнеописаний, археологов-беллетристовъ школы Бартелеми и русских их подражателей карамзинской эпохи, программные речи, размышления, сентенции и даже целые диалоги действовавших в описываемых событиях исторических лиц. По определенным художественным образцам оживляя словесную ткань своих мемуаров, И. И. Горбачевский и в приемах идеологического заострения их не был свободен от литературных воздействий. По крайней мере, вся выдвинутая в «Записках» концепция истории Общества Соединенных Славян и его краха после восстания Черниговского полка обнаруживает такую связь с схемой возникновения, расцвета и гибели «Секты Пифагорейцев» в известной книге Бартелеми «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce» (chap. LXXV) [2]), что даже некоторые основные положения И. И. Горбачевского

[1]) Эпизод этот относился к 6 февраля 1826 г., а не к дням выступления С. И. Муравьева-Апостола, как утверждали «Записки»; полковник В. К. Тизенгаузен, которого мемуарист заставил, для вящшего посрамления «южан», играть крайне неблаговидную роль в Бобруйском восстании, в действительности еще за месяц до того был арестован и отвезен в Петербург и т. п.

[2]) Учет известного к началу 1820-х годов в России материала о «Секте Пифагорейцев»

приходится принимать с большими ограничениями, постоянно учитывая особенности их полемического назначения и условной художественной структуры.

5.

Публикация «Записок» И. И. Горбачевского в «Русском Архиве» за 1882 г. прошла незаметно, и воздействие, оказанное этим материалом на всю декабристскую историографию последних лет, ни в какой связи с его ранней оценкой не находится. В течение почти четверти века «Записки» Горбачевского в общей исторической литературе просто не замечались, и даже в специальных писаниях о восстании Черниговского полка первый опыт использования их показаний может быть датирован только 1905 годом. Если историографов либерального и консервативного лагеря легко заподозрить здесь в нарочитом замалчивании данных о левом фланге южного декабризма, то печать революционная — подпольная и эмигрантская — не откликнулась на новые материалы о Васильковских событиях, конечно, только потому, что вовсе не была о них осведомлена; старые же публикации позволяли смотреть на восстание в 1-й армии как на эпизод незначительный и случайный. И действительно, несмотря на то, что в агитационно-пропагандистской литературе второй половины XIX и начала XX столетия уделялось

очень многое проясняет в дошедших до нас рассказах и документах об Обществе Соединенных Славян. Однако, даже прямое признание П. И. Борисова в Петербургской Следственной Комиссии о «правилах» какой-то «Питагоровой секты», положенных в основание организации «Соединенных Славян» («Восстание декабристов», т. V, стр. 39 и 52) до сих пор по существу проверено не было и вызывало ассоциации либо с карбонарской вентой «Свободных Пифагорейцев» в Неаполе (В. И. Семевский, «Политические и общественные идеи декабристов», СПБ., 1909, стр. 311 — 312), либо с «Пифагорейским Союзом VI столетия до Р. Х.» (М. В. Нечкина, «Общество Соединенных Славян», М., 1927, стр. 20 — 21). Между тем, как нами установлено, «Правила Соединенных Славян» представляли собою несомненный сколок с известного памятника французской революционной литературы, опубликованного в России без имени автора (участника «Заговора равных» Сильвена Марешаля) под названием «Пифагоровы законы и нравственные правила» (перевод В. Сопикова, СПБ., 1808 г.), а первый историк Общества Соединенных Славян, И. И. Горбачевский, построил свою работу по схеме истории пифагорейцев в популярной книге J. J. Barthélemy. Последняя известна могла быть И. И. Горбачевскому или в оригинале (переизданном в 1820 г. в Париже), или в русском переложении соответственной главы, опубликованной И. И. Давыдовым под названием «Секта Пифагорейцев» («Вестн. Европы», 1819, № 9, стр. 28 — 43). И действительно, стилизуя всех членов организации «Соединенных Славян», формы их объединения и круг философско-политических интересов по типу «пифагорейцев» Бартелеми-Давыдова, И. И. Горбачевский заставил «южан» играть в своем повествовании роль тех «людей сильных и богатых», которые, «быв приняты» в демократическую общину Пифагора, дискредитировали ее и погубили. Самая судьба пифагорейцев, одна часть которых «погибла на войне, вкусив славную смерть за сограждан», а другая оказалась в изгнании, давала благодарный материал для аналогий с трагическим концом деятелей восстания Черниговского полка и, казалось, оправдывала заимствование у Бартелеми всей его схемы.

не мало места популяризации дела 14 декабря и исторической миссии его участников, ни в одной из прокламаций, трактовавших подобные темы, от «Народной Расправы» Бакунина и Нечаева в 1869 г. до листовок «Памяти декабристов» Киевского комитета Р.С.Д.Р.П., распространявшихся в 1902 и 1903 гг. как раз в тех самых местах, где семьдесят пять лет назад появились «катехизисы» С. И. Муравьева-Апостола, мы не найдем даже случайных ссылок на факты восстания Черниговского полка [1]). Между тем, самый объем новых документальных и мемуарных данных о нем все более и более расширялся. Трудно было говорить о беспочвенности восстания и отсутствии у его вождей всяких шансов на успех после публикации в 1882 г. таких тревожных откликов на первые вести о Васильковских событиях, как письмо императора Николая к главнокомандующему 1-й армией графу Ф. В. Сакену от 6 января 1826 г., как его же резолюции на докладе начальника главного штаба от того же числа [2]), а в особенности после переиздания в 1890 г. записок А. И. Михайловского-Данилевского, необычайно четко охарактеризовавшего остроту социально-политической ситуации на Украине и в Новороссии в момент выступления революционных рот С. И. Муравьева-Апостола и, со слов непосредственных участников подавления мятежа, подчеркнувшего рискованность операций правительственных войск и известную случайность их удачи [3]).

В аспекте фрондирующих украинских дворянских гнезд обильный интимно-биографический и социально-бытовой материал о С. И. Муравьеве-Апостоле и его братьях давали воспоминания С. В. Скалон (урожд. Капнист), опубликованные в «Историческом Вестнике» за 1891 г. [4]). Записки Густава Олизара («Pamietniki 1798 — 1865 г.»), вышедшие в свет в Львове в 1892 г. и частично переведенные в «Русском Вестнике» за 1893 г. [5]),

---

[1]) Ср. «Издание Общества Народной Расправы. Лето 1869», № 1, стр. 7 — 9 и «Революціині відозви про декабристів», перепечатанные В. Мияковским в сборн. «Декабристи на Україні», К., 1925, стр. 188 — 198.

[2]) «Русская Старина» 1882, кн. VII, стр. 204 — 205. Письмо Николая I к графу Ф. В. Сакену, опубликованное здесь по черновому отпуску или копии, воспроизведено было с подлинника в «Русском Архиве» 1884, кн. III, стр. 242 — 243 (см. стр. 329 — 330 нашего издания). Докладная записка И. И. Дибича и царская резолюция на ней более исправно напечатаны были Б. Е. Сыроечковским в сборнике «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи», Л., 1926 г., стр. 238.

[3]) «Русская Старина» 1890, кн. XII, стр. 719; кн. XI, стр. 496 — 497; впервые опубликовано в «Историческом сборнике вольной русской типографии в Лондоне», кн. II, 1861 г., стр. 93 — 102. В основе рассказа А. И. Михайловского-Данилевского о разгроме Черниговского полка (см. перепечатку этого места на стр. 335 нашего издания) лежат сведения, полученные им от подполковника И. И. Левенштерна, одного из активнейших участников операции под Ковалевкой. Ср. «Eduard von Löwenstern und die Dekabristen, Gebrüder Murawjew-Apostol («Baltische Monatsschrift» 1911, октябрь, стр. 192 — 205).

[4]) «Исторический Вестник» 1891, кн. VI, стр. 613 — 625.

[5]) «Pamietniki 1798 — 1865 Gustava Olizara z przedmowa S. Leszczyca», Lwow.

сохранили несколько ценных свидетельств об отзвуках Васильковских событий в Коростышевской усадьбе мемуариста (через имение Г. Олизара проезжал М. П. Бестужев-Рюмин, пытаясь наладить связь с Алексопольским пехотным полком и пробраться к Новоград-Волынску) и прекрасно характеризовали нейтрально-выжидательную позицию либеральных польских землевладельцев в дни восстания Черниговского полка. Настроения в это же время штаба 3-го пехотного корпуса нашли отражение в опубликованных в 1897 г. «Воспоминаниях генерал-майора В. А. Докудовского» [1]), исполнявшего как раз в пору восстания обязанности адъютанта корпусного командира Л. О. Рота и явившегося затем участником операции «по транспортировке» из Белой Церкви в Петербург арестованных С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов и М. П. Бестужева-Рюмина [2]). Особенно любопытными в писаниях В. А. Докудовского следует признать, во-первых, некоторые конкретные подтверждения общих положений А. И. Михайловского-Данилевского о перспективах «мятежа», во-вторых, четкие портретные зарисовки его вождей и ликвидаторов, наконец, в-третьих, невольно выявленные мемуаристом и близкие, очевидно, офицерской массе 3-го корпуса в такой же степени, как и либеральным помещикам юго-западного района, тенденции известного нейтралитета в оценке развертывавшихся событий.

Очень невелик, но свеж и авторитетен был материал о восстании Черниговского полка в «Автобиографических записках» А. Д. Боровкова, правителя дел Петербургского Комитета для следственных изысканий о злоумышленных обществах. Характеристики С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина, А. З. Муравьева, сделанные мемуаристом на основании знакомства с их показаниями — устными и письменными, — давали ценные дополнительные штрихи к прежним свидетельствам о таких моментах событий, как получение будущим вождем восстания известия о его предстоящем аресте, как появление Андреевича 2-го в Любаре, как

1892. Перевод и переложение страниц, относящихся к восстанию Черниговского полка, даны А. Ф. Копыловым в «Русском Вестнике» 1893, кн. IX, стр. 114 — 116. Ср. Н. Суровцева. «Олізар і його відношення до декабристів» («Наук. Записки наук. дослід. катедриторіі Українськоі культури» 1927, № 6, стр. 145 — 161).

[1]) «Воспоминания генерал-майора В. А. Докудовского», Рязань, 1898, стр. 23 — 41, оттиск из «Трудов Рязанской ученой архивной комиссии» 1897, т. XII.

[2]) «Надо правду сказать, — писал В. А. Докудовский, — что и самые наши власти, начиная с Петербурга и кончая Житомиром, таки достаточно струхнули при возмущении целого полка, предполагая, что примеру его и другие последуют, особенно те полки, командиры коих были арестованы и увезены в Петербург. Но сего, к счастию, не случилось». Очень ценны заметки мемуариста о С. И. Муравьеве-Апостоле и М. П. Бестужеве-Рюмине, о командире 3-го пехотного корпуса генерала-лейтенанте Л. О. Роте, начальнике его штаба князе М. Д. Горчакове и других чинах главной квартиры 3-го корпуса. Не менее колоритны страницы, посвященные отправке захваченных вождей восстания в Петербург (стр. 33) или объезду генералом Ротом 8-й пехотной дивизии для разведки «о духе оставшихся офицеров и самих солдат» (стр. 38 — 39).

последняя попытка уже раненого С. И. Муравьева-Апостола повести Черниговский полк в наступление [1]).

Весьма характерными для историко-революционного фольклора следует признать анекдотические сведения о восстании Черниговского полка, нашедшие себе место в мемуарах волынского шляхтича, а впоследствии знаменитого польского повстанца и генерала турецкой службы Мих. Чайковского, в записках подпоручика 50 егерского полка Н. В. Веригина и в дневниках двух петербургских сановников — П. Г. Дивова и Г. И. Вилламова [2]). Последние источники не только, однако, вводили в оборот новые легендарные детали Васильковских событий. Они живо и непосредственно отражали тревожные отклики верхов правящего класса на неожиданные вести о новом восстании, позволяли совершенно точно установить место, время и сферу как возникновения, так и распространения тех или иных толков и анекдотов о действиях революционных рот Черниговского пехотного полка.

На фоне этих мемуарных отголосков выступления С. И. Муравьева-Апостола особое значение получал помещенный в «Русской Старине» за 1899 г. архангельский экземпляр циркулярного распоряжения министерства внутренних дел от 11 февраля 1826 г. о розыске поручика И. И. Сухинова и одиннадцати нижних чинов Черниговского полка, скрывшихся после ликвидации восстания [3]). Циркуляр этот, явившись в печати первой официальной информацией об именах солдат — активных участниках «мятежа», не утратил известного интереса и после публикации в «Русском Архиве» за 1902 г. новой серии бумаг генерал-лейтенанта Ф. Г. Гогеля «О бунте Черниговского полка» (всего шестнадцать документов, за время с 9 января по 20 марта 1826 г.) [4]), в которых вопросы агитации и пропаганды декабристов среди нижних чинов 8-й пехотной артиллерийской бригады разрешены были экспозицией таких никому ранее недоступных источников, как переписка главнокомандующего 1-ю армиею генерала-от-инфантерии графа Ф. В. Сакена

---

[1]) «Русская Старина» 1898, кн, XI, стр. 338 — 339.

[2]) «Русская Старина» 1895, кн. XII, стр. 160 — 161; 1893, кн. III, стр. 609 — 611, 1897, кн. III, стр. 471 — 472; 1899, кн. III, стр. 669 — 670. Дневник Г. И. Вилламова точно устанавливал дворцовый генезис известного анекдота Лезюра и Ансело о солдатах восставшего Черниговского полка, якобы требовавших разъяснений у С. И. Муравьева-Апостола, кто будет царем в провозглашенной славяно-русской республике. (см. выше стр. XIX). Не менее любопытна была локализация опасений П. Г. Дивова, фиксировавшего 20 января, вслед за вестями о восстании Черниговского полка, толки о «возмущении еще нескольких полков, в том числе военных поселений на Украине» («Русск. Стар.» 1897, кн. III, стр. 472).

[3]) «Русск. Стар.» 1899, кн. VI, стр. 586. Об этом циркуляре см. стр. 342 наст. издания.

[4]) «О бунте Черниговского полка. Посмертная статья М. Ф. Шугурова» («Русск. Архив» 1902, т. II, стр. 270 — 302). Первая серия бумаг генерал-лейтенанта Ф. Г. Гогеля опубликована была М. Ф. Шугуровым в «Русском Архиве» за 1871 год (см. выше стр. XXVIII).

с командиром 3-го корпуса генерал-лейтенантом Л. О. Ротом и цесаревичем Константином Павловичем, снабженная точными копиями некоторых рапортов Могилевской и Бело-Церковской военно-судных комиссий о показаниях И. И. Сухинова, бар. В. Н. Соловьева, А. Ф. Фурмана, Игнатия Ракузы (от 12 февраля, 6 и 7 марта 1826 г.), выписками из следственных дел С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина (сношения с солдатами бывшего Семеновского полка), особыми инструкциями по тайному военно-полицейскому розыску в районе восстания и донесениями секретных агентов о «нравственном состоянии» после декабрьских и январских событий «соседственных» войсковых частей. В дореволюционной литературе о восстании Черниговского полка, если не считать «Записок» И. И. Горбачевского, не было публикаций более широких по охваченному в них фактическому материалу, более ответственных и авторитетных по своим заключениям, чем обе серии документов фонда генерала Ф. Г. Гогеля. Вся работа по подготовке этих бумаг к изданию осуществлена была М. Ф. Шугуровым, — исследователем, связавшим свое имя не только с введением в научный оборот некоторых розыскных и судебно-следственных данных о восстании Черниговского полка, но и с первым опытом критического обзора важнейших прежних писаний на эту тему. Однако, в виду того, что историографический этюд М. Ф. Шугурова, так же, как и собранный им документальный материал, приготовлен был к печати почти за тридцать лет до своей публикации (последние ссылки вводной статьи на литературу предмета относились к началу 1874 года)[1]), а из старых свидетельств и оценок оказались недоступными автору почти все зарубежные издания (в том числе «Annuaire» Лезюра, «Белая Церковь» Ф. Ф. Вадковского, «La Russie et les Russes» Н. И. Тургенева, исторические фельетоны А. И. Герцена), значение первого критико-библиографического обзора данных о восстании Черниговского полка свелось к выявлению промахов, пробелов и противоречий довольно случайных по самому своему подбору источников (мемуары М. И. Муравьева-Апостола, записка барона В. Н. Соловьева об И. И. Сухинове, воспоминания А. Г. Гебеля, обзоры J. H. Schnitzler'a и Д. А. Кропотова).

В том же году, когда увидели свет материалы архива генерала Ф. Г. Гогеля, полностью напечатан был в книге профессора Теодора Шимана «Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I. Neue Materialen veröffentlicht und eingeleitet von Theodor Schiemann» (Berlin, 1902), известный до тех пор лишь в кратком пересказе и цитатах «Донесения Следственной Комиссии» подлинный текст «Православного Катехизиса» С. И.

[1]) Причины поздней публикации материалов и статьи М. Ф. Шугурова не были оговорены редакцией «Русского Архива». Точная дата этой работы, задержанной, вероятнее всего, в силу цензурных препятствий, устанавливается нами по характеру ссылок на литературу предмета: статья П. В. Анненкова во второй книжке «Вестника Европы» за 1874 г. названа М. Ф. Шугуровым «недавней», а изданная в конце того же года книга Д. Кропотова «Жизнь графа М. Н. Муравьева» определена как «имеющая вскоре выйти в свет» (см. «Русский Архив 1902, т. II, стр. 273 — 277).

Муравьева-Апостола[1]). Судьбу же аудитории последнего позволяла уяснить приведенная в статье Е. Г. Вейденбаума «Декабристы на Кавказе» (1903) выписка из отношения начальника главного штаба от 7 марта 1826 г. к командиру отдельного Кавказского корпуса о распределении солдат раскассированного Черниговского полка по тем частям действующей армии, «коим преимущественно пред прочими предстояло усмирять горцев силою оружия»[2]).

6.

Публикации М. Ф. Шугурова и Theod. Schiemann'a, подводя определенную документальную базу под некоторые страницы повествования И. И. Горбачевского, должны были бы, казалось, окончательно вскрыть несостоятельность всех прежних ходовых концепций восстания Черниговского полка. Однако, как доказывает обследование специальной литературы предмета, новый актовый и мемуарный материал в течение еще долгого времени не оказывал никакого влияния на авторов сбщих исторических характеристик декабрьских событий 1825 г. на юге[3]). Совершенно не учел показа-

[1]) Книга T. Schiemann'a в 1906 г. вышла вторым изданием, под заголовком «Zur Geschichte der Regierung Pauls I und Nikolaus I». Кроме текста «Православного Катехизиса» в обоих изданиях сборника печатался очень неточный «Рассказ очевидца об арестовании в 1825 г. Муравьева [Александра Захаровича] и Муравьева-Апостола» (стр. 363 — 366), записанный в Киеве со слов, очевидно, жандармского офицера Ланга.

[2]) «Русская Старина» 1903, кн. VI, стр. 501.

[3]) Очень характерно, что едва ли не все общие курсы русской истории, независимо от направления, представляемого их авторами в историографии, независимо от даты их составления и особенностей назначения, или вовсе игнорировали, упоминая о декабрьских событиях 1825 г., факт восстания Черниговского полка, или ограничивались простой регистрацией последнего. См. напр., В. О. Ключевский, «Курс русской истории», ч. V, П., 1921 (перепечатка литографированного издания лекций 1883 — 1884 г.); С. Ф. Платонов, «Лекции по русской истории», изд. 10-е, П., 1917; М. В. Довнар-Запольский, «Обзор новейшей русской истории», т. I К., 1912; А. А. Корнилов, «Курс истории России XIX в.», ч. II, М, 1912; изд. 2-е, М., 1918; М. Н. Покровский, «Русская история с древнейших времен», изд. т-ва «Мир», т. IV, М., 1914 (перепечатано без перемен, в 6-м изд., т. III. Л., 1924). Ср. его же «Русскую историю в самом сжатом очерке», М., 1920 (6-е стереотипное издание, Л., 1925, стр. 117). В наиболее распространенных справочных изданиях мы наблюдаем не менее небрежное отношение к материалу о Васильковских событиях. Так, например, ни одним словом не отмечено участие Черниговского полка в событиях 1825 — 1826 гг. в специальной справке, посвященной историческому прошлому этого полка в «Энциклопедии военных и морских наук» под главной редакцией ген.-от-инфант. Леера, т. VIII, СПБ., 1897, стр. 278. Совершенно был извращен реальный ход восстания Черниговского полка в данных о декабристах «Энциклопедического Словаря», изд. Брокгауз-Ефрон (т. 23, стр. 119); тем не менее, именно эти строки впоследствии перепечатаны были, без указания источника, в «Энциклопедическом Словаре» т-ва бр. А. и И. Гранат и К° (изд. 7-е, т. 18, стр. 151). С существенными фактическими ошибками зарегистрированы были Васильковские события и в справке В. Я. Богучарского для «Нового Энциклопедического Словаря», изд. Брокгауз-Ефрон, т. 15, стр. 771.

ний записок И. И. Горбачевского и сводок Ф. Г. Гогеля даже такой знаток декабризма, как Н. К. Шильдер, автор монументальной монографии «Император Николай I, его жизнь и царствование», вышедшей в свет в 1903 г. Несмотря на широкий доступ к первоисточникам, официозной историк в такой же мере пренебрег основным архивным материалом о восстании Черниговского полка, как и новейшими печатными данными, оживив свое изложение традиционных версий Васильковских событий лишь двумя ссылками на упоминания о них в неизданной тогда еще переписке Николая I с цесаревичем Константином, да случайным автографом замечаний начальника штаба 1-й армии бар. К. Ф. Толя о неудовлетворительности действий против мятежников войск 4-го пехотного корпуса [1]). Известный интерес представляло еще замечание Н. К. Шильдера о близости «Катехизиса» С. И. Муравьева-Апостола «по цели и по духу» петербургским солдатским прокламациям 1820 г., но оценить это указание по существу едва ли было возможно, ибо прокламации, о которых шла речь, даже специалистам были известны только по краткому официальному пересказу, а самый текст «Катехизиса» заменяла в книге осторожная сентенция, что документ этот, благодаря своему «содержанию», «и теперь не может быть воспроизведен в печати» (стр. 368).

Если отказ Н. К. Шильдера от широкой трактовки данных восстания Черниговского полка обусловлен был некоторыми специфическими особенностями назначения книги и необходимостью выпустить ее в свет в исключительно тяжелых условиях цензурно-полицейского зажима русской легальной печати, то вовсе не могло быть оправданий подобного рода у деятелей нашей революционной эмиграции, освещавших и разрабатывавших за рубежом те же исторические темы. Между тем, о вооруженном восстаниии в первой армии заграничная историко-революционная печать конца XIX — начала XX века или просто не упоминала, или ограничивалась пересказом старых фельетонов А. И. Герцена. Так, вовсе никаких сведений о Васильковских событиях не найдем мы в многократных переизданиях необычайно популярной у нас до недавнего времени «Истории революционного движения в России» А. Туна. Этот характерный пробел немецкого оригинала, опубликованного впервые в Лейпциге в 1883 г., не был устранен ни марксистской редакцией перевода книги (Г. В. Плеханов и В. И. Засулич) в 1903 г., ни народнической ее обработкой (Л. Э. Шишко) в 1904 г. Более тщательно подобран был материал о декабрьском восстании в сборнике «За сто лет», изданном В. Л. Бурцевым и С. И. Кравчинским в Лондоне в 1897 г. В первую, хрестоматийную часть

[1]) Н. К. Шильдер, «Император Николай I», т. I, СПБ., 1903, стр. 365—368 и 527 — 528. Из переписки императора Николая с цесаревичем Константином использованы были высказывания от 5 и 10 января 1826 г. В бумаге (стр. 337 и 798), адресованной ген. К. Ф. Толем 2 января 1826 г. на имя начальника штаба 4-го корпуса ген. А. И. Красовского, очень любопытны соображения о том, что против мятежников «сила оружия должна быть употреблена без всяких переговоров».

этого сборника входил перевод на русский язык знаменитого «La conspiration russe de 1825» А. И. Герцена (о восстании Черниговского полка см. стр. 13 и 6), а во второй, *био-библиографической*, были сконцентрированы сведения о важнейших документальных и мемуарных публикациях (о Васильковских событиях см. стр. 12, 15—16 втор. пагин.). Очень, однако, показательно, что фактические ошибки повествования Герцена нигде здесь оговорены не были [1]), в библиографическом перечне пропущен был такой основной для истории выступления С. И. Муравьева-Апостола документ, как приговор по делу младших офицеров Черниговского полка, а самый процесс последних в Могилеве оказался спутанным с более ранним дознанием о тайном «Обществе военных друзей» в Белостоке.

Строки, посвященные восстанию Черниговского полка в трактате А. И. Герцена, перенесены были из сборника «За сто лет» в «Революционную Россию» К о н н и Ц и л и а к у с а (1903) [2]), а после революции 1905 г. неожиданно утвердились и в первых легальных опытах марксистской интерпретации исторической темы о декабристах. Так, брошюра Кирика Л е в и н а «Декабристы» (1906) [3]), свежо и трезво трактуя общие социально-экономические проблемы, связанные с деятельностью тайных обществ двадцатых годов, отнеслась к восстанию Черниговского полка как к малозначительному эпизоду декабристской эпопеи, рассказ о котором можно было ограничить эскизной формулировкой А. И. Герцена. И действительно, патетический отклик последнего на Васильковские события, несмотря на явные его промахи и пробелы, оказался механически включенным не только в указанную выше популярную брошюру К. Н. Левина, но и в принадлежавшую этому же автору часть главы о «Декабристах» в известной «Истории России в XIX в.» изд. т-ва бр. А. и И. Гранат и К° (1907) [4])

---

[1]) К ошибкам А. И. Герцена переводчик прибавил еще одну: «дивизия Гейсмара» превратилась в «дивизию Рота» («За сто лет», Лондон, 1897, стр. 13).

[2]) К о н н и Ц и л и а к у с, «Революционная Россия. Возникновение и развитие революционного движения в России», перев. с немецкого К. Жихаревой, СПБ., 1906, стр. 12 (1-е шведское издание вышло в 1903 г., 2-е немецкое в 1905 г.). Строки Герцена о попытке будущих участников восстания Черниговского полка отбить арестованного Пестеля были, правда, из этой книги исключены, но заменены столь же фантастическим сообщением: «Сергей Муравьев-Апостол стал во главе части Черниговского и *некоторых других полков, принимавших участие в восстании*». Все остальное по Герцену.

[3]) К. Н. Л е в и н, «Декабристы», книгоизд. Е. Д. Мягкова «Колокол», СПБ., 1906 (изд. 2-е ВЦИК, М., 1918, и 3-е изд. «Пролетарий», Харьков, 1923), стр. 39. Источник заимствования указан не был, но повторение всех ошибок А. И. Герцена и его переводчика в издании «За сто лет» настолько характерно (напр., освобождение Муравьевых-Апостолов из-под ареста в Трилесах представлено как часть какого-то особого плана освобождения «славянами» всех арестованных вождей «южан»; им «удалось освободить братьев Муравьевых *и некоторых других, но Пестеля, в руках* которого были сосредоточены все нити заговора, *между освобожденными не оказалось*»; «У Белой Церкви их встретил *генерал Рот с целой дивизией*»), что ни о каких других «источниках» К. Н. Левина говорить не приходится.

[4]) «История России в XIX в.», изд-ва бр. А. и И. Гранат и К°, М., 1907, стр.

Как самую раннюю попытку оттолкнуться от герценовского шаблона и заменить полулегендарные детали его художественного повествования реальными фактами, следует рассматривать рассказ о восстании Черниговского полка в знаменитой женевской речи Г. В. Плеханова «14-е декабря» (1900 г.). Вместо традиционно беглых, поверхностных и неточных строк, посвящавшихся (да и то не всегда) событиям на юге в большинстве писаний о декабристах, эта «речь» очень четко восстанавливала в сознании слушателей и читателей, на основании данных записки Ф. Ф. Вадковского «Белая Церковь» и документальных деталей «Донесения Следственной Комиссии», Васильковский «эпилог событий 14-го декабря»[1]). Правда, связанный специальной темой своего доклада, Г. В. Плеханов характеризовал выступление революционных рот С. И. Муравьева-Апостола только как параллель к оперативной стороне дела на Сенатской площади, совершенно устранив из своего изложения разделявшие «южан» и «северян» вопросы социально-политического, тактического и экономического порядка. Не следует забывать, однако, что печатный материал для разрешения всех этих проблем был еще очень скуден. Только через два года после речи Г. В. Плеханова опубликованы были в «Русском Архиве» бумаги генерала Ф. Г. Гогеля, впервые документально установившие широкий масштаб революционной агитации и пропаганды «южан» среди войск 3-го пехотного корпуса, а в книге профессора Шимана появился полный текст «Православного Катехизиса», без наличия которого трудно было определить своеобразие лозунгов восстания Черниговского полка и их принципиальное расхождение с политической программой «северян» 14-го декабря в Петербурге. Лишь в 1903 году вышел в Штутгарте известный сборник первоисточников по истории революционного движения, составленный В. Я. Яковлевым-Богучарским (под псевдонимом Б. Базилевского) «Государственные преступления в России в XIX в. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений», где нашли себе место давно ставшие недоступными старые газетные публикации основных документов о восстании Черниговского полка[2]), а еще год спустя в Мюнхене впервые напечатаны были полностью записки Д. И. Завалишина, одна из страниц которых посвящена была во-

129. Здесь сохранена вся схема и большинство ошибок повествования А. И. Герцена, но по «Донесению Следственной Комиссии» дополнен рассказ о выступлении мятежников из Василькова и о последнем моменте боя под Устимовкой. И то и другое не лишено, впрочем, новых промахов и ошибок. Напр. «31 декабря он назначил выступление в поход *на Киев или на Белую Церковь или на Житомир*».

[1]) Г. В. Плеханов, «14-е декабря 1825 г. (Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14-го (27-го) декабря 1900 г.)». Впервые опубликовано в штутгартской «Заре» 1901 г., № 1; первое русское легальное издание появилось в Петербурге в 1905 г.; последняя его перепечатка, с предисловием М. Н. Покровского, Л.-М., 1926. Ср. Сочинения Г. В. Плеханова, т. X, стр. 368 — 369.

[2]) Книга эта была перепечатана три года спустя в России, — «Русская Историческая Библиотека» 1906, № 1.

сторженной характеристике Васильковского выступления, «показавшего на опыте, что можно было бы сделать, если бы все члены общества сумели приобрести такое доверие от солдат, как Сергей Муравьев-Апостол» [1]).

Это обогащение литературы предмета не могло не отразиться и на последнем зарубежном историко-революционном справочнике, — хрестоматии Г. А. Куклина «Материалы к изучению истории революционного движения в России», т. I (1800 — 1854), Genève, 1905. Основные этапы Васильковских событий переданы были здесь по записке Ф. Ф. Вадковского «Белая Церковь» (освященной, конечно, авторитетом Г. В. Плеханова), а в качестве дополнительных документальных иллюстраций перепечатывался текст «Православного Катехизиса» (из книги Шимана) и конфирмованный 12 июля 1826 г. приговор по делу младших офицеров Черниговского полка (из книги В. Я. Богучарского) [2]).

Одновременно со сводкой данных о Васильковских событиях в хрестоматии Г. А. Куклина редакция «Русской Старины» опубликовала «Переписку по поводу бунта Муравьева-Апостола» [3]). Под этим несколько произвольным заголовком объединена была серия приказов по главному штабу и по первой армии, относящихся к восстанию Черниговского полка, причем, на ряду с документами общеизвестными (напр., первые официальные информации о мятеже, приговор Могилевской военно-судной комиссии), здесь нашли место и тексты приказов о производстве в следующие чины офицеров Черниговского полка, «сохранивших непоколебимую верность», о «высочайшей благодарности» всем «гг. штаб и обер офицерам войск, находившихся при покорении мятежников», о поднятии дисциплины, расшатанной событиями междуцарствия и т. п. Непосредственным дополнением к этой серии официальных бумаг о ликвидации восстания явились напечатанные в том же 1905 году документы о порядке отправки на Кавказ всех нижних чинов, участвовавших в выступлении С. И. Муравьева-Апостола [4]), и о зачислении отказавшихся присоединиться к мятежникам солдат 1-й гренадерской роты Черниговского полка, «по всемилостивейшему вниманию к их верности и отличному усердию», в состав лейб-гвардии Московского полка в Петербурге [5]).

---

[1]) Записки декабриста Д. И. Завалишина, München, 1904, Verlag D-r J. Marchlewski. Перепечатано в двух петербургских изданиях записок (1-е — тип. «Сириус», 1906; 2-е — т-ва М. О. Вольф, без даты, стр. 208 — 209). Любопытны резкие замечания Д. И. Завалишина о неблаговидной роли в дни восстания одного из вождей «южан» — полковника А. З. Муравьева, восходящие к запискам И. И. Горбачевского, а может быть, и непосредственно к рассказам Я. М. Андреевича. В отсутствии обещанной поддержки со стороны Ахтырского гусарского полка мемуарист усматривает основную причину неудачи Васильковского мятежа.

[2]) Г. А. Куклин, «Материалы к изучению истории революционного движения в России», т. I (1800—1854), Genève, 1905, стр. 96 — 106 и 152 — 159.

[3]) «Русск. Стар.» 1905, кн. V, стр. 374 — 391.

[4]) «Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссии», т. I, 1905 г., стр. 67 — 68.

[5]) «Русский Архив» 1905, кн. V, стр. 126. Ср. «Русский Инвалид» 1826 г., № 22.

7.

Очень симптоматично, что 1905 годом приходится датировать не только перечисленные уже нами случайные публикации старых и новых официальных бумаг о восстании Черниговского полка, но и первый опыт монографической разработки основных печатных и некоторых архивных данных о Васильковских событиях. В самом деле, если исторический труд И. И. Горбачевского был осложнен особыми художественными тенденциями и полемическими заданиями мемуариста, а работа М. Ф. Шугурова, объединяя несколько тонких критических этюдов источниковедческого типа, могла учитываться лишь как материал для будущих обобщений, то в исследовании В. С. Иконникова «Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826 — 1827 гг. в связи с событиями того времени» [1]) впервые совмещена была общая характеристика социально-политической ситуации в этот момент на Украине с тщательной сводкою всех ранее опубликованных данных о Васильковской управе Южного Общества и о восстании Черниговского полка.

Новая монография, как свидетельствуют некоторые характерные особенности ее построения, выросла из комментария к собранным и изученным В. С. Иконниковым специальным «делам» Васильковского, Звенигородского, Таращанского, Радомысльского и Киевского уездных земских судов о крестьянских волнениях в районе недавних действий мятежных рот С. И. Муравьева-Апостола. Документально устанавливая ближайшую связь Васильковских происшествий с пробуждением революционных настроений в массе крепостного крестьянства юго-западных губерний, она полностью подтверждала соображения, высказанные «Историческим Ежегодником» Лезюра еще в 1826 году [2]). Извлеченный из провинциальных архивов материал занимал, однако, В. С. Иконникова гораздо больше, чем проблемы генезиса восстания Черниговского полка, самый его ход и причины неудачи. Поэтому культурно-бытовые розыскания в соответ-

[1]) Работа В. С. Иконникова напечатана была в 1905 г. в количестве пятидесяти экземпляров отдельного оттиска из «Сборника статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности», ч. II, стр. 657 — 742; самый же сборник вышел в свет в Петербурге только в 1908 г. Проблемы, ближайшим образом занимавшие В. С. Иконникова, в новейшей литературе об южном декабризме оживлены работами В. М. Базилевича и Л. П. Добровольского (см. ниже стр. LIX—LXII). Несколько иной подход к тем же темам определился в писаниях И. Ф. Рыбакова «1825 рік на Україні» («Україна» 1925, кн. VI, стр. 5 — 24) и М. И. Яворского «Основи декабризма на Україні» («Повстання декабристів на Україні», Харків, 1926, стр. 7 — 42). Интереснейшие новые данные о «Крестьянских волнениях в 1826 г.» опубликованы В. А. Ганцовой-Берниковой в сборн. «Тайные общества в России в нач. XIX стол.», М., 1926, стр. 145 — 150.

[2]) «Annuaire historique» Лезюра остался, однако, неизвестен В. С. Иконникову, как, впрочем, и почти все зарубежные издания и публикации о декабрьском восстании 1825 г.

ственном краевом разрезе оказались в новом труде и оригинальнее и свежее его дельных, но чисто механически спаянных между собою библиографических справок о тех или иных моментах революционной работы декабристов в войсках 3-го пехотного корпуса.

Как материал, проливающий свет на один из вопросов, совершенно не затронутых в монографии В. С. Иконникова, надлежит рассматривать публикацию в сборнике А. К. Бороздина «Из писем и показаний декабристов» (1906) двух документов следственного дела о восстании: «Православного Катехизиса» С. И. Муравьева-Апостола и ему же приписанного, но в действительности принадлежащего М. П. Бестужеву-Рюмину, проекта «Воззвания» к народу после выступления революционных рот из Василькова [1]). Несмотря на то, что новинкой являлась только вторая прокламация, а первая уже дважды напечатана была за границей, в русских писаниях о восстании Черниговского полка до 1906 г. одинаково не учитывались оба документа, да и сам А. К. Бороздин, включая тексты прокламаций в свою книгу, уклонился от их интерпретации. Столь же небрежно, без необходимых исторических разъяснений и даже без оговорок явных промахов мемуарного изложения, воспроизведен был на страницах «Былого» за 1907 г. интереснейший рассказ М. А. Бестужева об обстоятельствах создания им около 1830 г. в Петровском остроге «русской песни» о выступлении С. И. Муравьева-Апостола. Вольные строфы этого широко впоследствии распространенного произведения («Что ни ветр шумит во сыром бору, Муравьев идет на кровавый пир, С ним Черниговцы идут грудью стать, Сложить голову за Россию-мать» и пр.) очень характерны для особенностей восприятия Васильковских событий в кругу самих декабристов эпохи первых лет их пребывания на каторге и в ссылке [2]).

В потоке историко-революционной литературы 1905 — 1907 гг. превалировали, однако, не новые документальные публикации и работы моно-

[1]) А. К. Бороздин, отмечая в заголовке к обоим документам их принадлежность С. И. Муравьеву-Апостолу («Из писем и показаний декабристов», СПБ., 1906, стр. 83 и 88), не знал следующего описания «воззвания», сохранившегося в секретном рапорте начальника штаба 1-й армии генерал-адъютанта К. Ф. Толя к начальнику главного штаба бар. И. И. Дибичу от 18 января 1826 г.: «Сего числа получены от генерал-лейтенанта Рота бумаги, найденные с вещами Черниговского пехотного полка подполковника Муравьева-Апостола. Между сими бумагами замечателен отрывок, писанный на синем листе весьма бледными чернилами, по сравнению почерка — рукою Бестужева-Рюмина, и как по содержанию полагать должно, заключает в себе воззвание к народу о поддержании возмущения» (дело штаба 1 армии, 1826 г., № 10, лист 329). Трудно сказать, в силу ли каких-нибудь особых соображений (например цензурного порядка), или просто по известной небрежности, А. К. Бороздин дал в своем «предисловии» к сборнику (стр. II) ложную ссылку на появление «воззвания» в книге Т. Шимана.

[2]) «Былое» 1907, кн. VIII, стр. 27 — 31. Перепечатано в изд. «Воспоминания братьев Бестужевых», П., 1917, стр. 225 — 229. Самый текст «песни», приписанный А. А. Бестужеву-Марлинскому, опубликован впервые в «Собрании стихотворений декабристов», Лейпциг, 1862 г., стр. 225, откуда перепечатан в «Лютне» в 1869 г. и вошел затем почти во все сборники старых нелегальных стихотворений.

графического типа, а перепечатки старого официального материала из дотоле запретных зарубежных изданий. Вот почему и факты восстания Черниговского полка, почти не привлекая специального внимания исследователей и публицистов, популяризировались в эти годы, главным образом, благодаря воспроизведениям в сборниках В. Я. Богучарского, И. А. Малинина, В. М. Саблина, А. Е. Бурцева и др. — правительственных сообщений 1826 г. [1]), а в отдельных дешевых изданиях — подлинного текста или переложений «Русского заговора 1825 г.» А. И. Герцена и «14 декабря» Г. В. Плеханова. Знакомством с тем или иным из только что отмеченных «источников» исчерпывались сведения о Васильковских событиях едва ли не всех авторов брошюр, газетных и журнальных статей, учебников и прокламаций, трактовавших в эти годы о декабристах. Лишь некоторые моменты, предшествовавшие восстанию Черниговского полка, с его реализацией непосредственно не связанные, но уясняющие очень многое в истории его подготовки, освещены были (без особой, впрочем, тщательности, попутно) в первых наших специальных трудах по истории тайных организаций 20-х годов.

Так, книга М. В. Довнар-Запольского «Тайное общество декабристов» (1906), в основу которой был положен неизданный материал следственных дел Государственного архива, давала четкую общую характеристику важнейших группировок деятелей исторического декабризма, в том числе и объединенных Васильковской управой революционных ячеек «южан» и «славян». В том же году в монографию Н. П. Павлова-Сильванского «Декабрист Пестель перед Верховным Уголовным Судом» [2]) вошли ценные документальные данные о подготовке восстания войск 3-го корпуса и о переписке об этом в дни междуцарствия С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина с П. И. Пестелем, [3]) а еще через год, в заключительных частях исследования В. И. Семевского «Волнение в Семеновском полку в 1820 г.», использован был богатейший, известный ранее лишь по лоскуткам М. Ф. Шугурова, военно-судный и розыскной материал об агитационно-пропагандистской работе членов Южного тайного общества среди солдат бывшего Семеновского полка, распределенных после возмущения 1820 г. по частям 8-й пехотной дивизии [4]).

---

[1]) Важнейшие из этих сборников перепечаток: «Процесс декабристов», изд. И. А. Малинина, М., 1905; «Всемирный Вестник» 1905 г., кн. I — VI; «Декабристы», изд. В. М. Саблина, М., 1905; «Государственные преступления в России в XIX веке», сборник Б. Базилевского (В. Богучарского), СПБ., 1906 г.; «Политические процессы Николаевской поры. Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевских», изд. В. М. Саблина, М., 1907; «Полное собрание библиографических трудов А. Е. Бурцева», т. IX, вып. 65, СПБ., 1908.

[2]) «Былое» 1906, кн. IV, стр. 272 — 275. Перепечатано в следующем году в отдельном издании монографии Н. П. Павлова-Сильванского.

[3]) Первые сведения об этом появились еще в мемуарах Н. И. Лорера, опубликованных в «Русском Богатстве» 1904, кн. III, стр. 80.

[4]) «Былое» 1907, кн. III, стр. 112 — 118. В. И. Семевский использовал здесь, помимо печатных материалов, неизданные тогда еще показания С. И. Муравьева-Апостола,

Несмотря на то, что увязка старого материала о восстании Черниговского полка с итогами розысканий В. С. Иконникова, М. В. Довнар-Запольского, Н. П. Павлова-Сильванского и В. И. Семевского не была осуществлена ни в одном из декабристских исследований ближайших лет, трактовка Васильковских событий в общей исторической литературе становится после 1907 года гораздо более внимательной и богатой конкретными мемуарными и документальными данными, чем прежде. Так, профессор Теодор Шиман в своей «Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I» (Berlin, 1908) уделяет восстанию Черниговского полка несколько специальных страниц и, несмотря на сочувствие свое официальной версии событий, широко пользуется, на ряду с «Донесением Следственной Комиссии», воспоминаниями А. Г. Гебеля и М. И. Муравьева-Апостола, свидетельствами записок И. И. Горбачевского и А. И. Михайловского-Данилевского [1]). В известной компиляции Г. Василича «Междуцарствие и восстание 1825 г.», М., 1908 (книга эта, слегка изменяя заголовки, выдержала четыре издания) о восстании Черниговского полка повествуется на основании материалов М. Ф. Шугурова в «Русском Архиве» за 1871 г. (вторая серия этих документов, как, впрочем, и почти вся специальная литература предмета, осталась компилятору неизвестной), записок И. И. Горбачевского и биографии С. И. Муравьева-Апостола, опубликованной в 1873 г. М. Баласом. Как приложение к составленному на основании этих источников общему очерку перепечатаны были Г. Василичем из сборника А. К. Бороздина полные тексты «Православного Катехизиса» и «Воззвания» [2]). Оба эти документа фигурируют и в другой компиляции, вышедшей в свет в том же 1908 г., в «исторических очерках» Б. Б. Глинского «Борьба за конституцию». Правда, не уяснив ни времени составления, ни назначения Васильковских прокламаций, Б. Б. Глинский невольно ввел в заблуждение свою аудиторию ложными указаниями на широкую сферу распространения и на известность еще якобы до восстания обеих листовок вождей Черниговского полка [3]).

М. П. Бестужева-Рюмина, А. И. Тютчева, П. И. Пестеля, кн. С. П. Трубецкого, К. Ф Рылеева, М. М. Спиридова, В. Л. Давыдова, равно как и приговоры по военно-судным делам нижних чинов Саратовского, Тамбовского, Пензенского, 15-го и 16-го егерских полков в 1826 г.

[1]) «Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I» von T. Schiemann, Band II, Berlin, 1908, S. 65 — 70. Некоторые фактические промахи рассказа Т. Шимана о восстании Черниговского полка отмечены в работе Л. П. Добровольского, op. cit., стр. 163. Следует, впрочем, отметить неосновательность адресованного последним Шиману упрека в использовании якобы мало авторитетных свидетельств А. И. Михайловского-Данилевского об обстоятельствах разгрома революционных рот (см. выше стр. XXXVII).

[2]) Г. Василич, «Восшествие на престол императора Николая I», четвертое издание Московского книгоиздательского товарищества «Образование» (год не указан), стр. 131 — 145 и 156 — 159.

[3]) Б. Б. Глинский, «Борьба за конституцию», СПБ., 1908, стр. 191 — 195. Строки, посвященные самому ходу восстания, находятся на стр. 267 — 268 и представляют со-

Краткая передача общего хода развернувшихся на юге зимою 1825 — 1826 г. событий соединена была с попыткой их исторического освещения и оценки в «Истории русского революционного движения» Л. Кульчицкого-Мазовецкого (1908). Материал, собранный в хрестоматии Г. А. Куклина, хотя и ограничивал собою круг источников Л. Кульчицкого [1]), но все же позволил ему необычайно резко противопоставить робким конституционным лозунгам северян революционную тактику С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина, «увлекавшим солдат за собою именем борьбы с самодержавием и деспотическим строем, а не с целью защиты прав законного государя. Их задача была несравненно труднее. Оборот дела в столице был бы совершенно иным, если бы во главе его стояли эти два героя» [2]).

8.

Вне наметившихся общих линий изучения южного декабризма приходится рассматривать работу П. Е. Щеголева «Катехизис Сергея Муравьева-Апостола» (1908) [3]), в которой свежесть темы и новизна привле-

---

бою перепечатку из очерка Б. Б. Глинского в «Историческом Вестнике» 1906, кн. III, стр. 1009 — 1010.

[1]) Л. Кульчицкий-Мазовецкий, «История русского революционного движения», перевод с польской рукописи автора, т. I, СПБ., 1908, стр. 129 — 132. Автор не был осведомлен ни о новых общих работах по истории южного декабризма, ни о таких старых источниках по истории восстания Черниговского полка, как материалы М. Ф. Шугурова или записки И. И. Горбачевского; основываясь же на «Белой Церкви» Ф. Ф. Вадковского, он повторил в своем тексте даже опечатки этого издания (напр. «Масновиловка» вм. «Мотовиловка» и т. п.).

[2]) Эта формула Л. Кульчицкого-Мазовецкого возрождается в 1923 г. в работе М. Н. Покровского «Декабристы. Легенда и действительность» (переп. в сборн. «Декабристы», М., 1927, стр. 49): «Настоящие революционеры, на юге, поднялись, имея один полк против целой армии. Если бы в Петербурге на месте Трубецкого командовал Сергей Муравьев-Апостол? Быть может, пушки тогда были бы не только у Николая». Следует отметить, что это место статьи при ее перепечатке было оговорено М. Н. Покровским особым примечанием: «Когда автор писал эти строки, ему еще не была известна по подлинным документам история южного восстания».

[3]) Работа П. Е. Щеголева «Катехизис Сергея Муравьева-Апостола (Из истории агитационной литературы декабристов)», впервые опубликованная в «Минувших Годах» за 1908 г., кн. XI, стр. 50 — 80, была перепечатана в «Исторических этюдах» П. Е. Щеголева (изд. 1-е, СПБ., 1913, стр. 319 — 363; изд. 2-е, без даты, те же стр.) и в его же сборн. «Декабристы» (Л., 1926, стр. 229 — 257). Первые поправки внесены были в работу П. Е. Щеголева заметками Д. К. Петрова о ранних русских версиях «Испанского Катехизиса» («Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россети»), СПБ., 1909, стр. 69) и Д. С. Мережковского о том, что «Катехизис» С. И. Муравьева-Апостола «столь же не православный, как и не самодержавный» («Революция и Религия», см. Полное собрание сочинений Д. С. Мережковского, т. X, СПБ., 1911, стр. 44 — 47). Отмеченные Д. К. Петровым цитаты из «национального катехизиса» в «Воспоминаниях об Испании» Ф. В. Булгарина и свидетельства последнего об «отрывках такого рода во многих русских журналах» («Воспоминания об Испании», СПБ., 1823, стр. 49 — 54) оговорены были П. Е. Щеголевым при перепечатке всего исследования в «Исторических этюдах» (стр. 363) и там

ченного для освещения ее документального материала сочеталась с архаической концепцией самого факта восстания Черниговского полка, трактованного с начала до конца в тонах беспочвенной и случайной личной авантюры [1]). Эти тенденции к снижению политической значимости Васильковских событий определились не в результате специальной проработки основных печатных и архивных источников по истории восстания Черниговского полка (в сферу розысканий П. Е. Щеголева не попали ни важнейшие следственные и военно-судные дела о мятеже, ни материалы, объединенные в монографии В. С. Иконникова), а в порядке интереса исследователя к возможностям чисто художественной эксплуатации некоторых моментов старой либеральной легенды о выступлении С. И. Муравьева-Апостола. Последняя давала выигрышный психологический и историко-бытовой материал для максимально эффектной экспозиции впервые вводимых П. Е. Щеголевым в научный оборот данных об одной из случайных жертв восстания — священнике Черниговского полка Данииле Кейзере, а поскольку весь рассказ о трагических перипетиях жизненного пути этого «невольного декабриста» включен был в работу о «Катехизисе», П. Е. Щеголев оборвал свои специальные розыскания в самом начале, и, несмотря на то, что его же формулировка основных проблем изучения памятников агитационной лите-

---

же дополнены ссылкой на включение в первую книжку «Сына Отечества» за 1812 г. текста «Гражданского катихизиса или краткого обозрения должностей испанца, с показанием, в чем состоит свобода и кто враги ее. Книжица весьма полезная в нынешнее время». Совершенно неучтенным остался в книге П. Е. Щеголева материал о «масонских катехизисах» и о тех вариациях последних, о которых упоминал, например, член Союза Благоденствия подполковник И. Н. Хотяинцов, рассказывая кн. С. Г. Волконскому, что В. Л. Лукашевич предлагал ему вступить «в тайное общество, учрежденное в Малороссии», причем познакомил его и с составленным якобы для этого общества «катехизисом на подобие употребляемого в масонских ложах»; «по этому катехизису на вопрос, *где восходит солнце*? отвечают: *в Чигрине*» (см. данные об этом, опубликованные в книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов», СПБ., 1909, стр. 299). Общая характеристика дефектов работы П. Е. Щеголева «Катехизис Сергея Муравьева-Апостола» сделана была нами в «Каторге и Ссылке» за 1926 г., кн. V, стр. 278 — 282. Некоторые частные промахи П. Е. Щеголева зарегистрированы в исследовании Л. П. Добровольского «Повстання Чернігівського полку» («Повстання декабристів на Україні», Харків, 1926, стр. 165).

[1]) Важнейшие этапы восстания Черниговского полка и вообще вся история подготовки революционного выступления войск 3-го пехотного корпуса остались в исследовании П. Е. Щеголева совершенно неосвещенными. С бо́льшим вниманием отнесся он к «удивительному зрелищу», неожиданными свидетелями которого оказались 31 декабря 1825 г. «перепуганные обыватели Василькова». Однако, восстановив на основании некоторых неизвестных ранее данных историю провозглашения «Православного Катехизиса», П. Е. Щеголев счел свою характеристику самого мятежа законченной: «Остается досказать немногое. Солдаты, выступившие вместе с Муравьевым в поход за свободой, на третий день при первом же столкновении с правительственными войсками были разбиты и рассеяны. С. И. Муравьев-Апостол был ранен, и некоторые солдаты Черниговского полка, по свидетельству Бестужева-Рюмина, кинулись на них и хотели тащить навстречу победителям».

ратуры двадцатых годов намечала «выяснение происхождения их идей и формы, их отношения к западным образцам, их значения и судьбы в событиях 1825 г.», исследование о «Православном Катехизисе» далеко не на все из этих вопросов успело дать удовлетворительные ответы. Вернее, П. Е. Щеголев в своей работе не пошел дальше блестящей популяризации материала, непосредственно заимствованного им из следственных декабристских дел, и совершенно уклонился от разрешения или даже от постановки на очередь тех проблем, которые не были, да и не могли быть освещены процессом 1826 г. Так, на основании многочисленных показаний о «Любопытном разговоре» (или «Катехизисе вольного человека») Никиты Муравьева, определена была П. Е. Щеголевым историческая роль самого раннего опыта агитационной литературы декабристов, а признания вождей восстания о воздействии на их работу «испанского национального катехизиса» 1809 г., текст которого вошел в книгу N. A. Salvandy «Don Alonzo, ou l'Espagne, histoire contemporaine», Paris, 1824, позволили ему установить и «ближайший источник, повлиявший на создание русского катехизиса». Показания священника Д. А. Кейзера, полковых причетников и некоторых из васильковских чиновников дали материал для характеристики внешней обстановки провозглашения «катехизиса» 31 декабря 1825 г., а выписка из позднейшего отношения главнокомандующего 1-ю армиею к начальнику главного штаба о писарях Черниговского полка разъясняла самую технику размножения муравьевской прокламации. В то же время П. Е. Щеголев избавил себя от труда дополнительных розысканий даже по таким кардинальным для выдвинутой им темы вопросам, как социальная ориентация прокламированных в Василькове лозунгов мятежа, характер воздействия их на солдатскую, крестьянскую и дворянско-помещичью массу, пункты соответствия и противоречия идеологических посылок «катехизиса» и «воззвания» настроениям аудитории, на которую они были рассчитаны, и платформе политической организации, деятелям которой принадлежали. Случайны и тенденциозно-пренебрежительны были данные монографии П. Е. Щеголева о методах распространения «Катехизиса» (его чтение и толкование во время похода, дача на руки, места разброски); сведения же о некоторых литературных источниках прокламации ни в какой мере не могли компенсировать молчания исследователя о самом тексте изучаемого им памятника и о некоторых специфических особенностях его формы [1]).

[1]) Основные данные по истории «Катехизиса» сгруппированы нами на стр. 273 — 300 и 361 — 363 настоящего издания. Своеобразие самой формы прокламации С. И. Муравьева-Апостола, ориентированной прежде всего на солдатскую массу, ближайшим образом было подсказано ему «вопросо-ответными» солдатскими памятками об основах воинского устава, столь же широко распространенными в армейском быту, как и конфессиональные катехизисы. Эти «памятки», представлявшие собою наиболее привычный и удобный для усвоения тех или иных правил тип массовой литературы, нередко даже официально именовались «катехизисами». (ср. относящиеся к 1822 г. упоминания доклада аудиториат-

На строго очерченном местном социально-бытовом фоне, реальные контуры которого почти исчезли в работе П. Е. Щеголева, даны были основные факты восстания Черниговского полка в мемуарах Иосифа Руликовского, васильковского землевладельца, имение которого, Мотовиловка, в течение двух дней являлось стоянкой революционных рот С. И. Муравьева-Апостола. Широко осведомленный, наблюдательный и остроумный полякаграрий, одинаково тяжело переживавший и дни господства революционной вольницы Черниговского полка и полосу правительственного террора после краха восстания, Иосиф Руликовский с одинаковым вниманием отнесся к обоим вражеским станам 1825 г., трезво выявил и казовые и теневые их стороны. Особую ценность мемуарам И. Руликовского придает совмещение в них живых характеристик будней, героики и эксцессов мятежа с мастерским показом особенностей преломления Васильковских событий в разных социальных разрезах, четкая классовая дифференциация настроений в эту пору помещичьих кругов, чиновничества и офицерства, местечкового еврейства и крестьянской крепостной массы. Написанные, как устанавливает их новейший исследователь, во второй половине пятидесятых годов, воспоминания Руликовского напечатаны были впервые в книжке польского исторического журнала «Nasza Przyszłosc» за 1908 г., но до самого последнего времени оставались не учтенными русской литературой о декабризме [1]). Впрочем, в течение нескольких лет после их выхода в свет никаких новых работ, в которых факты восстания Черниговского полка являлись бы объектом специального рассмотрения или хотя бы попутного учета, у нас не появлялось. Монументальный труд В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (1909) исключал из сферы своих построений материалы о конечных эффектах революционного движения двадцатых годов, а Н. И. Коробка, автор первой специальной научной статьи об «Обществе Соединенных Славян» (1911) фиксировал свое внимание лишь на деятельности основоположников этой организации, братьев А. И. и П. И. Борисовых, непосредственно, как известно, в Васильковских событиях не участвовавших [2]). Без каких бы то ни было комментариев выпущена была

ского департамента по делу В. Ф. Раевского о «катехизисе», изд. штабом 6-го армейского корпуса, или «кавалерийский катехизис» 1830-х гг.— в библиотеке Пушкинского Дома).

[1]) Jozef Kazimierz Ignacy Rulikowski, «Rokosz pulku Czernihowskiego («Nasza Przyszlosc» 1908, № 6, стр. 217 — 236; № 7, стр. 341 — 382). Тщательно прокоментированные в 1925 г. Л. П. Добровольским и им же снабженные специальной вводной статьей, воспоминания эти перепечатаны были в переводе на украинский язык в юбилейном сборнике Украинской Академии Наук «Декабристи на Україні». За редакциею акад. С. Ефремова та В. Міяковського. У Київі, 1926, стр. 37 — 99. О мемуарах Руликовского, как историческом источнике, см. также соображения В. В. Мияковского в сборн. «Рух декабристів», Харків, 1926, стр. 10 — 11 втор. пагин.

[2]) Н. И. Коробка, «Декабристы братья Борисовы и Общество Соединенных Славян» («Современник» 1911, кн. V, стр. 11 — 35). Упоминая о попытках братьев А. И. и П. И. Борисовых поднять после известия о событиях 14 декабря артиллерийские и пехотные части 3-го корпуса, исследователь вовсе не отметил связи этих начина

«Русским историческим обществом» в 1910 г. «Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем», основные данные которой о восстании Черниговского полка были уже ранее известны по нескольким цитатам в книге Н. К. Шильдера. Интерес новизны представляли в этой переписке лишь некоторые рассуждения обоих корреспондентов об общих условиях ликвидации мятежа, характеристики крупнейших представителей военной и гражданской администрации в его районе (Ф. В. Сакен, А. Г. Щербатов, Л. О. Рот, Ф. Г. Гогель, М. Ф. Бутовт-Андржейкович) и попутные соображения о настроениях в армии до и после 14 декабря [1]). Ценнейший материал о деятелях восстания Черниговского полка и о предшествовавшей декабрьским событиям революционной работе в войсках 3-го пехотного корпуса давало письмо И. И. Горбачевского от 12 июня 1861 г. к М. А. Бестужеву, опубликованное в приложении к № 306 газеты «День» за 1913 г. Посвященные воспоминаниям и биографическим справкам, страницы этого документа многое разъясняли и в особенностях построения и в самой истории написания известных «Записок», которые сам И. И. Горбачевский ошибочно считал уже безвозвратно утраченными. Не менее авторитетен был «Рассказ С. И. Муравьева-Апостола о возмущении Черниговского полка», опубликованный в четвертой книжке «Современника» за 1913 г., но отсутствие указаний даже на то, что «рассказ» этот есть выписка из показаний С. И. Муравьева-Апостола 31 января 1826 г. в петербургской Следственной Комиссии, несколько подрывало документальную значимость его публикации [2]). Столь же небрежно воспроизведены были в журнале «Аргус» за тот же 1913 г. фрагменты мемуаров белоцерковского лекаря Де-ля-Флиза о «Некоторых обстоятельствах бунта Муравьева в 1825 г.» [3]). К этим воспоминаниям, полным грубых фактических ошибок, но в локально-бытовом плане несомненно занимательным, примыкали уже чисто фольклорные заметки І. А. Л. «Память в народе о декабрьских событиях 1825 г. в Василькове» [4]).

ний с последними планами вооруженного восстания, разработанными вождями Васильковской управы Южного Общества, но в силу объективных условий оставшимися не реализованными в дни выступления Черниговского полка.

[1]) «Сборник Императорского Русского Исторического Общества», т. 131, СПБ., 1910, стр. 23, 25 — 26, 28, 31 — 37, 44. В переводе на русский язык важнейшие из французских текстов этих писем даны были Б. Е. Сыроечковским в сборн. «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи», Л., 1926.

[2]) «Рассказ С. И. Муравьева-Апостола о возмущении Черниговского полка» («Современник» 1913, кн. IV, стр. 253 — 257).

[3]) «Муравьевский бунт. Некоторые обстоятельства бунта Муравьева в 1825 г., записанные очевидцем доктором Де-ля-Флизом, со старинными портретами и снимками редких гравюр» («Аргус» 1913, № 4, стр. 65 — 80). В архиве «Русской Старины» сохранился французский подлинник этих мемуаров: «Quelques détails sur l'insurrection de Mourawiew en 1825 par le d-r de la Flize». См. «Обзор хранящихся в Академии Наук СССР материалов о декабристах» (Академия Наук СССР. «Памяти декабристов». Сборник материалов, III, Л., 1926, стр. 238).

[4]) «Украинская Жизнь» 1914, № 1.

Наконец, как последнее достижение дореволюционной литературы о восстании Черниговского полка, надлежит отметить переиздание Б. Е. Сыроечковским записок и писем И. И. Горбачевского (1916) [1]). Самый текст мемуаров воспроизведен был по свободному от цензурных купюр экземпляру «Русского Архива» в Московской университетской библиотеке, вводная статья редактора давала четкую идеологическую характеристику И. И. Горбачевского и устанавливала основные этапы его жизненного пути, но от оценки «Записок», как исторического источника, равно как и от комментирования их Б. Е. Сыроечковский отказался. Тем не менее успех издания был очень велик, и памятник, известный прежде лишь немногим специалистам, стал одной из популярнейших книг по истории южного декабризма.

9.

Записки И. И. Горбачевского положены были в основание страниц о восстании Черниговского полка в специальном экскурсе М. В. Довнар-Запольского «Декабрьская революция 1825 г.»[2]) и в популярной брошюре Д. С. Мережковского «Первенцы свободы» [3]). Все особенности усвоения обоими этими авторами исторической схемы и фактического материала И. И. Горбачевского были, конечно, очень характерны для момента публикации их работ, но ни в какой мере не связывались с критической проверкой популяризируемых данных. Вот почему, хотя Васильковские события и были очень серьезно учтены в наиболее авторитетных декабристских изданиях 1917 г., передача М. В. Довнар-Запольским и Д. С. Мережковским самого хода восстания Черниговского полка повторяла все ошибки и пробелы их мемуарного первоисточника [4]). Искусственно при-

[1]) «Записки декабриста И. И. Горбачевского». С приложениями и со вступительной статьей Б. Е. Сыроечковского. Изд. «Задруга», М., 1916. Из приложений к изданию надлежит отметить перепечатку замечательных своими параллелями к запискам «Двух рассказов И. И. Горбачевского в передаче П. И. Першина-Караксарского», отмеченного выше письма И. И. Горбачевского к М. А. Бестужеву от 12 июня 1861 г. и заимствованной из «Русского Архива» за 1870 г. анонимной биографии И. И. Сухинова.

[2]) «Голос Минувшего» 1917, № 7 — 8, стр. 52 — 68.

[3]) Д. С. Мережковский, «Первенцы свободы. История восстания 14 декабря 1825 г.». Изд. «Народная Власть», П., 1917, стр. 24 — 27. Первоначально напечатано в журнале «Нива» 1917, № 17, стр. 246 —247.

[4]) М. В. Довнар-Запольский, начиная свое изложение Васильковских событий, указывал на то, что «Записки И. И. Горбачевского в этом отношении представляют собою замечательный материал, отличаясь массою подробностей, проверяемых показаниями подсудимых». Однако, к такой проверке своего первоисточника он если и прибегал, то лишь в тех его частях, которые относились к революционной работе в 8-й артиллерийской бригаде, а не к восстанию Черниговского полка. (Этот же методический промах повторен М. В. Нечкиной в статье о «Восстании Черниговского полка» в «Каторге и Сылке» 1925, кн. VIII, стр. 87 — 112). Из рамок указаний мемуариста исследователь не выходил даже в тех случаях, когда наличный печатный материал освещал явные фактические пробелы построения И. И. Горбачевского (напр., пропаганда «южан» перед вос-

способленными к последнему оказались и случайные ссылки М. В. Довнар-Запольского на материал подлинных следственных дел С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов и М. П. Бестужева-Рюмина. Видимо, к источникам этим исследователь отнесся с гораздо меньшим вниманием, чем к свидетельствам того же архивного фонда, подтверждавшим показания И. И. Горбачевского о неудавшихся попытках братьев А. И. и П. И. Борисовых и Я. М. Андреевича оказать поддержку черниговцам возмущением войсковых частей в окрестностях Житомира, Любара и Новоград-Волынска. Подобно И. И. Горбачевскому, не придавая, однако, значения особенностям территориальной базы восстания, не учитывая неясности его социальной ориентации, игнорируя возможности подъема окрестного крепостного крестьянства, вольного казачества и военных поселян и останавливаясь даже при анализе причин неуспеха мятежа лишь на некоторых оперативных и личных промахах вождей Южного Общества в декабрьские дни, М. В. Довнар-Запольский заключал, что «Васильковское восстание сразу обречено было на неудачу при тех условиях, при которых оно началось. Оно опоздало едва ли не на пол-месяца. Арестование Пестеля, кн. Волконского и других делало его безнадежным. К этому надо прибавить отказ Артамона Муравьева. Очевидно, С. Муравьев это сознавал, и можно довериться его категорическому заявлению на следствии, что побудительным моментом к восстанию послужил инцидент с Гебелем в Трилесах. Итак, восстание опоздало, началось случайно, но при всем том проводилось без должной энергии и распорядительности главы его. Конечно, вопрос шел, при безнадежности положения, о том, сколько жизней будет стоить эта смелая попытка — дорогой или дешевой ценой отдать жизни людей. Если бы С. Муравьев стоял на первой точке зрения, несомненно его попытка приняла бы более грандиозный масштаб».

Канонизация записок И. И. Горбачевского в первых послереволюционных работах о восстании Черниговского полка не помешала оживлению в спе-

---

станием среди солдат бывш. Семеновского полка, свидание С. И. Муравьева-Апостола в Житомире с представителем тайного польского патриотического общества графом Мошинским, конкретные данные о «Православном Катехизисе», проект «воззвания» к народу). Равным образом, несмотря на знакомство М. В. Довнар-Запольского с подлинными «делами» вождей заговора, он ни разу не учел моментов расхождения последних с некоторыми версиями И. И. Горбачевского и безоговорочно перенес поэтому в свое изложение событий восстания такие ошибки мемуариста, как, например, рассказ о вызове в Трилесы не только А. Д. Кузьмина и В. Н. Соловьева, но и И. И. Сухинова, данные о появлении в Василькове подпоручика 17 егерского полка Д. А. Молчанова, сведения об особых заданиях, возложенных С. И. Муравьевым-Апостолом в Ковалевке на Ф. М. Башмакова и А. Ф. Фурмана (стр. 61 — 63). Следует, впрочем, отметить, что одна из ссылок на И. И. Горбачевского сделана М. В. Довнар-Запольским по недосмотру: характеристика мемуаристом линии поведения во время восстания Матвея Муравьева-Апостола отнесена исследователем к оценке деятельности С. И. Муравьева-Апостола (стр. 67).

циальных изданиях ближайших лет и более архаических концепций Васильковских событий. Так, например, если М. А. Полиевктов, автор монографии «Николай I» (1918), ограничился в своей книге неточной и случайной регистрацией самого факта восстания [1]), а С. Берсенев в особой брошюре «Сергей Иванович Муравьев-Апостол» (1920) попытался сочетать данные И. И. Горбачевского с материалами «Донесения Следственной Комиссии», очерком П. Е. Щеголева, этюдом М. Баласа и сводкой Г. Василича [2]), то С. Я. Штрайх, издавая «Воспоминания и письма М. И. Муравьева-Апостола» (1922), не остановился перед признанием путаного и тенденциозного рассказа последнего о восстании Черниговского полка «плодом свежей памяти и честного отношения к фактам» [3]). Впрочем, эту неожиданную характеристику корректировали прежде всего самим же С. Я. Штрайхом включенные в сборник новые документальные материалы о некоторых эпизодах, извращенных в позднейшем изложении М. И. Муравьева-Апостола, — резюмирующие выписки А. Д. Боровкова из следственного дела будущего мемуариста и заметки, сделанные М. И. Муравьевым-Апостолом в крепости (на листках присланного ему евангелия) об общем ходе событий с 24 декабря по 20 января 1826 г.

Разумеется, все перечисленные нами издания 1918—1922 гг. были слишком мало авторитетны, чтобы вновь наметившиеся в них тенденции к снижению исторической значимости восстания Черниговского полка могли бы рассчитывать хотя бы на кратковременное признание. И лишь статья Н. А. Рожкова «Декабристы», опубликованная в первой книжке «Русского Прошлого» за 1923 г. и перепечатанная без перемен в десятом томе «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» [4]), представляла в этом отношении известное исключение, объясняемое, впрочем, не столько воздействием на ее автора либеральной легенды о Васильковских событиях,

---

[1]) М. Полиевктов, «Николай I». Биография и обзор царствования, М., 1918, стр. 54.

[2]) С. Берсенев, «Сергей Иванович Муравьев-Апостол», Москва, 1920 г. Характеризуя на стр. 65 — 88 историю восстания Черниговского полка, автор этого компилятивного биографического очерка даже основными для его темы источниками предпочитал пользоваться по изданию Г. Василича. Поэтому неудивительно, что из всех публикаций М. Ф. Шугурова использован был С. Берсеневым только документ, перепечатанный его предшественником, что проект «воззвания» к народу», составленный М. П. Бестужевым-Рюминым, приписан С. И. Муравьеву-Апостолу и т. д.

[3]) «Декабрист М. И. Муравьев-Апостол». Воспоминания и письма. Предисловие и примечания С. Я. Штрайха. Издательство «Былое», П., 1922, стр. 10. Самый текст воспоминаний произвольно снабжен при перепечатке отсутствовавшим в «Русском Архиве» заголовком: «Восстание Черниговского полка». Корректирующие показания этих мемуаров «Заметки М. И. Муравьева-Апостола в крепости» (стр. 11 — 17) и сводка А. Д. Боровкова (стр. 6 — 9) до воспроизведения в сборнике С. Я. Штрайха в печати не появлялись.

[4]) Н. Рожков, «Русская история в сравнительно-историческом освещении», т. X. Изд. «Книга», Л., 1924, стр. 136.

сколько недостаточным знакомством его со специальной литературой о восстании Черниговского полка [1]).

Новую веху в изучении южного декабризма определили в 1923 — 1925 гг. статьи М. Н. Покровского. Исследователь, давно уже связавший свое имя с выяснением обще-имперской хозяйственной конъюнктуры первой трети XIX столетия и с обнажением классовой природы оппозиционных настроений этой поры, все более и более дифференцировал объекты своего изучения, осложняя прежние построения итогами свежих документальных розысканий и тонких историографических экскурсов [2]). Исходя в своих новых работах о тайных организациях двадцатых годов из острого противопоставления революционных центров «севера» и «юга», их вождей, тактики и программ, М. Н. Покровский не только с одинаковым вниманием рассматривал события 14 декабря в Петербурге и действия восставшего Черниговского полка в окрестностях Василькова, но склонен был даже признать, что «настоящие революционеры» и «настоящее восстание» определились в 1825 г. «только на юге». Тезис этот, впервые выдвинутый М. Н. Покровским в статьях «Декабристы. Легенда и действительность» [3]) и «Из истории общественного движения в России в нач. XIX в.» наиболее четко прокламирован был в «Очерках по истории революционного движения в России XIX в.»: «Вопреки распространенному мнению о том, что центр военных

---

[1]) Строки, посвященные Н. А. Рожковым характеристике революционной работы на юге и восстанию Черниговского полка, обнаруживают незнакомство исследователя не только с работами М. Ф. Шугурова, В. С. Иконникова, М. В. Довнар-Запольского, но даже с такими популярными публикациями первоисточников, как сборники Т. Шимана, А. К. Бороздина, статьи В. И. Семевского, П. Е. Щеголева. Вот почему и «Православный Катехизис» цитируется в статье Н. А. Рожкова не по оригинальному тексту первоисточника, а по случайной суммарной характеристике этого замечательного памятника агитационной литературы в «Записках» И. И. Горбачевского.

[2]) М. Н. Покровский. «Декабристы. Сборник статей». М., 1927. В этом издании перепечатаны все журнальные и газетные статьи М. Н. Покровского по декабризму за время с 1923 по 1926 г.

[3]) «Настоящие революционеры, на юге, поднялись, имея один полк против целой армии. Если бы в Петербурге на месте Трубецкого командовал Сергей Муравьев-Апостол? Быть может пушки тогда были бы не только у Николая» («Записки Коммунистического Университета им. Свердлова, М., 1923; перепеч. в сборн. М. Н. Покровского «Декабристы», стр. 49). Существенным коррективом к этим строкам явилось позднейшее «предисловие» М. Н. Покровского к документам о восстании Черниговского полка в посвященной декабристам юбилейной книжке «Красного Архива» за 1925 г. «Собранные в одно целое отрывки из «дела», касающиеся восстания Черниговского полка, приканчивают другую легенду, почти не стоявшую уже на ногах после издания записок Горбачевского. Теперь мы не из рассказа явно небеспристрастного к «аристократам» мемуариста, а со слов самих «южан» знаем наверное, что они «проходили» восстание так же, как их собратья на севере «простояли» его, — так и не перейдя к активным военным операциям. И если бы не «Соединенные Славяне», никакого восстания, вероятно, на юге и вовсе не было бы, — Муравьев был бы арестован так же «мирно», как Пестель, но зато, надо думать, не был бы, как Пестель, повешен. Горячая офицерская молодежь сразу и сделала из своего начальника героя, и погубила его» («Красный Архив», т. XIII (1926), стр. VIII).

действий декабристов был в Петербурге, — отмечалось в этом издании[1]) — на самом деле, единственным настоящим вооруженным восстанием, и притом восстанием, окруженным ореолом трагического величия, где люди шли прямо на гибель, эпизодом, оправдывающим известную характеристику Плеханова, что декабристы были людьми, решившимися пожертвовать собой, чтобы показать дорогу грядущим поколениям, — единственным эпизодом такого рода и является восстание Черниговского полка. Во-первых, это было вооруженное восстание. Люди шли с заряженными ружьями для того, чтобы стрелять, для того, чтобы драться. Во-вторых, это было восстание без всяких шансов на успех, потому что поднимался один полк против целой армии, и не было никаких разумных, как говорится на обывательском жаргоне, оснований ожидать, что армия примкнет к нему. Армия и не примкнула к нему, и кавалерия генерала Гейсмара без большого труда подавила это восстание, прежде всего потому, что у Гейсмара были пушки, а у черниговцев пушек не было». Далее, характеризуя генезис восстания, исследователь доказывал, что выступление Черниговского полка «было подготовлено, было возможно только благодаря Соединенным Славянам», явившимся «тою связью, тем, выражаясь по-теперешнему, аппаратом, который связывал вождей Южного Общества с солдатской массой». Общее же заключение М. Н. Покровского о Васильковских событиях сводилось к тому[2]), что «южные декабристы как в лице Соединенных Славян, так и Южного Общества, были одновременно и демократами, и революционерами, выдвинули теорию вооруженного восстания и осуществили ее на практике восстанием Черниговского полка. Северные — восстания вовсе не имели в виду. Вот, если хотите, почему нужно справлять не 14-е декабря, а 28-е — день восстания Черниговского полка».

10.

В юбилейной литературе 1925 — 1926 гг. о декабризме и декабристах широкая популяризация данных о восстании Черниговского полка в освещении М. Н. Покровского сочеталась с значительным числом новых документальных публикаций о Васильковских событиях, с критическими обобщениями старого материала о них, со специальными писаниями о неизвестных ранее их сторонах и этапах.

Особенно интенсивно темы, связанные с выступлением революционных рот С. И. Муравьева-Апостола, разрабатывались в это время украинскими исследователями, интерес которых к проблемам южного декабризма был в известной степени предопределен территориальными рамками движения.

[1]) М. Покровский, «Очерки по истории революционного движения в России XIX — XX вв.», М., 1924, стр. 29 — 30; изд. 2-е этой же книги, без перемен., М.-Л., 1927, стр. 21 — 22. Ср.: «Настоящее восстание разразилось только на юге, но благодаря полицейским мерам Николая и его ставленников было подавлено и никаких результатов дать не могло» («Молодая Гвардия» 1923, кн. V, стр. 106).

[2]) М. Покровский, op. cit., стр. 39 (по второму изданию стр. 28).

Так, ученым краеведом, киевским историком Л. П. Добровольским осуществлена была в самом начале 1925 г. большая сводная работа «Повстання Чернігівського полку»[1]). Несмотря на незнакомство исследователя с некоторыми из основых памятников зарубежной литературы предмета, материал, охваченный в его опыте систематической передачи мемуарных и документальных данных о Васильковских происшествиях, был необычно широк. Фактическая история восстания оказалась окаймленной в своде Л. П. Добровольского обстоятельнейшими справками о далеком прошлом Черниговского полка и сведениями о жизненном пути некоторых участников событий даже много лет спустя после амнистии 1856 г. Интереснейшие историко-топографические экскурсы и попутные критические заметки о тех или иных из регистрируемых данных прорезывали хронологическую ткань повествования, ярко оттеняя в нем и пробелы, и достижения старой литературы о южном «мятеже». Однако, поскольку Л. П. Добровольский круг своих источников все же ограничил опубликованным уже материалом и не обращался даже при разрешении важнейших вопросов своей темы к оставшимся неизданными основным фондам документов о восстании Черниговского полка, его работа осуждена была на повторение если и не всех дефектов прежних публикаций, то, во всяком случае, очень значительного их числа. Не подчинившись ни одной из ходовых концепций Васильковских событий, обнаружив большое критическое чутье при учете реальной значимости каждого из своих источников, исследователь не мог, разумеется, без соответствующего архивного материала корректировать фактические промахи, пробелы и даже прямые измышления всех регистрируемых им свидетельств[2]), и те из них, которые явно не противоречили столь же спорным и случайным прочим печатным данным о восстании, в своде Л. П. Добровольского механически объединялись и нередко являлись предпосылками для самых ответственных заключений. Ненадежность материала, положенного в основание всего этого построения, частью уже вскрыли публикации новых документальных данных о восстании Черниговского полка, частью еще вскроют дальнейшие издания основных следственных и военно-судных

[1]) Работа Л. П. Добровольского, законченная в самом начале 1925 г., напечатана была в сборнике «Повстання декабристів на Україні» (Науковий Збірник Харківської науково-дослідчої катедри історії української культури, Харків, 1926, стр. 45 — 166) почти два года спустя после своего написания, и, поскольку автор лишен был, очевидно, возможности учесть даже основные юбилейные издания неизвестных ранее материалов о восстании, многое в его построениях к моменту выхода монографии в свет оказалось уже анулированным новыми публикациями.

[2]) Так, многие ошибки первой главы монографии («Чернігівський полк перед повстанням», стр. 45 — 61) обусловлены были незнакомством Л. П. Добровольского с точными данными о национальном составе Черниговского полка, с дислокационною его картою, с батальонными и ротными росписями наличных штаб и обер-офицеров. В семи разделах второй главы («Повстання Чернігівського полку», стр. 62—103: а) Виізд святками С. Муравйова-Апостола; б) Події до повороту Муравйова до Василькова; в) Події в Василькові; г) Марш повсталого полку; д) Перед сутичкою; ж) Катастрофа; з) Ліквідація по-

дел о мятеже. Тем не менее, как известный итог предшествующих изучений Васильковских событий, как тщательная вытяжка наиболее существенного из старой литературы предмета, работа Л. П. Добровольского значительно облегчит будущему исследователю неблагодарный труд рассмотрения и оценки многочисленных, но, за редкими исключениями, неточных случайных, тенденциозных и противоречивых суждений и показаний о действиях С. И. Муравьева-Апостола. Ценным приложением к работе Л. П. Добровольского явился им же составленный «Систематичний огляд літератури до справи про повстання Чернігівського полку», — указатель, хотя далеко не полный и критически почти не анотированный, но, вместе со своим продолжением «Decembriana. До підсумків юбілейної літератури про південний декабризм» [1]), могущий быть признанным лучшим из прежних библиографических справочников по вопросам, связанным с декабрьскими событиями 1825 года в районе расположения войск 3-го пехотного корпуса.

При ближайшем участии Л. П. Добровольского и В. М. Базилевича осу-

встання; и) Доля покараних) Л. П. Добровольский очень поверхностно охарактеризовал как исходные, так и сменяющиеся варианты последующих операционных планов мятежников, основания тех или иных мероприятий вождей заговора и правительственных войск. Уделив преимущественное внимание внешней стороне событий, он и здесь повторил все ошибки повествования И. И. Горбачевского об особых заданиях, якобы возложенных С. И. Муравьевым-Апостолом во время восстания на А. Ф. Фурмана и Ф. М. Башмакова (стр. 69, 72, 74, 83, 118), сохранил его же фантастическую версию Бобруйских происшествий (стр. 86); положившись на случайные официальные бумаги, неверно определил роли ликвидаторов восстания (стр. 87, 94), а из воспоминаний М. И. Муравьева-Апостола извлек фальшивую справку о позиции члена Южного Общества кап. М. И. Пыхачева, во время разгрома мятежников (стр. 83). Третья глава работы, посвященная «Участникам події» (стр. 104 — 148) и предварительно опубликованная в большей части своей по-русски (Сборн. «Из эпохи борьбы с царизмом», кн. V, Киев, 1926, стр. 67 — 84), давала краткие исторические характеристики деятелей восстания и его ликвидации, но, поскольку ни основные следственные данные, ни даже материалы знаменитого «Алфавита декабристов» не были еще доступны Л. П. Добровольскому, его справки формулярного типа были на редкость скудны, а психологические портреты или слишком общи или излишне гипотетичны. Из промахов внешнего порядка отметим, например, ссылку исследователя, не знающего подлинного портрета М. П. Бестужева-Рюмина среди зарисовок А. О. Ивановского («Музей Революции», Л., 1922), на фантастический профиль М. П. Бестужева-Рюмина в известном медальоне пяти повешенных на обложке «Полярной Звезды» (стр. 132); видная роль в заговоре и восстании подпоручика 17-го егерского полка А. Ф. Вадковского, случайно не отраженная в известном приговоре по его делу, ускользает от внимания и Л. П. Добровольского (стр. 115); полагая, что генерал Л. О. Рот «счел за лучшее» перейти после восстания во второй корпус (стр. 108), исследователь противоречит документам, устанавливающим вынужденный и необычайно обидный для Л. О. Рота характер его перемещения; майор Черниговского полка Лебедев почему-то называется (стр. 114) офицером «очевидно, 17-го егерского полка»; остается неразгаданной и принимается всерьез (стр. 146) характерная цензурная уловка редакции «Русской Старины», обеспечившей в 1873 г. ценою особого «обличительного» предисловия возможность публикации статьи М. Баласа о С. И. Муравьеве-Апостоле, и т. д. и т. п.

[1]) «Юбілейний збірник на пошану академика Д. И. Багалія». У Київі, 1927, стр. 901—921.

ществлена была В. В. Мияковским в 1926 г. публикация документальных данных интереснейшего «дела» канцелярии киевского гражданского губернатора «О возмущении некоторых рот квартирующего в г. Василькове Черниговского пехотного полка подполковника Муравьева-Апостола» [1]). Отраженный в этом «деле» обширный бытовой материал о важнейших перипетиях восстания и его ликвидации особенно ценен был свежестью и непосредственностью зарисовок развивающихся событий в рапортах низовой гражданской администрации, совершенно конкретными данными о настроениях в районе мятежа, о связанных с последним «проторях и убытках» населения, о числе пленных, раненых и убитых повстанцев, об условиях розыска и находки «катехизисов» и т. д. и т. п. Как приложение к бумагам основного «дела» о выступлении С. И. Муравьева-Апостола, напечатаны были относящиеся к этому же эпизоду документы канцелярии киевского генерал-губернатора (по секретной части, 1827 г., №№ 32 и 102), а место новой публикации в ряду основных источников по истории восстания Черниговского полка определял специальный вводный очерк В. В. Мияковского «Повстання Чернігівського полку. Огляд друкованих джерел и значіння відкритих матеріялів. Рух декабристів у сучасному йому оточенні». Некоторые из документов найденных в Киеве дел (в том числе и не напечатанные) широко использованы были в оригинальных экскурсах В. М. Базилевича «Декабристи на Київщині» и «Збітки від повстання 1825 — 1826 р.р.» [2]), Л. П. Добровольского «Виправа на Кавказ салдатів Чернігівського полку» [3]) и В. В. Мияковского «Революційний катехізіс 1825 року» [4]).

---

[1]) Документы эти, под заголовком «Повстання декабристів на Україні. З матеріялив Київського центрального історичного архиву. За редакціею В. Базилевича, Л. Добровольского та В. Міяковського», вошли с особой пагинацией в сборник «Рух декабристів на Україні». Ювілейне видання Укрцентрархіву». Харків, 1926, стр. 1 — 103. Разбор специального вводного очерка В. В. Мияковского к новым данным о восстании (стр. 6 — 23) см. в наших заметках в «Каторге и Ссылке» 1927, кн. V, стр. 211 — 212.

[2]) В. Базилевич, «Декабристи на Київщині», К., 1926, стр. 26 — 44. Ср. разбор этого тщательного научно-популярного очерка Васильковских событий (его дополняют этюды того же автора в сборн. «Из эпохи борьбы с царизмом», К., 1926, кн. 5, стр. 39 — 66) в рецензиях Л. П. Добровольского («Україна» 1925, кн. VI, стр. 147 — 148) и Ю. Г. Оксмана («Каторга и Ссылка» 1926, кн. III, стр. 275 — 278). Более специальный характер имеет исследование В. М. Базилевича «Збітки від повстання 1825 — 1826 рр.» «Декабристи на Україні» За редакціею акад. С. Ефремова та В. Міяковського. У Київі, 1926, стр. 101 — 103), документально устанавливающее действительные и мнимые «протори и убытки» васильковских, бело-церковских и мотовиловских обывателей в дни восстания и историю неожиданного удовлетворения их претензий николаевским правительством.

[3]) «Декабристи на Україні». У Київі, 1926, стр. 114 — 123.

[4]) «Життя й Революція», К., 1925, кн. XII, стр. 70 — 75. Использованные В. В. Мияковским в этой статье документальные данные о судьбе некоторых экземпляров «катехизиса» полностью вошли в печатаемый нами в настоящем томе (стр. 291 — 292) секретный рапорт киевского гражданского губернатора на имя командира 3-го пехотного корпуса от 20 августа 1827 г.

В заметках А. А. Рябинина-Скляревского «На спогад Чернигівського полку» сделана была попытка мобилизации основных сведений по истории Черниговского полка за все 214 лет его существования [1]). Сформированный еще в 1700 году, Черниговский полк после окончания кампании 1812—1814 гг. входил в состав русских оккупационных войск во Франции, участие свое в мятеже «искупал» на самых опасных участках фронта при штурме Варны в 1828 г. и на Малаховом кургане в 1854—1855 гг., а погиб в 1914 г. в Восточной Пруссии, спасая под Алленштейном пушки той самой 8-й артиллерийской бригады, на соединение с которой он шел в 1826 г. под командою С. И. Муравьева-Апостола. Опираясь на специальную военно-историческую литературу, А. А. Рябинин пользовался и некоторыми полковыми преданиями, но как раз в наиболее интересных своих частях материал этот не имел прямого отношения к самому факту восстания, рассказ о котором ограничивался поэтому в статье лишь сплавом некоторых показаний И. И. Горбачевского, реляций Л. О. Рота и донесений агентов Ф. Г. Гогеля.

Ничего оригинального ни по своему материалу, ни по методам его обработки не представляли и страницы о восстании Черниговского полка в общих очерках Д. И. Багалея «Декабристи на Україні» (Харків, 1926, стр. 35—40), в ценных другими своими частями книгах М. С. Балабанова «История революционного движения в России» (Киев, 1925, стр. 42—43) и М. И. Яворского «Нариси з історії революційної боротьби на Україні» (т. I, Харків, 1927, стр. 116—117), в хрестоматии М. А. Слабченко «Матеріяли до економично-соціяльної історії України XIX стол.» (т. I, Одесса, 1925, стр. 97—101).

Из документов центральных актохранилищ РСФСР в украинских изданиях использованы или воспроизведены были очень немногие. Так, лишь работа О. Д. Багалей-Татариновой «Участники повстання Чернігівського полку перед військовим судом у Могильови» давала более или менее систематический пересказ одной из сохранившихся сводок военно-судного дела об участниках Васильковских событий [2]), остальные же ук-

---

[1]) «Рух декабристів на Україні». Ювілейне видання Укрцентрархіву, Харків, 1926, стр. 98—109. Не перечисляя всех дефектов построения А. А. Рябинина, отметим лишь некоторые фактические его ошибки, имеющие тем большее значение, что источники своего изложения исследователь указывал очень глухо и общо. Так, например, не подтверждается известными нам документальными данными свидетельство А. А. Рябинина о том, что район комплектования Черниговского полка к 20-м годам XIX столетия был тот же, что и в начале XVIII в. (стр. 98); мало достоверной представляется его же глухая ссылка на волнения в полку в 1818 г. во Франции (стр. 99); при пересказе данных И. И. Горбачевского о восстании остались невыправленными не только ошибки, но даже явные описки мемуариста (напр., на стр. 101—«Жизневский» вм. Сизиневский); тайный же военно-полицейский агент подполковник Волынского полка де-Юнкер назван в статье почему-то (на стр. 108) командиром конно-артиллерийской роты, расстрелявшей черниговцев.

[2]) «Повстання декабристів на Україні». Науковий Збірник за редакциею академика Д. Багалия, Харків, 1926, стр. 171—234.

раинские публикации выявленного в Ленинграде и в Москве архивного материала (В. М. Базилевич «3 лістування вищої військової влади 1825—1826 р.р.» и «Солдати про повстання Чернігівського полку»; О. Д. Багалей «Салдатські маси в декабристському рухові», «Допити унтерофіцерів Чернігівського полку»; В. А. Барвинский «До біографії поручника І. І. Сухинова») были настолько отрывочны, случайны и неточны, что даже предварительная информационная значимость их далеко не всегда может быть признана бесспорной [1]).

«Дела Верховного Уголовного Суда и Следственной Комиссии, касающиеся государственных преступников», сконцентрированные в Архиве Октябрьской Революции в Москве, дали материал для нескольких основополагающих публикаций документов о восстании Черниговского полка.

Так, для юбилейной книжки «Красного Архива» за 1925 г. произведена была В. Е. Сыроечковским тщательная выборка некоторых бумаг из следственных дел о мятеже и напечатана под названием «Восстание Черниговского полка в показаниях участников». Разбитые на четыре группы (1. Восстание Черниговского полка. 2. Поездка Я. М. Андреевича 2-го. 3. Поездка А. И. Борисова 1-го. 4. В Пензенском полку), документы эти воспроизводили важнейшие моменты восстания в передаче С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, М. П. Бестужева-Рюмина, А. З. Муравьева, В. Л. Давыдова, Г. Олизара, Н. Н. Семичева, А. Е. Мозалевского, В. О. Сизиневского, А. С. Войниловича и нескольких рядовых Черниговского полка [2]). В вышедших в свет несколько позже четвертом и пятом томах известной серии Центрархива РСФСР «Восстание декабристов» полностью опубликованы были «дела» С. И. Муравьева-Апостола и вождей Общества Соединенных Славян, проливающие свет не только на всю историю восстания, но и на предшествующую последнему агитационно-пропагандистскую работу в войсках третьего пехотного корпуса [3]). Материалы «Алфавита декабристов» под

---

[1]) Все эти материалы, заимствованные из выявленных и подготовленных нами к печати дел штаба 1-й армии и аудиториатского департамента, появились в сборнике «Декабристи на Україні». За ред. акад. С. Ефремова та В. Міяковського. У Київі, 1927, стр. 18 — 36, 148 — 170. О методах воспроизведения здесь неизданных документов см. наши замечания в журнале «Каторга и Ссылка» 1927, кн. I, стр. 247 — 248. Публикации настоящего тома «Восстания декабристов» анулируют, впрочем, все неисправные воспроизведения в сборн. «Декабристи на Україні» новых документов о восстании Черниговского полка и об агитационной работе среди солдат 8-й артиллерийской бригады. Сохраняют свое значение в киевском издании лишь материалы о настроении солдат 17-го и 18-го егерских полков, несших караульную службу в Белой Церкви во время процесса нижних чинов Черниговского полка (стр. 29 — 36), и бумаги о взаимоотношениях представителей высшей военной власти в районе событий (письмо А. Г. Щербатова к Ф. В. Сакену от 23. дек. 1825 г. и др. бумаги на стр. 148 — 149).

[2]) «Красный Архив» 1925, т. VI (XIII), М., 1926, стр. 7 — 67.

[3]) «Восстание декабристов», т. IV, Л., 1927 (Дела П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола); т. V, Л., 1926 (Дела А. И. и П. И. Борисовых, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича 2-го, Ю. Люблинского и А. И. Тютчева). Ср. некоторые любопытные данные о подготовке

редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса давали ряд ценнейших биографических справок об участниках событий 1825 — 1826 гг. на юге, а сборник «Декабристы. Отрывки из источников» (М. 1926) вводил в научный оборот такие документы о «низах» заговора и восстания, как конфирмация по недошедшему до нас военно-судному делу «нижних чинов Черниговского пехотного полка, сужденных за измену и мятеж», как показания и приговоры по делам о пропаганде перед восстанием среди солдат 8-й артиллерийской бригады и бывшего Семеновского полка [1]). Специальный вводный очерк Ю. Г. Оксмана к группе старых и новых документов о восстании Черниговского полка, включенных в это издание, имел целью в предельно-сжатом изложении, опираясь на основную литературу предмета, восстановить, с одной стороны, общий ход мятежа, с другой — связать его с предшествующей агитационно-пропагандистской работой декабристов на юге и с известной волной крестьянских восстаний в этом же районе в 1826 — 1827 гг.[2]). Более тщательному изучению Северно-Черноморского хозяйственного плацдарма и уяснению некоторых особенностей политико-экономической конъюнктуры на Украине и в Новороссии к моменту восстания Черниговского полка посвящена была позднейшая наша работа об «Одесском гнезде заговора декабристов» в издании «Прапор Марксизму» за 1928 г. [3]). Интереснейшие моменты развивающегося восстания и мероприятий по его ликвидации позволили установить официальные бумаги за время с 26 декабря по 4 января 1826 г. полковника Кременчугского полка П. А. Набокова, командира одной из воинских частей, участвовавших в операциях против мятежников. Документы эти опубликованы были в сборнике «Декабристы» под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана одновременно с серией донесений тайных агентов военной полиции генералу Ф. Г. Гогелю о настроениях войсковых частей и гражданского населения в районе недавних действий ячеек Южного Общества и восстания Черниговского полка [4]). Полумемуарный, полупротокольный характер имело посвященное Васильковским событиям «Объяснение капитана Несмеянова»,

---

восстания войск 3-го корпуса и в первом томе этой серии (напр., документы дела кн. С. П. Трубецкого), М., 1925.

[1]) «Декабристы. Отрывки из источников». Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского, М., 1926, стр. 397 — 400, 365 — 367, 370 — 372, 467 — 470.

[2]) «Декабристы. Отрывки из источников», М., 1926, стр. 354 — 364. Часть этого очерка, подготовленного к печати весною 1925 г., была воспроизведена с существенными и независящими от автора искажениями в журнале «Огонек» 1926, № 2.

[3]) Ю. Г. Оксман, «Одеське гніздо змови 1825 року». Спроба перегляду питання про базу декабризму на Україні («Прапор Марксизму», Харків, 1928, кн. I, стр. 165 — 207).

[4]) Ю. Г. Оксман, «Восстание Черниговского полка. Новые материалы» («Декабристы». Труды Пушкинского Дома при Р. А. Н. под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, М., 1925, стр. 5 — 36). Ср. разбор этой публикации в рецензии Л. П. Добровольского («Україна» 1925, кн. VI, стр. 39 — 44) и наши разъяснения в «Каторге и Ссылке» 1926, кн. VII — VIII, стр. 352.

рассказ жандарма, арестованного повстанцами при въезде в Васильков и сохранившего поэтому в памяти не мало ценных бытовых деталей декабрьских и январских происшествий 1825 — 1826 гг. Документ этот, являющийся, вероятно, позднейшей копией с донесения, представленного Несмеяновым в штаб 1-й армии 4 января 1826 г., напечатан был С. А. Ереминым во втором выпуске академического сборника «Памяти декабристов» (1926)[1]).

Выше уже отмечены были нами новые критические издания двух мемуарных первоисточников по истории восстания Черниговского полка: «Записки и письма И. И. Горбачевского» под редакцией Б. Е. Сыроечковского (М. 1925) и «Rokosz pulku Czernihowskiego» Иосифа Руликовского, в переводе на украинский язык под редакцией и с примечаниями Л. П. Добровольского (К. 1926). Одновременно в сборнике «Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи» (М. 1926) были даны Б. Е. Сыроечковским в переводе на русский язык известные прежде лишь по французским подлинникам свидетельства о восстании Черниговского полка и его ликвидации в переписке императора Николая и цесаревича Константина Павловича. В статье Ф. И. Покровского «Расходы государственного казначейства на декабристов» появились именные высочайшие повеления о принятии на счет казны 6.356 р. $8^1/_2$ коп. ассигн., израсходованных на награды «нижним чинам полков армии, бывших при усмирении мятежников Черниговского пехотного полка», и об отпуске 10.000 руб. ассигн. «жителям гор. Василькова и уезда оного за понесенные ими убытки от бывшего в 1825 г. возмущения» [2]). Заметка А. С. Николаева о «Месяцеслове на 1827 г.» восстанавливала историю фальсификации в академическом календаре первых информационных данных о выступлении С. И. Муравьева-Апостола, рассчитанных на массового читателя[3]). Тонкую характеристику «аппаратной» тактики вождей восстания на юге давала лекция С. С. Мильмана «Декабристы»[4]). В «Новой Вечерней Газете» от 13 янв. 1926 г. напечатан был текст всеподданнейшего рапорта командующего 9-ю пехотною дивизиею от 30 декабря 1825 г. о начале мятежа, а а шестой книжке «Каторги и Ссылки» за 1926 г. воспроизведено уже давно известное по другому экземпляру циркулярное предписание министерства внутренних дел пограничным властям о розыске бежавших участников восстания[5]). Наконец, в приложении к статье М. В. Мура-

---

[1]) «Памяти декабристов», вып. II, Л., 1926, стр. 73 — 87. О происхождении этого документа см. данные на стр. 85. Дефекты комментария С. А. Еремина указаны нами в журн. «Каторга и Ссылка» 1927, кн. VI, стр. 257 — 258.

[2]) «Былое» 1925, кн. V, стр. 84 и 90.

[3]) «Красный Архив» 1925, кн. VI, стр. 318.

[4]) «Заочный Коммунистический Университет» 1928, № 3, стр. 54.

[5]) «Тайные общества в России в начале XIX стол.», М., 1926, стр. 124.

вьева «Декабрист А. З. Муравьев» [1]) опубликовано было письмо жены последнего от 22 января 1826 г. к великому князю Михаилу Павловичу, рисующее плачевную роль в Васильковских событиях командира Ахтырского гусарского полка, отказавшегося от обещанной поддержки восстания и тем самым почти предавшего его.

Очень характерно, что даже важнейшие из перечисленных нами публикаций нового документального материала не были учтены ни в одном из появившихся в эти же годы общих очерков восстания Черниговского полка. Многочисленные юбилейные этюды, сводки, брошюры, газетные и журнальные статьи, хрестоматии и памятки, в лучшем случае добросовестно популяризировали страницы записок И. И. Горбачевского, в худшем — оснащали отсюда же заимствованный материал случайными и ничем необоснованными личными домыслами о тех или иных моментах событий [2]). Единственной оригинальной попыткой развертывания общеизвестных формулировок И. И. Горбачевского при пересмотре некоторых свидетельств первоисточников о выступлении революционных рот С. И. Муравьева-Апостола следует признать работу М. В. Нечкиной «Восстание Черниговского полка» [3]), опубликованную впервые в юбилейной книжке журнала «Каторга и Ссылка» за 1925 г. и с некоторыми поправками и дополнениями перепечатанную впоследствии в ее же монографии об «Обществе Соединенных Славян» (1927).

Ю. Г. Оксман.

---

[1]) «Каторга и Ссылка» 1926, кн. VI, стр. 115 — 116. Об этом циркуляре, архангельский экземпляр которого появился в «Русской Старине» за 1899 г., см. далее, стр. 342.

[2]) Эта общая характеристика сделана нами на основании просмотра всех многочисленных юбилейных компиляций о декабризме и декабристах, попутно затрагивавших и материал о восстании Черниговского полка.

[3]) М. В. Нечкина, «Общество Соединенных Славян», Гиз, М., 1927, стр. 141 — 168. Ср. «Каторга и Ссылка» 1925, кн. VIII, стр. 87 — 112. Интересна предварительная формулировка некоторых связанных с восстанием Черниговского полка проблем в справочнике М. В. Нечкиной и Е. В. Сказина, «Семинарий по декабризму», под ред. В. И. Невского, М., 1925, стр. 105 — 111.

*

ОТДЕЛ I

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА О ВОССТАНИИ ЧЕРНИГОВСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА И О МЕРАХ ПО ЕГО ЛИКВИДАЦИИ.

1.

Секретное отношение председателя комитета для следственных изысканий о злоумышленных обществах, военного министра, генерала-от-инфантерии А. И. Татищева на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 20 декабря 1825 г.

Секретно.

Господину главнокомандующему 1-ю армиею.

По воле государя императора покорнейше прошу ваше сиятельство приказать немедленно взять под арест служащего в Черниговском пехотном полку подполковника Муравьева-Апостола с принадлежащими ему бумагами так, чтоб он не имел времени к истреблению их, и прислать как оные, так и его самого под строжайшим присмотром в С.-Петербург прямо к его императорскому величеству.

Равным образом, узнав от него о местопребывании брата его отставного подполковника Сергея Муравьева-Апостола, прошу ваше сиятельство, по воле его императорского величества распорядиться уже от себя о взятии и Сергея Муравьева-Апостола под арест со всеми его бумагами, и о доставлении также под строжайшим присмотром прямо к государю императору.

Военный министр Татищев.

№ 11.
20 декабря 1825.
С.-Петербург.

2.

Письмо командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота к начальнику главного штаба от 26 декабря 1825 г.

Ваше превосходительство,
милостивый государь.

Согласно желанию вашего превосходительства, изъясненному в почтеннейшем письме, от 20 декабря, имею честь довести до сведения вашего здесь прилагаемое в копии письмо от генерал-адъютанта Чернышева ко мне, присовокупляя, что как помянутые в оном чиновники 9 пехотной дивизии с некоторого времени замечены мною неблагомыслящими, то и счел долгом

уведомить о сем генерала Чернышева; но как, с другой стороны, не было о сию пору на их счет усмотрено никаких вредных действий, то я решил не приступать к каким-либо против них мерам (кроме усугубления тайного надзора) впредь до повеления вашего превосходительства; и сие тем более, что мне нельзя бы поступить иначе, не донося о том г-ну главнокомандующему, что не было бы согласно с повелением вашим хранить в тайне все дело о сокровенном обществе злоумышленников. Притом же полковник Швейковский не командует уже полком; а Полтавский полк находится в Бобруйске для содержания караулов.

Других сведений по сему предмету я по сие время не имею, кроме частного слуха, впрочем, может быть неверного, что полковник Пестель, будучи арестованным, застрелился.

Оканчивая письмо сие, я должен еще доложить вашему превосходительству, что штаб и часть войск вверенного мне корпуса учинили уже присягу на верное подданство государю императору Николаю Павловичу, и что я на днях ожидаю присяжные листы прочих, отдаленнейших частей оного. Я смею уверить ваше превосходительство, что все войска корпуса сего свято сохранили и сохранят полное повиновение и покорность.

Гражданское ведомство Волынской губернии совершило вчера присягу государю императору.

С глубочайшим почтением и преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Логин Рот.

Житомир.

1825 года. 26 декабря.

Копия письма генерал-адъютанта Чернышева генерал-лейтенанту Роту от 20 декабря 1825 года. Тульчин.

Приехав вследствие известного вашему превосходительству всеподданнейшего письма, вами в Таганрог препровожденного, хотя до сего времени не имеем еще в виду совершенно ясных доводов на то, о чем оно предуведомляло, но из собранных сведений замечаю, что некоторые лица 9 пехотной дивизии оговариваются в соучастии, и что на сию самую дивизию будто бы устремляется главная надежда сокровенных злоумыслителей, я почитаю непременным долгом предварить вас о сем, милостивый государь, в том убеждении, что если бы ваше превосходительство не получили еще никаких по предмету сему сведений, то письмо мое может послужить поводом к принятию секретных мер к бдительному и осторожнейшему надзору за поведением нижеозначенных лиц, а ежели на счет их дошли уже до вас какие-либо известия, то смею быть уверенным, что вы не откажетесь нам оные для соображения сообщить. Впрочем я полагаю вскоре выехать отсюда в Петербург и надеюсь лично увидеться и объясниться с вами в Житомире.

По сведениям, здесь собранным, в отношении 9 дивизии указываются: полковые командиры: Тизенгаузен и Повало Швейковский, Черниговского пехотного полка подполковник Сергей Муравьев-Апостол, и Полтавского полка прапорщик Бестужев-Рюмин в соучастии с злонамеренными; а в особенности сей последний употребляется будто бы в качестве тайного курьера для сообщения между членами. Напротив же того, командир гусарского принца Оранского полка полковник Бринкин со стороны сообщников почитается ими вредным шпионом правительства.

Всепокорнейше прося ваше превосходительство настоящее письмо мое сохранить для собственного только вас одних сведения, имею честь и пр.

Влагаемое здесь письмо на имя г-а. генерал-лейтенанта Куруты вследствие разрешения барона Ивана Ивановича всепокорнейше прошу отправить в Варшаву с нарочным; а фельдъегеря Новикова возвратить ко мне в Тульчин.

Верно. Генерал-лейтенант Р о т.

3.

Рапорт командующего 9-ю пехотною дивизиею на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 30 декабря 1825 г.

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу Сакену.

Командующего 9-ю пехотною дивизиею
генерал-маиора Тихановского 1-го

Р а п о р т.

Васильковский земской исправник Кузьмин вчерашнего числа № 121 меня уведомил, что «поутру того дня, часу в восьмом, привезен в экономический дом селения Трилес избитый весь и израненный командир Черниговского пехотного полка подполковник Гебель». По сему важному случаю тотчас был командирован мною бригадный генерал-маиор Курносов для открытия истины, которой, хотя и не нашел ни Гебеля, ни квартировавшей там вверенного ему полка 5-й мушкатерской роты, выступившей со всеми чинами на сборный пункт верст за пятнадцать, но чрез разведывания узнал: что в то время с подполковником Гебелем были жандармы и что побои и раны ему причинены по неизвестной притчине, в квартире той 5-й роты командира порутчика Кузьмина тогда, когда был там же подполковник Черниговского ж полка Муравьев-Апостол, разжалованной из полковников рядовой Башмаков и другие, офицерами Кузьминым, Сухиновым и Мещерским штыком; а затем от 29-го ж с № 44-м сего числа вошел ко мне рапорт старшего в штаб-квартире того полка маиора Трухина по сему ж предмету, на слухах основанный, и, в след за оным под № 48-м по донесению к нему командира 1-й гренадерской роты капитана Козлова, что уже подполковник Гебель в описанном положении привезен к сему последнему на ротный двор в селение Снетинку того ж 29-го числа по полудни в два часа рядовым 5-й роты Максимом Ивановым, где Гебель объявил: что «он, на основании высочайшей его императорского величества воли, хотел взять под арест подполковника Муравьева-Апостола и брата, при нем находящегося, отставного подполковника ж, в селении Трилесах, но бывшие там же Черниговского полка штабс-капитан барон Соловьев и порутчики Щипилла, Кузьмин и переведенный в Александрийской гусарский полк Сухинов, вступясь за Муравьевых, все четверо, бросясь на него с штыками, нанесли ему те побои и раны и он едва мог от них уйти и скрыться в экономической дом, откуда помянутым рядовым и увезен тайным образом; и что барон Соловьев и порутчик Щипилла им, Трухиным, уже арестованы». Донося об оном секретно с нарочно посланным офицером к корпусному командиру генерал-лейтенанту Роту, я сего ж числа немедленно отправился в Васильков для устроения предписанного пред сим маиору Трухину порядка к удержанию от

дальнейшего поползновения к злу виновных, но, не доезжая восьми верст, чрез народные слухи и инкогнито посыланных, открыл: что подполковник Муравьев с двумя или тремя ротами, везя под караулом жандармов, вошел в Васильков с заряженными ружьями, производя дорогою и там солдатами неистовые буйства, к девяти часам вечера имел уже при себе пять рот того полка, взял в свое ведение знамена и полковой казенный ящик, выпустил с гоубтвахты сообщников его и арестантов, отдав на оную маиора Трухина и другого офицера, оборвав с первого эполеты, дожидаясь для того же и меня, обольщая между тем нижних чинов вольностию и всеми мерами страха принуждая сам и товарищи его непреданных им офицеров быть с ними в сообществе; уверяют, что и других полков воинские чины будут к ним присовокупляться. А по сему, обратясь в дивизионную квартиру, самоспешнейше предписал я секретно и чрез нарочных же всем в дивизии налицо состоящим бригадным, полковым, артиллерийских рот и фурштатского батальона командирам, как наивозможно скорее собрать воинских чинов в свои штабквартиры впредь до повеления и, между тем требуя присылки в местечко Белую Церковь четырех легких орудий, предварив напомнить офицерам и нижним чинам пред сим данную его императорскому величеству на верность подданства присягу, внушить не соглашаться ни на какие обольщения подполковника Муравьева-Апостола, и, есть ли бы случилось проходить ему где-либо, не верить никаким предъявлениям повелений, стараться отдавшихся оному офицеров и солдат убедить оставить его как ложного начальника; а самого, равномерно брата его, штабс-капитана барона Соловьева, поручиков Кузьмина, Сухинова и Щипиллу, прапорщика князя Мещерского, оказавшегося по слухам при нем же Муравьеве, Полтавского пехотного полка подпоручика Бестужева-Рюмина и рядового Башмакова, арестовав как возмутителей, доставить за строжайшим караулом ко мне, и сделав вторичное донесение с подробнейшим описанием корпусному командиру на предмет принятия надлежащих мер. Обо всем оном вашему сиятельству донеся, имею честь присовокупить, что государю императору от меня о сем случае донесено сего числа № 502-м.

Генерал-маиор Тихановский 1-й.

№ 503.
Декабря 30 дня
1825-го года.

М. Белая Церковь.

4.

Секретное отношение киевского гражданского губернатора на имя управляющего министерством внутренних дел от 31 декабря 1825 г.

М. В. Д.
Департамент
полиции исполнительной
Отделение 2. Стол 1.
От киевского
гражданского губернатора.
31 декабря 1825.

Киев.

№ 11597.

Секретно.

Господину управляющему
министерством внутренних дел.

Квартирующего вверенной управлению моему губернии в городе Василькове Черниговского пехотного полка полковой командир г. подполковник Гебель, как пронесся слух, 25-го числа сего месяца, в день рождества христова, позже 10-го часа вечера, внезапно отлучился из города, а вчерашнего дня (как

некоторые видевшие его лица утверждают) возвратился в болезненном положении с несколькими на теле ранами, нанесенными ему, по словам его, где-то вне города командующим того полка 2-м баталионом подполковником Муравьевым-Апостолом и подчиненными ему офицерами.— Вслед затем и именно вчерашнего же дня, часу в 6-м вечера, означенный г. подполковник Муравьев-Апостол с несколькими вооруженными ротами, прибыв в город Васильков и остановя роты противу главной гоубтвахты, а после пошедши с теми же ротами в квартиру командира полка Гебеля, взял знамена и полковый казенный с суммою ящик; — при несении и препровождении чего воинские чины кричали ура! Потом г. Муравьев-Апостол, остановясь опять напротив гоубтвахты и ставши сам посреди знамен, между прочего уговаривал солдат служить и быть верными государю и великому князю Константину Павловичу; а между тем содержавшихся на гоубтвахте военных арестантов приказал освободить, что и исполнено.

Получив о сем сего числа донесение, я в ту же минуту довел об оном до сведения командира 4-го пехотного корпуса, г. генерал-адъютанта князя Щербатова, — и вследствие того тот же час сделано следующее распоряжение: 1-е. Баталиону Муромского пехотного полка, вышедшему сего числа после смены с караула из Киева, велено остановиться в местечке Броварах и быть в готовности выступить, когда надобность потребует; 2-е. Витебскому пехотному полку, квартирующему в городе Баришполе, приказано приготовиться также к выступлению; 3-е. Курский пехотный полк находится в Киеве в совершенной готовности, — и к сохранению здесь спокойствия приняты все должные меры. —

Между тем один чиновник послан к командующему 9-ю пехотною дивизиею г. генералу Тихановскому для узнания о принятых со стороны его мерах, а другому вместе с командированным от меня здешним земским исправником поручено разведать в окрестностях Василькова и в самом городе, что там делается. Сверх того, г. генерал-адъютант князь Щербатов вошел по сему случаю в сношение с командиром 3 пехотного корпуса (к коему Черниговский полк принадлежит) г. генерал-лейтенантом Ротом и представил об оном г. главнокомандующему 1-ю армиею.

О чем всем поспешая донести вашему высокопревосходительству с нарочною эстафетою, имею честь присовокупить, что, по полученному мною сейчас известию, означенный Черниговский полк в числе будто бы около двух баталионов сего числа после полудня под начальством вышепомянутого подполковника Муравьева-Апостола выступил из города Василькова, с направлением пути якобы в Варшаву; — и что о сем для дальнейших со стороны воинского начальства распоряжений также доведено до сведения г. корпусного командира князя Щербатова.

При чем долгом поставляю доложить, что во время сего беспорядка в Василькове были задерживаемы воинскими чинами проезжающие и в том числе два жандармские офицера и один фельдъегерь, кои и увезены вместе с полком.

Губернатор К о в а л е в.

5.

Всеподданнейший рапорт волынского гражданского губернатора от 31 декабря 1825 г.

Его императорскому величеству.

Волынского гражданского губернатора.

Всеподданнейший рапорт.

В сию минуту получен рапорт к командиру 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту Роту, от бригадного командира генерал-маиора Тихановского, 30-м числом декабря, из Белой Церкви, которым доносит следующее:

В Черниговском пехотном полку, квартирующем Киевской губернии в г. Василькове, служит подполковник Муравьев-Апостол. Командир полка Гебель имел приказание арестовать Муравьева; когда приступил к исполнению данного ему повеления, получил от того же Муравьева причиненную рану, и по совершении такового поступка Муравьев воззвал соучастников своих намерений к открытому бунту.

Пять рот тотчас с ним соединились и принимались к учинению какой-то присяги; Муравьев зараз освободил всех арестантов, в числе которых были уже и некоторые офицеры его шайки. Полагается, что збунтовавшиеся имели следовать или в Белую Церковь для вовлечения в свой заговор полк, там квартирующий, а еще более для забора казны графини Браницкой, или же обратятся на Житомир для захвачения корпусного штабу, губернской казны, арестантов и для грабежа. Генерал-маиор Тихановский успел поймать офицера Черниговского пехотного полка Ватковского, доверенного приятеля Муравьева, прибывшего в Белую Церковь для подущения на свою сторону военных, там квартирующих. Ватковский сей, будучи уже доставленным под караулом в Житомир, на допросе сознал, что такой же злой дух есть во многих полках и что число заговорщиков есть важно. О настоящих намерениях бунтовщиков ничего говорить не хочет. На вопрос о лицах — о принадлежности одних сознается, а о других возражает, но сам собою никого не открывает.

Такие суть достоверные сведения, до сего времени сюда дошедшие. Корпусный командир генерал-лейтенант Рот прошедшею ночью выехал по тем полкам, о коих добром духе сомневается, дабы принять полезные предварительные меры. В отсутствие его собравшись: генерал-маиор командующий артиллерией 3-го пехотного корпуса Богуславский, начальник корпусного штаба генерал-маиор князь Горчаков и я, сделали распоряжение, чтобы тотчас ввесть в город: 1-е, баталион Тамбовского полку, в карауле здесь находящийся, расквартированный по селениям. 2-е, собрать не только гарнизонные роты, в городе находящиеся, но привесть прочие и из селений. 3-е, удвоить караулы при арестантах как гражданских, так и военных. 4-е, иметь в готовности губернскую казну к вывозу к г. Дубно. 5-е, жандармов, как военных, так и гарнизонных, расставить в известных дистанциях города по всем трактам, и 6-е, земскую полицию выслать по тракту к Василькову для узнания с верностию, в которую сторону бунтовщики направились.

Кроме того, начальник корпусного штаба принял свои меры, чтобы ближайшие полки и артиллерийские роты в готовности были к исполнению

приказаний, какие даны будут за возвращением в Житомир, в самую минуту ожидаемого генерал-лейтенанта Рота.

О всех сих обстоятельствах вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу.

Губернатор Михаил Бутовт-Андржейкович.

31-го декабря 1825.

Г. Житомир.

6.

Рапорт киевского губернского прокурора на имя министра юстиции от 31 декабря 1825 г.

По секрету.

Его сиятельству господину генералу-от-инфантерии, Государственного Совета члену, министру юстиции и разных орденов кавалеру князю Димитрию Ивановичу Лобанову-Ростовскому.

Киевского губернского прокурора

Рапорт.

Сего 31-го декабря, в 6-м часу пополудни, приносят ко мне из канцелярии г. здешнего гражданского губернатора распечатанный пакет с рапортом исправляющего должность Васильковского поветового стряпчего, тамошнего нижнего земского суда секретаря, в коем доносит мне, что квартирующего в городе Василькове Черниговского пехотного полка полковой командир подполковник Гебель, как произнесшийся слух подтверждает, 25 сего месяца, в день рождества христова позже 10-го часа вечера, внезапно отлучился из города, а 30-го числа возвратился в болезни, как некоторые видевшие его лица утверждают, от нанесенных ему смертоносным орудием нескольких ран, в след за чем якобы в 6-м часу вечера, командующий оного полка 2-м баталионом подполковник Муравьев-Апостол, с несколько вооруженными ротами прибывши в город Васильков, остановя роты противу главной гоубвахты, а после пошедши с теми же ротами в квартиру командира полка Гебеля, взяв знамена и полковой казенной с суммою ящик, при несении и препровождении чего военнослужители кричали Ура!, и попрежнему остановясь на противу гоубвахты, ставши сам посреди знамен между прочего увещевал военнослужителей служить и быть верными государю и великому князю Константину Павловичу, а нонешнему государю императору Николаю Павловичу присяги не чинить, затем и бывшие в содержании на гоубвахте военные арестанты тут же под знаменами по приказанию его из оков освобождены; при чем он, правящий должность стряпчего, докладывает, что раны, по объяснению г. Гебеля некоторым посещавшим его лицам, где-то вне города причинены ему самим г. Муравьевым и подкомандными ему офицерами.— Прочитав таковое донесение, я сейчас для узнания причины распечатания столь важного по секрету адресованного на мое имя пакета, отправился к г. гражданскому губернатору, который на вопрос мой о сем объяснил, что пакет сей распечатал он невзначай вместе с своим, и что по сему ко мне донесению делает уже он с своей стороны распоряжение, но при всем том я в то же время копию оного рапорта представил

к г. командиру 4-го пехотного корпуса князю Щербатову, квартирующему в городе Киеве, для принятия в сем толь чрезвычайно важном случае со стороны его г. корпусного командира зависящих от него мер, о чем и вашему сиятельству по эстафете имею честь донести, прилагая при сем и копию вышеписанного рапорта исправляющего должность Васильковского стряпчего, и притом прошу покорнейше ваше сиятельство издержанные на эстафет из собственных моих 349 ру. 84 ко. деньги исходатайствовать отколь следует мне в возврат.

Губернский прокурор Василий Каменский.

№ 3435
31 декабря 1825.
Киев.

Копия.

По секрету.

Его высокоблагородию, господину киевскому губернскому прокурору и кавалеру Василию Афанасьевичу Каменскому.

Правящего должность васильковского поветового стряпчего

Рапорт.

Квартирующего в городе Василькове Черниговского пехотного полка полковой командир г-н подполковник Гебель: (как произнесшийся слух подтверждает): 25 числа сего м-ца, в день рождества христова, позже 10 часа вечера внезапно отлучился из города, а сего 30 числа возвратился в болезни (как некоторые видевшие его лица утверждают) от нанесенных ему смертоносным орудием нескольких ран, в след за чем именно: как бы в 6-м часу вечера, командующий оного полка 2-м баталионом г. подполковник Муравьев-Апостол, с несколько [sic!] ротами вооруженными прибывши в город Васильков, остановя роты противу главной гоубвахты, а после пошедши с теми же ротами в квартиру командира полка Гебеля, взяв знамена и полковой казенной с суммою ящик, при несении и при препровождении чего военнослужители кричали Ура!, и по прежнему остановясь напротиву гоубвахты, ставши сам посреди знамен, между прочего увещевал военнослужителей служить и быть верными государю и великому князю Константину Павловичу, а нонешнему государю императору Николаю Павловичу присяги не чинить, затем и бывшие на содержании на гоубвахте военные арестанты тут же под знаменами по приказанию его из оков освобождены; о каковом произшествии вашему высокоблагородию с нарочным честь имею донести, докладывая при том, что раны по объявлению г. Гебеля (некоторым посещавшим его лицам) где-то вне города причинены ему самим г. Муравьевым и подкомандными ему офицерами.

Подлинный подписал: За стряпчего нижнего суда секретарь коллежский секретарь Кириенко.

С подлинным верно: Губернский прокурор Каменский.
30 декабря 1825.
№ 578.

7.

Донесения тайного агента штаба 1-й армии гвардии капитана В. С. Сотникова от 31 декабря 1825 г. и 1 января 1826 г.

С 29-го на 30-е число в ночь провезли чрез Киев в С.-Петербург обоих сыновей генерала Раевского. Также говорят, что арестованы подполковники Пестель и брат его, генерала Раевского, Василий Львович Давыдов. Есть слухи, что якобы после учинения присяги Константину Павловичу от его высочества нет никаких бумаг, и кроме известных писем, объявленных при манифесте, нет ничего об отказе от престола. Будто бы город Москва отказался присягнуть государю императору, и что якобы посланы были для уговору, но сие нимало не помогло.—Некто коллежский советник Проскура, бывший президент киевского главного суда, выдающий себя сочинителем известной польской конституции 3-го мая и манифеста по сему случаю, говорил, что якобы он имеет письма из Варшавы от своего племянника, что там войскам приказано быть в готовности для выступления в С.-Петербург. Человека сего я в особенности постараюсь наблюдать.

Сегодня утром, в бытность мою у губернатора, слышал, что здешний губернский маршал еще не присягал. Также не присягали некоторые из поветов. Все сие сказывал при мне графу Олизару один из поветовых маршалов, коего фамилии я не мог узнать. Сей маршал упоминал, что он приехал просить губернатора отложить присягу до контрактов, ибо теперь затруднительно собирать дворян. Я подозреваю, что поляки с намерением медлят присягою, ожидая подтверждения самими ж ими распускаемых слухов. В них заметна большая преданность к цесаревичу.

. . . . . .

31 декабря 1825 г.
в 4-м часу по полудни.
По эстафете.

Весьма важное.

Прежде запечатания донесения моего от сего числа узнав, что в три часа пополуночи здешний губернатор получил из города Василькова от стряпчего и земского исправника донесения, что солдаты и офицеры квартирующего там полка под предводительством подполковника Муравьева-Апостола провозгласили императором цесаревича Константина Павловича, взяли с квартиры полкового командира знамены, что полковник Гебель изранен упомянутым Муравьевым-Апостолом и другими офицерами, что из города Василькова никого не выпускают и что донесения сии губернатор сообщил генералу Красовскому, я немедленно отправился к его превосходительству. Генерал Красовский, подвердив все сие, объявил мне, что князь Щербатов приказал сделать следующие распоряжения:

1-е, отправить в город Васильков с разных сторон надежных евреев для узнания, что там происходит.

2-е, послать нарочного к генералу Тихановскому для узнания, какие он взял меры.

3-е, отправить нарочного к генералу Роту и поручить ему узнать дух войск, по дороге от Киева к Житомиру расположенных.

4-е, быть в готовности одному баталиону из войск, в Киеве расположенных, и двум из ближайших к сему городу, с коими, в случае нужды, генералу Красовскому с рассветом выступить для усмирения бунтующих, и

5-е, о всем сем донести с нарочными главнокомандующему, что и приводится в исполнение.

Поспешаю о сем с своей стороны донести вашему превосходительству.

Гвардии капитан Сотников.

31 декабря
в 7 часов пополудни.

Киев.

Киев. 1 генваря 1826 года, в 5 часов пополудни.

Черниговского пехотного полку офицер прапорщик Мазолевский и четыре человека рядовых из числа возмутившихся, о коих я имел честь объяснить в донесении моем, с поручиком Несмеяновым отправленном, сего дня по утру арестованы в 12 верстах от Киева ключь-войтом и уже доставлены сюда. При Мазолевском найдена сабля, а при рядовых не было никакого оружия. Мазолевский при первом спросе объявил, что он тайно ушел от возмутителей и был намерен итти в Киев, дабы там явиться начальству.

В 4 часа возвратился сюда офицер, посланный вчера князем Щербатовым в Белую Церковь к генералу Тихановскому, с уведомлением о возмущении Черниговского пехотного полку. Офицер сей прибыл в Белую Церковь в два часа утра. Генерала Рота нашел уже там, от которого и привез к князю Щербатову бумагу. Подполковник Муравьев, пройдя по большой дороге на Белую Церковь 4 версты, свернул вправо и в 15 верстах от Василькова ночевал. С ним теперь только пять рот. Из трех же остальных: 1-я мушкетерская осталась на квартирах, 1-я гренадерская, отделясь от возмутителей, сего дня утром прибыла в Белую Церковь, об одной же роте нет еще достоверных сведений. Подполковник Муравьев надеялся, что к нему присоединится Кременчугской пехотной полк, но, к счастию, надежда его не исполнилась. Кременчугской полк остался верен. — Генерал Рот сего дня, в 10-м часу утра, выступил против подполковника Муравьева с 17 егерским, одним баталионом Кременчугского пехотного и 4 орудиями артиллерии. Другой же баталион Кременчугского полку и 18 егерской полк присоединятся к нему на дороге. Также генерал Рот приказал присоединиться к себе нескольким эскадронам кавалерии и конной артиллерии. Все сие служит ручательством, что ежели находящиеся с Муравьевым роты немедленно сами не опомнятся, то весьма скоро приведены будут в повиновение.

Я слышал, что подполковник Муравьев находился в весьма коротких связях с полков. Бибиковым, директором канцелярии главного штаба его императорского величества. Также говорят, что он перед возмущением был у родственников своих Муравьевых, командующих Ахтырским и Александрийским гусарскими полками, из коих, якобы, на последнего имел большую надежду.

Здесь сего дня утром присягал прибывший для караула баталион Низовского пехотного полку, который по случаю нахождения в походе не успел прежде выполнить сего священного долга.

Генерал Красовский действует весьма деятельно. Он прошедшую ночь вовсе не ложился спать.

Гвардии капитан Сотников.

Донесение сие я полагал отправить с срочным курьером, который прибыл сюда сего дня утром, но узнав, что не прежде отправится завтрева, решился послать по эстафете.

Здесь говорят, что подполковник Пестель сам себя застрелил.

По словам офицера, посланного князем Щербатовым к генералу Тихановскому, на коих основано и все изложенное мной касательно мер, принятых генералом Ротом против возмутившихся, между войсками, находящимися при генерале Роте, существует весьма хороший дух и заметна большая готовность к уничтожению возмутителей.

8.

Рапорт начальника штаба 3-го пехотного корпуса на имя начальника штаба 1-й армии от 1 января 1826 г.

Начальнику главного штаба I армии господину генерал-адъютанту и кавалеру барону Толю.

Начальника штаба 3-го пехотного корпуса
генерал-маиора князя Горчакова 3-го

Рапорт.

Вечером 30 числа декабря командир 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Рот осведомился, что при арестовании Черниговского пехотного полка подполковника Муравьева-Апостола произошел беспорядок, почему для прекращения оного и отправился лично тот же час в м. Белую Церковь. После прибытия его туда не получено мною от него никакого уведомления на щет сего произшествия, но между тем командующий 9-ю пехотною дивизиею генерал-маиор Тихановский и начальник штаба 4-го пехотного корпуса генерал-маиор Красовский, по дошедшим к ним известиям, дали знать, что 29-го числа находившиеся в с. Трилесах при подполковнике Муравьеве-Апостоле довольно в значительном числе офицеры не допустили полкового командира взять его с братом (отставным подполковником же) под арест и изранили подполковника Гебеля, взяв бывших при нем жандармов под караул. Потом Муравьев, собрав квартирующую в Трилесах 5-ю мушкетерскую роту, выступил к г. Василькову и в 4 часа вечером вступил туда с буйством и с заряженными ружьями, а к 9 часам было с ним пять рот означенного полка. Выпустив арестованных офицеров и нижних чинов, посадил он под арест командира 1-го баталиона маиора Трухина и другого офицера, взял в свое ведомство знамена и полковой казенной ящик и взбунтовал нижних чинов. После чего совершил какую-то присягу и 31 числа должен был выступить в поход по направлению к м. Паволочу. Независимо от мер, принятых корпусным командиром, которые мне еще не известны: гусарские Мариупольский и принца Оранского полки двинулись к Паволочу для соединения с артиллериею, там находящеюся, и поражения мятежников, а Алексопольский и Кременчугский пехотные находятся в сборе, первый в Радомысле, второй в Брусилове, дабы немедленно двинуться на бунтовщиков, как скоро направление оных будет известно.

Не имея еще известия, рапортовал ли корпусный командир о сем происшествии его императорскому величеству и г. главнокомандующему,

я щитаю долгом донести об оном вашему превосходительству, присовокупляя, что по всем вероятиям бунт, открывшийся в Черниговском полку, будет прекращен не позже, как через день или два.

Генерал-маиор князь Горчаков 3-й.

№ 304.
Генваря 1 дня 1826 года.
Корпусная квартира.
Г. Житомир.

9.

Рапорт командира 3-го пехотного корпуса на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 1 января 1826 г.

Главнокомандующему армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу Сакену.

Командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Рота

Рапорт.

Получив я 30-го числа декабря 1825 г. поздно в вечеру сведение, что командир Черниговского пехотного полка подполковник Гебель, вследствие высочайшей его императорского величества воли, прибыл 29 числа того же месяца после полуночи в деревню Трилесы, где квартировала 5 мушкетерская рота оного полка, прямо на квартиру ротного командира поручика Кузьмина, в которую почти в одно время прибыли подполковник Муравьев-Апостол вместе с отставным родным своим братом, где подполковник Гебель объявил им высочайшую волю об арестовании их, и вместе с тем приставя к ним жандарма, который был послан от меня с жандармским офицером для отыскания и арестования Полтавского пехотного полка подпоручика Бестужева-Рюмина, бывшего до сего у меня на замечании принадлежащим тайному обществу, кой, не получа от меня отпуска, неизвестно с чьего позволения отлучился от полка, содержащего в крепости Бобруйске караулы. Подполковник Гебель приказал послать за караульными солдатами, что было и исполнено, но в то же время, явясь хозяин квартиры порутчик Кузьмин, приверженной будучи к подполковнику Муравьеву, приказал снять часовых от квартиры и, сделав разные грубости своему полковому командиру, освободил обоих Муравьевых от ареста. Узнав я о сем, тотчас отправился 31 числа после полуночи и прибыл к вечеру того же дня в дивизионную квартиру, м. Белую Церковь, где командующий дивизиею генерал-маиор Тихановский донес мне лично, что подполковник Гебель был тяжело ранен Муравьевым и сообщниками их ротными офицерами, и что после сего произшествия подполковник Муравьев, как старший по командире полка штаб-офицер, принял на себя начальство над полком, и когда для учинения верноподданической присяги государю императору Николаю Павловичу роты собрались в полковую штаб-квартиру, то он, воспользовавшись сим случаем, с помощью 5-й мушкетерской и 2-й гренадерской рот, чтобы привести часть полка в возмущение, под предлогом, что его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича неправильно и против желания устороняют от наследия престола, решительно возбудил шесть рот к неповиновению начальству

и власти, будучи поддержен некоторыми офицерами, совершенно ему преданными, произвел всякого рода буйства, а потом 31 числа предпринял с оными ротами движение; но куда намеревался итти, — по направлению к местечкам Брусилову ль, или Паволочу, не было еще известно. А как он старается всячески распространить дух возмущения, привлекая нижних чинов ласковым и вольным к себе обращением, позволяя притом им делать пьянство и неистовство, чем надеялся, найдя прочие полки 9 пехотной дивизии еще расположенными по широким квартирам, тоже по частям привлечь на свою сторону значительное число людей.

Донося о сем вашему сиятельству, я имею честь присовокупить, что командующий дивизиею, по узнании об оном произшествии, предписал немедленно собрать прочие полки в свои штаб-квартиры, дабы отнять ему, подполковнику Муравьеву, все способы к распространению возмущения, а я, с моей стороны, велел тотчас двинуть к Паволочу из ближайше расположенных гусарских полков 6-ть эскадронов, послав между тем из Белой Церкви повеление, чтобы и вся дивизия была в готовности в случае надобности.

Удостоверившись, что между сим временем означенный Муравьев посылал ежедневно из своих приверженцев к бывшему командиру Александрийского пехотного полка полковнику Повало-Швейковскому, находившемуся еще в городе Радомысле для здачи полка, и узнав, что Муравьев не сомневается в том, что сего полка равно и Кременчугского пехотного, при сближении его, нижние чины последуют бесчестному предприятию, тем более, что рассылает солдатам осьмилетний срок службы и другие льстивые им обещания.

Полковника Швейковского весьма дружеские связи с Муравьевым-Апостоловым, и узнав недавно, что первой из них так же принадлежит тайному обществу, о котором г. генерал-адъютант барон Дибич при проезде через г. Могилев имел честь докладывать вашему сиятельству, то в опасение, что влияния Швейковского над Александрийским пехотным полком могли б послужить в пользу возмутителей и поколебать даже соседственный Кременчугской полк, я послал 31 числа декабря, в 11 часов по полудни, с нарочным офицером повеление оным полкам выступить без малейшей потери времени в окрестности Житомира, и предписал между тем генерал-маиору Чистякову, чтобы он тотчас арестовал Швейковского и, опечатав все его бумаги, отправил вместе с ним в корпусную квартиру. А сверх того, велел сего же числа 17-му егерскому полку, двум ротам Кременчугского полка, содержащим караул в дивизионной квартире, и четырем пешим орудиям следовать из Белой Церкви к Паволочу, куда и сам я прибыл сего вечера в одно время с вышеупомянутыми гусарскими эскадронами.

Получив уж здесь верное сведение, что подполковник Муравьев положительно взял направление на Брусилов, то я, не дожидаясь прибытия сюда пехоты, дабы не потерять время, завтрешнего числа на рассвете выступлю с 6-ю эскадронами гусар и конною ротою № 5-ю, коих полагаю более нежели достаточно на искоренение возникшего возмущения. О последствиях же по сему буду иметь честь впредь с нарочным подробно донести вашему сиятельству.

Генерал-лейтенант Р о т.

№ 5-й
Генваря 1-го дня
1826.
Местечко Паволочь.

10.

Рапорт командира 3-го пехотного корпуса на имя начальника штаба 1-й армии от 2 января 1826 г.

Начальнику главного штаба армии господину генерал-адъютанту и кавалеру барону Толю.

Командира 3 пехотного корпуса
генерал-лейтенанта Рота

Рапорт.

Из донесения моего к господину главнокомандующему армиею, посылаемого с сим же нарочным, ваше превосходительство изволите усмотреть причины: почему высочайшая его императорского высочества воля относительно арестования Черниговского пехотного полка подполковника Муравьева-Апостола еще не исполнена. Присовокупляю, что, по прибытии жандармского полка прапорщика Скокова в г. Васильков, Муравьев находился тогда в корпусной квартире, отколь он 25 числа в вечеру опять уехал будто бы к своему месту, но оказалось после, что он взял себе дорогу чрез Любар. Подполковник же Гебель прибыл ко мне 26 числа, в 3-м часу по полуночи, отколь он тотчас поехал по горячим следам; между же тем я узнал от него, что им найден был в Василькове, на квартире Муравьева, Полтавского полка подпорутчик Бестужев-Рюмин; я тотчас послал жандармского полка порутчика Ланга с жандармом для арестования оного, и таким образом подполковник Гебель, следуя с одной стороны за Муравьевым, а порутчик Ланг, искав офицера Бестужева, приехали почти в одно время на ротной двор, в деревню Трилесы, где и нашли у ротного командира порутчика Кузмина на квартире оба братья Муравьевых с Бестужевым, где и последовало начало произшествия, описанного в рапорте моем его сиятельству.

Имею честь о сем донести и присовокупляю, что генерал-маиор Гейсмар с 6-ю эскадронами гусар и конно-артиллерийскою № 5-ю ротою уже выступили из Паволочи по направлению к Брусилову, куда я тоже, по отправлении сего курьера, буду следовать.

Впрочем, смею я теперь уверить ваше превосходительство, что произшествие сие дальнейших последствий не может иметь, и коль скоро я достигну виновных (что не может быть позже завтрашнего числа утра, ежели не сегодня еще), приму такие меры, которые наверно искоренят разом возникшее зло, ежели не тотчас бунтующие покорятся.

Генерал-лейтенант Рот.

№ 6.
Генваря 2 дня
1826 г.
Местечко Паволочь.
В 7-м часов пополуночи.

11.

Донесение гвардии капитана В. С. Сотникова в штаб 1-й армии от 2 января 1826 г.

Генваря 2, в 9 часов по полудни. Киев.

По известиям, полученным сего дня по утру, подполковник Муравьев ночевал 1-го числа в 20 верстах от Василькова. Его солдаты начинают оставлять, коих уже до 100 человек собралось в Василькове,

Получ. 23 декабря. 19

Господину Главнокомандующему 1-ю Армією.

По воле Государя Императора покорнейше прошу Ваше Сіятельство приказать немедленно взять подъ арестъ служащаго въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку Подполковника Муравьева Апостола съ принадлежащими ему бумагами, такъ, чтобъ онѣ не имѣли времени къ истребленію ихъ, и прислать, какъ онѣ, такъ и Его самаго подъ строжайшимъ присмотромъ въ С. Петербургъ прямо къ Его Императорскому Величеству.

Равнымъ образомъ, узнавъ отъ него о местопребываніи брата Его отставнаго Подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола, прошу Ваше Сіятельство, по воле Его Императорскаго Величества распорядиться уже отъ себя о взятіи и Сергѣя Муравьева-Апостола подъ арестъ со всѣми Его бумагами, подобставленіи также подъ строжайшимъ присмотромъ прямо къ Государю Императору. —

Военный Министръ

№ 11.

24 Декабря 1825.

С. Петербургъ.

Секретное отношение от 20 декабря 1825 г. об аресте М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов

(С оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии „О злоумышленном тайном обществе" 1825 г., № 9, ч. I, л. 19.)

в том числе явились туда два унтер-офицера и тамбур-мажор с своею командою.

В два часа пополудни отправленной в Васильков из Киева с тремя жандармами Черниговского пехот[ного] полка маиор Трухин встретил в нескольких верстах от сего последнего города Черниг[овского] пех[отного] полка казначея и квартирмистра, которых и доставил сюда. Офицеры сии объявили, что они ушли от Муравьева сего дня поутру и ехали в Киев явиться[,] и рассказывают, что с Муравьевым шесть рот и пять патронных ящиков, с коими он сегодня утром подвинулся по проселочным дорогам к Белой Церкви; ночевал лично в 20 верстах от Василькова. Также они говорят, что Муравьев старается удерживать солдат в нетрезвом виде.

Два рядовых из числа арестованных вчера с прапорщиком Мазолевским признались, что они и Мазолевский 31 декабря ночью были в Киеве и из оного в ту же ночь ушли обратно, и что один из них по приказанию Мазолевского бросил три какие-то бумаги, уповательно, копии с возмутительной речи, составленной Муравьевым.

Мазолевский допрашиван генералом Красовским в присутствии князя Щербатова.

Полагают, что генерал Рот сего дня атаковал возмутителей, но достоверных сведений о сем еще не получено.

Подполковник Муравьев за несколько дней до возмущения был в Киеве и старался внушить свои правила обер-кварт[ирмейстеру] полковнику Рененкампфу, но оной отклонил его предложение. Также внушал подобное квартирмейстерским офицерам, при штабе 4 пех[отного] кор[пуса] находящимся, но и сии поступили подобно Рененкампфу. После сего Муравьев, сказав, что он будет опять чрез пять дней в Киеве, уехал. О всем сем рассказывал мне сам Рененкампф.

Также сего дня узнал я, что с полков[ником] кн. Трубецким, кроме Муравьева-Апостола и Бестужева, были в весьма коротких связях подполковник Гротенгельм и еще один штаб-офицер, которого фамилии не знают, но, по рассказываемым приметам, я принимаю сего штаб-офиц[ера] за ко[мандира] Полт[авского] пехотного полку, полковника Тизенгаузена. Также весьма часто посещали Трубецкого: адъютант князя Щербатова Норов и один кварт[ирмейстерский] офицер в очках. Я еще слышал, что подполковник Муравьев имел весьма тесную связь с вышеупомянутым Тизенгаузеном, в полку которого служил Бестужев и полков[ник] Повало-Швейковский, бывший полковой командир.

Между войсками, здесь квартирующими, существует весьма хороший дух. — Все вообще, с коими я в последние дни встречался, поступок Муравьева называют безумством.

Сего же дня слышал я, что поздно вечером прибыл из Варшавы ген[ерал] адъют[ант] граф Ожаровский и остановился у кн. Щербатова. Говорят, что Ожаровский едет для провожания тела покойного государя.

Сего ж дня слышал, что яко бы вчера ночью инкогнито проехал чрез Киев в С.П.Б. с фельдъегерем ген[ерал]-от-кав[алерии] Раевский.

Гвардии капитан Сотников.

К донесению 2 генваря.

Здешнему почмейстеру повеление главнокомандующего я отдал, но он по прочтении оного отвечал, что без разрешения своего начальства исполнить по оному не может формально, но партикулярно помогать готов. Однакож я от него еще ничего не получил.

Ежели б по обстоятельству, относящемуся до полковника Ренненкампфа, вашему превосходительству благоугодно было сделать какой-либо вопрос, то необходимо нужно удалить всякое подозрение, что об оном сделалось известно чрез меня.

Гвардии капитан Сотников.

Донесения сии отправлены мной с срочным курьером, явившимся ко мне за оными в 2 часа ночи.

12.

Рапорт командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя А. Г. Щербатова на имя главнокомандующего 1-й армиею от 2 января 1826 г.

Секретно.

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу фон-дер-Остен-Сакену.

Командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя Щербатова

Рапорт.

Вчера схвачен в 12 верстах от Киева Черниговского пехотного полка прапорщик Мозелевский с 1 унтер-офицером и 3 рядовыми. По показанию их, они посланы были из Василькова 30-го числа от Муравьева-Апостола отыскать в Киеве Курского пехотного полка маиора Крупеникова или Крупникова и сказать ему, чтобы с баталионом его следовал в местечко Брусилов, а также подбросить в Киеве три экземпляра возмутительного катехизиса и потом отправиться в Брусилов, куда Муравьев намеревался итти, чтобы соединиться с Кременчугским пехотным полком.

Мозелевский по прибытии в Киев узнал, что в Курском полку Крупеникова нет, и хотя писарь говорил им, что есть порутчик Крупеников, но они, бросивши на улице все три экземпляра катехизиса, отправились немедленно из Киева и были схвачены в 12 верстах, по случаю принятых мер к поимке подобных подозрительных людей.

Как в Курском полку нет никого из штаб-офицеров похожих даже объявленную фамилию [sic!], и как порутчик Крупеников, по объявлению полкового командира, есть один из самых добронравных и верных офицеров, который, будучи, сверх того, обязан семейством, совершенно не заслуживает никакого подозрения, в чем я и ныне удостоверился, призывая его лично к себе, но при всем том буду иметь его до времени под наблюдением.

Порутчик Крупеников объявил мне, что он имеет одного только родного брата, который служил в лейб-гренадерском полку, потом переведен маиором в Тарутинской полк и за восемь лет перед сим, за получением в сражениях 5 ран, вышел в отставку подполковником и живет в Калужской губернии, в Жиздринском уезде, но переписки с ним никакой не имеет. В прочем, как мне известно по списку, то во всей армии нет штаб-офицера сей фамилии, и потому имею причину думать, что главная цель Муравьева-Апостола заключалась в том, чтобы узнать, нет ли в Киеве беспокойства, и чтобы бросить возмутительный катехизис, коего один экземпляр отыскан вчера

на Подоле, на улице, а два другие пропали, но приняты меры к отысканию оных.

Должно полагать, что катехизис сей доставлен к Муравьеву-Апостолу братом его, квартирмейстерской части прапорщиком Муравьевым-Апостолом, приехавшим в Васильков 30-го числа, в 10 часов утра, из С.-Петербурга.

По объявлению маиора Трухина и сейчас явившихся ко мне бежавших от Муравьева-Апостола Черниговского полка казначея порутчика Сезеневского и квартермистра подпорутчика Войниловича, главнейшие сообщники Муравьева родные братья его — Матвей, отставной подполковник, и квартирмейстерской части прапорщик, Полтавского полка порутчик Бестужев-Рюмин, Черниговского штабс-капитан барон Соловьев, порутчики: Щепила, Кузьмин и Сухинов, переведенный из Черниговского в Александрийский гусарский полк.

Беспорядок, существующий между офицерами и нижними чинами в Черниговском полку, простирается до высочайшей степени, и, повидимому, одно пьянство удерживает еще большую часть в сообществе с Муравьевым-Апостолом.

Генерал-лейтенант Рот чрез посланного моего в Белую Церковь штабс-капитана Ветлицу от 1-го генваря извещает меня, что он, прибывши в Белую Церковь 31-го числа в вечеру, сделал надлежащее распоряжение относительно сборов войска на нужных пунктах, чтобы истребить сии возмущения. Он намерен по прибытии из Ракитны артиллерии, которую ожидал через несколько часов, выступить с 17 егерским полком и двумя ротами Кременчугского, соединиться с гусарским принца Оранского полком и одною ротою конной артиллерии около мест. Паволочь, дабы оттоль пресечь дорогу, идущую к Бердичеву, куда, по сведениям, им полученным, Муравьев намеревается итти.

По полученным мною сего числа известиям, Муравьев выступил из Мотовиловки на рассвете и взял направление к сел.Ковалевки, оставляя вправо местечко Фастов и сел. Фастовец, имея, вероятно, намерение укрываться от большой дороги, идущей чрез Фастовец на Паволочь; Сезеневский и Войниловичь отделились от Муравьева в 5 верстах от Мотовиловки; показания их, а равно Мозелевского и рядовых, с ним бывших, а также двух писарей Курского полка при сем на благорассмотрение вашего сиятельства представить честь имею, и отправляю при сем с жандармским офицером Скоковым самого Мозелевского.

Сверх сего получены мною известия, что 1-го числа 1 офицер и 30 человек, прибывши в местечко Бишев, объявили, что они посланы от Муравьева для занятия квартир. Квартирующие в Бишеве нижние чины Кременчугского полка к мятежникам не присоединяются, но остаются на своих квартирах спокойными; кременчугские квартируют по мужикам, а прибывшие от Муравьева — у евреев. Я послал верных людей иметь наблюдение как за движением Муравьева, так равно в Бишев и Брусилов, где штаб-квартира Кременчугского полка, а между тем сего числа Муромский баталион передвинул из Броваров в м. Белогородку, на половину дороги от Киева к мес[течку] Бишеву.

В Киеве совершенно все спокойно и благополучно. Войска одушевлены преданностию и верностию к государю императору и обязанности их.

Маиора Трухина я послал в Васильков принять в распоряжение все, там оставшееся от Черниговского полка.

Генерал-лейтенанта Рота теперь же извещаю о всем, что только мне известно. И коль скоро получу первое известие, что нужно ему мое содействие, то не упущу исполнить все, что только будет от меня зависеть.

Казначея Сезеневского и квартирмистра Войниловича, как бывших в сообществе с мятежниками, я приказал содержать при корпусной квартире под строгим надзором.

До отбытия их не были в соединении с Муравьевым 1-я гренадерская рота и большая часть 1-й мушкатерской: первая из них прибыла в Белую Церковь под командою капитана Козлова, а командир 1-й мушкатерской штабс-капитан Вульферт скрылся от мятежников и явился к генерал-лейтенанту Роту.

При самом окончании сего рапорта получены мною следующие известия:

1-е. Генерал-лейтенант Рот с 17 егерским полком, 2 ротами Кременчугского, первою гренадерскою Черниговского и 4 орудиями, из Белой Церкви прибыл в селение Шамраиовку, и соединился там с гусарским принца Оранского полком, а 18 егерскому полку приказал следовать чрез сел. Гребенки, дабы атаковать мятежников со всех сторон.

2-е. В Васильков пришли два человека Муравьева-Апостола и отдали оружие, которых я приказал доставить за караулом в Киев.

3-е. Между возмутителями существует совершенный беспорядок и неповиновение, многие раскаиваются в безрассудном и гнусном поступке, но, угрожаемые гневными сообщниками Муравьева, не смеют явным образом отклониться, а ожидают случая. Бежавший сего числа в Васильков староста майстеровых объявил, что 4-я и 5-я мушкатерские роты решаются искать случая, чтобы схватить Муравьева.

Что за сим узнаю, буду иметь честь донести вашему сиятельству с нарочным.

Генерал-от-инфантерии князь Щербатов.

№ 22.
Генваря 2-го дня
1826 года.
Г. Киев.

Показание Мозолевского.

Генваря 2-го дня 1826 года.

Минувшего 1825-го года декабря 29 числа перед вечером, когда пришли в Васильков две роты, 2-ая гренадерская и 5-я мушкатерская с Муравьевым-Апостолом, с коим были вместе Бестужев, Матвей Муравьев, Сухинов, Петин, Кузьмин, тотчас были освобождены барон Соловьев и Щепила, кои были прежде посажены на гаубтвахту маиором Трухиным, в то же время Мозолевский поставлен был на заставу в караул; с таким приказанием, чтобы никого не пропускать и брать всех под караул; в таком случае он взял двух жандармских офицеров, присланных из главной квартиры, отобрав от порутчика Несмеянова тысячу сто рублей, и доставил с бумагами к Муравьеву, а у Скокова взял десять рублей и отдал караульным; остальные же деньги и бумаги взял у него Сухинов. От Кузьмина слышал, что из Трилес Муравьев послал разжалованного Башмакова в Ахтырской и Александрийской гусарские полки; по приезде из Петербурга в Васильков свитского прапорщика Муравьева-Апостола, 30-го числа, в 10 часов утра, чрез час Муравьев-Апостол вручил Мозолевскому три катихизиса, и приказал ему следовать в Киев с 4-мя солдатами, по прибытии найтить Курского пехотного полка маиора Крупеникова или Крупникова и сказать, чтобы он следовал с баталионом в м. Брусилов. Исполнивши сие в Киеве

и раздавши катихизисы, ехать в Брусилов, объявивши, что он там найдет его с полком. При отправлении ж Муравьев-Апостол говорил Мозолевскому, что к нему пристанет Кременчугской пехотный полк, Александрийской и Ахтырской гусарские полки, и что собрана для сего же 8-я пехотная дивизия. Мозолевский слышал от Щепилова, что 4-й пехотной корпус также будет собираться скоро и пристанет к Муравьеву; Щепилов же говорил ему, что 2-й корпус также соединится с ними. Мозолевский слышал от разжалованного капитана Грохольского, что Муравьев намерен итить в Житомир, Муравьев говорил офицерам, что он надеется на соединение с гусарами и конно-артиллерийскою ротою.

К сему показанию Черниговского пехотного полка прапорщик Мозалевский руку приложил.

После подписки сего показания Мозолевский объявил, что у него было письмо от Муравьева, адресованное к маиору Крупеникову, но где и каким образом оное утерял, не знает.

Прапорщик Мозалевский.

Допрашивал обер-аудитор 9 класса Герасимов.

Показание унтер-офицера Ивана Харитонова.

Генваря 2-го дня 1826 года.

Декабря 29-го числа 1825 года приказано было собраться 5-й мушкатерской роте в селении Ковалевке, где баталионный командир Муравьев и ротной Кузьмин сказывали, что рота пойдет в Васильков, куда прибывши уговаривали они, чтоб только их слушали; говорили при том: «все будет наше». Полковой священник читал при знаменах катихизис. Полк, собравшись, зарядя ружья, вышел к Житомиру, а его Харитоновая, с Мозалевским и тремя солдатами послали в Киев; приехавши же Мозалевский, оставаясь сам на повозке, посылал рядового Павла Прокофьева в канцелярию Курского пехотного полка отыскивать маиора того полка Крупеникова, однако оного не нашли. После, отъехавши от канцелярии, повстречали писаря Курского полка, коего Мозалевский взял с собою, и были в трактире около четверти часа; причем Мозалевский спрашивал того писаря о маиоре Крупникове, [sic!] и что в Киеве слышно, а когда писарь отвечал, что маиора Крупеникова в полку нет, а есть порутчик Крупеников, тогда, более не расспрашивая, послал рядового Сафронова и велел данные ему три бумаги бросить под ворота, близ большой дороги, отъехавши от трактира версты две, и после отправились в Брусилов, дабы догнать полк; но в деревне Борщаговке, от Киева в 13 верстах, взяты и доставлены в Киев. — Добавил при том, что ранцы, кивера и прочие солдатские вещи приказано Муравьевым оставить на прежних квартирах, а некоторые взяли с собою; ружья же, сумы с патронами взяты всеми без изъятия. — На шинелях как у Харитонова, так и у прочих трех рядовых эполеты срезаны по приказанию Мозалевского для того, чтобы не знали какого они полка.

Допрашивал обер-аудитор 9 класса Герасимов.

Показание Алексея Федорова.

Генваря 2-го дня 1826 года.

1825 года декабря 29 числа, как он слышал от солдат, приехал в ротный двор полковой командир и, остановясь на квартире ротного командира

Кузьмина, поставил около квартиры Муравьева караул, скоро пришел к полковому командиру порутчик Щипилла, не скидая шапки вошел так в квартиру, но когда первой стал последнему говорить, тогда Щипилла, сбросивши с себя шапку, выхватил у часового ружье, начал полкового командира колоть, а Муравьев пришедши бил его прикладом; полковник однакож вырвался и ушел. После собрана была рота и вышла в Васильков, оставив на квартирах ранцы, кивера и прочие вещи, а некоторые и из сих вещей брали с собою; все же без изъятия взяли ружья и сумы с патронами. По собрании полка в Василькове при знаменах, полковой священник читал катихизис, и после, зарядя ружья, пошли к Житомиру, а его, Федорова, и прочих трех рядовых послали с Мозалевским в Киев, куда прибывши 31 декабря вечером, были все, кроме его, Федорова, на пивоварне и затем поехали на Подол, где Мозалевский, оставаясь сам на повозке, посылал из них Прокофьева отыскивать маиора Тамбовского или Муромского полка (фамилии коего не упомнит) для узнания об нем, посылал Прокофьева в полковую канцелярию, но не отыскавши заезжали в трактир; сам Федоров оставался у лошадей; после Мозалевский посылал Сафронова с какими-то бумагами и затем выехали в Борщаговку, где взяты и доставлены в Киев. На шинелях у него, Федорова, и у прочих трех рядовых эполеты обрезаны по приказанию Мозалевского для того, чтобы не узнали, какого они полка.

Допрашивал [обер-аудитор] 9-го класса Герасимов.

Показание Акима Софронова.

Генваря 2-го дня 1826 года.

31-го декабря приказал Муравьев-Апостол ему и прочим трем солдатам, сняв аммуницию, ехать с Мозалевским в Киев, а за чем, не знает. — Приехавши были на Подоле, где Мозалевский посылал Прокофьева отыскать маиора Крупеникова или Крупникова, но, не нашедши, возвращаясь, Мозалевский на дороге близ трактира велел данные ему какие-то три бумаги бросить, что ими исполнено, и после поехали в Борщаговку, где были взяты и доставлены в Киев. Пред выездом их из Василькова ротной командир Кузьмин уговаривал всех солдат ничего не бояться и делать что приказано будет; после был собран полк и, зарядя ружья, пошел к Житомиру, а их послали в Киев. При собрании полка в Василькове читан был полковым священником всем катихизис при знаменах. Ранцы, кивера и прочие вещи от рот, по приказанию Муравьева, оставлены на прежних квартирах, а некоторые взяли с собою, а сумы с патронами и ружья взяты всеми без изъятия. — На шинелях, как у него Софронова, так и у прочих трех эполеты по приказанию Мозалевского обрезаны единственно для того, дабы не узнали какого они полка.

Допрашивал обер-аудитор 9-го класса Герасимов.

Показание Павла Прокофьева.

Генваря 2-го дня 1826 года.

1825-го года 31-го декабря по приказанию Муравьева и Кузьмина послан он с Мозалевским и тремя солдатами в Киев к маиору Курского полка Крупеникову или Крупникову, за которым по приезде в Киев вечером для отыскания послан был Мозалевским в канцелярию того полка, где ему объявили, что у них маиора Крупеникова нет, а есть поручик

Крупеников, о чем он сказывал Мозалевскому, который оставался на повозке с прочими около канцелярии, после чего повстречали какого-то писаря Курского полка, с коим Мозалевский ходил в трактир и был там с полчаса; затем Мозалевский дал рядовому Софронову три записки, кои им близ трактира брошены, они же уехали в Борщаговку, где взяты и доставлены в Киев; пред выездом дня за два ротный командир Кузьмин уговаривал всех солдат, чтоб только его слушали, при чем читал им полковой священник катехизис. 31 декабря собравшись полк и зарядя ружья пошел к Житомиру. Сказывали притом, что с ними соединится кавалерия, 8-я пехотная дивизия и пионеры в Бобруйске. Ранцы, кивера и прочие вещи по приказанию Муравьева остались на прежних квартирах, а некоторые взяли с собою; равно всеми без изъятия взяты ружья и сумы с патронами. — На шинелях как у него, Прокофьева, так и у прочих трех рядовых эполеты по приказанию Мозалевского обрезаны, дабы не узнали какого они полка.

Допрашивал обер-аудитор 9-го класса Герасимов.

Показание рядового Курского пехотного полка Кузьмы Карпова.

Генваря 2-го д[ня] 1826 года.

Декабря 31-го числа 1825 года, вечером часу в 9-м, будучи он в полковой канцелярии для письма, приходил в оную какой-то неизвестной солдат и спрашивал маиора Курского пехотного полка Крупенкина, на что Карпов отвечал, что в полку маиора сей фамилии нет, а есть порутчик Крупеников; после, когда на спрос того солдата, не знает ли кто, где означенного маиора отыскать, Карпов отозвался неизвестностию, пошел не знает куда, и более его уже он не видел, а для чего сказанный солдат спрашивал помянутого маиора, ему Карпову неизвестно.

К сему показанию Курского пехотного полка рядовой Кузьма Карпов руку приложил.

Допрашивал обер-аудитор 9 класса Герасимов.

Показание рядового Курского пехотного полка Степана Кошелева.

Генваря 2-го ч[исла] 1826-го года.

Минувшего декабря 31-го числа, идя он с квартиры часу в 10-м вечера в полковую канцелярию, где находится для письма, повстречался на дороге с каким-то офицером, которой, остановя его, спрашивал: не знает ли он маиора Курского пехотного полка Крупеникова? На что Кошелев ему отвечал, что сей фамилии маиора в полку нет, а есть порутчик Крупеников; после просил тот офицер показать ему трактир, куда пришедши, видел Кошелев у него письмо, адресованное карандашем на имя маиора Крупеникова; затем спрашивал: давно ли полк пришел в караул и нет ли каких новостей? Противу чего Кошелев отвечал, что полк в Киеве уже месяц и нового ничего не слышно; наконец, просил сказанный офицер показать квартиру порутчика Крупеникова и приглашал с Подола на Печерск, где живет брат того неизвестного офицера, но Кошелев отозвался, что Крупе-

никова квартиры не знает, да и время не имеет, и получа от него 13 коп. медью пошел в свое место, более же ни о чем не знает.

К сему показанию Курского пехотного полка рядовой Степан Павлов сын Кошелев руку приложил.

Допрашивал обер-аудитор 9 класса Герасимов.

Показание казначея Черниговского пехотного полка порутчика Сезеневского.

2-го генваря дня 1826 года.

В день полкового праздника, то-есть 25 текущего декабря, во время ужина, во втором часу ночи, при собрании множества как гражданских, так и военных чиновников у командира полка подполковника Гебеля, кто-то объявил ему, что прибыл курьер, коего Гебель приказал просить к себе, с коим неизвестно что-то говорил; и потом тотчас взяв шинель и шапку поехали с сим же курьером, но куда, не известно, отколь вскоре возвратились. Я же с полковым адъютантом бегали узнать, куда они уехали, и мы видели, что тройки лошадей стояли возле квартиры подполковника Муравьева. После того г. Гебель приказал запречь свою бричку, а жандармские офицеры тем временем у него ужинали и чай пили и потом, запечатав какие-то бумаги, поехали все трое вместе неизвестно куда. 29-го декабря вечером, в седьмом часу, денщик мой Николай Кистерин, прибежав ко мне в квартиру маиора Трухина, сказал, чтобы я шел домой, где прийдя я нашел полкового штаб-лекаря Никольского, которой предъявил мне письмо к нему капитана Козлова, в коем Козлов уведомляет Никольского, что подполковник Гебель весь изранен; и просил меня дать ему казенных лошадей, дабы ехать к Гебелю в село Снитенку. О чем мы вместе объявили маиору Трухину. — На другой день я слышал, что Гебель был доставлен в полковой штаб капитаном Вульфертом и того же дня к вечеру подполковник Муравьев прибыл туда с двумя ротами или более, неизвестно, и, потребовав меня к себе, спрашивал, все ли деньги в казенном ящике? На что я ему отвечал, что артельные деньги все, а полковые находятся у подполковника Гебеля, почему он и послал меня за оными к Гебелю, но как Гебель был без чувств больным, то жена его отвечала мне, что полковые деньги с ящиком унесены разжалованным аудитором Каблуковым, о чем я тотчас сказал Муравьеву, и сей отвечал: «это дурно». После того на другой день штабс-капитан барон Словьев объявил мне приказание его, Муравьева, чтобы я распорядился на щет провианта, о чем подтвердил мне и полковой квартермистр подпоручик Войнилович; по чему, вытребовав провиант из Васильковского магазейна на весь полк за генварь месяц и оставив по приказанию его, Муравьева, в магазейне муки 62 четверти с препорциею круп для остающихся в Василькове людей, последние 300 четвертей муки и круп 28 четвертей с четвериками проданы и деньги отданы мною ему, Муравьеву. После чего в 12 часов по полуночи, перед выступлением полка в поход, вынесены были знамена и священник, отслужив молебен, читал какой-то катехизис, а люди все стояли во фронте; тут я получил приказание, чтобы скорее приготовить ящики к выступлению в поход, в каковой полк тотчас и выступил, направя путь в село Мотовиловку; а я отпросился у Муравьева остаться в Василькове, на что и получил его дозволение, с тем: чтобы непременно прибыть на ночь в Мотовиловку, что выполнив явился к нему. В Мотовиловке была дневка, и я был по утру у Муравьева, получил при-

казание послать за фельдшером Макухиным в г. Васильков с его, Муравьева, к сему фельдшеру запискою, который к нему и прибыл. Сего дня же по утру, при выступлении полка в поход, я потребовал тройку обывательских лошадей, ехал за полком до корчмы помещика Руликовского, в 5 верстах от Мотовиловки отстоящей, а близ оной отстал от полка вместе с полковым квартермистром подпоручиком Войниловичем; полк же пошел дальше по дороге, ведущей к селению Ковалевке.

Порутчик Сизиневский.

Допрашивал корпусный старший адъютант подполковник Малецкий.

Показание полкового квартермистра Черниговского пехотного полка подпорутчика Войниловича.

2-го генваря 1826 года.

1825 года, декабря 25 числа, в день праздника рождества христова, были все офицеры у полкового командира, но Муравьева не было, и в тот же день по полуночи в два часа приехали два жандармские офицера и, отдавши подполковнику Гебелю какую-то бумагу, уехали с ним неизвестно куда. — 27-го числа капитан Козлов из с. Снитинки прислал к командовавшему тогда полком маиору Трухину рапорт, что полковой командир привезен к нему солдатом, весь израненной, и для пользования его прислал за лекарем, которой немедля туда отправился; в каковое самое время маиор Трухин дал ему, Войниловичу, предписание, чтоб ехал вместе с жандармским из вышеписанных офицером Скоковым, после в Васильков возвратившимся, и осведомился, действительно ли справедливо донесение капитана Козлова[;] куда они прибывши, нашли точно полкового командира раненого; после чего он возвратился Войниловичь к маиору Трухину, а Скоков отправился с 1-ю гренадерскою ротою в расположение 5-й мушкетерской роты для преследования Муравьевых и прочих, с ними в том преступлении участвовавших; когда же Войниловичь возвратился в Васильков с приказанием от полковника Гебеля, что если бы кто из них оказался в городе, арестовать; в сие время узнали, что штабс-капитан барон Соловьев и поручик Щепилла в отсутствии Войниловича приехали к нему на квартиру, куда посланы были за ними конвойные, взяли и посадили на гобтвахту, а он, Войниловичь, оставался в ту ночь вместе с полковым адъютантом в квартире маиора Трухина, от коего на рассвете 28 числа послан он, Войниловичь, о произшествии сем с донесением к командующему дивизиею генерал-маиору Тихановскому, коему, отдав рапорт, объявил словесно обо всем, что только видел и слышал; при чем также Войниловичь известился от генерал-маиора Тихановского, что 5 мушкетерская рота из своих квартир выступила в Васильков с заряженными ружьями и примкнутыми штыками; при получении же от генерал-маиора Тихановского предписания маиору Трухину на щет распоряжения в таком случае, имел он, Войниловичь, особенное словесное приказание удвоить на всех постах караулы и взять всю предосторожность, а когда прибудет 5-я рота в Васильков, то вытребовать против оной еще две ближайшие и какие понадежнее для защищения в случае нападения, также сберегать подполковника Гебеля, заготовить лошадей по почтовому тракту для генерал-маиора Тихановского, который тотчас хотел выехать в Васильков; не доезжая сего города одной версты, Войни-

ловичь настиг Муравьева с двумя ротами, 2-ю гренадерскою и 5-ю мушкетерскою, следовавшими в город; тут остановили его, Войниловича, арестовали по приказанию Муравьева и взяли у него бумаги и пустили одного в город на почтовых лошадях, где встретя маиора Трухина, хотя объявлял ему приказание генерал-маиора Тихановского, но он, будучи в замешательстве, видя, что роты с Муравьевым идут в город, оставил Войниловича без внимания, приказывал бить тревогу, собирал караулы для удержания их стремления, в каковое время он, Войниловичь, ушел в дом секретаря и, находясь в оном, не видал, что на площади происходило; после, пройдя глухим переулком в свою квартиру, застал в оной караул Муравьева с таким приказанием, чтобы останавливать всех проезжающих и отбирать у них бумаги, а его, Войниловича, не выпускать из города; чрез несколько времени позван был Войниловичь к Муравьеву и получил от него приказание принять провиант на весь полк месячную пропорцию, что по случившемуся позднему времени отложено было до другого дня. — По утру, в 7 часов, пришел к нему, Войниловичу, на квартиру переведенный в Александрийский гусарский полк поручик Сухинов с заряженным пистолетом, угрожая, чтобы Войниловичь не оставался, а шел с полком и не упущал бы никакого средства к выполнению предприятий Муравьева, даже требовал в том клятвы, и когда вынудил таким образом от Войниловича согласие, он, Сухинов, от него ушел; после позван был Войниловичь к Муравьеву, от коего послан в магазейн для приема вместо провианта если можно денег, но комиссионер отозвался, что денег у него нет, а имеет провиант, и когда объявлено о сем Муравьеву, тогда он через Войниловича поручил полковому казначею Сизиневскому принять, который, приняв, продал и деньги доставил Муравьеву, а Войниловича отправил с предписанием в 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты с двумя конвойными унтер-офицерами и приказал ему же словесно объявить солдатам, что якобы его императорское высочество цесаревич Константин Павлович никогда от царствования не отрекался, а письма о сем предмете есть будто бы фальшивые, удостоверяя, что прислан от его высочества из Варшавы польской офицер, с тем, чтобы Муравьев прибыл с полком в Варшаву; после мною узнано, что офицер сей прибыл не из Варшавы, а из С.-Петербурга, родной Муравьева брат, по квартермейстерской части. Ротным командирам, между прочим, приказал объявить, что если они не пожелают следовать, то могут оставаться, почему Войниловичь, приехавши в 1-ю мушкетерскую роту, командуемую капитаном Вульфертом, застал оную собранную у корчмы, объявил ему означенное приказание; Вульферт требовал от Войниловича предписания, но, получив оное, от замешательства не прочел и возвратил обратно. После Войниловичь поехал в 1-ю гренадерскую роту, чтобы оная прибыла туда же, где и 1-я мушкетерская, объявил вышеписанное приказание Муравьева и командиру сей роты капитану Козлову. — При отправлении Войниловича в обе те роты Муравьев говорил, что если он осмелится не выполнить данного ему приказания, то посланы будут за ним поручик Сухинов и другие по разным дорогам, которые не приминут его поймать и лишить жизни; при чем унтер-офицерам приказал, что буде бы Войниловичь вздумал ехать в другое какое-либо место в сторону, а не туда, куда приказано, то б лишили его жизни, для чего они имели заряженные ружья. Находясь в столь крайних обстоятельствах, Войниловичь не в состоянии был ни явиться, как бы желал, к своему настоящему начальству, ниже дать какого-либо противного ротам приказания, вопреки воли Муравьева. — Исполнив оную и возвращаясь в Васильков, встретился с остальными шестью ротами, идущими в с. Мотовиловку, где они, расположась, имели

ночлег и дневку, расставивши караулы и цепь, как для того, чтобы никто не мог отлучаться, равно как и для своей безопасности, в каковое время Муравьев приказывал Войниловичу принять 1-ю мушкетерскую роту, квартировавшую в Мотовиловке по ненахождению при оной командира оной капитана Вульферта, однако Войниловичь объяснил, что он по должности квартермистра и что так как старшие его не командуют, отказался от сего предложения.

Генваря 2-го, пред выступлением полка в Бишев, собраны в квартиру Муравьева все офицеры, коим он приказывал быть в своих местах и уговаривать солдат, что якобы его императорское высочество цесаревич Константин Павлович не отрекался от трона, а что есть в том одна интрига его императорского величества Николая Павловича, при том ободряли бы солдат, дабы не теряли духу и в случае нападения отражались; однако он, Войниловичь, сего солдатам не говорил, имея намерение при первом случае от них удалиться, а для лучшего приведения сего в действие, объявил свое желание полковому казначею Сезиневскому, который также на то согласился, и выжидали к онсму удобного случая; хотя же предположено было полку следовать до м· Бишева, но вместо того взяли направление в м. Белую Церковь, не доходя стоящей по тому тракту корчмы, называемой Зыбкая, узнав от полкового казначея, что денщик его, Войниловича, проколот штыком, сказал оному казначею, что при сем случае есть удобность удалиться, и остались под видом делания перевязки денщику в сей корчме нарочно медля, будто искали нужные для пособия потребности; офицеры же некоторые хотя требовали после ухода полка, чтобы вместе с ними к полку отправлялись, но не дождавшись уехали, а они, Войниловичь и Сезиневский, пользуясь сим временем, на обывательских лошадях последнего воротились в Васильков, где, не нашедши никого, получа от тамошнего городничего лошадей, следовали в Киев, но, не доезжая до оного за три версты, повстречали маиора Трухина, который, сочтя их за единомышленников Муравьева, арестовал обоих, возвратился с ними в Киев к г. начальнику штаба 4 пехотного корпуса. — При чем Войниловичь добавил, что участия он с Муравьевым и другими никакого не имел и намерения их вовсе не знает.

К сему показанию Черниговского пехотного полка полковой квартермистр подпоручик Войниловичь руку приложил.

Показание снимал обер-аудитор 9-го класса Герасимов.

13.

Рапорт киевского губернского прокурора на имя министра юстиции от 3 января 1826 г.

По секрету.

Его сиятельству господину генералу-от-инфантерии, Государственного Совета члену, министру юстиции и разных орденов кавалеру, князю Димитрию Ивановичу Лобанову-Ростовскому.

Киевского губернского прокурора

Рапорт.

Минувшего декабря 31-го числа за №3435-м чрез эстафет донеся вашему сиятельству о действиях квартирующего в городе Василькове Черниговского пехотного полка подполковника Муравьева-Апостола с возмущенными

им военнослужителями того полка противу высочайшей особы его императорского величества, я тогда же васильковского поветового стряпчего, находившегося в отпуску в городе Киеве, командировал в город Васильков для наблюдения за дальнейшими сказанного подполковника Муравьева-Апостола и военнослужителей с ним соединившихся действиями, и чтобы о том, что где происходить будет, со стороны его, Муравьева, и других сообщников, ту же минуту со всею подробностию с нарочным мне рапортовал; вследствие чего, какое получил я по сему предмету от оного поветового стряпчего донесение и особое при оном письмо, с оных точные копии при сем вашему сиятельству имею честь на благорассмотрение представить, докладывая притом, что о сем довел я до сведения г.г. командира 4-го пехотного корпуса князя Щербатова и киевского гражданского губернатора, с тем, что как по донесению поветового стряпчего подполковник Муравьев-Апостол с возмущенными военнослужителями 2-го числа сего генваря выступил из селения Мотовиловки и направил путь чрез местечко Бышев Киевского, на местечко Брусилов Радомысльского повета, то дабы вторжением своим в поветовый город Радомысль не захватил в тамошнем поветовом казначействе государственной казны, не благоугодно ли будет г. губернатору к отвращению сего учинить зависящее распоряжение.

Губернский прокурор Василий Каменский.

№

3 генваря 1826.

Копия рапорта васильковского поветового стряпчего, от 2-го генваря сего 1826 года в 7-м часу по полудни пущенного, а 3-го числа в 11-м часу по полуночи полученного.

По прибытии моем из Киева в Васильков вчерашнего 1-го числа ночью, в следствие предписания вашего высокоблагородия того ж числа за № 3437-м мне данного, по поводу происходящих в городе Василькове и повете оного со стороны Черниговского пехотного полка подполковника Муравьева-Апостола и в команде его состоящих военнослужителей действий противу высочайшей особы его императорского величества, обо всем доныне происходившем как в городе Василькове, так и в повете оного, делал мое самовернейшее испытание и оказалось: 30-го декабря 1825 года здешнему г. городничему Дивильерсу, приезжавшему в квартиру г. командира Черниговского пехотного полка подполковника Гебеля, найденного им, городничим, совершенно израненным, он, Гебель, объявил, что по полученному им высочайшему повелению 25-го того ж декабря он, Гебель, отправился с двумя офицерами жандармского полка, а именно: порутчиком Несмеяновым и прапорщиком Скоковым для ареста по высочайшему повелению того ж Черниговского полка подполковника Муравьева-Апостола и брата его отставного подполковника же (которые 24-го декабря отправились из города Василькова в город Житомир). 29-го числа, прибыв Васильковского повета в селение Трилесы, где застал в квартире порутчика Черниговского полка Кузьмина означенных г.г. Муравьевых, которым он, подполковник Гебель, предъявил высочайшую волю на щет ареста их, бывшие же там Черниговского полка штабс-капитан барон Соловьев, порутчик Щепила, порутчик Кузьмин и переведенный из Черниговского пехотного в Але-

ксандрийский гусарский полк порутчик Сухинов, вступясь за Муравьевых, вместе все шестеро бросились на него со штыками и нанесли ему несколько ран, но он, ушед от них с последними силами, скрылся у економа в доме, откуда тихонько рядовым 4-й мушкетерской роты Михайлом Ивановым того ж числа пополудни в 2 часа увезен и доставлен к командиру 1-й гренадерской роты капитану Козлову, квартирующему в селении Снетинке, а оттоль 30-го числа капитаном Вульфертом с надлежащим караулом для предосторожности привезен в город Васильков; спустя после сего несколько времени г.г. Муравьевы и Полтавского пехотного полка соединившийся с ними подпорутчик Бестужев-Рюмин, со 2-ою гренадерскою и 5-ою мушкетерскою ротою, состоящими под командами 1-ая порутчика Петина, а последняя порутчика Кузьмина, вступили в город с заряженными ружьями, остановясь против гоубвахты, где содержались из сообщников их штабс-капитан барон Соловьев и порутчик Щепило (взятые по полученному первому известию о происшествии с подполковником Гебелем под арест командовавшим полком маиором Трухиным 30 числа ночью), освободив их и содержащихся на той же гоубвахте других арестантов по немаловажным делам, взяв с квартиры подполковника Гебеля полковые знамена и ящик с казенными деньгами, расположился по квартирам самовольно в нутре городе Василькова, и как при сем случае солдатам дана была вольность, то оные на квартирах требовали вооруженною рукою необыкновенного продовольствия, сопряженного с грабительством хозяйственных вещей, водку же и съестные припасы брали без всякого платежа, с крайнею обидою для жителей так, что во многих были побиты окошки и домашняя посуда, с причинением самим им побоев, и того ж 30 числа декабря вышепрописанные жандармского полка порутчик Несмеянов и прапорщик Скоков, после отъезда их с подполковником Гебелем за возвращением в Васильков тут по повелению подполковника Муравьева содержались на гоубвахте, а 31-го, ограбив у них деньги и подорожни, отпущены; и об оном им дано с васильковской полиции того ж числа свидетельство; поутру же того 31 числа порутчик Щепилов, прибыв с двумя вооруженными рядовыми в дом городничего Девилерса, насильно взял два оставшиеся у него подорожные бланкеты за № 442 и 443. Затем взято таковым же образом подполковником Муравьевым двадцать обывательских конных и воловых подвод без заплаты прогонов и дачи никакого вида, в два часа пополудни, по барабанном бою собравши роты пред свою квартиру и прочитав им какой-то катехизис особенного сочинения, по отслужении полковым священником молебна из города Василькова выступил и расположился в двух селениях Мотовиловках, одной казенной, а другой помещика Руликовского, оставив в городе Василькове полковый лазарет с штаб-лекарем, маиора Трухина (у которого он, по прибытии в Васильков оторвав шпагу и апалеты, посадил на гоубвахту) да полкового адъютанта порутчика Павлова, который от сего бунта спасся бегством, также полковой цехауз и з забратием с оного ружьей и амуниции, полковую церковь с причтом без всякого присмотра, засим 31-го числа декабря ночью подполковник Гебель в израненном его, как выше объяснено, положении отправился из Василькова в город Киев, где, как по слухам, и ныне находится; сего же числа мастеровой Черниговского полка плотницкий староста рядовой Карп Степанов, явясь к городничему Девилерсу, при мне объявил, что 31-го истекшего декабря с принуждения подполковника Муравьева при вступлении Черниговского пехотного полка и он, Степанов, взят, отправился в селение Мотовиловку, за прибытием туда происходило следующее: подполковник Муравьев, застав там 1-ю гренадерскую роту, подойдя к ним, спрашивал, желают ли они с ним служить, кото-

рая по долгому молчанию отозвалась, что она желает служить, но желает знать кому, то-есть какому царю, на что Муравьев отвечал, Константину. Муравьев при сем случае, уговаривая роту разными способами, сказал, что они пойдут с ним и будут хорошо служить, но рота отозвалась несогласием к тому, говоря, что они и так служат великому государю, с тем отзывом с селения Мотовиловки ушла, объявив только Муравьеву, что она следует на квартиры в 6-ти верстах состоящие селение Снетинку. — Все прибывшие с Муравьевым с города Василькова в Мотовиловку роты были в пьяном виде, 4-ой мушкетерской роты фельдфебель Карп Максимов и унтер-офицер Андрей Сидоров объявили ему, Степанову, что они уйдут, а рота сия и 5-ая мушкетерская согласились в случае чего сами его, Муравьева, схватить; в квартире его имеются пистолеты, кинжалы и ружья заряженные. С ним, Карпом, было ушли барабанный староста Гребенников и музыкант Ильин, но на пути вздогнаты и увезены туда же, а он, Карп Степанов, утек, впрочем, показывает и то, что многие фельдфебеля и музыканты намерены к уходу, но чрез смотрение и стражу остановлены; 1-го числа по выходе его с заутрени слышал, что Муравьев, собравши унтер-офицеров, приказал им расстановиться, но сии отказались, что солдаты не слушают, говоря притом, к чему сия цель будет служить, ибо они в своих пределах никакой опасности не предвидят; кроме всего вышеизъясненного, от здешнего исправника Кузьмина я сего числа узнал, что о преследовании подполковника Муравьева с подькомандуемыми его единомышленниками г. корпусной генерал Рот, находящийся ныне в местечке Белой Церкве, делал уже свое распоряжение, но по слуху подполковник Муравьев с возмущенными военнослужителями сего числа выступил уже из Мотовиловки и направил путь чрез местечко Бышев на Брусилов в Житомир. — О чем вашему высокоблагородию спешу с нарочным сим донести, вместе с тем не благоугодно ли будет о наблюдении за дальнейшими действиями подполковника Муравьева с его единомышленниками военнослужителями по состоянию местечка Бышева в Киевском повете поручить тамошнему стряпчему, я же с моей стороны о действиях их, в повете здешнем соделанных, по аккуратнейшем и скором за сим розыскании, имею также донести вашему высокоблагородию, докладывая при том, что для такового же розыскания прибыл сюда сего числа и чиновник г. гражданского губернатора г. надворный советник Долинский.

С подлинным верно: Губернский прокурор Каменский.

Копия письма васильковского поветового стряпчего Пивинского от 2-го генваря 1826 года, в 8 часов пополудни пущенного.

По запечатании посылаемого рапорта пронесся слух, что при выступлении Апостола-Муравьева из Мотовиловки сего числа один денщик за то, что не хотел следовать за ним, каким-то унтер-офицером подколот тесаком или штыком; особо же того—одна 2-я рота отделилась от шайки Муравьева и якобы направила путь прямо к девизионной квартире на Белую Церковь, и что многие офицеры тоже уходют от шайки Муравьева. — В Василькове хотя ныне и совершенное спокойствие, но жители опасаются на случай возвратится Муравьев; тут, кроме слабой инвалидной команды, да оставшихся несколько человек в лазарете военно-служителей, никакой команды нет, — чрез сие-то и жители беспокоются, будучи уже напуганы.

Я предположил поутру рано отправиться с г. Долинским для лучшего узнания по тракту на Мотовиловку, и что там окажется с нарочным донесу.

С подлинным верно: Губернский прокурор Каменский.

14.

Всеподданнейший рапорт командующего киевским внутренним гарнизонным баталионом от 3 января 1826 г.

Его императорскому величеству.

Командующего киевским внутренним гарнизонным баталионом маиора Черняка Самойленки

Рапорт.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: командующий подведомственною киевскому внутреннему гарнизонному баталиону васильковскою инвалидною командою подпоручик Клейменов рапортом от 31 декабря 1825 г. за № 613-м донес мне, что того ж месяца 30 числа неизвестно по какому поводу прибыл в гор. Васильков командир 2-го баталиона Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол, с означенным своим баталионом, напав на полковую гауптвахту Черниговского полка, выпустил всех содержавшихся в оной штаб и обер-офицеров и арестантов, отобрав от полкового командира подполковника Гебеля из квартиры его полковые знамена и казенный ящик, привел помянутых арестантов к присяге, посадил командира 1-го баталиона Черниговского полка маиора Трухина под арест, и сам сделался полковым командиром, допустил всех нижних чинов к грабежу жителей, поставил на всех въездах и выездах города Василькова строжайший караул с заряженными ружьями с приказанием никого не впускать в город, ни выпускать из оного, почему подпоручик Клейменов был у него, подполковника Муравьева-Апостола, просил позволения пропустить препровождаемую из города Василькова в Киев партию арестантов по бывшему 31 декабря этапному дню, но подполковник Муравьев-Апостол неизвестно по какой и от кого данной ему власти словесно приказал подпоручику Клейменову, чтобы арестантов впредь до приказания его не отправлять; по донесению моему о сем окружному генералу 3-го округа внутренней стражи генерал-маиору Коврегину по местному пребыванию его в гор. Киеве 31 декабря за № 6743, на основании предписания его от 1 числа сего генваря за № 2-м предписано от меня того ж числа командующему васильковскою командою подпоручику Клейменову, чтобы он партию арестантов, приостановленных с наглого приказания подполковника Муравьева-Апостола, тотчас отправил по тракту в Киев, и как дошло до сведения окружного генерала Коврегина, что подполковник Муравьев-Апостол с баталионом выступил к Житомиру, то в случае возвращения его в Васильков, если будут происходить от него несовместные распоряжения, касающиеся до обязанности инвалидной команды, то чтобы он, Клейменов, не решаясь на таковые, старался всеми мерами исполнить должность свою без упущения, с сохранением тишины и спокойствия, ограждаясь в том силою законов и волею своего начальства; — сего ж месяца 2 числа полу-

чено два донесения подпоручика Клейменова от 30 декабря 1825 г. за № 611, и от 1 сего генваря за № 1 и предписание окружного генерала генерал-маиора Коврегина за № 3, изъясняющие в первом «30 декабря по полуночи в 1 часу командующий Черниговским пехотным полком маиор Трухин предписанием требовал согласно высочайшей воли от подпоручика Клейменова в помощь дежурному по караулам оного полка поручику Быстрицкому для взятия под арест квартирующих в городе Василькове того ж полка штабс-капитана барона Соловьева, поручиков Кузьмина и Щепиллу и Александрийского гусарского полка поручика же Сухинова, всех наличных нижних чинов васильковской команды, какие только на лицо находятся, при чем приказал находиться и самому поручику Клейменову, вследствие чего он, Клейменов, в то же время отрядился с наличными нижними чинами и подпоручиком Быстрицким равно и полицейскими города Василькова чиновниками для отыскания означенных офицеров, из числа коих того ж часа отысканы и на полковую гауптвахту под арест посажены штабс-капитан барон Соловьев и поручик Кузьмин, а последние два отыскиваются»; — во втором, «что Черниговский пехотный полк под командою подполковника Муравьева-Апостола выступил из города Василькова в ход по столбовой дороге, идущей на местечко Белую Церковь, но куда именно, неизвестно, а остался в Василькове только один полковой штаб, из нижних чинов состоящий, как-то писаря, некоторые музыканты, дьячки и полковой священник, и некоторые нижние чины, и чрез то посты караулов, занимаемые оным полком при Васильковском провиантском магазине, на почтовой экспедиции, в казначействе и при полковой церкви оставлены без всякой смены и присмотра, которые заняты нижними чинами васильковской инвалидной команды, и арестантская партия, остановленная было отправлением по приказанию подполковника Муравьева-Апостола, прибыла в Киев 2-го числа сего месяца»; — в третьем: «начальник штаба 4-го пехотного корпуса генерал-маиор Красовский от 2-го сего генваря за № 2 по приказанию командира того корпуса уведомил окружного генерала Коврегина, что Курский пехотный полк по весьма важным обстоятельствам не может занимать киевских караулов до 5 числа сего месяца, почему и должны занимать оные караулы 3-го числа киевским внутренним гарнизонным баталионом, а 4-го числа баталионом Низовского пехотного полка», каковые караулы заняты киевским баталионом еще с 1 числа сего месяца по присланному от киевского коменданта генерал-маиора Аракчеева 31 декабря 1825 года наряду.

Маиор Черняк-Самойленко.

Г. Киев.
Генваря 3 дня 1826 г.
№ 77.

15.

Секретное отношение главнокомандующего 1-ю армиею на имя начальника главного штаба от 3 января 1826 г.

Секретно.

Милостивый государь барон Иван Иванович!

23-го минувшего декабря получил я отношение военного министра от 20-го того ж месяца относительно арестования Черниговского пехотного полка подполковника Муравьева-Апостола и представления его государю императору. Тотчас отправлены были отсюда два жандармских офицера

с четырмя жандармами в Васильков. Один из сих офицеров имел поручение взять брата Муравьева, отставного подполковника, узнав прежде от первого место его жительства. Обоим офицерам приказано было ехать прямо на квартиру командира Черниговского пехотного полка подполковника Гебеля, а сему предписано тотчас на повозке офицеров же ехать с ними прямо в квартиру Муравьева-Апостола и здать его лично посланному.

Как ни один из офицеров к сроку не возвращался, то, сомневаясь на щет причин замедления сего, я 30-го по утру предписал генерал-лейтенанту Роту чрез нарочного, послать тотчас генерала в Васильков для непременного выполнения ареста Муравьева и исследования причин случившейся медленности.

Вчера вечером получил я донесение генерала князя Щербатова от 31-го декабря, из коего видно: что 25-го декабря вечером подполковник Гебель отлучился из Василькова и 30-го числа возвратился раненный; что в след за тем подполковник Муравьев-Апостол, прибыв в Васильков с несколькими мятежными ротами, взял знамена и казенный ящик от полкового командира, увещевая солдат не присягать на верность государю императору, но остаться верными великому князю Константину Павловичу.

Подробности сего произшествия и какие меры взял на первый раз генерал князь Щербатов, изложены в рапорте его, который при сем в копии представить честь имею.

Я тотчас предписал князю Щербатову, чтоб он немедленно выступил сам к Василькову с таким числом войск, как нужным признает, и уничтожил бы мятежников, предоставив ему взять ближайшую артиллерию 3-го корпуса. Равномерно и генерал-лейтенанту Роту я предписал действовать против мятежников, при чем обоим сим генералам приказал приготовить все войски вверенных им корпусов к выступлению, употребляя с осторожностию только полки, на коих верность полагаться можно. Сверх сего я предписал полковнику Гельфрейху следовать с Нарвским драгунским полком к Киеву, испросив заблаговременно дальнейшего приказания от корпусного командира; а генерал-маиору Столыпину, чтоб и остальные три полка готовы были к выступлению. Генерал-маиор граф Ностиц, который повез сам сии последние два повеления, примет лично начальство над Нарвским полком.

Едва сие распоряжение совсем окончено было, как получено по эстафете две записки от находящегося в Киеве по поручению моему для общего наблюдения старшего адъютанта главного штаба армии гвардии капитана Сотникова, которые при сем в оригинале представляю. Основательность сего чиновника ручается за верность донесения. Из оных явно обнаруживается участие гражданской части в заговоре, как по тому, что губернский маршал, с некоторыми поветами медлит присягою, так и по нелепым слухам, рассеваемым между народом, якобы Москва не присягнула и что польским войскам приказано приготовиться к выступлению в С.-Петербург.

Какие бы, впрочем, не существовали здесь намерения, дабы упредить и встретить всякое злое покушение, я предписал прямо отсюда Полоцкому пехотному, 19-му и 20-м егерским полкам немедленно выступить в Киев, где я полагаю необходимым на все время контрактов содержать две бригады. Губернатору же я писал, чтоб он маршала графа Олизара, так и всех не присягнувших по сие время гражданских чиновников, тотчас привел к присяге, и затем, имея первого в наблюдении, не выпускал из города пока все беспорядки не будут прекращены; равномерно предписал ему, чтоб Проскуру за распространение ложных слухов взял тайно и посадил в крепость,

и затем старался бы опровергнуть все подобные слухи, и отыскивая лицы, оные распускающие, брал бы их под арест.

Между тем я предписал секретно генералам князю Шаховскому, Дуке, Бороздину и Каблукову, чтоб они велели тем войскам, которые не наряжены для печального шествия, быть готовыми к выступлению с патронными ящиками и артиллериею.

Болезнь начальника главного штаба армии воспрепятствовала ему тотчас отправиться на место происшествия.

С истинным почтением имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга

граф Сакен.

№ 10.
Генваря 3-го дня.
1826 года

Могилев-белор[усский]

Его превосхо-ству барону
И. И. Дибичу.

Копия с рапорта г. главнокомандующему 1-ю армиею командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя Щербатова 31-го декабря 1825 года № 11-м.

Сей час получил я от киевского гражданского губернатора прилагаемый при сем в копии рапорт васильковского стряпчего,[1] по содержанию коего, не теряя ни одной минуты, сделал я нижеследующее распоряжение.

1-е) Баталиону Муромского пехотного полка, выступившему сего числа из Киева после смены с караула, послал повеление остановиться в местечке Броворах и быть ежеминутно в готовности выступить куда надобность потребует.

2-е) Витебскому пехотному полку приготовиться к выступлению куда приказано будет без полковых тягостей.

3-е) Курской пехотной полк, находящийся в Киеве, в совершенной готовности к выступлению, когда надобность потребует, а так же приняты меры и к сохранению спокойствия в Киеве.

4-е) Сию ж минуту я послал благонадежных чиновников, одного к генерал-маиору Тихановскому, чтобы узнать о принятых им мерах, которому приказано объехать Васильков проселочными дорогами и как наискорее возвратиться назад, а другому вместе с исправником здешним поручил достоверно осведомиться в окрестностях Василькова, что там делается, и послать ночью евреев узнать о произшествии в самом городе.

Коль скоро же получу от них донесение, то не упущу принять всевозможные меры к прекращению беспорядка, происшедшего в Василькове, и о том буду иметь честь донести вашему сиятельству с нарочным. По сему предмету я теперь же вошел в сношение с генерал-лейтенантом Ротом.

Верно: Генерал-адьютант барон Толь.

---

[1] Копия эта здесь не перепечатывается, так как она уже воспроизведена выше, в приложении к № 6.

Ред.

Копия с рапорта командиру 4-го пехотного корпуса генералу-от-инфантерии князю Щербатову, начальника главного штаба 1-ой армии генерал-адъютанта барона Толя, от 2-го генваря 1826-го года, № 6.

Из полученного сей час донесения вашего сиятельства от 31-го декабря и приложения при оном, господин главнокомандующий усмотрел, что Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол возмутил несколько рот вверенного ему баталиона против законной власти, увещевая нижних чинов остаться верными данной присяги и отнюдь не присягать государю императору Николаю Павловичу. Как сие есть только предлог его преступных замыслов, которые правительству известны, и на каковой конец он должен был быть арестован и доставлен в Петербург прямо к государю императору, то и благоугодно было г. главнокомандующему приказать мне донести вам, что бы ваше сиятельство, с получения сего выступили сами с войсками, по усмотрению вашему для укращения бунта нужными, и без всяких переговоров употребили силу оружия против возмутителей, присоединя к себе артиллерию хотя бы из 3-го корпуса из Ракитны, приказав взять с собою заряды для действия. — Между тем прикажите всему корпусу быть готовым к выступлению, а артиллерии 7-й бригады приблизиться тотчас к тому месту, где ее присутствие в скорости необходимо будет. Как подполковника Хотяинцова приказано, по высочайшему повелению, уже отсель посланному, заарестовать подобно Муравьеву, то поруча полк надежному штаб-офицеру употребите полк сей в самой крайности, ибо легко быть может, что Хотяинцов в полку своем имеет сообщников. Крепость Киев не оставьте без гарнизона из людей благонадежных. Корпусных и губернских жандармов употребите всех при сем случае.

Всех захваченных в плен офицеров посадите в крепость впредь до повеления, а буде удасться Муравьева захватить, то скованного представить сюда под сильным прикрытием.

Я отсюда даю повеление по приказу г. главнокомандующего полковнику Гелфрейху форсированным маршем присоединиться к вам.

Впрочем, в выборе войск для усмирения мятежников, надобно быть весьма осторожным. По верным сведениям находятся в заговоре командиры Витебского, Полтавского, бывший Алексопольского и Ахтырского гусарского полков, которых уже и приказано всех взять. Следовательно, на все сии войска, около самого Киева смежно друг с другом стоящие, никак надеяться нельзя. Для сего надобно быть осторожным тоже в сохранении крепости, арсенала и запасного магазейна, и предварить коменданта.

Путевое продовольствие войск, которые двинутся, г. главнокомандующий совершенно предоставляет вашему сиятельству распорядить по вашему благоусмотрению.

Г. главнокомандующий ожидать будет ежедневно ваших курьеров, которых отправлять каждого вечера, пока не прекратятся все беспорядки; равномерно угодно было ему приказать, чтобы г.г. полковые командиры обратили бы большое внимание на щет подсылаемых от злых сообщников для подговора солдат и офицеров, средство которое они в сих случаях употребляют, и их люди часто во фраках бывают.

Верно: Генерал-адьютант барон Толь.

Копия с предписания начальника главного штаба 1-ой армии командиру 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту Роту, 2-го генваря 1826 г. за № 9.

Из отзыва моего от 30-го декабря вам уже известно, что отсюда послан был жандармский офицер в Васильков арестовать Черниговского пехотного полка подполковника Муравьева-Апостола. Сей час г. главнокомандующий получил рапорт генерала кн. Щербатова, из коего видно, что Муравьев-Апостол взбунтовал несколько рот Черниговского полка, пришел с ними в Васильков, взял знамя и казенный ящик из квартиры полкового командира, которого прежде изранил, когда сей хотел его арестовать с помянутым жандармским офицером, Муравьев возмутил солдат под предлогом сохранения верности Константину Павловичу, убедив их не присягать государю императору Николаю Павловичу.

Г. главнокомандующий армиею предписал генералу князю Щербатову выступить сейчас лично из Киева с таким числом войск, какое он для совершенного истребления бунтовщиков нужным почтет. С предписания, ему данного, я препровождаю копию.

Г. главнокомандующий надеется, что ваше пр-во теперь имеете уже сведение о сем произшествии и что вы уже действуете к прекращению возмущения и, вероятно, взяли все приличные сему обстоятельству меры, чтоб бунт не мог распространиться далее. Надобно при сем иметь в виду, что, по верным сведениям, командиры пехотных полков Полтавского, бывший Алексопольского, Витебского и Ахтырского гусарского, все участвуют в заговоре. Все сии полки квартируют смежно друг с другом, и сообщение их никакими другими войсками не прерывается, и потому случится может, что части оных последуют примеру Черниговского полка; на сей конец г. главнокомандующий разрешает ваше превосходительство приказать всем войскам вверенного вам корпуса быть готовым к выступлению и, еслиб обстоятельства потребовали, приказать выступить против мятежников всем тем, коим вы нужным признаете. В особенности употребить кавалерию и артиллерию. Его сиятельство находит однакож за нужное быть весьма осторожным в назначении войск к сему употреблению и выбирать только те, в коих верности и преданности вы совершенно уверены. Путевое продовольствие предоставляется вам распорядить по вашему усмотрению.

Впрочем г. главнокомандующий приказал не щадить никаких мятежников, и везде, где только можно, рубить и бить их картечью. Офицеров, которые взяты будут, заковывать в железо и отсылать на первый раз в Киевскую крепость.

О дальнейших произшествиях каждый вечер отправлять к г. главнокомандующему нарочного курьера.

Г. главнокомандующему равномерно угодно было приказать, чтобы г.г. полковые командиры обратили бы большое внимание на щет подсылаемых от злых сообщников для подговора солдат и офицеров, средство которое они в сих случаях употребляют, и люди их часто во фраках бывают.

Верно: Генерал-адьютант барон Толь.

16.

Секретное отношение главнокомандующего 1-ю армиею на имя начальника главного штаба от 3 января 1826 г.

Секретно.

Милостивый государь барон Иван Ивановичь.

В дополнение к отношению моему за № 10 имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству копию вновь полученного мною от генерала князя Щербатова рапорта относительно дальнейших действий Муравьева-Апостола, присовокупляя, что я вновь предписал князю Щербатову преследовать поспешно мятежников и уничтожить их. С какового предписания прилагаю копию.

С истинным почтением имею честь быть вашего превосходительства

покорный слуга граф Сакен.

Все известия, полученные доселе от генерала князя Щербатова относительно возмущения Муравьева-Апостола, и распоряжения, по сему предмету сделанные, сообщил г. главнокомандующий его императорскому высочеству цесаревичу в Варшаву чрез адъютанта своего гвардии капитана Миклашевского.

Генерал-адьютант б. Толь.

№ 11-й.
Генваря 3-го дня 1826 года.
Г. Могилев Белор.
Его пр-ву б. И. И. Дибичу.

Копия с рапорта главнокомандующему 1-ю армиею командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя Щербатова, от 1-го генваря 1826 года № 14.

Сей час получил я донесение от адьютанта начальника корпусного штаба штабс-капитана Врангеля, посланного в Васильков для узнания о происшествии в Черниговском пехотном полку; на станции Вете, между Киевом и Васильковым, встретил он чиновника Коломейцова, посланного от киевского губернатора с указами о присяге государю императору Николаю Павловичу, и от него узнал нижеследующее: Черниговский пехотный полк, за исключением двух или трех рот, под командою подполковника Муравьева-Апостола, 31-го числа, во втором часу пополудни, собрался на площади с распущенными знаменами, отслужил молебен с криком Ура! после чего Муравьев уговорил солдат и офицеров остаться верными присяге, выполненной прежде, а в случае могущих встретиться принуждений защищаться до последней капли крови, после чего выступил из Василькова, объявляя, что следует в Варшаву и что на пути пригласит с собою войски 3-й гусарской дивизии направление первоначальное взято на Хвастовцы и Яхны в Сквирской повет.

Во время пребывания Муравьева в Василькове задержаны им два жандармских офицера и фельдъегерь, коих он увел с собою.

Относительно жителей Муравьев приказывал солдатам под смертною казнию не делать им никаких обид.

В дополнение к сему чиновник Коломейцов лично объявил, что он 30-го числа, пред вечером, был остановлен при въезде в Васильков и взят на гаубвахту, на которой вместе с ним содержался маиор Трухин, не хотевший пристать к возмутителям, из Черниговского полка две или три роты бежали от мятежников; подполковник Гебель привезен жителями, покрытый 8-ю ранами, из коих самая тяжелая нанесена в грудь самим Муравьевым, его скрыли жители от поисков и он остался в Василькове почти без чувств. Из числа офицеров нигде не могли отыскать полкового адъютанта, который, вероятно, скрылся от мятежников.

Какие получу дальнейшие известия от посланных моих, буду иметь честь донести с нарочным вашему сиятельству. Сие же донесение отправлено с эстафетою, которую киевский губернатор о сем происшествии посылает к управляющему министерством внутренних дел. — Генерал-лейтенанту Роту о сих последних известиях я дал знать с нарочным.

Верно: Генерал-адьютант барон Толь.

17.

Рапорт командира 4-го пехотного корпуса на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 3 января 1826 г.

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу фон-дер Остен-Сакену.

Командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя Щербатова

Рапорт.

Сей час прибыл ко мне посланный мною жандармской офицер штабс-капитан Емельянов и доставил рапорт генерал-лейтенанта Рота о покорении мятежников, который в оригинале спешу представить вашему сиятельствv.

Генерал-от-инфантерии князь Щербатов.

№ 32-й
3-го генваря 1826-го года.
Г. Киев.
Отправлено в 1-м часу
по полуночи.

Командиру 4-го пехотного корпуса господину генерал-адъютанту и кавалеру князю Щербатову.

Командира 3-го пехотного корпуса
генерал-лейтенанта Рота

Рапорт.

Узнав по прибытии моем вчерась наночь в деревню Мохначку, что подполковник Муравьев с мятежниками, по полученным известиям о моем движении, оставил намерение итти чрез Фастов в Брусилов, переменив свое направление, шел к Белой Церкве в надежде успеть овладеть у графини Браницкой значительной суммой, я сего числа в 3 часа пополуночи высту-

пил с кавалерией и конной артиллерией, дав направление генерал-маиору Гейсмару с двумя орудиями и 3-мя эскадронами к деревне Устимовке; я же с 5-ю эскадронами и 6-ю орудиями шел чрез Фастов, дабы Муравьеву препятствовать всякое отступление, направив равномерно пополуночи 12-ть рот пехоты с 4-мя пешими орудиями с большого Половецкого на м. Белую Церковь; таким образом, со всех сторон был он окружен и по приближении в час пополудни генерал-маиор Гейсмар к деревне Устимовке, где мятежники защищались, но по нескольких выстрелах из орудий, положили оружие, и подполковник Муравьев ранен, брат его застрелился, один офицер убит, кроме других раненых и убитых. О чем вашему сиятельству имею честь сделать первое мое донесение.

Генерал-лейтенант Р о т.

№ 13.
Генваря 3-го
1826
М. Фастов.

18.

Всеподданнейший рапорт командира 3-го пехотного корпуса от 3 января 1826 г.

Его императорскому величеству.

Командира 3-го пехотного корпуса
генерал-лейтенанта Рота

Р а п о р т.

Получив частным образом, 30-го прошлого декабря, ночью, сведение, что Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол не дал себя арестовать командиру оного подполковнику Гебелю, я немедленно отправился в штаб-квартиру 9-й пехотной дивизии, местечко Белую Церковь, куда прибыв 31-го числа вечером, осведомился от командующего дивизиею генерал-маиора Тихановского, что шесть рот помянутого полка совершенно вышли из повиновения, и что полковой командир изранен взбунтованными офицерами, как о том было генерал-маиором Тихановским всеподданнейше донесено вашему императорскому величеству. — В следствие сего я немедленно двинул против мятежников все войска, которые по близости расположения их могли быть употреблены для усмирения бунта; и после трехдневных движений я сего числа успел окружить мятежников с трех сторон. Середний отряд настиг их на Устиновской высоте, близь деревни Пологов (Васильковского уезда) где Муравьев-Апостол, увидя приближение наших войск, построил мятежников своих в каре и, взяв на руку, пошел прямо на орудия. Каре сей, быв принят картечным огнем, расстроился; тогда кавалерия сделала атаку, и все бунтовщики бросили оружие; до семисот человек нижних чинов сдались, равно как и сам подполковник Муравьев-Апостол, который при том весьма тяжело ранен картечью и сабельным ударом в голову, штабс-капитан барон Соловьев, поручик Быстрицкий, Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев-Рюмин и брат Муравьева-Апостола отставной подполковник; убиты же поручики Кузьмин, Шипила и свиты вашего императорского величества по квартирмейстерской части прапорщик Муравьев-Апостол (так же брат

подполковника); кроме сего ранено и убито несколько нижних чинов. Со стороны нашей нет ни раненых, ни убитых. Завтрашнего числа взятые и обезоруженные мятежники по приказанию моему будут отправлены за конвоем в дивизионную квартиру 9-й дивизии, местечко Белую Церковь, где они будут приведены к присяге на верное подданство вашему императорскому величеству и содержаны под присмотром. Всеподданнейше донося, что мятеж совершенно прекращен, я щитаю долгом довести до сведения вашего императорского величества, что войска, употребленные для усмирения оного, оказывали глубочайшее презрение к бунтовщикам. Нижние чины, бывшие с подполковником Муравьевым-Апостолом, вообще не защищались, и видно, что они только обманом были завлечены к буйству. Первая же гренадерская рота Черниговского пехотного полка, будучи окружена возмущенными, не только не последовала их примеру, но еще отстранилась от них и примкнула ко мне, что я отношу отличной твердости и достоинствам капитана оной Козлова.

Генерал-лейтенант Рот.

№ 17.
Генваря 3 дня 1826-го года.
С. Трилесы.

19.

Секретное отношение киевского гражданского губернатора на имя управляющего министерством внутренних дел от 4 января 1826 г.

М. В. Д.

Департамент полиции исполнительной.

Отделение 2-е.

Стол 1-й.

4 генваря 1826.

Киев.

№ 36-й.

От киевского гражданского губернатора.

Дополнение к № 11. 597-му.

Секретно.

Господину управляющему министерством внутренних дел.

По случаю происшедшего вверенной управлению моему губернии в г. Василькове 30-го истекшего декабря смятения и злоумышленных подполковника Муравьева-Апостола с сообщниками его действий (о коих я имел честь донести вашему высокопревосходительству с нарочною эстафетою от 31-го того декабря за № 11597 и о коих для учинения к пресечению оных должных со стороны воинского начальства распоряжений доведено нимало не медля до сведения г.г. командиров 3-го и 4-го пехотных корпусов и главнокомандующих 1-й и 2-й армиями), озабочиваясь с верноподданническим усердием об отклонении вредных последствий, от рассеяния между жителями таковых злоумышленных преднамерений произойти могущих, и о сохранении повсюду тишины и спокойствия, — я предпринял тотчас все зависящие от гражданского начальства к тому меры: командированные от меня на сей предмет в разные места благонадежные чиновники, разведывая ежеминутно о всем происходящем в окружности тех мест, где Муравьев-Апостол с сообщниками своими следовал или останавливался, давая знать о каждом его движении как мне, так и военному начальству, имели вместе с тем бдительнейший секретный надзор над жителями всех сословий, — но по всем строжайшим наблюдениям до сих пор нигде ни малейшего волнения не заме-

чено, и во все сие время тишина и спокойствие сохранены совершенно; — а, наконец, сего числа получено достоверное известие, что вчерашнего дня Муравьев-Апостол с мятежниками по распоряжении командира 3-го пехотного корпуса г. генерал-лейтенанта Рота со всех сторон был окружен войсками, и по приближении генерал-маиора Гейсмара с 3-мя эскадронами и двумя орудиями к деревне Устимовке мятежники, там находившиеся, хотя защищались, но по нескольких выстрелах из орудий положили оружие. При чем подполковник Муравьев ранен, а брат его застрелился.

Между тем же в продолжении вышесказанных производимых по сему предмету розысканий открылось, что Муравьев-Апостол 31-го декабря, собрав предводительствуемые им роты Черниговского пехотного полка в городе Василькове к своей квартире, читал им пред выступлением оттуда бумагу под названием: Православный Катехизис, наполненную разными ложными и неистовыми внушениями к общему вреду служащими, — каковой бумаги написано было, как по слухам известно, полковыми писарями до 12-ти экземпляров. — Один экземпляр оной, киевский земский исправник, во время бытности в Василькове увидев у полкового адъютанта (не желавшего соучаствовать с злоумышленниками и укрывшегося от них в доме городничего) и взяв под предлогом любопытства прочесть, удержал неприметным образом у себя и представил ко мне, а другой поднят на улице в Киеве двумя мастеровыми суконной фабрики здешнего приказа общественного призрения и по представлении ими к смотрителю той фабрики, а сим к главному надзирателю заведений приказа — доставлен также ко мне. Сей последний экземпляр подброшен здесь, как известно, проезжавшими чрез Киев из числа соучастников Муравьева с прапорщиком Мозалевским четырмя нижними чинами, посланными от него неизвестно для чего сюда по выступлении уже 31-го декабря из Василькова. — О чем тот же земский исправник узнав — распорядился тотчас о захвачении оных, которые вслед за тем и именно 1-го генваря поутру быв задержаны в селении Борщаговке, доставлены сюда и сданы в дежурство 4-го пехотного корпуса; — кроме же сих двух экземпляров означенной бумаги нигде более во вверенной мне губернии до сих пор не замечено, но за появлением оной имеется строгое наблюдение.

О чем всем поспешая донести вашему высокопревосходительству с нарочною эстафетою, имею честь представить при сем в копиях и некоторые полученные мною от командированных по сему случаю чиновников донесения, заключающие в себе собранные ими по сему предмету сведения и действия их, как-то: надворного советника Долинского за №№ 2-м и 3-м; васильковского городничего № 1456-м, тамошнего земского исправника №№ 122-м, 1-м и 2-м, и киевского исправника же за № 1-м, обще с приложенною при сем последнем в подлиннике вышесказанною названною православным катехизисом бумагою, долгом поставляя присовокупить к тому, что другой экземпляр сей бумаги, поднятый, как выше значит, в Киеве, на улице, оставлен у меня для дальнейшего по оному розысканию, о последствиях коего я буду иметь честь донести вашему высокопревосходительству особо.

При чем обязанностию считаю доложить, что, по полученному мною сведению о том, что подполковник Муравьев-Апостол отпустил крепостных людей своих на волю, и что он имеет в Полтавской губернии значительное имение, я нужным счел о произведенном им здесь возмущении уведомить 2-го сего генваря с нарочным же полтавского г. гражданского губернатора для принятия зависящих с его стороны мер к секретному разведанию:

не происходит ли в имении г. Муравьева-Апостола каких-либо беспорядков и к отвращению всяких вредных преднамерений, особенно чрез означенных отпущенных им на волю людей, в случае явки их туда произойти могущих; а между тем явившиеся из числа сих людей в Васильков четыре человека доставлены в Киев и содержатся здесь впредь до дальнейшего об них распоряжения под стражею.

Губернатор Ковалев.

Секретно.

Копия с рапорта киевскому гражданскому губернатору васильковского городничего от 31-го декабря 1825-го года за № 1456-м.

После донесения моего к вашему превосходительству от 30-го числа сего декабря с № 1452-м сим честь имею донести: что по приезде моем 30-го ж числа в квартиру г. подполковника Гебеля я нашел его совершенно израненного, и он объявил мне следующее происшествие, что по полученному им высочайшему повелению 25-го числа сего месяца он отправился с двумя офицерами жандармского полка, а именно: порутчиком Несмеяновым и прапорщиком Скоковым для ареста по высочайшему повелению того ж Черниговского полка подполковника Муравьева-Апостола и брата его отставного подполковника же (которые 24 числа отправились из Василькова в город Житомир), 29-го же числа, прибыв Васильковского повета в селение Трилесы, где застав в квартире порутчика Черниговского полка Кузмина означенных г.г. Муравьевых, он, подполковник Гебель, предъявил им высочайшую волю на щет ареста их, бывшие там Черниговского полка штаб-капитан барон Соловьев, порутчик Щепилло, порутчик Кузмин и переведенный из сего в Александрийский гусарский полк порутчик Сухинов, вступясь за Муравьевых, вместе все шестеро бросились на него со штыками и нанесли ему несколько ран, но он, ушед от них с последними силами, скрылся у економа в доме, откуда тихонько рядовым 5-й мушкатерской роты Михайлом Ивановым того ж числа пополудни в 2 часа увезен и доставлен к командиру 1-й гренадерской роты капитану Козлову, квартирующему в селении Снетинке, а оттоль 30-го числа капитаном Вульфертом с надлежащим караулом для предосторожности привезен в г. Васильков, спустя после сего не более полтора часа г.г. Муравьевы, Полтавского пехотного полка подпорутчик Бестужев-Рюмин, порутчик Сухинов со 2-ю гренадерскою и 5-ю мушкатерскою ротами, состоящими под командами 1-я порутчика Петина, а последняя порутчика Кузмина, вступили в город с заряженными ружьями, остановясь против гоубтвахты, где содержались из сообщников их штабс-капитан барон Соловьев и порутчик Щепилло (взятые по полученному первому известию о происшествии с подполковником Гебелем под арест командовавшим полком маиором Трухиным 30 числа ночью), освободив их и содержащихся на той же гоубтвахте других арестантов по немаловажным делам, взяв с квартиры подполковника Гебеля знамена, ящик с казенными деньгами, расставился по квартирам самовольно в самом нутри города, и как при сем случае солдатам дана была большая вольность, то оные на квартирах требовали вооруженною рукою необыкновенного продовольствия, сопряженного с грабительством хозяйственных вещей, водку же и съестные припасы брали без всякого платежа с крайнею

обидою для жителей, так что у многих были побиты окошки и домашняя посуда, с причинением самим им побоев, 31-го ж числа поутру порутчик Щепилло прибывши с двумя вооруженными рядовыми в дом мой, взяв насильно два оставшиеся у меня подорожные бланкеты за № 442 и 443-м, затем взято таковым же образом подполковником Муравьевым двадцать обывательских конных и воловых подвод без уплаты прогонов и дачи никакого вида, в два часа пополудни, по барабанному бою собравши роты пред свою квартиру и прочитав им какой-то православной катехизис особенного сочинения, по отслужении полковым священником молебна из г. Василькова выступил; и как слышно отправился на селение Мотовиловку, оставив в г. Василькове полковой лазарет с штаб-лекарем, маиора Трухина (у которого он по прибытии в Васильков оторвав шпагу и эполеты посадил на гоубтвахту) да полкового адъютанта порутчика Павлова, который от сего бунта спасся бегством в доме моем, так же полковой цейгауз и с забратием из оного ружей и аммуниции, полковую церковь с причетом без всякого присмотра; сверх сего вашему превосходительству долгом поставляю донести, что некоторые офицеры, отправившись с Муравьевым, объявили мне, что они не по собственному желанию присоединились к нему, но с вынуждением к сему и угрозами лишить каждого жизни.

Верно: Секретарь Жандр.

Секретно.

Копия с рапорта киевскому гражданскому губернатору васильковского земского исправника от 31-го декабря 1825 года за № 122-м.

Прибыв 29 числа сего месяца в селение Устимовку для приведения к верноподданнической присяге по предписанию губернского правления разного звания людей и собирая для того оных, явившийся ко мне лично трилесский економ Мочульский объявил, что поутру того дня, часу в 8-м, привезен в економический дом избитый и весь израненный командующий Черниговским пехотным полком г. подполковник Гебель неизвестными ему двумя рядовыми и унтер-офицером из квартиры ротного командира порутчика Кузмина, где и оный економ пред тем находился, но по происшедшему между собравшимися там офицерами шуму и против означенного полкового командира в чем-то спору, а затем и драки он от них убежал в свою квартиру, при чем заметил, что между теми офицерами находился подполковник Муравьев с братом своим, о чем поспешив чрез нарочного уведомить командующего 9-ю пехотною дивизиею г. генерал-маиора Тихановского, чтобы к приведению тишины и спокойствия между военными во вверенном мне повете квартирующими предприняты были надлежащие и скорейшие меры и о последующем меня уведомить, — затем отправившись сам лично в с. Трилесы и не заставши там уже г. подполковника Гебеля, которой, как по расспросам моим оказалось, спасая свою жизнь, проселочными дорогами отправился в м. Фастов, куда того ж числа приехавши в ночи и там его не застал, а узнал, что он находится в селении Снетинке, проезжая чрез которую на другой день встретился там с жандармским офицером г. подпорутчиком Несмеяновым и за предъявлением от него открытого предписания за подписом г. генерал-адъютанта Толя по секретным делам возвратился назад с ним в с. Трилесы и уже роты командуемой порутчиком

Кузминым там не застали, а сказано обывателями, что оная, зарядивши боевыми патронами ружья, отправилась в поход и, ночевавши в селении Ковалевке, как открылось при въезде моем в Васильков, что оная вместе с подполковником Муравьевым — пришла вчера пред вечером в г. Васильков, и тут он, г. подполковник Муравьев, вступя в командование полка, расставил по всему городу караулы, так что ни из города, ни в город без осмотра никого не пропускали и военных людей брали под караул, что произведено было и с означенным жандармским офицером, с товарищем его и с четырьмя жандармами; я же хотя и был при въезде задержан, но тогда ж отпущен в свою квартиру; за всем тем чрез целую ночь и сего дня до выступления оного полка по Бердичевской дороге в поход часу во 2-м пополудни не имел удобности отправить сего моего донесения и оное теперь с сим нарочным вашему превосходительству честь имею доставить, докладывая, что при проезде моем чрез селения обывателям от меня внушено наблюдать тишину и спокойствие, что теперь со стороны их и сохраняется, между тем до сведения моего доведено, что по вышеозначенному отношению моему, в м. Белой Церкве к восстановлению тишины и спокойствия между военными собраны полки 17 егерский и Кременчугский с артиллериею, квартирующею в м. Рокитной, а что затем происходить будет вашему превосходительству донести не умедлю.

Верно: Секретарь Жандр.

Секретно.

Копия с рапорта киевскому гражданскому губернатору васильковского земского исправника от 1-го генваря сего 1826 года за № 1-м.

После отправленного к вашему превосходительству вчера от меня с нарочным рапорта отправлялся я с нарочным курьером 21-го егерского полка штабс-капитаном Ветлицею в м. Белую Церковь для безопасности разными проселочными дорогами и, явившись вместе с ним там к г. корпусному генералу Роту, распоряжающему уже войсками к усмирению вышедшего из Василькова по Бердичевской дороге Черниговского пехотного полка с подполковником Муравьевым из нескольких рот составленных, при обратном из м. Белой Церкви возвращении узнал я, что оный составленный подполковником Муравьевым Черниговский полк ночевал сего числа в селении Мотовиловке помещика Руликовского, откуда по буйственном своем обращении с обывателями направил свой марш по той же дороге на селение Снетинку и м. Фастов и что по прежнему личному моему уведомлению о том г. корпусного генерала Рота от него меры предприняты и надеяться должно, что действием со стороны его в скорости спокойствие и тишина восстановится, о чем вашему превосходительству долгом поставляю донести, докладывая, что из оного составленного полка некоторая часть воинских людей проспавшись от пьянства из оного возвращаются или в корпусную квартиру в м. Белую Церковь или в г. Васильков, а затем для наблюдения за действиями возмутившихся и сам отправляюсь в повет, и что по тому окажется, вашему превосходительству буду иметь честь донести. — Нарочный же вчера от меня в Киев отправленный с рапортом за № 122-м и по сие время еще не возвратился, и я сомневаюсь, не перехвачен ли он.

Верно: Секретарь Жандр.

Секретно.

Копия с рапорта киевскому гражданскому губернатору Васильковского повета земского исправника от 2 генваря 1826 года за № 2-м.

Вчерашнего числа с нарочным вашему превосходительству имел честь донести, что возмутители Черниговского пехотного полка под начальством подполковника Муравьева расположились ночлегами в селении помещичьем Мотовиловке и имеют направление по Бердичевской дороге на м. Фастов. А дабы вернее узнать о намерении их, я отправил туда переодевшего в мужичье платье оставленного у меня сей ночи жандармской команды штабс-капитаном Емельяновым одного жандарма с двумя своими разсильщиками на трех конных лошадях, дабы, разными дорогами прокравшись в Мотовиловку, узнавали обо всем и мне давали знать, по причине, что то селение окружено от возмутителей цепью и всякого схватывают, но еще оные мои нарочные и до сих пор ко мне не являлись, а сей час прибыл от хоронжего Руликовского козак и объявил, что возмутители сего дня поутру из Мотовиловки отправились в поход чрез Снетинку на м. Фастов все в пьяном образе, при чем вашему превосходительству доношу, что явившийся вчера в ночи заседатель Рубашевский из селения Шамраевки донес мне о прибытии туда с войсками генерала Рота, который, соединившись с гусарским принца Оранского полком и присоединившуюся к нему от Черниговского полка 1-ю гренадерскою ротою под командою капитана Козлова, и уповательно, что пересечет возмутителям дорогу, на щет же установления к скорейшей коммуникации по всему повету летучей почты распоряжение сделано, а с тем вместе предписано, чтобы в случае появления у кого-либо из обывателей какой-то возмутительной противу правительства прокламации или катехизиса, экземпляры оных были тотчас с нарочными доставляемы ко мне. Что ж далее узнаю, тот час донесу, для чего сей час отправляюсь в Мотовиловку, где оные возмутители поделали обывателям обиды. — При чем ваше превосходительство покорнейше прошу по случаю забора обывательских лошадей с одной стороны возмутителями, а с другой вступившими войсками для усмирения их[,] снабдить меня чрез сего же нарочного для могущей быть экстренности по повету курьерской на две лошади подорожней, которою в случае ненадобности имею честь возвратить.

Верно: Секретарь Жандр.

Секретно.

Копия с рапорта киевскому гражданскому губернатору Киевского повета земского исправника от 1 генваря 1826 за № 1-м.

По случаю чрезвычайного произшествия в городе Василькове, возникшего от военнослужителей Черниговского пехотного полка, вашему превосходительству угодно было командировать меня для узнания всего происходившего после рапорта городничего васильковского; прибыв туда я осведомился, что после того донесения означенного полка подполковник Муравьев-Апостол 31-го декабря в два часа пополудни, заставив полкового священника солдатами ему. Муравьеву, преданными отправить на пло-

шади вблизи главной гоубтвахты молебствие, читал им бумагу под названием: Православный Катехизис, коего копия неизвестно мне для чего находилась у г. полкового адъютанта, который, не желая соучаствовать с возмутителями, был спасаем городничим васильковским, каковой катехизис, как оказавшийся наполненным ложными внушениями, к общему вреду служащими, я под предлогом любопытства взяв для прочету и удержав неприметным образом у себя, при сем имею честь вашему превосходительству представить, докладывая при том, что означенный Черниговский полк, как по дальнейшему розысканию открылось, якобы в пяти ротах под предводительством Муравьева-Апостола выступил в 3-м часу в деревню, отстоящую от Василькова в 9 верстах, Мотовиловку, где занимаемы были того дня квартиры еще не присоединившимися того полка двумя ротами под начальством ротных командиров Козлова и Вульферта (который, как по слухам известно, отклоняется от соучастия в действиях с Муравьевым-Апостолом). — Как же в городе Василькове оставались в опасном положении израненный полковой командир Гебель, командовавший тем полком во время отлучки его и потерпевший от возмутителей тяжкие обиды маиор Трухин, полковой адъютант и два неизвестно мне по какому поводу находившиеся под арестом у Муравьева-Апостола жандармские офицера, а равно прибывший по приезде моем в город Васильков с секретными бумагами якобы из главной квартиры офицер, искавшие моей помощи, то я в необходимости нашелся всех их взять в город Киев, охраняя вместе с собою многочисленным наперед сего приготовленным из крестьян волости Глеваской караулом и прибыв благополучно сюда ночью, в 4-м часу, отдал в 4-й корпус, начальнику штаба г. генерал-маиору Красовскому.

Между тем, узнавши во время следования сего, что из присоединившихся к Муравьеву-Апостолу прапорщик Мозалевский с четырьмя солдатами якобы оным Муравьевым послан неизвестно для чего в город Киев, я в преграду и прекращение проезда неблагомыслящих распорядился тот же час о учреждении где следует строгих караулов из жителей и о задержании означенного офицера с находящимися при нем нижними чинами.

О чем всем имея честь донести вашему превосходительству, долгом поставляю присовокупить, что к сохранению в Киевском повете между жителями тишины и спокойствия приняты все должные меры и до сих пор нигде ничего противного тому не замечается.

Верно: Секретарь Жандр.

Секретно.

Копия с рапорта киевскому гражданскому губернатору чиновника киевского гражданского губернатора по особым поручениям надворного советника Долинского от 2-го генваря 1826-го года за № 2-м.

Спешу вашему превосходительству донести на первых порах сколько мог успеть, что город Васильков нашел я в совершенной тишине и спокойствии, а по собранным мною справкам и сведениям подполковник Муравьев-Апостол по выходе с полком из Василькова накануне нового года, в два часа по полудни, отправился по пути к Житомиру, захватив с собою и священника полкового насильно и остановясь в селении Мотовиловке помещика бывшего маршала Руликовского и в других ближайших селе-

ниях, оцепя себя крепкою стражею, имел ночлег и дневку, а сего числа выступил по направлению его на Бышев, чрез Брусилов к Житомиру. Вчерашнего числа разные неимоверные толки были на щет насильственных и буйственных поступков, и земская полиция не могла иметь никакого там влияния и сведения[;] по предвидимой опасности ныне по распоряжению моему разосланы лазутчики, и какое сведение привезут я не замедлю донести. Корпусный командир Рот учинил уже зависящее от него распоряжение, и он сам выступил из Белой Церкви 1-го числа, в 8-м часов по полуночи, с 17-м егерским полком, двумя ротами Кременчугского полка, четырьмя орудиями и подоспевшею в то же время Черниговского пехотного полка 1-ю гренадерскою ротою, отложившеюся от возмутителей, и отправился к селению Шамраевке, где соединился с гусарским принца Оранского полком, а состоящему в Богуславе 18 егерскому полку приказал следовать по его назначению или плану чрез селение Гребенку, дабы возмутителя атаковать со всех сторон. Сейчас явился бежавший от возмутителей Черниговского пехотного полка плотничей староста Карп Степанов, который объявил, что некоторые солдаты и офицеры в раскаянии и ищут случая схватить Муравьева, и что весьма мало таких, которые в единомыслии с Муравьевым[,] и пьянствуя причиняют неистовства, грозя невинных перестрелять, если не будут повиноваться ихней власти, о чем капитан барон Соловьев объявлял и письменной приказ, но за всем тем иные бегут чрез цепь, а 5-я мушкатерская рота в твердом намерении при удобном случае схватить Муравьева, на что согласна и 4-я рота, а посему я полагаю, что сего или завтрашнего числа должна решиться судьба возмутителей или собственным их раскаянием, или действием корпусного командира, между же тем со стороны земского исправника по совету моему учреждены будут повсеместно в повете, а со стороны городничего в городе патрули для поимки возмутителей, ежели кто из них в неприязненном виде в какое селение появится, хотя бы были и с письменными видами, а нащет составленного ими соблазнительного и вредного в благоустроенном государстве катехизиса я узнал, что написано было экземпляров полковыми писарями двенадцать штук, но более о сю пору ни в городе, ни в повете не отыскано, однако ж учинено распоряжение, что если где найден будет, в ту минуту доставится вашему превосходительству, в прочем, между жителями в городе и в повете между крестьянами никакого волнения не примечается.

Верно: Секретарь Жандр.

Секретно.

Копия с рапорта киевскому гражданскому губернатору от находящегося при нем чиновника особых поручений надворного советника Долинского от 2-го генваря 1826 года за № 3.

После отправки мною сего числа донесения вашему превосходительству я уведомился, что возмутившегося Черниговского полка 4-я рота из Мотовиловки отправилась было вчерашнего числа на м. Бышев неизвестно с каким намерением, но оттоль опять возвратилась и сего числа по утру с 6-ю ротами из Мотовиловки отправилась чрез Фастов на Гребенки к Белой Церкви неизвестно с каким намерением — для раскаяния ли или возмущения, и сего числа квартиргеры прибыли в Гребенки, а Муравьев

будто имеет дневку в Фастове с ротами. О действиях корпусного командира ничего еще не слышно. Между тем некоторые офицеры и нижние чины бегут от возмутителей, — одни прямо отправляются в Киев, а другие приезжают в Васильков, в числе коих привезен подколотый денщик бежавшего полкового казначея. Доходят также слухи, что многие солдаты, бежавшие от возмутителей, пробираются лесами или в Киев или в Белую Церковь. 1-я мушкатерская рота отложилась от бунтовщиков и отправилась в Белую Церковь, а капитан сея роты Вульферт прежде явился туда в солдатской шинели. — В г. Василькове проговаривают, что бунтовщики якобы опять намерены возвратиться в город. Городничий и жители, быв прежде перепуганы, просят присылки для предосторожности, беспечности и содействия одного баталиона верного войска. Земский исправник с одним заседателем отправились порознь в повет, разделясь на два пути, для разведывания, а я остаюсь в ожидании их в городе, и что последует не замедлю с донесением, о чем вашему превосходительству рапортую.

Верно: Секретарь Жандр.

20.

Рапорт начальника штаба 1-й армии на имя начальника главного штаба от 4 января 1826 г.

Секретно.

Главная квартира в г. Могилеве Белор[усском].
Генваря 4 дня 1826-го года, по полудни 9-ть часов.

УПРАВЛЕНИЕ
начальника главного
штаба 1-й армии.
№ 28.

Начальнику главного штаба его императорского величества господину генерал-адъютанту барону Дибичу.

Начальника главного штаба 1-й армии
генерал-адъютанта барона Толя

Рапорт.

Полученный вчера вечером рапорт генерала князя Щербатова в копии и полученные сей час два рапорта генерал-лейтенанта Рота и один от генерал-маиора князя Горчакова в оригинале, имею честь представить при сем вашему превосходительству.

Вместе с тем имею честь донести, что из обстоятельств происшествия видно, что посланные отсюда для арестования Муравьева-Апостола два жандармские офицера, искав и преследуя его, узнали, что он поехал в Любар к командиру Ахтырского гусарского полка Артамону Муравьеву. Один из помянутых офицеров поручик Несмеянов поспешил туда, но не застал уже его; Артамон же Муравьев объявил Несмеянову, что Муравьев-Апостол только что от него выехал, но якобы не знает куда.

Сего дня привезли сюда Артамона Муравьева арестованного, проездом в С.-Петербург. Г. главнокомандующий, щитая вышеизъясненное обстоятельство весьма важным, в том уважении, что Муравьев-Апостол, предпринимая мятеж, заезжал к Артамону Муравьеву, а сей скрыл следы его, нашел за нужное снять здесь с Артамона Муравьева допрос, как для того, не откроется ли со стороны его участия, или по крайней мере предвари-

тельного сведения о намерении Муравьева-Апостола к возмущению, и дальнейших видах и надеждах его, так и для того, чтоб ему сделать здесь очную ставку с порутчиком Несменовяым против показания сего последнего.

Снятые с него дежурным генералом армии допросы и очную ставку, сделаную с Несмеяновым, имею честь при сем представить вашему превосходительству, донося при том, что тотчас по окончании допросов Муравьев отправлен далее в С.-Петербург.

Как по всем известиям видно, что дело сие не столько важно, как в начале казалось, ибо нет поводов опасаться распространения мятежа; а к уничтожению возмутившихся приняты решительные меры, а потому г. главнокомандующий остановился предписанием генералам князю Шаховскому, Дуке, Бороздину и Каблукову относительно приготовления войск к выступлению, дабы не тревожить их напрасно.

По последним известиям корпусных командиров, все войски 5-го пехотного корпуса, 8-й пехотной и 3-й гусарской дивизии уже присягу учинили.

Генерал-адьютант барон Толь.

Копия с секретного рапорта главнокомандующему 1-ю армиею командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя Щербатова от 1-го генваря 1826 года № 15.

Возвратившийся из Василькова адъютант начальника корпусного штаба штабс-капитан Врангель и киевский повятовый исправник коллежский секретарь Яниковский доставили ко мне прилагаемые при сем в копии: 1-е) Рапорт васильковского городничего к киевскому губернатору, 2-е) Копию рапортов маиора [Трухина к генерал-маиору] Тихановскому и неоконченного ко мне и 3-е) Катихизис, составленный неистовыми возмутителями.

С ними вместе прибыли из Василькова израненный подполковник Гебель, маиор Трухин, также довольно пострадавший от побоев, два жандармские офицера — порутчик Несмеянов и прапорщик Скоков, которых также Муравьев-Апостол содержал под арестом и отпустил уже после выступления из Василькова в 8-ми верстах, а также полковой адъютант порутчик Павлов 1-ый, скрывшийся от мятежников в доме городничего, и посланный в Белую Церковь адъютант дежурного генерала I армии порутчик Бар.

Желая сколь возможно поспешнее отправить к вашему сиятельству донесение сие адъютантом Врангелем, не распространяюсь здесь о подробностях, случившихся в Василькове и необъясненных в прежних бумагах, которые доложит вашему сиятельству лично г. Врангель и отправляющийся вместе с ним жандармской порутчик Несмеянов.

Полкового адъютанта Павлова 1-го и жандармского прапорщика Скокова я отправил теперь же к генерал-лейтенанту Роту, а маиор Трухин по расстроенному его здоровью от побоев остался в Киеве; преданность и верность Трухина и Павлова 1-го заслуживают особенное внимание.

Черниговский полк под командою маиора Трухина исполнил присягу на верность подданства государю императору Николаю Павловичу 27 декабря, в каком случае сохранен был порядок. Присяжный лист, подписанный всеми офицерами, кроме порутчика Щипилы (бывшего также у присяги),

скрыл от возмутителей вместе с полковою печатью адъютант Павлов I-й, который при сем вашему сиятельству в оригинале представляю.

Четыре жандарма, бывшие с офицерами жандармскими Несмеяновым и Скоковым, арестованы Муравьевым и уведены с полком, а сабли их разобрали офицеры.

Для сохранения в Киеве спокойствия приняты все меры; войск никаких трогать с места не буду, пока не получу известия от генерал-лейтенанта Рота и генерал-маиора Тихановского и не увижу настоящей в том надобности. Если же нужна будет артиллерия, то я возьму поблизости из 7-й артиллерийской бригады, расположенной в Переяславле.

Верно: Генерал-адьютант барон Толь.

Копия с копии рапорта Черниговского пехотного полка маиора Трухина к командующему 9-ю пехотною дивизиею г.-м. Тихановскому.

Хотя таковым же рапортом моим от 29-го числа сего месяца с № 42, о чрезвычайном произшествии с командиром полка г. подполковником и кавалером Гебелем по одному только словестному известию доносил, но сию самую секунду командир 1-й роты капитан Козлов рапортом с № 79-м донес: что 29-го числа по полудни в два часа 5-й мушкатерской роты рядовой Максим Иванов привел в квартиру его, Козлова, г. подполковника Гебеля совершенно израненного, которой и объявил, что он на основании высочайшей воли хотел взять под арест подполковника Муравьева-Апостола и брата его в с. Трилесах, а бывшие там штабс-капитан барон Соловьев, порутчик Щипила, порутчик Кузьмин и переведенный в Александрийский гусарский полк из Черниговского полка порутчик Сухинов, вступясь за Муравьевых, и вместе все шестеро бросились на него со штыками и нанесли ему несколько ран, но он от них ушел с последними силами, бежал и скрылся у эконома в доме, откуда тихонько доставлен упомянутым рядовым в квартиру его, капитана Козлова, и ныне находится совершенно без всякого движения, о чем донеся вашему превосходительству, честь имею присовокупить, что Щипилов и барон Соловьев сего ж числа мною арестованы, а для поимки прочих предприняты как с военной[,] так и со стороны городской полиции все возможные меры.

Копию скрепил генерал князь Щербатов.

Копия с копии начатого рапорта Черниговского пехотного полка маиора Трухина к г. генералу-от-инфантерии князю Щербатову, но не конченного по случаю прибытия в город Васильков штабс-капитана Врангеля 31-го декабря 1825 года.

За прибытием моим в г. Васильков, узнав я, что командир Черниговского пехотного полка подполковник Гебель по случаю приезда жандармских офицеров (неизвестно по какой надобности) отлучился с полковой квартиры, куда неизвестно, я по старшинству принял команду полка. До 29-го числа я оставался без известия как о г. полковом командире, так равно и о случившемся как с ним, так и в некоторых ротах. Того ж

29-го числа, прибыв по полудни жандармской офицер поручик Несмеянов, предъявил мне предписание командира полка от 28 числа с № 26-м, из Бердичева писанное, коим он объявляет высочайшую волю, что ежели находится в г. Василькове того полка подполковник Муравьев-Апостол, брат его, отставной подполковник, и Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев-Рюмин, то их арестовать немедленно, а ежели не найдутся, то чинить об них розыски, и оной же жандармской офицер требовал от меня расставить небольшие скрытные пикеты, что тот же час исполнено, вместе с сим того же 29-го числа я потребовал для усиления в городе Василькове караула 3-ю и 4-ю мушкатерские роты, которые с ротными командирами прибыли 30 числа, в 12 часов, а 6-я по своему порядку содержала уже в городе караул.

Копию скрепил генерал князь Щербатов.

Верно: Генерал-адьютант барон Толь.

1826-го года генваря 4-го дня, в присудствии дежурного генерала 1-й армии, командир Ахтырского гусарского полка полковник Артамон Захаров сын Муравьев 3-й на вопросы объяснил.

Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол, внучатной мне брат, по каковому случаю я с самого малолетства был с ним знаком и имел как с родственником дружество, но ни о каких его предприятиях и тайностях, клонящихся к нарушению верноподданнической присяги, не знал и ни по каким обстоятельствам его в том не подозревал, однако видел в нем и даже слышал от него негодование на несправедливость правительства, оказанную ему по службе, переводом его лейб-гвардии из Семеновского в армейской полк без всякого со стороны его преступления и участия в поступках других лиц, но таковое негодование его и ропот я не мог относить к какому-либо злоумышлению, им скрываемому, а, знавши исправность его по службе, заключил только, что он ропщет от одного лишь огорчения, чувствуемого по случаю перевода его в армию, и щитал сие роптание нисколько не злоумышленным, а тем менее делал какое ни есть на щет сей заключение, что я с ним во все время нахождения моего в 3-м пехотном корпусе виделся в первой раз прошлого 1825 года в июне месяце, ездивши в Киев на встречу жене моей, где и виделся с ним у меня в трактире на квартире не более нескольких часов и то в то время, как приехала уже жена моя с детьми; во второй раз виделся в продолжении сбора корпуса под м. Лещиным, где он бывал у меня в квартире, в третий раз виделся я с ним в проезд мой из Бердичева в Киев на пути в Василькове, у него на квартире; а в четвертый раз 27-го минувшего декабря поутру, часу в 10-м, он приехал ко мне от брата моего командира Александрийского гусарского полка полковника Муравьева 2-го и говорил, что он, узнавши от означенного брата моего о моей болезни, приехал меня навестить, потом читал получаемые мною газеты и разговаривал со мною и с приехавшим вместе с ним братом его отставным подполковником Матвеем Муравьевым-Апостолом, о произшествии, случившемся в С.-Петербурге 14-го декабря, но когда по прошествии не более часу приехал Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев, служивший вместе с ним, Апостолом-Муравьевым, в Семеновском полку, и объявил ему, Апостолу-Муравьеву, что во время его отсутствия забраны на квартире у него подполковником Гебелем бумаги, добавя при том, что его и не спрашивали, то при сем случае я заметил, что Черниговского полка подполковник Муравьев-Апостол смутился и

начал спешить к отъезду, прося у меня для того лошадей, но я, опасаясь за сие какой ни есть ответственности, не дал ему оных, а нанял он таковых у евреев и отправился вместе с упомянутыми отставными братом своим и подпоручиком Бестужевым, как я полагал, к своему полку, однако, наверное сего не знаю по причине болезни жены моей, которая меня более занимала, нежели обстоятельствы, касавшиеся Муравьева-Апостола; что же я сделал упущение против порядка службы тем, что заметивши подозрительность сказанных Муравьевых-Апостоловых и подпорутчика Бестужева-Рюмина, то сие произошло от тогдашних моих беспокойств о болезни жены моей, а более от родственных чувствований, чтобы не быть орудием нещастия своих братьев; однако, никогда не имел намерения, чтобы скрывать как бытность их у меня, равно и то[,] что бы не указать средства к отысканию их; почему когда после того в 9-м часу по полудни прибыл ко мне командир Черниговского пехотного полка подполковник Гебель с жандармами и спрашивал у меня об означенном Муравьеве-Апостоле, то я в то же время сказал, что он, точно, был у меня, но не знаю наверно, куда поехал, предложил ему послать за тем жидом, у коего Муравьев-Апостол нанял лошадей, что и было им сделано, и в этом случае я способствовал к тому, чтобы он узнал от испугавшегося тогда еврея, куда поехал тот Муравьев, который и объявил, что в Бердичев; и по сему подполковник Гебель вместе с жандармами отправился туда и, не доезжая Бердичева, встретили везшего их ямщика, который указал, как я после слышал, квартиру, где останавливались и где наняли лошадей Муравьевы-Апостолы для продолжения их пути. Что же касается до предприятий Сергея Муравьева-Апостола, обнаруженных правительством, то я узнал о сем только 31-го декабря у брата моего родного, вышеупомянутого командира Александрийского полка, к коему прибыл я по приглашению дивизионного начальника, чтоб на новой год ехать к корпусному командиру для поздравления. В заключение, на щет невинности моей и непричастия к какому-либо заговору, могу с чистою совестию добавить, что поступки мои по службе ясно доказывали ревность мою к оной, разъездов никаких не делал, кроме по службе, писем ни от кого не получал, относящихся к какому-либо злоумышлению и никуда таковых не посылал. В добавок, намерение мое было выйдти в отставку, что известно начальству и родственникам моим, и есть ли остался в службе, то единственно потому, что блаженные памяти император пожаловал мне 10 000 руб., каковая милость и удержала меня из благодарности продолжать службу.

К сему пояснению собственноручно подписуюсь

Полковник Муравьев.

Спрашивал дежурный генерал 1-й армии генерал-лейтенант Ольдекоп.

1826 года генваря 4 дня в присудствии дежурного генерала 1-й армии против показания командира Ахтырского гусарского полка полковника Муравьева 3-го, жандармского полка порутчик Несмеянов на вспросе показал: что прапорщик того ж полка Скоков и он, Несмеянов, будучи посланы: первый в город Васильков для взятия и арестования там Черниговскаго пехотного полка подполковника Муравьева-Апостола, а последний, чтобы узнав от сего подполковника о месте пребывания брата его, которой также в отставке подполковником, отправился для отыскания сего последнего, — по прибытии в сказанный город Васильков, не найдя

оного подполковника Муравьева-Апостола, осведомились от полкового командира подполковника Гебеля, что означенный Муравьев-Апостол отпущен им в корпусную квартиру в г. Житомир на три дня и отправился туда вместе с упомянутым братом своим отставным подполковником же Муравьевым-Апостолом, а потому и они, Скоков и Несмеянов, отправились вместе с подполковником Гебелем в Житомир, однако и тут не найдя Муравьевых-Апостоловых, узнали о предпринятом ими пути в м. Троянов; прибыв и сюда к командиру Александрийского гусарского полка полковнику Муравьеву 2-му, получили от него известие, что те Муравьевы были у него, но уже уехали к брату его, Муравьева 2-го, командиру Ахтырского гусарского полка, полковнику ж Муравьеву 3-му; за сим отправясь в местечко Любарь, тут так же не застали Муравьевых-Апостолов, а объявил им полковник Муравьев 3-й, что они хотя были у него, Муравьева 3-го, однако, неизвестно ему, куда уехали; при чем он, Муравьев, хотя и говорил, что те Муравьевы-Апостолы уехали на фурманских лошадях, и что можно отыскать того фурмана, которой нанялся для своза их, но содействия своего к таковому отысканию того фурмана не оказывал, а отыскан другой фурман чрез тамошнего кагального по требованию подполковника Гебеля с содействием их Несмеянова и Скокова, которой и объявил, какой еврей повез оных Муравьевых, но куда, отозвался неизвестностию, в таком случае полковник Муравьев 3-й спрашивал суриозно у сего еврея, куда Муравьевы-Апостолы поехали, и говорил тому еврею, что сие ему непременно должно знать; но когда после подполковник Гебель стращал того ж еврея наказанием, если не откроет, куда Муравьевы-Апостолы уехали, то тогда он, Муравьев 3-й, говорил: «Что так строго спрашивает?» О том же, что в след за Муравьевыми-Апостолами приезжал к нему, Муравьеву 3-му, подпоручик Бестужев с известием о заборе бумаг служащего подполковника Муравьева-Апостола, он, полковник Муравьев 3-й, им, Несмеянову, Скокову и Гебелю, ничего не говорил, а только изъяснился, что он доволен тем, что оные Муравьевы-Апостолы от него уехали и что в противном случае надобно бы было наряжать караул, и сие составило бы почти проливать кровь на кровь, ибо служащий подполковник Муравьев-Апостол ему, Муравьеву 3-му, родственник, и он его весьма любит. Впрочем, он, Муравьев 3-й, содействовал к скорейшему отысканию для нас обывательских лошадей и давал для сего двух гусар.

К сему пояснению собственноручно подписуюсь

Жандармского полка порутчик Несмеянов.

Спрашивал дежурный генерал 1-й армии генерал-лейтенант Ольдекоп.

1826-го года генваря 4 дня в присудствии дежурного генерала 1-й армии командир Ахтырского гусарского полка полковник Муравьев 3-й, утверждаясь на прежнем показании своем, сознает только вину свою в том, как и в показании изъяснено, что не арестовал подполковников Муравьевых-Апостолов, но, впрочем, говорит, что о прибытии к нему подпорутчика Бестужева не объяснял он подполковнику Гебелю и офицерам Несмеянову и Скокову потому, что ими о сем не был спрашиваем. Касательно неоказывания содействия к отысканию фурмана, то в сем случае утверждает, что все то, что только требовано было сказанными подполковником Гебелем и жандармскими офицерами, он исполнил; справедливость какового изъяснения полковника Муравьева сознает и порутчик Несмеянов, объясняя, что они и не простирали по сему предмету никакого требования, а стара-

лись сами отыскать того фурмана. Изъяснения в показании порутчика Несмеянова, что полковник Муравьев 3-й говорил: «что так строго спрашивает» он, Муравьев, сказал для того, чтобы не был запуган фурман и чтобы объявил по справедливости, куда поехали Муравьевы-Апостолы. Слова, сказанные им, полковником Муравьевым 3-м, что он доволен тем, что Муравьевы-Апостолы от него уехали и что в противном случае надобно бы было наряжать караул и сие составило бы почти проливать кровь на кровь, он, Муравьев 3-й, относит к тому, что служащий и отставной подполковники Апостолы-Муравьевы хотя не родные однако братья его и что будучи им родственником должен бы был их арестовать и чувства родственные должны бы были уступить долгу службы.

К сему пояснению подписуюсь собственноручно
полковник Муравьев.

К сему пояснению подписуюсь собственноручно жандармского полка
порутчик Несмеянов.

Спрашивал дежурный генерал 1-й армии
генерал-лейтенант Ольдекоп.

21.

Рапорт командира 4-го пехотного корпуса на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 5 января 1826 г.

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу фон-дер Остен-Сакену.

Командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя Щербатова

Рапорт.

После получения мною первого известия о возмущении в городе Василькове нескольких рот Черниговского пехотного полка и до самого покорения мятежников, в донесениях моих к вашему сиятельству я старался с подробностью объяснять все сведения, мною полученные, касательно действий и движений мятежников, но не имел времени описывать делаемые мною подробные распоряжения как по киевскому гарнизону, так и по другим предметам, что обязанностью почитаю довести ныне до сведения вашего сиятельства.

Первое словесное известие о возмущении в Василькове получено мною от киевского губернатора 31-го числа по полудни, в два часа.

Первой баталион Муромского пехотного полка по смене с караула Низовским баталионом выступил из Киева 31-го числа по утру рано, и прежде нежели мог догнать его нарочно посланный, он уже прибыл в Борисполь, а на другой день поутру по возвращении в Бровары, коль скоро получено известие, что Муравьев берет направление на Бишев, тотчас переведен из Броваров в Белогородку.

По первому известию о возмущении тотчас был извещен киевский комендант и взяты все предосторожности караулом и гарнизоном.

Прибывший 30-го числа ввечеру в Киев баталион Низовского пехотного полка не был приведен еще к присяге государю императору Николаю Павловичу, что объявлено баталионным командиром 31-го числа. При-

сяга выполнена в присутствии начальника корпусного штаба генерал-маиора Красовского 1-го генваря по утру, в совершенном устройстве, и все чины сего баталиона одушевлены были верностию и непоколебимостию к исполнению их обязанности.

По получении известия о возмущении баталион Курского полка, занимавший караулы 31-го декабря, сменен рано поутру 1-го числа киевским гарнизонным баталионом, и полк сей тогда же приготовлен к выступлению куда надобность потребует.

По получении первых подтвердительных известий о сем происшествии, я предписал с нарочным командиру 7-й артиллерийской бригады приготовить одну роту к скорейшему выступлению из Переяслава. Приказал 2-му баталиону Витебского полка (ибо 1-й все время был в Чернигове для содержания караула) быть также в готовности к ежеминутному выступлению.

Артиллерию из Ракитно назначить не мог и по отдаленности от Киева, и по разделению сего места с киевским гарнизоном мятежниками.

В то же время я отнесся к малороссийскому военному губернатору и начальнику 7-й пехотной дивизии, чтобы со стороны военной и гражданской были приняты меры, не будут ли подсылаться где подозрительные от возмутителей люди, а особенно в имение Муравьевых-Апостолов, в Полтавской губернии состоящее. Начальникам 10-й и 12-й пехотных и 4-й драгунской дивизии так же о сем предписано.

1-го генваря получены рапорт генерал-лейтенанта Рота и уведомление от генерал-маиора Тихановского из Белой Церкви: первый извещал, что у него 17-й егерьской полк, две роты Кременчугского, 1-я гренадерская рота Черниговского и гусарский принца Оранского полк готовы к уничтожению мятежников с корня, и что он двинется тотчас по присоединении из Ракитны артиллерии, которую ожидает через час. — Вслед за тем генерал-лейтенант Рот писал ко мне, что у него войска более, нежели нужно для истребления мятежников.

По получаемым мною ежечасно известиям от чиновников и надежных людей, посланных для наблюдения за мятежниками и во все окрестные войска, и не желая без нужды причинять тревогу, разглашать о происшествии собиранием войск без необходимой надобности, признал я вовсе ненужным трогать полки 10-й дивизии, Полоцкой пехотной и 20-й егерьской, расположенные в 70-ти верстах от Киева и более 100 верст от Василькова. Нарвской драгунской полк я предполагал придвинуть к Киеву и его место занять другим ближайшим коль скоро надобность сего потребует.

Когда получено было от посланных мною первое известие, что Муравьев вместо Бышева тронулся в направлении к Белой Церкве, то в то же время Муромской баталион переведен из Белгородки в Васильков.

Во время происшествия сего киевская полиция состояла под собственным моим распоряжением.

При первоначальном известии о возмущении в Черниговском полку, никак невозможно было отделить из киевского гарнизона не только всего Курского полка, но и одного баталиона, пока не исполнена присяга Низовского баталиона и пока не удостоверился я в совершенном спокойствии в самом Киеве.

По соображении всех обстоятельств в столь важном происшествии, я с самого начала признал полезнейшим и нужным из киевского гарнизона употребить для содержания караулов баталионы Низовской и Киевской гарнизонной; одним баталионом Курского содержать цепь вокруг

Киева и один баталион того ж полка иметь в резерве, дабы сколько возможно обеспечить столь важный пункт, если бы возмущение не ограничилось одним Черниговским полком.

При сем долгом поставляю засвидетельствовать пред вашим сиятельством об отличном усердии и неутомимой деятельности начальника корпусного штаба генерал-маиора Красовского, служба коего во всякое время заслуживала особенное внимание начальства, но при сем случае еще более доказал он всю ту приверженность к престолу, которою он одушевлен, и я обязан ему особенною благодарностию за отличное исполнение возлагаемых на него поручений и за благоразумные распоряжения, от него зависящие.

Генерал-адъютант князь Щербатов.

№ 46.
Генваря 5 дня 1826-го года.
Г. Киев.

22.

Рапорт командира 4-го пехотного корпуса на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 6 января 1826 г.

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу фон-дер Остен-Сакену.

Командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя Щербатова

Рапорт.

Из четырех повелений, полученных от вашего сиятельства и объявленных мне господином начальником главного штаба от 2-го и 3-го генваря с № 6,16,19 и 20, имею я основательную причину видеть, во-первых, бывшее настоятельное желание вашего сиятельства, чтобы я с войсками выступил из Киева для истребления возмутившегося Черниговского пехотного полка и, во-вторых, большое опасение на щет Киева по дошедшим к вашему сиятельству известиям на щет разговоров и толков, в сем городе существующих, для удержания коих в границах вы сами признаете необходимым принятие сильных мер.

В донесениях моих к вашему сиятельству как при первоначальном известии о возмущении в Василькове, так и впоследствии отправленных, изложены, на каких имянно соображениях основаны были все действия и распоряжения мои, в дополнение к оным необходимо нужным почитаю и при сем случае доложить вашему сиятельству.

1-е. Что первое известие о возмущении в Василькове получил я от губернатора 31-го числа, в два часа пополудни, в одно время с выступлением мятежников из Василькова. Гнаться за оными с одним баталионом Курского полка без артиллерии (ибо другой занимал в сие время киевские караулы на пространстве 7-ми или 8-ми верст, а Низовской баталион, прибывший только в Киев, почитал я необходимым прежде всего привести к присяге государю императору Николаю Павловичу, чего на походе он не успел исполнить) я почитаю не только недолжным, но и вовсе неосторожным в столь важном происшествии, и не знал, ограничится ли возмущение в Василькове одним Черниговским полком, и потому обратил наиболее внимание мое не на кучку мятежников, которые со всех сторон окружены

были полками 9-й пехотной дивизии, но на приведение в безопасность крепости, арсенала и самого города и препятствие распространиться сей язве на другие войска; и хотя я, имея пребывание здесь, при всем моем бдительном наблюдении, не мог приметить между жителями и гражданскими чиновниками, а тем более в войсках никаких зловредных толков и намерений, но при всем том в столь важном случае прежде всего нужно мне было первоначально утвердиться на опыте, какое влияние сделает на жителей и гарнизон повсеместно распространившийся слух, в то же самое время, как и я узнал от губернатора о происшествии в Василькове. Надежда моя на войски и гарнизон как при присяге Низовского баталиона 1-го числа поутру, так и по всем моим наблюдениям оправдалась в полной мере, и хотя я тогда же приготовил к выступлению Курской пехотной полк, но по полученным мною 1-го числа донесениям от генерал-лейтенанта Рота и генерал-маиора Тихановского, что у них собрано войска более, нежели нужно для истребления мятежников с корня, и видя с большим удовольствием в войсках и жителях города Киева настоящую верность и преданность обязанности своей и приверженности к государю императору, и, напротив того, замешательство, беспорядок и потерянную надежду мятежников на дальнейшее с ними сообщество, я принял решительную меру показать всю твердость и доверие к войскам и жителям, и потому твердо положился не трогать с места никаких войск, кроме Муромского баталиона, и не распространять чрез сие напрасной тревоги, отнимающей как в простом народе, так и в солдатах доверие к правительству и начальникам; о каковой мере я доносил вашему сиятельству в рапорте моем от 1-го генваря № 15, с адъютантом Врангелем отправленным.

2. Я уже доносил вашему сиятельству, что по получении повеления вашего, коим извещали меня о предписании, посланном прямо от вас полкам 19-му и 20-му егерьским и Полоцкому пехотному итти в Киев, что я тогда же остановил сии полки по причине совершенного прекращения мятежа. Видя же из последнего рапорта ко мне начальника главного штаба, что ваше сиятельство признаете нужным иметь в Киеве и не далее 5-ти верст две бригады пехоты, я хотя и сделал распоряжение, чтобы полки Витебской пехотной и 20-й егерьской были готовы приблизиться к Киеву по первому повелению, но, оставаясь при прежнем моем мнении, что такое сближение и собрание войск в Киеве и окрестностях не сделает хорошего впечатления на людей, собирающихся по собственным делам своим на самое короткое время (контракты обыкновенно продолжаются от 15-го до 25-го генваря) без особого повеления вашего сиятельства войск сих трогать не буду, чтобы гарнизон Киевский оставить в том же самом положении, в каком он прежде находился, которого весьма достаточно для обеспечения спокойствия и порядка в Киеве, и во время самых контрактов, при начале коих я прикажу и киевскому гарнизонному баталиону очередоваться караулом вместе с армейскими, следовательно, кроме одного баталиона, в карауле стоящего, будет три баталиона в резерве.

3. Из всех донесений моих к вашему сиятельству вы изволили уже видеть, что я по отдаленности Киева от Могилева, по полученным мною известиям о возмущении в Василькове, с самого начала делал все мои распоряжения, не ожидая и не испрашивая разрешений, и не имел даже мысли в таком важном случае почитать непринадлежащими моему распоряжению войска 3-го пехотного корпуса, и тотчас вошел в сношение с генерал-лейтенантом Ротом и начальниками 7-й пехотной дивизии генерал-маиором Ушаковым и 7-й артиллерийской бригады полковником Савочкиным.

4. По получении мною известия 31-го числа о возмущении Черниговского пехотного полка, я в ту же минуту посылал самого надежного и верного чиновника в ближайший к Киеву Витебской полк удостовериться, какое произведет впечатление сие происшествие; сведения, полученные мною как от сего чиновника, так и других доверенных людей, посланных в разные окрестные войска, более и более удостоверили меня, что как в Витебском полку, так и в других войсках сохраняются спокойствие, преданность и верность к государю императору и обязанности их.

Изложив вашему сиятельству все сии обстоятельства, долгом почитаю донести, что во время происшествия сего, имея в моем распоряжении киевскую полицию, и получая все сведения о малейших даже подробностях и разговорах в Киеве, я, более нежели когда-либо в другое время, имел случай удостовериться, что в сем городе вовсе не существуют зловредные слухи, и неблагонамеренные партии, о коих доносят вашему сиятельству неизвестные мне люди.

Генерал-адъютант князь Щербатов.

№ 51.
Генваря 6 дня 1826-го года.
Г. Киев.

23.

Рапорт волынского губернского прокурора на имя министра юстиции от 6 января 1826 г.

По секрету.

Его сиятельству господину генералу-от-инфантерии, министру юстиции и разных орденов кавалеру князю Дмитрию Ивановичу Лобанову-Ростовскому.

Волынского губернского прокурора

Рапорт.

В самый новый год здешний город крайне встревожен был дошедшим сюда известием об оказанном бунте шести рот расположенного в Киевской губернии Черниговского пехотного полка. Сколько известно, бунт сей произведен подполковником Муравьевым-Апостолом (служившим некогда в Семеновском полку) по случаю объявленного ему по повелению высшего начальства ареста; при чем полковый командир полковник Ебель изранен был штыками. Немедленно отряжены были по распоряжению корпусного командира генерала Рота два гусарских полка и артиллерийская рота для преследования бунтовщиков, которые, пользуясь несуществовавшею уже между ними дисциплиною, предались пьянству, забирая насильно напитки у евреев и помещиков. По достижении бунтовщиков, когда убеждения к сдаче не возымели действия, произведена была на них пальба из пушек, заряженных картечью. — Несколькократный выстрел и стремительная атака гусар заставили бунтовщиков, всего около 700 человек, положить оружие; при чем и подполковник Муравьев, тяжело раненый, захвачен, равно и из бывших при нем двух братьев его один там же захвачен; а другой, не дожидаясь плена, застрелился.

О таковом происшествии, как весьма важном, по-колику обстоятельства оного могли быть мне известными, спешу довести до сведения вашего сия-

тельства и притом присовокупить, что во все продолжение происшествия сего существовала между жителями одна лишь тревога, спокойствие же и тишина ни малейше не были нарушены.

Губернский прокурор Адриан Сербинович.

№ 1.
6 генваря 1826.
Житомир.

24.

Всеподданнейший рапорт цесаревича Константина Павловича от 6 января 1826 г.

Его императорскому величеству от его императорского высочества цесаревича

Рапорт.

Сего числа получил с нарочным рапорт от начальника 25-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гогеля 2-го от 4-го сего генваря с приложением подробного описания происшествий, случившихся в Черниговском пехотном полку, и о мерах, принятых к усмирению бунтующих.

Означенный рапорт и приложение к оному долгом поставляю всеподданнейше при сем представить вашему императорскому величеству.

Генерал-адъютант Константин.

№ 3.
6 генваря 1826 г.
Варшава.

Копия с рапорта его императорскому высочеству цесаревичу от начальника 25-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гогеля 2-го от 4 генваря 1826 г., № 16.

В дополнение рапорта моего к вашему императорскому высочеству от 1-го сего генваря № 1-й и во исполнение повеления от 23 декабря № 25-й — поспешаю повергнуть на благоусмотрение вашего императорского высочества собранные по моему распоряжению особо командированными надежными чиновниками подробности происшествия, случившегося в Черниговском пехотном полку, — меры принятые начальством 1-й армии к усмирению бунтовщиков и о положении прочих войск, в Волынской, Киевской и Каменец-Подольской губерниях расположенных, имея счастие присовокупить, что по смежности расположения войск 3-го пехотного корпуса с войсками вверенной мне 25 пехотной дивизии, вместе с сим я отправил к командиру оного генерал-лейтенанту Роту нарочного курьера, испрашивая его уведомления: какой важности полагает он случившееся происшествие и какие могут быть последствия оного для моего всенижайшего донесения вашему императорскому высочеству.

Верно: Константин.

Подробности происшествия, случившегося в Черниговском пехотном полку, — меры, принятые начальством 1-й армии к усмирению бунтовщиков, и положение прочих войск, расположенных в Волынской, Киевской и Каменец-Подольской губерниях.

Декабря с 25 на 26 ночью прибыли из С.-Петербурга в город Васильков два жандармского полка офицера к командиру Черниговского полка, с повелением, арестовав вверенного ему полка подполковника Муравьева-Апостола с находящимся при нем родным его братом и опечатав все имеющиеся при них бумаги, вместе с оными отправить их с жандармскими офицерами в столицу.

По отлучке подполковника Муравьева-Апостола с дозволения дивизионного начальника в Житомир для поздравления корпусного командира, — полковой командир Черниговского полка полковник Гебель с присланными из С.-Петербурга двумя офицерами прибыв на место квартирования означенного подполковника и опечатав в его отсутствие все находящиеся в квартире бумаги, сдал оные присланным офицерам, вместе с ними отправился в Житомир для отыскания Муравьева. По прибытии в Житомир и явясь к корпусному командиру генерал-лейтенанту Роту, узнал от него, что подполковник Муравьев-Апостол был действительно в Житомире и 25 числа обедал у него, и что на другой день должен был ехать в полк; но по розысканиям оказалось, что он взял направление к местечку Любару проселочною дорогою.

Полковник Гебель, отыскивая его, заезжал около Любара в деревню Трояново, где живет помещик Муравьев, и, наконец, в самое местечко Любар к командиру там квартирующего гусарского полка полковнику Муравьеву, и от обоих получил в ответ, что Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол с братом своим отставным офицером были у того и другого часа по два у каждого и, куда поехали, неизвестно.

Полковник Гебель, потеряв таким образом следы подполковника Муравьева и полагая, что он отправился на свои квартиры, возвратился вместе с обоими жандармскими офицерами в расположение Черниговского полка и 29 декабря, перед рассветом, прибыли в местечко Трилесы, где расположен был ротный двор 5-й мушкетерской роты. Полковник Гебель, остановясь в сем местечке и желая узнать от ротного командира что-нибудь о подполковнике Муравьеве-Апостоле, пошел на квартиру ротного командира и, войдя в оную, нашел самого Муравьева-Апостола, стоящего перед камином и одетого во всей форме, — на вопрос, что он тут делает и где его брат, подполковник Муравьев отвечал, что о брате не знает.

Полковник Гебель, выйдя из квартиры, приказал нарядить караул и, расставя кругом дома часовых, вошел вторично в комнату и, наконец, проходя другую, нашел брата его, лежащего в постеле с двумя заряженными пистолетами. По взятии сих пистолетов и разрядив их, полковой командир полковник Гебель объявил означенному подполковнику Муравьеву-Апостолу, что он арестуется по высочайшему повелению, и получил от него в ответ сии два слова: ну и чтож? В то самое время вошли три ротные командира 2 баталиона и, едва поклонясь полковому своему командиру, обратились с изъявлением приветствий пожатием рук к подполковнику Муравьеву, и на вопрос полкового командира, зачем оставили свои места, отвечали, что приехали по важным делам, — между тем, переходя из одной комнаты в другую и перешептываясь между собою, вышли наконец в сени.

Полковой командир полковник Гебель последовал за ними и, найдя там пять или шесть офицеров, тихо между собой разговаривающих, требовал от них, чтобы отвечали ему, что все сие значит. На сей вопрос означенные офицеры, назвав его подлецом и упрекая, что будто бы он хотел погубить их подполковника, того самого Муравьева-Апостола, схватили своего полкового командира, и когда сей оборонялся, то они, выхватя у часовых ружья, нанесли ему штыками семь ран в грудь, в голову и руки, переломя ему прикладом правую руку. Часовые, стоящие в то время, или от робости, или будучи в заговоре, не защищали своего полкового командира, но и не участвовали в нанесении ему ран.

Полковник Гебель, защищаясь от означенных шести офицеров и присоединившихся к ним еще других и двух братьев Муравьевых, не чувствуя сгоряча полученных им ран, успел выбежать в растворившуюся от смятения дверь и, добежав до кормчы, бросился в стоящую подле оной повозку без кучера, лошади которой, будучи взяты от экономa того селения, занесли его на двор к экономy, где и был он спрятан от поисков офицеров, деланных ими по всему селению, после которых рядовым той же 5-й мушкетерской роты Максимом Ивановым, изъявившим желание спасти своего полкового командира, были взяты в той экономии лошади, и полковник Гебель означенным рядовым проселочными и глухими дорогами был перевезен к командиру 1-й гренадерской роты капитану Козлову, на благомыслие которого и верность роты полковой командир полагался, — по прибытии куда 1-ою гренадерской ротою был принят с их объявлением живейшего усердия.

Два жандармские офицеры, присланные по высочайшему повелению для доставления двух братьев Муравьевых, будучи вместе с полковником Гебелем в селении Трилесах, задержаны и посажены под стражу означенными Муравьевыми и сообщниками их, в то время с ними находившимися.

30 декабря, около полудня, подполковник Муравьев-Апостол со многими офицерами Черниговского полка, все вооруженные пистолетами, прибыли в гор. Васильков. Шесть рот того же полка под руководством их вступили в город, заняли гоуптвахту, распустили арестантов, взяли знамена и полковой казенный ящик, и на маиоре Трухине, хотевшем противиться, изорвали мундир, оторвали эполеты и шпагу. На другой день, то-есть 31 числа, заставили полкового священника служить молебен, по окончании которого с распущенными знаменами и с криком: Да здравствует вольность! — выступили из города, в 17 верстах от которого остановились.

Бунтовщики осматривают каждого приезжающего, отбирают бумаги и курьеров, какие проезжали, задерживают. 1 генваря того же Черниговского полка 1-я гренадерская рота, несогласившаяся присоединиться к мятежникам, явилась с командиром своим в Белую Церковь к корпусному командиру.

Для усмирения бунтовщиков командир 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Рот с 31 декабря находится в Белой Церкви, 17 егерский полк находится собранным, 18 егерскому полку велено также следовать туда же, гусарский принца Оранского полк и Мариупольский гусарский также получили повеление выступить, Алексопольскому пехотному полку, бывший командир коего полковник Швейковский взят фельдъегерем для доставления в С.-Петербург, дано направление к Житомиру.

Многие, кроме того, штаб- и обер-офицеры из разных мест взяты по высочайшему повелению нарочными фельдъегерями, — между которыми: командир Вятского пехотного полка полковник Пестель, того же полка маиор Лорер и капитан Майборода, из главной квартиры 2-й армии, свиты его императорского величества по квартирмейстерской части порутчик Крюков,

командир Ахтырского гусарского полка полковник Муравьев, 17 егерского полка порутчики Ватковский и Молчанов взяты в главную квартиру 1-й армии по подозрению, — они служили в прежнем составе Семеновского полка. По дороге из Белой Церкви к Житомиру везде учреждены посты с повелением не пропускать никого без предъявления письменного вида.

Все прочие войска 1-й и 2-й армии, расположенные в губерниях: Волынской, Киевской и Каменец-Подольской, находятся в спокойствии и уже исполнили присягу на верность подданства его императорскому величеству.

Верно: К о н с т а н т и н.

25.

Всеподданнейший рапорт главнокомандующего 1-ю армиею от 6 января 1826 г.

Его императорскому величеству.

Генерала-от-инфантерии графа Сакена

Р а п о р т.

Щастие имею повергнуть к стопам вашего императорского величества чрез квартирмейстерской части капитана Стиха, участвовавшего лично в деле против мятежников, подробное донесение о их покорении. Я дал повеление мое генералу Роту, чтобы всех захваченных в плен офицеров закованных прислать сюда, сняв наперед с них на месте допросы; что учинить и с подполковником Муравьевым, если полученная им рана позволит привезти его сюда же.

Нижних чинов, захваченных в плен, приказал я по усмотрению корпусного командира по-ротно отдать под самый строгий караул в другие ближайшие полки; но только не в Кременчугской и Алексопольской, в коих подозреваются сообщники подполковника Муравьева и где равномерно приказал я корпусному командиру сделать строжайшее следствие; ибо, по словесному донесению капитана Стиха, Кременчугской полк не прежде, как после личных и убедительных уговоров полкового командира склонен был на присягу вашему императорскому величеству; а Алексопольской подпал подозрению чрез влияние, которое имел полковник Швейковский, остававшийся при оном до самой минуты его арестования.

Самого Муравьева-Апостола и отставного брата его и Бестужева я, согласно прежнему отношению военного министра, по доставлении сюда, прикажу отправить в С.-Петербург; относительно же дальнейшего поступления с прочими мятежными офицерами и нижними чинами, равно и с офицерами, отделившимися добровольно от мятежников и в Киев явившимися, как из подносимого в копии рапорта генерала князя Щербатова видно, коих последних я приказал содержать под строжайшим караулом в Киевской крепости, всеподданнейше испрашиваю высочайшего вашего императорского величества разрешения.

Генерал граф С а к е н.

№ 39-й.
Генваря «6-го» дня 1826 года.
Г. Могилев Белор.

Копия с рапорта к г. главнокомандующему армиею командира 4-го пехотного корпуса генерала князя Щербатова, от 4-го генваря 1826. № 34.

3-го числа сего месяца прибыли ко мне бежавшие от Муравьева Черниговского полка офицеры: штабс-капитан Маевский, порутчик Петин, подпорутчики: Рыбаковский, Кондарев, баталионный адъютант Апостол Кейчь, и прапорщики: князь Мещерский и Белалюбский.

Из числа сих офицеров, по заверению подполковника Гебеля и маиора Трухина, Кондарев, князь Мещерский и Апостол Кейчь, насильно были увлечены мятежниками и к сообществу их не принадлежали; все сии офицеры по прибытии в Киев посажены в особый дом и содержатся под надзором.

Как скоро я узнал, что Муравьев 2-го числа генваря из Мотовиловки двинулся в направлении к Белой Церкве, то в то же время баталион Муромского полка передвинул из Белгородки в Васильков, которой предоставил распоряжению генерал-лейтенанта Рота. О чем вашему сиятельству донести честь имею.

Верно: Генерал-адъютант барон Толь.

26.

Приказ командира 3-го пехотного корпуса от 6 января 1826 г.

Приказ по корпусу.

Корпусная квартира г. Житомир. № 1-й. Генваря 6-го дня 1826-го года.

Объявляю по вверенному мне корпусу, что Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол, долженствовавший быть арестованным по высочайшему повелению за измеппнические действия, им во мраке производимые, 29-го прошлого месяца дерзнул вспротивиться священной власти его императорского величества: забыв долг чести, святость присяги и верность государю, он предъявился бунтовщиком; изранил полкового командира своего и, пользуясь властию, которую доставляло ему звание старшего по нем штаб-офицера, успел привлечь к себе часть офицеров и полка, в коем служил. — Я немедленно двинул на него войска, по близости находящиеся. 3-го генваря, в час пополудни, отряд 3-й гусарской дивизии и конной артиллерии настиг бунтовщиков на Устиновской высоте, близ селения Пологов. Гнустные мятежники, дерзнувшие восстать против священной власти государя, не выдержали даже натиска верноподданных войск. После нескольких картечных выстрелов они расстроились; кавалерия ударила на них, и они бросили оружие. С нашей стороны нет ни одного раненого и убитого. Взяты с бунтовщиками зачинщик мятежа подполковник Муравьев-Апостол, штабс-капитан барон Соловьев, порутчик Быстрицкий, Полтавского полка подпорутчик Бестужев-Рюмин и брат Муравьева-Апостола отставной подполковник. Убиты: порутчики Кузьмин, Шипилла и по квартирмейстерской части прапорщик Муравьев-Апостол (тоже брат подполковника).

Предавая имена их вечному презрению верноподданных его величеству государю императору Николаю Павловичу воинов 3-го пехотного корпуса, я объявляю с чувством искренней признательности и довел до высочайшего сведения, что все войска, употребленные для прекращения бунта, друг перед

другом ревнствовали стремиться к каранию возмутителей и с радостным духом совершали большие переходы в самое ненастное и холодное время. 1-я гренадерская рота Черниговского полка, окруженная бунтовщиками, не только не последовала их примеру, но, отклонившись от них, примкнула ко мне с капитаном своим Козловым, и находилась в рядах карателей мятежников.

Сей приказ прочесть нижним чинам при сборе рот и эскадронов.

Генерал-лейтенант Рот.

27.

Рапорт начальника главного штаба на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 7 января 1826 г.

Главный Штаб
его императорского величества.
По канцелярии
дежурного генерала.
В С.-Петербурге.
7 генваря 1826 года.
№ 17.

Господину главнокомандующему 1-ю армиею.

Начальника главного штаба его императорского величества

Рапорт.

Получив два отношения вашего сиятельства от 3-го сего генваря за № 10-м и 11-м, я имел щастие представлять оные государю императору.

Его величество, одобряя совершенно принятые вашим сиятельством меры для уничтожения возникшего в Черниговском пехотном полку возмущения и для восстановления в войсках прежнего порядка, предоставляет вам, милостивый государь, действовать на сей конец со всею строгостию по вашему благоусмотрению.

Хотя государь император надеется, что по сделанным уже вами распоряжениям будет достаточно войск, дабы уничтожить шайку злоумышленников и восстановить порядок в одном отставшем от повиновения полку, но на всякой случай его величество разрешает ваше сиятельство употребить и остальную часть войск вверенной вам армии, если бы по обстоятельствам нашли вы то нужным. На сей конец высочайше повелено войскам 1-го пехотного корпуса быть в готовности выступить по получении вашего повеления; о чем в каком содержании сообщена от меня высочайшая воля, для выиграния времени, прямо генерал-адъютанту Паскевичу и генерал-маиору Набокову, прилагаю при сем копии. Что же касается до войск 3-го пехотного корпуса, то как оные расположены в губерниях, состоящих под начальством его императорского высочества цесаревича и в смежности с войсками отдельного литовского корпуса, то в случае, если бы его высочеству нужно было совокупно с 3-м корпусом действовать против мятежников, государь император изволил признать полезным подчинить на сие только время 3-й пехотный корпус под начальство его высочества цесаревича, тем более, что мятежники действуют именем его высочества. Объявленную о сем его высочеству высочайшую волю ваше сиятельство изволите усмотреть из прилагаемого при сем в списке моего рапорта. Но до тех пор, пока ваше сиятельство по сношению с его высочеством не получите от него уведомления о необходимости сей меры, войска 3-го корпуса должны состоять попрежнему в начальстве вашем и от вас получать все повеления и необходимые в нынешнее время распоряжения.

По сему же случаю государю императору угодно, чтобы ваше сиятельство на то время, пока совершенно восстановлено будет спокойствие и прежний порядок, приняли в свою команду крепости Киевскую и Бобруйскую, которые высочайше повелено привести в оборонительное положение, и заняли бы оные достаточным числом войск. Его величество изволит полагать, что для гарнизона в Бобруйской крепости довольно будет одной пионерной бригады, и что в нужном случае можно употребить и первую бригаду 10-й пехотной дивизии, но в протчем предоставляет сие совершенно на ваше благоусмотрение и распоряжение.

Начальник главного штаба Дибичь.

Копия с рапорта начальника главного штаба его величества его императорскому высочеству цесаревичу от 5 генваря 1826 года, № 6.

Государь император сей час получил от главнокомандующего 1-ю армиею донесение, что Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол, принадлежащий, по верным известиям, к возмутительному обществу, в то самое время, как послан был нарочный взять его и доставить арестованного в С.-Петербург, успел ранить полкового своего командира подполковника Гебеля и возмутить Черниговский пехотный полк под тем предлогом, что они должны остаться верными прежде данной ими присяге вашему императорскому высочеству, и что он, подполковник Муравьев, 31 декабря, захватив казенный ящик выступил с тем полком (за исключением 2-х или 3-х рот, от него отставших) из Василькова, объявляя, что следует в Варшаву, взяв направление на Хвастовцы и Яхны, в Сквирский повет. Между тем, по достоверным известиям, обнаруживается участие и по гражданской части в заговоре, как потому, что Киевский губернский маршал с некоторыми поветами медлит присягою, так и по нелепым слухам, рассеваемым между народом, яко бы Москва не присягнула, и что будто бы Польским войскам приказано приготовиться к выступлению в С.-Петербург. Далее из донесения главнокомандующего 1-ю армиею видно, что он 2-го и 3-го сего генваря предписал командиру 4 пехотного корпуса генералу князю Щербатову, дабы он сам или начальник корпусного его штаба выступил с нужным числом войск вслед за мятежниками и употребил все средства настичь и истребить их шайки, и в то же время приказал командиру 3 пехотного корпуса генерал-лейтенанту Роту приготовить все войски сего корпуса к выступлению и совокупно с князем Щербатовым действовать против мятежников; что на сей же конец главнокомандующий предписал быть готовыми к выступлению войскам гренадерского [и] 3 и 4 резервных кавалерийских корпусов, и что все сии известия и сделанные по оным распоряжения сообщены уже от него главнокомандующего вашему императорскому высочеству чрез адъютанта его капитана Миклашевского.

Государь император, хотя надеется, что по принятым главнокомандующим 1-ю армиею мерам мятежники будут настигнуты и возникшее в Черниговском пехотном полку возмущение совершенно уничтожится, но, имея в виду, по верным известиям, что находятся в подобном заговоре командиры Полтавского и Алексопольского пехотных и Ахтырского гусарского полков, коих всех приказано уже взять; почему для вящшей предосторожности высочайше повелеть мне соизволил донести обо всем вышеизъясненном вашему императорскому высочеству, с покорнейшею просьбою, дабы, в неожиданном

случае дальнейшего распространения сего возмущения, благоволили ваше императорское высочество принять и с своей стороны все нужные меры для предупреждения и уничтожения всяких покушений злоумышленников и для совершенного восстановления порядка. При чем его величество предоставляет вашему высочеству в нужном и необходимом случае принять на сей конец под начальство ваше войски 3 пехотного корпуса, о каковой высочайшей воле вместе с сим сообщено от меня и главнокомандующему 1-ю армиею.

Верно: Генерал-адъютант Дибичъ.

28.

Секретное отношение главнокомандующего Литовским отдельным корпусом цесаревича Константина на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 7 января 1826 г.

Секретно.

Господину главнокомандующему 1-ю армиею генералу-от-инфантерии и кавалеру графу Сакену.

От главнокомандующего Литовским отдельным корпусом его императорского высочества цесаревича.

Я имел честь получить вчерашнего числа почтенное отношение вашего сиятельства, отправленное ко мне от 3-го числа сего генваря № 17-й с адъютантом вашего сиятельства гвардии капитаном Миклашевским, по предмету случившегося в Черниговском пехотном полку происшествия.

Поставляя долгом ответствовать на оное, я считаю за нужное, во-первых, довести до сведения вашего сиятельства как о полученных мною известиях о сем происшествии, так и о принятых затем мерах по отдельному Литовскому корпусу. Первое донесение о том получил я с нарочным от волынского гражданского губернатора от 31-го декабря минувшего 1825 года, доставленное ко мне 3-го сего генваря, с изъяснением полученных сведений командиром 3-го пехотного Корпуса генерал-лейтенантом Ротом, по которым он отправился лично в места расположения некоторых полков вверенного ему корпуса, и что между тем в городе Житомире приняты надлежащие предосторожности на тот случай, если бы возмутители, согласно своему предположению, обратились на означенный город.

Того ж числа и также с нарочным получил я рапорт от начальника 25-ой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гогеля 2-го, которым он доносил, что вследствие предварительного предписания моего командировал он благонадежного чиновника для узнания, сохраняется ли в соседственных с ним войсках должное спокойствие, и, получа между тем партикулярное известие о случившемся в Черниговском пехотном полку происшествии, возмутившем некоторую часть оного, командировал в расположение того полка другого чиновника для получения достоверного о сем сведения и принятия, сверх того, сообразных мер к дальнейшим действиям, что получа вслед за сим от волынского гражданского губернатора о том же уведомление, он, генерал-лейтенант Гогель, не ожидая возвращения командированных чиновников, сделал следующие распоряжения: двум легким артиллерийским ротам, расположенным почти в кругу 8 пехотной дивизии, приказал прибыть к дивизионной его квартире, городу Дубно, где и расположиться до обеспе-

чения спокойствия, а егерским полкам, квартирующим также в смежности с 8-ю дивизиею, собраться в такие тесные квартиры, чтобы по получению повеления могли в 24 часа быть готовыми, прочим же четырем пехотным полкам приближаться к их штаб-квартирам, дабы таким образом сими войсками противупоставить бунтовщикам силу, если бы они от Житомира взяли направление на расположение вверенной ему дивизии.

Все таковые меры, генерал-лейтенантом Гогелем предпринятые, находя сообразными с обстоятельствами случившихся происшествий и изъявя ему за то мою благодарность, я тогда же утвердил оные меры во всей их силе, подтвердив ему действовать решительно во всех случаях к прекращению оказавшихся зловредных намерений всеми теми средствами, какие по стечению обстоятельств признаны им будут нужными, а сверх того, войдя в сношения с волынским гражданским губернатором и генерал-лейтенантом Ротом, подать по его требованиям тот час помощь, коль скоро в оной встретится нужда. Генерал-лейтенанту Гогелю и волынскому гражданскому губернатору предписал я равномерно извещать меня ежедневно о всем происходящем до минования опасности с нарочными естафетами, а в чрезвычайных случаях — с нарочными и верными курьерами, отправя обо всем оном 4-го сего генваря его императорскому величеству всеподданнейший мой рапорт.

Приняв таким образом все зависящие от меня меры, если я, может быть, в том только могу показаться сделавшим упущение, что в то же самое время не уведомил об оном вашего сиятельства, то сие, конечно, произошло не от иной причины, как токмо от непредвидимости сближения заразы к войскам высочайше вверенного мне Литовского отдельного корпуса, из числа коих одна токмо 25-я пехотная дивизия расположена в соседстве с войсками 1-й армии, и я надеюсь, что ваше сиятельство изволите принять сие во уважение.

Что касается до тех нелепых слухов, которые злоумышленниками обыкновенно рассеиваются между народом и к которым принадлежит подобный слух о приказании якобы польским войскам приготовиться к выступлению в Петербург, я могу, благодаря богу, удостоверить ваше сиятельство, что как в сих, так и в прочих войсках, высочайше мне вверенных, такая господствует тишина и спокойствие, как будто ничего не случилось и не пресеклось еще царствование блаженные и вечно достойные памяти государя императора, общего благодетеля нашего. Не сомневаюсь, что святая божия благодать, столь явно покровительствующая России, отвратит бедствия, приготовляемые ныне толпою возмутителей общего спокойствия, а пример справедливого им возмездия по законам послужит обузданием к подобным неистовым предприятиям на будущее время.

При самом окончании сего отношения я получил вновь с нарочным курьером рапорт от волынского гражданского губернатора от 4-го сего генваря о совершенном усмирении взбунтовавшихся рот Черниговского пехотного полка. Хотя ваше сиятельство, без сомнения, скорее получите надлежащее о сем донесение, за всем тем долгом считаю приложить у сего копию оного, как такого известия, которое вашему сиятельству приятно будет разделить со мною и которое вящше удостоверяет, что худые дела никогда не остаются без наказания.

Генерал-инспектор всей кавалерии К о н с т а н т и н.

Варшава.
7-го генваря 1826-го года.
№ 10.

орудиям. Подпустив их приблизительно на 200 шагов, я стал осыпать их сильным картечным огнем. При первых выстрелах они держались сравнительно в порядке, но уже при 7-ом и 8-ом выстрелах пришли в окончательное смятение и бросились бежать порознь вправо и влево. Этот момент я использовал для общей кавалерийской атаки. Все были захвачены, несмотря на то что главный зачинщик Муравьев-Апостол пытался со знаменем в руках вновь собрать мятежников.

Три офицера остались убитыми на месте, а именно: младший брат Муравьева и поручики Черниговского полка — Щепилла и Кузмин; все остальные были захвачены, в том числе пять офицеров и 859 нижних чинов и унтер-офицеров; сам Муравьев был ранен в голову.

С моими пленными я тотчас же двинулся в обратный путь на Трилесы, так как там имелась обширная корчма, куда я свободно мог всех их заключить и надежнейшим образом охранять. Маиора Мариупольского полка Ржундковского я послал обратно на поле сражения, дабы подобрать там оружие, разного рода амуницию, а равно раненых и убитых.

Через несколько часов прибыл в Трилесы также и генерал-лейтенант Рот с капитаном Стихом, которому я собственноручно передал отобранные у пленных бумаги, а именно: целый портфель Бестужева и составленную на французском и русском языках конституцию, которую Муравьев выронил из кармана на поле сражения и которую заметил и подобрал подполковник Левенштерн.

Несколько часов спустя ген. Рот уехал обратно в Житомир, приказав мне доставить пленных в Белую Церковь и известить обо всем ген. Тихановского, что мною с точностью и было исполнено 4 января.

Генерал-маиор барон Гейсмар.

Могилев.

Января 15 дня 1826 г.

31.

Письмо состоящего при главнокомандующем 1-й армиею генерал-маиора графа Г. И. Ностица к начальнику главного штаба от 15 января 1826 г.[1]

Могилев.
15 января 1826.

Ваше превосходительство!

О революционной вспышке, разразившейся 30 декабря в 3 пехотном корпусе и тамже 3 января подавленной, вашему превосходительству должно быть уже известно со всеми печальными подробностями, — мне остается, таким образом, прибавить лишь несколько замечаний по поводу некоторых частностей и относительно лиц, здесь действовавших, а также о моральных последствиях катастрофы.

Впечатление, произведенное на войско восстанием, совершенно благоприятствовало поддержанию общего порядка. Хотя солдаты по характерной для них спокойной и пассивной выдержке не выражают театральными криками своего негодования, тем не менее они обнаруживают свое усердие к службе нашему монарху тем, что все полки заявили о желании быть употребленными против бунтовщиков. Впрочем, событие это так ново для нашего солдата, что оно не умещается в его мыслях и не находит отклика в его чувствах.

[1] Печатается в переводе с французского подлинника. *Ред.*

Офицеры молчат, сохраняя про себя то, что они могли бы сказать. Последние события произвели на них тем более сильное впечатление, что зачинщики скрываются в их же офицерской среде — это принуждает правительство принимать меры общественной безопасности против многих из них, аресты которых возбуждают в корпусе всеобщее удивление и опасение, ибо каждый боится за самого себя. Однако такое положение вещей не мешает офицерам высказывать самое благородное усердие в действиях против заговорщиков, а молодежь даже радуется, надеясь, что это внесет некоторое разнообразие в их обычную монотонную жизнь.

Взбунтовавшиеся солдаты оказались вовлеченными исключительно благодаря пассивному повиновению своим непосредственным начальникам, и лишь гнусное злоупотребление властью со стороны последних и нелепые слухи вызвали у этих солдат революционный порыв, который вовсе не был активным, как это показали сами события. Грабеж не привлекал солдат до тех пор, пока их не споили водкой. Вообще же среди них замечалось колебание между инстинктивным стремлением к порядку и склонностью к бесчинствам, коим масса часто предается помимо своей воли.

Можно определенно предположить, что в настоящее время наш солдат так же мало склонен содействовать революции, ложно называемой философской или политической, как и предаться неистовствам революции, подобной Пугачевской. Армейский солдат не понимает вождей нынешних заговорщиков и последние неверно учитывают свою власть, предполагая употребить ее против монарха. Из этого следует, что военные мятежи должны ограничиваться лишь безумными попытками людей, не проникнутых воинским духом. Единственная поддержка, которую могли бы еще найти революционеры в настоящее время — это скука, я сказал бы даже недовольство солдат и военных вообще настоящим своим положением, и в таких случаях пехота может быть легче увлечена, чем кавалерия.

Оба корпусных командира, коих я имел честь видеть тотчас после катастрофы, князь Щербатов и ген. Рот, были еще сильно возбуждены тем, что произошло подле них, или даже у них самих. Кн. Щербатов обратил главным образом все свое внимание на город Киев, где он действительно поддерживал не только образцовый порядок, но и общее доверие благодаря своему апломбу и строгим мерам как в самом городе и его окрестностях, так и дальше по следам мятежников. Поэтому князь и считает себя в праве хвастать тем, что избрал линию поведения, наиболее соответствующую создавшемуся положению. Между тем приказы из главной квартиры требовали от корпусного командира большего, на что жалуется он, говоря: «что в Могилеве нет ни малейшего доверия к умению действовать корпусных командиров и что, не придавая значения мерам, которые последние могли принимать на местах, считают себя обязанными руководить ими путем непосредственных приказов в такие необычные моменты, что ставит их в необходимость не исполнять этих предписаний, так как на местах дело представляется совсем иначе, чем издалека, и кроме того события меняются ежеминутно. Таким образом, главная квартира, которой эта истина должна быть хорошо известна, отдавала точные приказания только для того, чтобы остаться верной своим правилам, заключающимся в желании всем руководить и все концентрировать, не давая возможности действовать на местах так, как того настоятельно требует момент». Дело в том, что Щербатов, благодаря своему близкому местонахождению от Василькова, первый был осведомлен о восстании, поднятом Муравьевым, и также первый подал об этом свой рапорт в главную квартиру, в Могилев. Рапорт этот поступил 2 января, вечером, а несколько часов спустя из Могилева отправлен был кн. Щербатову

приказ о выступлении против мятежников с теми силами, кои имелись в его распоряжении (3 батальона). Между тем войска арьергарда, как напр. 4 драгунская дивизия, были предупреждены о необходимости быть наготове к выступлению, а Нарвский драгунский полк двинут был форсированным маршем на Киев. Эти диспозиции получены были в городе 4 января, будучи одновременно в дубликате отправлены в драгунскую дивизию. Несколькими же часами раньше ген. Рот уже уведомил своего соседа о совершенном истреблении мятежников.

По небольшому числу войск, коими в действительности располагал Киев, в виду населенности его, а также значительному количеству пунктов, требовавших охраны, наконец, вследствие невозможности предвидеть то, что могло еще случиться в 3 корпусе после катастрофы в Черниговском полку, князь Щербатов ограничился отправкой курьеров в главную квартиру и к ген. Роту, мерами предосторожности в городе Киеве, установкой кордонов вокруг него, чтобы пресечь всякое сообщение, и предварительными распоряжениями по всем войскам своего корпуса быть готовыми к выступлению по первому требованию. Таким образом князь был очень раздосадован срочными приказами главной квартиры, тем более, что последние находились в противоречии с распоряжениями, сделанными им соответственно создавшемуся положению вещей, ибо он был осведомлен о действиях своего соседа, ген. Рота, тогда как таковые не были вовсе известны в главной квартире; к тому же его внимание привлекал не только Васильков, но и Киев, за который он нес ответственность.

В Житомире ген. Рот не менее жаловался на поведение главной квартиры в отношении корпусных командиров, «которых она стремилась держать в полной от себя зависимости, несогласной с должностью корпусного командира и несовместимой с событиями, требовавшими быстрых и свободных действий». Это последнее замечание не могло, однако, относиться к действиям ген. Рота, так как последний оперировал против Муравьева вполне по собственному усмотрению, сообщив о бунте Черниговского полка лишь после его подавления. Поэтому-то главная квартира, не будучи осведомленной о силе восстания в 3 корпусе, и распоряжалась только 4-ым корпусом, ставя лишь в известность ген. Рота о своих диспозициях.

Генерал с большим раздражением порицал также и другие действия главной квартиры, как несоответствующие достоинству корпусных командиров. «Вот уже несколько времени», — говорил он, — «как стали поступать на имя генералов и даже полковников вверенного мне корпуса секретные бумаги с предписанием наблюдать за некоторыми лицами, им подчиненными, тогда как я, корпусный командир, узнаю о содержании этих бумаг лишь от самих этих генералов и полковников, которые не посмели бы получить приказа от кого бы то ни было, не уведомив меня об этом, несмотря даже на то, что они на это не уполномочены. Кроме того, — продолжал генерал, — эти прямые аресты, обычно без ведома корпусного командира, как это теперь делается, ставят последнего в положение праздного зрителя мероприятий, направленных против его подчиненных». В доказательство того, что это действительно ведет ко злу, ген. Рот приводит случай с арестом подполковника Муравьева: «Жандармский офицер, присланный из Могилева, чтобы схватить этого офицера, явился в Васильков 25 декабря, в тот день, когда Муравьев обедал у меня в Житомире», — говорит ген. Рот, — «таким образом, если бы я был предупрежден о предполагавшемся его аресте, что могло бы случиться в тот же самый день, принимая во внимание расстояния между Могилевом и Васильковом через Киев, с одной стороны, и Могилевом и Житомиром, с другой, г-н Муравьев был бы арестован у меня

во время обеда, чем предотвращен был бы скандал с Черниговским полком».

Генерал Рот полагает, что в последнее время он оказал услуг более, чем когда-либо раньше. Он уверен в том, что первый открыл революционный заговор, дав нить последнего рапортом в Таганрог, доставленным туда 3 дня спустя после кончины его величества императора Александра. Вот как ген. Рот по удивительному противоречию человеческой натуры похваляется поступком, совершенным им без ведома главной квартиры, упрекая последнюю в недостатке уважения по отношению к корпусным командирам.

Что же касается до открытия революционного заговора ген. Ротом, то в армии рассказывают, что одно высокопоставленное лицо избрало кап. Майбороду для того, чтобы ввести его в общество заговорщиков, в качестве их мнимого сочлена, и что этому офицеру, благодаря его ловкости, удалось проникнуть во все их гнусные тайны. День восстания назначен был на 1 января 1826 года, нельзя было терять времени и, боясь опоздать, кап. Майборода, как говорят, вручил письмо на имя его величества генералу Роту, умоляя срочно доставить его по августейшему адресу. Но ген. Рот решительно потребовал, чтобы прежде чем письмо будет послано он сообщил ему его содержание. Тогда капитан Майборода, которого и острота момента и генерал заставляли вдвойне торопиться, посвятил последнего в тайну заговора; после этого генерал Рот тотчас же написал свой рапорт в Таганрог, умолчав о том, каким образом было сделано столь важное открытие. Вот что рассказывают по поводу открытия заговора, хотя кажется маловероятным, чтобы высокопоставленное лицо, выбирая капитана Майбороду на столь важное дело, не указало ему одновременно верного способа сообщения и не снабдило его денежными средствами.

Восстание Муравьева произвело двойственное впечатление на ген. Рота: вначале, казалось, он был подавлен столь серьезным происшествием, случившимся в его корпусе, но потом, доведя его до конца так легко, он, кажется, решил извлечь из него выгоду для своего тщеславия. Доказательством служит желание его превосходительства вначале заставить считать мятеж делом настолько незначительным, что он даже не известил о нем непосредственно главную квартиру, — а затем стремление воспользоваться, после окончания дела, выгодой первого впечатления, произведенного в Петербурге его непосредственным рапортом, и доказать, что быстрое поражение мятежников было результатом исключительно действий 3-го корпуса и распоряжений его командира.

В данный момент у него возник конфликт с ген. Гейсмаром, которому действительно принадлежит честь полного подавления восстания, ибо этот генерал один со своим отрядом напал на шайку Муравьева.

В настоящее время между обоими генералами возгорелась борьба на почве давнишней неприязни и недавней зависти, но все говорит против ген. Рота. Нужно признаться, что характеры ген. Рота и ген. Гейсмара одинаково тяжелые, один чванится своим положением начальника, а другой ожесточается против собственной судьбы, ставя ей в упрек недостаток средств к существованию, медленное продвижение по службе и много других неприятностей, усиливающихся благодаря его телесным и душевным недомоганиям.

Генерал Гейсмар, не восставая против авторитета своего начальства, имел однако привычку критиковать его распоряжения — это, вероятно, и было причиной того, что недовольство ген. Рота своим бригадным генералом еще более усилилось во время маршей и контр-маршей вокруг мятежников. Корпусный командир, не желая подвергать себя случайностям,

не особенно доверял надежности своей пехоты и не чувствовал себя с ней спокойным, может быть по чисто личным основаниям. Его превосходительство даже сообщил ген. Гейсмару, что, по полученным им сведениям, полк принца Оранского действует заодно с противником. Иронический тон ответа ген. Гейсмара на это сообщение послужил новым поводом к недовольству для корпусного командира, которое не покидало его уже с 1 января, с момента выхода его из Белой Церкви с отрядом гусар, составленным из 2-й бригады, за которым следовала, как говорят, случайно пехота, состоящая из 17 и 18 егерских полков. Недовольство ген. Гейсмара тем, что ему препятствовало в его намерении итти прямо на мятежников, и тревожное состояние духа ген. Рота, как командира корпуса, вызванное серьезностью положения и неопределенностью первых известий, все это способствовало ухудшению настроения у обоих генералов.

Генерал Гейсмар хотел итти 1 января прямо на Мотовиловку, где ночевал Муравьев со своей шайкой, но ген. Рот направил его влево, на Брусилов, откуда только что выведена была пехота для следования на Житомир; и только миновав направление на [*не разобрано*] и взяв путь днем 2 января, направо через Корочин и Махначку, ген. Гейсмар получил наконец разрешение в ночь на 3-е января двигаться на Трилесы в направлении главной дороги от Киева на Белую Церковь, захватив с собой 2 эскадрона мариупольцев и 2 орудия. В пути он узнал, что мятежники ночевали в Пологах и что они идут теперь на Гребенку в направлении этой же большой дороги.

Получив это известие, ген. Рот с 7 эскадронами и при 6 орудиях выступил на Фастов, а ген. Гейсмар, освободившись от присутствия своего начальника, берет направление на Гребенку, велит 2 эскадронам полка принца Оранского следовать за собой, высылает разведывательные отряды, узнает в Королевке, что мятежники выступили, настигает их около Устиновки и 9-ю залпами картечи, да атакой двух эскадронов разбивает всю банду. Сначала гусары не решались пустить в ход сабли, пораженные необычайным положением нападения на своих же, но после того как генерал Гейсмар собственноручно зарубил поручика Щепиллу, гусары бросились со всех сторон на офицеров. В этой сумятице подполковник Муравьев схватил было брошенное знамя, но, заметив приближение к себе гусарского унтерофицера, бросился к своей лошади, которую держал под-усцы пехотинец. Последний, вонзив свой штык в брюхо лошади, проговорил: «вы нам наварили каши, кушайте с нами».

После разгрома мятежников, генерал Гейсмар послал подполковника б. Лёвенштерна с устным рапортом к командиру корпуса в Фастов, но этот офицер, как и другой, посланный позднее, не нашли его. Наконец ген. Рот сам приезжает в Трилесы, куда только что прибыл отряд ген. Гейсмара. Произошла опять крупная сцена: ген. Рот стал упрекать своего генерала в том, что последний оставил его в полном неведении того, что с ним сталось, и т.д. и т.д. Генерал Гейсмар, оправдываясь, ответил, что он был бы виноват в обоих случаях — теперь в том, что кончил все дело самолично, а в противном, что упустил банду, ибо последней оставалось всего лишь две версты до леса и деревень, где кавалерия уже ничего не смогла бы сделать. Ген. Рот очень выговаривал ген. Гейсмару еще за то, что последний написал непосредственно рапорт своему дивизионному командиру, ген. Ридигеру, который находился еще далеко позади, и которого он хотел избавить от труда (?) двигаться вперед. Было еще одно обстоятельство, очень рассердившее ген. Рота, — это то, что ген. Гейсмар послал от своего имени офицера к графине Браницкой, чтобы успокоить ее насчет ее сундуков.

Между тем, корпусный командир принялся здесь составлять свой первый рапорт, в котором его превосходительство дал почетный отзыв о личности своего генерала, но по приезде в Житомир, в тот же день, рапорт этот был им вероятно заменен другим, менее благоприятным для ген. Гейсмара.

Вот приблизительно все, что говорит этот генерал; он мне написал письмо, прося меня поддержать его перед его высокопревосходительством г. главнокомандующим. Я думал, что поступлю хорошо, представив это самое письмо графу Сакену, не смея прибавить к нему чего-либо от себя. Результатом этих действий явился вызов генерала Гейсмара в главную квартиру, где он и находится уже третий день, будучи прекрасно принят главнокомандующим и генералом Толем, и где он представил вчера письменный рапорт, или вернее реляцию о своем Устиновском деле и о передвижениях ему предшествовавших.

Благоволите принять, ваше превосходительство, еще раз уверение в глубочайшем уважении и преданности, с каковой честь имею быть, генерал,

вашего превосходительства почтительнейший и
покорнейший слуга Ностиц.

32.

Приказ главнокомандующего 1-ю армиею от 18 января 1826 г.

Главная квартира
г. Могилев.

Января 18 дня
1826 года.

Злодеяние, неслыханное в российском войске, совершилось. Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол, преступник, прежде в тайне на гнуснейшие злодеяния посягнувший, отважился укрываться от преследований законов явным возмущением полка. Несколько офицеров, все люди в сердце и душе совершенно испорченные, сделались ему достойные товарищи. Таким образом и некоторые другие офицеры и часть нижних чинов совращены с истиннаго пути и вовлечены в измену и клятвопреступление. Но мятеж иссяк в своем источнике. Войско, славящееся исконеби неограниченною любовию и преданностию к государю и престолу, не потерпело изменников; оно окружило их и в порыве ожесточения готовилось истребить их на месте. Но да решит жребий их неумолимый закон с примерною строгостию, соответственною важности преступления.

Для суждения виновных офицеров, участвовавших в мятеже, или к оному прикосновенных, учреждается комиссия военного суда в главной квартире армии, под председательством начальника 3-ей пехотной дивизии генерала-маиора Набокова, с назначением к производству дела полевого генерал-аудитора 5-го класса Шмакова. Суду сему предаются, Черниговского пехотного полка: штабс-капитан барон Соловьев, подпоручик Быстрицкий и прапорщик Мозалевский, яко главнейшие сообщники, закованными в кандалах; штабс-капитан Маевский, поручики: Сизиневский и Петин. Подпоручики: Войнилович, Рыбаковский и Кондырев. Прапорщики: князь Мещерский, Апостол-Кегичь и Белолюбский, яко доброволно во время мятежа от мятежников отделившиеся, арестованными без кандалов. Сверьх того, предаются суду, тогож полка маиор Лебедев и капитан Фурман, подозреваемые в участии в мятеже, также арестованные.

Подлинный подписал:
Главнокомандующий генерал-от-инфантерии граф Сакен.

33.

Рапорт командира 3-го пехотного корпуса на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 19 января 1826 г.

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу Сакену.

Командира 3-го пехотного корпуса
генерал-лейтенанта Рота

Рапорт.

Предписав в исполнение повеления вашего сиятельства от 7-го генваря за № 42 командиру 3 бригады 9 дивизии генерал-маиору Курносову приступить обще с корпусным обер-аудитором Григорьевым к исследованию причин, по коим Черниговский пехотный полк последовал возмутительным действиям нескольких офицеров, я вскоре потом послал в Белую Церковь начальника штаба генерал-маиора князя Горчакова 3, дабы находиться некоторое время при оном, и донести мне без замедления, что будет открываться.

Ныне, по возвращении его, я имею честь донести следующее: он ходил по всем квартирам Черниговских нижних чинов, под присмотром находящихся, и потом допрашивал по-одиночке фельдфебелей и унтер-офицеров; в особенности ефрейтеров каждой роты, и по-ротно же одних рядовых; а также присуствовал при допросах некоторых людей, замеченных в особо худых поступках.

Все изъявляют глубочайшее раскаяние; все вопиют, что были вовлечены в бунт обманом; все поставляют одну надежду в милосердии его императорского величества.

Истина во всей подробности относительно мятежа, в том, что касается до офицеров, не может быть теперь здесь открыта, потому что большая часть оных (и вообще менее виновные) по взятии их были доставлены в Киев и находятся там, потому что офицеры, бывшие в Белой Церкве, почти ни в чем не признались, кроме в том, что совершенно явно, и что нельзя бы узнать от них правды иначе, как чрез продолжительные допросы и очные ставки, к чему не можно было приступить, не замедляя отправления их в главную квартиру, чего я не осмеливался сделать, дабы не остановить действий вашего сиятельства; при том же, по всем вероятиям, первый источник мятежа происходит от ныне открытого тайного общества, на счет коего ваше сиятельство имеете подробнейшие сведения, нежели те, которые мне известны.

Между тем, из офицерских показаний и других сведений кажется несомненно, что ход бунта был следующий.

Подполковник Муравьев-Апостол, братья его, Полтавского полка подпоручик Бестужев-Рюмин и несколько офицеров Черниговского должны принадлежать к тайному обществу, имеющему целью ниспровержение престола. С некоторого времени Муравьев старался скрытно озлобить офицеров на полкового командира, коего несколько крутое обращение могло способствовать сему предприятию, и искал поселить в них дух непокорности.

Мгновенная решимость нескольких офицеров восстать против власти государя императора по одному слову подполковника Муравьева-Апостола его спасти (когда он был арестован), ясно доказывает, что главнейшие сообщники его были уже приготовлены им к бунту. Но как, с другой стороны, невероятно, чтоб приготовление сие, в особенности между неистовыми и необразованными людьми могло долгое время остаться тайным,

то и должно полагать, что подполковник Муравьев начал их побуждать к мятежу только после кончины покойного государя, и в особенности после арестования полковника Пестеля, которое, как должно думать, не могло быть от него скрыто, и заставило его предвидеть [о] такой же участи, для избежания коей он решился прибегнуть к крайним средствам. Такое предположение изъясняет готовность ближайших сообщников его возмутиться как скоро воспоследовало его арестование; другие же офицеры, в бунте участвовавшие, были, повидимому, завлечены к оному, иные по вселенному в них духу непокорности, иные от страха, их обуявшего.

Относительно нижних чинов, сколько о сю пору открыто по делу и из ответов их на допросы, хотя оные не были везде откровенны на щет действий во время самого мятежа, нет уже почти никакого сомнения, что они вовсе не имели предварительного сведения о бунте: доказательством сему может служить уже то, что изранили подполковика Гебеля сами офицеры, и что один из часовых, стоящих у квартиры Муравьева во время онаго происшествия, хотел заколоть сего последнего. Не видя полкового командира своего, получая приказания от старшего по полку штаб-офицера, старавшегося заблаговременно их привязать к себе, рассеянные на большом пространстве, нижние чины последовали без всякого зловредного намерения данным им повелениям собраться по-ротно, а потом исполнили приказания непосредственных начальников своих. После, когда бунт сделался явным, ложные известия о повелении следовать в Житомир, где им говорили, что весь корпус должен собраться, разные ложные слухи, нарочно распущенные, пиянство, отсутствие кого-либо, могущего им изъяснить, что они вовлечены в пропасть, — стечение столь странных и неожиданных для них обстоятельств не позволили им вытти из заблуждения до приближения войск, против них посланных. Следующий случай имел также величайшее влияние на ослепление их: подполковник Гебель, получив повеление по прибытии из главной квартиры жандармов немедленно отправиться с ними для арестования подполковника Муравьева, исполнил сие в точности. Не застав Муравьева, он без потери времени отправился по его следам и искал его до 29 декабря; между тем полк, имевший собраться для присяги на верное подданство его величеству государю императору Николаю Павловичу, 27 декабря учинил оную под начальством маиора Трухина. Отсутствие подполковника Гебеля и отъезд его внезапно с жандармами был поводом слуха, в полку распространившегося, что он взят вследствие воли вышнего начальства; слух сей, сделавший на нижних чинов, которые думали несколько дней, что он увезен и не командует уже полком, сильное впечатление, был, вероятно, еще увеличен зачинщиками мятежа, старавшимися, конечно, утвердить оный; так что многие из нижних чинов не знали, кто их начальники, видя в Муравьеве старшего по полку штаб-офицера, сочли, что должны ему повиноваться.

Согласно повеления вашего сиятельства от 8 генваря за № 50, из следствия открыто, что артиллерийский офицер, приезжавший на квартиру подполковника Муравьева-Апостола 26-го декабря, есть подпорутчик 8-й артиллерийской бригады Андреевич: он был арестован в Киеве и представлен сюда; и хотя он сознался, что был около помянутого времени в Василькове, но не сделал никакого показания, достойного внимания. После я открыл, что он был около того же времени тайно в Радомысле у полковника Швейковского. По связям его с некоторыми лицами в Киеве, на коих генерал-адьютант Демидов имеет подозрение, я счел долгом отправить его туда к нему: сей офицер, весьма скрытный в своих ответах, должен быть из числа самых вредных людей, и был в особенности употребляем для

сношения между членами тайного общества.[1] Относительно офицера Ахтырского гусарского полка, долженствовавшего быть у Муравьева 26 декабря, ничего о сю пору не открыто. Человек подпорутчика Бестужева-Рюмина, служивший к узнанию Андреевича, утверждает, что гусарского офицера вовсе не приезжало тогда на квартиру Муравьева. Касательно адьютанта, имевшего быть у него 30 и 31 декабря, по сие время нельзя было ничего узнать, может статься, что, согласно показаниям мятежных офицеров, действительно был принят за адьютанта меньшой брат Муравьева, служивший в квартермейстерской части.

Так же оказывается, что каптенармус Какауров был послан Муравьевым не в артиллерийскую роту, а к подпорутчику 17 егерского полка Ватковскому, и что разжалованный в рядовые Башмаков провел часть 29 и 30 декабря у одного помещика, близ селения Трилесы, а оттуда отправился до взятия под караул и, следовательно, не был в гусарской дивизии, прежде же 29 числа он был в Василькове.

17-го егерского полка подпорутчик Молчанов утверждает, что не был в Василькове во время возмущения и показание его подтверждается другими. Я предписал сделать по сему предмету особое исследование.

Деньги Черниговского полка находятся в целости, кроме сорока трех рублей артельных 2-й гренадерской роты. Полковые суммы были доставлены ко мне в Белую Церковь разжалованным из аудиторов унтер-офицером Полтавского пехотного полка Каблуковым, спасшим их от мятежников по приказанию подполковника Гебеля, которой их вручил ему во время приближения бунтовщиков.

Подполковник Муравьев-Апостол не разграбил васильковского казначейства, а взял только от подрядчика, довольствовавшего Черниговской полк, несколько сот рублей в счет поставки провианта; почти все сии деньги отбиты у него и отправлены к начальнику штаба 4-го пехотного корпуса командующим 9 пехотною дивизиею, которой уведомил о сем и г. генерал-интенданта армии. Я буду иметь честь сделать в непродолжительнейшем времени по сим предметам подробное донесение вашему сиятельству.

При арестовании 17 егерского полка подпорутчика Ватковского не было найдено никаких бумаг. Генерал-маиор барон Гейсмар, упомянув об оных, ошибся и принял, вероятно, за них бумаги подпорутчика Бестужева-Рюмина и подполковника Муравьева-Апостола, которые я имел честь представить господину начальнику главного штаба армии при рапорте от 13 генваря за № 80-м.

Возмутительные катихизисы были переписаны писарями Черниговского пехотного полка Патутовым, Щелкалиным и Васильевым, унтер-офицерами Дмитревским и Шевелем и рядовыми Хоперским и Балякиным: предписано их взять под строгий арест.

Оканчивая донесение, я должен представить виды по сие время, имеемые на счет того важного обстоятельства, не гнездилось ли в каких-либо других частях 3 пехотного корпуса желание последовать примеру Черниговского полка, — все слухи касательно сего оказываются ложными, и, повидимому, источник оных есть сам Муравьев, распустивший их для поддержания мятежа. Дух, с коим стремились на возмутителей войска против них посланные, спокойствие, порядок прочих и совершенное прекращение не более как в пять дней, без всякого сопротивления, такого мятежа, которой застал

---

[1] Помета рукою ген. Толя: «Сіе не оставляет никакого сомнения на щет подполковника Шварценберха, который есть начальник Андреевича, и сам принадлежал к ложе, в Киеве бывшей».

все полки неожиданно на широких квартирах, ясно доказывают, что ни тайные пронырства мрачного заговора, ни провозглашение вооруженною рукою разрушительных замыслов не в силах поколебать верноподданных воинов 3-го пехотного корпуса.

Генерал-лейтенант Рот.

№ 135.
19-го генваря 1826 года.
Г. Житомир.

34.

Рапорт начальника штаба 1-й армии на имя начальника главного штаба от 22 января 1826 г.

Главная квартира в Могилеве Бел.
Генваря 22 дня 1826 года.

Управление начальника главного штаба 1-й армии.

№ 118-й.

Начальнику главного штаба его императорского величества господину генерал-адьютанту барону Дибичу.

Начальника главного штаба 1-й армии генерал-адьютанта барона Толя

Рапорт.

Вследствие отношения вашего превосходительства к главнокомандующему от 16-го генваря за № 101-м, имею честь представить список офицерам Черниговского пехотного полка, взятой из полкового месячного рапорта за декабрь месяц, сей час с почтою полученного, в коем показаны все отлучные офицеры. Впрочем, не полагаясь совершенно на верность сего списка, я требую ближайшего удостоверения от генерал-лейтенанта Рота и по получении поспешу представить вашему превосходительству.

При сем случае долгом поставляю довести до сведения вашего превосходительства следующее обстоятельство. По месячному рапорту полка от 1-го декабря, должны были находиться при полку на лицо: капитан и командир 6-й мушкатерской роты Фурман; командир 2-й гренадерской роты штабс-капитан Глушков 2-й, не командующий ротою по случаю подачи прошения в отставку, штаб-капитан Роменский 1-й; 1-й мушкатерской роты порутчик Павлов 2-й и подпорутчик Анастасьев и 3-й мушкатерской роты подпорутчик Роменский 2-й. — Однако же, по всем полученным до ныне сведениям, сии офицеры нигде не упоминаются, ни в числе сохранивших верность, ни со стороны мятежников. А потому генералу-лейтенанту Роту, еще прежде получения вышепомянутого рапорта за декабрь месяц, предписано собрать верные сведения, где именно офицеры сии находились во время мятежа, и буде им надлежало быть на-лицо при полку, то приказано их всех отправить сюда в главную квартиру не арестованными, поелику поведение их во время мятежа должно быть рассмотрено военным судом, как и те причины, по коим они не воспротивились возмущению до последней капли крови. Хотя по теперешнему месячному рапорту, Роменский 1-й показан больным с 18-го декабря, Анастасьев с 16-го декабря, Фурман в отлучке, но где, не известно, а Павлов 2-й на-лицо; но за всем тем требование сие во всяком случае объяснить поведение сих офицеров.

Вместе с тем имею честь донести, что всех офицеров, в Киеве содержащихся, предписано уже доставить также сюда.

Г. главнокомандующий располагает всех виновных в сем мятеже офицеров судить при главной квартире, а дабы дело произведено было со всею

законною строгостью и чтоб дать оному вес, соразмерный важности преступления, то его сиятельство приказать изволил учредить комиссию военного суда под председательством одного генерала. На сей конец назначен начальник 3-й пехотной дивизии генерал-маиор Набоков, которому уже и предписано прибыть в главную квартиру.

Генерал-адьютант барон Толь.

СПИСОК

штаб и обер-офицерам Черниговского пехотного полка строевым и не строевым по старшинству их службы за декабрь месяц 1825 года.

Генваря 1-го дня 1826 года.

Служба их.								
В армии.	В гвардии.	В офицерах.	В нынешних чинах.					Где находятся.
			Годы.	Месяцы.	Числа.			
						Полковник		
799	—	800	821	Февраля	18	Ермолай Иванов сын Ребендер 2-й.		В должности вице-директора инспекторского департамента главного штаба его императ. величества с 24 генваря 825 года.
						Подполковники:		
800	—	800	817	Сентября	20	Густав Иванов сын Гебель.	Полков. команд.	Находится для излечения ран в городе Киеве с 30 декабря 825 года.
810	815	811	819	Декабря	15	Сергей Иванов сын Муравьев-Апостол.	Батал. команд.	С 30 декабря выступил с бунтующими ротами.
797	794	797	820	Марта	13	Иван Васильев сын Носов.		Старшим адьютантом в главной квартире 1-й армии с 4-го апреля 821 г.
						Маиоры:		
799	—	799	813	Генваря	26	Сергей Степанов сын Трухин.	Батал. команд.	При полку на лицо.
820	813	814	819	Декабря	15	Владимир Александров сын Римский-Корсаков.		По высочайшему повелению уволен за границу к Минеральным водам для излечения болезни.
799	—	805	821	Декабря	16	Александр Алексеев сын Лебедев.		С 30 декабря находится в дивизионной квартире местечке Белой Церкве.

Служба их.								
В армии.	В гвардии.	В офицерах.	В нынешних чинах.					Где находятся.
			Годы.	Месяцы.	Числа.			
						Капитаны:		
804	—	810	821	Июня	21	Петр Федоров сын Козлов	Ротные командиры.	При полку налицо.
812	—	812	822	Маия	23	Самойло Иванов сын Вульферт		
815	820	815	822	Августа	28	Андрей Федоров сын Фурман	По случаю подачи прошения в отставку не командует ротою.	Болен. При полку. С 16 декабря 825 года и с 30-го декабря по 1 генваря не находился при полку.
						Штабс-капитаны:		
816	—	816	822	Маия	23	Владимир Александров сын Глушков		В отпуску Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда в селе Городище с 10 декабря 825 г. на 28 дней.
816	—	816	822	Маия	23	Карл Клементьев сын Маевский	Ротные командиры.	С 31 декабря выступили с возмутившимися ротами в команде Муравьева.
817	—	817	825	Июня	4	Вениамин Николаев барон Соловьев		
813	—	817	825	Июня	4	Антон Николаев сын Роменский I.	По случаю подачи прошения в отставку не командует ротою.	Болен. При полку с 18 декабря 825 г.
						Порутчики:		
816	—	816	820	Апреля	15	Андрей Иванов сын Шахирев.		Адъютантом при бригадном командире г.-м. Тихановском с 11 декабря 823 г.
814	—	817	820	Сентября	1	Михайло Алексеев сын Щипилло	Ротные командиры.	В числе возмутителей выступили 31 декабря.
817	—	817	822	Маия	23	Анастасий Дмитриев сын Кузьмин		
816	—	817	823	Маия	4	Родион Федоров сын Жадкевич.		Для отвода людей 7-го взвода 2-го батальона в Отдельный Кавказский корпус с 18-го ноября 825 г.

Службах.								
В армии.	В гвардии.	В офицерах.	В нынешних чинах.					Где находятся.
			Годы.	Месяцы.	Числа.			
817	—	817	823	Маия	4	Виктор Осипов сын Сизиневский.	Полковой казначей.	В числе возмутителей выступил 31 числа декабря.
817	—	817	823	Маия	4	Евграф Федоров сын Павлов 1-й.	Полковой адьютант.	При полку на лицо.
818	—	821	824	Апреля	30	Франц Иванов сын Бржестовский.		В отпуску Киевской губ., Чигринского уезда в село Матвеевку с 29 ноября 825 г. на 28 дней.
815	—	817	824	Маия	20	Андрей Семенов сын Щелканов.		В гор. Москве для приема в полк ружей с 20 декабря 825 г.
819	—	819	824	Маия	20	Василий Николаев сын Петин.	Командует ротою.	В числе возмутителей выступил 31 числа декабря.
817	—	819	825	Июня	4	Михайло Федоров сын Павлов 2-й.	Ротной командир.	При полку на лицо.
						Подпорутчики:		
816	—	819	823	Маия	4	Антон Станиславов сын Войниловичь.	Полковой квартермистр.	В числе возмутителей выступили 31 декабря.
817	—	819	823	Маия	4	Андрей Андреев сын Быстрицкий.		
815	—	819	823	Маия	4	Владимир Николаев сын Рыбаковский.		
819	—	821	824	Маия	20	Климентий Николаев сын Роменский 2-й.		Болен. При полку с 28 октября 825 г.
818	—	823	825	Июня	4	Александр Николаев сын Анастасиев.		Болен. При полку с 16 декабря 825 г.
818	—	823	825	Июня	4	Гаврило Иванов сын Ядрипо.		В корпусной квартире в учебном баталионе с 22 октября 825 г.
819	—	823	825	Июня	4	Василий Яковлев сын Кондырев.		В числе возмутителей взят Муравьевым 31 декабря 825 г.

Служба их.								
В армии.	В гвардии.	В офицерах.	В нынешних чинах.					Где находятся.
			Годы.	Месяцы.	Числа.			
818	—	823	825	Июня	4	Михайло Иванов сын Вельяминов-Зернов.		За болезнию в Могилевском военном госпитале.
						Прапорщики:		
819	—	824	824	Маия	20	Александр Петров сын князь Мещерский.		В числе возмутителей выступил 31 числа декабря.
819	—	824	824	Маия	20	Николай Сергеев сын Мильгунов.		В исправительной роте при дивизионной квартире с 20 октября 825 г.
820	—	824	824	Маия	20	Егор Иванов сын Апостол-Кеичь [sic!].	Баталионный адьютант.	В числе возмутителей выступили 31-го декабря.
820	—	824	824	Маия	20	Амплей Дмитриев сын Белелюбский.		
821	—	824	824	Маия	20	Александр Евстафиев сын Мозалевский.		
						Нестроевые:		
						Штаб-лекарь.		
821	—	821	824	Июня	17	Иосиф Иванов сын Никольский.		В городе Киеве с 31-го декабря 825 года.
						Младший лекарь.		
821	—	825	825	Августа	6	Павел Николаев сын Ханенко.		Прикомандирован к Полтавскому пехотному полку для следования с оным в Бобруйскую крепость с 21 октября 825 года.
						Священник:		
825	—	822	825	Генваря	22	Даниил Федоров сын Кейзер.		При полку на лицо.

Командующий полком маиор Трухин.

БАТАЛИОННОЕ И РОТНОЕ РАСПИСАНИЕ

Черниговского Пехотного полка за декабрь месяц 1825-го года.

Генваря 1-го дня 1826 года.

1-го Баталиона

Роты:	
1-й Гренадерской	Подполковник Гебель
»	Капитан Козлов
»	Порутчик Петин
»	Прапорщик Мильгунов
»	Полковой адьютант Поручик Павлов 1-й
»	» Казначей Порутчик Сизиневский
»	» Квартермистр Подпоручик Войниловичь
»	В должности вице-директора инспекторского департамента главного штаба его императорского величества Полковник Ребендер 2-й
»	Старший адьютант в Главной квартире 1-й армии Подполковник Носов
»	Адьютант при бригадном командире генерал-маиоре Тихановском Порутчик Шахирев
1-й Мушкатерской	Маиор Римский-Корсаков
»	Капитан Вульферт
»	Подпорутчик Анастасиев
2-й »	Штабс-капитан Барон Соловьев
»	Порутчик Щелканов
»	Подпорутчик Быстрицкий
»	Прапорщик Белелюбский
3-й »	Маиор Трухин
»	Штабс-капитан Роменский 1-й
»	Порутчик Щипилло
»	Подпорутчик Роменский 2-й

2-го Баталиона

2-й Гренадерской	Подполковник Муравьев-Апостол
»	Штабс-капитан Глушков 2-й
»	Подпорутчик Рыбаковский
»	Прапорщик князь Мещерский
»	Баталионный адьютант Прапорщик Апостол-Кеичь
4-й Мушкатерской	Штабс-капитан Маевский
»	Порутчик Жадкевич
»	Подпорутчик Кондырев
5-й »	Порутчик Кузьмин
»	Подпорутчик Ядрило
6-й »	Маиор Лебедев
»	Капитан Фурман
»	Порутчик Бржестовский
»	» Павлов 2-й
»	Подпорутчик Вельяминов-Зернов
»	Прапорщик Мозалевский

Командующий полком Маиор Трухин.

35.

Рапорт командира 3-го пехотного корпуса на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 22 января 1826 г.

Главнокомандующему 1 армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу Сакену.

Командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Рота

Рапорт.

Имею честь представить вашему сиятельству списки:

1-е. О всех лицах, взятых в шайке подполковника Муравьева-Апостола, с объяснением, какого полка и звания.

2-е. Об отпускных воинских чинах Черниговского полка, с показанием, куда и с которого времени они отпущены.

3-е. О всех чинах оного, бывших в шайке Муравьева-Апостола, о коих не известно, где ныне находятся.

4-е. О всех чинах того же полка, которые по нахождению в командировке не участвовали в мятеже.

5-е. О тех, которые находились с капитаном 1-й гренадерской роты Козловым и явились ко мне 1-го генваря.

6-е. О тех чинах 1-й мушкетерской роты, которые прибыли с капитаном Вульфертом в Белую Церковь 2-го генваря.

7-е. О тех, кои по нахождению в разных отлучках не учавствовали в бунте.

8-е. О находящихся под сомнением в мятеже.

9-е. О тех, кои разновременно уклонялись от мятежников.

10-е. Об офицерах, бывших во фронте при подполковнике Муравьеве-Апостоле 3-го генваря.

11-е. О воинских чинах шайки Муравьева-Апостола, убитых во время дела 3-го генваря.

12-е. О нижних чинах из возмущенных, которые оказываются в противузаконных поступках.

13-е. Ведомость об отобранной у мятежников суммы генерал-маиором бароном Гейсмаром.

14-е. О суммах, принесенных разжалованным из аудиторов унтерофицером Каблуковым.

При сем считаю долгом добавить, что ежели требуемые вашим сиятельством сведения не представляются мною со всевозможною скоростью, то единственно причиною сего удаление места производства следствия в Белой Церкве и нахождение части Черниговского пехотного полка в Василькове, а равно и разнообразность предметов, в оном следствии заключающихся.

Генерал-лейтенант Рот.

№ 153.
22 генваря 1826 г.
Г. Житомир.

Копия.

СПИСОК

Черниговского пехотного полка воинским чинам, взятым в шайке подполковника Муравьева-Апостола, с объявлением, каких они званий и полков.

№	Чины, имяна и прозвания.	№	Чины, имяна и прозвания.
	1-го баталиона:		1-й мушкатерской
	Штабс-капитан		Унтер-офицер
1.	Вениамин барон Соловьев.	1.	Дмитрий Щербаков.
	Подпорутчик		Гарнист
1.	Андрей Быстрицкий.	1.	Иван Кордюков.
	1-й гренадерской роты		
	Унтер-офицер		Барабанщики:
1.	Самойла Леонтьев.	1.	Иммакамет Бактемиров.
			Яков Изотов.
	Музыканты:		Яков Фирсов.
1.	Иван Иванов.	4.	Яков Силаев.
2.	Тихон Ефремов.		
3.	Василий Засыпкин.		Рядовые:
4.	Петр Скоков.	1.	Егор Авдеев.
5.	Абрам Ильин.		Игнатий Неповитой.
			Осип Яковлев.
	Гарнисты:		Анц Михель.
1.	Евсей Егоров.		Спиридон Кузеонов.
2.	Иван Шустов.		Никита Волков.
			Андрей Молодцов.
	Барабанной староста		Василий Мойсеев
1.	Андрей Гребеников.		Филип Шарыгин.
		10.	Василий Актынчук.
	Барабанщики:		Сергей Иванов.
1.	Анисим Леонтьев.		Иван Григорьев.
2.	Тарас Никитин.		Иван Миронов.
3.	Андрей Алексеев.		Мирон Харитонов.
			Яков Брылев.
	Флейщики:		Семен Петров.
1.	Степан Белоусов.		Моисей Бабенко.
2.	Николай Михайлов.		Иван Егоров.
			Нефед Михайлов.
	Рядовые:	20.	Дмитрий Никифоров.
1.	Архип Комлев		Бакселей Магделеев.
	Трофим Афанасьев.		Ефин Шорин.
	Яков Елистратов.		Никита Феклистов.
4.	Николай Михайлов.		Ефим Васильев.
			Семен Каньков.
			Силивестр Авдеев.
			Василий Соколов.
			Тихон Пантюхин.
			Максим Дми[т]риев.

№		№	
			Рядовые:
30.	Григорий Кобец	1.	Андрей Шевчук.
	Михайло Полубояров.		Иван Терентьев.
	Роман Максимов.		Степан Андреев.
	Сысой Архипов.		Юрий Петров.
	Антон Русецкий.		Ефрем Сазанов.
	Карп Вахненко.		Иван Шевченко.
	Ион Воробьев.		Николай Пирамонов.
	Степан Кузьмин.		Федот Аверьянов.
	Ян Янов.		Никифор Малафеев.
	Ермил Кривандасов.	10.	Никон Кандратьев.
40.	Михайла Утин.		Клим Артемьев.
	Иван Булыков.		Бертуль Якуб.
	Максим Плеханов.		Моисей Симонов.
	Салим Тряков.		Алексей Сергеев.
	Петр Гаврылов.		Иван Федоров 1-й.
	Никифор Трофимов.		Семен Филипов.
	Дирик Юрик.		Харлам Яковлев.
	Ян Фриц.		Антон Киреев.
	Яков Иванов.		Максим Кузьмин.
	Степан Семенов.	20.	Иван Андреев.
50.	Кандратий Попелкин.		Петр Еремеев.
	Герасим Емельянов.		Карп Игнатьев.
52.	Евдоким Степанов.		Никита Шатунов.
			Семен Иванов 1-й.
	Цырюльник		Аверьян Леонов.
1.	Алексей Липка.		Харлам Иванов.
			Дмитрий Добров.
	2-й мушкатерской		Игнат Кузьмин.
	Фельдфебель		Евдоким Михайлов.
1.	Клим Абрамов.	30.	Петр Морев.
			Павел Кузнецов.
	Портупей-прапорщ[ик].		Павел Андреев.
1.	Иван Цявловский.		Филип Пахомов.
			Ефим Синюков.
	Унтер-офицеры:		Дмитрий Кармазинов.
1.	Сафрон Сычев.		Николай Третьяков.
	Иван Васильев.		Ион Хохолкин.
	Тимофей Рошков.		Афанасий Бакалдин.
4.	Матвей Ефимов.		Ермолай Митяев.
	Дмитрий Швецов.	40.	Федот Тиханов.
	Иван Дмитревский.		Тимофей Степанов.
	Иван Герасимов.		Ананий Никитин.
	Кондратий Федоров.		Потап Михайлов.
9.	Василий Кушков.		Михайла Наволокин.
			Данило Куличенко.
	Гарнисты:		Александр Яковлев.
1.	Максим Феклистов.		Василий Иванов.
2.	Павел Силантьев.		Матвей Иванов.
			Петр Яковлев.
	Барабанщики:	50.	Ян Фриц.
1.	Ефрем Пермяков.		Григорий Данилов.
	Никита Ефремов.		Федор Васияьев.
	Исай Андреев.		Петр Васильев.
4.	Петр Лаврентьев.		Мартын Давидов.
			Павел Филипов.
			Степан Николаев.
			Василий Прокофьев 1-й.
			Иван Степанов.
			Митрофан Сакин.

№		№	
60.	Иван Федоров 2-й.	120.	Макар Гончаров.
	Прохор Петров.		Арсентий Барилкин.
	Яков Титов.		Иван Савельев.
	Михайла Камаев.		Михайла Лямин.
	Сидор Кузьмин.		Семен Иванов 2-й.
	Савелий Емельянов.		Андрей Осипов.
	Федор Михайлов.		Терентий Григорьев.
	Петр Ефимов.		Сафрон Григорьев.
	Семен Петров.		Тимофей Левков.
	Терентий Дурнаев.		Иван Янусов.
70.	Гаврила Панов.	130.	Капитон Перемытьев.
	Мустай Буязитов.		
	Якуб Анц.		Нестроевые:
	Лукьян Дубыкин.		Ложник
	Никита Терентьев.		
	Андрей Никитин.	1.	Прохор Лебедев.
	Василий Федоров.		
	Никифор Мешалкин.		Фурлейт
	Кузьма Михайлов.		
	Иосиф Алексеев.	1.	Иван Кондратьев.
80.	Филип Тарбеев.		
	Филип Федоров.		Казенный деньщик подпорутчика Быстрицкого
	Андрей Беркус.		
	Ефрем Кочетов.		
	Филипп Якименко.	1.	Иван Никитин.
	Захар Михайлов.		
	Федор Ефремов.		3-й мушкатерской
	Елисей Степанов.		Фельдфебель
	Михайла Иванов.		
	Андрей Зинзиров.	1.	Иван Поляков.
90.	Филип Устинов.		
	Никифор Афанасьев.		Унтер-офицеры:
	Иван Атоманов.		
	Кузьма Афанасьев.	1.	Гигорий Ляшковский.
	Сидор Вавилов.		Спиридон Иванов.
	Филип Ананьев.		Павел Сафронов.
	Аким Ильин.		Иван Простак.
	Александр Удинцов.		Михайла Башкин.
	Григорий Евтушенко.		Моисей Чичунов.
	Василий Егоров.		Виталий Фитиолин.
100.	Сергей Васильев.		Иван Павлов.
	Томас Энне.	9.	Логин Сергеев.
	Дементий Вистулевич.		
	Артем Васильев.		Гарнисты:
	Андрей Якуб.	1.	Анкудин Никитин.
	Панкрат Феклистов.	2.	Семен Павлов.
	Архип Гусев.		
	Филип Щебалин.		Барабанщики:
	Андрей Тараватов.		
	Андрей Иванов.	1.	Абрам Андреев.
110.	Михайла Павлов.		Егор Ушаков.
	Петр Коробов.		Михайла Силантьев.
	Федор Кондратьев.	4.	Степан Прокофьев.
	Максим Веденеев.		
	Давид Шебанов.		Рядовые:
	Василий Прокофьев.	1.	Лукьян Григорьев.
	Никифор Михайлов.		Иван Сидоров.
	Самсон Савельев.		Филимон Прудников.
	Федот Силантьев.		Гаврило Комаров.
	Василий Семенов.		Игнат Иванов.

№		№	
	Евсей Евсеев.		Аким Немузин.
	Аким Маклюков.		Антип Александров.
	Абрам Петров.		Николай Кудисов.
	Иван Федоров 1-й.		Касиян Конопенко.
10.	Лаврентий Прокофьев.	70.	Наум Усталов.
	Иван Павлов.		Артемий Белецкий.
	Ян Матвеев.		Ефим Минаков.
	Изот Низин.		Афанасий Алексеев.
	Михайла Барышов.		Семен Петров.
	Никифор Нестеров.		Дмитрий Фомин.
	Иван Федоров 2-й.		Ефим Гончаров.
	Терентий Осипов.		Деменик Терешко.
	Ермил Матвеев.		Дмитрий Никитин.
	Исак Артемьев.		Иван Филатов.
20.	Петр Медведев.	80.	Александр Басилаев.
	Никифор Кузьмин.		Игнат Руднев.
	Степан Архипов.		Федор Титюнов.
	Аким Микоц.		Филип Стрюков.
	Макар Никифоров.		Иван Шалаев.
	Дементий Новиков.		Прокофий Медведев.
	Балтрук Апулка.		Андрей Колокольников.
	Прокофий Гриб.		Захар Бабыкин.
	Кондратий Герасимов.		Осип Ермолин.
	Карп Прибытка.		Исай Рубцов.
30.	Анисим Васильев.	90.	Филип Агапов.
	Абрам Ильин.		Савелий Макаров.
	Терентий Трофимов.		Федор Смирнов.
	Тимофей Емельянов.		Кирьян Фитисов.
	Антип Пахомет.		Иван Александров.
	Алексей Ефимов.		Степан Сидоров.
	Минай Новиков.		Терентий Евтушенко.
	Иван Сальников.		Федор Ражнов.
	Моисей Авчинников.		Юрий Юрий.
	Николай Алексеев.		Ян Михель.
40.	Кирила Гаврилов.	100.	Козьма Петров.
	Антон Константинов.		Егор Иванов.
	Фома Лапин.		Фриц Фрица.
	Николай Федоров.		Григорий Васильев.
	Матвей Лукашевичь.		Юрий Адо.
	Степан Крушевичь.		Андрей Фрейтах.
	Павел Гостом.		Петр Петров.
	Яков Лахтюшин.		Осип Герасимов,
	Матвей Николаев.		Петр Иванов.
	Илья Мальцов.		Яков Антонов.
50.	Иван Киреев.	110.	Матвей Иванов.
	Степан Афанасьев.		Ян Индрик.
	Михайла Кирманов.		Фриц Индрик.
	Шангарей Алмакиев.		Антон Петров.
	Иван Князьков.		Осип Петров.
	Илья Лединков.	115.	Лаврентий Гутковский.
	Семен Семенов.		
	Абрам Макаров.		Нестроевые:
	Яков Сафронов.		
	Кузьма Красноперов.		Цырульник
60.	Павел Антонов.		
	Яков Данилов.	1.	Иван Рышкевич.
	Митрофан Иванов.		
	Николай Войтюк.		Плотник
	Яков Абрамов.		
	Семен Рьянов.	1.	Филип Советов.

№		№	
	Фурлейт.		Тихон Федотов.
			Трафим Коноплев.
1.	Григорий Витченко.		Яков Зайцев.
		20.	Яков Афанасьев.
	Казенной деньщик порутчика Щипиллы.		Иван Кузьмин.
			Михайла Артемьев.
			Данило Цайцов.
1.	Григорий Клименко.		Спиридон Феклистов.
			Андрей Степанов.
	2-го баталиона		Семен Акимов.
			Адам Гроцкой.
	Подполковник		Василий Климов.
			Юрий Ян.
1.	Сергей Муравьев-Апостол.	30.	Федор Кучерявой.
			Юрий Ян.
	2-й гренадерской:		Антон Васильев.
			Андрей Лисицын.
	Унтер-офицеры:		Александр Усов.
			Емельян Полетаев.
1.	Иван Лазыкин		Кузьма Фомин.
	Тимофей Николаев.		Никита Яковлев.
	Иван Корчагин.		Герасим Лаврентьев.
	Прокофий Никитин.		Николай Ефремов.
5.	Архип Дубов.	40.	Дмитрий Волков.
			Клас Юрьин.
	Баталион. барабанщ.		Тит Алексеев.
			Иван Моржелин.
1.	Никита Полин.		Иван Игнатьев.
			Март Ян.
	Гарнист		Федор Никифоров.
			Иван Козаков.
1.	Андрей Коробов.		Григорий Мохонин.
			Яков Степанов.
	Флейщики:	50.	Петр Юрьев.
1.	Иван Андреев.		Ефим Ефремов.
2.	Алексей Федоров.		Петр Назаров.
			Фрол Федулов.
	Барабанщики:		Степан Александров.
			Федор Ларионов.
1.	Петр Сидоров.		Кондратий Рашков.
	Григорий Савенко.		Степан Ковалев.
3.	Гаврило Гусев.		Григорий Максимов.
		59.	Максим Алексеев.
	Гренадеры:		
			Стрелки:
1.	Федор Иванов.		
	Игнат Федосов.	1.	Михайло Иванов.
	Тарас Николаев.		Станислав Сановский.
	Моисей Федоров.		Кондрат Михайлов.
	Алимпей Борисов.		Василий Лебедев.
	Василий Пермин.		Егор Суслопаров.
	Василий Харитонов.		Степан Артамонов.
	Галактион Шерпин.		Семен Хадченко.
	Андрей Васильев.		Харитон Осипов.
10.	Марко Хомеков.		Матвей Пашин.
	Сидор Романов.		Григорий Самусев.
	Андрей Изотов.		Кузьма Игнатьев.
	Тимофей Савельев.		Степан Соловьев.
	Абрахим Истаев.		Степан Иванов.
	Федор Сафонов.		Терентий Афонасьев.
	Алексей Никитин		

№		№	
	Федор Прокофьев.		Нестроевые:
	Яков Егоров.		
	Степан Анисимов.		Цырульник
	Кирило Андреев.	1.	Яков Литвинович.
	Иван Васильев.		
	Платон Егоров.		Кузнец
	Карней Лукьянов.		
	Степан Григорьев.	2.	Козьма Степанов.
	Радион Иванов.		
	Иван Емельянов.		Фурлейт
	Федор Котов.		
	Семен Макеев.	3.	Петр Голубенко
	Максим Кондратьев.		
	Трофим Андреев.		Казенные деньщики:
	Василий Иванов.		Прапорщ. князя Мещерского
	Лаврентий Брызгун.		
	Прокофий Кузьмин.	4.	Иван Степанов.
	Игнат Семенов.		
	Евдоким Яковлев.		Прапорщ. Апостола-Кегича
	Андрей Ефремов.		
	Данила Панчоха.	5.	Конон Мухин.
	Индрик Анц.		
	Матвей Федоров.		4-й мушкатерской
	Иван Селезнев.		
	Прокофий Байцов.		Фельдфебель
40.	Мирон Ланызин.		
	Афонасий Филипов.	1.	Карп Никитин
	Лаврентий Яковлев.		
	Аверьян Филипов.		Унтер-офицеры.
	Козьма Прокофьев.		
	Аким Андреев.		Прокофий Внуков.
	Иван Иванов.		Иван Григорьев.
	Кузьма Голотынин.		Мирон Качеринской.
	Лука Аносов.		Панкратий Лебедев.
	Иван Владимиров.		Василий Гаврименко.
	Яков Афанасьев.		Леонтий Костюков.
	Семен Андреев.		Кондратий Юрьев.
	Якуб Тилиоргалев.		
	Андрей Попов.		Гарнисты:
	Адам Борисовичь.		
	Никита Ильин.	1.	Петр Иванов 1-й.
	Ян Мик.	2.	Петр Иванов 2-й.
	Лаврентий Супринович.		
	Иван Егоренко.		Барабанщики:
	Петр Петров.		
60.	Аксентий Филипов.	1.	Григорий Крамаренко.
	Сидор Ильин.		Андрей Гребенников.
	Хаким Ахмаров.		Осип Чернышев.
	Томаш Шинковский.	4.	Аким Иванцов.
	Прокофий Васильев.		
	Тимофей Андреев.		Рядовые.
	Лукьян Литиновский.		
	Федор Романченко.	1.	Иван Журавлев.
	Степан Алексеев.		Данила Валенюк.
	Иван Аблыгин.		Федор Бабичев.
	Клим Ашманов.		Аким Горбачев.
	Семен Васильев.		Яков Шустов.
	Тимофей Дмитриев.		Тимофей Петров.
	Гаврила Анофриев.		Алфим Иванов.
74.	Тимофей Васильев.		Илья Новиков.

№		№	
	Егор Максимов.		Юзеф Марчук.
10.	Матвей Симаков.	70.	Герасим Яковлев.
	Марк Иванов.		Сергей Ефимов.
	Иван Мижарский.		Сидор Минаев.
	Осип Малинин.		Антон Исаев.
	Григорий Давыдовичь.		Иван Емельянов.
	Капитон Иванов.		Герасим Сергеев.
	Яков Иванов.		Василий Масалов.
	Самсон Гусев.		Иван Егоров.
	Егор Борисов.		Григорий Кочетов.
	Василий Акуловской.		Василий Акимов.
	Федор Лезин.		Иван Семенов.
	Матвей Пашутин.		Василий Ильин.
	Ефим Мирошин.		Федор Швырев.
	Афонасий Сухин.		Юган Адо.
	Максим Халабудной.		Янус Давид.
	Ананий Никулик.		Федор Яковлев.
	Иван Василенко.		Иван Федоров.
	Януш Юрий.		Иван Тимофеев.
	Степан Карнеев.		Василий Николаев.
	Игнат Федоренко.		Козьма Петров.
20.	Кондратий Яковлев.	90.	Отто Криступ.
	Евстигней Иванов.		Федор Захаров.
	Аким Заталокин.		Юрий Юрис.
	Силантий Захаров.		Иван Елисеев.
	Иван Борисов.		Фектул Заитов.
	Максим Волков.		Спиридон Зиновьев.
	Аверьян Андреев.		Иван Степанов.
	Петр Александров.		Мартин Павлов.
	Иван Марков.		Маркел Андреев.
	Томаш Лукашев.		Игнат Матвеев.
	Юрий Ян.	100.	Анц Ян.
	Михайла Варапаев.		Томаш Март.
	Иван Васильев.		Андрей Филипов.
	Станислав Дробовичь.		Афонасий Антонов.
	Кирилла Иванов.		Влас Бондаренко.
	Данила Иванов.		Семен Григорьев.
	Осип Андреев.		Григорий Асарьев.
	Федот Акимов.		Мартын Савицкий.
	Иван Костров.	108.	Акула Миронов.
	Осип Карпяев.		
50.	Мирон Разанцов.		5-й мушкатерской:
	Василий Осипов.		
	Иван Игнатьев.		Каптенармус
	Яков Синакоп.	1.	Кирила Якубовский.
	Павел Филиппов.		
	Прокофий Иванов.		
	Филип Федоров 1-й.		Унтер-офицеры:
	Афанасий Трифонов.		
	Михайла Афанасьев.	1.	Спиридон Пучков.
	Иван Малерчук.		Павел Алексеев.
60.	Иван Щербаков.		Никифор Маценко.
	Матвей Матсуш.		Василий Муратов.
	Сазон Иванов.		Василий Тимофеев.
	Иван Иванов.	6.	Андрей Кондраков.
	Сергей Павлов.		
	Ефан Никифоров.		
	Савелий Жилкин.		Гарнисты:
	Егор Аникеев.	1.	Антон Медведев.
	Моисей Полетучей.	2.	Федор Кирсанов.

№		№	
	Барабанщики:		Ян Крыштуп.
1.	Дмитрий Андреев.		Григорий Савчук.
	Андрей Булыкан.		Павел Иванов.
3.	Игнатий Шеляпин.		Прохор Афанасьев.
			Иван Тихонов.
	Рядовые:		Алексей Кузьмин.
1.	Иван Аникин.	60.	Павел Ланчук.
	Степан Савицкой.		Кондратий Степанов.
	Матис Рейн.		Кузьма Савельев.
	Ермолай Павлов.		Федор Иванов.
	Юрий Ян.		Дмитрий Баврин.
	Иван Григорьев.		Фока Александров.
	Ивлей Стромилов.		Гауберт Индрик.
	Степан Антонов.		Кирило Котенко.
	Иван Павлов.		Андрей Перфилов.
10.	Бертель Ян.		Семен Захаров.
	Ян Крышпун.	70.	Емельян Карпов.
	Василий Долинин.		Михайла Николаев.
	Савелий Исаев.		Степан Андреев.
	Андриян Вагин.		Яков Ушаков.
	Иван Васильев.		Дмитрий Удачин.
	Семион Симонов.		Яков Васильев.
	Максим Кирилов.		Фома Степанов.
	Юрий Михель.		Егор Данилов.
	Никита Холодков.		Ян Матис.
20.	Петр Егоров.		Анисим Иванов.
	Дмитрий Петров.	80.	Василий Федоров.
	Макар Власов.		Петр Новицкой.
	Григорий Пантонов.		Андрей Анисимов.
	Ефим Мастеров.		Василий Дедин.
	Григорий Федоров.		Петр Лаврентьев.
	Филип Рогов.		Петр Богомолов.
	Герасим Никитин.		Марко Ильин.
	Егор Васильев.		Захар Швецов.
	Мартын Рогачев.		Филип Дмитриев.
30.	Семен Игнатьев.		Спиридон Кузьмин.
	Афанасий Прокофьев.	90.	Константин Латышев.
	Иван Ковалев.		Андрей Петров.
	Федор Никифоров.		Степан Иванов.
	Клим Тручук.		Абрам Аникеев.
	Алексей Никифоров.		Прокофий Твирошков.
	Марка Сердюков.		Петр Томаш.
	Потап Колков.		Ворфоломей Агеев.
	Владимир Петров.		Ефрем Никитин.
	Гаврила Козлов.		Савелий Никитин.
40.	Михайла Лукша.		Андрей Янц.
	Исай Петров.	100.	Самойло Конышенко.
	Изот Агапов.		Конон Федоров.
	Алексей Григорьев.		Лаврентий Кузьмин.
	Петр Петров.		Григорий Безуглов.
	Иван Куприянов.		Никита Ларионов.
	Федор Петров.		Михайла Лавреньев.
	Прохор Прохоров.		Андрей Морозов.
	Андрей Потюк.		Антон Бушков.
	Павел Шурма.		Роман Агеев.
50.	Федот Трофимов.		Михайла Петров.
	Егор Леонов.	110.	Дмитрий Духалин.
	Федот Лаврентьев.		Филип Потапов.
	Николай Иванов.		Сидор Андреев.
			Никита Колокольников.

№		№	
	Василий Изотов.		Клим Сарваров.
	Степан Николаев.		Михайла Иванов.
116.	Петр Батраков.		Василий Судаков.
			Максим Гаврилов.
	Казенной деньщик порутчика Кузьмина		Гаврила Филимонов.
			Андрей Федоров.
1.	Боязила Боязитов.	30.	Яков Самойлов.
			Трофим Иванов.
			Роман Гарбузов.
	6-й мушкатерской		Агафон Васильев.
			Федор Федосеев.
	Фельдфебель		Лаврентий Чернышев.
			Федор Дворской.
1.	Александр Титов.		Дмитрий Екимов.
			Амос Антонов.
	Унтер-офицеры.		Иван Яковлев.
		40.	Устин Федоров.
1.	Осип Григорьев.		Федор Крылов.
	Ульян Данилов.		Федор Васильев.
	Василий Яковлев.		Евдоким Ефремов.
	Моисей Горбенко.		Федор Иванов.
	Степан Лахтин.		Андрей Юрий.
6.	Алексей Макаров.		Хемет Сайгитов.
			Иван Федотов.
			Яков Васильев.
	Гарнисты		Савостьян Пимонов.
1.	Филип Умрихин.	50.	Трофим Тихонов.
2.	Петр Балашев.		Петр Васильев.
3.	Василий Шемякин.		Никифор Анисимов.
			Федор Митрофанов.
			Мирон Евдокимов.
	Барабанщики:		Лазарь Семенов.
1.	Иван Ценбула.		Семен Ефимов.
2.	Максим Матвеев.		Матис Якуб.
			Юрий Микиль.
			Алексей Филипов.
	Рядовые:	60.	Крыш Петер.
1.	Никита Ильин.		Михайла Сергеев.
	Николай Кретов.		Крыш Крыстов.
	Фома Круповицкий.		Андре Далькюк.
	Афанасий Давыдов.		Петр Брянс.
	Григорий Миронов.		Яков Яковичь.
	Петр Доминов.		Ян Индрик.
	Ян Индрик.		Макар Ерофеев.
	Юрий Ян.		Лукьян Иванов.
	Антип Красиков.		Филип Горбачев.
10.	Козьма Толстов.	70.	Анисим Буклин.
	Исай Жилкин.		Малофей Шемандрикин.
	Ян Юрий.		Анкудин Тарасов.
	Осип Кузнецов.		Ефим Иванов.
	Мирон Гаврилов.		Никита Федоров.
	Петр Иванов.		Федор Ефимов.
	Кузьма Лукьянов.		Семен Савин.
	Петр Матвеев.		Ефим Дмитриев.
	Афанасий Алексеев.		Савелий Королев.
	Ян Михель.		Степан Парфенов.
20.	Степан Бельской.	80.	Игнатий Захаров.
	Гаврила Изотов.		Максим Степанов.
	Лаврентий Галенко.		Федор Андреев.
	Никита Отарвенко.		Петр Михайлов.

№		№	
	Максим Петров.		Иван Пестряков.
	Куприян Егоров.		Григорий Лестратенко.
	Игнат Астафьев.		Кондратий Шеян.
	Яков Кузьмин.		Василий Мартынов.
	Андрей Михайлов.		Василий Ларионов.
	Автух Евстратов.		Парфен Иванов.
90.	Афанасий Аболенцов.	110.	Аким Голубенко
	Данила Ретушенко.		Семен Дябин.
	Андрей Минцов.		Гаврыла Барышников.
	Григорий Андреев.		Осип Кузьмин.
	Яков Кондратьев.		Иван Сергеев.
	Иван Стах.		Парфен Михайлов.
	Василий Кирилов.		Федор Иванов 2-й.
	Федор Емельянов.		Титгуш Зайц.
	Никон Савельев.		Кузьма Потапов.
	Михайла Притчинко.	119.	Петр Сокочрев.
100.	Савелий Матвеев.		
	Александр Афанасьев.		Фурлейт
	Петр Андреев.		
	Фрол Максимов.	1.	Осип Иванов.

Сверх сего взяты в той же шайке отставной подполковник Муравьев-Апостол и Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев-Рюмин.

Подписал:

Генерал-лейтенант Р о т.

Верно: [место для подписи]

СПИСОК

Черниговского пехотного полка нижним чинам, которые из возмущенных подполковником Муравьевым-Апостолом рот оного полка, оказываются в каких-либо противузаконных поступках.

№	Имена и прозвания.	№	Имена и прозвания.
	1-й мушкатерской	4.	Василий Ахменчук.
		5.	Василий Соколов.
	Барабанщик	6.	Дмитрий Грохольский (разжалованный из штабс-капитанов.).
1.	Яков Силаев.		
	Рядовые:		2-й мушкатерской
2.	Спиридон Кузионов.	1.	Игнатий Ракуза (разжалованный из порутчиков).
3.	Никита Волков.		

№	Имена и прозвания.	№	Имена и прозвания.
	3-й мушкатерской		5-й мушкатерской
	Унтер-офицер		Фельдфебель
1.	Вителий Фитиолин (из обер-офицерских детей).	1.	Михей Шутов.
	Капральный унтер-офицер		Унтер-офицер
2.	Михайло Башкин.	2.	Спиридон Пучков.
	Рядовые:		Рядовые:
3.	Лукьян Григорьев.	3.	Алексей Никифоров.
4.	Иван Сидоров.	4.	Алексей Григорьев.
5.	Фриц Фрица.	5.	Иван Аникин.
6.	Ян Матвеев.	6.	Мартын Рогачов.
7.	Фома Лапин.	7.	Вавилий Домшин.
8.	Юрий Адо.	8.	Николай Иванов.
9.	Никифор Нестеров.	9.	Степан Антонов.
10.	Исай Рубцов.	10.	Никита Холодков.
		11.	Григорий Пантонов.
		12.	Павел Шурма.
		13.	Кондратий Степанов.
	2-й гренадерской.	14.	Михайла Николаев.
		15.	Максим Иванов.
	Унтер-офицеры:	16.	Петр Лаврентьев.
		17.	Иевлей Стремилов.
1.	Тимофей Николаев.	18.	Петр Томаш.
2.	Прокофий Никитин.	19.	Бертель Ян.
		20.	Никита Ларионов.
		21.	Варфоломей Агеев.
		22.	Лаврентий Кузмин.
	Рядовые:	23.	Николай Осмолов.
		24.	Михайла Голобоков.
3.	Федор Иванов.	25.	Гаврила Садаков.
4.	Тарас Николаев.		
5.	Алимпий Борисов.		
6.	Андрей Васильев.		
7.	Сидор Романов.		6-й мушкатерской
8.	Яков Зайцов.		
9.	Данила Зайцов.		Рядовые:
10.	Тимофей Савельев.		
		1.	Петр Долгаков.
		2.	Юрий Ян.
		3.	Исай Жилкин.
	4-й мушкатерской	4.	Максим Степанов.
		5.	Гаврила Филиппов.
1.	Дмитрий Рудаков.	6.	Афанасий Алексеев.
2.	Сергей Павлов.	7.	Лазарь Семенов.

СПИСОК

Черниговского пехотного полка воинским чинам тем, кои разновремянно уклонились от мятежника.

1826 года.

№	Звание чинов.	Кто с которого места отклонился.
	Господ офицеров	
	Штабс-капитан	
1.	Клементий Маевский.	Возвратился от Муравьева из Мотивиловки 2-го числа, в 6-ть часов вечера, и ныне находится в городе Киеве.
	Порутчики:	
	Полковой казначей	
1.	Виктор Сизеневский.	2-го числа сего месяца явился на дороге под городом Киевом и объявил, что он бежал от Муравьева из корчмы, стоящей на дороге от Мотовиловки к Фастову.
2.	Василий Петин.	Командовал по наружности 2-ю гренадерскою ротою, и 3-го числа сего месяца явясь, объявил, что он бежал от подполковника Муравьева-Апостола из селения Полог.
	Подпорутчики:	
	Полковой квартермистр	
1.	Антон Войнилович.	2-го числа сего месяца явился на дороге под городом Киевом. Объявил, что он бежал от Муравьева из корчмы, стоящей от Мотовиловки к Фастову.
2.	Владимир Рыбаковский.	3-го числа сего месяца, в 9-ть часов утра, явясь, объявил, что он бежал от Муравьева-Апостола из селения Полог.
3.	Василий Кондырев.	3-го числа сего месяца, в 9-ть часов утра, явясь, объявил, что он бежал от Муравьева-Апостола из селения Пологов.
	Прапорщики:	
1.	Александр князь Мещерский.	3-го числа сего месяца, в 9-ть часов утра, явясь, объявил, что он бежал от Муравьева-Апостола.
2.	Егор Апостол-Кегичь.	3-го числа сего месяца, в 9-ть часов утра, явясь, объявил, что он бежал от Муравьева-Апостола из селения Полог.
3.	Амплей Белелюбской.	3-го числа сего месяца, в 9 часов утра, явясь, объявил, что он бежал от Муравьева из села Липоваловки.
4.	Александр Мозалевский.	1-го числа сего месяца с одним унтер-офицером и 3-мя рядовыми 5-й мушкатерской роты, по случаю разъезда его шпионом, в 12-ти верстах от г. Киева взят.

№	Звание чинов.	Кто с которого места отклонился.
	Нижних чинов 1-й гренадерской роты Музыканты:	
1.	Андрей Крахин.	31-го декабря бежал от Муравьева и находился во все время при ротном дворе.
2.	Макар Савинов.	Прибыл из села Пологов 3-го генваря в Васильков.
3.	Максим Иванов.	Бежал от Муравьева из селения Мотовиловки, 2-го числа генваря по утру явился в город Васильков.
	Старший горнист	
1.	Алексей Иконников.	Прибыл из селения Полог 4-го числа сего генваря в г. Васильков.
	Полковой ложник.	
1.	Карп Степанов.	Прибыл из селения Мотовиловки 2-го генваря.
	Плотник	
1.	Павел Юрьев.	Неизвестно, где находится.
	Фурлейт	
1.	Михайло Мальчин.	Неизвестно, где находится.
	Деньщики: Подполковника Гебеля	
1.	Александр Григорьев.	Находился при Муравьеве и состоит теперь под арестом в Белой Церкве.
	Порутчика Сизиневского	
2.	Михайло Афанасьев.	Находились при своих чиновниках.
	Порутчика Петина	
3.	Фома Леонов.	
	1-й мушкатерской рядовые:	
1.	Дмитрий Грохольский.	Уклонился от шайки Муравьева. После пойман и доставлен по принадлежности.
2.	Ефим Рукавишников.	Бежал от Муравьева. Явился 4-го числа в г. Василькове.
3.	Андрей Николаев.	Бежал от Муравьева и прибыл 2-го генваря в г. Васильков.

№	Звание чинов.	Кто с которого места отклонился.
	2-й мушкатерской	
	Унтер-офицер	
1.	Роман Калюжной.	Из селения Полог явился в г. Васильков 3-го генваря.
	Рядовые:	
1.	Тарас Данилов.	Из селения Устимовки 3-го и явился в Васильков 4-го числа генваря.
2.	Андрей Суровикин.	Из селения Полог 3 числа генваря и явились в г. Васильков того ж числа.
3.	Афанасий Слесарев.	
4.	Тимофей Новиковский.	
5.	Павел Ильинич.	
6.	Петр Аканин.	Из селения Устимовки 3-го числа, явился в г. Васильков 4-го числа генваря.
7.	Николай Пучков.	Из селения Мотовиловки 3-го числа генваря явился в г. Васильков.
	Лазаретный служитель.	
1.	Андрей Григорьев.	Из селения Устимовки 3-го, и явился в Васильков 4-го числа генваря.
	Рядовые:	
1.	Игнатий Ракуза.	Послан в селение Ксаверовку.
	3-й мушкатерской	
	Михайла Лактионов.	Из селения Полог и явились в городе Василькове 4-го числа генваря.
	Евдоким Федоров.	
	Карней Макаров.	
	Филип Попов.	
	Максим Михайлов.	
	Елисей Иванов.	
	Степан Иванов.	
	Тимофей Михайлов.	Из селения Устиновки 3-го и явился 4-го генваря.
10.	Михайло Алексеев.	3-го числа генваря отлучился с под Устиновки и 6-го числа доставлен в Белую Церковь.

№	Звание чинов.	Кто с которого места отклонился.
	2-й гренадерской	
	Унтер-офицер	
1.	Егор Тимофеев.	С сражения бежал и доставлен 5-го числа генваря из селения Ковалевки в м. Белую Церковь.
	Старший горнист	
1.	Михайла Квашнин.	Из селения Устиновки 3-го числа генваря и явился в г. Васильков того же числа.
	Рядовые:	
1.	Емельян Иванов.	Посланы были из селения Мотовиловки, где взяты, и 2-го генваря доставлены в Белую Церковь.
	Степан Кузмин.	
	Осип Яковлев.	
	Юрий Анц.	Из Устиновки 3-го, явился в г. Васильков 4-го числа генваря.
	Семен Тимофеев.	Из Устиновки 3-го, в Васильков 6-го генваря.
	Тихон Борисов.	Из Устиновки явился в г. Васильков 4-го генваря.
	Спиридон Иванов.	С сражения бежал и доставлен 5-го числа генваря из Устиновки в Белую Церковь.
10.	Алексей Николаев.	С сражения бежал, 4-го числа генваря доставлен из Устиновки в Белую Церковь.
	Фельдшер	
1.	Федор Плотников.	Возвратился на пути от Устиновки 3-го числа генваря. Явился в г. Васильков того же числа.
	Денщик подпорутчика Рыбаковского	
1.	Андрей Мышнин.	Находился при своем офицере.
	4-й мушкатерской	
	Унтер-офицеры:	
1.	Андрей Сидоров.	Из села Ковалевки 3-го числа генваря и явился в г. Васильков того же числа.
2.	Иван Репницкий.	Из села Устиновки явился 3-го числа генваря в город Васильков.
	Рядовые:	
1.	Яков Васильев.	Из селения Устиновки 3-го явился в город Васильков.
	Степан Ковалев.	Из селения Устиновки 3-го, явился в городе Василькове 4-го числа генваря.
	Дмитрий Рудаков.	
	Ян Янов.	

№	Звание чинов.	Кто с которого места отклонился.
	Гаврила Сергеев.	Из села Мотовиловки 2-го числа, явился в г. Васильков 5-го числа генваря.
6.	Филип Федоров.	Взят в м. Белую Церковь 31 декабря.
	Денщик	
1.	Федор Осипов.	Взят в м. Белую Церковь 1 числа генваря.
	5-й мушкатерской роты	
	Фельдфебель	
1.	Михей Шутов.	Из села Устиновки 3-го числа генваря, явился в г. Васильков того же числа.
	Унтер-офицеры	
1.	Иван Галкин.	Был отправлен за жалованьем и прибыл в Белую Церковь прежде роты 3-го числа генваря.
2.	Дмитрий Саковкин.	После сражения из села Устиновки 3-го, явился в г. Васильков 4-го числа генваря.
	Барабанщик	
1.	Никита Сидоров.	После сражения из селения Устиновки 3-го, явился 4-го числа генваря.
	Рядовые:	
1.	Никифор Цветков.	После сражения из селения Полог доставлен 5-го генваря.
	Мордарей Ситников.	Были отправлены с унтер-офицером Галкиным и прибыли в м. Белую Церковь с ним же 3-го числа генваря.
	Лифан Федотов.	
	Петр Усович.	
	Владимир Герасимов.	Посылан из Мотовиловки за подводою и взят 1-ю ротою 2-го генваря.
	Яков Найденко.	Ушел из роты 1-го генваря и прислан в м. Белую Церковь из Фастова того же числа.
	Евдоким Мартинов.	29-го генваря взят генерал-маиором Тихановским у корчмы Мытницы.
	Гаврила Судаков.	2-го генваря остались в селении Мотовиловке, после того доставлены в Белую Церковь.
	Михайла Голобоков.	
10.	Николай Осмалов.	
	Ермил Соболев.	После сражения остался в селении Трилесах и 5 генваря прибыл в Белую Церковь.
	Мирон Титеев.	После сражения из селения Трилесья доставлен 6 генваря.
13.	Флегонт Башмаков.	Пойман на дороге 5 генваря и доставлен в Белую Церковь.

№	Звание чинов.	Кто с которого места отклонился.
	Цырульник	
1.	Григорий Пожидаев.	После сражения при селении Трилесьях, прибыл 5 генваря.
	6-й мушкатерской роты	
	рядовые	
1.	Иван Грешков.	При сражении бежали в селение Гребенки и 5 числа генваря приобщились к роте в м. Белую Церковь.
	Митрофан Бурковский.	
	Артемий Борисов.	Из Средней Слободы и явились в Васильков 3 числа генваря.
	Степан Яковлев.	
	Николай Бусленко.	Прибыли в Белую Церковь из Гребенок 5 генваря.
	Денис Кондратьев.	
	Степан Терентьев.	Из с. Мотовиловки и явился в г. Васильков 4 числа генваря.

СПИСОК

Черниговского пехотного полка г.г. сфицерам, бывшим во фронте при подполковнике Муравьеве-Апостоле 3-го числа генваря 1826 года.

Звание чинов.	Примечания.
Подполковник	
Сергей Муравьев-Апостол.	
Штабс-капитан	
Вениамин барон Соловьев.	
Порутчики	
Михаил Щепилло.	Убиты 3-го числа генваря.
Анастасий Кузьмин.	
Подпорутчик	
Андрей Быстрицкий.	

Сверх сего были с ним же подполковником Муравьевым-Апостолом того же числа, Полтавского пехотного полка подпорутчик Бестужев-Рюмин, отставной подполковник Муравьев-Апостол, переведенный из Черниговского полка в Александрийский гусарский порутчик Сухинов и свиты его императорского величества по квартирмейстерской части прапорщик Муравьев-Апостол, из коих Сухинов во время дела неизвестно куда скрылся, а прапорщик Муравьев-Апостол убит.

СПИСОК

Черниговского пехотного полка воинским чинам, бывшим в шайке Муравьева-Апостола и во время дела 3 числа генваря убитым.

№	Звание чинов.	№	Звание чинов.
	Порутчики		3-й мушкатерской
	3-й мушкатерской		рядовой
	Михаил Щипилло.		Мин Юрий.
	5-й мушкатерской		2-й гренадерской
	Анастасий Кузьмин.		рядовой
	Нижние чины:		Юрий Юрий.
	2-й мушкатерской		6-й мушкатерской
	рядовой		рядовые
	Исак Акусов.		Стапан Иванов. Никифор Епифанов. Ефим Михайлов.

Сверх сего, быв в той же шайке квартирмейстерской части прапорщик Муравьев-Апостол того ж числа убит.

СПИСОК

Черниговского пехотного полка нижним чинам, бывшим в шайке Муравьева-Апостола, кои неизвестно ныне где находятся.

№	Звание чинов.	№	Звание чинов.
	1-й гренадерской роты		5-й мушкатерской роты
	плотник		унтер-офицер
1.	Павел Юрьев.	1.	Иван Харитонов.
	фурлейт		рядовые:
2.	Михаил Молчанов	1.	Павел Прокофьев.
	4-й мушкатерской роты	2.	Алексей Федоров.
	рядовые:	3.	Аким Сафронов.
1.	Григорий Литвиненко.		6-й мушкатерской роты
2.	Иван Константинов.		рядовые:
		1.	Яков Михайлов.
		2.	Максим Андреянов.
		3.	Антон Чернухин.

Сверх сего, был в той же шайке переведенный из Черниговского полка в Александрийский гусарской порутчик Сухинов, которой тоже неизвестно где находится.

ВЕДОМОСТЬ

сколько оказалось артельных солдатских денег в казенном ящике Черниговского пехотного полка, взятом генерал-маиором бароном Гейсмаром с шайкою Муравьева-Апостола.

А И М Е Н Н О.	Артельной			
	Серебром.		Ассигнациями.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1-й гренадерской роты тысячу сто семьдесят рублей	—	—	1170	—
1-й мушкатерской тысячу триста рублей	—	—	1300	—
2-й мушкатерской тысячу триста девяносто пять рублей девяносто две копейки.	—	—	1395	92
3-й мушкатерской серебром семнадцать рублей. ассигнациями двести рублей	17	—	200	—
2-й гренадерской по ведомости показано тысячу сто сорок три рубля пятьдесят пять копеек, а налицо оказалось только тысячу сто рублей пятьдесят пять копеек	—	—	1100	55
4-й мушкатерской тысячу семьсот девяносто шесть рублей двадцать копеек	—	—	1796	20
5-й мушкатерской тысячу восемсот семьдесят рублей	—	—	1870	—
6-й мушкатерской девятьсот двадцать пять рублей одна копейка.	—	—	925	1
Итого	17	—	9757	68

Сверх сего находилось принадлежащего нижним чинам 6-й мушкатерской роты за сентябрьскую треть жалованья 288 руб. 48 коп., из коих выдано на удовлетворение нижних чинов той роты 274 руб. 82 коп., остается 13 руб. 66 коп.

Генерал-лейтенант Р о т.

36.

Рапорт командира 4-го пехотного корпуса на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 26 января 1826 г.

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу фон-дер Остен-Сакену.

Командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя Щербатова

Рапорт.

По отношению ко мне г. начальника главного штаба 1-й армии с № 104-м имею честь представить при сем вашему сиятельству показание командира Черниговского пехотного полка полковника Гебеля, которое не подписано им по причине болезни обеих рук, от ознобления.

Генерал-адъютант князь Щербатов.

№ 111.
26 генваря 1826 года.
Г. Киев.

Копия.

Описание происшествия, случившегося с командиром Черниговского пехотного полка.

Прошлого 1825 года декабря 26-го числа, по полуночи в 3 часа, прибыли ко мне курьерами из главной квартиры 1-й армии два жандармские офицера, из коих один вручил секретное повеление от начальника главного штаба господина генерал-адъютанта барона Толя, об арестовании по высочайшей воле вверенного мне полка подполковника Муравьева-Апостола, а другой, узнавши тут же от меня, что с тем Муравьевым находится и брат его, отставной подполковник Муравьев, предъявил мне свое повеление об арестовании и сего последнего, по прочтении коих я в ту же минуту отправился вместе с ними в квартиру подполковника Муравьева, которую обыскавши со всею строгостию, забрали они найденные бумаги и письма, два портфеля с бумагами ж, принадлежащие Муравьевым, и разные книги, которые все, запечатав полковою печатью, взяли с собою, и как Муравьева тогда дома не было, ибо он отпущен еще 24-го числа того ж месяца в корпусную квартиру, [в] г Житомир, то, исполняя означенное повеление, я с теми жандармскими офицерами отправился сам в пятом часу утра в г. Житомир и для выиграния времяни проехал из Василькова проселочною дорогою до станции Мотыжинской, где узнал от станционного писаря, что передо мною проехал Полтавского пехотного полка подпорутчик Бестужев-Рюмин, торопясь в г. Радомысль; сие меня немало удивило, ибо я Бестужева не очень давно оставил в квартире подполковника Муравьева; полагая наверное, что Бестужев по тесной с Муравьевым связи поехал предупредить его о приезде курьеров, я поспешил ехать за ним, а прибыв на станцию Рожевскую, удостоверился от писаря, что, точно, проезжал Бестужев и дал ему какое-то письмо, препоруча нанять нарочного для доставления оного, но куда и кому, о том должен показать тот станционный писарь. С Рожева мы отправились в м. Брусилов, полагая застать там Муравьева у полков-

ника Набокова, так как он, выезжая из Василькова, обещался у него быть, но он вовсе там не был; почему мы и отправились в Житомир, а по прибытии туда 27-го числа, в три часа пополуночи, явился я к г. корпусному командиру и узнал от его превосходительства, что Муравьев 25-го числа у него обедал и объявил ему, что того ж числа отправляется обратно в полк прямейшим трактом чрез м. Брусилов, по сему сведению, сообразя время при настоящих обстоятельствах, я нашел такое Муравьева г. корпусному командиру объявление ложным и более потому, что я его ни на дороге при всей осмотрительности не встретил и ни в Брусилове не нашел. В таком случае, стараясь всеми мерами открыть след его, разведывал чрез жидов, извозом занимающихся, а узнавши от них, что Муравьев квартировал в доме Домбровской и 25-го числа над вечер, наняв у тамошнего мещанина лошадей, выехал вместе с братом своим не на Брусилов, а в м. Троянов, поехал туда с обсими жандармскими офицерами, куда прибыв часов в 10 утра, остановились в квартире командира Александрийского гусарского полка полковника Муравьева, от которого узнали, что 26-го числа были у него подполковники Муравьевы на обеде, и после обеда отправились в м. Любарь; мы переменя лошадей туда же поехали и прибыли 27-го числа пополудни, часов в одиннадцать, прямо к командиру Ахтырского гусарского полка полковнику Муравьеву, от коего осведомились, что оба Муравьевы того же числа были у него на завтраке и после выехали, но куда, неизвестно, ибо он, будучи озабочен болезнею своей жены, не спрашивал их, куда они намерены отправиться; таким известием мы потеряли их след и принуждены были пробыть несколько лишних часов, употребя это время на разведывание, куда поехали Муравьевы, но ничего верного узнать не могли, а только осведомились от одного жида (хозяина тех лошадей, на коих псехали Муравьевы), что они наняли у него лошадей на расстояние 50-ти верст, не объявя места, куда едут, а потому мы и решились на удачу выехать в Бердичев и отправились 28-го числа, по полуночи в два часа; по счастию ж, нанятой нами фурман, жид, знал в лицо того извощика, который повез Муравьевых, и уверил нас, что они, точно, поехали по Бердичевской дороге, и что ежели не в Бердичев, то куда б то ни было, но должны большою дорогою ехать не менее 25-ти или 30-ти верст, ибо ближе нет поворота ни в какую сторону. По сему уверению, мы, надеясь на таком расстоянии иметь довольно встречных и узнать от них хотя что-нибудь о Муравьевых, не переменяя своего намерения, поехали по той же дороге, а проехавши верст 20, у корчмы съехались с жандармским офицером, посланным от г. корпусного командира генерал-лейтенанта и кавалера Рота за подпорутчиком Бестужевым-Рюминым. По взаимным расспросам, когда офицер сей объявил нам, что он был в Бердичеве, даже на той квартире, где Бестужев останавливался, и, узнав от хозяина, что Бестужев выехал в Любарь, и потому едет теперь за ним: то мы его остановили и уверили, что недавно были там и никого не нашли, а между тем расспрашивали хозяина той корчмы о проезде Муравьевых и из ответов его удостоверились по описанию лошадей, брычки и фурмана (коих хорошо знал наш извощик), что проехали, точно, в Бердичев, немедленно все поехали за ними; подъезжая же к Бердичеву, встретили возвращающегося порожняком их извощика, остановив его, взяли с собою в Бердичев, для показания, где Муравьевы наняли лошадей ехать далее; приехавши ж в Бердичев часу в 10-м утра, по показанию своего извощика, узнали, что поехали они ночью в м. Поволочь. Видя здесь, что они много имеют времени перед нами, которое мы в необходимости должны терять на разведывание, и предполагая, что в Поволоче они так же, как и в Любаре, могут выехать секретно, и тем от нас скрыть след

вовсе, я решился из Бердичева послать одного из курьеров жандармского офицера чрез м. Белую Церковь в Васильков с предписанием к маиору Трухину на тот конец, что буде Муравьевы туда приедут, тотчас арестовать их там, а другого чрез Житомир тем трактом, коим подполковник Муравьев обещался корпусному командиру возвратиться в полк; сам же с тем жандармским офицером, который был послан за подпорутчиком Бестужевым, поехал в Поволочь, куда прибыли 28-го числа часов в 7-мь вечера, и узнали, что Муравьевы проезжали часов за пять до света, наняв лошадей, хозяину оных объявили, что они едут или в Белую Церковь, или в Фастов, но куда именно, они решат то на дороге, в чем и не было со стороны хозяина прекословия, ибо расстояние до обеих сих мест от Поволоча одинаково. На квартире же, где мы остановились, случилось не задолго перед нами приехать из Фастова жиду, который, заметив из расспросов наших, что мы разведываем о каких-то проезжих, объявил нам, что видел перед вечером едущего паволочского фурмана четверкою лошадей из Трилес по Фастовской дороге в бры[ч]ке того самого хозяина, у коего Муравьевы наняли лошадей, но никого сидящих в оной не видал, говоря, что ежели кто и был, то, верно, или спали, или так лежали. По сему сведению мы отправились в м. Фастов, но, отъехав слишком 30 верст, остановились в селении Трилесах кормить лошадей, а между тем желая по тогдашнему сильному морозу обогреться, пошли в квартиру командира 5-й мушкатерской роты, порутчика Кузьмина, где на стук мой встречен был денщиком его, который, объявя, что порутчика дома нету и не сказав есть ли кто другой в квартире, отворил комнату, в которую вошедши я с огнем (ибо в ней огня не было) увидел стоящего посреди комнаты подполковника Муравьева-Апостола 1-го совсем одетого, только без сертука или мундира, изумясь такой вовсе неожиданной встрече и особенно в такое время (это было часа 4 с полуночи) и в таком виде, я однакож сделал ему обыкновенное приветствие и потом спросил: зачем он тут находится? куда едет и где брат его? — на что он в сильном замешательстве, как видно от внезапного моего приезда, отвечал несвязно: что едет в полк, а брат поехал своею дорогою, но куда, не знает, как между тем услышал я в другой комнате шорох и, подозревая ответы ложными, пошел в ту комнату со свечкою и увидел лежащего на кровати отставного подполковника Муравьева, также совсем одетого, но только без верхнего платья, перед коим лежали на столе два заряженные пистолета, которые я ту ж минуту взял и, ссыпав порох с полок, отдал бывшему при нас жандармскому унтер-офицеру, а на спрос его, Муравьева, «для чего я это делаю», не отвечая ни слова, вышел чрез сени в кухню, — поставя у дверей внутри комнаты, где были Муравьевы, на караул того унтер-офицера с приказанием не выпускать их, — призвал фельдфебеля 5-й мушкатерской роты Шутова, недалеко квартировавшего, и приказал ему нарядить караул из 12-ти рядовых, из коих поставить трех часовых у окон с улицы, а четвертого — у дверей комнат в сенях, остальных 8-мь человек иметь в кухне и подтвердить всем им, чтоб они караулили Муравьевых, кои будут арестованы; сам же, возвратясь в комнаты к Муравьевым, объявил им предписанный по высочайшей воле арест, но они выслушали сие объявление с явным хладнокровием, не сказавши в ответ даже ни слова. После чего спрашивал я старшего из них, где Бестужев-Рюмин находится, получа же в ответ, что не знает и не видал его вовсе, я не доверяя ему в этом, вышел опять в кухню и спрашивал о Бестужеве у деньщика порутчика Кузьмина, который объявил, что Бестужев куда-то поехал еще с вечера, и приказано ему от Муравьева быть назад в Трилесы непременно с рассветом, почему, быв обеспечен достаточным караулом, я решился дождаться

возвращения Бестужева, чтоб взять их всех вместе. Как между сим ожиданием по рассвете дня приехали откуда-то первоначально порутчики Кузьмин и Щипилло, а после вскоре штабс-капитан барон Соловьев и переведенный в Александрийский гусарский полк порутчик Сухинов, коих я спрашивал, для чего они без позволения от своих мест отлучаются, и зачем из них Сухинов по сие время в свой полк не явился, ибо он давно уже получил от меня отправление, но он отвечал на то, что здесь только переменит лошадей и поедет тотчас в Александрийский гусарский полк; барон же Соловьев и порутчик Щипилло сказали, что они от вверенных им рот отлучились с позволения баталионного своего командира маиора Трухина (что в последствии оказалось однакож ложно). Такой съезд их всех в одно время и такое раннее, а особенно при таком случае, подал мне повод к сильному подозрению в каком-нибудь злонамерении, и чтоб предупредить оное, я вышел в кухню велеть фельдфебелю усилить караул, но придя туда наперед приказал лично бывшим там караульным, чтоб они в случае сопротивления Муравьевых, кололи их, когда прикажу, как важнейших преступников, и еще не успел окончить приказания, как вслед за мною вошли туда же штабс-капитан барон Соловьев, порутчики: Кузьмин, Щипилло и Сухинов и зачали спрашивать меня за что Муравьевы арестуются, когда же я им объявил: что это знать г.г. не ваше дело и я сам даже того не знаю — то из них Щипилло, закрычав на меня с бешенством: «ты варвар хочешь погубить Муравьева» — схватил у одного из караульных ружье и пробил мне грудь штыком, а остальные трое взялись также за ружья, что видя я закричал на караульных солдат, что б они их кололи, но солдаты или от испуга, или быв прежде еще подкуплены, приказания моего не исполнили, а остались как бы посторонними тут зрителями, не нападая однакож и на меня; как между тем, все те четверо офицеры, бросились колоть меня штыками, я же обороняясь сколько было сил и возможности выскочил из кухни на двор, но был настигнут ими и Муравьевыми (кои уповательно услыша шум и опрокинув часовых выбежали); тут старший Муравьев нанес мне штыком сильную рану в живот, также и прочие кололи, но я как-то и здесь от них вырвавшись, бежал и был преследуем одним Щипиллою, против коего долго оборонялся, наконец когда он переломил мне стволом правую руку между кистью и локтем и нанес несколько ударов и сильную в голову рану штыком, то я в жару бросился на него и вышиб у него ружье, а сам побежал к корчме, в то время и они все погнались за мною, добежавши ж до корчмы немного прежде их в стоявшие там чьи-то порожние сани, запряженные парою мужицких лошадей и не чувствуя в переломленной руке боли, погнал их по дороге; порутчик же Сухинов догнал меня верхом и не слезая с лошади, поворотил моих лошадей за узду назад и повез обратно, но вскоре на дороге встретился с нами рядовой 5-й мушкатерской роты Максим Иванов, вскочил ко мне в сани и не узнав меня (ибо я был весь в крови обезображен, без эполет и так уже обессилел, что едва говорить мог) взял возжи править, но когда я сказал ему о себе, то он просил от меня приказания куда везти, и как я велел ехать к корчме, то он, несмотря на все запрещения и угрозы порутчика Сухинова, приказывавшего ему везти меня непременно на ротной двор, исполнил мое приказание и привез к корчме, у коей уже довольно было собравшись мужиков, и потому видно меня Сухинов преследовать оставил, отсюда привезен я был упомянутым рядовым в господской дом, и пробыв там некоторое время провезен им же степью в селение Снятинку в два часа пополудни к капитану Козлову, где тот час собрав всех квартировавших в том селении 1-й гренадерской роты солдат, велел им стать в карауле с заряженными ружьями, с таким приказанием,

что б при появлении кого-либо из тех офицеров, кои меня кололи, стрелять их, а между тем приказал и прочим людям той роты, в других селениях квартировавшим, собраться и послал за капитаном Вульфертом, который и прибыл с частию 1-й мушкатерской роты, а на другой день по утру, когда уже вся оная собралась, то командировал капитана Козлова в селение Трилесы, с нужным числом солдат, взять Муравьевых и Бестужева вооруженною рукою, а маиору Трухину, в ночи 29-го числа, послал чрез подпорутчика Войниловича, чтоб роты штабс-капитана барона Соловьева и порутчиков: Кузьмина и Щипиллы, поручить командовать другим, самих же их взять под караул, а в полковом штабу ближайшими ротами усилить караулы. Сам же, поруча себя капитану Вульферту, с штаб-лекарем вверенного мне полка Никольским, прибывшим той же ночи для перевязки ран моих в селение Снятинку, под прикрытием 1-й мушкатерской роты, отправился в Васильков, а по прибытии туда спустя не более двух часов пришла толпа взбунтовавшихся в мою квартиру, из коей в то время спас меня упомянутый штаб-лекарь Никольской, выведя задними дверьми на огород и проведя от них тайно, спрятал у какого-то мужика в избе, где я пробыл часу до восьмого или девятого вечера, а потом опять привезен в квартиру, где переночевав, на другой день отвезен для пользования в Киев.

На подлинном написано: что сие показание писано по словам господина полковника Гебеля в том свидетельствую.

Начальник корпусного штаба генерал-маиор Красовский.

37.

Рапорт начальника главного штаба на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 6 февраля 1826 г.

Главный Штаб
его императорского величества.
По канцелярии
дежурного генерала.
В С.-Петербурге.
6 февраля 1826
№ 369.

Секретно.

Господину главнокомандующему 1-ю армиею.

Начальника главного штаба его императорского величества

Рапорт.

Имев честь получить отношение вашего сиятельства от 27-го прошедшего генваря, с приложением 12-ти списков о воинских чинах Черниговского пехотного полка, я имел счастие входить с докладом к государю императору и вследствие сего его величество высочайше повелеть мне соизволил сообщить вашему сиятельству следующую высочайшую волю.

Всех фельдфебелей и унтер-офицеров, показанных в списке № 1, взятых с оружием в руках, всех нижних чинов по списку № 3 — оказывающихся виновными в противузаконных поступках, и из числа показанных по списку № 4 — разновременно уклонившихся от мятежников, тех, кои окажутся участвовавшими в мятеже, предать суду, с тем, во-первых, чтоб ваше сиятельство конфирмацию свою об них привели в исполнение, не представляя на высочайшее утверждение; во-вторых, в случае приговора многих из них к смертной казни, утвердить таковой приговор не более как над

возвращения Бестужева, чтоб взять их всех вместе. Как между сим ожиданием по рассвете дня приехали откуда-то первоначально порутчики Кузьмин и Щипилло, а после вскоре штабс-капитан барон Соловьев и переведенный в Александрийский гусарский полк порутчик Сухинов, коих я спрашивал, для чего они без позволения от своих мест отлучаются, и зачем из них Сухинов по сие время в свой полк не явился, ибо он давно уже получил от меня отправление, но он отвечал на то, что здесь только переменит лошадей и поедет тотчас в Александрийский гусарский полк; барон же Соловьев и порутчик Щипилло сказали, что они от вверенных им рот отлучились с позволения баталионного своего командира маиора Трухина (что в последствии оказалось однакож ложно). Такой съезд их всех в одно время и такое раннее, а особенно при таком случае, подал мне повод к сильному подозрению в каком-нибудь злонамерении, и чтоб предупредить оное, я вышел в кухню велеть фельдфебелю усилить караул, но придя туда наперед приказал лично бывшим там караульным, чтоб они в случае сопротивления Муравьевых, кололи их, когда прикажу, как важнейших преступников, и еще не успел окончить приказания, как вслед за мною вошли туда же штабс-капитан барон Соловьев, порутчики: Кузьмин, Щипилло и Сухинов и зачали спрашивать меня за что Муравьевы арестуются, когда же я им объявил: что это знать г.г. не ваше дело и я сам даже того не знаю — то из них Щипилло, закрычав на меня с бешенством: «ты варвар хочешь погубить Муравьева» — схватил у одного из караульных ружье и пробил мне грудь штыком, а остальные трое взялись также за ружья, что видя я закричал на караульных солдат, что б они их кололи, но солдаты или от испуга, или быв прежде еще подкуплены, приказания моего не исполнили, а остались как бы посторонними тут зрителями, не нападая однакож и на меня; как между тем, все те четверо офицеры, бросились колоть меня штыками, я же обороняясь сколько было сил и возможности выскочил из кухни на двор, но был настигнут ими и Муравьевыми (кои уповательно услыша шум и опрокинув часовых выбежали); тут старший Муравьев нанес мне штыком сильную рану в живот, также и прочие кололи, но я как-то и здесь от них вырвавшись, бежал и был преследуем одним Щипиллою, против коего долго оборонялся, наконец когда он переломил мне стволом правую руку между кистью и локтем и нанес несколько ударов и сильную в голову рану штыком, то я в жару бросился на него и вышиб у него ружье, а сам побежал к корчме, в то время и они все погнались за мною, добежавши ж до корчмы немного прежде их в стоявшие там чьи-то порожние сани, запряженные парою мужицких лошадей и не чувствуя в переломленной руке боли, погнал их по дороге; порутчик же Сухинов догнал меня верхом и не слезая с лошади, поворотил моих лошадей за узду назад и повез обратно, но вскоре на дороге встретился с нами рядовой 5-й мушкатерской роты Максим Иванов, вскочил ко мне в сани и не узнав меня (ибо я был весь в крови обезображен, без эполет и так уже обессилел, что едва говорить мог) взял возжи править, но когда я сказал ему о себе, то он просил от меня приказания куда везти, и как я велел ехать к корчме, то он, несмотря на все запрещения и угрозы порутчика Сухинова, приказывавшего ему везти меня непременно на ротной двор, исполнил мое приказание и привез к корчме, у коей уже довольно было собравшись мужиков, и потому видно меня Сухинов преследовать оставил, отсюда привезен я был упомянутым рядовым в господской дом, и пробыв там некоторое время провезен им же степью в селение Снятинку в два часа пополудни к капитану Козлову, где тот час собрав всех квартировавших в том селении 1-й гренадерской роты солдат, велел им стать в карауле с заряженными ружьями, с таким приказанием,

что б при появлении кого-либо из тех офицеров, кои меня кололи, стрелять их, а между тем приказал и прочим людям той роты, в других селениях квартировавшим, собраться и послал за капитаном Вульфертом, который и прибыл с частию 1-й мушкатерской роты, а на другой день по утру, когда уже вся оная собралась, то командировал капитана Козлова в селение Трилесы, с нужным числом солдат, взять Муравьевых и Бестужева вооруженною рукою, а маиору Трухину, в ночи 29-го числа, послал чрез подпорутчика Войниловича, чтоб роты штабс-капитана барона Соловьева и порутчиков: Кузьмина и Щипиллы, поручить командовать другим, самих же их взять под караул, а в полковом штабу ближайшими ротами усилить караулы. Сам же, поруча себя капитану Вульферту, с штаб-лекарем вверенного мне полка Никольским, прибывшим той же ночи для перевязки ран моих в селение Снятинку, под прикрытием 1-й мушкатерской роты, отправился в Васильков, а по прибытии туда спустя не более двух часов пришла толпа взбунтовавшихся в мою квартиру, из коей в то время спас меня упомянутый штаб-лекарь Никольской, выведя задними дверьми на огород и проведя от них тайно, спрятал у какого-то мужика в избе, где я пробыл часу до восьмого или девятого вечера, а потом опять привезен в квартиру, где переночевав, на другой день отвезен для пользования в Киев.

На подлинном написано: что сие показание писано по словам господина полковника Гебеля в том свидетельствую.

Начальник корпусного штаба генерал-маиор Красовский.

37.

Рапорт начальника главного штаба на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 6 февраля 1826 г.

Главный Штаб
его императорского величества.
По канцелярии
дежурного генерала.
В С.-Петербурге.
6 февраля 1826
№ 369.

Секретно.

Господину главнокомандующему 1-ю армиею.

Начальника главного штаба его императорского величества

Рапорт.

Имев честь получить отношение вашего сиятельства от 27-го прошедшего генваря, с приложением 12-ти списков о воинских чинах Черниговского пехотного полка, я имел счастие входить с докладом к государю императору и вследствие сего его величество высочайше повелеть мне соизволил сообщить вашему сиятельству следующую высочайшую волю.

Всех фельдфебелей и унтер-офицеров, показанных в списке № 1, взятых с оружием в руках, всех нижних чинов по списку № 3 — оказывающихся виновными в противузаконных поступках, и из числа показанных по списку № 4 — разновременно уклонившихся от мятежников, тех, кои окажутся участвовавшими в мятеже, предать суду, с тем, во-первых, чтоб ваше сиятельство конфирмацию свою об них привели в исполнение, не представляя на высочайшее утверждение; во-вторых, в случае приговора многих из них к смертной казни, утвердить таковой приговор не более как над

тремя самыми главными, коих на основании учреждения о большой действующей армии, расстрелять одного в Киеве, другого в Василькове, а третьего в Житомире; в-третьих, при исполнении сей смертной казни кроме надлежащего числа войск для экзекуции быть долженствующих, собрать в Киеве со всех полков 4-го пехотного корпуса, а в Василькове и Житомире со всех полков 3-го пехотного корпуса, с каждого полка по два или по три самых порочных людей при унтер-офицерах; в-четвертых, за сим другим главным виновным определить наказание смотря по мере вины прогнанием шпицрутеном от одного до шести раз сквозь тысячу человек; в-пятых, сих последних по наказании, равно и всех прочих нижних чинов по списку № 1, кои не подвержены будут суду, отправить, как порочных, на службу в кавказский корпус, по лишении их всех знаков отличия и нашивок за долговременную и беспорочную службу установленных, если кто из них оные имеет, даровав однакож отправленным без суда нижним чинам право на возвращение им тех знаков отличия и нашивок и с тем вместе право на получение в узаконенное время отставки, если они после сего прослужат в кавказском корпусе беспорочно десять лет, и когда будет о том представлено от местного их начальства. В-шестых, из числа нижних чинов по списку № 4 разновременно уклонявшихся от мятежников, кои по суду окажутся невинными и вовсе не участвующими в возмущении, оставить на службе в полку.

Офицеров по списку № 2, бывших в строю мятежников при покорении их, согласно с мнением вашего сиятельства предать суду при главной квартире армии, вменив в обязанность учреждаемой военно-судной комиссии рассмотреть поведение и определить степень преступления каждого из тех офицеров, кои значатся в списке под № 4-м, разновременно уклонявшимися от мятежников, и в списке под № 5-м, состоящими под сомнением в участии в мятеже. По окончании же суда о всех сих офицерах представить военно-судное дело, с мнением вашего сиятельства, на высочайшее утверждение. Что же касается до священника Черниговского пехотного полка, то о предании его суду дано будет особое повеление по рассмотрении произведенного об нем следственного дела.

Нащет убитых сфицеров при покорении мятежников, значущихся по списку № 6, сделать равномерно военному суду заключение о степени их преступления и по окончании суда представить на высочайшее усмотрение мнение вашего сиятельства о том: каким образом полагается исключить их из списков. Впрочем само собою разумеется, что на могилах сих преступников не должно быть ни крестов и никаких памятников приличных христианскому погребению.

О бежавших мятежниках по списку № 7 сделать распоряжение, чтобы они по поимке были предаваемы суду в ближайших воинских командах с тем, чтобы приговоры об них военных судов были представляемы к вашему сиятельству на утверждение. Наказание же им определить и исполнить конфирмациею вашею, но без смертной казни, разве бы кто из них оказался из главных виновных.

1-ю гренадерскую роту, по списку № 8, уже высочайше повелено приказом 20-го минувшего генваря перевесть в гвардию.

Из 1-й мушкатерской роты, которая не участвовала в мятеже и прибыла с капитаном Вульфертом в дивизионную квартиру, сформировать 1-ю гренадерскую роту нового состава Черниговского пехотного полка.

Затем остальных нижних чинов, не участвовавших в мятеже, но оставшихся в Василькове, или находившихся в отпуску, в командировках, или других отлучках, оставить в новом составе Черниговского пехотного

полка, из числа коих отличнейших обратить на сформирование 2-й гренадерской роты; а из прочих сформировать шесть мушкатерских рот, укомплектовав оные недостающим числом людей из третьих и четвертых мушкатерских рот всех пехотных полков 3-го пехотного корпуса.

По сформировании таким образом нового состава Черниговского пехотного полка, сделать торжественное освящение знамен, и возвратить оные полку.

О таковом высочайшем повелении, я имею честь донести вашему сиятельству для приведения оного в надлежащее исполнение, возвращая при сем и представленные от вас 12-ть списков. Вместе с сим я сообщил г-ну управляющему министерством внутренних дел высочайшую волю, дабы он с своей стороны строжайше утвердил всем гражданским губернаторам об отыскании и представлении за строгим караулом в ближайшую воинскую команду как нижних чинов Черниговского полка, так и переведенного из сего полка в Александрийский гусарский порутчика Сухинова, бежавших из мятежной шайки Муравьева-Апостола, для удобнейшего же их отыскания, я покорнейше прошу ваше сиятельство сообщить мне описание примет сих беглецов, для передачи оного чрез управляющего министерством внутренних дел г.г. гражданским губернаторам.

В заключение покорнейше прошу ваше сиятельство уведомить меня для доклада государю императору: 1) в каких имянно противузаконных поступках оказались нижние чины, значущиеся по списку под № 3-м? и 2) По каким причинам некоторые нижние чины из 1-й гренадерской роты, значущиеся в списке под № 10-м, оставались в Василькове, а не пошли вместе с ротою в корпусную квартиру?

Начальник главного штаба Дибич.

38.

Рапорт старшего адъютанта штаба 1-й армии капитана В. С. Сотникова дежурному генералу от 26 марта 1826 г.

Секретно.

Дежурному генералу 1-й армии господину генерал-лейтенанту и кавалеру Ольдекопу.

Старшего адъютанта главного штаба
1-й армии, гвардии капитана Сотникова

Рапорт.

Во исполнение повеления вашего превосходительства от 25 февраля за № 296, я объехал расположение 8 пехотной дивизии и 8 артиллерийской бригады, о замечаниях же и слухах касательно нравственного состояния нижних чинов упомянутой дивизии и бригады равно и прочих, чрез расположения коих я проехал, записки мой при сем имею честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства.

Гвардии капитан Сотников.

№ 38.
26 марта 1826.
Киев.

Секретно.

28-го февраля, выехав из Киева, я взял дорогу на Васильков, дабы распрося там полковника Гебеля о приметах порутчика Сухинова, отыскание которого принял я предлогом моей поездки, отправиться чрез Фастово, Паволочь, Вчерайше и Бердичев в м. Лабунь и с сего пункта начать объезд 8-й пехотной дивизии.

Г. Васильков. Полковник Гебель, объяснив приметы и характер Сухинова, рассказал следующее: за несколько времени до приезда моего в Васильков, один рядовой Черниговского полка, проходя мимо полкового адъютанта, не снял шапки. Когда ж стоявшей неподалеку от адъютанта фурлейт спросил сего рядового, почему он пред адъютантом не снял шапки, то он отвечал: «Мы разных команд. — Я служу Константину!». Рядовой сей тогда же арестован, допрошен и отправлен в Белую Церковь.

Зная по слуху, что во время возмущения Муравьева-Апостола, по приходе 1-й гренад[ерской] роты на сборное место, когда Муравьев сказал к оной возмутительную речь, то первой возразил ему гренадер Анисимов, поступивший на службу из собственных крестьян Муравьева и за ним уже повторила вся рота. Я спрашивал Гебеля, известно ли ему сие обстоятельство и доведено ли оное до сведения начальства? Гебель отвечал, что Анисимов в означенное время действительно первой на возмутительную речь Муравьева отвечал в следующем смысле: «что Муравьев, взбунтовав Семеновский полк, хочет их также ввести в несчастие, но в сем не успеет». Также упрекал Муравьева в гнусном его предприятии фланговой сей роты, прикомандированный из мушкатер, рядовой Мамонтов. — Доведен ли до сведения начальства благородной поступок сих двух рядовых, Гебель не знает. Анисимов взят с прочими в гвардию, а Мамонтов остался в Черниговском полку без всякой награды, потому что он разжалован в рядовые из унтерофицеров и наказан шпицрутеном за буйство. Но как Гебель уверяет, то Мамонтов уже несколько лет ведет себя отлично и служит примером в хорошем поведении для других.

1 марта. М. Фастово. Во время возмущения Муравьева-Апостола в Черниговском полку, солдаты квартирующего в Фастове фурштата показывали радость и угрожали евреям, говоря, когда Муравьев придет в Фастово, то евреям будет беда, а им (солдатам) хорошо. Вследствие чего от кагала евреям было приказано приготовить для шайки Муравьева водки, вишневки, мяса и других съестных припасов. Накануне дня забрания шайки Муравьева, из числа оной приходили в Фастово пять человек пьяных солдат и требовали от управляющего тем местечком денег, но он уверил их, что денег не имеет, и солдаты из уважения к тому, что прежде квартируя в Фастове, имели хорошие квартиры, оставив управляющего в покое, пошли в другой помещичий дом, в том же местечке находящийся, но хозяйка заблаговременно узнав об их намерении, уведомила фурштатского маиора, которой и прибыл к ней с несколькими из своих солдат. Когда ж означенный маиор хотел Черниговских солдат обратить к порядку, то один из них толкнул его в грудь, а другой хотел заколоть штыком. Но сии люди фурштатскими солдатами, с помощию жителей, взяты, связаны и отправлены в Белую Церковь. Все сие слышал я в Фастове от евреев, которые также уверяют, что теперь фурштатские солдаты совершенно покойны, да и прежде никаких своевольств не делали.

М. Павлочь. Еврей, содержатель постоялого скарбового двора сказывал мне, что солдаты 5 конной роты, в семь местечке квартирующие, во время возмущения Муравьева говорили, что теперь им будет хорошо.

В прочем никаких беспокойств не было. — От управляющего в Павлоче полициею шляхтича Сдульского слышал я, что в сем местечке живет 5-й день генерал-маиор Богуславский и производит следствие по следующему случаю: накануне ареста командира 5-й конной роты капитана Пыхачева, приезжал в Павлочь из соседственной деревни в нетрезвом виде священник и сказал, что квартирующие в оной Оранские гусары куда-то собираются и не покойны. Пыхачев поехал сам в ту деревню для узнания о справедливости рассказанного священником и открылось, что гусары собирались в поход. При выезде же своем, Пыхачев приказал фельдфебелю собрать в Павлоче подвод сколько возможно, которых и было собрано 16-ть. Но после аресту Пыхачева, подводы сии отпущены. По уверению шляхтича Сдульского и жителей, солдаты в Павлоче и в соседственных с оным деревнях и м. Вчерайше, теперь совершенно покойны. О поведении ж солдат во время возмущения Муравьева Сдульский не знает, ибо он в то время в Павлоче не был. — Как я приехал в Павлочь поздно ночью, а выехал из оного рано утром, то к генералу Богуславскому не являлся и никого из военных не видал.

М. Вчерайше. Квартиры 6-й конной роты. Сие местечко проехал я в 5 часов утра, а потому в оном и не останавливался.

М. Белополье. Квартирует часть Казанского пехотного полка, состоящего во 2-й армии. По удостоверению жителей и ключ-войта квартирование покойно и между нижними чинами никаких происшествий не было.

Бердичев. Проезжая чрез сей город — я являлся к генерал-маиору Гейсмару, который мне объявил, что Сухин[ов] пойман и провезен чрез Бердичев в Могилев. Но я полагая, что слух об аресте Сухин[ов]а не так скоро может распространиться, решился продолжать мой путь под предлогом отыскания сего преступника; генералу ж Гейсмару объявил, что еще отыскиваю иностранца Розенталя, которой бежал из Киева во время контрактов.

3-го марта. М. Любарь. Квартирует штаб Ахтырского гусарского полка. Караул в штабе содержит эскадрон, бывший в команде штабс-ротмистра Франка. Служба в штабе исправляется надлежащим образом. Квартирование покойно. Солдаты сожалеют об арестованных офицерах, а в особенности о штабс-ротмистре Франке; полковника же Муравьева называют отцом.

8-я пехотная дивизия.

Троицкой пехотной полк. 3 марта. При въезде моем в м. Лабунь, где расположен полковой штаб, производилась экзекуция над двумя рядовыми, которых наказывали шпицрутеном за побег; и сие исполнено в надлежащем порядке. Кроме штаба в Лабуне квартирует до 200 человек рекрут, которые обучаются здесь фронту. По уверению жителей и земского заседателя Кульчицкого квартирование покойно. Евреи только говорят, что офицеры худо платят долги. — Служба в штабе соблюдается.— Солдаты о полковом командире говорят, что он весьма строг и более занимается ученьем, нежели прежний. О происшествии в Черниговском полку знают и оного не одобряют. Подполковник Жилинский сказывал мне, что у него прежде бывали иногда с помещиками неудовольствия за то, что худо кормили солдат, но теперь солдат кормят хорошо. Также встречаются иногда споры за квитанции, но оные всегда прекращаются миром и жалоб никаких нет. — 4-го числа, отправясь в Пензенской пехотной полк,

я проезжал чрез две деревни, занимаемые Троицким пехотным полком, в коих квартирование также покойно.

Пензенской пехотный полк. Солдаты жителями и жители солдатами довольны. Староконстантиновской городничий за город, в коем квартирует полковой штаб, а земской исправник за уезд уверили меня, что воинские чины квартировали и квартируют смирно и между ими никаких беспокойств нет и не было. Служба в штабе исправляется надлежащим образом. Из разговоров солдат заметно, что они своего полкового командира не любят. В прочем никаких особых жалоб, кроме того только, что говорят, что полковой командир весьма строг и прежде занимался много учением, но после происшествия в Василькове учит уже менее. Об офицерах взятых из полка весьма сожалеют, а в особенности о Тютчеве и Громницком, о которых говорят, что они для них были весьма хороши.

15 егерской полк. В г. Заславль, где расположен штаб сего полка, дивизионная и бригадная квартиры, я приехал вечером 5-го марта. Квартирование покойно. Жители воинскими чинами и воинские чины жителями довольны, что подтвердили городничий, а земской исправник уверил меня, что между воинскими чинами 15 егерского полка и других, в его уезде квартирующих, никаких своевольств не заметно и оные с обывателями живут мирно, исключая того, что иногда встречаются споры за квитанции, но и оные прекращаются всегда дружелюбно. — Служба в дивизионной квартире отправляется по надлежащему и во всем виден порядок. В нижних чинах 15 егер[ского] полка существует особенно хороший дух и заметна охота к службе.

16 егерской полк. В штаб сего полка, м. Белогородку, я приехал в 2 часа утра 7 марта. Солдаты квартирами довольны, равно и жители довольны спокойным их квартированием. Находящейся в сем местечке для порядку земской заседатель и управляющий имением князя Сангушки, которому и сие местечко принадлежит, подтвердили то же как о полковом штабе, так и о 1-й карабинерной роте. При сем управляющей между разговором сказывал мне, что квартирующие в Белогородке мастеровые делают иногда небольшие шалости, но полковой командир немедленно дает удовлетворение. В штабе находится учебная команда и служба исправляется надлежащим образом. Солдаты за строгость полковым командиром не довольны. Впрочем из суждения их ничего особого не заметно. Остальные роты сего полка квартируют в Староконстантиновском и Кременецком уездах. О спокойном квартировании первых я имел уже удостоверение от Староконстантиновского земского исправника.

Из Белогородки поехал я в Тиофиль-Поль. Между сими местечками селения занимаются 16-м егер[ским] полком, а в самом Тиофиль-Поле квартирует 1-я егерская рота и баталионный штаб 1-го баталиона. Жители солдатами и солдаты жителями довольны. Служба в баталионном штабе отправляется надлежащим образом. Командиром сего баталиона, маиором Сарабио, солдаты довольны и говорят, что он хорошо знает службу!

Чтобы отвлечь внимание от цели моей объехать расположение остальных полков 8-й пехотной дивизии, я, выехав из Тиофильполя, взял направление на Кременец, но по отъезде 20 верст от Тиофильполя, свернув с большой дороги, поехал проселками чрез Ляховец и Куньев на г. Острог.

М. Ляховец. Квартирует фурштат и жители чинами оного довольны, говорят, что они очень спокойны.

Саратовской пехотной полк. 9-го марта. М. Куньев. Квартиры 3-й мушкатерской роты. Рота сия теперь в карауле в Житомире. В Куньеве же остались только люди, назначенные в Черниговской пехотной

полк, которые туда 10 числа и имели выступить. Квартированием 3-й мушкатер[ской] роты жители довольны, равным образом и упомянутые оставшиеся в Куньеве люди хорошо отзываются о квартирах. Касательно перевода их в Черниговской полк говорят, что им из своего полка не хочется, ибо им в оном было хорошо. О подпорутчике Мозгалевском, который состоял в сей роте, солдаты сожалеют и говорят, что он для них был весьма добр. — В г. Остроге, где квартирует штаб Саратовского пехотного полка, городничий и земской исправник уверяли меня, что полк сей квартирует спокойно и со стороны нижних чинов в квартирах никогда никаких своевольств не было. То же самое говорят и жители. Зная же по слухам, что в Саратовском полку, по показанию полковника Тизенгаузена, производилось следствие о жалобах в лагере 1-й гренадерской роты, я между разговорами спрашивал об оном бывшего командира сего полка генерал-маиора Брычева, который уверял меня, что жалоб никаких не было, в чем сослался и на маиора Трескина. Трескин, подтвердив слова Брычева, сказал, что из 1-й гренадерской роты приходили к нему только каптенармусы докладывать, что аммуниция сложена в цейхаузах дурно. С чего же взяли, что рота приходила жаловаться, того он не знает. — Но я слышал в Остроге на щет сей роты следующее: рота сия состояла прежде в команде капитана Спиридова, того самого, который служил потом маиором в Пензенском пехотном полку и после возмущения Муравьева-Апостола арестован и отправлен в С.-Петербург. Спиридов, как видно, поселил в ней дух своеволия; ибо говорят, что он солдатам давал много воли и обходился с ними за панибрата. За несколько времени пред выступлением в лагерь, под м. Лещин, та рота поручена порутчику Березину, которой, желая восстановить в ней порядок, поступал с нижними чинами весьма строго, что произвело между ими ропот и вся рота собравшись ходила жаловаться и требовала, чтобы Березин был сменен, а вместо его назначен штабс-капитан Клементьев. Полковой командир уговорил роту до окончания лагеря повиноваться Березину, а по возвращении на квартиры обещал его сменить и назначить по их желанию Клементьева, что и исполнил. О сем происшествии частию слышал я от командующего в сем полку 6-ю мушкатерскою ротою порутчика Аргирова и частию от острогского городничего Свистунова, которым известно оное по слуху. Свистунов говорил мне, что Березин при следствии вовся не спрашиван и ожидает, что его потребуют. Порутчик же Аргиров сказывал, что при его роте находится 26 человек солдат из 1-й грен[адерской] роты, которые до того избалованы, что ему весьма не легко удерживать их в порядке. — Касательно жалобы 1-й гренадерской роты на порутчика Березина, солдаты рассказывают почти то же и говорят, что взяты из сей роты два рядовых, которые во время лагеря под Лещиным ходили в Черниговской полк к подполковнику Муравьеву-Апостолу, и получили от него по 10 рублей. — В штабе для караулу находятся две роты. Служба исправляется по надлежащему. Солдаты опасаются, что новой полковой командир с ними будет обращаться строже, и более будет заниматься учением, нежели прежний, чего и ожидать можно, ибо как говорят, полк сей довольно опущен по фронту и не многие из офицеров знают свое дело хорошо.

Сведения, относящиеся до Пензенского пехотного полку. Острогский городничий Свистунов еще мне сказывал, что слышал он, яко бы маиор Спиридов обещал Муравьеву-Апостолу приготовить в Пензенском полку 5 рот, и что от Муравьева-Апостола был прислан к нему с уведомлением о начале возмущения какой-то артиллерийской офицер. Но Спиридов был в сие время без чувства пьян и офицер, не могши его разбудить, уехал обратно к Муравьеву.

Тамбовской пехотной полк. В штаб квартиру Тамбоского пехотного полка м. Корец прибыл я около вечера 10-го числа марта, а выехал 11 числа в 2 часа пополудни. По удостоверению острогского и новгород-волынского земских исправников, полк сей квартирует покойно. То же говорят и все те жители, с которыми я говорил в Корце и в некоторых из деревень занимаемых тем полком. В прочем в оном случилось два происшествия: 1) Назад тому месяца два один рядовой квартировавшей в деревни к. Сангушки Новгород-Волынского уезда, придя на квартиру, спрашивал у находившихся в оной мальчика и девочки о хозяине и те отвечали, что уехал в лес. Но солдат, полагая, что он спрятался, ударил мальчика острием ножа, которой и умер. Также ранил ножом и девочку. Говорят, что солдат сей в допросе показал, что он ранил сих детей, дабы избавиться от службы, из которой уже бегал, но был пойман. В службе он находится не более 8-ми лет. 2) Назад тому недели две унтер-офицер сего полка, в одной из деревень Острогского уезда, в которой он квартировал, изранил ножом мужика. Унтер-офицер, как говорят, учинил сие по следующему случаю: жители оной деревни давали солдатам дурной хлеб, и как за всем настоянием его хлеб не был переменен, то он докладывал о сем офицеру, офицер же его наказал. После того, унтер-офицер изранил, как выше изъяснено, упомянутого мужика.

Служба в штабе Тамбовского пехотного полка исправляется надлежащим образом. Солдаты говорят, что полковой командир весьма строг и много занимается учением, и всегда почти обучает в ранцах. Выслуживших сроки мундирных вещей по рукам не раздает, а приказывает хранить их в ротных цейхаузах, что они почитают несправедливым. На спрос мой, охотно ли идут из полка солдаты, назначенные в Черниговский полк, отвечали: охотно; ибо полагают, что там будет лучше.

8-я артиллерийская бригада.

3-я легкая рота. В штаб сей роты м. Мирополье прибыл я 12 числа ночью, а выехал из оного 13 числа после полудня. Жители весьма довольны спокойным квартированием. Нижние чины любят ротного своего командира и жалеют, что он выходит в отставку, и вообще между ими заметен хороший дух.

2-я легкая рота. В штаб сей роты м. Барановку, в коем теперь находится вся рота в сборе, прибыл я 13 числа вечером. По прибытии моем в м. Барановку узнал, что во 2-й легкой роте 12 числа был полковник Эйлер и арестовал 12 человек нижних чинов и еще арестованы четыре человека принадлежащих сей роте в Новгород-Волынске, где они находились в учебной команде. Нижние чины во 2-й легкой роте говорят, что упомянутые люди должны быть арестованы по показанию той же роты прапорщика Бечасного, у которого они обучались арифметике; виновными же их ни в чем не полагают, и все то, что только по словам тех арестованных им известно, то Бечасной недели за две до своего ареста, придя в школу, приказал сложить книжки и сказал: полно учиться, авось нам будет хорошо и вам лучше, нежели в лагере. В лагере же, по словам солдат, случилось следующее: перед выходом из лагеря в некоторых взводах, а в особенности в 5-м, которым командует Бечасной, дни на три недостало провианту и люди жаловались фельдфебелю, которой некоторых за сию жалобу наказал, отчего между солдатами произошел ропот, и они жаловались старшему по ротном командире офицеру, по приказанию которого провиант был взят в 3-й легкой роте и люди удовлетворены. Известно ли сие ротному командиру, того

солдаты не знают, ибо они ему не жаловались. Ротной же командир подполковник барон Корф, между разговором, сказывал мне, что у него в роте недавно производилось следствие по показанию арестованного поручика Андреевича, что яко бы в сей роте в лагере был шум и вся рота ходила жаловаться. Но сего вовсе не было, а только один раз он барон Корф, по обыкновению, приказал для роты купить на собственные свои деньги водки и оная была куплена, при раздаче же людям в одном взводе недостало на несколько человек, которые и жаловались старшему офицеру, и тогда же были удовлетворены. Также барон Корф говорил мне, что арестованные люди показывают только, что Бечасной был прежде с ними строг, недели ж за две до своего аресту сделался снисходительнее. Нижние чины об арестованных людях своей роты весьма сожалеют и арестом их так напуганы, что опасаются, чтобы их всех не забрали. Впрочем уверяют, что они с теми арестованными не имели никакого согласия и о намерении, с коим Бечасной сказал упомянутые выше слова, вовсе не знают.

1-я батарейная рота. В штаб сей роты г. Новгород-Волынск, прибыл я 14 числа ночью, куда часа за два до моего выезду из Барановки, отправлены арестованные во 2-й легкой роте люди под надзором команды присланной из Тамбовского пехотного полка. — По удостоверению жителей, новгород-волынского городничего и земского исправника, нижние чины 1-й батарейной роты квартируют весьма покойно. Равным образом земской исправник свидетельствует и о спокойном квартировании 2-й и 3-й легких рот. — Нижние чины 1-й батарейной роты подобно как и 2-й легкой, по случаю ареста вышеупомянутых 16-ти человек, о коих они сожалеют, находятся в некотором страхе опасаясь, чтобы и из них кого не взяли. Впрочем говорят, что они ни в чем не виноваты, и за что тех людей из 2-й легкой роты взяли не знают. Полковник Эйлер между разговорами упоминал, что он в нижних чинах своей роты не сумневается. Также говорил, что порутчик Андреевич приезжал в роту из Киева на казенных лошадях с арсенальным служителем и полагает, что лошади те даны были ему подполковником Шварценбергом.

Отставной гвардии ротмистр Алберт, квартирующий в Новгород-Волынске в том же доме, где и ротной двор 1-й батарейной роты, сказывал мне, что первую присягу исполняли солдаты без всяких толков, когда ж присягали государю императору Николаю Павловичу, то после присяги некоторые из солдат показывали недовольной вид и между собою говорили: теперь нас опять заставят вытягивать носки.

4-я парочная батарейная рота. В м. Искорость, в коем расположен штаб сей роты, прибыл я 17 числа около 4 часов вечера. Жители и земской заседатель Овручского уезда Юров удостоверили меня в спокойном квартировании. Нижние чины сей роты сохраняют хороший дух и вовсе не принимают участия в судьбе взятых из 8-й артиллерийской бригады офицеров. Об арестованном их роты прапорщике Киреeве говорят, что его давно уже при роте не было, а находился при корпусной квартире. Об аресте нижних чинов во 2-й легкой роте не знают. 4-я парочная батарейная рота в лагере под Лещиным не была, и промежуток между ее квартир и квартир 1-й батарейной роты, к ней ближайшей, более 100 верст.

Из Искорости выехал я 18 числа и отправился в Житомир. По прибытии моем в сей город, я старался узнать дух солдат 1-го баталиона Саратовского пехотного полка, а в особенности 1-й гренадерской роты (1-й баталион Саратовского полка содержит караул в Житомире), но как сведения, полученные мною в Житомире, во всем согласовались с сведениями, получен-

ными в проезд чрез квартиры Саратовского пехотного полка, то я на другой же день оставил сей город.

В бытность в Житомире являлся к г. генерал-лейтенанту Роту, которой быв извещен о проезде моем чрез расположение 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады, дал заметить о неудовольствии своем на то, что ему не доверяют, но я старался уверить его превосходительство в том, что не имел никаких других поручений, кроме отыскания следов Сухин[ов]а, и ежели был в полках 8-й дивизии, то случайно, а в Житомир заехал, дабы засвидетельствовать его превосходительству мое почтение.

Гвардии капитан Сотников.

39.

Секретное отношение начальника штаба 1-й армии генерал-адъютанта барона К. Ф. Толя на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 7 апреля 1826 г.

Секретно.

Ваше сиятельство, граф Фабиан Вильгельмовичь.

По прибытии моем 5-го числа в город Житомир нашел я господина корпусного командира не в том бодром духе, в каком обыкновенно его знавал; он жаловался на раны, которые у него открылись и что он чрезвычайно страждет.

Не желая подать наималейшего повода к заключениям его окружающим, что будто бы поездка моя имеет целью сделать контроль его действиям по службе и чтобы тем не уронить достоинства корпусного командира в глазах его приближенных, которые и без того как будто замечают неудовольствие высшего начальства на него, я сказал довольно гласно при некоторых адьютантах, что вашему сиятельству благоугодно было мне приказать съездить в Белую Церковь, чтобы видеть отправление Черниговского полка солдат в кавказ[с]кой корпус и, хотя чрез Житомир маленкой круг, но желая его видеть, я решился заехать наперед сюда.

Отобедав у него я пригласил его на мою квартиру, где будучи на едине я объявил ему не по службе, но по дружески, что его величество командованием его недоволен, что неосновательность его донесений, незнание его, что в корпусе у него делается, после столь неслыханного происшествия, каковое было в Черниговском полку, навлекает справедливое негодование как вашего сиятельства, так и государя императора на него, что если он не обратит свое бдительное внимание и не употребит меры к прекращению всех беспорядков, которые чрез посредство других лиц доходят до сведения г-на главнокомандующего и государя императора, тогда подвергнется он строгой ответственности перед его величеством.

Я генерала Рота знаю коротко, чтобы уличить его надобны явные доказательства. — По сему, пред отъездом моим из Могилева прочел я еще раз все донесения его к вашему сиятельству, отношения его высочества цесаревича к вам и показании [sic!] гвардии капитана Сотникова во время объезда его по 3 корпусу. Из сих бумаг выбрал я в кратце те места, которые доказывают неосновательность в его донесениях, и беспечность и уверен-

ность в хорошем духе войск, тогда, когда суд, в Белой Церкве учрежденной, все более и более открывает, что заговор распространялся не только между офицерами, но и весьма многими нижними чинами, тогда, когда из донесений посторонних лиц известно, что в войсках его корпуса делается послабление по службе и тому подобное. Видя, что на все мои словесные доводы возражал он весьма неосновательно; я вынув из портфейля моего в экстракте мои неоспоримые доказательства, прочел ему оные пункт за пунктом. В ответах его, с боку приписаных, ваше сиятельство усмотреть изволите, что он наконец признаться должен был, что начальство справедливую причину имеет быть им недовольным, хотя он все упирался на том, что если в гвардии пред лицем государя, а равно и в главной квартире 2-й армии не могли предупредить до гнездащагося заговора, то и его извинить можно, что он не предупредил возмущения Муравьева-Апостола.

Отправление вторых баталионов начнется с 1-го апреля согласно данного вашим сиятельством повеления, во 2-ю армию. Отправление Черниговских солдат в кавказской корпус — также на сих днях. Новый Черниговской полк уже сформирован, о чем дожидает он окончательное донесение дивизионного командира.

По прибытии сюда начальника корпусного штаба кн. Горчакова, которого с день на день ожидают, я отправлюсь чрез Бердичев в Белую Церковь, а оттоль чрез Васильков в Киев.

С истинным почтением и таковою ж преданностью имею честь быть вашего сиятельства всепокорнейший слуга,

барон Карл Толь.

В дороге смотрю я некоторые войски и школы армейских подпрапорщиков 3 и 4 корпусов и гошпитали и лазареты. О всем сем пишу я генер. Дибичу.

P. S. Изложив все обстоятельства, относительно 3 корпуса и его командира, я должен нащет генерал-лейтенанта Рота присовокупить, что он крайне огорчен тем, что в отношении его и командуемого им корпуса замечено, но с другой стороны он готов ни чем не дорожить, чтобы службою своею опять заслужить то доброе мнение государя, которое к нещастию потерял он в глазах его величества и вашего сиятельства. Нельзя у него отнять того, что доброй воли в нем весьма много, и что прежняя его усердная тритцатилетняя служба, тяжелые раны, полученные противу неприятеля, заслуживают снисхождения нашего справедливого государя. Нельзя и то не принять в уважение, что он неоднократно просил о назначении твердого и надежного командира в 9 дивизию, о чем представляемо было от г. главнокомандывающего и мною словесно докладываемо. — Может быть деятельной дивизионной командир с 1824 года (ибо с того времени дивизия не имела настоящего командира) открыл бы зло, вкравшееся в сей дивизии, и из которой распространилось оно и в 8 дивизию, где дивизионный командир также весьма слабый и неспособный человек.

Перед самым отправлением бумаг к вашему сиятельству, генерал Рот приходил ко мне, и сказал, что он вспомнил, что о Бестужеве говорил ему генерал-адъютант Чернишев, якобы принадлежит к тайному обществу. Чрез сие обстоятельство ответ его по 1-ому пункту совершенно изменяется. При сем случае пишу я и к барону Ивану Ивановичу Дибичу с приложением такого ж содержания как и вашему сиятельству. Если полагаете нужным, чтобы довести все тоже до сведения б. Дибича, то не угодно ли будет благоволить приказать Карлу Федоровичу отправить оное в Петербург.

Экстракты из рапортов генерал-лейтенанта Рота, отношений его высочества цесаревича и донесений гвардии капитана Сотникова.

1. В рапорте от 1-го генваря за № 5 госп[один] корпусный командир говорит, «что Бестужев уже до сего был у него на замечании принадлежащим тайному обществу». Почему о малейшем сомнении и о подозреваемых членах не донес господину главнокомандующему армиею?

2. Под Лещиным, как все подсудимые показывают, семеновские солдаты толпами приходили к Муравьеву, никто не обратил на сие внимание, не старались подслушать его разговоров с ними, не старались выведать сих солдат в полках.

3. Также и офицеры, как все подсудимые показывают, ходили там толпами даже за 5 верст от своих лагерей, имели свои собрания и неоднократные попойки, на что также не обращено внимания.

4. Из арестованных офицеров видно, что в самой корпусной квартире гнездилась отрасль злодеев и приумножала членов. Там были в жалонерной команде: Громницкий, Борисов и Драгоманов, который там даже и вовлечен в общество. Также взяты из корпусной квартиры, оберквартирмейстер Враницкой, адъютант ген[ерал]-маи[ора] Богуславского Пестов, подпорутчики: Веденяпин 1-ой и Веденяпин 2-й; прапорщики Киреев и Андреевичь 2-ой. Пензенского полка прапорщик Фролов, Черниговского подпорутчик Ядрилло, бухгалтер комиссионерства Иванов. На сходбища их не обращено было никакого внимания.

5. Первое исследование о мятеже между нижними чинами было так слабо сделано, что бывшие в Киеве с Мозалевским четыре человека нижних чинов ни отысканы, ни допро-

Ответы генерал-лейтенанта Рота в разговоре со мною.

Это ошибкою донес я об Бестужеве, ибо я разумел чрез то, что он принадлежал всегда к большим шалунам, и я честью вам клянуться могу, что я никогда не знал существование тайного общества до открытия мне о том Майбороды.

Сознаюсь, что это была большая беспечность со стороны полковых командиров не обращать внимания на посещения семеновских солдат; впрочем они так близко одни от других стояли, что мудрено и заметить было сии посещения.

И в сем вижу я, конечно, несоблюдение лагерной службы и беспечность всех, начиная с дивизионного начальника до полкового командира.

Я никогда не мог себе представить, чтобы на молодежь сию напало сие сумазбродство и что бы могло быть какое-либо сообщничество, впрочем живши все вместе они, конечно, могли составить союз, на который тогда никто не обращал внимания.

Требование г-на главнокомандующего, чтобы как можно поспешнее сделать следствие и составить разряды нижним чинам Черниговского [полка] по мере их вины и участия

шены тогда не были. Еслибы Ракуза тогда был допрошен, как теперь, то розискивая по горячим следам можно бы было обнаружить более. Г. корпусный командир признавал офицеров едиными виновниками, а нижних чинов как вовлеченных по глупости в преступление, и что мятеж потому только имел успех, как говорит он в рапорте своем от 19-го генваря за № 105, что «Муравьев-Апостол оставался старший после Гебеля, что нижние чины ни в чем не виновны и что в прочих войсках 3 корпуса существует наилучший дух». Следствие в Белой Церкве обнаруживает однако, что нижние чины в заговоре были.

6-е. Два рапорта г-на корпусного командира от 17-го и от 24-го февраля относительно 1-ой гренадерской роты Саратовского полка. В первом упоминая, что Спиридов командовал сею ротою, излагает однакож обстоятельства в виде нисколько не значительном. Во втором говорит, «что ето только клевета Тизенгаузена», и вместо следствия, которое от него требовалось, представляет только рапорт ген[ерал]-маиора Засса, в коем обстоятельства представлены в том самом виде, как и в рапорте корпусного командира. Между тем настоящего следствия не произведено; и по показанию доверенного от нас * человека порутчик Березин вовсе опрошен не был. Происшествие же, как из теперешнего его разведывания оказалось, было точно так, как полковник Тизенгаузен показал в Петербурге.

7-е. Первое отношение его высочества цесаревича от 20-го февраля, о замеченном духе послабления и неповиновения в тех частях 3-го корпуса, из коих взяты офицеры и объяснение против сего генерала Рота от 5-го марта, якобы повод к сим слухам был тот, что один солдат Ахтырского полка нагрубил помещику, но впоследствие оказа-

в мятеже было причиною, что о сих 4-х человеках упущено было.

Я и теперь еще не понимаю, как могли быть в заговоре нижние чины.

Следствие не сделано конечно под присягою и с тою строгостию, как предписано было; ибо беспрестанные следствия только что тревожат людей и имеют худое на них впечатление.

Впрочем по желанию вашему порутчик Березин будет спрошен.

Я могу уверить ваше превосходительство, что во вверенном мне корпусе сохраняется совершенный порядок. Нигде от жителей ни малейших жалоб не слышно. Г-н губернатор не может довольно нахвалиться мирным расположением войск. Впрочем, если открывается, что прежние семеновские солдаты 8-й дивизии и многие артил-

* Г. кап. Сотников. *(Примеч. в подлинном)*

Экстракты из рапортов генерал-лейтенанта Рота, отношений его высочества цесаревича и донесений гвардии капитана Сотникова.

Ответы генерал-лейтенанта Рота в разговоре со мною.

1. В рапорте от 1-го генваря за № 5 госп[один] корпусный командир говорит, «что Бестужев уже до сего был у него на замечании принадлежащим тайному обществу». Почему о малейшем сомнении и о подозреваемых членах не донес господину главнокомандующему армиею?

Это ошибкою донес я об Бестужеве, ибо я разумел чрез то, что он принадлежал всегда к большим шалунам, и я честью вам клянуться могу, что я никогда не знал существование тайного общества до открытия мне о том Майбороды.

2. Под Лещиным, как все подсудимые показывают, семеновские солдаты толпами приходили к Муравьеву, никто не обратил на сие внимание, не старались подслушать его разговоров с ними, не старались выведать сих солдат в полках.

Сознаюсь, что это была большая беспечность со стороны полковых командиров не обращать внимания на посещения семеновских солдат; впрочем они так близко одни от других стояли, что мудрено и заметить было сии посещения.

3. Также и офицеры, как все подсудимые показывают, ходили там толпами даже за 5 верст от своих лагерей, имели свои собрания и неоднократные попойки, на что также не обращено внимания.

И в сем вижу я, конечно, несоблюдение лагерной службы и беспечность всех, начиная с дивизионного начальника до полкового командира.

4. Из арестованных офицеров видно, что в самой корпусной квартире гнездилась отрасль злодеев и приумножала членов. Там были в жалонерной команде: Громницкий, Борисов и Драгоманов, который там даже и вовлечен в общество. Также взяты из корпусной квартиры, оберквартирмейстер Враницкой, адъютант ген[ерал]-маи[ора] Богуславского Пестов, подпорутчики: Веденяпин 1-ой и Веденяпин 2-й; прапорщики Киреев и Андреевичь 2-ой. Пензенского полка прапорщик Фролов, Черниговского подпорутчик Ядрилло, бухгалтер комиссионерства Иванов. На сходбища их не обращено было никакого внимания.

Я никогда не мог себе представить, чтобы на молодежь сию напало сие сумазбродство и что бы могло быть какое-либо сообщничество, впрочем живши все вместе они, конечно, могли составить союз, на который тогда никто не обращал внимания.

5. Первое исследование о мятеже между нижними чинами было так слабо сделано, что бывшие в Киеве с Мозалевским четыре человека нижних чинов ни отысканы, ни допро-

Требование г-на главнокомандующего, чтобы как можно поспешнее сделать следствие и составить разряды нижним чинам Черниговского [полка] по мере их вины и участия

шены тогда не были. Еслибы Ракуза тогда был допрошен, как теперь, то розискивая по горячим следам можно бы было обнаружить более. Г. корпусный командир признавал офицеров едиными виновниками, а нижних чинов как вовлеченных по глупости в преступление, и что мятеж потому только имел успех, как говорит он в рапорте своем от 19-го генваря за № 105, что «Муравьев-Апостол оставался старший после Гебеля, что нижние чины ни в чем не виновны и что в прочих войсках 3 корпуса существует наилучший дух». Следствие в Белой Церкве обнаруживает однако, что нижние чины в заговоре были.

6-е. Два рапорта г-на корпусного командира от 17-го и от 24-го февраля относительно 1-ой гренадерской роты Саратовского полка. В первом упоминая, что Спиридов командовал сею ротою, излагает однакож обстоятельства в виде нисколько не значительном. Во втором говорит, «что ето только клевета Тизенгаузена», и вместо следствия, которое от него требовалось, представляет только рапорт ген[ерал]-маиора Засса, в коем обстоятельства представлены в том самом виде, как и в рапорте корпусного командира. Между тем настоящего следствия не произведено; и по показанию доверенного от нас * человека порутчик Березин вовсе опрошен не был. Происшествие же, как из теперешнего его разведывания оказалось, было точно так, как полковник Тизенгаузен показал в Петербурге.

7-е. Первое отношение его высочества цесаревича от 20-го февраля, о замеченном духе послабления и неповиновения в тех частях 3-го корпуса, из коих взяты офицеры и объяснение против сего генерала Рота от 5-го марта, якобы повод к сим слухам был тот, что один солдат Ахтырского полка нагрубил помещику, но впоследствие оказа-

в мятеже было причиною, что о сих 4-х человеках упущено было.

Я и теперь еще не понимаю, как могли быть в заговоре нижние чины.

Следствие не сделано конечно под присягою и с тою строгостию, как предписано было; ибо беспрестанные следствия только что тревожат людей и имеют худое на них впечатление.

Впрочем по желанию вашему порутчик Березин будет спрошен.

Я могу уверить ваше превосходительство, что во вверенном мне корпусе сохраняется совершенный порядок. Нигде от жителей ни малейших жалоб не слышно. Г-н губернатор не может довольно нахвалиться мирным расположением войск. Впрочем, если открывается, что прежние семеновские солдаты 8-й дивизии и многие артил-

* Г. кап. Сотников. *(Примеч. в подлинном)*

лось по собственному изъяснению помещика, что тот солдат приходил только к нему в нетрезвом виде за какою-то надобностию. Впрочем он уверяет, что «между нижними чинами вверенного ему корпуса нигде не замечено ослабления в повиновении, ни шалостей,* но все содержатся теперь в порядке еще строже, нежели пред сим и не подают никакого повода предполагать в них хотя малую наклонность к вредным правилам: ибо доселе по всем тайным разведываниям начальников ничего не открыто, что бы могло навести на них подозрение». Между тем по допросам рядового Онойченки и других при следствии в Белой Церкви производящегося открылось, что все нижние чины прежнего Семеновского полка 8-ой дивизии состоят в заговоре, более 20-ти артиллерийских солдат уже взяты по показаниям их офицеров Борисова, Андреевича, Горбачевского и Бечасного. Также ныне известно стало по последнему разведыванию, что во время возмущения Муравьева, в м. Фастове фурштатские солдаты тому радовались, говоря что «им будет хорошо, а евреям — беда». По показанию Ракузы уже в генваре месяце караульные 17-го и 18-го егерских полков, вели самые дерзкие разговоры относительно службы, угрожали с открытием весны разбежаться по лесам и там опять собраться. По последнему известию доверенного человека,** в конце февраля солдат Черниговского полка не снял шапки перед адъютантом, и на вопрос мимошедшего фурлейта, почему не исполнил сего, отозвался: «мы разных команд, — я служу Константину!». О сем происшествии даже вовсе умолчено. Наконец, нижние чины везде сожалеют и хвалят взятых в С.-Петербург офицеров; следовательно, не гнушаясь ими, вероятно не гнушаются и поступками их. лериста состоят в заговоре, то сие, конечно, есть следствие прежней нашей оплошности, но не упущений родившихся после происшествия в Черниговском полку бывшем. Касательно происшествия о фурштатских солдатах в м. Фастове бывшем, а равно по показаниям Ракузы о караульных 17 и 18 егерских полков, следствие в Белой Церкве учрежденное ничего до сих пор открыть не могло, и потому полагаю я оное ложным.

О происшествии Черниговского солдата (сказавшего «мы разных команд — я служу Константину») я ничего не слыхал и потому не доносил. — Но я постараюсь узнать подробности сего. Теперь конечно будем мы все осторожнее и наблюдательнее за поступками всех вообще чинов.

---

* Что из показаний Сотникова подтверждается. *(Примеч. в подлинном)*

** Сотников. *(Примеч. в подлинном)*

Не суть ли это все виды, которые должны иметь свое основание... где же? не иначе как в умах и образе мысли людей. Все вышеупомянутые происшествия известны, но сколько после сего надобно полагать таких, которые остаются совершенно безгласными и вероятно еще откроются?

8-е. Второе отношение его высочества от 8-го марта, «что в Пензенском полку не видно истинного чувства службы, что офицеры жалеют и оправдывают взятых в С.-Петербург офицеров, утверждая, якобы их намерение клонилось к благу общему, при чем дерзко относятся на щет правительства». Из них порутчик Мисюров ныне взят в Могилев; который вероятно скажет, во время ли обеденного стола некоторыми офицерами обнаружены такие непозволительные мысли.

Я могу уверить ваше превосходительство, что это ложно донесено его высочеству. Порутчик Мисюров играл в трактире на билиарде с одним егерским офицером 25-й пехотной дивизии, с которым может быть и обнаружил сожаление об офицерах взятых в С.-Петербург. Посланный от меня доверенной человек в г. Староконстантинов жил там два дня, и узнал, что вовсе обеда не было, на котором бы о сем корпусом офицеров рассуждаемо было. О корпусе офицеров сего полка я смело вас уверяю, что в нем ничего подозрительного не замечено.

9-е. Третье отношение его высочества от 15-го марта, что офицеры Пензенского полка ропщут на тяжесть службы, учения и строгость взыскания. Также якобы из С.-Петербурга от Тютчева получили известие, что он и другие скоро будут освобождены.

Ничто сего рода не доходило до моего сведения.

10-е. В Пензенском полку по словам доверенного лица,* солдаты говорят, якобы полковой командир весьма строг и прежде занимался много ученьем, но после происшествия в Василькове в Черниговском полку учит менее. Не доказывает ли сие слабость характера полкового командира и послабление по службе.

Сие быть может, ибо во вступившем сюда в караул на сих днях 2-м баталионе Кременчугского полка заметил я большое опущение противу прежнего и узнал от маиора Фюрстенберга, что полковник Набоков после происшествия в Черниговском полку весьма мало занимается ученьем; на что я обращу мое особенное внимание.

11-е. Из донесений того же доверенного человека видно, что при 6-й мушкатерской роте находятся прикомандированными 26-ть человек из 1-ой гренадерской Саратовского полка, которые до того избалованы, что командиру той 6-ой мушкатер-

Это верно те люди, которые состоят из портных и других мастеровых, которые оставлены ротою на квартирах во время содержания ею здесь караулов, и вероятно для порядка полковым командиром прикомандированы к 6-й мушкатерской

* Сотникова. *(Примеч. в подлинном)*

ской роты порутчику Аргирову не весьма легко удержать их в порядке.

12-е. По тем же сведениям якобы маиор Спиридов обещал Муравьеву приготовить в Пензенском полку пять рот; и что от Муравьева приезжал к нему с уведомлением какой-то артиллерийский офицер, но Спиридов был в сие время без чувств пьян и офицер, не могши его разбудить, уехал обратно к Муравьеву. Сие обстоятельство нужно розыскать и допросить денщиков маиора Спиридова; кто сей артиллерийский офицер был у Спиридова. —

роте. В какой мере Аргирова показание справедливо узнаю я лично в объезде моем по корпусу.

Я подробно постараюсь узнать о сем и доискаться имя того офицера, который к нему приезжал.

Генерал-адъютант барон Толь.

Г. Житомир.
Апреля 7 дня 1826.

40.

Всеподданнейший доклад аудиториатского департамента от 10-го июля 1826 г.

Его императорскому величеству.

Аудиториатского Департамента

Доклад.

Черниговского пехотного полка штабс-капитаны Маевский и барон Соловьев, порутчики Сизиневский и Петин, подпорутчики: Быстрицкий, Войниловичь, Рыбаковский и Кондырев, прапорщики: князь Мещерский, Апостол-Кегичь, Белелюбский и Мозалевский, переведенный из того полка в Александрийский гусарский полк порутчик Сухинов и 17-го егерского полка подпорутчик Молчанов, по приказу главнокомандующего 1-ю армиею, генерала от инфантерии графа Сакена, отданному 28 генваря и по предписаниям, последовавшим от него 26 февраля и 25 марта сего 1826 года, преданы военному суду, из них барон Соловьев, Быстрицкий, Мозалевский и Сухинов закованными в кандалах, а прочие арестованными, за участие их в произведенном в том полку подполковником Сергеем Муравьевым-Апостолом возмущении.

По суду же открылось:

Бывший командир Черниговского пехотного полка подполковник, что ныне полковник, Гебель 26 декабря 1825 года в три часа пополуночи получил от приехавших к нему в г. Васильков двух жандармских офицеров, порутчика Несмеянова и прапорщика Скокова, секретное повеление начальника главного штаба 1-й армии генерал-адъютанта барона Толя, об арестовании, по высочайшему повелению, подполковника того полка Сергея Муравьева-Апостола, который пред тем за два дня был отпущен Гебелем в корпусную квартиру в г. Житомир, уехал туда вместе с братом

своим отставным подполковником Матвеем Муравьевым; а как те же жандармские офицеры предъявили Гебелю повеление об арестовании сего отставного подполковника Муравьева, то Гебель и жандармские офицеры, отправясь в квартиру Муравьевых, застали там подпорутчика Полтавского пехотного полка Бестужева-Рюмина и разжалованного из полковников в рядовые Башмакова, при чем обыскав квартиру Муравьевых взяли к себе и запечатали все найденные в оной бумаги, письма и разные книги Муравьевых, потом для отыскания самих их того же 26 декабря поутру уехали полковник Гебель и жандармские офицеры в город Житомир; но когда они не нашли там Муравьевых-Апостолов, то осведомляясь куда они из Житомира уехали, где потом останавливались и переменяли лошадей, и продолжая путь вслед за ними из местечка Любар по Бердичевской дороге, съехались у корчмы с жандармским порутчиком Лангом, посланным от корпусного командира, генерал-лейтенанта Рота, для отыскания подпорутчика Бестужева-Рюмина, о коем в Бердичеве хозяин квартиры его сказал, что уехал он в Любар; когда же полковник Гебель и бывшие с ним два жандармские офицера уверили Ланга, что в Любаре нет Бестужева, Ланг вместе с ними прибыл в Бердичев, где Гебель узнал, что Муравьевы-Апостолы отправились ночью на 28 число декабря в местечко Паволочь, и предположив следовать туда с одним только порутчиком Лангом, послал прочих бывших с ними жандармских офицеров в разные места для отыскания Муравьевых-Апостолов; по прибытии в Паволочь того 28 числа полковник Гебель и порутчик Ланг, осведомясь, что Муравьевы-Апостолы проехали по дороге к местечку Фастову, отправились туда, но в продолжении пути остановились в селении Трилесах кормить лошадей и, желая по тогдашнему холодному времени обогреться, пошли в квартиру бывшего командиром в 5-ой мушкетерской роте Черниговского пехотного полка, порутчика Кузмина, которого тогда не было в оной, и лишь только Гебель и Ланг вошли с огнем в ту квартиру Кузмина, как увидели там подполковника Сергея Муравьева-Апостола, стоявшего посреди комнаты совсем одетого, что было в 4 часа с полуночи, а после того нашли в другой комнате лежавшего на кровати и брата его отставного подполковника Матвея Муравьева, почему Гебель поставя у дверей внутри комнаты бывшего с ним жандармского унтер-офицера, и призвав фельдфебеля 5 мушкетерской роты Шутова приказал ему нарядить в караул 12 человек рядовых и поставить из них трех у окон с улицы, а четвертого у дверей комнат в сенях, остальных же 8 человек в кухне, подтвердив всем им, чтоб они караулили Муравьевых, после сего Гебель возвратясь в комнаты к Муравьевым объявил им высочайше повеленный арест, и узнав от денщика порутчика Кузмина, что Бестужев-Рюмин куда-то поехал с вечера, и что приказано ему от Муравьевых возвратиться в Трилесы непременно с рассветом, решился, обеспеча себя достаточным караулом, дождаться Бестужева, чтобы всех их взять вместе; между тем по рассвете 29 декабря приехали туда, первоначально порутчик Кузмин и Щипилло, потом вскоре штабс-капитан барон Соловьев и порутчик Сухинов; сей приезд их в необыкновенное время подал повод полковнику Гебелю к сильному подозрению в каком-либо злонамерении; а потому он послал порутчика Ланга узнать, готовы ли лошади; но лишь только Ланг отворя дверь хотел войти в избу, где были караульные солдаты, как вдруг порутчик Щипилла, повстречавшись с Лангом и схватя солдатское ружье, около дверей стоявшее, намерен был пронзить Ланга штыком, говоря: «Этого первого надо убить», при чем находился и Сухинов, однако Ланг ушел в избу и держал за дверь до тех пор, пока Щипилла не отстал от оной; после чего Ланг вышел из избы на двор, где Сухинов, увидя Ланга и подойдя к нему

сказал, что он будет спасать его жизнь, не говоря же ничего о Гебеле и Муравьевых, Сухинов отвел Ланга в дом священника, прося его скрыть Ланга от опасности; между тем полковник Гебель прийдя в кухню лично отдавал приказание караульным «в случае сопротивления Муравьевых колоть их как важнейших преступников» и не успел еще кончить сего приказания, как вдруг за Гебелем вошли в кухню барон Соловьев, Кузмин, Щипилла и Сухинов и спрашивали у него: за что Муравьевы арестуются; на сие Гебель отвечал, что знать о том не их дело, а Щипилло закричав на Гебеля: «Ты варвар хочешь погубить Муравьевых» и схватив из рук у одного из стоявших там караульных ружье, пробил Гебелю штыком грудь, потом Соловьев, Кузмин и Сухинов взялись также за ружья, и хотя Гебель закричал на караульных солдат, чтобы их кололи, однако ж солдаты не исполнив того остались в виде посторонних зрителей; после Щипилла, барон Соловьев, Кузмин и Сухинов, как видно из объяснения полковника Гебеля, бросились колоть его штыками, а он обороняясь сколько было сил и возможности выскочил из кухни на двор, но был настигнут ими, равно и выбежавшими из покоев Муравьевыми, их коих старший нанес Гебелю штыком сильную рану в живот, а прочие кололи его; он, Гебель, вырвавшись от них бежал, однако был преследован Щипиллою, который переломил Гебелю стволом правую руку между кистью и локтем и нанес несколько ударов и сильную в голову рану штыком, при чем Гебель в жару бросившись на Щипиллу вышиб у него ружье и побежал к корчме; в сие время погнались все они за Гебелем, который, немного прежде их прибежав к корчме, упал в стоявшие там порожние сани, в коих были упряжены пара крестьянских лошадей, и не чувствуя в переломленной руке боли, погнал тех лошадей по дороге; порутчик же Сухинов, преследуя Гебеля верхом на лошади и не слезая с оной, поворотил бывших у Гебеля лошадей назад, но вскоре повстречавшийся с ними на дороге рядовой 5 мушкетерской роты вскочил в сани и узнав от Гебеля кто он, привез его, по приказанию его, к корчме, несмотря на все запрещения и угрозы Сухинова, приказывавшего Иванову везти Гебеля на ротный двор, потом Иванов доставил Гебеля в господский дом, а оттуда степью в селение Снятинку в 1-ю гренадерскую роту к капитану Козлову.

После такового с полковником Гебелем происшествия Сергей Муравьев-Апостол, барон Соловьев и Щипилла отправились того же 29 декабря в селение Ковалевку, где была расположена 2-я гренадерская рота, которой приказал Сергей Муравьев собраться; а когда в след за ними прибыли туда же Сухинов, брат Муравьева и Кузмин с 5 мушкетерской ротою; то все они переночевав отправились с теми двумя ротами в город Васильков. Между тем полковник Гебель вытребовав из 1-й мушкетерской роты капитана Вульферта с конвоем, под прикрытием оного 30 числа того декабря прибыл в Васильков, и хотя по распоряжению Гебеля и подполковника Трухина наличными людьми усилены были везде караулы, так же взяты под арест барон Соловьев и Щипилла, приехавшие тогда в Васильков, и посланы нарочные, чтобы все роты того полка прибыли туда в самоскорейшем времяни; но Сергей Муравьев-Апостол и прочие сообщники его, равно и соединившийся с ними подпорутчик Бестужев-Рюмин, вступив вскоре после того в Васильков со 2-ю гренадерскою и 5 мушкетерскою ротами с заряженными ружьями, и повстречаясь с Трухиным, который приказав бить тревогу вышел к ним навстречу с бывшими в Василькове на лицо нижними чинами, сорвали с него Трухина эполеты и шпагу и отвели на гоупт-вахту, потом по распоряжению Сергея Муравьева-Апостола поставлены были везде часовые и назначен в караул к Васильковской заставе прапорщик

Мозалевский, который приехавших в то же время в Васильков жандармских офицеров порутчика Несмеянова и прапорщика Скокова задержав и отобрав имевшиеся у них прогонные и собственные деньги более тысячи рублей, посадил на гоуптвахту, из коей во время сего происшествия были освобождены нижние чины, содержавшиеся за преступления под арестом и даже закованные в кандалы; между тем прибыл из Санктпетербурга в Васильков брат Муравьевых квартирмейстерской части прапорщик Муравьев-Апостол и вскоре по прибытии его Сергей Муравьев-Апостол вручив прапорщику Мозалевскому три возмутительные катихизиса, послал его с унтер-офицером Харитоновым и тремя рядовыми в город Киев с тем, чтобы раздать сии катихизисы, и отыскав Курского пехотного полка маиора Крупенникова, или Крупникова, сказать ему, чтобы он следовал с баталионом в местечко Брусилов, после чего Сергей Муравьев приказал вытребовать из Васильковского провиантского магазеина на генварь месяц сего года провиант на весь полк и продать оный; а 31-го числа того же декабря были взяты из квартиры полкового командира и вынесены к собравшимся в Василькове нижним чинам, стоявшим во фронте, знамена, при коих по приказанию Сергея Муравьева-Апостола, священник, отслужив молебен, читал нижним чинам возмутительный катихизис, потом он, Муравьев, и все сообщники его выступя из Василькова того же дня в числе пяти рот, с бывшими при оных офицерами, направили свой путь в селение Мотовиловку, имея у себя под арестом и упомянутых жандармских офицеров Несмеянова и Скокова, коих однако вскоре по выходе оттуда отпустили; до прибытия еще Сергея Муравьева с двумя ротами в Васильков, подпорутчик Быстрицкий, по приказанию подполковника Трухина, отправясь для принятия 2-й мушкетерской роты в местечко Германовку, прибыл с оною 31-го же декабря в Васильков тогда, как Сергей Муравьев-Апостол и сообщники его с воинскими чинами выступили уже оттуда; однако Быстрицкий решась следовать за полком соединился с оным 1-го генваря сего 1826 года, сдав тотчас по приказанию Муравьева 2 мушкетерскую роту барону Соловьеву.

Между тем от подполковника Сергея Муравьева-Апостола того же 31 декабря был послан подпорутчик Войниловичь с приказанием в 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты, дабы оные в селении Мотовиловке соединились с полком, потом Сергей Муравьев-Апостол прибыв в Мотовиловку лично уговаривал пришедшую в оное 1-ю гренадерскую и квартировавшую там 1 мушкетерскую роты соединиться с полком; но из сих рот 1-я гренадерская с бывшим в оной командиром капитаном Козловым, не взирая ни на какие предложения и угрозы Муравьева удалилась от него, и как оная рота, так и большая часть нижних чинов 1-й мушкетерской роты, не пожелав соединиться с Муравьевым, явились в дивизионную квартиру. Прапорщик Мозалевский, унтер-офицер Харитонов и три рядовые, посланные от Сергея Муравьева-Апостола в Киев с возмутительными катихизисами и с письмом к маиору Крупенникову, 1-го числа генваря сего года, на возвратном пути от Киева в 12 верстах схвачены. Мозалевский будучи в Киеве не нашел в Курском пехотном полку маиора Крупенникова,*—и потому при возвращении из Киева бросил на улице все три катихизиса, из коих один экземпляр отыскан на Подоле, а два другие пропали.

* В Курском полку, по уверению командира 4-го пехотного корпуса генерала князя Щербатова, нет маиора Крупеникова, а хотя и есть порутчик Крупеников, но сей по объявлению полкового командира, есть один из самых добронравных и верных офицеров, который обязан семейством и совершенно не заслуживает никакого подозрения. *(Примеч. в подлинном)*

Командир 4-го пехотного корпуса генерал-от-инфантерии князь Щербатов получив 31 декабря от киевского гражданского губернатора копию рапорта васильковского стряпчего о возмущении Черниговского пехотного полка, для узнания о сем послал в Васильков корпусного адьютанта штабс-капитана Врангеля, который обще с командированным от гражданского начальства киевским исправником доставил копию катихизиса, составленного неистовыми возмутителями.

Сей катихизис, названный ими православным, есть следующего содержания:

«Во имя отца и Сына и Святаго духа:

Вопросъ. Для чего Богъ создалъ человѣка?
Отвѣтъ. Для того, чтобъ онъ въ него вѣровалъ, былъ свободенъ и щастливъ.
Воп[росъ]. Что значитъ вѣровать въ Бога?
Отв[ѣтъ]. Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сошедши на землю, для спасенія насъ, оставилъ намъ святое свое Евангеліе... Вѣровать въ Бога значитъ слѣдовать во всемъ истинному смыслу начертанныхъ въ немъ законовъ.
Воп[росъ]. Что значитъ быть свободнымъ и щастливымъ?
Отв[ѣтъ]. Безъ свободы нѣтъ щастія. — Святый Апостолъ Павелъ говоритъ: цѣною крови куплены есте, не будете рабы человѣкамъ.—
Вопросъ. Для чего же русскій народъ и руское Воинство нещастно?
Отвѣтъ. Отъ того, что Цари похитили у нихъ свободу.
Воп[росъ]. Стало быть Цари поступаютъ вопреки воли Божіей?
Отв[ѣтъ]. Да, конечно, Богъ нашъ рекъ: болій въ васъ, да будетъ вамъ слуга, — а Цари тиранятъ только народъ.
Воп[росъ] Должны ли повиноваться Царямъ, когда они поступаютъ вопреки воли Божіей?
Отв[ѣтъ]. Нѣтъ! — Христосъ сказалъ: Не можете Богу работати и мамонѣ; отъ того то руской народъ и руское воинство страдаютъ, что покоряются Царямъ.
Воп[росъ]. Что жъ Святый Законъ нашъ повелѣваетъ дѣлать рускому народу и воинству?
Отв[ѣтъ]. Раскаяться въ долгомъ раболѣпствіи и ополчась противъ тиранства и нечестія поклясться: Да будетъ всѣмъ единъ Царь на небеси и на земли Іисусъ Христосъ.
Воп[росъ]. Что можетъ удержать отъ исполненія святаго сего подвига?
Отв[ѣтъ]. Ничто! Тѣ, кои воспротивятся Святому подвигу сему, суть предатели, Богоотступники, продавшіе души свои нечестію, и горе имъ лицемѣрамъ, яко страшное наказаніе Божіе постигнетъ ихъ на семъ свѣтѣ и на томъ.
Вопросъ. Какимъ же образомъ ополчиться всѣмъ чистымъ сердцемъ?
Отвѣтъ. Взять оружіе и слѣдовать за глаголющимъ во имя Господне, помня слова Спасителя нашего: Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣ насытятся; и низложивъ неправду и нечестіе тиранства, востановить правленіе, сходное съ закономъ Божіемъ.
Воп[росъ]. Какое правленіе сходно съ закономъ Божіимъ?
Отв[ѣтъ]. Такое, гдѣ нѣтъ Царей. Богъ создалъ всѣхъ насъ равными и сошедши на землю избрал Апостоловъ изъ простаго народа, а не изъ знатныхъ и царей.

Воп[росъ]. Стало-быть, Богъ не любитъ Царей?

Отв[ѣтъ]. Нѣтъ! Они прокляты суть отъ него, яко притѣснители народа, а Богъ есть человѣколюбецъ; да прочтетъ каждый, желающій знать судъ Божій о Царяхъ Книги Царствъ главу 8-ю: собрашася мужи Израилевы и пріидоша къ Самуилу и рекоша ему: нынѣ постави надъ нами Царя, да судитъ ны; и бысть лукавъ глаголъ сей предъ очима Самуиловыма, и помолися Самуилъ къ Господу, и рече Господь Самуилу: послушай нынѣ гласа людей, якоже глаголятъ тебѣ, яко не тебе уничижиша, но мене уничижиша, яже не царствовати ми надъ ними, но возвѣстиша имъ правду цареву. И рече Самуилъ: вся словеса господня къ людямъ просящимъ отъ него Царя и глагола имъ: Сіе будетъ Правда Царева: Сыны ваши возметъ, и дщери ваши возметъ, и земли ваши одесятствуетъ, и вы будете ему рабы и возопіете въ день онъ отъ лица Царя вашего, его же изобрасте себѣ и не услышитъ васъ Господь въ день онъ, яко вы сами избрасте себѣ Царя..... Итакъ избраніе Царей противно волѣ Божіей, яко единъ нашъ Царь долженъ быть Іисусъ Христосъ.

Вопросъ. Стало, и присяга Царямъ Богопротивна?

Отвѣтъ. Да, Богу противна; Цари предписываютъ принужденныя присяги народу для губленія его, не призывай всуе имени Господня: Господь же нашъ и Спаситель Іисусъ Христосъ изрекъ: Азъ же глаголю Вамъ: не клянитеся всяко; и такъ всякая присяга человѣку противна Богу, яко надлежащая ему единому.

Воп[росъ]. Отъ чего жъ упоминаютъ о Царяхъ въ церквахъ?

Отв[ѣтъ]. Отъ нечестиваго приказанія ихъ самихъ, для обмана народа и ежечастнымъ повтореніемъ Царскихъ имянъ оскверняютъ они службу Божію вопреки Спасителева велѣнія молящіи не лисше глаголятъ якоже язычники.

Вопросъ. Что же наконецъ подобаетъ дѣлать христолюбивому Россійскому воинству?

Отвѣтъ. Для освобожденія страждущихъ семействъ своихъ и родины своей, и для исполненія Святаго Закона Христіанскаго, помолясь теплою надеждою Богу, поборающему по правдѣ и видимо покровительствующему уповающимъ твердо на него, ополчиться всѣмъ вмѣстѣ противъ тиранства и восстановить вѣру и свободу въ Россіи.

А кто отстанет, тот яко Іуда предатель, будетъ Анафима проклятъ. Аминь!»—

Командиры пехотных корпусов: 4-го, генерал-от-инфантерии князь Щербатов и 3-го генерал-лейтенант Рот доносили главнокомандующему 1-ю армиею:

Князь Щербатов от 31-го декабря 1825 и 1-го генваря сего 1826 года, что о возмущении Черниговского пехотного полка получа он сведение от киевского гражданского губернатора, по дошедшим к нему от васильковских стряпчего и городничего рапортам*, предписал тотчас 1-му баталиону Мором-

* Васильковский городничий доносил между прочим потом, что Муравьев-Апостол с прочими сообщниками его, по вступлении с двумя ротами в Васильков, поставил оные на квартирах самовольно внутри города; что солдаты имея большую вольность требовали на квартирах вооруженною рукою необыкновенного продовольствия, сопряженного

ского пехотного полка, выступившему из Киева, по смене с караула, остановиться в местечке Броварах и быть ежеминутно в готовности к выступлению куда надобность потребует; Витебскому пехотному полку также приготовиться куда приказано будет, а Курской полк, в Киеве находившийся, был уже в совершенной готовности; 2-е, что прибыли в Киев полковник Гебель покрытый 8-ью ранами, из коих самая тяжелая нанесена в грудь Муравьевым; маиор, что ныне подполковник Трухин, довольно пострадавший от псбоев; два жандармские офицеры порутчик Несмеянов и прапорщик Скскоп, которых Муравьев содержа под арестом отпустил после выступления из Василькова в 8 верстах, также прибыл полковой адьютант Павлов 1-й, скрывшийся от мятежников в доме городничего, сохраня присяжный лист, подписанный всеми офицерами на подданство вашему императорскому величеству и полковую печать и 3-е, что отделившиеся от мятежников явились к нему князю Щербатову: генваря 2-го порутчик Сизиневский и подпорутчик Войниловичь, и 3-го штабс-капитан Маевский, порутчик Петин, подпорутчики: Рыбаковский и Кондырев; прапорщики: князь Мещерский, Апостол-Кегичь и Белелюбский, и что из числа их Кондырев, князь Мещерский и Апостол-Кегичь, по уверению полковника Гебеля и подполковника Трухина, насильно были увлечены мятежниками и к сообществу их не принадлежали.

Генерал-лейтенант Р о т:

Первоначально от 1-го генваря, что он получив известие 30-го декабря, 1825 года поздно в вечеру о происшествии, бывшем с полковником Гебелем в селении Трилесах, 31-го числа того месяца отправился после полуночи и прибыл в вечеру того же дня в дивизионную квартиру в местечко Белую Церковь, где командовавший дивизиею, генерал-маиор Тихановский лично донес ему Роту, что полковник Гебель тяжко ранен в Трилесах, и что после сего происшествия Муравьев-Апостол с помощию 5 мушкетерской и 2-й гренадерской рот, чтобы привести часть полка в возмущение под предлогом, что его императорского высочества цесаревича Константина Павловича неправильно и против желания устраняют от наследия престола, решительно возбудил шесть рот к неповиновению начальству и власти; будучи же поддерживаем некоторыми офицерами, совершенно ему Муравьеву преданными, произвел он всякого рода буйства, потом 31-го числа предпринял с оными ротами движение, а стараясь всячески распространить дух возмущения и привлекая нижних чинов ласковым и вольным обращением, позволял им пьянствовать и делать неистовство, чем надеялся, нашед прочие полки 9-й пехотной дивизии еще расположенными по широким квартирам, тоже привлечь на свою сторону значительное число людей. Генерал-маиор Тихановской, узнав о сем происшествии, предписал немедленно собрать прочие полки в свои штаб-квартиры, дабы отнять Муравьеву-Апостолу все способы к распространению возмущения; а он Рот с своей стороны велел тотчас двинуть в Паволочь из ближайше расположенных гусарских полков 6-ть ескадронов, послав между тем повеление, чтобы и вся дивизия была в готовности в случае надобности; удостоверившись же, что Муравьев-Апостол посылал ежедневно из своих приверженцев к бывшему командиру Александрийского пехотного полка полковнику Швейковскому, находившемуся еще в Радомысле для сдачи полка, узнал он, Рот, что чины сего

с грабительством хозяйственных вещей; что водку и съестные припасы брали без платежа; что у многих были побиты окошки и домашняя посуда и самим им причинены побои; и что взято Муравьевым 20-ть обывательских подвод без платежа прогонов. *(Примеч. в подлинном)*

полка, равно и Кременчугского пехотного, по приближении Муравьева последуют бесчестному предприятию его тем более, что разглашает он солдатам 8-летний срок службы и другие льстивые обещания; почему опасаясь, что влияния Швейковского, который, как он Рот недавно узнал, принадлежит тайному обществу, над Алексапольским полком могли послужить в пользу возмутителей и поколебать даже соседственный Кременчугский полк, он Рот, 31 числа, послал тем полкам с нарочным повеление о немедленном выступлении в окрестности Житомира; а генерал-маиору Чистякову предписал, чтобы он тотчас арестовал Швейковского и опечатав все его бумаги отправил вместе с ним в корпусную квартиру. Сверх того велел того же числа 17 егерскому полку, двум ротам Кременчугского полка, содержавшим караул в дивизионной квартире и 4 пешим орудиям следовать из Белой Церкви в Паволочь, — куда и сам он Рот прибыл того же вечера в одно время с вышеупомянутыми гусарскими эскадронами. Получив уже там верное сведение, что Муравьев-Апостол положительно взял направление на Брусилов, он генерал-лейтенант Рот, не дожидаясь прибытия туда пехоты, дабы не потерять времяни, на рассвете выступит с 6-ю ескадронами гусар и конною ротою № 5 для искоренения возникшего возмущения.

Потом от 3-го генваря, что после выступления его генерал-лейтенанта Рота из местечка Паволочь, по двух-дневном преследовании возмутителя подполковника Муравьева-Апостола, успел он Рот окружить его с трех сторон. Средний отряд под командою генерал-маиора барона Гейсмара настиг мятежников на Устимовской высоте близь деревни Палогов Васильковского уезда, где Муравьев-Апостол видя приближение войска построил мятежников своих в каре, и взяв на руку пошел прямо на орудия. Каре сей, быв принят картечным огнем расстроился, и тогда кавалерия сделала атаку, все мятежники бросили оружие и сдались, до 700 человек нижних чинов, равно и сам Муравьев-Апостол, тяжело раненый картечью и сабельным ударом в голову, штабс-капитан барон Соловьев, подпорутчики Быстрицкий, Бестужев-Рюмин и брат Муравьева отставной подполковник. Убиты же порутчики: Кузмин и Щипилла, брат Муравьева квартирмейстерской части прапорщик Муравьев же и 6-ть человек рядовых; а в числе находившихся под командою генерал-лейтенанта Рота войск не было ни убитых, ни раненых, потому что нижние чины, бывшие с Муравьевым-Апостолом, вообще не защищались.

При покорении мятежников порутчик Сухинов бежал и укрывался от преследования его; но по принятым гражданским начальством мерам 15 февраля сего года поиман Бессарабской области в городе Кишиневе, где он имел пребывание по фальшивому пашпорту.

При исследовании о мятеже объясняли:

Подполковник Трухин, что 26 декабря 1825 года поутру полковник Гебель, отправясь неизвестно ему Трухину куда вместе с двумя жандармскими офицерами, приказал ему, по сборе полка в штаб, не дожидаясь возвращения его Гебеля, 27 числа того декабря всех воинских чинов привести на верность подданства вашему императорскому величеству к присяге, потом распустить их по квартирам, что им Трухиным и выполнено. Присяжный лист был подписан всеми офицерами, кроме порутчика Щипиллы, бывшего также у присяги и после неизвестно куда отлучившегося; а 29-го числа декабря поутру очень рано получа он Трухин от Гебеля из Бердичева с жандармским порутчиком Несмеяновым предписание о усилении в Василькове караулов и об аресте, по высочайшему повелению, подполковника Муравьева-Апостола с братом его, в случае приезда их, приказал

тогда же адъютанту Павлову 1-му послать за 1-ю мушкетерскою ротою, дабы прибыла в полковую штаб-квартиру; а чтобы не упустить времени, до прибытия оной приказал кроме 6-й мушкетерской роты, стоявшей тогда в карауле, занять музыкантской и барабанщичьей командам все посты по проселочным дорогам, ведущим в Васильков, дабы не только Муравьевых, но и людей их, ежели будут въезжать в город или выезжать, тотчас брать и доставлять за караулом на гоуптвахту, отправив в то ж время порутчика Павлова 2-го, по уведомлению Несмеянова, в местечко Паволочь для отыскания и арестования Муравьевых. — А в вечеру того же 29 числа известясь от штаб-лекаря Никольского, что полковник Гебель в селении Трилесах изранен, донес о том командовавшему дивизиею генерал-маиору Тихановскому и дабы узнать подробно тогда же командировал в означенное селение полкового квартермистра подпорутчика Войниловича с жандармским офицером, прибывшим обратно из Житомира; но вскоре получил два рапорта, первый от капитана Козлова, что Гебель изранен в Трилесах Муравьевым-Апостолом и сообщниками его и привезен к нему Козлову в квартиру рядовым 5 мушкетерской роты 29-го числа в два часа пополудни; а второй от капитана Вульферта, что он с ротою в Васильков прибыть не может, за выступлением по приказанию Гебеля в селение Снитинку, для содержания при нем караула потому, что 1-я гренадерская рота должна была выступить под командою капитана Козлова в селение Трилесы для взятия находившихся в оном вышеозначенных преступников. И как вслед за сим возвратился подпорутчик Войниловичь с подробным сведением и вместе с приказанием от Гебеля, дабы роты 2-ю, 3 и 5 мушкетерские поручить в командование благонадежным офицерам, а Щипиллу, Кузмина и барона Соловьева, арестовав посадить на гоуптвахту, усилив ближайшими ротами караул; то он Трухин в то же время и предписал о принятии мушкетерских рот: 2-й подпорутчику Быстрицкому, 3-й подпорутчику Кондыреву, а 5-й прапорщику Апостолу-Кегичу, приказав из них Быстрицкому в то же время арестовать барона Соловьева и Щипиллу, в Васильков тогда прибывших; но за медленностию Быстрицкого сам он Трухин арестовал их и посадил на гоуптвахту, и о том в подробности донес командовавшему дивизиею, а для усиления караулов послал нарочного за 2-ю, 3-ю и 4-ю мушкетерскими ротами, (из коих 3-ья и 4-я, как видно из имеющегося при деле начатого Трухиным к генералу князю Щербатову рапорта, прибыли в Васильков 30 декабря в 12 часов пополуночи), но в то время, когда по уведомлению полкового квартермистра Войниловича дожидался он Трухин того 30-го декабря приезда командовавшего дивизиею в квартире полкового командира * прибыл Муравьев-Апостол в Васильков с ротами 2-й гренадерскою и 5 мушкетерскою с заряженными ружьями, о чем ему Трухину дали знать тогда, как Муравьев был уже на плотине; он Трухин не зная тогда совершенно о намерении Муравьева приказал барабанщику ударить тревогу, дабы собрать людей и остановить его, однако собралось оных весьма мало, почему Трухин оставил часть из них охранять в квартире полкового командира, а чтобы не терять времяни с остальными пошел навстречу Муравьеву близь полкового цейхауза. Видя большую толпу людей в безобразных одеждах, при ней самого Муравьева, брата его, Бестужева-Рюмина, барона Соловьева, Щипиллу, Кузмина, Петина и Сухинова, всех вооруженных кто пистолетами, кто саблею, он Трухин шел прямо на Муравьева;

---

* Войниловичь был командирован от Трухина к генерал-маиору Тихановскому с донесением о происшествии и получил от Тихановского приказание объявить Трухину, что он сам прибудет в Васильков. *(Примеч. в подлинном)*

но сей по превосходительству своих сил сам предупредил его Трухина с своею толпою, а когда Трухин объяснил Муравьеву о верности и преданности своей вашему императорскому величеству, то Муравьев тогда же приказал сорвать с него эполеты, почему Сухинов сорвал оные с него Трухина, бросил на землю и топтал их ногами, потом оторвали у него Трухина шпагу и взяли его в шайку бунтовщиков, где толкали его и вскоре отвели на гоуптвахту под строгой арест, отколь даже без конвою по собственной надобности не выпускали его; после чего Муравьев с своею шайкою пошел к квартире полкового командира за знаменами и казенным денежным ящиком, а по возвращении с оными солдаты кричали ура! целую ночь и очень часто приходили к нему Трухину на гоуптвахту Щипилло и Мозалевский с заряженными пистолетами и пробовали есть ли порох на полке, кроме того был и Сухинов, спрашивая спит ли он Трухин или нет? В таком опасном положении провел он на гоуптвахте целую ночь; а поутру на другой день пришли к нему Щипилла, Кузмин, Сухинов и Мозалевский и объявили от Муравьева, чтоб он Трухин был спокоен, что Муравьев возмет его с собою и даст все выгоды; но как им Трухиным было сие отвергнуто, то те офицеры начали его ругать, говоря, что отказ сей Муравьеву не понравится, напоследок около позднего обеда собрались роты к выступлению в поход, стали в колонну, сколько он Трухин мог видеть из гоуптвахты чрез стекло в окошко, пили водку и были почти все пьяны, а Муравьев разъезжал на лошади, говоря что-то солдатам, потом пошли они по Белоцерковской дороге; при нем же Трухине оставался 3 мушкетерской роты унтер-офицер Сафронов, который чрез два часа после выступления объявил ему Трухину свободу, почему он в том предположении, что дорога к Белой Церкви была занята пикетами и разъездами Муравьева отправился вместе с адъютантом Павловым 1-м в город Киев и явился там к начальнику корпусного штаба генерал-маиору Красовскому.

Полковой адъютант поручик, ныне штабс-капитан Павлов 1-й, согласно с прописанным объяснением подполковника Трухина, присовокупляя, что когда 30 числа декабря часу во 2-м пополудни прибыл в квартиру полкового командира капитан Вульферт и объявил, что в недальнем расстоянии от города едет Гебель под присмотром солдат роты его Вульферта, то, чтобы не испугать конвоем семейства Гебеля послал Вульферт его Павлова для встречи Гебеля на плотине и для оставления конвойных где-либо за строением, исполнив сие поручение и проводив Гебеля до самой комнаты он Павлов также по приказанию Вульферта поставил кругом квартиры Гебеля часовых, дабы оные не впущали никого в комнаты; после сего не более получаса явился к нему Павлову в квартиру унтер-офицер Василий Яковлев, ездивший с братом его Павлова для поимки Муравьевых, и объявил, что он послан от Павлова 2-го для извещения, что Муравьев идет в штаб со 2-й гренадерскою и 5 мушкетерскою ротами с заряженными ружьями и с примкнутыми штыками, о чем он Павлов 1-й в то же время дал знать командиру полка и бывшим тогда у него в квартире подполковнику Трухину и капитану Вульферту, по распоряжению коих велев на гоуптвахте бить тревогу, сам возвратился к квартире Гебеля и приказал стоявшим у оной часовым в то ж время зарядить ружья; а чтоб ускорить время к сбору нижних чинов, находившихся в штабу, побежал в расположение 3 мушкетерской роты, дабы приказать барабанщику для вызова нижних чинов бить тревогу; но ненашед ни фельдфебеля, ни барабанщика, и узнав возвращаясь обратно к квартире, что Муравьев по прибытии с мятежниками к гоуптвахте, освободив из оной арестантов, сорвал эполеты и шпагу с Трухина и посадил его на гоуптвахту, он Павлов, не имея возможности проти-

виться бунтующим, и предполагая, что и ему будет равная участь, скрылся в доме васильковского городничего, сохраня полковую печать и клятвенное обещание, по коему полк приведен был к присяге. Сверх того 29 числа декабря был он Павлов в вечеру отыскиваем бароном Соловьевым и Щипиллою, однако посланный от них для разведывания о месте пребывания его с фальшивою запискою казенный денщик порутчика Сухинова был схвачен Трухиным в полковой канцелярии и посажен под арест. По выходе же бунтующих узнал он Павлов 1-й от писарей, находившихся в полковой канцелярии, что по прибытии Муравьева и по арестовании Трухина, Щипилла в то же время приходил с несколькими рядовыми в полковую канцелярию для отыскания его Павлова 1-го, и как в то время его там не было, то Щипилло обещал нескольким писарям дать на водку, с тем только, чтобы его Павлова 1-го отыскали, или сказали о месте его пребывания; потом Щипилло с вооруженными солдатами приходил на двор к земскому исправнику, а прапорщик Мозалевской с вооруженными солдатами отыскивал его Павлова в уездном казначействе, как объявлял ему о том уездный казначей Литвинов, да и ночью с 30 на 31 число до самого выступления их из города делали о нем Павлове 1-м розыски с приказанием от Муравьева, что ежели найдут его, то в то же время заколоть; о чем узнал он от двоюродного брата своего подпорутчика Кондырева.

Капитан Козлов, что по возвращении его с ротою из Трилес, куда командирован был он для взятия Муравьева-Апостола и прочих, приезжал к нему 31 числа пополуночи в 11 часов с приказанием от Муравьева-Апостола и подполковника Трухина полковой квартермистр подпорутчик Войниловичь, дабы 1-я гренадерская рота выступила на сборное место полка в селение Мотовиловку, и ожидала там прибытия их, при том Войниловичь объявлял ему Козлову и нижним чинам, что весь корпус будет собираться в городе Житомире; он Козлов собрав роту и выступив того же числа прибыл в Мотовиловку пополудни в 2 часа, куда также прибыл с полком подполковник Муравьев-Апостол с примкнутыми штыками и заряженными ружьями и остановив полк начал уговаривать 1-ю гренадерскую роту, чтоб следовала за ним Муравьевым, обещая им 10-ти летнюю службу; но как нижние чины не согласились, то бывшие при Муравьеве офицеры барон Соловьев, Щипилло, Кузмин, Сухинов, Апостол-Кегичь, Бестужев-Рюмин и два брата Муравьева ходили около роты с обнаженными шпагами и уговаривали нижних чинов; а когда и затем не соглашались они, то говоря, что ето по наущению его Козлова, хотели его изрубить, — однакож нижние чины окружив его Козлова не допустили к нему никого из упомянутых офицеров и после требуя от Муравьева приказа, по которому должны выступить в поход, спрашивали: «где наши начальники?» на что они все сказали: «что корпусного командира закололи, а дивизионного начальника заковали уже в кандалы, и что вместо Гебеля назначен полковым командиром Муравьев, продолжая уговаривать роту более двух часов, а после Муравьев отдал фельдфебелю той роты Бистрому приказание, чтоб оная разошлась по квартирам; однако нижние чины от него Козлова не отлучались и говорили все единогласно: «готовы тут померзнуть, а по квартирам не пойдем». Муравьев, видя такое несогласие, дал роте 25 р. на водку, а когда нижние чины не хотели брать, Муравьев насильно приказал взять унтер-офицеру Чернолику, обещая на другой день дать еще более, но нижние чины говорили, «что нам ваша водка не нужна». После чего Муравьев приказав ротам итти по квартирам в селение Мотовиловку, сам с караулом поехал на свою квартиру; он же Козлов не видя баталионного своего командира подполковника

Трухина отправился с ротой в дивизионную квартиру, куда и прибыл 1-го генваря.

Капитан Вульферт, что он с частию солдат своей роты, по прибытии с полковником Гебелем в Васильков, тотчас хотел отправиться к роте, но Гебель удержал его, чтобы присмотреть за караулами. Спустя не более полутора часа полковой адъютант Павлов 1-й объявил им, что Муравьев идет в Васильков с 5 мушкетерскою ротою с примкнутыми штыками и заряженными ружьями. — В то время подполковник Трухин велел ему Вульферту наиспешнейше отправиться и собрать роту, почему он по прибытии 31 декабря поутру послал на тройке лошадях к оному Трухину унтер-офицера Зиновея Тимофеева с рапортом: куда роте итти и что делать; на что в 10 часу получил чрез квартермистра Войниловича якобы от имени Трухина записку, дабы стоять и дожидаться прибытия его; между тем, как он Вульферт читал сию записку, Войниловичь говорил, первоначально гревшимся в корчме солдатам, что сюда будет весь полк, знамена и казенный ящик; а потом ему Вульферту чтобы шел прочь, ежели не хочет дожидаться знамен, но роты отнюдь не трогать. Приметив из сего изменничество, он Вульферт уговаривал роту быть верною вашему императорскому величеству, и после с согласия оной отлучился в селение Гребенки, полагая, по слухам, найти там генерал-маиора Тихановского и донеся об означенном происшествии получить приказание в надежде возвратиться к роте до прибытия еще Муравьева, приказав между тем фельдфебелю сказать подпоручику Анастасьеву, дабы при роте ожидал его возвращения и никаких приказаний от Муравьева не слушал, но не найдя в Гребенках генерал-маиора Тихановского отправился он Вульферт в дивизионную квартиру и явился к бывшему там корпусному командиру. Остаться при роте он Вульферт почел невозможным потому, что Муравьев по прибытии в Мотовиловку с 6 ротами, видя сопротивление вверенной ему Вульферту 1-й мушкетерской роты, легко мог бы с помощию превышающего количества бунтующих овладеть оною и он Вульферт быв окружен превосходными силами никак бы не мог противустоять; сверх сего он Вульферт почитал также невозможным начать дело без особого на сие приказания начальства.

Гвардейскаго жандармского полуескадрона порутчик Несмеянов под присягою, что точно прапорщик Скоков с дороги, когда ездили они вместе с Гебелем, для отыскания Муравьевых, был послан чрез Житомир в Васильков, а он Несмеянов поспешил прямо в Васильков с предписанием от Гебеля подполковнику Трухину, в случае появления там Муравьевых и Бестужева арестовать их, но не найдя их в Василькове, он Несмеянов поехал по Киевской проселочной дороге и в расположении 4-й мушкетерской роты получа с содействием штабс-капитана Маевского обывательских лошадей и в конвой одного унтер-офицера и 6-ть рядовых отправился далее, потом по возвращении в Васильков, узнав от Трухина о случившемся с Гебелем происшествии, тотчас поехал он в Трилесы вместе с прапорщиком Апостолом-Кегичем, посланным от Трухина для принятия от порутчика Кузмина 5 мушкетерской роты, и встретив на дороге прапорщика Скокова, велел ему ехать в Васильков, для исполнения возложенного поручения, буде застанет Муравьевых. При возвращении его Несмеянова в Васильков вместе с Кегичем и с васильковским земским исправником, коего они взяли с собою на дороге, подъезжая к заставе остановлены были они стоявшим там караулом, которой почти весь был в пьяном виде, где прапорщик Мозалевской с азартом и бранью с заряженными пистолетами угрожал ему Несмеянову смертию, ежели он будет противиться, потом Мозалевской, отобрав от него Несмеянова казенные и прогонные деньги 1340 р., да

собственных его 80 р., тут же дал солдатам 25 р., говоря: «нате вам ребята на водку». А самого его Несмеянова отвели в квартиру к штабс-капитану барону Соловьеву, где он и бывшие еще офицеры закричали: «поймали жандарма-варвара, он нас приехал погубить». Все ругались над ним Несмеяновым, спрашивали его, желает ли он с ними служить, склоняя его разными обольщениями, говоря: «мы не имеем государя, а ищем свободы, будем независимы, что цель сей свободы началась еще с 1814 года», повторяя неоднократно, что у нас нет государя, отзываясь весьма оскорбительно нащет особы вашего императорского величества, чего Несмеянов не смеет даже и пояснить, после чего отвели его в караульню и также уговаривали последовать за ними, а при несогласии его Несмеянова сказывали: «мы велим всех расстрелять, а Гебеля убить, у нас нет государя и мы никого не боимся». Наконец на другой день вывели его Несмеянова к собравшемуся полку, там присоединили к нему Скокова и после увели с собою в поход, но на 8 версте отпустили, почему они и явились в корпусную квартиру.

Подполковник Сергей Муравьев-Апостол и главные сообщники его — брат его, отставной подполковник Матвей Муравьев и подпорутчик Бестужев Рюмин, на спрос их при 3 корпусе сознались в том, что Катихизис сочинен Сергеем Муравьевым обще с Бестужевым-Рюминым,* что из них Сергей Муравьев ездил из полка в Житомир для того, чтобы по просьбе Бестужева-Рюмина исходатайствовать ему от корпусного командира отпуск в Москву для посещения отца его, а Матвей Муравьев отправился вместе с ним Сергеем потому, чтобы с ним не расстаться, приехавши к нему только в тот день из своей деревни что точно на возвратном пути их из Житомира Бестужев приехал к ним в Любар и известил их о приезде за ними жандармов и о забрании уже всех их бумаг в Василькове, почему все они трое, выехав из Любара и проехав Бердичев и Паволочи, остановились в Трилесах в надежде, что там их не отыщут; что подлинно оттоль посылал Сергей Муравьев-Апостол Бестужева-Рюмина в Брусилов, для разведывания не проезжалиль сии жандармы, уведомив вместе с тем порутчика Кузмина, бывшего в городе Василькове, о своем прибытии, прося его приехать, дабы узнать, что происходит в Василькове с тем, чтобы по полученным известиям куда-либо бежать для сокрытия себя; при чем Муравьевы-Апостолы в нанесении ран полковнику Гебелю, и в заговоре нащет возмущения не сознались, показывая:

Из них Сергей Муравьев, что полк один он возмутил, по случаю приезда за ним жандармов и что по сему самому случаю барон Соловьев, Щипилло и Сухинов, приехавшие в Трилесы по извещению Кузмина узнать, что там с ним Муравьевым делается, как равно и сам Кузмин, решились на все для избавления его Муравьева, и потому принуждены были напасть на полковника Гебеля; но прежде никаких связей, клонящихся к возмущению, он Сергей Муравьев с ними не имел, равно и участников на испровержение государственного правления у него не было.

Матвей Муравьев и Бестужев-Рюмин, что всему заговору в Черниговском полку был причиною приезд жандармов, какового прежде вовсе не существовало; что они ни к какому тайному обществу не принадлежат и об оном вовсе не знают; а последовал за Сергеем Муравьевым первый яко брат по приверженности к нему, а последний Бестужев потому пристал к Черниговскому полку, что за ним также приезжали жандармы, от которых хотел

---

* Означенный катихизис, как видно из донесения генерал-лейтенанта Рота от 19 минувшего генваря, переписывали набело полковые писаря, которые за сие и содержатся в Белой Церкве под арестом. *(Примеч. в подлинном)*

он чрез то избавиться. При чем Бестужев-Рюмин на вопрос: не приезжал ли к Муравьеву в день возмущения кто-либо из офицеров другой команды? объявил, что кроме подпорутчика 17 егерского полка Вадковского, да заходившего к ним в Василькове, когда полк был собран, какого-то гусарского полка офицера Ушакова, остановленного солдатами, никакого другого офицера, приезжавшего в Васильков к Муравьеву, он Бестужев не видал, да и тот Ушаков знаком с ними не был и тогда же ушел, получа конвой для свободного пропуска.*

После того, оба Муравьевы-Апостолы, Бестужев-Рюмин, также и подпорутчик Вадковский, оказавшийся сообщником их, по высочайшему повелению отправлены в Санктпетербург; а прочие офицеры, участвовавшие с Муравьевым-Апостолом в возмущении Черниговского пехотного полка, преданы суду при главной квартире 1-й армии.

Преступления сих последних, как видно из судопроизводства, заключаются в следующих обстоятельствах:

1-е.

О штабс-капитане бароне Соловьеве:

Оный Соловьев при допросе в штабе 3-го пехотного корпуса, также в главном дежурстве армии и пред военным судом, в связях с Муравьевыми, клонящихся к возмущению, в знании об оном и в нанесении в Трилесах ран полковнику Гебелю не признавался, показывая, что в Трилесы ездил он Соловьев случайно по одному только знакомству с порутчиком Кузминым, не зная о бытности там Муравьевых, что к Сергею Муравьеву присоединился он Соловьев по приглашению его, не зная впрочем никакой на то цели и не отстал в начале от него потому, что Щипилла имел за ним Соловьевым надзор. Когда же прибыли они в расположение 2-й гренадерской роты, то сказанный Муравьев, отдав приказание фельдфебелю о собрании оной, говорил ему Соловьеву вместе со Щипиллою о стремлении их к намерению восстановить вольность в России.

Прапорщик Мозалевский в дежурстве 1-й армии объявил и потом на очной ставке, данной ему с бароном Соловьевым, уличал сего последнего, что он после того, как был арестован подполковником Трухиным и потом освобожден подполковником Муравьевым, выйдя на плацъформу говорил солдатам, чтобы они не робели, что Гебель полковым командиром уж не будет и что срок службы сократится на 20-ть или 15-ть лет; при чем некоторых из них целовал; но Соловьев и в сем также не признавался.

Командир 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Рот, от 19 генваря 1826 года доносил главнокомандующему 1-ю армиею, что при спросе 1-й мушкетерской роты рядовые Ефим Шорин, Антон Русецкий, Иона Воробьев и Степан Семенов утверждали, что во время присяги вашему императорскому величеству, когда все офицеры и унтер-офицеры были вызваны к знаменам, барон Соловьев оставшись и при нижних чинах в полголоса, но довольно внятно, охуждая возобновлявшуюся присягу, говорил, что должно оставаться верными государю цесаревичу Константину Павловичу; что впрочем можно целовать крест и евангелие, лишь бы только в душе остаться ему преданными.

---

* Об Ушакове, по предписанию начальства, произведено было особое следствие, по которому никаких связей его с Муравьевым-Апостолом не обнаружено и следствие сие представлено от комиссии военного суда главнокомандующему 1-ю армиею при особом рапорте. *(Примеч. в подлинном)*

Означенные рядовые в военном суде показали, что действительно, когда они спросили у Соловьева: для чего так часто принимают присягу, Соловьев говорил им, что эта присяга напрасно принимается; что вторичное предписание об оной есть фальшивое; — и что впрочем можно целовать крест и евангелие, а в душе иметь другое; о его же императорском высочестве цесаревиче Соловьев ничего не говорил.

Подсудимый Соловьев в выговоре пред сими рядовыми означенных слов не сознался.

Военный министр уведомлял главнокомандующего 1-ю армиею, что подполковник Сергей Муравьев-Апостол, будучи допрашиван в высочайше учрежденном комитете для изыскания о злоумышленном обществе, между прочим показал, что барон Соловьев, Щипилла и Сухинов были членами тайного Славянского общества.

Напротив чего Соловьев и при священническом увещании не сделав ни в чем сознания объявил, что членом никакого тайного общества он не был и не знает оного.

Потом, когда военный министр, по высочайшему повелению, отнесся к главнокомандующему 1-ю армиею, чтобы оказавшегося прикосновенным к исследованию о тайном обществе злоумышленников Черниговского пехотного полка капитана Фурмана, отправить арестованным в Санктпетербург прямо к вашему императорскому величеству; то по распоряжению главнокомандующего Фурман предварительно был спрошен в военном суде и показал, что в 1825 году, во время нахождения 3-го копуса в лагерях под местечком Лещином, был он Фурман приглашен порутчиками Сухиновым и Кузминым в деревню, где квартировала 8-я артиллерийская бригада, под предлогом познакомиться с офицерами; ибо будет там и подполковник Муравьев-Апостол, пользовавшийся всеобщим уважением. По сему приглашению прибыв они, неизвестно ему Фурману в чью квартиру, нашли там множество офицеров, разных полков 8-й и 9-й дивизии, вообще особ до 30-ти, из коих знает только он Фурман Пензенского пехотного полка маиора Спиридова, капитана Тютчева, артиллерии порутчика Горбачевского, Черниговского пехотного полка офицеров барона Соловьева, Кузмина, Сухинова и Щипиллу, где также был адъютант артиллерии генерал-маиора Богуславского, по фамилии ему неизвестный; маиор Спиридов начал там говорить им: что общество, которое стараются увеличить, имеет целью доставить одинакие преимущества для всех вообще, что предоставил всевышний творец для рода человеческого; что в етом обществе самые умнейшие люди, а из Пензенского полка полковники, Швейковский и Тизенгаузен; что того дня приедут туда Муравьев и Бестужев, которые объявят им правила общества и сделают выборы всех членов, кто к какому кругу принадлежит; что главное старание общества должно состоять в том, чтобы привлечь к себе солдат, на которых вся надежда основана; для исполнения же предприятия сего, чтобы никто никак не смел ни переводов, ни отставок просить; а собрание сие держать в священнейшей тайне под смертною казнию; впрочем еще есть время отказаться тому, кто не надеется на себя, сохранив однако под той же казнию тайну; ибо в следующий раз намеревались произвести самую клятву; но как после сего Спиридов получил от Бестужева записку, что он не мог быть в тот вечер, и что о вторичном собрании известит особо, то все и разъехались. На другой день хотя Кузмин и говорил ему Фурману, что в следующий за тем день имеет быть последнее собрание, но он Фурман отказался от сего и кроме того одного раза, не был никогда и ничего более не слышал и не знает.

По случаю сему капитану Фурману с бароном Соловьевым дана очная ставка, при которой Соловьев, по долговременном увещании, был доведен до раскаяния и сознаваясь во всем вышеописанном, объяснял, что в феврале месяце 1825 года, во время нахождения его Соловьева в жолнерной команде при 3-м пехотном корпусе в местечке Чернякове, Пензенского пехотного полка порутчик Громнитский, сообщив ему Соловьеву сведение о тайном обществе, состоявшемся с давнего времени, в котором очень много особ достойных и умных, содействующих для перемены образа правления и для восстановления конституции, — взял в том от него Соловьева согласие и клятву, которая была уже им Громнитским написана, с таким условием, что он Соловьев будет отвечать смертию за нескромность, и открывать только людям, узнавши их характер; и что обязан он стараться увеличивать число людей и давать отчет о принятых в общество. Когда же после того были они вскоре из той команды распущены по полкам; то хотя он Соловьев данное Громнитскому слово содействовать и оставил без внимания, но тайну сохранял и никому оной не открывал. После сего в том же году во время сбора 3-го пехотного корпуса в местечке Лещине, пред самым смотром начальника главного штаба 1-й армии, генерал-адъютанта барона Толя, был он Соловьев вторично в то общество приглашен порутчиком Щипиллою, который дал знать ему Соловьеву, что по окончании лагерного времени должны собраться в деревню в 4-х верстах от Лещина, нарочно для сего сбора выбранную (которой названия он Соловьев не упомнит), для установления правил и действия; почему он Соловьев вместе со Щипиллою приехав в ту деревню, нашли там довольное число офицеров разных полков и артиллерийских рот 8 и 9-й бригад, из коих известны только ему Соловьеву: Пензенского пехотного полка маиор Спиридов, капитан Тютчев, порутчики Громнитский и Лисовский; 8-й бригады порутчик Горбачевский и адъютант генерал-маиора Богуславского Пестов; прочих же по первому знакомству не упомнит; маиор Спиридов точно там говорил о приезде Муравьева и Бестужева; однако в тот вечер Бестужев не приезжал, а прислал к Спиридову записку, что он тогда по важности дел не может быть к собранию, и что о том в другой раз будут они особенно извещены; но было ли вторичное собрание, он Соловьев не знает. При чем дополнил с чистосердечным сознанием, что он Соловьев был завлечен в то общество первоначально порутчиком Громнитским, а потом и беспрестанным внушением порутчика Щипиллы, который по частым свиданиям с подполковником Муравьевым, узнавая о принимаемых мерах, говорил ему Соловьеву, что он Щипилла читал у Муравьева письма от Горбачевского, что солдаты 8-й артиллерийской бригады с таким рвением ожидают начала действия, что офицеры, состоящие в сем обществе, не находят средства удержать их нетерпение; при чем также читал письмо от солдат 8-й дивизии из бывшего Семеновского полка, что они давно уже готовы исполнить внушенное им предприятие; что Муравьев поехал в корпусную квартиру не для отпуска, но чтоб известить всех о времени начать действие, каковое начало и предположено с Черниговского полка; что Муравьев будет у братьев своих командующих гусарскими полками: Ахтырским и Александрийским; что они первые выйдут к ним навстречу для присоединения, также готовы присоединиться и полки 9-й дивизии: Алексопольский и 17 егерский; и что им никакого не предстоит помешательства дойти до корпусной квартиры, где 8-ая дивизия и артиллерийская бригада встретят их, и тут исполня установление конституции, провозгласят свободу и равенство. Сверх сего Щипилла сказывал еще как о других, готовых к тому же корпусах, так и об общем ропоте войска; чем самым и подобными сему убеждениями так овладел легко-

мыслием и заблуждением его Соловьева, что он, не рассуждая ни о каких последствиях, был им руководим до самого начала возмущения. Он Соловьев, состоя в тайном обществе, вероятно был известен и подполковнику Муравьеву, который после объезда по изъясненному предмету, прибыв в селение Трилесы в квартиру порутчика Кузмина, уведомил его о сем запискою, и что он будет ожидать приезда его Кузмина вместе с Щипиллою, Сухиновым и им Соловьевым. По извещении их о том Сухиновым, отправились туда прежде Кузмин и Сухинов, а потом он Соловьев и Щипилла на нанятых лошадях и часу в 9-м приехали в квартиру Кузмина, где он уже находился, там узнали, что подполковник Муравьев с братом его были арестованы полковником Гебелем и жандармским офицером Лангом; он Соловьев не воображал ни о каких неприятных последствиях, пошел в комнату их и при отдании почтения подполковник Муравьев, оборотясь к нему Соловьеву говорил, что он приехал на неприятный случай. Слова сии принял он Соловьев за арест Муравьева. Потом полковник Гебель сказал ему Соловьеву, чтобы он ехал к своему месту, и что ему нельзя быть там; по сему Соловьев, выйдя из комнаты сказать, чтобы подъехали лошади, и объявя о том Щипилле, при возвращении вместе с ним в комнату, где были арестованные, повстречался с Лангом, которого лишь только он Соловьев пропустил, как Щипилла взяв ружье, устремился на него Ланга, проговоря: «что надобно убить его». Услышав сии слова и видя азартность Щипиллы, взял он Соловьев одной рукой за ружье, а другою притворя дверь комнаты сказал Щипилле: «что ты делаешь?» и старался отвлечь его от такового поступка; после сего, как и куда Ланг удалился, он Соловьев не знает; через несколько минут звал Ланга полковник Гебель, и как его уже не было, то вышел сам Гебель и встретясь с ним Соловьевым в сенях, позвал его в противную комнату от той, где были арестованные, куда тотчас вошли Кузмин, Сухинов и Щипилла.—Когда же полковник Гебель начал говорить им об отъезде их, Щипилла, схватя ружье, бросился на него, крича убить его, а он Соловьев от испуга убежал в комнату, где оставлены Муравьевы, но их уже не было там. Он Соловьев не мог найтиться, чтобы ему предпринять, и заметя вышибленное окно, в которое вероятно они выскочили, не понимает, что заставило и его Соловьева вылезть в оное, где уже увидел он полковника Гебеля в крови, которого продолжали еще бить Муравьев прикладом, Щипилла ружьем, а Кузмин шпагою. Подбежав к ним он Соловьев схватил Гебеля за руку и дернул его так, что он был отдален от них; но не понимает для спасения ли его или ко вреду, ибо он Соловьев, действительно, тогда не рассуждал о сем ничего; Кузмин же еще подбежав к Гебелю, сшиб его с ног и несколько раз колол его в спину. После чего, как полковник Гебель ушел и как Сухинов гнался за ним, он Соловьев не видал — отправившись тогда вместе с Щипиллою и Муравьевым в селение Ковалевку, в квартиру порутчика Петина. По приезде туда, Муравьев приказал собрать роту, и между тем рассказывал примеры из истории Риего, который проходил земли с тремя стами человек, и восстановил конституцию; а они с полком, чтобы не исполнили предприятия своего, тогда как все уже готово, и в особенности войско, которое очень недовольно. По прошествии не более часа, он Соловьев и Щипилла поехали в город Васильков, где пред светом на 30-е число были арестованы и посажены на гоуптвахту; а подполковник Муравьев прибыв того же числа в город со 2-ю гренадерскою и 5-ю мушкетерскою ротами, освободил их; 31 числа бывшие роты в городе соединясь выступили в Мотовиловку, где 1-го генваря имели дневку, 2-го отправились к селению Пологам, а 3-го числа пройдя Ковалевку на тракте к селению Трилесам были встречены отрядом гусар под

командою генерал-маиора Гейсмара и арестованы. Он Соловьев не делал прежде во всем точного сознания единственно потому, что между ими положена смертная клятва; и как еще не было ему известно открытие ясности дела, то по сей причине и опасался представить все в настоящем виде. Сии очные ставки утвердил барон Соловьев и на священническом увещании.

2-е.

О порутчике Сухинове:

Сей подсудимый переведен из Черниговского пехотного в Александрийский гусарский полк, с самого же определения в Черниговский пехотный полк пользовался особенным подполковника Муравьева-Апостола расположением и разными благодеяниями, чрез что впоследствии Сухинов, как сам он сознался пред судом, и сделался приверженным Муравьеву, который часто с ним Сухиновым имел разговор о правительстве, на которое Муравьев роптал, что оно худо держит правосудие, угнетает невинных и приводил к тому многие примеры, как то: о пристрастном расформировании Семеновского полка, о разжаловании совсем напрасно многих офицеров и о ссылке их в Сибирь, о тягости службы, о непомерных взысканиях, грубых обращениях начальников с подчиненными офицерами, и что нет у нас должного закона, который заменяет одно слово начальника и прочее, в чем и он Сухинов во многом с Муравьевым согласился. По сему Муравьев, видя в нем человека соответствующего намерениям его, быть может и оказывал ему Сухинову некоторые пожертвования, ибо по старанию Муравьева был он Сухинов переведен в гусарский полк и получил от него на обмундировку 1200 руб., но о дальнейших намерениях Муравьева и о коварных его замыслах, он Сухинов ничего не знал до 1825 года. В том же году, во время бытности корпуса в лагерях под местечком Лещином, с повода приверженности его Сухинова к Муравьеву, был он Сухинов приглашен в тайное общество, состоявшим в оном порутчиком Кузминым, который объявил ему Сухинову, что в сем обществе состоят сочленами,— генералы: начальник штаба 2-й армии Киселев, Орлов, князь Волконский, Потемкин, Сипягин; из штаб-офицеров 3-го корпуса: полковники: Швейковский, Тизенгаузен, Враницкий и Муравьев 1-й, также и во многих других случаях указывал Кузмин прочих офицеров, а в особенности гусарских полков: Ахтырского Семичева; принца Оранского подполковника Левенштерна, штабс-ротмистров Жукова, Паскевича, конной артиллерии— Бутовича и комисариатского чиновника 3-го корпуса Иванова, говоря, что они также принадлежат к обществу; потом непомнит которого числа он Сухинов, по приглашению Кузмина, обще с капитаном Фурманом, бароном Соловьевым, Щипиллою, Полтавского пехотного полка порутчиком Усовским, подпрапорщиком Драгомановым и бригадным адъютантом Шахиревым, прибыли вечером в деревню, недалеко отстоящую от Лещина, где расположена 8-я артиллерийская бригада, в предположенное быть там собрание, где нашли многое число пехотных, артиллерийских офицеров и юнкеров, из коих известны ему Сухинову только Пензенского полка маиор Спиридов, капитан Тютчев, порутчики Громнитский и Лисовский, Саратовского подпорутчик Мозгалевский и артиллерийские: порутчик Горбачевский, подпорутчики Андреевич, Бечасной и Борисов, хотя же в тот вечер и ожидали Муравьева и Бестужева, но они отозвавшись другими занятиями, не приезжали туда; почему из числа собравшихся маиор Спиридов начал всем им декламировать, что сие общество (названное им) благомыслящих имеет цель восстановить конституцию, и доставить одинакие для всех

преимущества; что оно должно быть разделено по округам на дивизии с тем, чтобы не знать одному другого в сношениях; притом Спиридов читал им правила обязанности каждого, состоящие в том, чтобы стараться более поселить в людях дух, стремящийся к общей их цели, приглашать к тому других и до времени переносить все несправедливости и даже самое дерзкое обращение своих начальников, умалчивая вовсе об оных; а после от него Сухинова была отобрана клятва во-первых в том, чтобы хранить сию тайну под смертною казнию; и во-вторых чтоб быть твердым в духе и непоколебимым в начинавшихся предприятиях; но к какому округу кто принадлежит, сколько их всех быть долженствовало, в чем в особенности из них каждого предположена была должность, с которого времени, с какого именно округа, как и чем располагали начать действие, то по неприбытию тогда ни Муравьева ни Бестужева, которые должны были объяснить о сем в подробности, не объявлено им, а отложено было до другого времени; однако он, Сухинов, в другой раз не был в собрании, и хотя он по совершении клятвы вместе с Кузминым, Фурманом, Соловьевым и Щипиллою настоятельно требовали показать им верхнюю думу, о которой носились тогда в собрании слухи, и истолковать им об оной, но Спиридов не объяснил им того, ссылаясь на то, что должны знать о том высшие, которые составляют особый круг; тем и кончилось собрание. По сей причине и за несовершенным тогда открытием сего общества, он Сухинов ничем не действовал и никого к тому не приглашал, сохраняя только тайну; с какого ж времени общество сие восприяло свое начало, он Сухинов настояще не знал, однако слышал только из общего разговора, что существует с 1815 года, а от самого Муравьева, что скоро начнется действие; и все переделается, но какими способами, не объяснял; сам он Сухинов, судя по столь великой массе, составившейся для заговора, предполагал, что должно будет употребить к тому оружие; по переводе его Сухинова из Черниговского пехотного в Александрийский гусарский полк, с позволения полкового командира полковника Муравьева, оставаясь он Сухинов на некоторое время для обмундирования себя в Киеве, был между тем и в городе Василькове, где порутчик Кузмин по смене роты его с караула 28 числа декабря 1825 года вечером пригласил его к себе; в сие время рядовой 5 мушкетерской роты Савицкий доставил Кузмину от подполковника Муравьева записку, коею требовал он к себе Кузмина, барона Соловьева и Щипиллу, почему он Сухинов и поехал вместе с Кузминым в Трилесы, где был ротный его двор; подъезжая к квартире Кузмина, увидели при оной караул и множество людей, кои объявили, что находились там полковник Гебель и заарестованный им подполковник Муравьев. Войдя в комнату, застали их пившими чай вместе с жандармским офицером Лангом, а в другой комнате увидели брата Муравьева, также арестованным неизвестно за что. После чего по приказанию Гебеля он, Сухинов, тогда же было отправился из Трилес, но встретясь на дороге с Соловьевым и Щипиллою объявил им, что там полковой командир и оба Муравьевы, а чрез несколько времени и сам он Сухинов возвратился в квартиру Кузмина, где увидя в людях суетливость, а порутчика Щипиллу схватившего в азарте ружье со штыком и намеревавшегося убить Ланга, он Сухинов не допустил его к тому; Щипилла же оставя Ланга побежал к полковнику Гебелю, а он Сухинов и Ланг поспешили в дом священника, и там упросил он, Сухинов, скрыть Ланга.* Возвратясь оттуда в испуге увидел уже Муравьева на свободе вместе с Кузминым, кои бегали с ружьями, а подойдя к нему Сухинову, с свирепостию

---

* Порутчик Ланг согласно сему объявил под присягою. *(Примеч. в подлинном)*

спрашивали: где жандармский офицер? и когда он сказал, что ушел; то по приказанию Муравьева догнал он Сухинов на лошади полковника Гебеля, и видя его уже окровавленного, приказал шедшему на тот раз по дороге рядовому Максиму Иванову перевязать ему Гебелю голову; потом не обращая его в Трилесы, отправил вместе с каптенармусом Якубовским далее, чтобы дать ему вспомоществование. Прийдя же к Муравьеву и Кузмину объявил он Сухинов им: что якобы Гебеля отбили от него множество солдат. Муравьев подойдя к нему Сухинову с ружьем и с азартностью требовал следовать за ним; на что он Сухинов и согласился. После сего Муравьев начал говорить, что он ездил единственно для того к гусарам, в 8 дивизию и к полякам; но зачем к сим последним ему Сухинову неизвестно, а уверял Кузмин, что Муравьев был у Житомирского маршала Мошинского, чрез которого он имеет все дела с поляками. От чего вышеписанное происшествие случилось в Трилесах, он Сухинов не знает и заговора о сем никакого не было; ибо по приезде Соловьева и Щипиллы он Сухинов не входил более в комнату, чему были свидетелями офицер Ланг, бывший на часах жандарм, рядовые Алексей Григорьев, Алексей Рогачев и денщик порутчика Кузнецова по имяни Базиет; хотя же он Сухинов, чувствуя себя невинно увлеченным, желал отстать от них, но они заметя сию робость, начали ободрять его Сухинова, говоря, что везде уже начаты дела; во уверение чего Муравьев показывал ему неизвестное ему французское письмо, которое отставной Муравьев переводил, что в столице вся армия в действии, равно 3-го корпуса гусарские полки: Ахтырский и Принца Оранского, артиллерийская бригада 8-й дивизии, 4-го корпуса кавалерийская дивизия, и многие пехотные полки того корпуса; и что Бестужев поскакал в Алексопольский и Полтавский пехотные полки, чтобы и они также начали; почему он Сухинов, будучи легковерным и мало сведущим, решительно во всем согласился следовать за ними. Подполковник Муравьев-Апостол, барон Соловьев и Щипилла отправились вперед в Ковалевку, где квартировала 2-я гренадерская рота, потом выступили туда, он Сухинов с отставным подполковником Муравьевым, Кузминым и с собранною им 5-ю мушкетерскою ротою; по прибытии же в квартиру порутчика Петина, нашли там Муравьевых, пивших уже чай, которым Петин подчивал их. Потом Сергей Муравьев присоединя к 5-й мушкетерской 2-ю гренадерскую роту, объявил о цели их собрания и расположил там по тесным квартирам; между тем вынимая из запечатанного чемодана бумаги, бросал их в огонь и жег, а после при порутчике Петине и при солдатах, чтобы более уверить всех и вселить в них твердость духа, читал письмо артиллерийского порутчика Горбачевского, в коем он прописывал все свои действия, и требовал, чтобы были начаты дела, и что люди их до такой уже степени вооружены, что сами уже начинают чрез внушение Андреевича, Бечаснова и Борисова; что они еще всячески стараются их удержать, но далее не в состоянии будут сделать сего и что заряды все в готовности. Переночевав все у порутчика Петина, на другой день при выступлении оттоль, Муравьев уговаривая солдат о цели намерений своих, клялся доставить им счастие, каковую клятву требовал взаимно и от них с тем, что есть ли кто изменит, того заколоть, и с тем отправились в Васильков, не доходя коего, по приказанию Муравьева, со взводом гренадеров, он Сухинов отправился вперед взять с квартиры полкового командира знамена, денежный ящик и арестовать подполковника Трухина, полковника Гебеля и весь дом сего последнего; но как Трухин, сам к нему Сухинову шел навстречу; то он Сухинов, подойдя к Трухину, объявил ему приказание Муравьева об аресте его, почему Трухин начал тотчас было вынимать шпагу, при каковом случае, неизвестно ему Сухинову кем, была оная

сорвана, эполетов же он не срывал с Трухина, и кто и каким образом сделал сие не приметил, по случаю окружения Трухина толпою бунтующих гренадер; в невинности своей по сему предмету ссылается он Сухинов на подсудимых: Петина, Сизиневского, Кондырева, Мозалевского, князя Мещерского и отставного капитана Дубовика; сверх того подпорутчика Кондырева он Сухинов на гоуптвахту не сажал; а по взятии из квартиры полкового командира знамен и казенного ящика он Сухинов отдал оные подполковнику Муравьеву, и после был сам поставлен с Кузминым на квартиру, отколь до самого выступления из Василькова никуда уже не выходил. Нащет возмущения рот и склонения к тому офицеров, не имел он Сухинов никакого от Муравьева поручения; заряженными пистолетами никого не угрожал; внушения к непризнанию над собой высочайшей власти и к последованию вольности, он Сухинов никому не делал; не знает также и того, кем именно были собраны 3-я, 4-я и 6 роты. На другой день по собрании рот в Василькове, по отслужений, с приказания подполковника Муравьева, полковым священником молебна, и по прочтении наконец какого-то катихизиса, выступили все в поход по тракту к Белой Церкви, при чем была поручена ему Сухинову в команду 6-я рота. По приходе в Мотовиловку Муравьев уговаривал собравшиеся там две роты 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую, бывшие при капитане Козлове, следовать за ним; но что далее происходило, ему Сухинову не известно, потому что он тотчас с Кузминым отправился тогда на квартиру. Во время дневки в означенном селении присовокупилась еще и 2-я мушкетерская рота, но с каким офицером неизвестен; по прибытии их в Пологи, заняли, он Сухинов, Щипилла, Кузмин и Соловьев все посты; а по приходе в Ковалевку, Муравьев узнав о приближении к ним кавалерии и артиллерии, начал еще более ободрять всех солдат, говоря, что они будто бы следовали к ним для присоединения, и что присоединится также к ним и драгунская дивизия. Напротив того при выступлении из Ковалевки встречены были они гусарским отрядом, и хотя против оного Муравьев построил колонну; но по первому в них выстрелу из орудия, он Сухинов, видя совсем несогласное сказанному Муравьевым, бросился с некоторыми нижними чинами бежать, и скрывшись первоначально в деревне Мазеницах, просидел там в пустом погребе до ночи, колебаясь в предположениях своих куда деваться; потом решился пуститься на произвол судьбы, совершенно без планов, и пошел в южную сторону, переходя из деревни в деревню, нигде не останавливаясь; наконец, догнал его на дороге ехавший на паре лошадей неизвестный ему Сухинову шляхтичь, и подвез его по найму до местечка Корсуна, где оставив того шляхтича на торгу, и купив там на имевшиеся у него Сухинова деньги партикулярное платье, отправился он в дальнейший путь. А дойдя до горда Черкаска и купив там в казначействе гербовую бумагу, составил сам себе фальшивый пашпорт, потом на бывшей там же ярморке купив лошадь с саньми, поехал прямо к Кременчугу и на дороге в неизвестной деревушке остановившись в одной корчме, достал мелу, вырезал печать по форме Александрийского уездного суда и приложил к тому пашпорту, подписав оный вместо известных ему членов того суда, по служению его Сухинова там, до вступления еще из статской в военную службу. После чего он Сухинов, проезжая Дубосары, решился написать письмо к своему брату Степану, служащему в Александрийском уездном суде, единственно для того, чтобы дать правительству случай взять себя, зная, что письма такого рода перехватываются;* ибо он Сухинов

* В сем письме Сухинов просил брата своего выпросить ему у отца денег 50 руб. и переслать в Кишинев; ибо он знает положение его, что он по всему находился в крайности; что он Сухинов здоров и покуда еще щастлив, что влекло его любопытство о какой-

и сам уже намеревался явиться начальству, но ужас содеянного им преступления колебал его в сем предприятии. По разнесшимся же слухам, что ищут его, он Сухинов пробрался в Кишинев и нанял там себе квартиру по 15 р. в месяц; но прожил в оной до взятия его под арест 11-ть только дней. Будучи в столь ужасном положении, не имел он Сухинов нигде постоянного пристанища, и шатался по разным местам, равно и родственников своих, кроме вышеозначенного письма, во время своего побега не извещал о себе; к укрывательству своему ни советов, ни способов никаких от них и ни от кого другого не имел, и даже родственники его вовсе не были о нем известны.* Будучи же в Черниговском полку он Сухинов, подполковник Муравьев и товарищи его никакого развращения нижним чинам и предварительного с ними заговора не делали, но всегда старался Муравьев привязывать к себе нижних чинов, то избавлением от наказания по заслуженным ими винам, то иногда денежными подарками, почему солдаты имели к нему большую преданность и приверженность, так, что по одному только слову Муравьева, из доверенности к нему, на все оказывали готовность свою; в рассуждении ж сношений Муравьева с солдатами других полков, было им Сухиновым замечено, особенно в лагере под Лещином, что приходило к нему по нескольку солдат Пензенского, Тамбовского и Саратовского пехотных полков из бывшего (как и сам Муравьев говорил) Семеновского полка, из коих многим давал он деньги, для какой же именно цели, не было еще тогда ему Сухинову известно; но уже во время возмущения Черниговского полка Бестужев и сам Муравьев рассказывали, что они имеют большую надежду на Пензенский и Саратовский полки, посредством семеновских солдат; и что один Саратовского полка рядовой, коего знает Бестужев, поклялся привести полк без офицеров.—Сверх сего однажды после постороннего между ими разговора, когда наклонился таковой к Семеновскому полку, Бестужев вскочив со стула, начал с жаром говорить: «Вот каков имеют дух семеновские солдаты, что один из них, — не припомнит он Сухинов какого именно полка,—приходил к ним и дал торжественную клятву, что при первом смотре должен будет из ружья застрелить монарха». Сие подтвердил ему Сухинову бывший в то время с ними разжалованный из полковников в рядовые Башмаков, и как кажется ему Сухинову, были также при сем разговоре Соловьев и Фурман.

Напротив того, нижеозначенные подсудимые в военном суде объявили и на очных ставках, данных им с порутчиком Сухиновым, уличали его.

Порутчик Сизиневский, что когда подполковник Трухин окружен был мятежниками, то видел он Сизиневский, как Сухинов, подойдя к Трухину с заряженными пистолетами, сорвал с него эполеты.

Штабс-капитан Маевский, что он ходил в Василькове к приверженцам Муравьева просить увольнения от сообщества их, и они, в числе коих и Сухинов, на сие не согласились, а когда узнали, что Муравьев хотел отпустить его Маевского, то хотели убить его Маевского, как сказывала ему хозяйка квартиры Кузмина.

Порутчик Петин, что он везде был преследован в числе прочих приверженцев Муравьева и Сухиновым, по чему он Петин не мог отстать от

то известной ему бумаге: пошла ли она в дело или нет. — По перехвачении сего письма в Александрии, место пребывания Сухинова было открыто в Кишиневе, где он по распоряжению местного начальства и поиман. *(Примеч. в подлинном)*

* Над братиями Сухинова Степаном и Василием, служащими в Александрийском уездном суде, к коим Сухинов в средних числах генваря приезжал в Александрию, и прожил у них три дня, производится особое исследование по гражданской части. *(Примеч. в подлинном)*

Муравьева, который с Сухиновым и прочими сообщниками имел какой-то секрет.

Подпорутчики: Войниловичь, Кондырев и Рыбаковский, что Сухинов приидя из них к Войниловичу на квартиру, требовал под угрозами, чтобы он явился к Муравьеву; Кондырева же и Рыбаковского, шедших к гоуптвахте, когда били тревогу, а князя Мещерского, ехавшего туда же верхом на лошади, схватил с толпою солдат и у последних двух тогда же требовал согласия присоединиться к партии возмутителей, угрожая заряженными пистолетами, а с Кондырева он Сухинов сверх того сорвал эполеты и шпагу и посадил его на гоуптвахту.

Прапорщики Апостол-Кегичь и Белолюбский — что Сухинов часто читал солдатам возмутительный Катихизис и внушал им о вольности, говоря, что царя быть не должно; а когда солдаты стали сему внушению противиться, Сухинов сказал им, что они идут за царя Константина; при чем Кегичь дополнил, что когда он вместе с жандармским офицером Несмеяновым был остановлен в Василькове на заставе прапорщиком Мозалевским и отведен к приверженцам Муравьева, то они, в том числе и Сухинов, приглашали обоих их под угрозами смерти пристать к их шайке.

Но порутчик Сухинов на сих очных ставках сознался в том только, что он первый прийдя в город и приступя к Трухину с заряженным пистолетом, который он имел при себе на всякой случай, арестовал его, и как Трухин в то же время окружен был толпою гренадер, то каким образом сорваны были с него эполеты не заметил; что князя Мещерского, ехавшего к гоуптвахте, точно он Сухинов остановил и только советовал ему слезть с лошади, потому что иногда могли бы выйти какие-либо неприятности; и что он Сухинов действительно внушал солдатам о вольности. В прочем Сухинов во всем, выше сего подсудимыми офицерами показанном, сделал отрицание.

Сверх того при судопроизводстве Сухинов сознался, что он в свидетельстве, доставленном ему от брата его при переходе из пехоты в кавалерию, данном в 1825 году от предводителя дворянства Александрийского уезда, прибавил, что за отцом его Сухинова, вместо 4-х душ крестьян, состоит 42 души.

3-е.

О подпорутчике Быстрицком:

Оный Быстрицкий первоначально при 3-м пехотном корпусе объявил, что прежде не знал, кто начал делать заговор в Черниговском пехотном полку, и кто тогда участвовал в оном; а 30-го числа декабря 1825 года, после арестования им с бывшим при нем конвоем, по приказанию подполковника Трухина, барона Соловьева и Щипиллы, получа от Трухина предписание отправиться, как можно скорее, в местечко Германовку, и приняв там 2-ю мушкетерскую роту, прибыть с оною в то же время в город Васильков, он Быстрицкий прибыл в означенную роту и тогда же приказал фельдфебелю: дабы на другой день послать в капральства вестовых собрать оную на ротной двор и после следовать в полковой штаб; когда же ночью приехал рядовой 2-ой роты с донесением, чтобы рота скорее следовала; то он Быстрицкий велел бить сбор, и по утру 31-го декабря выступил в Васильков; но по прибытии туда не застал уже полка и долго не мог узнать, куда оный пошел; после повстречался с ним полковой казначей порутчик Сизиневский и сказал, что подполковник Муравьев пришел с двумя ротами и забрал всех военных чинов, знамена и казенный ящик и отправился в с. Мотовиловку, при чем разжалованный из офицеров Грахольский объявил ему Быстрицкому

именем Муравьева, чтобы он немедленно следовал со 2-й ротою на ночлег в большую Солтановку, а оттуда в Мотовиловку.*

Почему он Быстрицкий хотел было спросить у полкового командира Гебеля на то приказания; но как ему сказали, что Гебель болен и внутренняя стража не допускает к нему никого, подполковник же Трухин где тогда был неизвестно; то он Быстрицкий, опасаясь остаться в Василькове и не понимая, чтобы все то значило, решился следовать за знаменами и 1-го генваря соединясь с полком в Мотовиловке, сдал там роту, по приказанию Муравьева, барону Соловьеву; после он Быстрицкий не имел уже никакой команды. Во время происшедшего в городе Василькове бунта, был ли читан полковым священником пред фронтом и знаменами катихизис, кем оный сочинен и у кого после остался, ему Быстрицкому неизвестно, ибо он находился тогда в местечке Германовке при роте, а до того о случившемся бунте ничего не знал и не слыхал, как только говорили ему Быстрицкому: порутчик Щипилла, что из Василькова послан прапорщик Мозалевский в Киев с какими-то бумагами; и порутчик Сизиневский, что Муравьев с двумя ротами пришел в Васильков и вооруженною рукою заставил всех повиноваться ему. По сему он Быстрицкий полагает, что сии 2 роты более всех были привержены Муравьеву; со стороны своей он Быстрицкий ничего не говорил солдатам, да и не знал, какая была цель Муравьева, а соединился с полком единственно из боязни быть захваченным от однополчан его или от самого подполковника Муравьева; наконец, видел только он Быстрицкий, как офицеры отставали от полка в разные времена: в Мотовиловке штабс-капитан Маевский; в Пологах на походе подпорутчик Кондырев, прапорщики Кегичь и князь Мещерский; на дороге до Пологов казначей Сизиневский и квартермистр Войниловичь; в Ковалевке, порутчик Петин и подпорутчик Рыбаковский, — но по поручению ли какому-либо Муравьева или сами по себе, ему Быстрицкому неизвестно; к возмущению он не был приготовлен, вовсе о том не знал и никаких тайных связей с Муравьевым не имел.

4-е.

О прапорщике Мозалевском:

Сей подсудимый быв, как и выше значит, в 12 верстах от Киева поиман при спросе его в 4-м корпусе и в главном дежурстве 1-й армии показал, что он по болезни находился в полковом штабе в городе Василькове, а 30-го декабря 1825 года пополудни часу в 4-м, по прибытии в тот город подполковника Муравьева-Апостола со 2-ою гренадерскою и 5-ою мушкетерскою ротами, приходил к нему Мозалевскому на квартиру из разжалованных штабс-капитанов рядовой Грохольский и просил его от имени барона Соловьева, порутчиков Щипиллы, Кузмина, Петина и Сухинова придти к ним; когда же он Мозалевский сие исполнил, то все они предложили ему следовать с ними в Брусилов, говоря, что там собраны будут Алексопольский и Кременчугский пехотные, Александрийской и Ахтырской гусарские полки, — что подобно им и другие бунтуются; и что из Брусилова пойдут они в Житомир, где будто бы собрана уже и 8-я пехотная дивизия. Согласясь на сие предложение он Мозалевский в тот же вечер был наряжен с нижними чинами в караул на Богуславскую заставу с приказанием: брать всех проезжающих под арест и доносить об них подполковнику Муравьеву-Апостолу; почему им Мозалевским взяты были ночью жандармские офицеры Несмеянов и Ско-

* Что и Грохольский, как значится в замечании по выписке военного суда, подтвердил. *(Примеч. в подлинном)*

ков с отобранием у них денег: у первого 1100, а у последнего — 10 рублей, из коих первые с бумагами доставлены подполковнику Муравьеву, а последние отданы караульным; на другой день поутру часу в 12-ом, по смене с караула, был он Мозалевский позван к Муравьеву, который сделав ему наставление, чтобы был осторожен, дал ему надеть партикулярное платье, при чем вручив ему три катихизиса, запечатанные в конверте без надписи и письмо к маиору Курского пехотного полка Крупникову, приказал, чтобы отправился в Киев и там распечатав катихизисы отдал оные бывшим вместе с ним Мозалевским трем рядовым и одному унтер-офицеру в шинелях, у которых сам Муравьев отпорол погоны, с тем, чтобы сии нижние чины роздали оные катихизисы находившимся в Киеве солдатам; при отдаче же письма маиору Крупникову велел Муравьев сказать ему, чтобы он с баталионом шел в Брусилов на сборное место; * почему сии катихизисы по прибытии в Киев брошены солдатами в разных местах, на тот конец, чтобы оные были сысканы воинскими чинами, а письмо по неотыскании маиора Крупникова, осталось у него Мозалевского, и когда он в ту же ночь, в которую прибыл в город Киев, выехав из оного остановился в селении Борщевке в трактире кормить лошадей, то там был взят вместе с находившимися при нем нижними чинами каким-то чиновником и привезен обратно в Киев к тамошнему полиций-мейстру, а оттоль представлен в дежурство 4-го пехотного корпуса. При приглашении его Мозалевского к обществу возмутителей, никто не сделал ему никаких обещаний, а только говорили вышеупомянутые офицеры, что деньги у нас будут и никакой нужды ни в чем не потерпим, из нижних чинов также он Мозалевский не заметил никого главнейшим сообщником возмутителей; но все они будучи обласканы начальствовавшими возмутителями, и получая от них на вино деньги, напивались допьяна, а когда рота порутчика Кузмина просилась из Василькова на ротный двор в Трилесы для забрания вещей своих, то Кузмин дав на роту 200 руб. ассигнациями, говорил солдатам: «нейдите, мы ни в чем не будем нуждаться, сходим только в Брусилов и Житомир, а потом опять возвратимся в Васильков». Таким образом и другие ротные командиры обласкивали нижних чинов и давали им деньги; но знал ли кто из них настоящую цель предприятия возмутителей, ему Мозалевскому не известно, а только слышал он, по прибытии Муравьева со 2-ю гренадерскою и 5-ю мушкетерскою ротами в Васильков и по освобождении из под ареста барона Соловьева и Щипиллы, как первый из них, выйдя на плацформу говорил солдатам, чтобы они не робели; что подполковник Гебель не будет уже полковым командиром; что срок службы их сократится на 20 или на 15 лет; при чем он Соловьев целовал некоторых из них; о назначении времени к начатию возмущения и о настоящей тому причине, он Мозалевский не был известен, а полагает, что поводом был к сему арест подполковника Муравьева. 30-го же декабря порутчик Кузмин говорил ему Мозалевскому, что приезжавшие 26 числа того декабря в Васильков к Муравьеву два офицера: один Ахтырского гусарского полка, а другой конной артиллерии, объявляли Кузмину и порутчику Щипилле, что бунтуются Ахтырский и Александрийский гусарские полки и какая-то артиллерийская рота; что из числа тех двух офицеров видел тогда он Мозалевский одного артиллерийского, который росту высокого, лица белого, круглого, с черными усами, лет около 28; также и 30-го декабря видел он Мозалевский 17 егерского полка подпорутчиков Вадковского и Молчанова, кои были у гоуптвахты с Муравьевым, который при сем случае говорил солдатам:

* Показанного маиора Крупникова, в Курском полку, как удостоверяет начальство, вовсе не оказалось. *(Примеч. в подлинном)*

«вот и 17 егерский полк готов и с нами же пойдет в поход». Сверх того слышал он Мозалевский от порутчика Кузмина, якобы разжалованный (из полковников) Башмаков послан еще из Трилес Муравьевым в Ахтырский и Александрийский гусарские полки.*

В числе совокупившихся с Муравьевым в Василькове были и разжалованные из офицеров в рядовые: Грахольский, Ракуза и Тарасов, из коих первые два имели на себе офицерское платье.

Таковое показание подтвердил Мозалевский и в военном суде, поясняя, что он ни дополнить, ни отменить ничего не имеет, и что ни в каких связях с Муравьевым не состоял и ничем не был от него обольщаем.

Бывшие с Мозалевским в Киеве унтер-офицер Иван Харитонов и рядовые Павел Прокофьев, Алексей Федоров и Аким Сафронов при следствии объявили, что 31-го декабря 1825 года, когда Муравьев-Апостол, собрав полк в Василькове и зарядя ружья, вышел оттуда; то они Харитонов и рядовые были посланы с прапорщиком Мозалевским в Киев, по приезде же туда оставаясь из них Мозалевский на повозке посылал Павла Прокофьева в канцелярию Курского пехотного полка отыскивать маиора того полка Крупникова; однако не нашли его, а когда отъехав от канцелярии повстречали писаря того полка, то Мозалевский позвал его в трактир, где находился с ним с четверть часа; между тем послал из них Сафронова и велел данные ему какие-то три бумаги или записки бросить под ворота близ большой дороги, что Сафронов и исполнил, после чего по выезде из Киева были все они задержаны; на шинелях же у них Харитонова и рядовых эполеты отрезаны, по приказанию Мозалевского, для того, чтобы не знали, какого они полка.

5-е.

О штабс-капитане Маевском:

Оный Маевский первоначально при 4-м пехотном корпусе показал, что пред светом 30-го декабря 1825 года получил он от подполковника Трухина предписание, чтобы с бывшею в команде его Маевского 4-ю мушкетерскою ротою прибыл он как возможно поспешнее в Васильков, а есть ли хотя малейше промедлит, то подвергнет себя строжайшему взысканию; почему он Маевский тотчас сколько мог собрав людей отправился в Васильков; за остальными же послал по деревням нарочных и все части соединились уже с ним в Василькове, где он Маевский занял с тою ротою караул вместо 6-й мушкетерской, которая по смене, как слышал он, расположилась около города; в то же время он Маевский быв потребован Трухиным за приказанием слышал от него, что полковник Гебель в Трилесах жестоко изранен, в чем после удостоверился он Маевский и из рапорта капитана Козлова; потом вскоре привезли и полковника Гебеля, которого встретив он Маевский проводил до самой квартиры его; прежде вступления его Маевского в Васильков, Соловьев и Щипилла содержались уже на гоуптвахте, откуда из них последний был переведен в квартиру под особенным караулом, сходно данному на то от полкового командира чрез Трухина приказанию, при чем он Маевский, подозревая Мозалевского, ходившего тогда беспрерывно по улице, и как будто бы чего ожидавшего, доложил о сем тогда же полковому командиру, чтобы арестовать Мозалевского; но как между тем временем 2-я гренадерская и 5-я мушкетерская роты с Муравьевым шли уже в Васильков, то и не

* Башмаков в сем не признался, потом он, как видно из дела, по высочайшему повелению отправлен в Санктпетербург. *(Примеч. в подлинном)*

могли сего исполнить, будучи все тогда в беспокойстве. При вступлении означенных рот Сухинов идя впереди с толпою солдат с заряженными ружьями, в большом азарте буйствовал по городу, и тогда же освободили они из под ареста Соловьева и Щипиллу, а подполковнику Трухину причинили побои. *

Он Маевский от испуга, что намерены были лишить его жизни за то, что приказал бить тревогу, ушел и скрывшись в клуне просидел там до ночи, и хотя искали его, но не нашли. После перешел он Маевский в квартиру лекаря Никольского, которого, однако, не застал в оной, а видя себя в таком положении и не имея средств удалиться, решился и пошел к Муравьеву— прося его о защите, который обещав ему оную, отпустил его Маевского на свою квартиру, где нашел он Щипиллу с 3-ю мушкетерскою ротою, и между ими под арестом жандармского офицера Несмеянова; таким образом будучи он Маевский в безопасности, хотя впрочем и присматривали за ним, видя Несмеянова беспокоившимся и слыша, что хотели как его, так и полкового командира умертвить, ходил к офицерам осведомляться об участи их, и узнав от них, что намерение то оставлено, сказал о сем Несмеянову и тем успокоил его. На другой день 31-го декабря ходил он Маевский к офицерам и просил их, чтобы они устранили его от общества своего, представляя им, что он имеет родителей и родственников, которые только и живут пособием его; но они не соглашаясь на сие говорили, что Муравьев поможет ему, после был он Маевский у Муравьева, прося его о том же, который удерживая остаться, чтобы не жалел о том, уверял его Маевского, что 3 и 4 корпуса имеют такое же действие и выступят к Москве и Санктпетербургу. В таком случае не зная он Маевский, что делать, был офицерами поведен от Муравьева в квартиру его, где и заставили его Маевского, чтобы собрав роту свою приказал ей повиноваться Муравьеву, и только что он начал о том говорить, как те офицеры сами уже продолжали уговаривать объявляя, что якобы вся армия взбунтовалась. Между сим временем ходил он Маевский с объявлением о том к полковнику Гебелю и просил совета его, что ему делать? но Гебель отвечал, что надобно оставаться и ожидать удобного случая удалиться от них; когда же был читан пред фронтом и при знаменах полковым священником катихизис и потом полк выступил из Василькова, он Маевский не желая следовать с оным и испросив у Муравьева позволение, поехал на прежние квартиры в селение Плисецкое за вещьми своими и солдатским жалованием по тому, что выступя оттоль с ротою в Васильков оставил он все там, да и Муравьев приказал немедленно раздать жалованье людям и догнать полк в селении Мотовиловке, где он Муравьев полагал иметь с двумя ротами 1-ою гренадерскою и 1-ою мушкетерскою сопротивление; но как полк тогда должен был иметь ночлег в местечке Бишеве, то он Маевский уклонясь от бытности при таковом случае, отправился в Бишев и остался там ночевать. На другой день по утру 1-го генваря приидя он Маевский к квартировавшему в Бишеве ротному командиру Кременчугского пехотного полка спрашивал: что слышно? но получив ответ, что у них все спокойно и желая быть в таком же положении, ежели сказанное о спокойствии было действительно, предлагал тому ротному командиру арестовать себя и доставить к начальству; при чем открыл ему все слышанное от Муравьева,

* Из доставленного к сему делу списка о нижних чинах возмущенных рот видно, что когда офицеры поступили с Трухиным дерзко, то 2-й гренадерской роты рядовой Борисов ударил его по шеи, в чем хотя Борисов не признался; но рядовой Бабичев уличал его, что когда Сухинов с ругательством оборвал у Трухина шпагу и эполеты и толкнул его с произношением «берите его», то точно Борисов ударил Трухина по шеи. *(Примеч. в подлинном)*

и что он идет для соединения с Кременчугским полком, и скоро будет в Бишеве; упомянутый ротный командир на предложение его Маевского не согласился, будучи и сам в недоумении; к тому он Маевский слыша, что армия в замешательстве, не знал, что начать, хотя впрочем и имел еще случай к побегу; находившиеся же тогда при нем Маевском роты его солдаты, человек до 30-ти, быв отпущены из Василькова на прежние квартиры свои для забрания вещей своих, пришли после в Бишев, как он Маевский полагает по тому случаю, что полк долженствовал там ночевать; сии люди по большей части были рекруты из чуваш, почему он Маевский и не мог на верность их положиться. Дожидаясь прибытия в Бишев полка посылал он Маевский нарочных в Мотовиловку узнать о том, и получа записку от порутчика Щипиллы, чтобы он Маевский по приказанию Муравьева тотчас отправился в Мотовиловку на присланных от него подводах, исполнил сие тогда же, а записку бросил в Бишеве, и по прибытии со всеми при нем находившимися людьми в Мотовиловку, явясь он Маевский к Муравьеву, вновь просил его убедительно об увольнении своем; на сие Муравьев согласился с тем, что когда полк утром будет выступать, то отойдя версту или более под видом откомандировки его Маевского отпустит, что слыша Щипилла просил его Маевского итти в квартиру Кузмина и вместе ночевать. По прибытии туда узнал он Маевский от разжалованного Грохольского, что Мозалевский послан в Киев разведать: точно ли драгунская дивизия переправляется для соединения с ними. А когда он Маевский вышел из комнаты, Кузмин, Соловьев, Щипилла и Сухинов начали один другому говорить, что никого выпускать не должно, и положили намерение, есть ли только он Маевский отлучится, лишить его жизни; что слышала хозяйка дома и после рассказывала ему Маевскому; по чему он Маевский и согласился ночевать с ними, но под видом надобности в роте, пошел тогда к оной; ночью же дабы избежать их умысла вздумал было он Маевский уйти, однако расставленною цепью около селения удержан; а потому и принужден был переночевать. По утру 2-го генваря, когда цепь была снята и полк готовился к выступлению, он Маевский, избрав тогда удобный случай, верхом ускакал в лес; проезжая оным видел издали по дороге гнавшегося за ним офицера и двух солдат с ружьями, которые приехав в селение Плисецкое и взяв оттоль след гнались за ним лесом верст 6-ть до селения Солтановки; однако он Маевский пробрался в Васильков и явился к тамошнему городничему, от которого получа подводу прибыл с двумя конвойными в город Киев.

Потом Маевский подтверждая сие и в военном суде объяснял, что когда по выходе из клуни шел он к лекарю Никольскому, то подходя к квартире его повстречал пять человек солдат возвращавшихся с плацформы, которые узнав его закричали: «вот Маевский», от чего он тот же час бросился к лекарю Никольскому в кухню, прося денщика запереть его в оной и сходить узнать, что делается в городе, и ежели можно, призвать его Маевского денщика Алексея Комарова, остававшегося тогда на квартире его; тот денщик по прибытии объявил ему Маевскому, что Кузмин и Щипилла приходили несколько раз в квартиру его с пистолетами и Кузмин говорил при том: «щастлив его бог, что его Маевского не застали; однако (продолжал Кузмин) не избегнет он наших рук; за ним послано искать». В таком положении видя он Маевский невозможность укрыться от поисков их, потому более, что солдаты видели уже куда он тогда скрылся, решился явиться к Муравьеву, прося пощадить жизнь его; и когда получил от него ответ: «хорошо, ступай», то прийдя на квартиру свою нашел уже там караул из целой 3 мушкетерской роты, при порутчике Щипилле, и содержавшегося под арестом жандармского офицера Несмеянова, где также и он Маевский был арестован; но испрося

позволения у Щипиллы ходил с квартиры своей за присмотром к офицерам Кузмину, Соловьеву и Сухинову, с коими был тогда и еще какой-то офицер, кажется Мозалевский, узнать об участи Несмеянова и вместе с тем просить о себе, чтобы доложа Муравьеву уволили его Маевского от сообщества их, но они на сие не согласились; почему он Маевский под тем же присмотром и возвратился в квартиру свою; командуемая им Маевским рота собралась в Васильков часу в 10-м утра, число людей состояло тогда в оной не более 110-ти; он Маевский подозревал Мозалевского потому, что при вступлении своем в Васильков видел его выходившего из гоуптвахты, где содержались Соловьев и Щипилла, и что он потом ходил взад и вперед, как будто бы чего ожидал; по смене с караула 6-й роты, подполковник Трухин отпустил оную по квартирам, бывшим отведенными на форштате около города, до прибытия еще мятежников. Когда же он Маевский занял караул, то часа чрез четыре дано было знать о приближении к городу мятежников; почему он и не мог сделать никакого другого распоряжения, как только исполнить волю полкового командира, по приказанию коего оставив караул при Соловьеве и Щипилле, остальных затем всех людей привел к квартире оного полкового командира и велел им зарядить ружья; но Трухин, узнав о приближении мятежников, когда они вступили уже в город, приказал на гоуптвахте бить тревогу, и между тем, взяв от квартиры полкового командира всех тех людей, пошел с ними и с подпорутчиком Кондыревым к означенной гоуптвахте, за которыми было и он Маевский побежал; но видя, что Трухин в ту же минуту со всеми при нем солдатами был окружен толпою мятежников, он Маевский вынужденным нашел себя оставить Трухина потому более, что прибежавший тогда вестовой сказал ему Маевскому: «спасайтесь» и что при нем не было уже никакой команды. Он Маевский никогда не был участником Муравьева, не убеждал роты своей повиноваться ему, да и надобности в том не было; ибо она к мятежникам присоединилась еще накануне того дня, когда он Маевский приходил к ней и хотел только сказать, что случилось с полковым командиром. Получа он Маевский от Муравьева позволение отлучиться на ротный двор, хотя и желал отстать от него, для чего единственно заезжал он Маевский и к ротному командиру Кременчугского полка, где найдя 30-ть человек роты своей, уговаривал их не следовать за Муравьевым, что они прежде и обещали ему Маевскому; но когда из числа их один рядовой, посланный для разведывания о полке, на тот единственно конец, дабы ему Маевскому с сею командою удобнее можно было куда-нибудь пройти, не повстречаясь с Муравьевым, и явиться к начальству, — употребил доверенность сию во зло, и вместо того возвратясь отдал ему Маевскому записку от Муравьева, чтобы непременно явился к нему; то при сем случае и бывшие при нем Маевском солдаты, обольщенные тем рядовым, переменили намерение свое, а упомянутый ротный командир Кременчугского полка не сделал ему Маевскому никакой защиты; по сему он был принужден сверх желания своего опять явиться к подполковнику Муравьеву-Апостолу; нижних чинов, найденных им в Бишеве, он Маевский не знает, а помнит только из них унтерофицера Ивана Григорьева, который может показать и прочих имена, разведать же о полке посылан был рядовой Яков Васильев, с которым ездил также вместе и рядовой Борисов. Защиты у сказанного ротного командира просил он Маевский в том, чтобы он взяв его от солдат своих, на верность которых нельзя было положиться, представил начальству; ибо он сам собою явиться не мог, будучи везде преследован; но означенный офицер, узнав от него Маевского о всем происшествии, отозвался, что он не имеет к тому никакого средства, вероятно, опасаясь и сам нападения от возмутителя Муравьева.

При исследовании спрошенные показали:

Ротный командир Кременчугского пехотного полка порутчик Пржевалинский, что с рассветом 1-го генваря пришел к нему, лежавшему еще тогда на постели, офицер, и будучи незнаком ему Пржевалинскому, начал рекомендоваться, что он штабс-капитан Маевский, на вопрос же Пржевалинского: «куда он следует?» Маевский отвечал, что полк их идет в Житомир в караул; после чего Маевский спрашивал его Пржевалинского: «что у них слышно?» на сие Пржевалинский отвечал Маевскому: что у них ничего не слышно. За сим продолжал Маевский: давно ли он был в штабе? Пржевалинский же отвечал, что третьего дня возвратился оттоль, где полк присягал на верность службы вашему императорскому величеству; итак я вижу, сказал ему Маевский, что вы ничего не знаете, и начал рассказывать, что в полку их сделался бунт, что полкового командира изранили и когда по требованию его в полночь с ротою, прибыл он Маевский в штаб с большою торопливостью и занял караулы, то полковник Гебель призвав к себе его Маевского приказывал, чтобы поиманных из шайки бунтующих двух офицеров содержать строго под караулом, и едва он Маевский по получении такового приказания успел выйти от него, как вдруг повстречался с бежавшим к нему солдатом и кричавшим ему: «спасайтесь, вас хотят убить» и что 5 рота прийдя в город разогнала караул и выпустила арестантов. По сему он Маевский от испуга бросился бежать и спрятался в какой-то тростник; но каким после того случаем опять Маевский присоединился к ним, он Пржевалинский, будучи встревожен рассказом такового ужасного происшествия, не расспрашивал Маевского, который между тем сказал ему Пржевалинскому, что хотя он и желал бы остаться у него арестованным, но нельзя сего сделать потому, что полк их будет в ту ж минуту, и тогда вместе с ним Маевским убьют и его Пржевалинского. Между тем, как Маевский рассказывал сие, вызвал его на двор Черниговского пехотного полка солдат, с которым он поговоря пошел вместе и более уже не возвращался к нему Пржевалинскому; после сего, как он спешил одеваться, чтобы ехать в штаб с донесением о том полковому командиру, увидел много солдат вооруженных и ехавших на санях мимо квартиры его Пржевалинского; а куда они взяли направление, ему не известно, потому более, что он получа в ту ж минуту от полка предписание о самоскорейшем выступлении с ротою в штаб, должен был тогда на счет сей распорядиться. Маевский был у него Пржевалинского не более четверти часа и рассказывал ему все вышепрописанное с большою торопливостию; при чем никого не было из офицеров; он Пржевалинский никаких с Маевским связей не имел и видел его тогда в первый только раз; а по прибытии в штаб, о всем слышанном от Маевского он Пржевалинский объявил полковому своему командиру полковнику Набокову 2-му, который донесением своим генерал-маиору Чистякову подтвердил прописанное показание Пржевалинского.

Кременчугского пехотного полка фельдфебель Муштраган, под присягою: что 1-го генваря сего года, идя он с утренним рапортом к ротному своему командиру, видел в селении Бишеве, где расположен был ротный их двор, Черниговского пехотного полка двух вооруженных солдат, стоявших около избы; а возвращаясь после рапорта увидел опять того же полка одного солдата, который на спрос его фельдфебеля, зачем они там находились? ответствовал: что они пришли занимать квартиры для полка, который имеет вступить туда на ночлег, а на вопрос куда полк их идет? — отозвался тот солдат незнанием.

Того же полка подпрапорщик Шишков, каптенармус Котломин и унтерофицер Филиппов согласно с вышеизъясненным показанием Муштрагана.

Денщик Маевского Комаров, что во время возмущения в Василькове находился он безотлучно в квартире Маевского и что во все пребывание Муравьева в Василькове, не только показанные Маевским офицеры, но и никто не приходил в квартиру его.

Бывшие в 4-й роте Черниговского пехотного полка унтер-офицеры Григорьев, Костюков и Юрьев, рядовые Борисов, Яков и Иван Васильевы, Марко и Прокофий Ивановы и барабанщик Кармаленко, что 31-го декабря 1825 года находились они с прочими нижними чинами в Бишеве по приказанию Маевского, сделанному им при выступлении полка из Василькова в Мотовиловку на тот предмет, что полк из оного селения придет туда; * и что Маевский на другой день, не видя прибытия полка, посылал из них Борисова и Якова Васильева разведать где находится полк и получить от Муравьева приказание: дожидаться ли ему Маевскому в Бишеве или куда следовать; почему он Маевский по возвращении сих рядовых, получив приказание Муравьева, обратился к нему в Мотовиловку; но чтобы не следовать за Муравьевым, Маевский того вовсе не говорил нижним чинам, бывшим с ним в Бишеве, а только твердил, что долго полка нет.

Полковник Гебель на требование военного суда донес, что известясь он о приближении к городу Василькову мятежников, приказывал бывшему по караулам штабс-капитану Маевскому привести к себе в квартиру с гоуптвахты караульных солдат человек до 20 и зарядить ружья, а в случае наступления мятежников на гоуптвахту для освобождения арестованных Соловьева и Щипиллы заколоть их обоих. Более о Маевском ничего ему Гебелю не известно, ибо он при нашествии шайки бунтовщиков едва помнит, как спасен штаб-лекарем Никольским.

Противу вышеозначенных показаний нижних чинов подсудимый Маевский объяснял, что он точно посылал с квартиры лекаря Никольского денщика его, который по возвращении действительно говорил ему Маевскому об угрозах Кузмина и Щипиллы точно так, как и прежде им показано, в чем и означенный лекарский денщик может утвердить присягою на коего он Маевский и ссылается; несправедливость же показания денщика своего, будто бы никто не приходил на квартиру его Маевского во время бытности в Василькове возмутителей, может он Маевский также доказать присяжным показанием порутчика Несмеянова, который верно не отречется от того, что точно был при квартире его Маевского под командою порутчика Щипиллы караул от 3-й мушкетерской роты, где как его Маевского, так и Несмеянова караулили; ** что показание вышеупомянутых унтер-офицеров и рядовых так же несправедливо, ибо он Маевский не приказывал им следовать в Бишев и даже не знал, для чего они находились там, рядового Васильева посылал он Маевский разведать о Муравьеве для того, дабы ему Маевскому с оною командою, которая по уговору его обещала следовать за ним, можно было удобнее пройти куда-нибудь, избежав встречи с Муравьевым, и потом явиться начальству; но есть ли те нижние чины в последствии не признались и показали противное, то сие могло произойти от того, чтобы прикрыть вину свою; ибо они прежде обещались не следовать за Муравьевым, а после изменили и обратились к нему. К рот-

---

* Генерал князь Щербатов от 2-го генваря главнокомандующему 1-ю армиею доносил, что 1-го числа того генваря, по дошедшему к нему известию, один офицер и 30 рядовых по прибытии в Бишев объявили, что они посланы от Муравьева для занятия квартиры. *(Примеч. в подлинном)*

** Денщик лекаря Никольского не спрошен, а порутчик Несмеянов, хотя и спрошен под присягою, но из показания его не видно, чтобы он содержался вместе с Маевским. *(Примеч. в подлинном)*

ному командиру Кременчугского пехотного полка приезжал он Маевский точно с тою целию, как и прежде объяснил; намерения к возвращению не имел и никогда не был сообщником Муравьева, но признает себя виновным в том только, что он Маевский по малодушию своему, страшась угроз Муравьева и приверженцев, последовал за ним, с тем, однако, помышлением, чтобы при первом случае отстать от него.

На очной ставке порутчик Сухинов в принуждении Маевского следовать за Муравьевым-Апостолом не сознался, уличая Маевского, что он сам лично на другой день привел к Муравьеву в Мотовиловку, собравши из разных мест, роты своей нижних чинов человек до 30-ти; Маевский же к улике Сухинова ничего нового не представил, но еще делал ответы один другому не согласные и с замешательством, слагая уже делаемые ему принуждения, то на Кузмина, то на Щипиллу. Васильковский городничий на сделанный ему при исследовании вопрос отозвался, что 2-го генваря сего 1826 года пополудни в 5 часов, действительно Маевский приехав к нему городничему верхом на лошади, которая была вся измучена и едва только могла итти, объявлял, что он бежав от Муравьева из селения Мотовиловки был кем-то преследован из мятежников, отчего ехал уже лесами и буйераками, прося при том его городничего: дать ему Маевскому подводу и несколько конвойных для отправления в Киев, где он намерен явиться к высшему начальству; почему он городничий в то же время изготовил для него Маевского одну трехконную подводу и вытребовал двух инвалидных солдат с ружьями, в сопровождении коих Маевский того ж числа и отправился.

6-е.

О порутчике Петине.

Сей подсудимый первоначально при 4-м пехотном корпусе показал, что 29-го декабря 1825 года прибыв к нему подполковник Муравьев-Апостол с офицерами, велел бывшей в команде его Петина 2-й гренадерской роте быть в готовности, и отдав фельдфебелю особое приказание, остался ночевать, угрожая его Петина смертию, есть ли бы только осмелился он не выполнить воли Муравьева, и имея при том за ним Петиным наблюдение; почему он при всем желании своем отклонить от сего солдат не был в состоянии; в ту же самую ночь Муравьев жег отобранные было от него прежде полковником Гебелем бумаги; а из комнаты его Петина украдено со шкатулкою денег 700 рублей; на другой день Муравьев с пришедшею накануне 5 мушкетерскою ротою, поил солдат водкою и говорил им: «Служите за бога и веру для вольности», потом пошел с ними в город Васильков, где соединясь с 3-ю, 4-ю и 6-ю мушкетерскими ротами, 31-го числа выступил в селение Мотовиловку, куда прибыла и 2-я мушкетерская рота. Сделав там дневку 2-го генваря следовали с шестью ротами, имея направление к Белой Церкви; какое же при том было намерение Муравьева он Петин не знал; ибо ничего от него не слыхал, а только заметил, что Муравьев имел секрет с братьями своими и офицерами: Соловьевым, Сухиновым, Щипиллою и Кузминым и что солдатам почти всегда говорил о свободе и о том, что присоединятся к ним гусарские полки 3 корпуса, и что драгунская дивизия заняла уже Киев; по приходе в селение Пологи 3 генваря, он Петин, желая удалиться, и сговорившись с подпорутчиком Рыбаковским, уехал с ним от полка на собственных его лошадях в город Васильков, где оба они явились к подполковнику Трухину, который тогда же отправил их в Киев.

Потом Петин, подтверждая сие показание в военном суде присовокупил, что Муравьев приехал к нему в роту с бароном Соловьевым и Щипиллою часу в 11-м утра, а под вечер прибыли туда порутчик Сухинов, брат Муравьева отставной подполковник и порутчик Кузмин с 5-ю мушкетерскою ротою; что он Петин действительно замечал из поступков Муравьева, что они клонились к возмущению, тем более, что полковой командир был изранен им Муравьевым с сообщниками его, как он Петин в последствии узнал из разговоров их; но никаких мер к отвращению сего злодейского умысла принять он Петин не мог, ибо Муравьев с Щипиллою, прибыв в расположение роты его Петина, тотчас приступил к нему с заряженными пистолетами и угрожал ему смертию, есть ли бы только осмелился он противиться воле его, а фельдфебелю дал между тем приказание, чтобы рота была в готовности. От сего то самого потеряв он Петин присутствие духа и от страха и боязни не только не мог удержать роту от исполнения намерения Муравьева, которому она совершенно тогда предалась по обольщению его, но даже не зная, что должен был делать, нашелся вынужденным слепо и невольно повиноваться желанию Муравьева и последовать за ним, не имея в начале сего бунта удобного случая отстать от него потому, что приверженцами его: Сухиновым, Кузминым и бароном Соловьевым был везде преследован, которые, дабы увеличить шайку свою, наблюдали за ним Петиным неотступно, а он никак не мог до 3 генваря уклониться от их партии; но когда они не так уже строго начали за ним наблюдать, вероятно, имея хотя малую к нему доверенность, то он Петин заметив сие 3 генваря и согласясь с подпорутчиком Рыбаковским из деревни Пологов уехал с ним в Васильков, отстав от полка под предлогом побуждения шедших позади солдат; он Петин никаких связей с Муравьевым на злоумышление не имел и даже на пути службы никогда с ним не встречался; а дабы он Петин не ушел, то на всех квартирах его ставили часовых, которых он имен и прозваний не знает; равно при самом прибытии Муравьева в роту его Петина поставлены были от оной часовые, чтобы никуда не выпущать его Петина, которые с соблюдением сего приказания и стояли до самого выступления.

Нижние чины бывшей в команде Петина 2-й гренадерской роты показали: что по прибытии Муравьева часу в 8 или 9-м вечера, хотя караул и был наряжен в квартире Петина, но на счет того, чтобы иметь над кемлибо надзор, караульные не принимали ни от кого никакого приказания, кроме (как видно по показанию из числа сих нижних чинов унтер-офицера Николаева) от самого Петина, чтобы поставить в сенях одного часового и караулу быть на кухне; и что часовые не имея ефрейтора сами по себе сменялись; фельдфебель же в то время, когда Муравьев прибыл к роте, находился больным, и вместо его исправлял должность унтер-офицер Лазыкин, который никакого приказания от Муравьева не слыхал, а сам Петин дал ему приказание, дабы рота 30-го числа была готова к походу в Васильков. При чем все упомянутые нижние чины объявили, что они не заметили и не знают: был ли Петин от Муравьева или от кого другого принуждаем к чемулибо; что когда они в Василькове просились на свои квартиры, для забрания своего экипажа, Муравьев объявил им чрез Петина, что некогда итти; ибо должны были следовать тогда в Житомир, и дал на нужды их 150 руб. ассигнациями, а Петин сам от себя подарил им еще на водку 20 руб. Сверх того по приказанию Петина 1-й гренадерский взвод ходил, обще с порутчиком Сухиновым, в квартиру полкового командира и взял оттоль казенный ящик и знамена.

Подсудимый Петин и противу сего ни в чем не признаваясь объяснял, что когда Муравьев прибыл во 2-ю гренадерскую роту, то в сие время точно

был фельдфебель болен, а должность его исправлял унтер-офицер Лазыкин, которому Муравьев, после сделанных ему Петину угроз, велел собрать роту и целуя Лазыкина говорил, «что он надеется на него, что он не изменит храбрости своей», а Лазыкин взаимно говорил ему: «рад стараться до последней капли [крови] с вашим высокоблагородием»; после также целовал и обнадеживал другого унтер-офицера Николаева; а, наконец, по собрании роты уговаривал Муравьев всех нижних чинов, склоняя их к выступлению с ним в поход; чему он Петин, будучи угрожаем смертию и находясь под присмотром, не мог воспрепятствовать, да и сам принужден был следовать в Васильков, где рота его заняла караул, как на гоуптвахте, так и на заставах и ловили жандармов, посыланных за возмутителем Муравьевым; а 31 числа, когда он Петин пришел под присмотром Кузмина и Сухинова к подполковнику Муравьеву, то в сие время унтер-офицер Лазыкин начал его Петина просить, чтобы подполковник Муравьев позволил некоторым людям сходить за амуницией на квартиру, и хотя он Петин тогда же докладывал о сем Муравьеву, но он вместо того дал ему Петину, при подпорутчике Войниловиче, 170 руб., из коих 150 на исправление рубах, а достальные 20 руб. одному рядовому (коего имени не помнит) вместо забытых им на квартире денег; своих же собственных он Петин никому не дарил на водку, да и не было тогда у него денег, после уворованной с 700 рублями шкатулки, в чем могут утвердить казенные денщики, бывшие у него Петина Фома Леонтьев и штабс-капитана Глушкова Шапошников; полученные же им Петиным деньги отданы были тогда унтер-офицеру Лазыкину для раздачи нижним чинам, но кто они именно, припомнить не может; 1-й гренадерский взвод для забрания с квартиры полкового командира казенного ящика и знамен ходил с порутчиком Сухиновым, по приказанию подполковника Муравьева, а сам он Петин не отдавал никому такового приказания, с Муравьевым и сообщниками его никаких связей не имел, а состоявшая в команде его Петина рота склонилась на возмущение единственно по обольщению Муравьева; шкатулка с 700 рублями украдена в квартире его Петина, как полагает он, прибывшими с 5 ротою солдатами, из коих многие, по случаю, что Муравьев по приезде в Ковалевку прямо остановился в квартире его Петина, приходили к нему в пьяном виде за своими надобностями, коих Муравьев целуя уговаривал к мятежу, а они позволяли себе делать всякие беспорядки и вольности, от чего никто их удерживать не осмеливался; и хотя он Петин о покраже шкатулки тогда же объявлял Муравьеву, но он оставил сие без внимания.

На очной ставке, данной Петину с порутчиком Сухиновым, на счет соединения Петина с Муравьевым, Сухинов подтвердил прежнее свое показание, а Петин к улике Сухинова никаких доказательств не представил.

7-е.

О подпорутчике Войниловиче.

Оный Войниловичь первоначально при 4-м пехотном корпусе объявил, что после отъезда полковника Гебеля неизвестно куда с двумя жандармскими офицерами, 29-го числа декабря 1825 года капитан Козлов из селения Снитинки прислал командовавшему полком подполковнику Трухину рапорт, что Гебель привезен к нему солдатом весь израненный, и что для пользования его нужно прислать лекаря, который немедленно туда и отправился; в то же время Трухин командировал его Войниловича в означенное селение, вместе с жандармским офицером Скоковым, для осведомления, действительно ли справедливо донесение капитана Козлова. Они прибыв

туда точно нашли Гебеля раненого. После он Войниловичь возвратился к Трухину, а Скоков отправился с 1-ю гренадерскою ротою в расположение 5-й мушкетерской, для преследования Муравьевых и прочих, с ними участвовавших в том преступлении; когда же он Войниловичь возвратился в Васильков с приказанием от полковника Гебеля, чтобы есть ли кто из них окажется в городе арестовать, то в сие время узнали, что барон Соловьев и порутчик Щипилло, в отсутствие его Войниловича, приехали к нему на квартиру, куда были за ними посланы конвойные, которые, взяв их, посадили на гоуптвахту; а он Войниловичь оставался ту ночь вместе с полковым адъютантом в квартире подполковника Трухина, от коего на рассвете 30 числа был он Войниловичь послан с донесением о сем происшествии к командовавшему дивизиею генерал-маиору Тихановскому; по прибытию его Войниловича к нему, отдав он тот рапорт, объявил словесно обо всем, что только он Войниловичь видел и слышал; от него же Тихановского известился, что 5-я мушкетерская рота из квартир своих выступила в Васильков с заряженными ружьями и примкнутыми штыками; почему он Тихановский, при отдаче предписания Трухину на счет распоряжения по тому случаю, приказывал ему Войниловичу словесно: удвоить на всех постах караулы и взять все предосторожности; а когда 5 рота прибудет в Васильков вытребовать против оной еще две ближайшие роты и какие только надежнее для защищения в случае нападения; полковника же Гебеля сберегать и заготовить для него Тихановского по почтовому тракту лошадей потому, что он и сам хотел тотчас выехать в Васильков. Не доезжая одной версты до сего города, настиг он Войниловичь Муравьева, следовавшего уже в оной с двумя ротами 2-ю гренадерскою и 5-ю мушкетерскою. Там остановив, его Войниловича, по приказанию Муравьева, арестовали, взяли у него бумаги, и пустили одного в город на почтовых лошадях, где он Войниловичь повстречав подполковника Трухина, хотя и доносил ему о приказании генерал-маиора Тихановского, но Трухин в замешательстве видя приближение к городу Муравьева с ротами, оставил его Войниловича без внимания и приказав бить тревогу собрал караулы для удержания их стремления; в каковое время он Войниловичь ушел в дом секретаря и находясь в оном не видал, что происходило тогда на площади; после, пройдя глухим переулком в свою квартиру, застал в оной караул Муравьева, с таким приказанием, чтобы останавливать всех проезжающих и отбирать у них бумаги, а его Войниловича не выпускать из города. Чрез несколько времени был он Войниловичь позван к Муравьеву и получил от него приказание принять на весь полк месячную пропорцию провианта, что однако по позднему тогда времени было отложено, а поутру на другой день в 7 часов пришел к нему Войниловичу на квартиру порутчик Сухинов с заряженным пистолетом, угрожая, чтобы он Войниловичь не оставался, а шел за полком и не упущал бы никакого средства к выполнению предприятий Муравьева, в чем и требовал от него клятвы. Таким образом Сухинов, вынудив от него Войниловича согласие, ушел от него. После Муравьев позвал его к себе, велел ему принять провиант или вместо оного получить деньги; но когда комиссионер отозвался, что денег у него нет, а имеет только провиант, о чем было объявлено и Муравьеву; тогда он чрез него Войниловича поручил принять провиант полковому казначею Сизиневскому, который потом и доставил Муравьеву вырученные за сей провиант деньги, а его Войниловича Муравьев после того отправил с предписанием в 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты с двумя конвойными унтер-офицерами, приказав сверх того еще и словесно объявить солдатам тех рот: что будто бы его императорское высочество цесаревич Константин Павлович никогда

от царствования не отрекался, а письма о сем предмете фальшивые, удостоверяя, что прислан от его высочества из Варшавы польской офицер с тем, чтобы Муравьев прибыл с полком в Варшаву; (после он Войниловичь узнал, что тот офицер приехал не из Варшавы, а из Санктпетербурга, родной брат Муравьева, служивший в свите вашего императорского величества по квартирмейстерской части). Ротным же командирам между прочим приказал Муравьев объявить, что есть ли они не пожелают следовать за ним, то могут остаться. По сему он Войниловичь первоначально приехав в 1-ю мушкетерскую роту, бывшую под командою капитана Вульферта, застал оную собравшеюся у корчмы, где и объявил Вульферту означенное приказание. Вульферт потребовал тогда от Войниловича о сем предписания, которое он, получив и не прочтя оного от замешательства, возвратил ему обратно. После он Войниловичь поехал в 1-ю гренадерскую роту, чтобы оная прибыла туда же, где находилась и 1-ая мушкетерская; при чем объявил вышеозначенное приказание Муравьева капитану Козлову. При таковом отправлении его Войниловича в роты, Муравьев говорил ему, что есть ли он осмелится не выполнить данного ему приказания, то посланы будут за ним порутчик Сухинов и другие по разным дорогам, которые не приминут поймать и лишить его Войниловича жизни; сверх того приказал и отправленным с ним Войниловичем унтер-офицерам буде бы он вздумал ехать в другое какое-либо место, а не туда, куда было приказано, лишить его жизни, для чего те унтерсфицеры имели и заряженные ружья. Находясь он Войниловичь в столь крайних обстоятельствах, не был в состоянии ни явиться, как он желал, к своему начальству, ни дать какого-либо противного ротам приказания вопреки воле Муравьева; а потому исполнив оную и возвращаясь в Васильков, повстречался с шестью ротами, шедшими уже оттоль в Мотовиловку, где они, расположась, имели ночлег и дневку. В сие время расставлены были там караулы и цепь как для того, чтобы никто не мог отлучиться, так и для собственной безопасности своей; при чем Муравьев хотя приказывал ему Войниловичу принять 1-ю мушкетерскую роту, квартировавшую тогда в Мотовиловке, по небытности при оной капитана Вульферта; однако он Войниловичь под предлогом квартирмейстерской должности, и что старшие его не командовали, отказался от сего предложения. 2-го же генваря пред выступлением полка в Бишев, собраны были в квартиру Муравьева все офицеры, коим он приказывал быть в своих местах и уговаривая солдат, что будто бы его императорское высочество цесаревич Константин Павлович не отрекался от престола, и что есть в том одна интрига вашего императорского величества, ободрять их, дабы не теряли духу и в случае нападения отражались; однако он Войниловичь не говорил сего солдатам, имея намерение при первом случае удалиться от них; а потому согласясь с порутчиком Сизиневским и под предлогом надобности оставшись в корчме Зыбкой, уехали на обывательских лошадях в Васильков, где не найдя никого, и получа от тамошнего городничего лошадей, отправились в Киев; но в 3-х верстах не доезжая до оного повстречались с подполковником Трухиным, который сочтя их за единомышленников Муравьева и арестовав обоих, возвратился с ними в Киев к начальнику штаба 4-го пехотного корпуса; с Муравьевым и другими никакого участия он Войниловичь не имел и вовсе не знал намерения их.

Потом Войниловичь в военном суде подтверждая сие ответствовал, что он в то время, как возвращаясь из Белой Церкви в Васильков к подполковнику Трухину с приказанием генерал-маиора Тихановского, был захвачен Муравьевым и потом отпущен в город, действительно явясь к Трухину объявлял ему приказание Тихановского; но Трухин, махнув рукою,

сказал ему в ответ: «теперь не до вас», что он Войниловичь не получа от Трухина наставления, при том с дороги озяб и слыша уже крик и шум от входивших в город с Муравьевым солдат, решился от Трухина отлучиться в дом секретаря Кириенка, а от него следуя на свою квартиру, заходил к находившемуся при полку их под судом маиору Борщову и рассказав ему о сем происшествии, хотя также просил совета его, но никакого на то удовлетворения не получил, ибо Борщов прийдя от того в задумчивость начал плакать; после он Войниловичь возвратясь на свою квартиру, и получив там приказание от Муравьева, объявленное ему чрез порутчика Сухинова, при делаемых угрозах, явился к Муравьеву; в 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты ездил он Войниловичь не для бунта, но для объявления только приказания Муравьева; не остался же он Войниловичь в сих ротах потому, что Муравьев уверял его, что и оные были уже с ним согласны, а ротные командиры по сему предмету ничего не объявили ему; почему он Войниловичь и возвратился по прежнему в Васильков; но после того, отстав от Муравьева вместе с Сизиневским, поехал прежде в Васильков, а потом и в Киев, где оба они явились начальству.

Унтер-офицеры Николаев и Никитин показали, что при отъезде их с Войниловичем в 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты не только они не получали никакого от Муравьева приказания, но даже вовсе тогда не видели его; ибо по прибытии их к квартире Муравьева, по приказанию Войниловича, сели они на приготовленную подводу и отправились в помянутые роты вместе с Войниловичем, но для чего они не знают.

За всем тем Войниловичь утверждал, что сим унтер-офицерам точно было дано вышеозначенное приказание от Муравьева, но исполнили бы они таковое тогда, есть ли бы он Войниловичь поехал в противную сторону, не может он о сем удостоверить; последовал же он Войниловичь за бунтующими единственно по угрозам Муравьева и приверженцев его, а не по своей воле.

Состоящий по армии генерал-маиор Тихановский уведомил военный суд, что он по донесению подполковника Трухина, полученному им Тихановским от Войниловича, велел чрез него Трухину немедленно и сколь возможно скорее собрать роты, в особенности ближайшие, и быть в готовности, ожидая личного Тихановского туда прибытия для распоряжений; но Муравьев буйным вступлением в Васильков с двумя ротами предположенное им Тихановским действие к удержанию Муравьева предупредил; а есть ли не был он от Трухина встречен должным порядком, то полагать должно, что сие произошло или чрез промедление Войниловича, в том или другом случае, быть может, по последствию судя, с намерением сделанное, или с тем же умыслом чрез необъявление Трухину вполне приказания его Тихановского.

Черниговского пехотного полка бывшие ротные командиры: 1-й гренадерской капитан Козлов и 1-й мушкетерской капитан Вульферт, на вопросы суда: чем они отозвались подпорутчику Войниловичу, когда он приезжал в роты их с объявлением приказания Муравьева, что якобы его императорское высочество цесаревич Константин Павлович никогда от царствования не отрекался и что письма его высочества о сем фальшивые? объяснили: что Войниловичь означенных слов Козлову и Вульферту, равно и солдатам тех рот вовсе не говорил, а объявил из них Козлову приказание Муравьева и Трухина, дабы рота его как наискорее прибыла в Мотовиловку, отколь полк выступит в город Житомир, о чем сказывал Войниловичь и нижним чинам; на что Козлов отозвался, что он с ротою по приказанию Трухина в тот же час выступит в Мотовиловку и будет

ожидать прибытия его; Вульферту же Войниловичь сказал, что он привез письменное приказание Трухина, чтобы он Вульферт с ротой дожидал прибытия его в Мотовиловку.

8-е.

О порутчике Сизиневском.

Сей подсудимый явясь добровольно в штаб 4-го корпуса первоначально показал, что 29-го декабря 1825 года вечером часу в 7-м, прийдя в квартиру его штаб-лекарь Никольский и предъявя полученное им от капитана Козлова письмо, что полковник Гебель изранен, просил у него Сизиневского казенных лошадей ехать к Гебелю в селение Снитинку, о чем он Сизиневский объявил и подполковнику Трухину. На другой потом день слышал он Сизиневский, что Гебель капитаном Вульфертом был уже доставлен в полковой штаб; а вечером прибыл туда с двумя ротами подполковник Муравьев, который потребовав его Сизиневского к себе спрашивал: все ли деньги в казенном ящике? на что он Сизиневский отвечал ему Муравьеву: что артельные деньги все, а полковые находятся у полковника Гебеля; по чему Муравьев послал его Сизиневского к Гебелю за теми деньгами; но как Гебель был тогда болен без чувств, то жена его отвечала ему Сизиневскому, что полковые деньги унесены разжалованным из аудиторов Каблуковым; о чем он сказал Муравьеву. После того на другой день барон Соловьев объявил ему Сизиневскому приказание Муравьева, чтобы он распорядился на счет провианта; а когда подтвердил ему Сизиневскому о сем и Войниловичь, то он Сизиневский, вытребовав из васильковского магазейна на весь полк за генварь месяц провианта муки 300 и круп 28 четвертей с четвериками, оставил, по приказанию Муравьева, в том магазейне муки 62 четверти с пропорциею круп для находившихся тогда в городе Василькове людей; тот же вытребованный провиант продан и деньги отданы им Муравьеву, а в 12 часов пополуночи, пред выступлением полка в поход, получил он Сизиневский приказание скорее приготовить ящики, с которыми и выступили тотчас в селение Мотовиловку; он Сизиневский, хотя и получил от Муравьева по просьбе своей дозволение остаться в Василькове, но с тем, однако, чтобы на ночь непременно прибыть в Мотовиловку, что он Сизиневский выполнив явился вновь к Муравьеву. Когда же полк выступил из Мотовиловки, он Сизиневский отстал от оного в дороге вместе с подпорутчиком Войниловичем.

Потом в военном суде Сизиневский ответствовал, что хотя он по письму капитана Козлова точно был известен о нанесении ран полковому командиру, но о возмущении Муравьевым полка до самого прибытия его в Васильков вовсе не имел сведения; когда же было дано знать подполковнику Трухину о приближении к городу мятежников, и по приказанию его начали бить тревогу, тогда он Сизиневский находясь в цейхаузе, лишь только из оного вышел, дабы пуститься к гоуптвахте, как вдруг увидел Трухина, окруженного уже Муравьевым и солдатами; между тем, подойдя к Трухину, порутчик Сухинов с двумя пистолетами сорвал с него эполеты, а сам Муравьев оторвал шпагу, и тотчас повели Трухина на гоуптвахту. Видя сие из под угла цейхауза он Сизиневский оставил стремление свое к гоуптвахте, и прийдя в страхе спрятался было на квартире своей с тем, чтобы после сыскать случай укрыться где-нибудь; но едва он Сизиневский успел притти в квартиру, как в тот же самой час явились к нему 6-ть вооруженных солдат, коих он не знает по тому, что по обязанности казначея не командовал он никакою частию; да ежели бы и знал, то и тогда в минуту постигшего

его от прихода их ужаса и испуга, легко мог запомнить их. — Сии солдаты объявили ему Сизиневскому приказание Муравьева прибыть к нему, а в противном случае они его потащут; почему он Сизиневский принужден был, сверх желания своего, исполнить волю Муравьева, объявленную ему теми солдатами, не делая противу них никакого сопротивления, которое само по себе было бы бесполезно. После сего за деньгами хотя Муравьев и посылал его Сизиневского к полковнику Гебелю, но он Сизиневский, посоветовавшись с женою Гебеля, объявил Муравьеву, что полковые деньги все унесены разжалованным из аудиторов Каблуковым, хотя те деньги были еще тогда у Гебеля. Провианта он Сизиневский не требовал, а только по принуждению Муравьева расписался в приеме оного по имеющейся в магазейне провиантской книге; также сего провианта никому не продавал, но сам жид, по распоряжению Щипиллы, принес к Муравьеву за тот провиант деньги, всего 984 руб.,* а когда он Сизиневский оставшись в Василькове с дозволения Муравьева, под предлогом надобности своей, желал отклонясь от него, бежать в Киев и явиться там начальству; ибо к своей дивизии расположенной в Белой Церкве явиться не мог потому, что Муравьев сделал туда направление; то ходил он Сизиневский к полковому командиру и к подполковнику Трухину, просить их совета; но первый был тогда без чувств и только махнул ему рукою при штаб-лекаре Никольском, а последний сказал: «я и сам не знаю, что делать». С чем он Сизиневский и пошел на свою квартиру, куда прибыв тогда же прапорщик Мозалевский объявил ему: что он едет в Киев, где делается подобное возмущение. По сему он Сизиневский, не зная куда броситься и опасаясь присылки за ним от Муравьева, который угрожал тем его, есть ли бы к нему не возвратился, решился итти за ним с намерением остаться в 1-ой гренадерской роте в Мотовиловке; но как сей роты не было уже там, то он Сизиневский и должен был присоединиться к Муравьеву, до случая, пока мог спастись от него бегством; и потому 2-го генваря поутру отстав от полка обратился в Киев (узнав наперед от фельдшера Микулина, что нет там никакого возмущения), где и явился к генерал-маиору Красовскому, представя ключи от казенного ящика и конвертную печать; связей с Муравьевым он Сизиневский никаких не имел и в мятеже не участвовал.

При исследовании объяснили:

Штаб-лекарь Никольский и подполковник Трухин, что по выступлении Муравьева из Василькова, хотя Сизиневский приходил к полковому командиру и к Трухину, но из них первый, по случаю большой тогда слабости от полученных ран, совсем не мог видеть Сизиневского и ничего не говорил ему; а последний, за отлучкою из квартиры своей, не приметил Сизиневского; но только слышал от деньщиков, что Сизиневский приходил в квартиру его Трухина.

Разжалованный из штабс-капитанов в рядовые Дмитрий Грохольский, что на другой день после выступления Муравьева с полком из Василькова пошел он Грохольский к казначею Сизиневскому узнать, что ему делать? и получил от него Сизиневского ответ: «Я и сам собираюсь за полком».

Черниговского пехотного полка церковник Иван Ахлестин, что 31-го декабря 1825 года, во время нахождения подполковника Муравьева-Апо-

---

* Деньги сии, как видно из рапорта генерал-лейтенанта Рота, от 19-го генваря 1825 года к главнокомандующему 1-ю армиею, почти все отбиты у Муравьева при покорении мятежников, да и прочие Черниговского полка деньги, кроме 43 руб. артельных 2-й гренадерской роты, находятся в целости; а полковые суммы доставлены к нему Роту в Белую Церковь разжалованным из аудиторов Каблуковым. *(Примеч. в подлинном)*

стола в Василькове, когда полк был приготовлен к походу, полковой священник Кейзер посылал его Ахлестина к Муравьеву для узнания, что надобно служить? Порутчик же Сизиневский, находясь тогда при Муравьеве, говорил ему Ахлестину: чтобы сам священник как наискорее пришел в квартиру Муравьева для исправления молебна; потом когда он Ахлестин вторично был послан от священника к Муравьеву для узнания: скоро ли надобно служить? Сизиневский вторично сказывал ему Ахлестину, что нужен будет священник чрез полчаса.

Против сих показаний подсудимый Сизиневский быв вторично военным судом спрашиван показал, что он действительно приходил к подполковнику Трухину и просил наставления его, но Трухин отозвался: что и сам не знает, что делать? хотя же он Трухин объяснил, будто бы не видал его Сизиневского, однако сам Трухин утверждает, что он Сизиневский точно был в квартире его; а сие и доказывает, что Трухин о свиданьи его с ним может быть не припомнит; он Сизиневский был также по тому самому предмету и у полковника Гебеля, который видел его Сизиневского и махнул только рукою, будучи тогда действительно трудно слабым; а полковница именно сказала ему: «в етом случае всякому до себя». Рядовой Грохольский хотя точно приходил к нему Сизиневскому с заплаканными глазами, но будучи тогда и сам он в таком положении, что не знал, что делать, то и не мог дать Грохольскому никакого совета, как только сказать, что не получа ни от Трухина, ни от Гебеля наставления, собирается за полком с тем однако, чтобы при первом удобном случае отстать от оного и явиться к начальству, что им Сизиневским и сделано; а что он действительно не имел вовсе намерения следовать за Муравьевым, доказывается сие тем, что отстал он Сизиневский от Муравьева и явился начальству еще 2-го генваря, в то время, когда не был известен ни о каких последствиях, да и не потому отстал от Муравьева, что видел необходимость, но собственно потому, что не хотел быть в партии бунтовщиков. В распоряжение молебна он Сизиневский не входил, а в то время, когда Муравьев приказывал ему послать за священником, случилось там быть и церковнику Ахлестину, которому, однако, он Сизиневский особенно ничего не говорил на счет священника, но только повторил слова Муравьева, который тогда сам делал ему приказание; в другой же раз как приходил к Муравьеву тот церковник, он Сизиневский вовсе не видал и не знал даже, для чего был нужен священник; при чем Сизиневский повторяя, что он никаких связей с Муравьевым и приверженцами его, клонящихся к возмущению, не имел, обольщаем и подговариваем прежде никогда не был и цели их вовсе не знал, — сознает себя виновным в том, что он по малодушию своему и неопытности не пренебрег угроз Муравьева и прочих приверженцев его, но страшась оных последовал за ним, сделавшись чрез то невольным образом нарушителем присяги, в чем он Сизиневский и не хочет оправдываться, но повергает себя милосердию вашего императорского величества.

На требование военного суда отозвались:

Васильковский городничий, что Сизиневский и Войниловичь точно 2-го генваря прибыв в Васильков объявили ему с торопливостью побег свой от Муравьева и просили его о выдаче им записки о взятии почтовых лошадей, на коих они и отправились вскоре к городу Киеву.

Начальник штаба 4-го пехотного корпуса генерал-маиор Красовский, что действительно Сизиневский возвратившись от возмутителя Муравьева-Апостола явился к нему Красовскому 2-го генваря и, не объявляя ничего, представил конвертную печать и ключи (которые тогда же отданы подполковнику Трухину, находившемуся в Киеве).

9-е.

О подпорутчике Рыбаковском.

Оный Рыбаковский первоначально при 4 корпусе показал, что 30-го декабря 1825 года находился он в городе Василькове при 4-й мушкетерской роте, быв к оной прикомандирован из 2-й гренадерской, и когда услышал тревогу о вступлении туда Муравьева-Апостола с двумя ротами и занятии им всех постов своими караулами, то едва только он Рыбаковский вышел из квартиры своей, как в то же время порутчик Сухинов вооруженный пистолетами, подойдя к нему с толпою солдат, требовал от него согласия на их сообщничество. Таким образом он Рыбаковский видя себя окруженным и опасаясь могущих случиться от сопротивления последствий, принужден был повиноваться и по приказанию Муравьева поставлен у Киевской заставы с подтверждением, всех проезжающих останавливать, отбирать у них бумаги и деньги, и доставлять их с оными к Муравьеву; однако во время бытности его Рыбаковского на сем посту никого из проезжавших тогда не случилось. В следующий потом день с присоединенными ротами выступили все они в Мотовиловку, где 1-го генваря имели дневку; а 2-го выступив в селение Пологи, ночевали там; 3-го же генваря утром, по сделанному еще пред тем порутчиком Петиным уговору, оставшись они на марше сзади под видом понуждения обоза, чтобы следовал скорее не растягиваясь, и для собрания отставших людей, отдалились от полка, и избрав удобный случай, уехали оба на собственных своих лошадях в город Васильков, где явясь к подполковнику Трухину, были от него отправлены в Киев. Прежде того не имел он, Рыбаковский, никаких средств уйти от полка, ибо на все было обращено строгое внимание при всех предосторожностях их. Во время возмущения, Муравьев и сообщники его Соловьев, Сухинов, Кузмин и Щипилла сказывали солдатам, что они присоединятся к 8-й пехотной дивизии и пойдут далее, но куда именно не объявляли.

Потом в военном суде Рыбаковский, подтверждая прописанное показание свое, дополнил, что пред самым прибытием Муравьева в Васильков, после смены с дежурства по караулам, находился он, Рыбаковский, на своей квартире, не зная совершенно о злоумышленности Муравьева, а услыша он, Рыбаковский, что в городе били тревогу, тотчас побежал из квартиры своей к гоуптвахте, где увидел Муравьева и вдруг был окружен толпою мятежных солдат, при чем Сухинов подойдя к нему, Рыбаковскому, с заряженными пистолетами, угрожал ему смертию, есть ли он не последует за ними. В сие время он, Рыбаковский, не видал никого из офицеров своей роты, а подполковник Трухин сидел уже тогда на гоуптвахте. И как не было известно ему Рыбаковскому о собрании роты и о распоряжении, какое было до того сделано для сопротивления мятежников, то препятствовать стремлению бунтующих не имел он никакой возможности; доказательства же в вышеизъясненном случае не может он представить потому, что окружавшие его солдаты, быв чужих рот, вовсе ему неизвестны, а узнавать их тогда не было времяни; итак одно только доказательство есть — порутчик Сухинов, кроме прочих офицеров, которые подобно ему Рыбаковскому тогда же последовали за Муравьевым по одному только насилию; из поступков Муравьева и приверженцев его, хотя он Рыбаковский точно видел мятежнический дух, клонящийся ко всеобщему возмущению, но при всем желании своем отстать от них не мог он исполнить сего; а на заставу был он наряжен от Муравьева для одной только проформы, или лучше сказать, чтобы он Рыбаковский не ушел, ибо солдаты так присматривали за ним, что не имел

он свободы выходить далее, как только в сени, и сверх того у дверей его стоял часовой. По сему он Рыбаковский не только не успел бы уговорить солдат, которые были преданы Муравьеву по обольщению его, оставить заставу и итти с ним Рыбаковским, но еще таковым убеждением подвергнул бы себя вящей опасности; впрочем он Рыбаковский никаких на злоумышление связей с Муравьевым и с приверженцами его не имел и не был к тому ни от кого уговариваем и обольщаем; но будучи истинно чужд их партии, всегда желал удалиться от них; а когда увидел, что надзор за ним, который прежде был очень строгий, начал ослабевать, то при выступлении полка из селения Полог, отстав с порутчиком Петиным под предлогом побуждения обоза к скорейшему за полком следованию, уехали в Васильков и явились к подполковнику Трухину.

10-е.

О подпорутчике Кондыреве.

Сей подпорутчик в штабе 4-го корпуса объявил, что он к обществу Муравьева пристал насильно; ибо при самом еще начале бунта был посажен он на гоуптвахту вместе с маиором Трухиным; и хотя оттоль чрез полтора часа выпущен, однако и затем, когда он Кондырев пришел на свою квартиру, Щипилла и Кузмин, явясь к нему с заряженными пистолетами, принудили его итти к Муравьеву; на что он Кондырев должен был согласиться, в твердом намерении при первом случае отклониться от Муравьева, о чем еще в первый день возмущения согласились с ним князь Мещерский и Апостол-Кегичь; 30-го декабря приезжал в Васильков к Муравьеву неизвестный ему Кондыреву офицер в адъютантском мундире и в ту же ночь уехал, а 31-го декабря тот адъютант опять приезжал в Мотовиловку, но неизвестно когда назад уехал, коего он нигде прежде не видал и фамилии не знает. 2-го генваря по отлучке штабс-капитана Маевского поручена была ему Кондыреву 4-я мушкетерская рота, с которою и имел он ночлег в Пологах; а 3-го числа, когда начали бить сбор, он Кондырев с прапорщиками Кегичем и князем Мещерским уехали в Васильков.

Пред военным же судом Кондырев подтверждая сие пояснял, что о происшествии с полковником Гебелем узнал он, Кондырев, 30-го декабря тогда, когда уже привезли его в Васильков; а о возмущении полка известно ему стало по прибытии Муравьева, то-есть ввечеру 30-го числа; в то время как били тревогу, он Кондырев находясь в квартире своей и одевшись во всю форму побежал к гоуптвахте, но был встречен на дороге разжалованным из аудиторов Каблуковым, который объявил ему Кондыреву приказание Гебеля, чтобы он явился к нему; по явке же его Гебель приказал тотчас сменить прапорщика Белелюбского, бывшего на гоуптвахте караульным с таким подтверждением, чтобы Соловьева и Щипиллу, есть ли они покусятся к освобождению себя, — заколоть. Посему он Кондырев, хотя и поспешил на гоуптвахту, но не доходя еще до оной, увидел подполковника Муравьева с бунтующими и был там схвачен Сухиновым, при чем также был окружен бунтовщиками и подполковник Трухин, с коего, равно и с него Кондырева, сорвав эполеты и шпагу, тогда же отвели обоих их под арест на гоуптвахту, а чрез полтора часа, неизвестно по чьему приказанию, он Кондырев освобожден и отправился на свою квартиру, куда лишь только успел притти, как вдруг явились к нему Кузмин и Щипилла с пистолетами и под смертными угрозами исторгнули у него принужденное согласие соединиться с их партиею, потом повели его, Кондырева, к Муравьеву, который с такими же угрозами подтвердил ему приказание следовать с ним в шайке

приверженцев его; по чему он Кондырев, будучи в страхе, должен был оказать повиновение. По отлучке Маевского он, Кондырев, роты его по надлежащему не принимал, и никакой должности при оной не отправлял, а только при нем Кондыреве Муравьев сказывал фельдфебелю, чтобы он на счет роты относился к нему Кондыреву; однако ж сего не было на самом деле и все приказания фельдфебель получал от самого Муравьева. Следовательно было ему сказано относиться о роте к нему Кондыреву для одной только проформы; он, Кондырев, всегда желал удалиться от Муравьева и с тем только намерением последовал за ним; о чем в то время объявлял васильковским исправнику и городничему; но будучи везде преследован сообщниками Муравьева он Кондырев не имел сначала никакой к тому возможности; а 3-го генваря еще до рассвета, по общему согласию с прапорщиками князем Мещерским и Кегичем, сделанному ими еще тогда, как только последовали за Муравьевым, уехали все они в Васильков и явились там к подполковнику Трухину. К сему побегу способствовал им тот случай, что он, Кондырев, будучи по словам Муравьева в звании ротного командира, когда били сбор, приказал фельдфебелю, чтобы по заведенному порядку собирались все у квартиры Муравьева, а сам будто бы вслед за ними поедет на лошадях, которых и велел в тот же час запрягать; фельдфебель, не ослушаясь приказания сего, повел роту, а он Кондырев, с вышепоказанными офицерами, которые для сей только цели и ночевали тогда вместе с ним, уехал в Васильков; с Муравьевым и сообщниками его никаких связей не имел и вовсе не знал о злоумышленности их; насилие и угрозы более всех были оказываемы Кузминым, Сухиновым и Щипиллою, в чем равномерно участвовал и Соловьев; кто же именно был у Муравьева в адъютантском мундире, он Кондырев не знает, хотя прежде и видал его; но есть ли бы случилось еще увидеть, то по лицу тотчас узнал бы его.

Полковник Гебель на вопрос военного суда донес, что, известясь он о приближении 30-го декабря к городу Василькову мятежников, точно посылал разжалованного из аудиторов Каблукова за подпорутчиком Кондыревым и приказывал ему сменить стоявшего тогда на гоуптвахте прапорщика Белелюбского для того, что в нем не был уверен по молодости и несмелости его, чтобы он исполнил в точности отданное им Гебелем приказание колоть арестованных барона Соловьева и Щипиллу. Более ему Гебелю в рассуждении сих офицеров ничего неизвестно.

11-е.

О прапорщике князе Мещерском.

Сей подсудимый первоначально при 4-м корпусе показал, что быв он прикомандирован из 2-ой гренадерской в 6-ю мушкетерскую роту, находился при оной для содержания в городе Василькове караула, а по смене той 6-й роты 30-го декабря пополудни в бытность его в квартире своей, услышал он в городе тревогу, и когда выехал верхом посмотреть, то вдруг порутчик Сухинов с толпою солдат, окружа его князя Мещерского и приставляя к груди его пистолет говорил, чтобы он согласился быть участником их. Вслед за сим вступил в город и Муравьев с двумя ротами, который также делал ему Мещерскому угрозы, по чему он был принужден согласиться на их предложение; уйти же от них хотя тогда желал, но никак не мог по случаю расставленных везде караулов. На другой потом день выступил Муравьев с ротами в селение Мотовиловку, где 1-го генваря имели дневку, а после прибыли в селение Пологи, и когда оттоль Муравьев собравшись с ротами вышел, он князь Мещерский избрав удобный случай, и согласясь еще

прежде с Кондыревым, отстал от полка и уехал вместе с ним на лошадях Кондырева в Васильков, где явились к подполковнику Трухину, который тогда же отправил их в Киев; он князь Мещерский во время бытности при Муравьеве хотя и уговаривал некоторых солдат, на которых надеялся, чтобы оставили намерения свои, но они не хотели слушать его Мещерского, ибо сообщники Муравьева напротив того внушали солдатам, что гвардия, 4-й корпус и польская армия взбунтовались и соединятся все вместе.

Показание сие подтвердил князь Мещерский и в военном суде, присовокупляя, что о происшествии, случившемся с полковником Гебелем 29 декабря, узнал он Мещерский в тот же день от полкового адъютанта Павлова, но о возмущении полка не было известно ему князю Мещерскому до самого прибытия в Васильков Муравьева-Апостола с толпою мятежников, а по прибытии их 30-го декабря услышав он, Мещерский, тревогу, поехал на своей лошади к гоуптвахте, подле коей был остановлен порутчиком Сухиновым с толпою солдат, который требовал на присоединение к нему согласия и угрожал в противном случае смертию, наводя на него, Мещерского, заряженные пистолеты. Не постигая причины, к чему бы то клонилось, и не имея никакой возможности против Сухинова защищаться, был он, Мещерский, принужден, спасая жизнь свою, повиноваться ему. После чего Сухинов взяв его представил к подполковнику Муравьеву, бывшему там с толпою солдат, который также угрожал ему, Мещерскому, есть ли станет противиться желанию его. По сему он, Мещерский, будучи прежде всех захвачен бунтовщиками, не мог уже ни остановить стремления мятежной толпы, ни соединиться с подполковником Трухиным, который потом чрез несколько минут идя от полкового командира с караульными солдатами, впереди их с обнаженною шпагою к гоуптвахте против мятежников, подобно ему, Мещерскому, был окружен бунтовщиками, к которым присоединились и бывшие с Трухиным солдаты; при чем с Трухина Муравьев с приверженцами его сорвав эполеты и шпагу посадил на гоуптвахту. Видя из сего явное возмущение и бунт, хотя он, Мещерский, желал тогда же удалиться из шайки противу законных; но будучи всегда под присмотром, с самого того времяни, как только попался им в руки, принужден был последовать за Муравьевым, с тою только по истинне целию, чтобы при первом случае отстать от них; для чего при начале еще сговорился он обще с подпорутчиком Кондыревым и прапорщиком Кегичем, а 3-го генваря, при самом рассвете, как только начали бить сбор, он, Мещерский, Кондырев и Апостол-Кегичь уехали в Васильков и явились к подполковнику Трухину; 2-ой гренадерской роты рядовому Полетаеву, одному барабанщику, коего имяни не знают и еще солдату Волкову, во время бытности в Мотовиловке, опасаясь убеждать их настоятельно, говорил он князь Мещерский стороною, чтобы оставили намерение следовать за Муравьевым, но они отвечали прежде: «что идут за Константина», а потом, что и сами не знают что делать. Он, князь Мещерский, никакого намерения и связей к возмущению не имел, и не был к тому ни от кого подговорен и обольщен; в том же, что гвардия, 4-й корпус и польская армия будто бы взбунтовались и к ним присоединятся, уверяли солдат все вообще приверженцы Муравьева, в том числе и барон Соловьев.

12-е.

О прапорщике Апостоле-Кегиче.

Оный Апостол-Кегичь при 4-м корпусе показал, что находясь в должности баталионного адъютанта, 30-го декабря 1825 года, по получении уведомления

о причиненных ранах полковому командиру в расположении 5-й мушкетерской роты, был он, Кегичь, послан туда подполковником Трухиным, вместе с жандармским офицером Несмеяновым, для преследования Муравьева, но по прибытии означенной роты не застали там, ибо оная ушла во 2-ю гренадерскую; по чему возвратясь в Васильков нашли уже в оном Муравьева с двумя ротами; при чем схватив их арестовали, как и всех проезжающих останавливали и отбирали деньги, потом вскоре освободив его, Кегича, потребовали к Муравьеву, который приглашал его следовать с ним; он, Кегичь, будучи не в состоянии что-либо другое начать, принужден был на то согласиться; ибо в случае неповиновения угрожали смертию и имели за всеми особенное наблюденге; а преградя совершенно всякие к уходу средства расставленными везде караулами, за отлучившимися офицерами делали везде поиски. Засим, по соединении с другими еще ротами 31-го числа выступили в селение Мотовиловку, в коем 1-го генваря сего года имели дневку, а 2-го следовали в селение Пологи, где он, Кегичь, избрав удобный случай с Кондыревым и князем Мещерским уехал в Васильков; а по прибытии все они явились там к подполковнику Трухину, который отправил их в Киев. Во время означенного возмущения Муравьев и сообщники его Соловьев, Кузмин, Сухинов и Щипилла, часто читая солдатам катихизис, говорили им о вольности, что вся армия в движении, и что царя быть не должно; но когда люди стали последнему противиться, тогда объявляли, что они идут за царя Константина. Другим же офицерам, кроме поимянованных, никому никаких секретов не открывали и они ни о чем не знают.

Потом Апостол-Кегичь в военном суде утверждая сие показание ответствовал, что он от подполковника Трухина был послан с жандармским порутчиком Несмеяновым в расположение 5 мушкетерской роты с тем, чтобы принять оную в команду свою, а порутчика Кузмина и Муравьева-Апостола доставить в Васильков арестованных; что когда они, не найдя там роты, возвратились в Васильков, то действительно был уже там Муравьев с толпою мятежников, а Трухин содержался на гоуптвахте; что при самом въезде в Васильков были они остановлены прапорщиком Мозалевским, находившимся тогда с солдатами в карауле у заставы, при чем Мозалевский, взяв от него Несмеянова пистолет и приставляя к груди его, говорил: «Вы кровь нашу пьете». Потом были оба они доставлены в квартиру барона Соловьева, Кузмина, Щипиллы и Сухинова, отколь Несмеянова тотчас отослали на гоуптвахту, а его, Кегича, приглашали пристать к их шайке, угрожая в противном случае смертию; он Кегичь видя необходимость и страшась сих угроз невольным образом должен был показать им вид покорности, почему они тогда же отправили его к Муравьеву, который приказывал ему, Кегичу, присоединиться к сообщникам его, повторяя те же самые угрозы. После сего возвратясь он Кегичь в свою квартиру и зная к чему клонилось то принужденное приглашение его, хотя желал было в то время удалиться от мятежников, но к нещастию находился тогда при квартире его караул и потому не оставалось уже никакого средства, как сверх желания последовать за Муравьевым в твердом намерении отстать от него, где только возможность позволит, для чего сговорился он Кегичь с Кондыревым и князем Мещерским еще в Василькове; а 3-го генваря при самом рассвете, как только начали бить сбор и фельдфебель повел роту к квартире Муравьева, они воспользуясь сим случаем уехали в Васильков и явились к подполковнику Трухину; он Кегичь ни с кем из возмутителей никакой связи не имел и как обольщаем, так и подговариваем к этому никем не был; но по внезапности происшествия и неопытности своей не мог ни най-

тись в сем, ни изобресть что-либо к своему спасению. Не могши быть в том полезным, он старался иметь неутралитет до случая пока мог спастись бегством; а в то время, когда Муравьев уговаривал в Мотовиловке 1-ю гренадерскую роту, действительно он, Кегичь, как показал капитан Козлов, находился; но быв строго наблюдаем возмутителями боялся сказать что-нибудь не в их пользу, почему на вопрос унтер-офицера Конарова и рядового Нестерова, которых только мог он, Кегичь, приметить из числа многих: куда и по какому случаю Муравьев следует с полком? отвечал им двусмысленно: «что Муравьев обещает им какую-то вольность и десять лет только службы, и что какой конец будет сего происшествия, он, Кегичь, сам не знает и не может им дать совета». Впрочем уверял их (от чего они не должны отпереться), что Муравьев идет не за царя Константина, как их уговаривал, а за какую-то неизвестную ему, Кегичу, вольность. На что они сказав ему: что один бог и один государь быть должен, — сильно взволновались и кричали, что Муравьев обманывает их; и как тогда на сей раз приближились к нему, Кегичу, Кузмин и Бестужев, то он, не могши при них ничего говорить Конарову и Нестерову, тотчас пошел с Кузминым и Бестужевым на отведенную ему квартиру, быв и тем доволен, что хотя двусмысленно, но дал им понять о противных намерениях Муравьева, которыми он прельщал их; они же двусмысленные слова, может быть, не так поняли и быв от сего в заблуждении подозревают его, Кегича, в измене; впрочем справедливо то, что капитана Козлова хотели поймать и поступить с ним, как и с подполковником Трухиным, то-есть: оборвать все на нем и взять под арест, а может быть покушались и на самую жизнь его, чего, однако он, Кегичь, не слыхал; за всем тем признает он себя виновным, что по неопытности своей не мог найтись, как в таком случае поступить и последовал сверх желания и воли своей за возмутителями, чем нарушил присягу и не желает оправдываться, а предает участь свою милосердию и великодушию вашего императорского величества.

На очной ставке, данной капитану Козлову с прапорщиком Апостолом-Кегичем, утверждали:

Козлов, что во время прибытия Муравьева к 1-й гренадерской роте, кто именно пред оною ходил с обнаженною шпагою, совершенно не припомнит, но прапорщика Кегича с обнаженною шпагою не видал и ни от кого о том не слыхал, а после слышал только от унтер-офицера Батсукина, что когда он спрашивал у Кегича, что такое делается, то сей последний отвечал Батсукину, что хотят восстановить вольность; в рапорте же своем показал он Козлов на счет Кегича по ошибке, случившейся по скорости требованного от него при следствии объяснения.

Апостол же Кегичь, что он точно вышеписанный разговор имел с унтер-офицером Конаровым, при котором может быть находился тогда и унтер-офицер Батсукин, о котором однако же он, Кегичь, не припомнит. *

13-е.

О прапорщике Белелюбском.

Сей прапорщик первоначально при 4-м корпусе показал, что будучи он прикомандирован из 2-й к 3-й мушкетерской роте, 30-го декабря 1825 года находился в карауле на гоуптвахте в городе Василькове; подполковник Муравьев-Апостол, прибыв туда с двумя ротами, уговаривал караульных

* Означенные унтер-офицеры и рядовой Нестеров, чтобы были спрошены о разговоре их с Апостолом-Кегичем, по делу не видно. *(Примеч. в подлинном.)*

солдат о присоединении к нему под угрозами смерти; при чем освободил и всех содержавшихся на той гоуптвахте арестантов. Видя сие он Белелюбский скрылся до другого дня; но по выступлении Муравьева из Василькова в Мотовиловку, повстречаясь он с ним Белелюбским, приказал ему непременно быть при полку; почему он Белелюбский слыша еще накануне того дня произносимые Муравьевым угрозы, что есть ли кто ослушается тот подвергнет себя смерти, принужден был повиноваться. По приходе в Мотовиловку, имели там 1-го генваря дневку, где солдаты, напившись пьяны, грабили жителей, и хотя он, Белелюбский, намерен был в сие время уйти от них, но по случаю расставленной около всего селения цепи, не мог сего исполнить, а 2-го числа, когда цепь была снята, и полк собравшись вышел, он, Белелюбский, воспользовавшись, сим уехал на собственных своих лошадях в Васильков и явился к подполковнику Трухину, который отправил его в Киев. Во время возмущения Муравьев с братьями своими и офицерами: Соловьевым, Сухиновым, Кузминым и Щипиллою говорили солдатам, что они идут за веру и свободу, внушая им не признавать царя, а быть только им послушными; какая же была к тому цель Муравьева и сообщников его, он Белелюбский, не слыхал и вовсе не знает.

Потом Белелюбский в военном суде, утверждая сие показание, ответствовал, что о происшествии с полковником Гебелем и о последовавшем в полку возмущении узнал он, Белелюбский, тогда, когда уже Муравьев-Апостол с мятежниками прибыл в Васильков, а до того о приближении Муравьева к тому городу вовсе ни от кого не был известен и даже не знал, для чего подполковник Трухин, прийдя пред тем на гоуптвахту, где он, Белелюбский, находился в карауле, приказал барабанщику бить тревогу; ибо на спрос Трухина о том, он махнул только рукою, по чему и не мог Белелюбский присоединиться к нему во время вступления Муравьева в Васильков, не имея на то никакого от Трухина приказания, а самому ему Белелюбскому невозможно было делать сопротивления против мятежников, имея с собою в карауле не более 8 человек; ибо еще до прибытия бунтовщиков караульные солдаты были взяты в квартиру полкового командира, за коими Трухин пошел уже к Гебелю во время приближения мятежников; а что с Трухиным по прибытии их происходило, ему, Белелюбскому, совершенно неизвестно; поелику в то самое время Кузмин и Бестужев, исторгнув у него Белелюбского заряженными пистолетами под угрозами смерти невольное согласие присоединиться к их шайке, тотчас послали его для снятия всех по городу часовых и приведения их на гоуптвахту; но он, Белелюбский, вместо сего обратился в квартиру полкового адъютанта дабы скрыться; но не застав его в оной, ушел потом в свою квартиру, не зная же совершенно к чему клонилось все таковое происшествие, посылал вечером денщика своего узнать об оном, а денщик по возвращении ничего другого не объявил ему, кроме того, что подполковник Трухин посажен на гоуптвахту. После сего поутру на другой день сам он, Белелюбский, только что вышел из квартиры своей осведомиться о таковых необыкновенных новостях, как вдруг был встречен и остановлен на улице подполковником Муравьевым с какими-то двумя, не их полка офицерами, при чем Муравьев приказывая ему, Белелюбскому, соединиться с приверженцами его и стращая, есть ли б осмелился противиться желанию его, повел его на свою квартиру, куда по приказанию Муравьева прибыл и денщик его Белелюбского с лошадьми его и держал их там до самого выступления мятежников из Василькова; по чему он Белелюбский должен был последовать за Муравьевым, в твердом намерении отстать от него при первом случае, чего в начале никак не можно было исполнить потому, что солдаты за всеми, подобными ему Беле-

любскому офицерами имели крайний надсмотр, дабы никто не мог отлучиться. Он, Белелюбский, с мятежниками никаких связей не имел, обольщаем ими не был, и даже прежде вовсе о том не знал, отстав же от Муравьева 2-го генваря в селении Мотовиловке тогда, как полк пошел в поход и цепь была уже снята, уехал он, Белелюбский, на собственных своих лошадях по такой дороге, по которой есть ли б послали и преследовать его, было бы трудно найти в лесах, где блуждаясь во весь день, проехал не более 8-ми верст; а по прибытии 3-го числа в Васильков, явился там к подполковнику Трухину прежде всех офицеров; сообщники Муравьева, в том числе и барон Соловьев, во время возмущения внушали солдатам, что они идут за веру и царя Константина.

По ссылке из числа подсудимых поручика Петина, подпоручиков: Кондырева, Рыбаковского, прапорщиков Апостола-Кегича, князя Мещерского и Белелюбского, Васильковский городничий, земский исправник и подполковник Трухин быв спрошены удостоверили:

Первый, что подпоручик Кондырев 31-го декабря 1825 года в 10-ть часов утра действительно приходил к нему, городничему, и в отчаянии со слезами спрашивал: где скрывается двоюродный брат его штабс-капитан Павлов, говоря при том: «Ради бога спасите меня и его; мне непременно велено отыскать его и представить к Муравьеву; ежели сего не исполню, то должен буду от бунтующих лишиться жизни». При чем сказывал ему, городничему, чтобы был свидетелем, что он Кондырев за Муравьевым следует по неволе и чтобы в случае, когда бог даст ему освободиться от бунтующих, засвидетельствовал сие объявление его, Кондырева, пред начальством; ибо тогда преследовали его и скрыться было невозможно. Сверх сего приходили также к нему, городничему, с подобными объявлениями и просьбами: подпоручик Рыбаковский, прапорщик Апостол - Кегичь и князь Мещерский, объясняя, что за всеми ими был от Муравьева-Апостола особый надзор.

Второй, что того 31 декабря действительно приходили к нему, исправнику, подпоручики Кондырев и Рыбаковский, спрашивая нет ли у него адъютанта Павлова? а когда он, исправник, на сие отвечал им, что Павлов не скрывается у него, то Кондырев с заплаканными глазами говорил, что он по принуждению Муравьева послан от него отыскать Павлова и с ним следовать; и что за ним Кондыревым тогда присматривали.

А последний, что когда получил он, Трухин, от полкового адъютанта Павлова 1-го первое донесение о приближении к Василькову подполковника Муравьева с двумя ротами, то действительно из числа пришедших рот для содержания и усиления караулов, взяв он часть людей, бывших на часах у квартиры полкового командира, и сколько мог еще в тогдашнее короткое время собрать, выступил с ними навстречу подполковнику Муравьеву, но по приближении к нему те люди тотчас были вместе с ним Трухиным схвачены, и он посажен на гоуптвахту, где тогда в карауле стоял прапорщик Белелюбский, куда равномерно приведен был мятежниками и подпоручик Кондырев с оборванными эполетами, и посажен вместе с ним, Трухиным, но потом вскоре выпущен; поручик Петин, подпоручики Рыбаковский и Кондырев, прапорщики: князь Мещерский, Белелюбский и Апостол-Кегичь действительно после выступления Муравьева из Василькова 3-го числа генваря все в коротком один после другого времени явились к нему, Трухину, и объявили, что, найдя удобным случай, бежали от мятежников и чтобы он, Трухин, представил их ближайшему начальству; почему он того ж числа всех их представил корпусному командиру князю Щербатову.

14-е.

О подпорутчике 17-го егерского полка Молчанове.

Против вышеписанного показания прапорщика Мозалевского, что он 30-го декабря видел подпорутчиков Молчанова и Вадковского в Василькове, и что Муравьев говорил: «вот и 17 егерский полк готов и с нами же пойдет в поход», были спрашиваемы Вадковский и Молчанов, из коих первый объявил, что в Васильков выехал он, Вадковский, 30 декабря 1825 года утром, а пред сим выездом зайдя он в квартиру Молчанова, говорил ему что едет он, Вадковский, в Васильков по записке, писанной к нему подполковником Муравьевым-Апостолом о том, что их тайное общество открыто. Сию записку он, Вадковский, прочитал Молчанову, но так Молчанов был уже известен о существовании того общества, то и не расспрашивал его, Вадковского, об оном. Известность Молчанова о обществе заключает он, Вадковский, потому, что Муравьев в бытность в Белой Церкви назад тому с год, говоря ему Вадковскому, что Молчанов, как узнал он, Муравьев, известен о существовании того общества, спрашивал его, Вадковского, не он ли сказал о том Молчанову; но когда он, Вадковский, отвечал на сие отрицательно, тогда Муравьев просил его, чтобы был поосторожнее. Он, Вадковский, никогда с Молчановым о сем не говорил и Молчанов точно к тому обществу не принадлежит.

Молчанов же, при всех убеждениях суда не сознаваясь в бытности 30-го числа декабря в Василькове, ответствовал, что он по возвращении его из Белой Церкви, где был в полковом штабу для выполнения на верность подданства вашему императорскому величеству присяги, находился с вверенною ему частию в селении Трушках, занимаясь каждый день в окрестностях того селения охотою, и даже 31 декабря, когда он, Молчанов, арестован, намерен был также ехать на охоту; почему и к Муравьеву в Васильков вовсе не приезжал, никаких с ним связей никогда не имел, и в числе мятежников вовсе не был. А хотя Вадковский 30-го числа того декабря, выезжая из селения Трушков в Васильков, читал ему, Молчанову, полученную Вадковским от Муравьева-Апостола записку о том, что тайное общество их открыто, но в чем оное общество заключалось, с какого времени и на какой предмет существовало, ни от кого не был он, Молчанов, известен, да и того, что Вадковский и Муравьев принадлежали к сему обществу, до 30-го декабря вовсе не знал, а того числа, когда Вадковский объявил ему, Молчанову, о сей тайне, умалчивая однако, в чем оная существовала, то он, Молчанов, хотя и находил тайну сию противузаконною, но по убеждению Вадковского, чтобы сие держать в секрете, и по близкому с ним родству, решился о том молчать, не полагая впрочем и надобности объявлять потому, что он, Молчанов, узнал о существовании общества сего тогда, когда и начальству об этом было уже известно.

На очных ставках, даванных Молчанову с прапорщиком Мозалевским, сей последний отозвался, что хотя он и видел двух егерских офицеров у гоуптвахты, с коими Муравьев разговаривая называл их Вадковским и Молчановым, но сам он, Мозалевский, в лицо их тогда не заметил; почему и не признает Молчанова за одного из тех бывших в Василькове офицеров.

При исследовании, произведенном на месте в селении Трушках, показали:

Под присягою,

крестьяне графини Браницкой:

Хозяин бывшей квартиры Молчанова Семен Герасименко и сосед его Осип Петренко, что Молчанов с праздником Рождества Христова отлучался:

один раз в Белую Церковь и в тот же день возвратился; потом опять куда-то ездил и возвратился на ночь с борзою своею собакою; а в третий раз ездил на охоту.

Анофрий Кубенко, у которого стояли лошади Вадковского и Молчанова, что кучер сего последнего, до праздников и во время оного до нового года, никуда не был употребляем и всегда находился при господских лошадях.

Харитон Лукъяненко, у коего квартировали денщики Молчанова и Вадковского, что сии денщики всегда ночевали у него Лукьяненко с охотничьими собаками и отлучались только иногда на квартиры господ своих по призыву их.

Антон Гапоненко, что на четвертый день праздника Рождества Христова, в понедельник 28 декабря, были взяты у него сани денщиком Молчанова Владимиром для езды неизвестно куда, и что сии сани отобраны им Гапоненком 5-го генваря потому, что он прежде того не имел в них надобности.

Без присяги:

Квартировавшие в селении Трушках 17-го егерского полка, 2-го капральства 1-й карабинерной роты:

Ефрейтор Парамонов — что не упомнит в какой день по прибытии из Белой Церкви, хотя Молчанов и ездил на санях с своим человеком и с борзою собакою неизвестно куда, но в тот же день возвратился.

Унтер-офицер Захар Николаев, что Молчанов с 17 декабря по возвращении из Белой Церкви кроме отлучек его на охоту, с которой он всегда на ночь возвращался, находился на квартире своей и что Вадковский 30-го того месяца точно уехал в Васильков один без Молчанова.

Бывший тогда в Василькове Черниговского пехотного полка унтер-офицер Рудницкий, что он действительно видел приезжавшего к Муравьеву одного только Вадковского, а Молчанова вовсе не видал.

Ротный командир порутчик Муханов и капитан Ширмо-Щербинский, что они на рассвете 30-го декабря прибыв в Трушки для арестования Молчанова прямо в квартиру его, застали его в охотничьей куртке, собравшегося итти на охоту, при чем Муханов, как бывший ротный командир Молчанова присовокупил, что без позволения его Молчанов никогда, равно и во время возмущения с 25 по 31 декабря никуда не отлучался и что об отъездах Молчанова куда-либо, кроме по службе в полк в местечко Белую Церковь, не было ему, Муханову, известно.

Главнокомандующий 1-ю армиею, получив от начальника главного штаба вашего императорского величества отношение, что по изысканию Комитета о злоумышленном обществе подпорутчик Молчанов оказался к тому обществу непричастным, и что оному Комитету нету в Молчанове никакой надобности, предписал: судить Молчанова за обнаруженное преступление его и потом в общем о всех заключении определить ему меру наказания, какому он подвержен быть должен.

Посему Молчанов, быв вновь в военном суде спрашиван, подтвердил во всей точности прежнее свое показание, что он в тайном обществе не состоял и никогда ни от кого об оном не слыхал; и что Вадковский, будучи ему родственник, и любя его Молчанова, тем более имел причины скрывать от него то, чтобы могло сделать ему вред; а по сему самому не только никогда о том не говорил ему Молчанову, но даже вовсе и не заводил материи о существовании их общества; 30-го же декабря, хотя Вадковский пред отъездом своим из Трушков в город Васильков, зайдя на квартиру к нему Молчанову,

говорил ему о какой-то полученной им от Муравьева записке, в которой будто бы сей последний извещал Вадковского об открытии тайного их общества, но он Молчанов, зная, что были взяты со всех военных чинов подписки, чтобы не принадлежать как к масонским ложам, так и ни к каким другим тайным обществам, — и сочтя поступок Вадковского противозаконным, не обратил на то никакого внимания и ничего более не говорил, ибо Вадковский в ту же минуту уехал от него; он, Молчанов, не донес о том начальству, полагая ненужным, по елику и без него было уже оному то известно.

Военный суд о причинах случившегося в Черниговском пехотном полку возмущения собирал разные сведения, по коим открылось.

Командовавший 9-ю пехотною дивизиею генерал-маиор Тихановский уведомил тот суд, что получа он 29 декабря 1825 года от васильковского исправника уведомление, что по утру того дня в 8 часов привезен в экономический дом селения Трилес избитый весь и израненный полковник Гебель, тотчас командировал бригадного генерала Курносова для открытия истины, который хотя и не нашел там ни Гебеля, ни квартировавшей 5 мушкетерской роты, но чрез разведывания узнал, что Гебель был в Трилесах с жандармами и что раны и побои причинены ему в квартире ротного командира порутчика Кузмина, при бытности Муравьева-Апостола, им Кузминым, Сухиновым и Мещерским.*

Потом 30 числа получа он, Тихановский, от подполковника Трухина два рапорта, о нанесении Гебелю ран тогда, как Гебель хотел взять под арест Муравьевых — немедленно послал с нарочным офицером донесение о сем корпусному командиру генерал-лейтенанту Роту и вместе с тем сам отправился в Васильков для устроения предписанного подполковнику Трухину порядка к удержанию от дальнейшего поползновения ко злу виновных, но не доезжая 8 верст чрез нарочно посыланных открыл, что Муравьев с двумя или тремя ротами, везя под караулом жандармов, вошел в Васильков с заряженными ружьями, производя дорогою и там неистовые буйства, а к 9 часам вечера имел уже при себе 5 рот того полка, что в свое ведение взяв знамена и полковой казенный ящик, выпустил с гоуптвахты сообщников своих и прочих арестантов, а отдал на оную подполковника Трухина и другого офицера, оборвав с первого эполеты; для чего дожидался и его, Тихановского; что Муравьев и товарищи его, обольщая нижних чинов вольностию, всеми мерами страха принуждали не преданных им офицеров быть с ними в сообществе, уверяя, что и других полков воинские чины будут к ним присовокупляться, а потому он, Тихановский, обратился в дивизионную квартиру самопоспешнейше, предписав секретно чрез нарочных всем в дивизии налицо состоявшим командирам, как то: бригадным, полковым, артиллерийских рот и фурштатского баталиона, чтобы они как наивозможно скорее собрали воинских чинов в свои штаб квартиры впредь до повеления; а между тем требовал присылки в местечко Белую Церковь 4-х легких орудий, предварив напомнить всем офицерам и нижним чинам данную пред тем вашему императорскому величеству на верность подданства присягу, и внушить им не соглашаться ни на какие обольщения Муравьева-Апостола, а есть ли бы случилось где-либо проходить ему, то не верить никаким предъявленным им повелениям, стараясь отдавшихся ему офицеров и солдат убедить оставить Муравьева-Апостола, как лож-

---

* Мещерского вовсе там не было, а находился барон Соловьев. *(Примеч. в подлинном.)*

ного начальника; а самого, также брата его, штабс-капитана барона Соловьева, порутчиков Кузмина, Сухинова и Щипиллу, подпорутчика Бестужева, прапорщика князя Мещерского и рядового Башмакова, как возмутителей, арестовав доставить к нему Тихановскому за строжайшим караулом.

Черниговского пехотного полка штаб-лекарь Никольский объяснил, что 29-го декабря, по полученному от капитана Козлова известию, приехав он, Никольский, в селение Снитинку и осмотрев у полковника Гебеля раны, сделал должную оным перевязку, а 30-го числа в 2 часа пополудни прибыл он вместе с Гебелем в Васильков; но когда вскоре вступил туда Муравьев с мятежниками, то он Никольский, узнав о поступке их с Трухиным и опасаясь, чтобы сии мятежники не довершили злодейства своего, отвел его чрез огороды в мещанскую избу, прося хозяина скрыть его, а сам после ходил к Муравьеву с просьбою, чтобы как он, Никольский, в отправлении должности своей по лазарету, так и Гебель были в безопасности. Муравьев все сие обещал и, показав при том как будто бы знак сожаления, просил со своей стороны постараться о сохранении жизни Гебеля, говоря, что он, Муравьев, в следующий день пойдет в поход, а лазарет при нем, Никольском, останется в городе; почему чрез несколько часов полковник Гебель был по прежнему перевезен на свою квартиру, где ночевал и он, Никольский. Потом на другой день, когда дали знать полковнице, что бунтовщики непременно решились убить Гебеля, он, Никольский, опять ходил к Муравьеву и получив от него уверение, что не будет сие сделано, успокоил тем полковницу Гебель. Того же дня около 3 часа пополудни Муравьев выступил в поход, а он, Никольский, с Гебелем отправился в Киев; по приходе же его Никольского к Муравьеву в первый раз: видел у него брата его, дравшего письма и бумаги, Бестужева-Рюмина, Сухинова и многих пьяных солдат в большом беспорядке; а в другой раз, собравшихся уже подле его Муравьева квартиры солдат, всех почти пьяных, и некоторых офицеров; а самого Муравьева нашел в особенной комнате, разбиравшего в бумажнике записки и деньги; в другой же комнате были вышеупомянутые офицеры и с ними еще барон Соловьев.

Нижние чины Черниговского пехотного полка, бывшие с Муравьевым в походе отозвались, что они Муравьевым развращаемы и обольщаемы не были, о зловредных намерениях его и связях с какими-либо офицерами, а паче с ротными их командирами не знали; и как ротные командиры их, так и прочие офицеры, отнюдь не подавали им никаких собою примеров, клонящихся к непризнанию над собой высочайшей власти и расстройству службы, да и сами они, нижние чины, ни наклонности, ни намерения к измене не имели; сверх сего показали оные нижние чины 5-й мушкетерской роты, что они последовали в полковую штаб квартиру без всякого намерения; а хотя из случившегося в Трилесах происшествия замечали дух мятежничества, но не могли совершенно сего разуметь и получив приказание, не зная для чего зарядить ружья и следовать в Васильков, должны были то исполнить. По прибытии туда свели их всех вместе в один дом и никуда не выпущали, при строгом за тем наблюдении барона Соловьева, Кузмина и Сухинова, которые в том же доме и ночевали; фельдфебель сей роты — Шутов, во время помянутого в Трилесах происшествия исполнял приказание ротного командира порутчика Кузмина, ибо когда по приказанию сего последнего был учрежден караул, по случаю арестования Муравьева, то он вместо того, чтобы никуда не отлучаться, по желанию и собственной надобности Кузмина, ходил в корчму отыскивать порутчика Сухинова, представляя в сем случае к оправданию своему то только, что он,

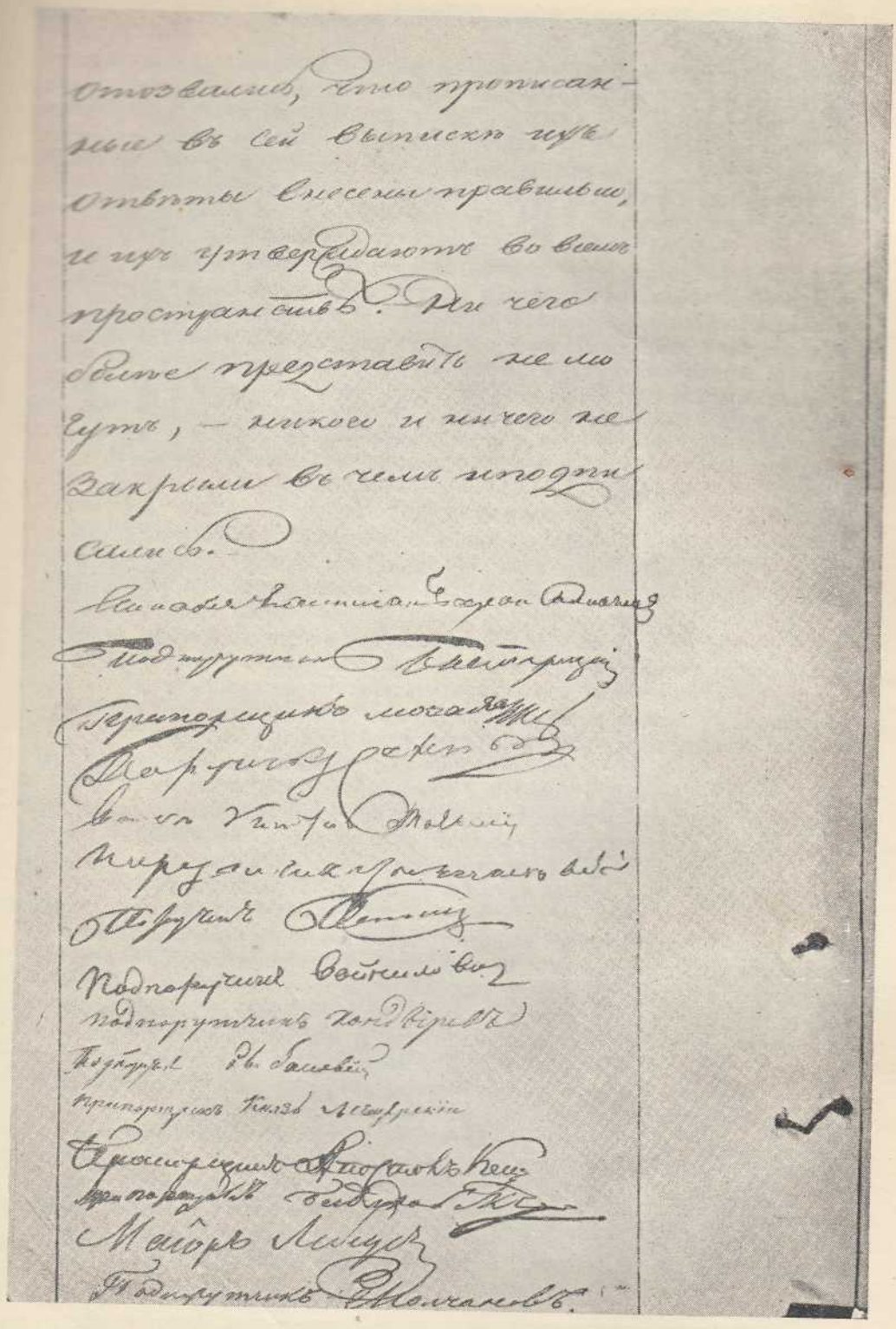
Шутов, не мог ослушаться ротного командира как ближайшего своего начальника.

2-й гренадерской роты, что они выступили в Васильков без всякого намерения, а по приказанию, как было им сказано, на два только дня. По прибытии туда, хотя и просились они, чтобы отпустили их на свои квартиры, но Муравьев чрез командовавшего ротою порутчика Петина объявив, что итти было некогда по скорому выступлению в Житомир, дал им на имевшиеся встретиться нужды 150 руб., а сверх того сам Петин подарил им на водку 20 р. Почему они, хотя и не знали к чему клонилось стремление Муравьева и для чего были им собраны роты; но видя в нем баталионного своего командира и вместе действовавших с ним единодушно офицеров, каждый почти считал обязанностию повиноваться, тем более, что знамена вынесены были при должной чести, равно и ящик полковой взять без малейшего с чьей-либо стороны сопротивления; а того, что полковой командир был изранен, они не знали.

3-й мушкетерской роты, что они о связях порутчика Щипиллы с Муравьевым, по недавнему его в ту пору вступлению, не знали, а прежний их командир штабс-капитан Роменский 1-ый, никогда к нему Муравьеву, кроме службы, никаких не имел отношений, и потому полагают, что ежели бы он командовал ими далее, то и они не имели бы таковой участи; что они до 30-го декабря ничего о происшедшем не знали, но того числа приехав в Бугаевку подпорутчик Кондырев и приняв роту на законном основании в тот же день выступил в Васильков, где и были расположены по квартирам, а часть поставлена к квартире полкового командира, после чего, когда подполковник Муравьев пришел в город, то один или два гренадерские взвода отправились толпою прямо в квартиру полковника Гебеля, и взяли оттоль знамена и казенный ящик, хотя же пред тем было приказано караульным зарядить ружья; но как на то достаточного наставления не было дано, то и пошли все за знаменами, быв особенно в недоумении тогда, когда находившиеся в Василькове офицеры одни скрывались, а другие присоединялись к Муравьеву, а из сих последних видели даже некоторых в Мотовиловке и в Пологах, но при выступлении к Устимовке остались только при них Муравьев, Сухинов, Щипилла, Кузмин, барон Соловьев и Быстрицкий.

4-й мушкетерской роты, что они ни о каком происшествии не знали до 30-го декабря 1825 года, а того числа, когда они прийдя в Васильков заняли караул, то при вступлении туда Муравьева, хотя от подполковника Трухина было приказано неизвестно для чего, заряжать ружья, однако, со стороны Муравьева не было сопротивления; на другой же потом день был им сказан поход. При чем хотя и спрашивали они ротного своего командира штабс-капитана Маевского, поставляя ему некоторые замечания о худых следствиях, но он увѣрял их, что тут нет никакого обмана, и что пойдут в корпусную квартиру, уговаривая при том на счет оставленных в квартирах вещей их, что ничего не пропадет, почему они и последовали за Муравьевым, видя как прочие роты повинующимися ему, так и офицеров, действовавших тогда надлежащим образом. Потом, когда он Маевский отстал в Мотовиловке 2-го генваря, то сказал пред тем еще раз некоторым из них, что они должны повиноваться начальству.

6-й мушкетерской роты, что они о всем случившемся до выступления из Василькова ничего не знали, ибо они по смене с караулов, до прибытия еще туда возмутителей, находились на квартирах в двух верстах от города; потом на другой день прибыв в Васильков, ничего уже не заметили, а напротив того, видя повиновение офицеров и прочих рот нижних чинов не смели противиться, тем более, что сказано было итти в корпусную квартиру.



Выписка из военно-судного дела «Об офицерах, участвовавших в мятеже Черниговского пехотного полка», скрепленная собственноручными подписями всех подсудимых.

(С подлинника, находящегося в деле аудиториатского департамента „Об офицерах, участвовавших в мятеже Черниговского пехотного полка" 1826 г., № 35, том 2, л. 163 об.).

2-й мушкетерской роты, что они подпорутчиком Быстрицким быв приведены к возмутителям в Мотовиловку совершенно ничего не знали, до самого произведения по них пушечного выстрела.

Часть нижних чинов 1-ой мушкетерской роты, что они последовали за Муравьевым по принуждению, быв взяты и никуда не отпущаемы пришедшими в Мотовиловку ротами, по случаю квартирования их в оном селении; прочие же три части сей роты спаслись под предлогом увольнения за экипажем.

Сверх того все вообще означенных рот нижние чины показали, что бывшие с Муравьевым офицеры отстали от них: 2-го генваря Маевский в Мотовиловке, Сизиневский и Войниловичь с перехода из Мотовиловки в Пологи; а оттоль 3-го генваря поутру Петин, Кондырев, Рыбаковский и князь Мещерский; когда же и откуда отлучились Апостол-Кегичь и Белелюбский никто из них не заметил; по отлучке Маевского и Рыбаковского приняли 4 роту подпорутчик Кондырев, а после него подпорутчик Быстрицкий; 6-ю же роту порутчик Сухинов. *

15-е.

Из доставленного к сему делу в копии показания, отобранного учрежденною в Белой Церкве комиссиею от разжалованного из порутчиков в рядовые Черниговского пехотного полка Ракузы, между прочим, видно, что кроме барона Соловьева, Сухинова и прочих, принадлежал также к заговору против правительства прапорщик Мозалевский, а подпорутчик Рыбаковский знал об оном; что из них Мозалевский пред выступлением полка из Василькова с возмутителем Муравьевым, сказывал ему Ракузе, что дело сие отложено было до того времяни, пока не умертвят блаженныя памяти государя императора Александра 1-го; что их общество многочисленное, намерений их никто разрушить не может, хотя бы и половина их погибла, но остальная часть должна действовать и стремиться к окончанию своих намерений; в чем они и обязаны строгою клятвою, не открывая впрочем дальнейших подробностей; подпорутчик же Рыбаковский хотя замыслы сии и опровергал, но также последовал за Муравьевым.

По сему означенные Мозалевский и Рыбаковский, быв вновь с увещанием допрашиваны, показали:

Мозалевский, что он объявленных рядовым Ракузою слов о намерении умертвить государя императора вовсе ему не говорил; в тайном обществе не состоял и ничего об оном не знает, как только во время лагеря под местечком Лещином слышал из разговоров, происходивших неоднократно, между порутчиком Кузминым и капитаном Фурманом, с коим вместе он Мозалевский и Ракуза помещались в одном балагане, на счет заговора против корпусного командира генерал-лейтенанта Рота; но по какому побуждению, в чем оный заговор состоял, кто был тому началом и когда, как и чем предполагали произвесть в действие? он, Мозалевский, ничего о том от них не слыхал, сам их не расспрашивал и членов сего общества не знает, а слышал только из тех же разговоров, что в оном состоят многие офицеры разных полков и артиллерийских рот целого 3-го корпуса, а кто имянно, хотя некоторых и упоминали, но он, Мозалевский, за давностию не припомнит, кроме названных ими главнейших участников в том заговоре

* Над нижними чинами означенных 6-ти рот Черниговского пехотного полка, находившимися с Муравьевым во время возмущения, производится особое дело в Белой Церкве при 9-й пехотной дивизии. *(Примеч. в подлинном.)*

Муравьева, служившего в Черниговском полку, братьев его командиров Александрийского и Ахтырского гусарских полков, и Сухинова; за всем тем он, Мозалевский, не зн настоящей цели сего общества, не решился о том доносить начальству

Рыбаковский, что он не только во время бытности в лагерях под Лещином, но даже нигде ни о каких зловредных замыслах ни от кого никогда не слыхал и разговоров ни с кем по сему предмету не имел и даже не понимает: какая причина побудила Ракузу взвесть на него, Рыбаковского, таковое напрасное показание; последовал же он за Муравьевым не по чему другому, как по одному только насилию.

Затем на вопросы военного суда состоявшие в тайном обществе барон Соловьев и порутчик Сухинов отозвались, что они не знают, состояли ли в сем обществе Мозалевский и Рыбаковский, равно и были ли они известны об оном; но в собрании их под местечком Лещином Мозалевского и Рыбаковского вовсе не было, и они Соловьев и Сухинов никаких с ними связей по сему предмету не имели. Впрочем, ежели Мозалевский знал о сем обществе, то не иначе может быть как от капитана Фурмана, с которым он состоял в одной роте, чего, однако, не могут сказать утвердительно.

Военный суд по сему обстоятельству заключил: хотя по законоположению и подлежало бы с рядовым Ракузою к изобличению Мозалевского и Рыбаковского дать им очную ставку, но как Ракуза судится в Белой Церкве, то по отдаленности и не признал тот суд возможным сделать таковую ставку, которая впрочем не могла переменить существа дела, как достаточно и без того обнаружены преступления их.

16-е.

Во время производства сего дела, дежурный генерал 1-й армии, по воле главнокомандующего доставил военному суду присланное от генерал-лейтенанта Рота следственное дело о действиях гусарского принца Оранского полка порутчика князя Коребута-Воронецкого, с тем, чтобы оный суд сделал о поступках его рассмотрение и заключение свое при представлении сего дела.

Из того следствия видно:

Командующий 3-ю гусарскою дивизиею генерал-маиор барон Гейсмар доносил генерал-лейтенанту Роту, что порутчик князь Воронецкий, быв командирован для разведывания о мятежниках Черниговского пехотного полка и явясь к нему, Гейсмару, по исполнении сего в местечко Белую Церковь, донес, что 3-го числа генваря прибыв он Воронецкий в селение Гребенки, нашел там 30 человек Черниговского пехотного полка с капитаном Фурманом и разжалованным из полковников в рядовые Башмаковым, коих обманувши хитростию, что он будто бы также в заговоре и приехал к ним соединиться, лег с ними спать; но дождавшись, пока все уснули и воспользовавшись сном и пьянством бунтовщиков, тихо ушел из избы, где они спали и прибежав к эконому того селения, собрал крестьян, с коими отобрав ружья у заговорщиков, всех их перевязал.

Против сего капитан Фурман ответствовал, что он не только с бунтовавшими солдатами не был, но даже вовсе их и князя Воронецкого в селении Гребенках никогда не видал.

Жительствующие в том селении показали: хозяин квартиры Фурмана Афанасий Письменный, что во время бытности князя Воронецкого в доме своем, никаких солдат из бунтовщиков не видал.

А четыре человека крестьян графини Браницкой, также эконом того селения Диминич, приезжавший с Воронецким ревизор Лазинский и офи-

циалист Коржевский, что никогда такового числа бунтовщиков, как доносил князь Воронецкий, в селении Гребенках не бывало; а хотя в оном и появлялись разновременно бежавшие от Муравьева около 13 человек, которые тогда же и отправлены чрез экономию в васильковский земский суд, но князем Воронецким с помощию крестьян таковые солдаты вовсе не были взяты и ружья от них не отбирались; при чем Диминич и Лазинский присовокупили, что когда Воронецкий останавливался в экономическом доме, то из числа упомянутых солдат были у него только два музыканта, которых Воронецкий распросив: кто разбил полк их, отпустил от себя; потом узнав от эконома, что в селении Гребенках находились тогда Фурман и Башмаков, посылал Лазинского, чтобы Фурман и Башмаков пришли к нему Воронецкому; по приходе же из них последнего Воронецкий имел с ним в сенях какой-то разговор и, наконец, выезжая из Гребенков, велел экономy за Фурманом и Башмаковым иметь присмотр.

17-го егерского полка порутчик Маслов, от 31-го генваря сего года доносил командовавшему 9-ю пехотною дивизиею генерал-маиору Курносову, что собранные в селении Гребенках 13 человек, по повелению генерал-маиора Тихановского были им, Масловым, забраты и представлены к Тихановскому при рапорте; потом им же, Масловым, доставлены Фурман и Башмаков, но не чрез васильковский земский суд, как значится в показании эконома Диминича.

Сверх [сего] того ж егерского полка подпорутчик Михайлов представлял дежурству 9-й пехотной дивизии, что порутчик князь Коребут-Воронецкий отобрал в селении Гребенках у состоящего в команде его Михайлова 1-й мушкетерской роты Черниговского пехотного полка рядового Евдокима Степанова собственных его денег серебром 18 руб.

Означенный рядовой, быв о сем спрошен, показал, что он оставаясь при ротном цейхаузе и видя необыкновенное движение Муравьева с полком, дабы вовсе удалиться от бунтовщиков, пошел было из Мотовиловки в дивизионную квартиру; но проходя чрез селение Гребенки был там взят крестьянами и представлен к экономy, который взяв от него Степанова всю оружейную амуницию, отобрал вместе с тем и собственных его денег 18 руб. серебром, при бытности находившегося там какого-то князя, офицера гусарского принца Оранского полка.

Эконом Диминич объяснял, что деньги от рядового Степанова отобраны не им Диминичем, а самим князем Воронецким при ревизоре Лазинском.

Оный Лазинский подтверждая сие показал, что действительно по приводе двух солдат в экономию и при отобрании аммуниции, взято у одного из них князем Воронецким 18 рублей серебром, которые им, Лазинским, и вложены в ташку Воронецкого.

По случаю сему порутчик князь Коребут-Воронецкий первоначально донес полковому командиру полковнику Бринкену, что у рядового Евдокима Степанова были взяты деньги не им, Воронецким, а ревизором Лазинским; но когда из расспросов того солдата узнал, что он роты знакомого ему, Воронецкому, капитана Вульферта; то имея намерение увидеть самого его и вручить те деньги, взял оные для сего от Лазинского; однако же по прибытии его, Воронецкого, в Белую Церковь, он Вульферта в квартире его не застал, потом и сам вскоре после того заболев не имел уже случая доставить денег Вульферту; по чему и не почитал за нужное доносить о том Бринкену.

Потом оный князь Коребут-Воронецкий при следствии о сем ответствовал, что во время бытности его в Гребенках, узнав о нахождении там капитана Фурмана и рядового Башмакова, посылал прежде разведать,

не было ли у них подозрительных людей, а после требовал их к себе; по прибытии же из них Башмакова, распрашивал его в сенях, не принадлежит ли он к шайке Муравьева? в чем хотя Башмаков и не признался, однако зная, что Башмаков прежде всегда находился при Муравьеве, тогда же он, Воронецкий, велел экономy Диминичу иметь за ним и за Фурманом строгое смотрение; между тем объявил ему Воронецкому эконом, что находились тогда в Гребенках Черниговского полка каптенармус и несколько человек солдат, и что много еще других таковых же из оного полка проходит и проезжает; почему он, Воронецкий, приказал: проходящих брать, а за находившимися в селении иметь надзор и никуда не выпускать их, расположив в особенных квартирах впредь до разрешения начальства; на другой потом день, 4-го генваря, когда Фурман и Башмаков хотели было уехать, приказал он, Воронецкий, экономy приставить за ними караул и никуда не позволять им выезжать, а сам с ревизором Лазинским отправился в Белую Церковь к генерал-маиору Гейсмару, коего найдя в квартире командовавшего дивизиею генерал-маиора Тихановского, доносил ему в особой комнате на немецком языке словесно о том только, что в селении Гребенках взяты Черниговского полка капитан Фурман, рядовой Башмаков и еще несколько нижних чинов, основывая таковое донесение свое на том, что экономия по приказанию его должна была не упустительно содержать всех упомянутых нижних чинов под караулом; впрочем он, князь Воронецкий, не мог осмелиться взять и представить по команде Фурмана и Башмакова, не имея на то письменного или словесного приказания, кроме только употребил все средства к пользе общего спокойствия, какие нужны были для распоряжения по тогдашним обстоятельствам. О взятых же у рядового Степанова 18 руб. серебром, для отдачи ротному его командиру капитану Вульферту, он Воронецкий по случаю сует забыл доложить генерал-маиору Гейсмару, и хотя оные деньги по приключившейся вскоре после того болезни оставались еще у него, Воронецкого, но в последствии времени представлены полковому командиру полковнику Бринкену по требованию его.

Свидетельствовавшие 8-го февраля сего года порутчика князя Кореbут-Воронецкого гусарского принца Оранского полка ротмистр Милонин и штаб-лекарь Вошранский удостоверили, что он, Воронецкий, действительно был тогда одержим сильною жабою миндалевидных желез.

А вышеупомянутые деньги 18 руб. серебром по требованию командовавшего 9-ю пехотною дивизиею генерал-маиора Курносова, препровождены к нему при рапорте от генерал-маиора Гейсмара 18 февраля сего года

За сим генерал-маиор барон Гейсмар, на предписание генерал-лейтенанта Рота объяснял, что князь Воронецкий о взятых якобы им в Гребенках бунтовщиках доносил словесно как ему Гейсмару, так генерал-лейтенанту Редигеру и полковнику Бринкену точно так, как в прежнем его Гейсмара рапорте сказано, и сие донесение сделал в присутствии генерал-маиоров Тихановского и Курносова.

Командир 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Рот, представляя о князе Воронецком следствие к главнокомандующему 1-ою армиею, признал сделанное им, Воронецким, донесение о взятии Фурмана и Башмакова с 30 человеками бунтовщиков ложным потому, что, хотя он, Воронецкий, и был в селении Гребенках, но такового подвига не оказал и не видал Фурмана, а Башмакова потребовав к себе отпустил не арестовав его, также и после пришедшие в Гребенки солдаты были приведены в экономический дом тамошними жителями, а не им Воронецким, из коих у одного рядового

Степанова, не принадлежащего к шайке Муравьева, отобрав 18 руб. серебром, задержал было оные у себя без представления по команде.

17-е.

Вместе с подсудимым по сему делу был арестован и предан военному суду Черниговского пехотного полка маиор Лебедев, по подозрению в происшедшем в том полку мятеже; сверх сего главнокомандующий 1-ю армиею предписывал военному суду обратить внимание как на поведение прочих офицеров означенного полка, а имянно: штабс-капитана Роменского 1-го, порутчика Павлова 2-го; подпорутчиков Роменского 2-го и Анастасьева, так и относительно бывшего во время мятежа в отпуску штабс-капитана Глушкова на образ командования им 2-ю гренадерскою ротою, от чего она так легко склонилась к измене; но по предварительному над ними исследованию все они оказались совершенно в мятеже невинными, ибо во время оного вовсе даже не были в Василькове; почему Глушков, еще при производстве сего дела, по представлению военного суда и по учиненному на оное в 17-й день февраля разрешению от главнокомандующего 1-ю армиею, обращен по прежнему на службу; а прочие, как видно из отношения главнокомандующего к начальнику главного штаба вашего императорского величества от 9 числа минувшего апреля последовавшего, после окончания сего дела, по невинности их в возмущении, равно и по непринадлежности их к тайному обществу, также отправлены по приказанию главнокомандующего в полк на службу. При том и о поступках Черниговского пехотного полка священника Даниила Кейзера, участвовавшего в мятеже, быв произведенное следственное дело отослано, (как дежурный генерал 1-й армии от 8 марта военный суд уведомил), по высочайшему вашего величества повелению, на рассмотрение святейшего синода; а Кейзер препровожден к преосвященному киевской епархии викарию Афанасию, для содержания под строжайшим караулом в одном из киевских монастырей.

Начальник главного штаба 1-й армии от 20 февраля сего 1826 года, препроводив в военный суд список убитым воинским чинам при покорении мятежников Черниговского пехотного полка, уведомил вместе с тем и об отношении начальника главного штаба вашего императорского величества к главнокомандующему тою армиею последовавшем, с прописанием высочайшего повеления: дабы военный суд, сделав заключение о степени преступления оных убитых, представил на высочайшее вашего величества усмотрение о том, каким образом полагается исключить их из списков, и что на могилах сих преступников не должно быть ни крестов и ни каких памятников, приличных христианскому погребению.

По формулярным спискам:

Подсудимые:

Штабс-капитаны:

Маевский 26 лет, из дворян Киевской губернии, в службе с 1816-го, в настоящем чине с 1822 года.

Барон Соловьев 25 лет, из дворян Рязанской губернии, в службе с 1817-го, в настоящем чине с 1825 года.

Порутчики:

Сизиневский 25 лет, из дворян Гродненской губернии, в службе с 1817-го, в настоящем чине с 1823 года.

Петин 24-х лет, из дворян Тамбовской губернии, в службе с 1815-го, в настоящем чине с 1824 года.

Подпоручики:

Быстрицкий 26 лет, из дворян Киевской губернии, в службе с 1817-го, в настоящем чине с 1823 года.

Войниловичь 24 лет, из дворян Гродненской губернии, в службе с 1816-го, в настоящем чине с 1823 года.

Рыбаковский 23 лет, из дворян Тамбовской губернии, в службе с 1815-го, в настоящем чине с 1823 года.

Кондырев 21 года, из дворян Тамбовской губернии, в службе с 1819-го, в настоящем чине с 1825 года.

Прапорщики:

Князь Мещерский 21 года, из дворян Рязанской губернии, в службе с 1819-го, в настоящем чине с 1824 года.

Апостол Кегичь 22 лет, из дворян Полтавской губернии, в службе с 1820-го, в настоящем чине с 1824 года.

Белелюбский 22-х лет, из дворян Рязанской губернии, в службе с 1820-го, в настоящем чине с 1824 года.

Мозалевский 21 года, из дворян Курской губернии, в службе с 1821-го, в настоящем чине с 1824 года.

Все сии подсудимые в походах и штрафах не бывали и к повышению чинов аттестовались достойными.

Порутчик Сухинов 31 года, из дворян Херсонской губернии, в службе с 1809-го, в офицерском чине с 1819-го, а в настоящем чине с 1825 года, в походах и сражениях находился, ранен: под местечком Рехенбахом в правую руку саблею, а под Лейпцигом в левую руку ниже локтя, в плечо и голову, и имеет медаль в память 1812 года, в штрафах не бывал и к повышению аттестовался.

Подпорутчик Молчанов 24 лет, из дворян Орловской губернии, в службу поступил первоначально в лейб-гвардии Семеновский полк, в 1818 году, а из оного полка по высочайшему повелению переведен в армию 24 декабря 1820 года, в настоящем чине состоит с 1824 года, в походах и штрафах не бывал, к повышению аттестовался.

Сентенция.

Военный суд приговорил:

1-е, штабс-капитан Соловьев и порутчик Сухинов есть важнейшие виновники в злом умысле и содействии во всех злых предприятиях извергу и изменнику подполковнику Муравьеву-Апостолу, который имел, как из собственных признаний их явствует, злоумышленное и дерзновенное и даже в ужас каждого приводящее намерение, испровергнуть законную в государстве монархическую власть, погрузить государство в бесчисленное бедствие, а к достижению сего возбудить в войсках ропот и неудовольствие к высочайшей особе и благоустроенному порядку, паче же в солдатах прежнего состава Семеновского полка, распределенных правосудием в бозе почивающего государя императора Александра I-го по полкам 3-го корпуса, поселить измену различными убеждениями и обольщениями; о чем Соловьев и Сухинов имея достоверное сведение и тщательно скрывая от начальства, в последствии и сами вступили в злонамеренное тайное с ним общество, имевшее одинакую цель, не для чего, как только чрез сие

злодейство приобресть мнимое себе счастье, дав на сие в сонмище своем клятву с твердым намерением следовать всем оного богомерзким замыслам, чем соделались ему до самого конца непоколебимыми; и когда Муравьев в сем злонамеренном своем обществе обнаружился, и по высочайшей воле посланы были из главной квартиры в Васильков два жандармские офицеры Несмеянов и Скоков взять его с братом отставным подполковником же Муравьевым, для доставления в Санктпетербург, а по случаю небытности их там полковой командир полковник Гебель отправился их преследовать и, достигнув в расположение 5-й мушкетерской роты в селение Трилесы, арестовал и хотел только с ними отправиться, то в сие самое время приехали они Соловьев и Сухинов туда с подобными им приверженцами Муравьева порутчиками Кузминым и Щипиллою, и узнав о их аресте дерзнули освободить их; а как сего им без поражения Гебеля учинить было не возможно, то из них сначала Щипилла и Кузмин, а потом и все вообще напав на него злодейским и бесчеловечным образом кололи его штыками и шпагою в живот, голову, и где только попало, дав ему множество ран, имея намерение и совсем лишить его жизни, есть ли б он не успел от них отбиться и уехать; а хотя из них Сухинов преследовал его, но встретившимся с ним рядовым Ивановым отбит и доставлен в ближайшую роту совершенно изувеченным. Затем, оставаясь при нем Муравьеве в повиновении, наиболее всех содействовали ему к возмущению Черниговского полка, сначала 5-й мушкетерской и 2-й гренадерской рот, а потом преклонили и другие 4 роты с их офицерами, одних лестию и обманом, а иных насильством; сверх сего при входе Муравьева в Васильков из них Соловьев выдя на плац уговаривал солдат не робеть, что уже полковник Гебель командиром их не будет, и что срок их службы сократится; а Сухинов, начальствуя над отдельною толпою, и увидя вышедшего к ним навстречу командовавшего полком маиора, что ныне подполковник, Трухина, окружил его с тою толпою, сорвал с него шпагу и эполеты и отправил на гоуптвахту, а бывших там арестантов освободил; и в то же время обратился в квартиру полкового командира полковника Гебеля, скрывавшегося тогда от извергского их поиска, и отобрав знамена и полковой казенной ящик доставил к возмутителю и изменнику Муравьеву. Наконец, оба при выступлении с возмущенными ротами из Василькова присутствовали при чтении священником, сочиненного им Муравьевым, способствующего к возмущению, дерзновенного катихизиса, наполненного неизреченными непристойностями, как в оскорбление освященной вашего императорского величества особы, так и в отношении спокойствия и тишины всего государства. Потом, последуя за ним же Муравьевым с намерением возмутить и прочие полки и роты, при первой встрече высланного противу их отряда, из них Соловьев тогда же взят с оружием в руках; а Сухинов бежал, и в сем бегстве составил фальшивый пашпорт с намерением укрываться, а может быть продолжать дальнейшие свои злоумышления, но тщанием начальства поиман и при том еще изобличился в составлении себе, при переходе из пехоты в кавалерию, ложного свидетельства; а потому обоих их барона Соловьева и Сухинова, как клятвопреступников, возмутителей, бунтовщиков, изменников и оскорбителей высочайшей власти, по силе уложения главы 2-ой статьи 1-й и воинских 19-го, 20-го, 127 и 135 артикулов, четвертовать.

2-е, подпорутчик Быстрицкий и прапорщик Мозалевский виновны в таковом же злодейском сообществе с возмутителем Муравьевым, из коих 1-й, приняв по поручению подполковника Трухина, под свое начальство командованную бароном Соловьевым роту, и придя в Васильков, узнал о последовавшем возмущении Муравьевым и прочих рот и о выступлении

его с оными; но вместо того, чтобы ему обратиться к ближайшему своему начальству, — он в ту же минуту без всякого другого побуждения последовал и присоединился к Муравьеву в селении Мотовиловке, пробыв с ним до самого поражения, при котором был взят с оружием в руках; а 2-й — Мозалевской, при самом приходе Муравьева в Васильков с возмущенными ротами, не только не удалился от него, имея способ, но еще с крайним рачением вступив под начальство его, занял с бунтующею толпою на Богуславской заставе караул для задержания приезжающих в Васильков, где и действительно у приехавших туда жандармских двух офицеров Несмеянова и Скокова, с оказанием им угроз: лишить жизни, есть ли бы они хотели противиться, отобрал бумаги и денег 1100 руб., кои и представил возмутителю Муравьеву; приходил с прочими к содержавшемуся на гоуптвахте подполковнику Трухину с заряженными пистолетами, и, наконец, по совету Муравьева облекся в партикулярное платье, и приняв несколько листов возмутительного катихизиса, с дерзскими изречениями, добровольно и с намерением отправился в Киев с одним унтер-офицером и тремя рядовыми передать оные кому случиться ко всеобщему возмущению, в чем, однако, не успев, при возвращении к возмутителю Муравьеву на дороге был захвачен; сверх того, зная о существовавшем в корпусе тайном обществе и бывших в оном злоумышленниках, не объявил начальству своему единственно из мнимого страха, чем самым учинили себя кроме нарушения верноподданнической присяги изменниками и оскорбителями высочайшей власти; а потому их Быстрицкого и Мозалевского, по силе вышеприведенных военных артикулов, четвертовать.

3-е. Бывшим во всем злодейском Муравьева намерении единомышленникам и сообщникам порутчикам Кузмину и Щипилле, также брату Муравьеву, находившемуся в их же шайке, квартирмейстерской части прапорщику Муравьеву-Апостолу, кроме участия их при последовавшем в Черниговском полку возмущении и способствования к привлечению солдат и к последованию за ними, состояли в тайном обществе злоумышленников, а первые два и в злодейском нападении на полкового своего командира полковника Гебеля с причинением ему многих ран, подлежало бы по основанию тех же законов учинить равномерную смертную казнь как Соловьеву и Сухинову, есть ли бы они были в живых, но как из дела явствует, что они во время поражения мятежников на месте убиты; то их исключить из списков как возмутителей, бунтовщиков, изменников и оскорбителей высочайшей власти, при чем на могилах их ни крестов, и ни каких памятников, приличных христианскому погребению, не сооружать, но по содержанию оглавления приговоров поставя виселицу и на оной к вечному их посрамлению прибить их имена.

4-е, штабс-капитан Маевский, порутчик Петин и подпорутчик Войниловичь виновны в присоединении в сообщество к возмутителю Муравьеву, которые с самого начала, видя стремление его к возмущению полка, не только не употребили ни каких мер и предосторожностей к отвращению злодейских его замыслов, и не старались внушать подкомандующим своим солдатам верноподданическую преданность к вашему императорскому величеству, как того от них присяга требовала; но напротив из них Маевский, по прибытии Муравьева в Васильков, хотя имел от полковника Гебеля наставление, к коему он ходил для испрошения совета, чтоб оставался и искал удобного случая удалиться; однако ж Маевский, повидимому, желая содействовать злодейским его намерениям, первый явился к Муравьеву и исполнял все его веления; наконец, быв отпущен им на прежние свои квартиры, в селение Плисецкое для забрания там оставшихся жалованья и вещей, имел тем самым

случай удалиться от него; но Маевский вместо того обратился в расположение Кременчугского полка в селение Бишево, и там узнав от квартировавшего с ротою командира оной, что в том полку все спокойно, тогда же с собранною командою последовал к Муравьеву, бывшему тогда в селении Мотовиловке. — Таким же образом Петин по прибытии Муравьева в расположение роты, с двумя только офицерами, как сам сознается, заметив их измену и злодейское предприятие, и имея довольно важный случай чрез командованную им роту, которая тогда никем развращена еще не была, воспротивиться и задержать их; но он напротив того приняв сих изменников в свою квартиру, споспешествовал к возмущению оной, а по прибытии 5 роты, соединясь выступил в Васильков, и там когда его же рота стала было проситься на свои квартиры за экипажем, удержав оную для большего привлечения к исполнению зловредных его Муравьева намерений, выдал оной полученные им от него 150 руб., и сверх того еще от себя дал на водку 20 руб., а подпорутчик Войниловичь, догнав Муравьева на дороге к Василькову с двумя ротами, хотя также предвидел возмущение, добровольно присоединился к нему и изъявя готовность к содействию его отправился с двумя унтер-офицерами с вынужденным от имени подполковника Трухина предписанием в 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты с намерением привлечь оные к прочим возмущенным ротам; удостоверяя же, что якобы его императорского высочества цесаревича Константина Павловича неправильно и против желания устраняют от наследия престола, а письма о сем фальшивые, приказывал, чтобы из них 1-я мушкетерская дожидалась прибытия Муравьева и Трухина в Мотовиловке, а 1-я гренадерская прибыла туда же, где будто бы назначено полку сборное место для выступления оного в корпусную квартиру; а по исполнении сего поручения опять обратился к Муравьеву. Сверх того, вместо чистосердечного сознания в своих винах делали в показаниях разные извороты, представляя к оправданию, что будто бы все они к присоединению с Муравьевым были приневолены разными угрозами, каковых по делу и по всем другим сведениям вовсе не оказалось; но еще напротив показания Маевского нижние чины командованной им роты объявили, что когда им сказан был поход и они о том его спрашивали, поставляя ему некоторые замечания о худых последствиях, то он Маевский уверял их, что якобы тут не было никакого обмана, и что пойдут в корпусную квартиру, уговаривая нащет оставленных в квартире вещей, что ничего не пропадет, почему они и последовали за Муравьевым; а также и бывшие с ним в Бишеве нижние чины во всем отозвались в противном виде; равным образом и Петину, никакого принуждения и надзора за ним не было, а караул в его квартире поставлен был самим же им, как видно для безопасности возмутителя Муравьева, да и во всем прочем рота его последовала по личному его распоряжению; то же самое и против Войниловича при отъезде его в 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты для возмущения, посыланные с ним два унтер-офицера никаких угроз не делали, и даже на то от самого Муравьева никаких приказаний не имели, и наконец, все они уклонились от Муравьева ни по какой другой причине, как не видя, по уверению его, никаких других присоединяющихся к ним войск, признавши с сим вместе и свое заблуждение; по сему оправдания их, Маевского, Петина и Войниловича, как ничем не подтверждаемые в истинне, никакого уважения не заслуживают; но добровольное их к возмутителю Муравьеву присоединение и исполнение всех его велений, уличает их в участии во всем, в нарушении верноподданической присяги и в оскорблении высочайшей особы; а потому их, по силе тех же воинских артикулов, казнить смертию, отсечь голову.

5-е, порутчик Сизиневский и подпорутчик Рыбаковский также последовали за Муравьевым, которого явное возмущение, стремящееся к бунту, а не менее и злодейский его с полковником Гебелем поступок, как и все намерения, довольно могли они приметить и решились содействовать ему; из них же Сизиневский, по приказанию Муравьева, занялся приготовлением такового обоза и приемкою провианта; а Рыбаковский вступил на заставу в караул для останавливания проезжающих; и хотя в том они, как и первые оправдываются, будто бы к сему были вынуждены угрозами, но сие равномерно по законоположению нисколько уважено быть не может, ибо долг присяги обязывал их, видя таковое злодейское намерение, всемерно и не щадя своего живота противиться или удалиться; напротив того они и тогда, когда имели довольный случай укрыться от него — 1-й после выступления Муравьева с возмущенными ротами в поход в Мотовиловку, оставаясь в Василькове с тяжестями; а последний во время нахождения на заставе, не исполнили сего священного долга; а из сего доказывается, что они к присоединению с Муравьевым более свое имели побуждение, да и отделились от него и его взбунтовавшейся толпы, по той же причине, что не видели никаких войск к ним присоединяющихся, и что нигде нет подобного возмущения; по чему равномерно обоих их Сизиневского и Рыбаковского, как соделавшихся нарушителями верноподданической присяги, по силе тех же воинских артикулов и на оные толкований, казнить смертию, повесить.

6-е, подпорутчик Кондырев, прапорщики князь Мещерский, Апостол-Кегичь и Белелюбский равномерно последовании за возмутителем Муравьевым, к чему однако все они никакого желания не оказывали и не содействовали, при том, как по делу видно, и вовлечены были наиболее смотря на старших себя офицеров, от страха и боязни, а не менее от крайней молодости лет и неопытности, да и отстали от него тогда, коль скоро нашли к тому удобный случай и явились к своей команде; по сему, не подвергая их равной казни, но соображаясь с толкованиями 19-го, 94 и 127 артикулов, по коим сказано: осуждать по изобретению дела и состоянию особ, лиша их чинов и дворянского достоинства, написать вечно в рядовые и послать в дальние сибирские гарнизоны.

7-е. Преданной вместе с сими подсудимыми по подозрению в мятеже подпорутчик Молчанов оказался ни мало не участвующим в оном; ибо во время возмущения находился он, Молчанов, при своей квартире и в Василькове тогда совсем не был; хотя ж служивший с ним в одной роте подпорутчик Вадковский, при отъезде в Васильков, заходил к нему в квартиру и показывал полученную от Муравьева записку, что их тайное общество открыто, но он, Молчанов, зная прежде, что таковые общества запрещены и не входя ни в какие с ним разговоры, и сочтя поступок Вадковского беззаконным, не обратил на него никакого внимания и оставаясь у себя в доме, с ним никуда тогда не ездил; а по сим обстоятельствам не имея в виду никаких Молчанова преступлений, уличающих его в участии в мятеже Черниговского полка, освободить его, яко ни в чем невинного, из под ареста и обратить по прежнему на службу; а хотя его Молчанова за недонесение начальству о прочтенной ему Вадковским об открытии тайного общества записке, не взирая, что о сем и без него начальству было известно, надлежало подвергнуть оштрафованию; но он уже и без того понес долговременным арестом, под коим и доныне находится, достаточное наказание, почему не определяя оного, предает сие военный суд на высшее усмотрение.

И, наконец 8-е, порутчик гусарского принца Оранского полка князь Коребут-Воронецкий достаточно уличен в ложном начальству донесении, о взятии якобы им в селении Гребенках во время случившегося в Чер-

ниговском полку мятежа капитана Фурмана и рядового Башмакова с бывшими при них 30 человеками бунтовщиков; ибо сие по исследованию оказалось вовсе несправедливым, при том капитан Фурман в возмущении не участвовал; сверх того Воронецкий, отобрав у одного рядового, не принадлежавшего к шайке Муравьева, 18 руб. серебром, удержал оные у себя и представил уже оные по требованию начальства, отзываясь якобы в тогдашних суетах упомнил о сих деньгах доложить, а потому за сей поступок, по силе воинского 148 артикула, князь Воронецкий подвергался строгому оштрафованию; но как он суду не был предан, а в воинском уставе главы 50-й сказано, что без суда и фейерунга никто да не накажется, то судебная комиссия, не полагая об нем решительного наказания, предает сие на усмотрение высшей власти.

Суд сей производством начат при главной квартире 1-й армии 1-го февраля, а кончен 30 марта сего 1826 года. *

Презусом суда был начальник 3 пехотной дивизии генерал-маиор Набоков. Все подсудимые содержатся под строжайшим арестом в городе Могилеве-Белорусском; из них же барон Соловьев, Сухинов, Быстрицкий и Мозалевский закованными в кандалах.

Мнение.

Главнокомандующий 1-ою армиею генерал-от-инфантерии граф Сакен находит производство дела сего и осуждение каждого из подсудимых правильным и с законами согласным; но как по важности злодейства их, для предыдущего спокойствия и безопасности государства, закон и долг требуют наистрожайшего и примерного с ними поступления, то он, главнокомандующий, мнением полагает:

1-е, штабс-капитана барона Соловьева, порутчика Сухинова, подпорутчика Быстрицкого и прапорщика Мозалевского, из коих первых двух, бывших в злоумышленном тайном обществе, имевшем злодейское намерение к испровержению законной в государстве монаршей власти, способствовавших Муравьеву-Апостолу наиболее всех к нападению и поражению полковника Гебеля и к возмущению Черниговского полка, как и в других злодейских его предприятиях; а последних двух Быстрицкого и Мозалевского добровольно последовавших и присоединившихся к сему же изменнику Муравьеву—первой со всею своею ротою, с которою он на месте поражения был взят с оружием в руках; а второй вступлением в городе Василькове на Богуславскую заставу в караул для остановки проезжающих, главнейше же принятием от него Муравьева сочиненного им с дерзкими противу монаршей власти изречениями катихизиса, для доставления оного в Киев к произведению там подобного в войсках возмущения, с которым он и был также захвачен, — как клятвопреступников и оскорбителей вашего императорского величества высочайшей особы, по основанию учреждения о большой действующей армии, на месте при дивизии расстрелять.

2-е, сообщников их: порутчиков Кузмина, Щипиллу и брата Муравьева—квартирмейстерской части прапорщика Муравьева ж, убитых на месте поражения, но бывших с сим же возмутителем в соединении и участвовавших во всех злодейских его предприятиях, согласно с приговором суда, из списков выключить, как изменников и оскорбителей высочайшей особы, на могилах их ни крестов и никаких памятников, приличных христиан-

* Дело сие поступило на ревизию в аудиториатский департамент 22 апреля сего года. *(Примеч. в подлинном.)*

скому погребению, не сооружать, но там же на месте поставив виселицу к вечному их посрамлению, прибить под оною имена их.

3-е, штабс-капитан Маевский, порутчик Петин, подпорутчик Войниловичь, присужденные с ними к равной казни порутчик Сизиневский и подпорутчик Рыбаковский добровольно присоединились к Муравьеву при возмущении им полка и исполняли все его приказания, в чем хотя они оправдываются, будтобы к тому были приневолены угрозами Муравьева, но сего ими в точности ничем не доказано, а напротив — открыто, что они при самом начале имели все средства в том ему воспрепятствовать, или когда по самой крайности нельзя было им сего сделать, то, будучи в столь обширном городе, могли бы от него укрыться подобно другим своим товарищам; но из всего видно, что они к присоединению с ним наиболее имели собственное желание, на конец, и отделились от него, как судебная комиссия заключает, тогда, когда уже по уверению Муравьева не предвидели никаких возмутительных войск к ним соединяющихся, и потому яко участники всех его Муравьева злонамерений и нарушители верноподданической присяги, по содержанию приведенных в сентенции узаконений, подлежали бы равной с первыми казни; но единственно сообразуясь известному человеколюбию и беспримерному великодушию и милосердию вашего императорского величества, вместо оной, лиша их чинов и дворянства и переломля над головою их шпаги, сослать вечно в крепостные работы.

4-е, равным образом подпорутчика Кондырева, прапорщика князя Мещерского, Апостола-Кегича и Белелюбского, кои были с Муравьевым при возмущенных ротах в рассуждении, что все они склонились и последовали за ним без всякого особенного их желания, смотря на своих старших сотоварищей, а всего более от молодости их лет и неопытности; при том как по делу удостоверяется и ничем ему Муравьеву не содействовали, применяясь паки к великодушию и милосердию вашего императорского величества, избавя от дальней ссылки в гарнизоны, также лиша чинов и дворянского достоинства, разжаловать в рядовые и определить в кавказский отдельный корпус, с представлением начальству, когда они будут отличною своею службою обращать на себя внимание, войти с представлением о производстве их по степеням.

5-ое, преданного вместе с ними суждению подпорутчика Молчанова, подозреваемого в соучастии, но впоследствии оказавшегося неприкосновенным в мятеже и заговоре, за недонесение начальству в тотчас о читанной ему подпорутчиком Вадковским 30-го декабря записке, полученной от Муравьева об открытии тайного их общества, чем самым дал способ на некоторое время оставаться ему в неизвестности, сверх нынешнего содержания под арестом, выдержать еще в Бобруйской крепости два месяца на гоуптвахте, и потом обратить по прежнему на службу.

И, наконец, 6-ое, порутчика гусарского принца Оранского полка князя Коребут-Воронецкого, за ложное начальству донесение о взятии, якобы, в селении Гребенках, во время случившегося в Черниговском пехотном полку мятежа, капитана Фурмана и рядового Башмакова, с бывшими при них 30 человеками бунтовщиков, и за удержание у себя отобранных от одного рядового 18 руб. серебром, кои однако им возвращены, по уважению, что от сего никакого никому дальнего зла не последовало, арестовать на один месяц с выдержанием на гоуптвахте, и со внесением штрафа сего в формулярный его список.

По поступлении дела сего на ревизию в аудиториатский департамент, прислано в оный от дежурного генерала главного штаба вашего императорского

ского величества, для присоединения к оному, полученное 24 мая сего 1826 года на высочайшее вашего величества имя прошение от порутчика Сухинова, в коем он изъясняя, что при поражении мятежников Черниговского пехотного полка, он Сухинов бежал и скитался по полям и лесам, где день, где ночь, укрываясь от правосудия, что он преступник, несчастно-завлеченный легкомыслием по одной только необдуманной глупости к зловредному обществу, но в тайнах оного вовсе не участвовал, что он будучи переведен из Черниговского пехотного полка в Александрийский гусарский полк, находился еще в Василькове с позволения нового своего полкового командира для обмундирования; что в происшествии, случившемся с полковником Гебелем, почти он, Сухинов, не участвовал; ибо он даже спас Гебелю жизнь тогда, как от подполковника Муравьева-Апостола строго было приказано ему, Сухинову, умертвить Гебеля, чрез что и сам себя подверг было таковой же участи, равно он, Сухинов, в то же время спас и жандармского офицера Ланга, — просит всемилостивейшего вашего императорского величества прощения, представляя порукою прежнюю свою беспорочную службу, хорошее до того поведение и семь ран, полученных им в сражениях против неприятеля в 1812 и 1813 годах; и что он впредь клянется быть всегда верным слугою с пожертвованием жизни своей.

После чего доставлено в аудиториатский департамент от дежурного генерала главного штаба вашего императорского величества произведенное о подпорутчике Молчанове исследование, из коего видно:

Начальник главного штаба объявил главнокомандующему 1-ю армиею от 12 генваря сего 1826 года высочайшую вашего величества волю, что как в числе подозреваемых в участии с мятежниками офицеров находился прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка прапорщик, что ныне порутчик, Молчанов, то его взять и отправить в Санктпетербург под строжайшим караулом.

Главнокомандующий 1-ю армиею, по арестовании Молчанова и по доставлении его в Могилев, предписывал комиссии военного суда исследовать преступление его; на что оная комиссия донесла, что Молчанов, как по всем розыскам открывается, к тайному обществу не принадлежал, равно и в возмущении Черниговского пехотного полка участия не имел; но оказывается виновным в том, что был известен об отъезде к мятежникам служившего с ним в одной роте подпорутчика Вадковского и не только не задержал его, но даже и не донес начальству.

По отношению главнокомандующего означенное обстоятельство было предложено на рассмотрение комитета о злоумышленном обществе; и вследствие того от 17 марта сего года военный министр уведомил начальника главного штаба вашего императорского величества, что по изысканию комитета Молчанов оказался к тому обществу непричастным и за поступок его может быть предан военному суду беспрепятственно, ибо по делу, комитетом производимому, нет в нем Молчанове никакой надобности.

Потом военный министр от 3 маия сообщил начальнику штаба вашего величества, что подполковник Матвей Муравьев-Апостол в дополнительном показании своем припомнил обстоятельство, по коему полагал Молчанова принадлежащим к тайному обществу, хотя прежде никакого доказательства об оном сделать не мог, да и спрошенные прочие главные члены равномерно отозвались отрицательно. Сие вновь полученное от Матвея Муравьева-Апостола сведение заключается в следующем: брат его подполковник Сергей Муравьев-Апостол рассказывал ему в Василькове в конце 1825 года, что когда Молчанов подал в 1824 году в отставку, то генерал-лейтенант Рот, стараясь его удержать в службе, говорил ему, что он напрасно оставляет

оную и привел в пример себя. Молчанов ему отвечал, что он никогда не решится получить все раны, которые украшают генерала Рота; после чего Рот назвал его трусом при многих и ето дошло до Молчанова, который узнав о таковом отзыве сообщил Сергею Муравьеву-Апостолу, что он намерен за сие генерала Рота убить. Спрошенный об оном подполковник Сергей Муравьев-Апостол подтвердил сие показание брата своего, присовокупляя, что Молчанов в следствие совета его, Муравьева, остался покойным после такового порыва огорчения.

По случаю сему подпоручик Молчанов комиссиею военного суда, учрежденного в Могилеве, был спрашиван и показал, что в 1823 году после кончины отца его статского советника Александра Молчанова, приехал он, подсудимый, в корпусную квартиру город Житомир и просил корпусного командира генерал-лейтенанта Рота, испросить себе отпуск в Москву для утешения оставшихся несчастных сирот и престарелой бабушки, и приведения в порядок домашних обстоятельств; на что генерал Рот отвечал ему, Молчанову, что представит его прошение вышнему начальству; в следствие чего получил он на 28 дней отпуск в Москву. Генерал-лейтенант Рот, желая оказать ему, Молчанову, участие, которое он принимал в несчастии по случаю потери им отца, заставил его, Молчанова, взойти во все подробности его положения. Он, Молчанов, рассказал Роту, что их Молчановых остается пять сирот, три брата и две малолетные сестры; что не имея ни отца, ни матери, ему, подсудимому, как старшему, необходимо нужно вытти в отставку, дабы заменить сколько возможно, место отца двум сестрам, коих никак не намерен был отдать в чужие руки. Братья его, Молчанова — служащие, один в конно-егерском его величества короля Виртембергского полку, а другой лейб-гвардии конно-пионерном дивизионе, слишком молоды, при том имеют по службе в виду хорошую дорогу; он же, Молчанов, оставя службу, не столько потеряет, сколько они. На что генерал-лейтенант Рот сделал ему замечание, что служба его, Молчанова, еще поправится; что есть ли случится война, то служа в егерях он, Молчанов, может отличиться в стрелках, что его за ето возьмут в адъютанты, что теперь никто не может для него ничего сделать, но что в военное время это весьма легко; словом генерал Рот столько был милостив, что ясно показывал ему Молчанову желание удержать его в службе, хотя и чувствовал, что обстоятельства его, Молчанова, требуют противного. В то время был он извещен, что бабушка его, Молчанова, гвардии капитанша Марья Подлиннева, имея от роду 76 лет и видя себя не в состоянии заменить место отца и матери пяти сиротам, оставшимся при малом состоянии, с запутанными делами и 130 т. руб. долгу, решилась прибегнуть к стопам его величества блаженной памяти государя императора, для испрошения ему, Молчанову, увольнения от службы, изложа все вышеупомянутые причины; прошение о сем было послано на имя начальника главного штаба генерал-лейтенанта барона Дибича. Во время обстоятельств сих, ему Молчанову одному только известных, генерал-лейтенант Рот уговаривал его Молчанова не делать покушения выйти в отставку, ибо никто ему, Молчанову, доставить оной не может, и что он, Рот, первый бы взялся за сие, ежели б то было возможно; после чего он, Молчанов, почел не нужным объявить ему, что имеет надежду на прошение, поданное от имени бабушки его, Молчанова; генерал Рот приводил также в пример себя, что он без всякой протекции, служа в армии, дослужился до настоящего звания; что этот пример должен также ему подавать надежду вперед и прочее; он, Молчанов, старался всячески доказать генералу Роту, что ему долг и чувства его велят жертвовать своим счастием для благополучия двух сестер, которых отец, умирая, именно препоручил ему.

Молчанову, что исполнение последней воли отца его будет всегда единственною целию его жизни; а дабы не подать виду, что он соглашается на мнение генерал Рота нащет своей службы, он, Молчанов, отвечал, что не всякой имеет дарования его Рота, и может быть славным генералом, что военное время, отличие его, Молчанова, в стрелках, и назначение его в адъютанты не так верны, как польза, которую он принесет своему семейству; и что он, Молчанов, имеет еще двух братьев, которые служат и будут служить отечеству. Генерал Рот, наконец, сказал ему, Молчанову, так: «я вижу, что слова мои не могут вас переуверить, просьба ваша будет представлена». Он, Молчанов, поклонился, вышел и поехал в полк, жалея очень, что обстоятельства принуждали его, Молчанова, не быть согласным с мнением генерала Рота в продолжении партикулярного разговора, которым ему угодно было удостоить его, Молчанова. В последствии объявлено ему Молчанову по команде монаршее разрешение на отставку его, и он, подав просьбу по домашним обстоятельствам, приехал опять в корпусную квартиру просить отпуска до отставки, ибо бабушка его, Молчанова, была в то время очень больна и находилась в деревне с сестрами без всякой другой помощи. Генерал-лейтенант Рот выслал ему, Молчанову, ответ чрез дежурного штаб-офицера, что отпустить его до отставки не может. Он, Молчанов, поехал назад в полк и чрез четыре месяца после того просьба его Молчанова была возвращена в полк с отметкою, что он, Молчанов, должен еще заслужить вину прежнего полка, в котором он служил и за которую был переведен в армию. Таковую монаршую волю исполнял он, Молчанов, во всей точности, в чем могут засвидетельствовать его начальники, на коих он смело может сослаться.. Чрез несколько времени, а когда настояще не упомнит, дошел до него, Молчанова, слух, будто бы генерал Рот сказал при собрании многих генералов и штаб-офицеров, что он имел год тому назад партикулярный разговор с ним, Молчановым, наедине в своем кабинете и говорил ему, чтобы остался служить, приводя в пример свои заслуги и раны, но будто бы он, Молчанов, отвечал Роту, что он не намерен иметь столько ран, а поетому Рот заключает, что он должен быть трус. Он, Молчанов, старался узнать сие обстоятельно и спрашивал у многих, но никто ему удовлетворительно не отозвался, равно спрашивал и у Сергея Муравьева, полагая не слыхал ли он о том же. На сие Муравьев отвечал ему, что там не был и ничего не слыхал, прибавя, что ето не может быть правда, а ежели бы и была, то заочная брань есть подлость, которая ни мало не может марать благородного человека; ибо все знают, что он, Молчанов, не трус и таких ответов не в состоянии давать. Муравьев советовал ему, Молчанову, оставить сие без всякого внимания, тем более, что ето должно быть сплетни. Он, Молчанов, последовал его совету, не могши узнать кто распустил такой слух и быв твердо уверен, зная генерала Рота, что он никогда не мог никого оклеветать заочно без всякой причины и нужды. Между разговором он, Молчанов, сказал действительно Муравьеву, что ежели бы равный ему, Молчанову, сказал, что он должен быть трус, и есть ли бы он узнал о сем наверное, то непременно бы потребовал у него объяснения, почему он его щитает таковым, и испросил бы у него доказательства его храбрости, отвечая ему, Молчанову, за обиду нанесенную. Ежели Муравьев из того заключил, что он, Молчанов, имел намерение убить генерала Рота, то Муравьев его, Молчанова, не понял, что весьма легко могло случиться; ибо вступаясь за честь свою, хотя мнимо оскорбленную, он, Молчанов, не мог говорить хладнокровно. К тайному же обществу, как им, Молчановым, и прежде показано, он не принадлежал, членов никого не знал и не знает, и о существовании оного не имел никакого понятия до самого открытия.

Аудиториатский департамент по рассмотрении дела сего находя, что по окончательном заключении по оному с величайшею точностию следует определить степень преступления из числа подсудимых поручика Сизиневского, то-есть: по желанию ли, или же боясь угроз вошел он в шайку бунтовщиков, признал нужным к развязке сего обстоятельства учинить противу ответов его дополнение в следующем: 1-е, узнав в чьем доме Сизиневский во время мятежа квартировал, спросить под присягою живущих в том доме, не видел ли кто из них, что по вступлении Муравьева-Апостола 30 декабря 1825 года в Васильков, приходили к нему 6-ть человек вооруженных солдат и объявляли ему приказание Муравьева, и не слышал ли кто, в чем имянно оное состояло. 2-е, спросить полковника Гебеля: был ли у него, по выступлении из Василькова мятежников, поручик Сизиневский просить совета что ему делать и точно ли он, Гебель, не могши по слабости дать такового, махнул ему только рукою, также он ли, Гебель, приказал отослать чрез Каблукова полковые суммы в местечко Белую Церковь. 3-е, спросить под присягою жену полковника Гебеля: действительно ли советовался с нею Сизиневский, дабы спасти полковые суммы, когда за оными был он прислан от Муравьева-Апостола, сказать сему последнему, что те суммы унесены уже Каблуковым, а в самом деле находились еще оные у мужа ее; и точно ли после выхода из Василькова мятежников, Сизиневский, оставаясь еще там, приходил к мужу ее просить совета, а когда он, будучи трудно слабым, махнул только рукою, она сказала Сизиневскому сии слова: «в этом случае всякому до себя». 4-ое, спросить унтер-офицера, что ныне прапорщик, Каблукова под присягою: от кого получил он полковые суммы для доставления в Белую Церковь, и не знает ли он, по чьему совету или распоряжению были оные чрез него посланы и 5-ое, спросить под присягою: а) бывшего тогда в Василькове смотрителя провиантских магазейнов, по чьему требованию или приказанию и кому имянно отпустил он следовавший в Черниговский пехотный полк провиант на генварь месяц сего года и б) еврея, который купил сей провиант: кто имянно продавал ему оный и кому лично уплатил он следуемые за сей провиант деньги. О чем аудиториатский департамент 4-го июня сего года представлял докладную записку, испрашивая на сие от начальства разрешения.

В следствие сего по отношению начальника главного штаба вашего императорского величества, главнокомандующим 1-ою армиею был командирован в г. Васильков для учинения означенного дополнения старший адъютант армии подполковник Пеутлинг, который по прибытии туда, вытребовав от васильковского городничего сведение: в чьем доме имел Сизиневский квартиру, приступил обще с депутатом со стороны гражданской к тому дополнению, при коем спрошенные ими под присягою объявили:

Купец города Василькова, еврей Сруль Пекерский, что во флигеле дома его по 31 декабря 1825 года квартировал Сизиневский с одними своими денщиками, что других жильцов в том флигеле, кроме Сизиневского, не было, а только временно по препоручению его, Пекерского, наблюдал за домом его работник его еврей Ушер Когановский; и хотя он, Пекерский, жительствует вблизи сего флигеля, но чтобы 30-го того декабря по вступлении Муравьева-Апостола в Васильков с ротами, приходили к Сизиневскому 6-ть или сколько-либо вооруженных солдат, и объявляли ему какое приказание Муравьева, он, Пекерский, сего не видел, а только слышал от Ушера, что он, по выступлении Муравьева-Апостола из Василькова, видел разжалованного в рядовые Грохольского, приезжавшего в квартиру Сизиневского на санях с двумя вооруженными солдатами, с коими вместе в след за тем и Сизиневский поехал по тракту к селению Мотовиловке.

Радомысльский мещанин еврей Ушер Кагановский, согласно с сим показанием Сруля Пекерского, поясняя притом, что по выступлении из Васильков Муравьева-Апостола с ротами, Грохольский возвратившись от оных с двумя солдатами был в квартире Сизиневского с одним им, а солдаты стояли на дворе, после чего как бы за полчаса Грохольский с Сизиневским, а денщики его с солдатами поехали на двух санях в Мотовиловку.

Васильковского провиантского магазейна смотритель 10-го класса Петр Рог, что 28-го декабря 1825 года от командовавшего Черниговским пехотным полком подполковника Трухина поступило в тот магазейн требование об отпуске оному полку, следовавшего на генварь месяц сего года, провианта под расписку квартермистра подпорутчика Войниловича; по сему требованию, не имея тогда в магазейне полного количества муки 362 четвертей, не отпущено оного; но 31 декабря в квартиру его, смотрителя, прибыли Войниловичь и Сизиневский, из коих первый требовал от него книги для расписки в получении провианта; а как он, Рог, оканчивал тогда книги и отчеты за 1825 год и статья об означенном провианте не была еще занесена, то Войниловичь объявив, что он командирован Трухиным в 1-ю мушкетерскую роту, что полк выступает в поход, и что приказано Сизиневскому расписаться по той статьи в получении провианта, тотчас удалился; Сизиневский же оставшись в квартире его, Рога, настоятельно и с угрозами требовал от имяни Муравьева-Апостола, вместо провианта из магазейна, выдачи на отпуск оного ассигновки от контрагента, почему и принужден был он, Рог, занеся в то же время в книгу статью об отпуске провианта, дать таковую ассигновку контрагенту комиссионера 10-го класса Левицкого купцу Нусю или брату его Абраму Эпельбому об отпуске 300 четвертей муки и 28 четвертей круп, а достальное количество провианта оставлено для унтер-штаба, которое после из магазеина и допущено; в получении же полного количества расписался вместо Войниловича Сизиневский.

Васильковский мещанин еврей Аврум Лейб Эпельбейм — что по вступлении Муравьева-Апостола с ротами в Васильков, на другой день прийдя к нему Авруму Лейбе в дом порутчик Сизиневский с двумя солдатами и предъявя ему ассигновку, полученную от смотрителя Рога на 300 четвертей муки и 28 четвертей круп, требовал имянем Муравьева-Апостола, вместо сего провианта, выдачи денег, на что, когда он, Аврум Лейба, отозвался, что денег не имеет, и что получил бы он имевшийся тогда у него в запасе в натуре провиант, то Сизиневский не согласясь на то, взял его, Аврума Лейбу, и привел в квартиру Муравьева-Апостола, где Муравьев сказал, что как он выступает в поход, то провиант ему не нужен, а дал бы он, Аврум, непременно деньгами; на что хотя он и отзывался, что брат его купец Нус поручил ему удовлетворять полк не деньгами, а в натуре провиантом, но Муравьев-Апостол ни мало сего не уважая, грозил ему, Авруму Лейбе не шутить с ним Муравьевым и приказал тотчас дать деньги, чего испугавшись он, Аврум Лейба, вышел в другую комнату, где бывшие офицеры Щипилла и Сухинов, тоже грозили ему, Авруму; из них же Щипилла показывая ему два пистолета, сказал, что будет застрелен, есть ли не даст денег; напоследок по прозбе его, Аврума Лейбы, отпустить его, не займет ли он где денег, по приказанию Муравьева-Апостола был послан с ним, Аврумом, порутчик Сизиневский, с коим пришедши он в питейную контору и взяв тут 250 руб. серебром, доставил под надзором Сизиневского, в квартиру Муравьева-Апостола, где в виду Муравьева пересчитав, сам Сизиневский, сказал Муравьеву, что все сполна; оные же деньги лежали тогда в холщевом мешечке на канапе; после чего сам Муравьев-Апостол отдал ему, Авруму Лейбу, ассигновку, которая затем по возвращении брата

его купца Нуся Эпельбейма отдана ему; в натуре же провианта в полк от него, Аврума Лейбы, на генварь месяц вовсе не было дано, а как выше изъяснил он вынудительным образом и под угрозами уплатил деньгами, каковых в возврат и поныне не получил.

Полковница Роза Гебель, что 30 декабря 1825 года порутчик Сизиневский действительно приходил в квартиру мужа ее три раза с требованием от имяни Муравьева-Апостола выдачи полковых сумм говоря, что есть ли не доставит оных, то жизнь его подвержена опасности, но никогда не советовался о спасении денег, да и в то время когда Сизиневский приходил за оными, были его сии деньги уже отданы в ящик для спасения случившемуся при муже ее унтер-офицеру, что ныне прапорщик, Клабукову и именно тогда, как пред приходом Сизиневского шли возмутившиеся солдаты окружить квартиру их; на другой день по выходе из города Василькова мятежников, Сизиневский, оставаясь еще там, приходил к мужу ее, как сказывал ей, спросить совета, что ему делать, но не был ею к мужу допущен; ибо он будучи очень слабым, не мог тогда дать Сизиневскому совета; а потому и показания Сизиневского, что он говорил с мужем ее, и что сей махнул ему рукой — несправедливо; касательно же того, что она, Гобель, сказала Сизиневскому сии слова: «в этом случае всякому до себя», как она находилась тогда в расстроенном положении, совершенно того не помнит.

Полтавского пехотного полка прапорщик Клабуков — что полковые суммы взяты им от полковницы Гебель по время нашествия в квартиру его мятежников, без всякого постороннего распоряжения или совета, но единственно по желанию его, Клабукова, спасти оные при сем несчастном случае; опасаясь же их преследования и не надеясь от них укрыться в городе Василькове, вынужден был он итти в местечко Белую Церковь, где явившись командиру 3-го пехотного корпуса представил ему те суммы.

Полковник Гебель объяснял, что по выступлении из Василькова мятежников порутчик Сизиневский у него не был, о полковых суммах не мог он, Гебель, в то время делать никаких распоряжений по слабости, в коей находился, но знает от жены своей, что когда мятежники шли на двор для взятия знамен и казенного ящика, тогда находившийся при нем унтер-офицер (что ныне прапорщик) Клабуков, прибежав в испуге к ней, просил поверить ему что-либо лучшее для сохранения, которому и отдала жена его, Гебеля, упомянутые суммы, с коими Клабуков ушел из города и потом представил их к корпусному командиру в Белую Церковь.

Между тем комиссариатский департамент от 31 маия сего года, уведомляя аудиториатский департамент, что начальник главного штаба вашего императорского величества сообщил военному министру, что по представлению главнокомандующего 1-ою армиею высочайше повелено: оказавшиеся в недостатке в Черниговском пехотном полку вещи, после происшедшего в оном мятежа, пополнить из казны, взыскав за оные, по окончании военно-судного дела с виновных; и что во исполнение сей высочайшей воли комиссариатский департамент сделал распоряжение об отпуске в тот полк вещей, по доставленной в копии выписке означенных, просит по открытии в военно-судном деле виновных, с коих будет следовать учинить взыскание, известить оный департамент.

Потом комиссариатский департамент, вследствие требования аудиториатского департамента, доставил выписку тем отпущенным в Черниговский пехотный полк вещам, означив, что оные стоют цены 1170 ру. $8^{3}/_{4}$ ко.

Заключение.

Аудиториатский департамент по рассмотрении сего дела находит:

1-ое, из подсудимых штабс-капитан барон Соловьев и порутчик Сухинов, принадлежа тайному Славянскому обществу, избравшему себе противузаконные правила стремиться на испровержение установленного в государстве порядка, были верными сподвижниками и участниками во всех злых замыслах возмутителя подполковника Сергея Муравьева-Апостола; ибо они, Соловьев и Сухинов, в то время, как Муравьев и брат его, по высочайшему повелению арестованы полковником Гебелем в селении Трилесах, забыв должное к званию его уважение, для освобождения Муравьевых, вместе с ними и порутчиками Кузминым и Щипиллою, сделали на Гебеля нападение, и отобрав у часовых ружья, причинили ему оными жестокие раны, потом с возмущенными Муравьевым двумя ротами, когда вошел он в город Васильков, из них Сухинов следуя вперед с толпою возмущенных солдат и повстречав подполковника Трухина, с частию нижних чинов шедшего на встречу Муравьеву-Апостолу, окружил их с сею толпою, при чем сорваны были с Трухина эполеты и шпага и он посажен на гоуптвахту, откуда тогда же выпущены были арестанты, в том числе и Соловьев, который до вступления еще Муравьева, приехав в Васильков, был Трухиным арестован; после сего Сухинов с тою толпою, отправясь в квартиру полкового командира, взял там знамена и казенный ящик; а переночевав с Муравьевым в Василькове и способствуя они Соловьев и Сухинов ему уговорить еще бывшие там три роты присоединиться к ним, находились оба при чтении полковым священником на площади пред всеми ротами составленного Муравьевым-Апостолом и подпорутчиком Бестужевым-Рюминым возмутительного катихизиса, наполненного оскорбительными выражениями противу верховной власти, с превратным истолкованием текстов священного писания и потом провозгласив мнимую свободу отправились из Василькова с теми ротами под командою Муравьева-Апостола, имевшего намерение возмутить вблизи квартировавшие войска; но на пути быв преследованы воинским отрядом, из них Соловьев взят с оружием в руках, а Сухинов бежал, и укрываясь в разных местах составил себе фальшивый пашпорт. Прапорщик же Мозалевский по вступлении Муравьева-Апостола с двумя ротами в Васильков, тотчас присоединился к нему, и по приказанию его заняв пост караульного офицера на заставе, останавливал всех приезжавших в Васильков, при чем взяв под арест прибывших туда двух жандармских офицеров, и произнося к ним угрозы, посадил их на гоуптвахту, отобрал имевшиеся у них деньги, дал из оных 25 руб. бывшим в карауле солдатам на водку, а прочие доставил Муравьеву, потом по повелению его переодевшись в партикулярное платье, и получив три возмутительные катихизиса, отправился в город Киев с одним унтер-офицером и тремя рядовыми, у коих велел спороть погоны, дабы не узнали, которой они дивизии; а по прибытии в Киев велел бросить сии катихизисы на улице; однако, при возвращении оттуда на дороге был схвачен и взят под арест; сверх того знал он, Мозалевский, о существовавшем в 3 корпусе тайном обществе, но не донес о сем начальству.

2-е, подпорутчик Быстрицкий, до вступления еще Муравьева-Апостола с возмущенными им двумя ротами в Васильков, быв командирован подполковником Трухиным в местечко Германовку для принятия под начальство свое, состоявшей в команде барона Соловьева, 2-й мушкетерской роты, прибыл с оною в Васильков 31 декабря 1825 года, по выступлении уже оттуда Муравьева-Апостола, и узнав, что он вооруженною рукою заставил всех

повиноваться, решился соединиться с полком единственно из боязни быть захваченным однополчанами его, или от самого Муравьева-Апостола, и потому не остановясь в Василькове пошел с ротою в селение Мотовиловку, где сдал ее барону Соловьеву; потом находился при мятежниках до самого поражения их, и взят был воинским отрядом с оружием в руках. А хотя Быстрицкий обстоятельствами дела не уличен в принадлежности к тайному обществу и в знании о настоящей цели Муравьева-Апостола и сообщников его, но виновен Быстрицкий в том, что по приходе в Васильков с ротою, не испросив у начальников своих наставления, что ему делать, самовольно ушел оттуда и передав роту в руки мятежников, сам при них остался, чем и сделался сообщником их.

3-е, штабс-капитан Маевский, порутчики Петин и Сизиневский и подпорутчик Войниловичь, видя противузаконные и возмутительные действия Муравьева-Апостола, присоединились к сообществу его и исполняли данные от него повеления; поелику из них Петин, командуя 2-ю гренадерскою ротою, когда прибыл к нему Муравьев-Апостол из селения Трилес, после причинения там увечья полковнику Гебелю, не старался узнать: для чего он приказал сей роте быть в готовности, а видя, что Муравьев-Апостол поил солдат водкою и говорил им: «Служите за бога и веру для вольности», не воспротивился Муравьеву в таковых злых его замыслах, но последовал за ним с тою ротою в Васильков; есть ли же Петин, как объяснился пред судом, не имел возможности противу угроз Муравьева воспротивиться, по крайней мере при начале еще возмущения обязан был, заметив противузаконное Муравьева обольщение нижних чинов, внушить им прямую их обязанность и тогда, будь бы они не послушались, изыскать средства отстать от мятежников. Маевский же, Сизиневский и Войниловичь, ежели и угрозами Муравьева-Апостола и сообщников его принуждены были исполнять волю их, имели совершенную возможность, не подвергая жизнь свою опасности, удалиться от них; ибо Маевский получа от Муравьева дозволение ездил из Василькова в селение Плисецкое, где квартировала бывшая в команде его рота, для взятия оставшихся там вещей и жалованья; Войниловичь посылан Муравьевым с приказанием от него в 1-ю гренадерскую роту, которая обще с капитаном Козловым не присоединилась к Муравьеву, и не поверив никаким ложным его обольщениям удалилась и ушла в дивизионную квартиру; а Сизиневский по выступлении Муравьева-Апостола из Василькова, оставался там еще несколько времени с тяжестями; но за всем тем они, Маевский, Войниловичь и Сизиневский, не отстав от мятежников, последовали за ними, а после уже как они, так и Петин, почувствовав заблуждение свое, бежали и добровольно явились начальству.

4-е, подпорутчики Рыбаковский, Кондырев и прапорщики князь Мещерский, Апостол-Кегичь и Белелюбский, по вступлении Муравьева-Апостола в Васильков, были также присоединены им к мятежнической его шайке, и из них Рыбаковский находился по приказанию его в карауле у заставы, а после все они последовали из Василькова за Муравьевым при возмущенных ротах; но на пути отстав от оных ушли и добровольно явились к своему начальству. Пред судом все они объявили, что боясь угроз, пристали к мятежникам; а из дела видно, что с Кондырева, когда повстречался он с Сухиновым и с бывшею с ним толпою нижних чинов, были сорваны эполеты, и тогда же он, Кондырев, вместе с подполковником Трухиным посажен на гоуптвахту; Апостол же Кегичь, возвращавшийся в Васильков с жандармским порутчиком Несмеяновым, был взят Мозалевским у заставы и арестован; а Белелюбский при вступлении Муравьева в Васильков, нахо-

дясь в карауле на гоуптвахте, и имея у себя нижних чинов не более 8 человек, не мог сделать никакого сопротивления против мятежников, которые заряженными пистолетами угрожали его лишить жизни, но в то время, когда он был ими послан снять караулы, скрылся не исполнив сего, и на другой уже день случайно увидя его Муравьев принудил следовать за ним; сверх сего полковник Гебель и подполковник Трухин удостоверили, что Кондырев, князь Мещерский и Апостол-Кегичь насильно были увлечены мятежниками и к сообществу их не принадлежали; а васильковские городничий и земский исправник объяснили суду: первый, что Кондырев приходил к нему городничему в отчаянии и слезах, и объявляя, что следует за Муравьевым по не воле, просил засвидетельствовать о сем пред начальством; и что с подобными объявлениями и прозбами также приходили к нему городничему Рыбаковский, Апостол-Кегичь и князь Мещерский сказывая, что за всеми ими был от Муравьева-Апостола особый надзор; а последний, что Кондырев и Рыбаковский точно являлись к нему и спрашивали адъютанта Павлова, при чем Кондырев с заплаканными глазами говорил, что он по принуждению Муравьева послан за Павловым. По сему вина их Рыбаковского, Кондырева, князя Мещерского, Апостола-Кегича, и Белелюбского, что последовали за Муравьевым не воспротивясь ему, заслуживает снисхождения, тем более, что и сопротивления одних их, как в полку младших и в команде своей никаких частей не имевших, было бы бесполезно.

5-е, хотя подпорутчик Молчанов предан суду по случаю, что имел связь с подпорутчиком Вадковским, его родственником, который был членом тайного общества и приезжал к Муравьеву в Васильков в день произведенного им возмущения; но Молчанов по судопроизводству ни в чем виновным не оказался, ибо Вадковский пред отъездом своим к Муравьеву читал только Молчанову полученную от Муравьева записку о том, что их тайное общество открыто; однако не пояснял, в чем именно оное состояло; и следовательно, доносить начальству о том, что Молчанов настояще не знал, и что прежде сего было уже открыто, почитал он ненужным; при том и противу показаний Сергея и Матвея Муравьевых, в намерении убить генерал-лейтенанта Рота, он, Молчанов, не сознался и по делу нет в том никаких доказательств.

Соображая все сии обстоятельства с прописанными в сентенции военного суда законами, аудиториатский департамент признает из подсудимых барона Соловьева, Сухинова и Мозалевского, как по злым действиям их главных сообщников возмутителя Сергея Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни.

Сверх того полагает:

а) Сообщников подполковника Муравьева-Апостола порутчиков Кузмина и Щипиллу, прапорщика квартирмейстерской части Муравьева-Апостола, участвовавших в возмущении, но убитых на месте поражения, согласно с мнением главнокомандующего 1-ю армиею, из списков выключить как изменников, на могилах их крестов и никаких памятников, приличных христианскому погребению, не делать, но поставя виселицу к вечному их посрамлению, прибить под оною имяна их.

б) Подпорутчика Быстрицкого за то, что прийдя с ротою в Васильков, по выходе уже оттуда Муравьева-Апостола, и не испросив от начальников своих наставления, что ему делать, самовольно ушел и передав роту в руки мятежников остался при них, и после взят обще с ними с оружием в руках, лиша чинов и дворянского достоинства и переломя над головою его шпагу, сослать в Сибирь в каторжную работу.

в) Штабс-капитана Маевского, порутчиков Петина и Сизиневского и подпорутчика Войниловича за исполнение приказаний Муравьева-Апостола, видя действия его возмутительными и противузаконными, во уважении, что они признав после заблуждение свое отстали от него, и добровольно явились начальству, лиша чинов и дворянского достоинства, написать в рядовые, определив в дальние гарнизоны.

г) Подпорутчиков Рыбаковского и Кондырева, прапорщиков князя Мещерского, Апостола-Кегича и Белелюбского, не имевших намерения к возмущению, но противу желания их увлеченных с собою Муравьевым-Апостолом и бежавших от него как скоро нашли случай, и тогда же явившихся к начальству, приемля во внимание неопытность их и молодые лета, посадить их в крепость на полгода для восчувствования оказанного ими при возмущении малодушия, и потом определить на службу.

д) Подпорутчика Молчанова, как виновным не в чем не изобличенного, освободив от суда и ареста, отправить на службу.

е) За оказавшися в недостатке в Черниговском пехотном полку после происшедшего в оном мятежа, аммуничные вещи, взыскать исчисленную комиссариатским департаментом сумму 1170 руб. $8^{3}/_{4}$ коп. с имения подсудимых Соловьева, Сухинова, Мозалевского, Быстрицкого, Маевского, Петина, Сизиневского и Войниловича, как признанных по сему делу виновнейшими.

ж) Порутчика гусарского принца Оранского полка князя Коребут-Воронецкого, который при производстве сего дела уличен в несправедливом начальству донесении, о взятии якобы им в селении Гребенках, во время означенного мятежа, капитана Фурмана и рядового Башмакова с 30 человеками бунтовщиков, и в удержании у себя отобранных у рядового Черниговского пехотного полка Евдокима Степанова 18 руб. серебром, кои тотчас не возвратил, но доставил оные уже по востребовании начальством, арестовать за те неприличные поступки на три месяца с содержанием на гоуптвахте.

Впрочем аудиториатский департамент заключение сие всеподданнейше повергает на всевысочайшее вашего императорского величества благоусмотрение.

Генерал аудитор М и л о в а н о в.
5-го класса П а щ е н к о.
5-го класса В и ш н я к о в.

Военный Советник М а р ч е н к о.

10-го июля
1826 года.

[*Резолюция.*] Барона Соловьева, Сухинова и Мозалевского, по лишении чинов и дворянства и переломлении шпаг над их головами пред полком, поставить в г. Василькове, при собрании команд из полков 9-й пехотной дивизии, под виселицу и потом отправить в каторжную работу вечно. К той же виселице прибить имяна убитых Кузмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, как изменников по выключке их из списков. О Быстрицком и о прочих, равно и касательно взыскания денег за растраченные аммуничные вещи быть по мнению аудиториатского департамента.

Н и к о л а й.

В Царском Селе.
Июля 12-го дня 1826 года.

41.

Отношение главнокомандующего 1-ю армиею на имя начальника главного штаба от 5 августа 1826 г.

Милостивый государь барон Иван Иванович!

По рассмотрении военно-судного дела, произведенного над нижними чинами Черниговского пехотного полка за измену и мятеж, я в силу высочайших его императорского величества повелений, изьясненных в отношениях вашего превосходительства ко мне от 6-го февраля за № 369-м и от 16-го истекшего июля с № 81-м, конфирмовал:

1-е. Фельдвебеля Михея Шутова, унтер-офицера Прокофия Никитина, и рядового Олимпия Борисова, яко главнейших по сему делу преступников, в которых кроме измены и присоединения их с прочими к возмутителю Муравьеву, заключаются важнейшие дерзости и буйства: первого в том, что он по долговременному служению в роте, без сомнения имел более от своих солдат уважения и доверенности, при самом начале видя из нападения Муравьева со своими участниками на полковника Гебеля, явной бунт, легко мог бы первых удержать посредством солдат, а сих последних уговорить строгостию законов и данною государю своему присягою, от чего и не мог бы бунт сей возникнуть; но напротив того, он, Шутов, первый оставив караул и начальника своего, убежал; а потом собравши роту отправился за мятежниками, и еще, наконец, при встрече солдат, возвращенных дивизионным начальником на ротной двор, изьявил к оному в самых дерзких выражениях явное презрение, каковым поступком был первым началом происшедшего бунта. Второго — Никитина в том, что он по откомандировке возмутителем Муравьевым с полковым квартирмистром в 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкатерскую роты для подобного возмущения, обратился на грабеж; а придя в дом дворянина Милевича, изрыгнул поношение к особе государя императора, требовал от хозяина денег; когда же пришедший туда 3-го фурштатского баталиона маиор Тимофеев с тремя офицерами, узнав о их буйстве, начал уговаривать, чтоб он отстал от Муравьева, то он Никитин со смехом сказал, что нет у них никаких начальников, тут же взяв ружье на перевес с примкнутым штыком, подскочил к нему, Тимофееву, и намеревался нанесть оным удар; но быв до сего офицерами не допущен, бросился на него же с кулаком.—А третьего—Борисова в том, что с прибытием Муравьева в Васильков, при арестовании мятежниками маиора Трухина, и по столкнутии его в гренадерский взвод, дерзнул ударить начальника своего по шее; по снятии с Шутова имеемой им в память 812-го года медали, прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек каждого по двенадцати раз с наблюдением установленного порядка на щет тех, кои в один раз наказания не выдержат, и потом по выключке из воинского звания, сослать их вечно в каторжную работу.

2-е. Из прочих затем не из дворян унтер-офицеров: Ивана Лазыкина, Тимофея Николаева, Ивана Корчагина, Архипа Дубова и Егора Тимофеева, наиболее других изобличившихся виновными в добровольном последовании с возмутителем Муравьевым и его сообщниками; в исполнении всех злодейских их предприятий; а первые троя в забрании в квартире полкового командира знамен и казенного денежного ящика; Николаев же сверх того в произведении различных буйств; по разжаловании всех их в рядовые, прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек по шести раз.

3-ье. Ивана Дмитриевского, каптенармуса Кириллу Якубовского, унтер-офицеров: Спиридона Пучкова, Ивана Харитонова, не менее первых

найденных виновными в содействии Муравьеву в гнусных его предприятиях, выше сего описанных, разжаловав тоже в рядовые, прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек каждого по пяти раз.

4-е. Спиридона Иванова, Павла Сафронова, Ивана Простака, Михайлу Башкина, Моисея Чугунова, Ивана Павлова, Логина Сергеева, фельдвебеля Карпа Никитина, унтер-офицеров: Василья Гаврющенка, Прокофья Внукова, Панкратия Лебедева, Ивана Григорьева, Леонтия Костюкова, Мирона Кучеринского, Андрея Сидорова, Никифора Маценку, Василия Муратова, Андрея Кондракова, Дмитрия Соловкина, Павла Алексеева, фельдвебеля Александра Титова, унтер-офицеров: Осипа Горяева, Степана Лахтина, Ульяна Данилова, Василия Яковлева, Моисея Гордеенку, полкового барабанщика Андрея Гребеникова и баталионного Никиту Полина, кои быв очевидцами всех мятежных действий возмутителя Муравьева и его соумышленников, клонящихся к испровержению законной власти, добровольно последовали за ним и вовлекли к тому и других нижних чинов в команде их бывших; как нарушителей верноподданнической присяги, то же по разжаловании в рядовые, прогнать чрез тысячу человек по три раза;—а бывших вместе с ними поимянованными в 3-м и 4-м пунктах, в одинаковом преступлении изобличенных, из обер-офицерских детей Виталия Фитиалина и Григория Ляшковского по лишении права, обер-офицерским детям присвоенного, разжаловать только в рядовые до выслуги.

5-е. Унтер-офицеров, состоявших в музыкантской команде: Самойлу Леонтьева, Василия Тимофеева и Алексея Макарова, которые, хотя как из общих опросов музыкантской команды видно, последовали за мятежниками с принуждения оных и чинимых от них угроз: наказать их тесаками, а в случае непослушания поколоть штыками; но как они имели более других рассудка и случая уклониться от мятежников, чего однако ж не исполнили, то ж по разжаловании в рядовые прогнать чрез тысячу человек по одному разу.

6-е. Фельдвебеля Клима Абрамова, унтер-офицеров: Софрона Сычева, Ивана Васильева, Тимофея Рошкова, Ефима Матвеева, Дмитрия Швецова, Ивана Герасимова, Кондратия Федорова, Василия Кушкова, Романа Калюжного, Кондратия Юрьева и Дмитрия Щербакова, менее других оказавшихся виновными, но токмо за одно добровольное последование с возмутителем Муравьевым, по лишении из них Абрамова и Юрьева знаков отличия военного ордена, тож по разжаловании всех в рядовые, прогнать чрез тысячу человек по два раза.

7-е. Портупей прапорщика Ивана Цевловского, унтер-офицеров: Ивана Рутницкого и Ивана Галкина, за таковое же добровольное последование за возмутителем, из коих однако, как по делу значится, последние двое быв выведены из своего заблуждения в последствии времени от мятежников отклонились и особенных преступлений за ними не оказалось, при том Цевловский и Рутницкий вовлечены к тому были более по неопытности и незрелости лет, не могли предвидеть ни отклонить случившихся последствий, разжаловать токмо в рядовые с лишением Цевловского дворянского достоинства и Рутницкого права, обер-офицерским детям присвоенного, впредь до выслуги.

8-е. Рядовых Алексея Никифорова, Алексея Григорьева, Ивана Аникина, Мартына Рогачева, Василия Домшина, Николая Иванова, Никиту Холодкова, Павла Шурму и Петра Лаврентьева, бывших в селении Трилесах в карауле при арестованных мятежниках Муравьевых, за неисполнение приказания полкового своего командира полковника Гебеля, допущение напасть на него тем мятежникам и оставление своих постов: — равно рядо-

вых же Дмитрия Грохольского и Игнатия Ракузу, разжалованных напредь сего за преступление из офицеров с лишением дворянского достоинства, кои еще прежде возмущения были известны о тайном обществе злоумышленников и о злодейской их цели, о коих не только не объявили начальству, но по возможности оказывали к тому содействие, а Ракуза сверх того и за оклеветание разных невинных лиц; Федора Иванова, Сидора Романова, Данилу и Якова Зайцевых, Тимофея Савельева, Тараса Николаева и Андрея Васильева, ревностно исполнявших приказание Муравьева и его соумышленников в забрании знамен и казенного полкового ящика; Спиридона Кузионова, Максима Андреянова, знавших о бунте и возмущавших к оному сотоварищей своих; Алексея Федорова, Павла Прокофьева и Якова Сафронова, кои кроме общей измены быв посланы как из дела видно в Киев, разбросали там возмутительные катихизисы; по важности всех их преступлений: чрез тысячу человек по четыре раза.

9-е. Михайлу Николаева, Кондратия Степанова, знавших о всем происходившем в селении Трилесах, но оставивших без всякой помощи своего полкового командира и присоединившихся к мятежникам; Михайлу Пушлина, Ивана Борисова, отдавших без наималейшего сопротивления полковые знамена и полковой ящик и Петра Ефимова, сверх присоединения к мятежникам, ока[за]вшего грубости полковому адъютанту с произношением возмутительных слов: прогнать тоже чрез тысячу человек по три раза.

10-е. Никиту Волкова, Василия Ахменчука, Василия Соколова, последовавших за мятежниками, не взирая на сделанные им от ротного командира и фельдвебеля предварении; Фому Лапина, Исая Рубцова, Яна Матвеева, делавших сверх последования за мятежниками разные буйства и ругательства своим унтер-офицерам, то ж чрез тысячу человек по три раза.

11-е. Лукьяна Григорьева, Ивана Сидорова, Никифора Нестерова, Фриц Фрица, Юрия Адо, Дмитрия Рудакова, Сергея Павлова, Петра Долганова, Гаврилу Филимонова, Лазаря Семенова, Афанасия Алексеева, Юрия Яна, Исаия Жилкина и Максима Степанова, кои сверх добровольного последования за мятежниками, изобличены в отнятии у мужиков шапок, сапогов и в кражах одежды, то ж чрез тысячу человек по два раза.

12-е. Степана Антонова, Григория Антонова и содержавшегося на гоубтвахте, бежавшего из Елецкого пехотного полка Максима Алексеева, за коими кроме добровольного последования за мятежниками, других преступлений не оказалось, прогнать то ж чрез тысячу человек по одному разу.

13-е. Михайлу Голобокова, Гаврилу Садакова, Алексея Осмолова, Иевлея Страмилова, Петра Томаша, Бертеля Яна, Никиту Ларионова, Варфоломея Агеева, Лаврентия Козьмина, Григория Литвиненка, Ивана Константинова и Антона Чернухина, барабанщика Якова Силаева, плотника Павла Юрьева и фурлейта Михайлу Молчана, как ни в каких особенных преступлениях не оказавшихся и вовлеченных в шайку мятежников, единственно по простоте своей, и более примером начальствовавших над ними офицеров, и унтер-офицеров, по снятии из них с Константинова знака отличия св Анны, а с Чернухина знака военного ордена, наказать всех палками по двесте лозанов.

14-е. Рядового Якова Михайлова, как ни в чем невиновного, освободя от суда и ареста, без всякого наказания, употребить на службу в том же полку.

15-е. Казенного полковника Гебеля денщика Александра Григорьева, как явного бунтовщика и не защищавшего своего начальника, но, напротив,

предавшегося мятежникам, первоначально с забранным им экипажем Гебеля, а потом и из квартиры его своими вещами, в пример и страх другим прогнать чрез тысячу человек четыре раза.

16-е. Лишенного духовного звания Даниила Кейзера, изобличенного в исполнении приказаний мятежников из корысти и нарушившего священные обязанности к богу и государю, следовало бы подвергнуть тоже телесному наказанию, но как он из дворян, то по основанию жалованной дворянству грамоты, лиша дворянского достоинства, обратить на службу вечно рядовым. И как его, так и всех подвергнувшихся наказанию, сообразно высочайшему повелению, отправить как порочных на службу в Кавказский отдельный корпус.

И наконец 17-е. Содержащихся в местечке Белой Церкве дворовых мятежных офицеров, людей: Никиту Масленку, Филипа Пряшенку, Луку Галицкого, Акима Воронина, Прокофия Саурова, Ивана Королькова, Ивана Щербакова, Ивана Федорова и Василья Лобанова, как не преданных военному суду и ни в каких особенных преступлениях и прикосновенности к мятежу неучавствовавших, кроме того, что они во время происшедшего возмущения находились при своих господах и их экипажах, — освободя из под ареста передать в гражданское ведомство, для отсылки их по принадлежности. —

Употребленные ж из казны на прогоны г.г. членам комиссии военного суда, производителю дела обер-аудитору, помощникам его и нижним чинам выкомандированным для письма 1286 руб. 35¼ коп., на канцелярские расходы по производству дела 400 руб., на посылку нарочных 500 руб., неоказавшиеся при взятии подполковника Муравьева из числа выручennых за проданный по приказанию его провиант 124 руб. и недоставших в казенном полковом ящике артельных 43 руб. — всего 3353 руб. 35¼ коп., так как сии суммы упадают ко взысканию с возмутителя Муравьева, то по несуществованию уже его принять оные на щет казны; а подаренные подпорутчиком Бестужевым-Рюминым рядовому Гро[хо]льскому серебряные ложки, вилки, ножи и ситечко, хранящиеся ныне в киевской казенной палате, продав с публичного торгу, вырученные за оные деньги обратить по принадлежности.

Таковую конфирмацию я ныне же приказал командиру 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту Роту привесть в надлежащее исполнение, и как из числа означенных подсудимых некоторые из дворян и вольноопределяющихся лишены сих достоинств и прав оным присвоенных, то о сем уведомляя ваше превосходительство для доклада его императорскому величеству, с истинным почтением и преданностию имею честь быть вашего превосходительства

покорный слуга граф Сакен.

№ 975-й.
5 августа 1826 года.
Г. Могилев Белор.

Его пре-ву барону
И. И. Дибичу.

ОТДЕЛ II

МАТЕРИАЛЫ ДОЗНАНИЯ И КОНФИРМОВАННЫЕ ПРИГОВОРЫ ПО ДЕЛАМ НИЖНИХ ЧИНОВ 8-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ И 8-Й АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ.

1.

Рапорт начальника главного штаба генерал-адъютанта бар. И. И. Дибича на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 15 февраля 1826 г.

Главный Штаб
его императорского величества.
По канцелярии
дежурного генерала.
В С.-Петербурге
15-го февраля 1826
№ 392-й

Секретно.

Господину главнокомандующему
1-ю армиею.

Начальника главного штаба его императорского величества.

Рапорт.

Из препровождаемых при сем вопросов и взятых по оным от подпоручика Полтавского пехотного полка Бестужева-Рюмина ответов, ваше сиятельство усмотреть изволите, что Черниговского пехотного полка подполковник Сергей Муравьев-Апостол был в сношениях с нижними чинами полков 8-й пехотной дивизии, переведенными из бывшего состава лейб-гвардии Семеновского полка, из числа коих шесть человек Бестужев-Рюмин называет по именам. Вследствие такового показания подпоручика Бестужева-Рюмина, государь император высочайше повелеть соизволил, чтоб ваше сиятельство приказали обратить особенное внимание на нижних чинов прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка, значущихся в показании его Бестужева-Рюмина, и исследовать: справедливо ли он показывает и в каких именно сношениях и согласии находились те нижние чины как с ним, так и с Муравьевым-Апостолом; — что же по исследованию окажется, почтили бы меня уведомлением для доклада государю императору.

О сей высочайшей воле имею честь донести вашему сиятельству.

Начальник главного штаба Дибич.

1826 года, февраля 7-го дня от высочайше учрежденного комитета подпоручику Бестужеву-Рюмину вопросный пункт.

В 5-м пункте данных вам вопросов требовалось ясное показание о том, каким именно полкам принадлежали те служившие прежде в Семеновском полку солдаты, коих Сергей Муравьев преклонял к своей цели и взял с них присягу, но в ответе на оный вы, сознаваясь в возмутительных сношениях с сими солдатами, умалчиваете однако же о имянах их. Комитет, встречая

столь явное уклонение ваше от чистосердечного ответствия, которое вы непременно сделать обязаны, еще раз требует от вас точнейшего объяснения.

1.

Кто именно были те приходившие к Сергею Муравьеву солдаты (служившие в Семеновском полку), которые, быв возбуждены вами к возмущению, обязались действовать по первому вашему приказанию, и каким именно полкам каждой из них принадлежал?

2.

По какому поводу солдаты сии приходили прямо к Сергею Муравьеву, а не другому кому-либо?

При сем вновь замечается вам, что дальнейшее уклонение от ясных удовлетворительных ответов подвергнет вас сугубому взысканию по законам.

Ответы на вопросные пункты подпорутчика Бестужева-Рюмина от 7 февраля.

1.

Приходившие к Сергею Муравьеву солдаты принадлежали полкам: Пензенскому, Тамбовскому, Саратовскому, 15-му и 16-му егерским. Не знаю наверно, были ли из Троицкого. Как я служил в Семеновском полку весьма не долго, то поимянно немногих знал. Когда же стали к Муравьеву приходить по-десяти и более, я имяна их не спрашивал, ибо не видал в том нужды, коих вспомню назову. Саратовского Анойченко, Алексей Андреев, Пересеткин. Пензенского полку Яковлев, одного из егерских полков Клянов. Но за исключением разве немногих приходили к Муравьеву все солдаты Семеновского полка, находящиеся в 8-й дивизии, кои были в лагере (некоторые оставались в гошпиталях).

2.

Приходили к одному Сергею Муравьеву по двум причинам: 1) потому что многие были его роты; прочие же, потому что из бывших Семеновских офицеров в 9-й дивизии знали одного Муравьева (меня знали только Пересеткин и Алексей Андреев). 2) Остальные, слыша от товарищей, что мы им говорили, стали так же к нам приходить.

Присяги не брано. Имея очевидные доказательства, что все открыто, стану ли что-либо утаивать?

Умоляю Комитет, чтоб все мои ответы, в коих окажется недовольно ясности, мне были возвращены, с означением, что имянно хотят от меня узнать. — Тогда уверится может быть Комитет в истине моего чистосердечия.

Подписал подпорутчик Бестужев-Рюмин.

Выписка из вопросов, данных Черниговского пехотного полка подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу от 31 генваря 1826, и ответов его.

Вопрос.	Ответ.
Пункт 10-й. Каким полкам принадлжат те, служившие прежде в Семе-	1825 года во время лагеря при Лещине, приходили ко мне солдаты, бывшие в Семеновском полку, Пензенского Гульбин,

новском полку, солдаты, коих вы в лагере 1825 года преклоняли к цели общества? Каким образом сие производили и какого рода вы взяли с них обещание?

Тамбовского Малафеев и Иванов, Саратовского Федор Николаев, Анойченко, Греков и другие, коих имян не припомню. Я с ними разговаривал о тягости службы, бранил ее, вспоминал им старой полк, спрашивал их: помнят ли они своих старых офицеров, помнят ли меня? Говорил им, что я уверен, что они от своих старых офицеров никогда и нигде не отстанут и тому подобные говорил им речи, особенного же какого обещания с них не брал.

Кто имянно тот солдат 8-й дивизии (из служивших прежде в Семеновском полку), которой будучи в лагере 1825 года у вас кричал против начальства и жаловался на судьбу свою и какому полку он принадлежит?

Бывший у меня во время того же лагеря и жаловавшийся на судьбу свою солдат прозывается, если не ошибаюсь, Малафеев и с ним был еще другой, которой однако ж молчал и не участвовал в жалобах первого, сего последнего зовут, кажется, Иванов, прозвания же не упомню. Он был в моей роте в Семеновском полку, и его можно узнать тем, что у него сломана была ключица правая, отчего он долго лежал в полковом гошпитале.

Точно ли до 800 человек нижних чинов Черниговского полка успели вы привлечь к той же цели, и какими средствами?

Что же касается до 800 человек, будто бы приобретенных мною в Черниговском полку, то это совершенная ложь: я даже никогда не говаривал с ними, как с выше названными Семеновскими солдатами. Во время же пятилетней службы моей в полку успел их привязать к себе, входя в их нужды и стараясь помогать им, сколько мог во всяком случае. Никаких же других средств я с ними не употреблял.

Верно:

Флигель-адъютант полковник Адлерберг 1-й.

2.

Рапорт начальника главного штаба на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 2 марта 1826 г.

Главный Штаб
его императорского
величества.
По канцелярии
генерал-квартирмейстера.
В С.-Петербурге.
2 марта 1826
№ 509.

Секретно.

Господину главнокомандующему 1-ю армиею.
Начальника главного штаба его императорского величества

Рапорт.

Из препровождаемых при сем двух выписок из ответов подпорутчиков 8-й артиллерийской бригады Андреевича 2-го и 1-й батарейной роты Борисова 2-го и копий с допроса как его Борисова, так и прапорщика Бечасного, ваше сиятельство

усмотреть изволите действия сих офицеров, коими они старались поселить и распространить в нижних чинах возмутительные правила, сообразные с целию мятежнических их замыслов.

Вследствие сего государь император высочайше повелеть соизволил, чтоб ваше сиятельство всех нижних чинов, в означенных бумагах упоминаемых, предали строгому суду и обратив неослабное внимание на объясняемые в показаниях упомянутых офицеров средства, употребленные ими к обольщению солдат, поставили в непременную обязанность военно-судной комиссии тщательно разыскать, не участвовали ли в сем по их внушению и другие офицеры или иные чины. О последующем же уведомили бы меня для доклада государю императору.

О сей высочайшей воле имею честь вашему сиятельству донести.

Начальник главного штаба Дибич.

Выписка из вопросных пунктов и данных на оные ответов.

8-й артиллерийской бригады подпорутчика Андреевича 2-го.

Вопросный пункт.

16. Какими средствами и до какой степени вы успели внушить солдатам той роты, в которой служите, неудовольствие к начальству и готовность возмутиться? Здесь наимянуйте всех тех нижних чинов означенной роты, коих вы совратили с истинного пути и приготовили к возмущению, объяснив при том, исполнили ли сие и прочие члены общества и каким образом.

Ответ на оный.

Приготовление солдат к решимости состояло в ненависти к правительству, возбужденной в них посредством разных в пример приводимых несправедливостей оного. Средства к возмущению духа в солдатах были самые те примеры несправедливостей командиров, коим они сами свидетели, и доброе с ними обхождение со стороны членов, — принимая участие в их несносном положении, объявляя, что переменя правительство убавят им лета их службы, прибавится жалованье, уменьшится строгость, чрез которую теперь они так мучимы бывают, говоря им даже то, что они есть основание всему, что на них держится вся слава государства и крепость сего рода правительства, которое к ним столь не сострадательно. И что стоит только им пожелать перемены законов и тотчас все сделают и многими другими средствами, от коих они беспрестанно делались решительные.

Кто же имянно из тех, коим я предлагал, то сие относится только до фейерверкеров, которые состояли у меня под командою, именно Гончаров и Фадеев, которые, слышав от меня, сообщали оное солдатам; сам же я с солдатами не входил ни в какие разговоры, кроме что был для них во всяком случае добр. Иные фейерверкеры мне доносили мнение солдат, что если все сие, что я говорил, будет выполнено, то каждый солдат с удовольствием на то решится, ибо солдату все равно умирать, так лучше умереть со славою за отечество. Сии фейерверкеры, лучшие поведением из роты, и другие, коих фамилии не упомню, равно на то соглашались. Что же касается до

прочих членов общества, то вероятно и они успели. Я же уверительно сего не могу сказать, ибо в скорости уехал в Киев к арсеналу.

На подлинной подписано: флигель-адъютант полковник Адлерберг.

Выписка из показаний 1-й батарейной роты подпорутчика Борисова 2-го.

О том, дабы стараться привязать к себе солдат и возродить в них неудовольствие к начальству, Бестужев нам говорил, когда мы просили от него наставления для действования. Я и Андреевич 2-й старались исполнить сие поручение по прибытии на квартиры[;] в 1-й батарейной роте начали сим заниматься с половины октября. Сначала замечали дух солдат и видели, что они были недовольны своим состоянием и иногда даже жаловались на свой жребий и роптали; однако когда мы говорили им о надежде переменить их нынешнюю участь, то они показывали недоверие. Чрез месяц Андреевич 2-й был командирован в Киев в арсенал. Я остался один; мои действия ограничились; некоторые солдаты хотя и говорили, что они на все отважатся, если только это не будет бунт (это их собственные слова), но в последствии времяни я заметил, что они не совсем были расположены следовать моим внушениям, однако продолжал их ободрять и уверять их, что угнетение и несправедливости ими испытываемые они могут переменить сами своею решимостию и твердостию, это продолжалось до 6-го генваря сего года, когда вся наша надежда о преобразовании рушилась. Во 2-й легкой роте занимались сим Горбачевский и Бечаснов, а сначала и Андреевич, когда он не был еще переведен. Нижние чины сей роты были без наших стараний весьма недовольны начальством, получая часто обиды от фельдфебеля и каптенармуса, игравших в роте значительные роли, и не любили своего командира. Они показывали большую готовность следовать за нами всюду и, кажется, искреннее в их решимости нежели солдаты 1-й батарейной роты. Впрочем, я и мои товарищи не совсем полагались, как на тех, так и на других.

Подлинную подписал: флигель-адъютант полковник Адлерберг.

Копия с вопросных пунктов, данных подпорутчику Борисову и ответов его на оные.

Вопросы.

Комитет имеет достоверные сведения, что вы, действуя на солдат в духе общества, употребляли к тому фейерверкеров 1-й батарейной роты Зюнина и 2-й легкой роты Родич[ев]а и канонира Крайникова, которые, по вашему наставлению, возбуждали в товарищах неудовольствие и готовность к возмущению. Объясните откровенно:

Пункт 1-й.

Какими средствами успели вы преклонить к своей цели означенных Зюнина, Родич[ев]а и Крайникова, и какие имели от них донесения о успехе внушений их товарищам, и кого они называли из нижних чинов, которые были ими приготовлены?

Пункт 2-й.

Кто еще из фейерверкеров или канониров был употреблен вами для подобного действия?

Пункт 3-й.

В каких ротах и полках вам известных и кем имянно возбуждено было подобное расположение нижних чинов к действиям в духе общества, и кто по имянам и фамилиям сии возбужденные нижние чины, вам известные?

Ответы.

На 1-й пункт.

Не бывши еще членом Южного общества и не имея в виду никакой цели, обходился я всегда с моими подчиненными ласково, был снисходителен к их ошибкам, а иногда в годовые праздники и торжественные дни, ежели у меня случались деньги, давал им на водку, чем и внушил в них к себе некоторую привязанность. Фейерверкера же Зенина расположил к себе тем, что в свободное время показывал ему по его просьбе арифметику и геометрию.

После сентября месяца 1825 года, когда сообразно наставлениям, полученным от Бестужева, должен был я действовать на солдат, то сделав некоторые наблюдения над духом оных, решился употребить к сему фейерверкеров лучшего поведения. Зенин был первой, на которого я обратил внимание, и старался от него узнать довольны ли солдаты их нынешнею участию (хотя уже заметил их неудовольствие) и, вошедши с ним в подробности, говорил ему, что о них так же, как и вообще о низшем сословии людей, заботятся многие значительные особы и стараются о том, дабы облегчить их жребий, что им не должно только унывать, быть твердыми, и в случае нужды, решиться умереть за свои права; что ежели они исполнят все это, то лета их службы уменьшатся, — командиры и частные офицеры не будут их обижать более по своим капризам, ошибки во фронте не навлекут палочных ударов впредь. Однако ж между прочим прибавил, что сие хотят сделать таким образом, чтобы не нужно было никому умирать. Точно так же поступал я, разговаривая с другими; сначала они колебались, но обольщенные представляемою им золотою будущностию, говорили мне неоднократно, [что] рады со мною умереть; однако на солдат действовать опасались, хотя я о перевороте говорил слегка и требовал только, дабы они старались извлечь солдат из уныния, в коем они погруженными находятся, удалить от них безнадежность, что жребий их никогда перемениться не может, заставить жить в согласии друг с другом, повиноваться фейерверкерам, удаляться пьянства, быть твердыми и готовыми на все.

В конце минувшего года мои поверенные донесли мне, будто бы они говорили солдатам, хорошее поведение и твердость характера коих они знали, о всем том, что я от них требовал; но что не многие сему верят и расположены следовать моим советам, и что один бомбардир после того, как фейерверкер упрекал его за дурные поступки и прибавил, что ежели бы он не предавался пьянству и поступал так, как должно хорошему солдату, то его бы участь облегчилась и его никогда не наказывали бы палками, сказал своим товарищам на другой день: «Наш фейерверкер хочет итти против закона».

Сей случай и подобные привели в робость моих поверенных и ослабили их усердие. Однажды фейерверкер Кузнецов на мой вопрос, что нового,

отвечал мне: «Вчера мы говорили между собою о всем том, что от вас слышали, и готовы следовать за вами всюду, ежели только увидим, что здесь нет ничего худого; в противном случае, мы ни за что не беремся и не делаем одного шагу с места». Все же вообще твердили беспрестанно, а особенно в начале сего года: «Мы опасаемся, чтобы это не был бунт, и чтобы с нами не случилось того же, что случилось с лейб-гвардии Семеновским полком». И я заметил, что мои уверения были тщетны. Родичев и Крайников были более склонны следовать моим внушениям так же, как и их сослуживцы; к сему их располагали более всего притеснения, ими получаемые, мои обещания имели над ними более власти; многие солдаты 2-й легкой роты, по их словам, были готовы итти за нами туда, куда мы их поведем. (Крайников думал прежде, что я и мои друзья хотим бежать за границу). «Для нас лучше умереть — говорили они, как доносили это поверенные, — нежели вести таковую жизнь». Из приготовленных как Зениным, так и Родичевым, я никого не помню по той причине, что они говорили солдатам, когда сии бывали многие вместе и не имели случая расположенных следовать их внушениям приближать ко мне. О приготовленных 2-й роты должен знать Бечаснов.

На 2-й пункт.

1-й батарейной роты фейерверкеры Гончаров, Васильев, Кузнецов и Фадеев были приготовлены мною так, как и Зенин; но действия их ограничивались, как мною уже сказано, тем, чтобы расположивши к себе солдат подать им надежду лучшей будущности, внушить дружество, согласие, бодрость и твердость, отвлечь от пьянства, усыпляющего в них все чувствования и тем приготовить к решимости следовать дальнейшим моим внушениям. 2-й роты фейерверкеры: Родичев, Занин, Евдокимов и канонир Крайников поступали точно также, я никогда не говорил им о возмущении открыто, заметив их сомнения, и не открывал никаких решительных действий, до преобразования относящихся.

На 3-й пункт.

Кроме 1-й и 2-й роты 8-й бригады я не знаю, чтобы кем-нибудь было возбуждено подобное расположение нижних чинов к действованию в духе общества, из рот и полков мне известных, ибо, как я уже объяснил прежде сего: округи не имели никакого между собою сношения, почему я не мог иметь никакого сведения о действии членов общества других округов и не знаю тех нижних чинов по имянам и фамилиям, кои действовали подобно моим поверенным на своих товарищей. Слышал только от Бестужева, будучи в Лещине, что 3-я гусарская дивизия не откажется вместе с ними защищать Конституцию и споспешествовать ее введению, также слышал, что некоторые роты (именно которые не упомню) Саратовского и Троицкого пехотных полков весьма недовольны своими начальниками, о том же, что почти все нижние чины второй и первой армии недовольны их нынешнею участию, я не только слышал, но и сам заметил; но уныние, боязнь и пьянство, заставляющие их забывать все, препятствует им обнаружить их неудовольствие. Кроме помянутых фейерверкеров Зенина и других из нижних чинов 1-й батарейной роты я ни с кем не говорил, а из 2-й роты только с одним бомбардиром Гальцовым, кроме Крайникова и Евдокимова.

Подлинную подписал флигель-адъютант полковник Адлерберг.

Копия с вопросных пунктов, данных прапорщику Бечасному и ответов его на оные.

Вопросы.

Комитет имеет достоверные сведения, что вы действуя на солдат в духе Общества, употребляли к тому фейерверкеров 1-й батарейной роты Зюнина и Родич[ев]а и канонира Крайникова, которые по вашему наставлению возбуждали в товарищах неудовольствие и готовность к возмущению.

Объясните откровенно:

Пункт 1.

Какими средствами успели вы преклонить к своей цели означенных Зюнина, Родич[ев]а и Крайникова, и какие имели от них донесения о успехе внушений их товарищам, и кого они называли из нижних чинов, которые были ими приготовлены?

Пункт 2.

Кто еще из фейерверкеров или канониров был употреблен вами для подобного действия?

Пункт 3.

В каких ротах и полках, вам известных, и кем имянно возбуждаемо было подобное расположение нижних чинов к действиям в духе общества, и кто по имянам и фамилиям сии возбужденные нижние чины, вам известные?

Ответы.

На 1-й пункт.

Сначала я опасался действовать на солдат; но недели чрез две или более по прибытии с маневров, едучи со мною в город, канонир Крайников объявил дорогой, что слышал от Якова Андреевича, что все русские офицеры, собираясь на маневрах, согласились освободить и себя и нижних чинов от мучения начальников, кои по большей части все немцы и презирают русских, что впредь начальники будут из российских помещиков, что служба солдатам уменьшится, что переменяемые беспрестанно пригонки аммуниции, и учебные шаги, и приемы уничтожатся, что всем прибавят жалованья и не будут наказывать палками. Все сие — по наставлениям Бестужева. Услыша сие от солдата, я сначала удивился смелости Андреевича, и даже внутренно испугался, приписывая его легкомыслию, но принужден был подтвердить Крайникову, что все сие справедливо и что скоро исполнится, а он продолжал, что по внушению Андреевича же он уже старался узнавать, как думают о сем другие солдаты, и возбуждать в них возмутительные мысли. Я его одобрил и сказал, чтобы он продолжал сие, спрашивая, кто бы имянно из фейерверкеров будет согласен; а он поимяновал мне первого Родичева, прибавя между прочим, что кроме малого числа, ни один не откажется следовать за своими офицерами. После вскоре услышал я от Борисова 2-го, что он приготовил фейерверкеров взводных Зенина и Гончарова (с коими однако же сам я никогда не говорил) и многих других солдат, коих не поимяновал, и кои мне не известны. Горбачевский также говорил мне, что Борисов отменно хорошо действует, а я ничего не начинаю, и чрез сие наша рота может отстать от батарейной; и приуготовил сам он фейерверкера Евдокимова 2-й же роты, которой вскоре после сего был у меня и говорил,

что все почти будут готовы, но что слышанное им от Горбачевского ясно и прямо никому еще не открывал, кроме как стараясь слегка внушать мысли о перемене положения на лучшее. Я, видя уже, что прежде меня начали действовать на некоторых солдат, решился дабы не подвергнуться упрекам членов за недействие призвать фейерверкера вверенного мне взвода Родичева и после гандлангера Бухарина и объявить им все, что выше сего мною писано о внушении Андреевича Крайникову, почти в тех же самых выражениях, и что надобно только, дабы все нижние чины были готовы последовать за своими офицерами, по первому их приказу, что все войско уже согласно к перемене худого на лучшее; выставляя, как Андреевич и Борисов, высших начальников тиранами для поддержания своей власти, и сим единственно средством получил их согласие последовать за своими офицерами и стараться внушить подобные мысли в других, предостерегая их однако же, чтобы как можно были осторожнее, в особенности от фельдфебеля, каптенармуса и вообще приближенных к командиру, который узнавши тотчас бы представил; чтобы выбирали с кем говорить можно. А они отзывались, что никто не отстанет; с донесениями же о успехе ко мне никогда не ходили, ибо с Евдокимовым, Родичевым и Бухариным я говорил не более трех раз, а Крайников часто говорил мне, что все будут согласны; но никогда не упоминал, чтобы он сам кому имянно говорил о перемене; на вопрос его: как же сие переменится, я отвечал, что все войска соберутся, пойдут в Москву и там обнародуют приуготовленное уже Положение, на которое и государь будет согласен, когда увидит, что все войско желает перемены; противная же сторона не посмеет восстать против войска, а немцы начальники не будут более притеснять нас. О покушении же на жизнь блаженной памяти государя императора, я никому и никогда не говорил. Потом однажды, как виделся с Горбачевским и Борисовым 2-м, то сей последний говорил мне, что так как у меня школьники, то он надеется от меня хороших действий, прибавя,—мы когда-нибудь посмотрим их. Я уверял, что действую, и после дабы оправдать свои слова, когда вздумают Борисов или Горбачевский зайти в школу, то два или три раза, но весьма осторожно, говорил в школе, что, бог даст, может будет скоро перемена в положении, что есть, которые о сем думают, что всем прибавят жалованье, что тогда не будут изнурять частыми ученьями, работами и беспрестанными пригонками, что это все выдумывает высшее начальство; но все сие скоро, бог даст, переменится, только надобно иметь надежду и полное доверие к своим офицерам, старающимся об общем щастии; яснее говорить не осмелился, видя же других, кои почти совсем сего не слушали, перестал и говорить им, а чтобы пред членами показать свою ревность в действии, то списал для учащихся чистописанию четыре прописи, из числа коих одна из Экстргаузена, в пяти строках состоящая, могла членам дать мысль, что я действую, между тем, как для меня была не опасна, ибо для солдат она оставалась совершенно темна, а имянно: что человек должен пользоваться своими правами, коими натура его одарила, что должен знать обязанность не только к себе, но и к другим. Другие были о умеренности, воздержании и прочем, и сим самым ограничивались мои действия.

Потом вскоре был я откомандирован к следствию, где с другими нижними чинами, в дело входящими, был и канонир Крайников, который говорил, что старается слегка намекать солдатам о скородолженствующей наступить перемене их положения, то некоторые отзывались, что сие не может быть, другие же желают, но все сомневаются. Прямо же слышанное им от Андреевича и меня никому не объявлял; но говорил

всегда мне, что все будут готовы, когда надобно будет подняться. Потом объявил я сие же самое, что и прочим, фейерверкеру Брагину, который отвечал, что от товарищей своих, других фейерверкеров, не отстанет. С сим последним я раз только говорил, но и то весьма недолго; ибо тогда не имел времяни; что же касается до Горбачевского, то кроме Евдокимова, кому он еще объявлял о намерениях общества, мне неизвестно; ибо я, находясь при следствии, редко с ними виделся, равно как и с Петром Борисовым. Более из нижних чинов я ни с кем не говорил.

На солдат 1-й батарейной роты действовал Петр Борисов, но на кого имянно, кроме двух — Зенина и Гончарова, мне неизвестно; да и с сими двумя я никогда сам не говорил, а слышал об них от Борисова.

После взятия под арест Петра Борисова я сказал Крайникову, чтобы он ни с кем ничего возмутительного не говорил и объявил бы и другим выше мною упомянутым, чтобы все было прервано; ибо можем попасться и пострадать.

Сей пункт сильно меня беспокоил и отягощал мою совесть, что я, сознавая все, утаил оной. Уже несколько раз решался было писать о сем, но свойственная виновному боязнь останавливала и точная уверенность, что после взятия под арест Горбачевского, Борисова и меня, никаких вредных последствий со стороны солдат не будет, и что ни один из нижних чинов, коим внушены были возмутительные мысли, не осмелится питать оные долее и наверное совершенно истребит их, раскаиваясь подобно мне в нещастном заблуждении и затмении рассудка, проклиная пагубную минуту, в которую запутался в сем лабиринте. После прочтения приказа о возмутительном действии Черниговского полка, признаюсь, что желал только не быть открытым, возымев искреннее и непременное намерение искоренить и память всего, со мною происходившего, стараясь всеми силами загладить свое преступление; но поздно открылись глаза мои, поздно представились мне гибельные последствия первоначального моего легкомыслия и ветренности, потом воспаленного воображения, но зная и предвидя ожидающую меня участь, положился во всем на волю бога и государя. Труден был для меня первой шаг к преступлению, остальные же сами собой влеклись.

На 2-й пункт.

Кроме поясненных в 1-м пункте, никто не был более употреблен мною, в школе же, где я говорил вышеписанное в 1-м пункте же, находились нижеследующие: бомбардиры Николаев, Семенов, Ярыгин, Макаров, Степанов, и Петров; канониры: Сидоров, Крылов; гандлангеры: Митрофанов, Бухарин и Дуткин; но Бухарин в то время, особенно от меня, ничего не слышал; остальные же школьники были рекруты и сидели в другой избе.

На 3-й пункт.

Кроме 1-й батарейной и 2-й легкой мне вовсе неизвестно, в каких других ротах или полках действовали; но полагаю, что везде, подобно как в сих двух ротах; ибо все члены обещали сие Бестужеву, а пехотных полков офицеры члены, поимянованные мною в прежних ответных пунктах, говорили, что употребят к сему переведенных из Семеновского полка солдат.

Скрепил флигель-адъютант полковник Адлерберг.

3.

Секретное отношение председателя комитета для следственных изысканий о злоумышленных обществах на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 8 марта 1826 г.

Секретно.

Господину главнокомандующему 1-ю армиею.

Вследствие отношения вашего сиятельства от 14 февраля за № 241-м, имею честь препроводить при сем к вам, милостивый государь, в копиях ответы, отобранные высочайше учрежденным комитетом для изыскания о злоумышленном обществе от подпорутчиков: артиллерии Горбачевского, Борисова и Андреевича и Полтавского пехотного полка Бестужева-Рюмина насчет письма, писанного к сему последнему Горбачевским, о возбужденной в солдатах 8-й артиллерийской бригады готовности к мятежу и Черниговского пехотного полка подполковника Сергея Муравьева-Апостола о письме к нему солдат, служивших прежде в Семеновском полку.

Что же касается до распространения между нижними чинами возмутительного катихизиса, то как подпорутчик Горбачевский, так и другие, находящиеся здесь офицеры 8 и 9 дивизии, при всей строгости сделанных им допросов, отозвались неведением, утверждая, что сего катихизиса и сами в руках своих не имели.

Военный министр Татищев.

№ 449.
8 марта 1826.
С.-Петербург.

Выписка из вопросных пунктов, данных 8-й артиллерийской бригады подпоручику Горбачевскому 19 февраля 1826 г. и ответов его.

Пункт 3-й.

Комитету достоверно известно, что вы писали к подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу, что солдаты 8-й артиллерийской бригады с таким рвением ожидают начала (возмутительного) действия, что офицеры принадлежащие обществу не находят средств удержать их нетерпение. Объясните откровенно:

а) Когда и чрез кого отправлено было означенное письмо ваше к Муравьеву?

б) Кем именно из офицеров возбуждены были в солдатах возмутительные мысли и готовность действовать?

в) Кто именно те солдаты 8-й бригады, которые изъявили вам нетерпеливое рвение свое к начатию возмущения, когда, где и каким образом сие происходило?

г) Кто именно из офицеров сей бригады, когда и где вам сказывали, что не находят средств к удержанию нетерпеливости солдат?

д) Какой и чрез кого получили вы на письмо свое ответ от Муравьева?

4-й.

Сказывал ли вам Черниговский офицер Щипилло, или кто другой из членов общества, что состоящие в 8-й дивизии солдаты бывшего Семеновского полка писали к нему же Сергею Муравьеву, что они давно готовы

выполнить внушенное им предприятие (возмутительное). Здесь поясните: кто именно и каким полкам принадлежали писавшие о сем солдаты?

5-й.

Кто именно из офицеров давал солдатам 8-й артиллерийской бригады и бывшим Семеновского полка возмутительный катихизис общества, и кому именно из нижних чинов какого полка или роты давали таковой вы сами?

Здесь поясните: от кого, когда и кем был вручен сей катихизис в общество славянское для распространения между солдатами?

Ответы:

на 3-й пункт.

Я никогда ни одного слова не писал к подполковнику Муравьеву-Апостолу, в сем я всеми свидетельствуюсь тем более Петром Борисовым, который за меня и за всех трудился и всегда сочинял мне письма, ибо я с Муравьевым никаких сношений не имел. Но было писано при оказии мною к Бестужеву, каким же это образом происходило, я опишу как я помню и знаю.

Когда Андреевич был командирован в Киев в арсенал, и когда он ехал, то я увидевшись с Борисовым сказал ему, что надобно что-нибудь написать к Бестужеву, тогда Борисов взял и сочинил сие письмо, в котором по сущной справедливости, как это он и сам согласится, было более лжи и хвастовства пустова, нежели правды. Борисов, бывши сочинителем сего письма, с сим сам согласится, да и по всему видно будет. Было ли сие написано, что будто бы солдаты (и именно 8 бригады, было ли сие там написано совершенно не помню) ожидают начала действий, хорошенько не помню; а ежели и было, то можно ли сему поверить, тогда, когда никто с солдатами не говорил. Я ссвершенно не знаю о прочих; по крайней мере мне никто о сем не говорил; и я именно тогда до сего письма — ни слова ни с кем не говорил. Следовательно, что Борисов сочинил, а я переписывал, сие совершенно ложно было, хотя бы и было писано. Тем более сие доказывается в несправедливости сих слов, что ни одним офицером не были они удерживаемы; и от чего? Когда они ни об чем не знали, кроме двух фейерверкеров, которым сам Борисов говорил, что издалека все говорил, я даже сего не слыхал от Борисова и Бечаснова, чтоб они удерживали кого-либо. Я помню, что, отсылавши сие письмо, я смеялся и говорил, что на хвастовство Бестужева Борисов хвастовски сочинил, что и другие сие подтвердят.

а) Письмо сие было отправлено чрез Андреевича, который ехал в арсенал, оно было писано к Бестужеву, который просил и требовал, чтобы к нему писали, а не к Муравьеву, ибо я с Муравьевым никогда никаких переписок не имел и сношений, что все подтвердят, да и к Бестужеву не было б писано, ежели б не Борисов и не ехал бы Андреевич.

б) Когда пришли с маневров, то тогда были в бригаде офицеры, которые находились в сем обществе: Борисов, Бечаснов, Андреевич и я. Борисов, как я знаю, долго спустя говорил своему взводному фейерверкеру, которого я фамилии не упомню; ему в сем пособлял, как мне кажется, и Андреевич; потом они говорили фейерверкеру Зенину, но солдатам, как я знаю, то они никому не говорили. Борисов мне говорил, что они никогда не возмущали их мыслей, но только самым далеким образом говорили им. Я с сими фейерверкерами никогда не говорил и не спрашивал, что им Борисов говорил, кроме одного разу, когда как-то я ехал из города в деревню свою, и по дороге заехал в корчму трубку закурить, застал там фейервер-

кера, которой был в зводе у Борисова, смеючись, спросил у него, что каково твои дела; но он мне отвечал обыкновенным своим ответом: «ничего»; больше ни слова не отвечал, тогда я ему сказал: «Или лучше ничего не делай, или лучше будь осторожен», сам уехал.

Бечаснов после говорил мне, что он будто бы говорил фейерверкеру Родичеву, но я с сим фейерверкером никогда ни слова не говорил. Потом Бечасной мне сказал, что говсрил канониру Крайникову и еще одному фейерверкеру, которого фамилии никак не упомню; знаю, что он четвертого взвода. И когда сей фейерверкер один раз пришел ко мне, сменившись с караула поутру с рапортом, и когда начал жаловаться на наговоры фельдфебеля, то я знавши, что Бечасной ему говорил, тогда я ему сказывал, чтобы он терпел и сносил все, что будет может быть время, что не будет сего, между тем говорил ему, чтобы вел бы себя как можно лучше и чтобы присматривал за своими солдатами, но отнюдь не открывая ему ничего и не вооружая ни против кого, ибо как можно сие делать, видевши невозможность всего, тем более я всегда подозревал Бестужева, что он только нас обманывает, после сего с ним говорил и Борисов. Канонир Крайников, живши у Бечасного, и так как я часто бывал у Бечасного, а так же с ним иногда я и вместе стоял на квартире, то может что-нибудь я ему говорил, но и то, я думаю, в шутках, но чтобы научать его к чему-нибудь, я ему никогда ни слова не говорил. По сему можно ясно видеть, что в сочиненном Борисовым письме, которое я переписал и послал, что солдаты бригады составляли два или три фейерверкера и один канонир, которые ни об чем не знали настояще, но только слушали, что им говорили; но чтобы в них готовность была ко всему, я сего никогда не слыхал от них ниже ни от кого, я как слышал от Борисова, что он говорил всегда издалека, и то не открывая ничего.

в) Сего никогда не было, чтобы их собирали и возмущали, и чтобы они показывали свое рвение к возмущениям, но так как было в разные времена им кое-что говорено, как я знаю порознь и при удобных случаях, ибо ни место, ни время на сей предмет, а самое главное видимой обман Бестужева в невозможности предприятия и неизвестность ни об чем всем отвращали, чтобы сего даже и не думать, следовательно, в письме тоже было ложно написано, что может и сам Борисов подтвердить; им никогда как я знаю или, как я слышал, не было говорено так, чтобы были на все готовы, бог свидетель тому: они ни в чем невинны, и я не видал ни от кого, чтобы кто-нибудь показывал рвение к сему. Фамилии тех, которым было говорено Борисовым, как он мне говорил, и как я упомню: Зенин фейерверкер и еще другой его взвода, фамилии его не упомню; во второй же роте Бечаснов говорил фейерверкеру Родичеву и еще одному, которого фамилии тоже не упомню, знаю, что он четвертого взвода; сему и я кое-что говорил, узнавши, что Бечаснов с ним говорил, но отнюдь ничего не открывая, да еще Бечаснов говорил одному канониру Крайникову, вот все, которые я знаю и могу упомнить. Но я не слыхал, чтобы они рвение какое-либо имели, но написано было ложно.

г) Сие так ложно и хвастовски было написано, что я даже не знаю, как сие и объяснить; ибо ни один солдат верно не показывал своей нетерпеливости офицеру, — да и кто были сии солдаты, которые ни об чем не знали, — я не знаю, к чему сие Борисов хвастовство такое сочинил. Я по своей к нему легковерности, а второе — и знавши, кому пишется, — сие написал. — Да и кем сие было говорено? разве кем-нибудь в шутках, — но на солдат никогда сего нельзя сказать, ибо они ничего, как я знаю, не знали и всегда наилучшим образом исполняли свой долг; и сего мне никто

из офицеров не сказывали, ибо я не помню, чтобы об сем когда-либо рассказывали.

д) Получил я от Бестужева чрез Андреевича письмецо маленькое; а как мне Андреевич о сем обстоятельстве рассказывал, я так и опишу. Когда Бестужев уезжал в Бобруйск из Киева, то дал сие письмецо ко мне Андреевичу, чтобы он его ко мне переслал бы, но Андреевич сказал Бестужеву, что «я и сам поеду; тем более, что с братом больным увижусь». Потом привез мне сие письмецо, в котором Бестужев очень коротенько пишет, что он благодарит за деньги, посланные мною Башмакову, просит, чтобы я приехал в Киев и приказывает всем кланяться, — я не помню хорошенько, или было написано в сем письме, что может быть скоро начнутся действия, или Андреевич на словах сие говорил.—Сие письмо все читали.—Я тогда сказал Андреевичу, чтобы он сказал Бестужеву, что пускай он не думает и не надеется, чтобы мы солдат бунтовали, ибо на сие никто не согласится, да и невозможно сего делать. Андреевич сам сие скажет. От Муравьева я никогда ничего не получал, даже ни слова, и не имел с ним никаких сношений; сие все подтвердят.

На 4-й.

Черниговского полка с офицером Щепилом я не был знаком, и никогда с ним ни о чем не говорил, что он может и сам подтвердить, но слышно было на маневрах, а также и Бестужев говорил, что он очень надеется на Семеновских солдат, и что они ему много пособляют, а также слышно было, что якобы Семеновского полка солдаты ходят к Муравьеву, потом мне говорил и капитан Тютчев, что Семеновские солдаты много Муравьеву и Бестужеву преданы и к ним ходят; но каких полков они принадлежали, сего не знаю; а какие их фамилии, даже не слыхал. Андреевич приезжавши из Киева говорил, что к Бестужеву пишут письма солдаты; но каких полков, кто именно — сего не сказал, ибо, как я упомню, он, кажется, и сам не знал, но что только якобы Бестужев сим хвастался пред ним. Больше я о сем ничего не слыхал.

На 5-й.

Был ли какой катихизис, и кто давал оной из офицеров солдатам 8 бригады и бывшим Семеновского полка, я о сем никогда не слыхал и даже в глаза не видал никогда никакого катихизиса, или чтобы я кому давал таковой никто сего не может сказать; даже из нашей бригады никто мне о сем не говорил, и как я знаю, что в нашей роте ни я, ни Бечаснов, а тем более ни солдаты никогда сего катихизиса и в глаза не видали, когда с ними и на словах почти ничего не говорили потому, что видевши сию невозможность и обман Бестужева можно ли быть так бессовестному подвигать невинных людей к преступлению.

Как только мог себе привести на память здесь все обстоятельства, самым подробнейшим образом старался я все объяснить, при сем честь имею донести высочайше учрежденному комитету боясь, чтобы не впасть в подозрение, якобы я что-либо хотел скрыть, я может и теперь что-либо позабыл или пропустил нечаянно или превратно показал,—то сие единственно происходит от забвения и трудности для меня все говоренное на словах описывать ясно и близко, за то я, может быть, в первых моих вопросах показал, следовательно, я никогда не отрекусь от моих слов, ежели что еще что-либо говорено было; хотя я все прилагал, чтобы вспомнить и ежели истинно или ложно лишь бы мною слышанное было я никогда не скрою и не отрекусь, — взявши все обстоятельства, до меня касающиеся, можно видеть,

что я все чрез Борисовых делал; сам именно ничего не делал, это все подтвердят (ибо я хорошо знаю, что Бечасной вторая жертва их после меня); все для них было принесено, они, так сказать, под чужими именами все делали (что явно видно из сочинений писем к Бестужеву Борисова, которые я только переписывал). Ежели они имеют бога в сердце своем, ежели сколько-нибудь любят истину, они верно подтвердят все, мною выше сказанное; тем более я надеюсь на сие, что они подтвердят, что они знают и может быть чувствуют всю меру моего нещастия и то, что я для них все сие приносил единственно только из угождения для мнимой их дружбы, как я теперь вижу, и не могши от них отвязаться, они очень хорошо знают, что меня лишили щастия быть подпорою двум семействам, что чрез их я и сии семейства проливают слезы, они причиною всех моих знакомств, ибо я с кем ни был знаком все чрез них; они вовлекли меня и всех из нашей бригады за собою; чрез них все говорено и что-либо делано,—мое нещастие, слезы и раскаяние в том порукою, что я истину говорю, зная совершенно, что раскаянием и чистосердечием обратить могу милосердие монарха.

Верно: Флигель-адъютант полковник Адлерберг 1-й.

Копия с дополнительного вопросного пункта, данного подпоручику Борисову 2-му 28-го февраля 1826 и ответов его.

Вопрос.

Комитету известно, что 8 артиллерийской бригады подпоручик Горбачевский писал к подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу, что солдаты сей бригады с таким рвением ожидают начала (возмущения), что офицеры, принадлежащие обществу, не находят средств удержать их нетерпение.

Горбачевский же, в данных ответах сознаваясь, что такого содержания письмо действительно от имени его вами составлено, а им переписано и отправлено с Андреевичем 2-м, ехавшим в Киев, утверждает, что оное заключало в себе одно пустое хвастовство и написано было вами с общего с ним согласия единственно для показания обществу таких успехов над солдатами, коих не существовало, и что, наконец, письмо сие адресовано было не на имя Сергея Муравьева, а к подпоручику Бестужеву-Рюмину, от коего тот же Андреевич привозил к нему Горбачевскому небольшую записочку, где Бестужев благодарил его за деньги, посланные для Башмакова, и приглашал к дальнейшему действованию в пользу намерений общества, на что он, Горбачевский, тогда же сказал Андреевичу: «что пускай Бестужев не думает и не надеется, чтобы мы стали солдат бунтовать». В справедливости сего показания Горбачевский ссылается на ваше засвидетельствование. Поясните чистосердечно и без малейшей утайки: каким образом все сие происходило?

Ответ.

Подлинно в то время, когда Андреевич 2 был командирован в Киев, я написал от имени Горбачевского письмо, которое было им переписано и адресовано к подпоручику Бестужеву-Рюмину. Сие письмо уведомляло его, что большая часть солдат 1-й батарейной роты оказывает готовность следовать нашим советам, и 2-й легкой даже ожидают с нетерпением начать возмущение, однако, сие уведомление было совершенно ложное и внушено

одним только суетным тщеславием, против которого я говорил и даже осуждал оное. Мы ничего не видали другого, кроме того, что некоторые из наших подчиненных были к нам привязаны, многие недовольны их участию, но никогда не были уверены в твердой их решимости последовать нашим внушениям и готовности начать возмущение. Мы не имели никогда в действиях наших в духе общества над солдатами подобных успехов, им только нравились наши обещания, что их жребий переменится так же, как и участие, принимаемое нами в их судьбе.

Горбачевский точно получил от Бестужева-Рюмина записочку чрез того же Андреевича 2-го в декабре месяце, коего Рюмин благодарил за деньги, собранные в пользу бывшего полковника Башмакова, и приглашал к дальнейшим действиям, могущим благоприятствовать цели Южного общества; но сказал ли Горбачевский Андреевичу 2, «дабы Бестужев не полагал и не надеялся, что мы станем возмущать солдат», то сего я не слыхал, может быть это было говорено, когда меня не было с ними, и когда они остались трое с прапорщиком Бечасновым. Действительно, никто из нас менее Горбачевского не говорил с солдатами. Я даже не знаю, разговаривал ли он с кем-либо из наших поверенных о наших намерениях; он всегда старался удержать меня от безумной моей ревности действовать в пользу намерений общества, представляя беспрестанно, сколь опасно доверять себя солдатам, кои почти все не показывали ничего другого, кроме одних сомнений, и говорил мне не раз, что он ничего не ожидает хорошего от всего сего.

Горбачевский никогда не писал к подполковнику Муравьеву-Апостолу никакого письма, также и от него не получал.

Верно: Флигель-адъютант полковник Адлерберг 1-й.

Копия с дополнительных вопросных пунктов, данных подпорутчику Андреевичу 2-му 28-го февраля 1826-го года и ответов его.

Комитету известно, что подпорутчик Горбачевский посылал к подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу письмо, в котором извещал его, что солдаты 8-й артиллерийской бригады с таким рвением ожидают начала возмутительного действия, что офицеры, принадлежащие к обществу, не находят средств удерживать их нетерпение.

Но Горбачевский в данных ответах сознаваясь, что такого содержания письмо действительно от имени его было составлено подпорутчиком Борисовым 2-м, а им переписано и отправлено с вами, когда вы ехали в Киев для нахождения при тамошнем арсенале, утверждает, что оное заключало в себе одно пустое хвастовство и написано было Борисовым с общего согласия единственно для показания обществу таких успехов над солдатами, коих не существовало, и что письмо сие было адресовано не на имя Сергея Муравьева, а к подпорутчику Бестужеву-Рюмину, от которого вы же привозили к нему, Горбачевскому, небольшую записочку, где Бестужев благодарил его за деньги, посланные для Башмакова, и приглашал к дальнейшему действию над солдатами в пользу общества; но что он, Горбачевский, тогда же сказал вам: «Пускай Бестужев не думает и не надеется, что бы мы стали солдат бунтовать».

В справедливости сего Горбачевский ссылался на ваше засвидетельствование, равно как и в том, что вы, приезжая из Киева, говорили ему, что к Бестужеву пишут письма солдаты, возбужденные к мятежу, но каких они полков, вы не сказали.

Поясните чистосердечно и без малейшей утайки: действительно ли все сие так происходило, и каких полков и как по имянам были те солдаты, кои по словам вашим писали к Бестужеву.

Ответ.

Письмо, о котором упоминает Горбачевский, адресованное к Сергею ли Муравьеву или к Бестужеву, не упомню, но было отправлено со мною тогда, как меня командировали к арсеналу, и в Киеве отдано Бестужеву.

Сочинено оное точно Борисовым, и точно с общего мнения в виде уведомления, оное общество, как об успехе наших действий, так равно об духе и решимости солдат, в таких точно выражениях, каковые прописаны в сем вопросном пункте; но настоящего действия не заключали в себе совершенно ничего. Ибо сие все было вымышленное из одного только хвастовства, ибо в то время невозможно было еще и узнать настояще дух и решимость нижних чинов, потому что сие было в скорости после маневров, когда еще почти никто из нас никаких действий не имел, даже мало и очень редко могли видеть солдат, чтобы выспросить у них все ихние неудовольствия о которых они, бывало, часто разговаривают в караульних в лагерное время, и потом, узнав их мысли, делать предложения на щет наших предприятий.

Ответ на оное письмо от Бестужева я привозил уже перед праздниками Рождества Христова, ездивши из Киева в бригаду к брату, в котором Бестужев благодарил его за присланные деньги для Башмакова и писал о том, что стараться как можно более действовать над солдатами, что же касается слов Горбачевского по прочтении сего письма, говоренных мне, совершенно не припомню, кажется, он говорил, что-то противное сему письму, но какие именно слова, никак не вспомню.

О солдатах же, писавших к Бестужеву, хотя он и говорил мне сие, но фамилий и каких полков именно, мне не объявлял.

Верно: Флигель-адъютант полковник Адлерберг 1-й.

Копия с дополнительного вопросного пункта, данного подпорутчику Бестужеву-Рюмину 28 февраля 1826-го года и ответа его на оное.

Комитет имеет сведения, что 8 артиллерийской бригады подпорутчик Горбачевский писал к подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу, что солдаты сей бригады с таким рвением ожидают начала (возмутительного) действия, что офицеры, принадлежащие к обществу, не находят средств удерживать их нетерпение.

Но Горбачевский в данных ответах сознаваясь в том, что такого содержания письмо действительно от имени его было составлено подпорутчиком Борисовым 2-м, а им переписано и отправлено с подпорутчиком Андреевичем 2-м же, когда он поехал в Киев для служения при тамошнем арсенале, утверждает, что оное заключало в себе одно пустое хвастовство и написано было Борисовым с общего согласия единственно для показания обществу таких успехов над солдатами, коих не существовало, и что письмо сие было адресовано не на имя Сергея Муравьева, а к подпорутчику Бестужеву-Рюмину, от которого он же, Андреевич, привозил к нему Горбачевскому небольшую записочку, где Бестужев благодарил его за деньги, присланные для Башмакова, и приглашал к дальнейшему действованию

над солдатами в пользу общества, но что он, Горбачевский, тогда же сказал Андреевичу: «Пусть Бестужев не думает и не надеется, чтобы мы стали бунтовать солдат». К сему Горбачевский дополняет, что Андреевич, приезжавший из Киева, сказывал ему, что к Бестужеву пишут письма солдаты разных полков, возбужденные к мятежу.

Объясните чистосердечно и без малейшей утайки: действительно ли все сие так происходило, и каких полков по имянно были писавшие к вам (и о чем), мятежного духа солдаты.

Ответы.

Я от Горбачевского получил два письма: одно в октябре месяце 1825-го по почте с 85 рублями, собранными в бригаде для разжалованного артиллерийского полковника Башмакова. Впрочем, сие письмо не содержало ничего важного. Но в ноябре месяце мне Андреевич привез от Горбачевского письмо политическое; вот сущность оного: Горбачевский уверяет что 8-я артиллерийская бригада с восторгом приняла предложение восстать, и что теперь члены не знают, как обуздать рвение солдат; и потому просят меня их уведомить, скоро ли начнутся действия. При конце Горбачевский жалуется, что с самого Лещинского лагеря я прекратил с славянами сношения и даже не отвечал на первое письмо его.

Я чрез Андреевича писал Горбачевскому, что общество должно быть благодарно Славянам за их труды, чтобы они старались обуздать рвение бригады до удобного времени, но чтобы поддерживали существующий дух.

В ноябре месяце я уехал в Бобруйск и с тех пор Андреевича не видал; что, как, происходило у славян мне не известно. Что же касается до показания Андреевича о солдатских письмах — это не справедливо, буде Андреевич не только докажет, но и скажет мне лично, что слышал от меня, что я получил письма от солдат в возмутительном духе; или буде когда-либо, чрез кого бы то ни было сделается Комитету известно, что какие-нибудь солдатские письма были получены мною, — да вменится сие мне в новое преступление.

Верно: Флигель-адъютант полковник Адлерберг 1-й.

Копия с дополнительных вопросных пунктов, данных подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу от 28 февраля 1826 и ответов его.

В данных ответах вы умолчали о двух обстоятельствах, которые вам были совершенно известны и о которых теперь собраны достоверные сведения.

1.

8-й артиллерийской бригады подпоручик Горбачевский писал вам, что солдаты сей бригады с таким рвением ожидают начала (возмутительного) действия, что офицеры, принадлежащие к обществу, не находят средств удержать их нетерпение.

Здесь объясните чистосердечно: а) Когда и чрез кого получено было вами сие письмо Горбачевского? б) Кем из офицеров, и по чьему наставлению возбуждена была в солдатах нетерпеливость к начатию возмутительных действий? в) Кто были те принадлежащие к обществу офицеры, кои не находили возможности удерживать преступное рвение солдат? г) Когда, чрез кого и что имянно отвечали вы Горбачевскому на означенное письмо его?

2.

Находящиеся в 8-й дивизии солдаты бывшего Семеновского полка писали к вам письмо, читанное некоторыми из ваших сообщников, что они давно готовы выполнить внушенное им предприятие.

Объясните откровенно:

1) Когда и чрез кого получено было вами означенное письмо?

2) Кто имянно и каким полкам принадлежали писавшие оное солдаты?

3) Кем имянно они были приготовлены к возмутительным действиям?

4) До какого числа, в каком имянно полку находилось солдат, готовых последовать за главными из них зачинщиками и кто были сии последние?

5) Когда, чрез кого и какой дан был вами ответ на вышеупомянутое письмо солдат?

3.

Когда и где лично, или чрез Бестужева, вы вручили Горбачевскому и другим офицерам принадлежащим обществу возмутительный катихизис ваш, для распространения оного между нижними чинами, в каких полках и ротах артиллерии, кем из офицеров был оный роздан и в духе общества истолкован тем нижним чинам? К сему присовокупите с искренностию все, что вам известно о сих двух обстоятельствах сверх изложенных теперь вопросов.

Ответы.

На 1-й.

В данных мною ответах, я показал, что все сношения между Славянским и нашим обществами были на руках у Бестужева; теперь же повторяя то же показание, объявляю, что я никогда никакой переписки не имел с подпоручиком Горбачевским и не получал от него письма с уведомлением о рвении солдат 8-й бригады и, следственно, не мог сделать ему ответа по сему предмету.

На 2-й.

В конце октября месяца прошлого года, получил я от Саратовского полка рядового Федора Николаева (бывшего прежде в Семеновском полку) чрез Васильковскую почтовую экспедицию письмо, в коем он обыкновенным солдатским слогом просил меня о присылке ему несколько денег, и вместе упоминал о находящихся с ним в одной роте солдатах, бывших также в Семеновском полку, с тем же намерением [;] письмо сие, не имев никакой важности и будучи вовсе не возмутительное, могло прочесться не только сообщниками моими, но и всеми теми, кои в то время приходили ко мне, ибо оно валялось на моем столе, до тех пор, пока я его не изодрал. Ответа же никакого я не сделал и денег не посылал.

На 3-й.

Ни я, ни Бестужев и никто не мог вручить Горбачевскому или кому другому из бывших в обществе офицеров, сочиненного мною катихизиса, поелику он написан только в последних числах декабря.

Ко 2 пункту прибавить должен, что кроме упомянутого письма, я никакого никогда не получал от солдат 8-й дивизии, и что показание, якобы получал уведомление, что они давно готовы, совершенно ложное.

Верно: Флигель-адъютант полковник Адлерберг.

4.

Рапорт начальника главного штаба на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 10 марта 1826 г.

Главный Штаб
его императорского
величества.
По канцелярии
дежурного генерала.
В С.-Петербурге.
10 марта 1826.
№ 542.

Секретно.

Господину главнокомандующему 1-ю армиею.

Начальника главного штаба его императорского величества

Рапорт.

Представляя при сем вашему сиятельству выписку из показаний, отобранных комитетом о злоумышленном обществе от подпорутчика Саратовского пехотного полка Мозгалевского и маиора Пензенского пехотного полка Спиридова, заключающую сведения нащет возмутительного духа нижних чинов, из коих некоторые в сей выписке поимянованы, имею честь уведомить, что государю императору угодно, чтоб ваше сиятельство приказали о поступках всех сих нижних чинов произвесть строжайшее исследование, и о последующем известили бы меня для доклада государю императору.

О сей высочайшей воле имею честь вашему сиятельству донести.

Начальник главного штаба Дибич.

Подпорутчик Мозгалевский показывает:

a) Что Черниговского полка Кузмин хвастал, что у него рота готова к возмущению хотя сей час.

b) Ему говорено было Спиридовым или Шимковым, что из нижних чинов Саратовского полка были употреблены Анойченко и Юрашев для распространения возмутительного духа.

c) Что касается до имен вышеупомянутых солдат, то оные ему неизвестны, только знает, что оба Саратовского полка и 1-й гренадерской роты. Первой, т.-е. Анойченко — из служивших в Семеновском полку, а Юрашев — из армейских, кои кажется и призываны были к Сергею Муравьеву; но не знает, давал ли он им деньги или какие наставления.

Маиор Спиридов:

Что во время лагеря были у него гренадеры из роты, которою он командовал, и имянно — Анойченко и Юрашев; и когда они с жалобою говорили на изменяемой порядок существовавший при нем и на непомерную строгость ротного командира, то, по сущей справедливости, он им говорил: «Надо терпеть может еще год и все переменится; отстоите лагерь и после возвратитесь для отдыха на квартиры»; они ему сказали: что и там мало покою будет; он им говорил: «Надейтесь на начальников, которые вас не покинут и которые готовы за вас пропасть». Их ответ был: «Мы за таковых начальников готовы лечь». После спросил он Юрашева, что его дворянство? (он его отыскивал), он отвечал, что отказали; он ему сказал: «Не отчаивайся!»

Далее, в пункте 5.

Из нижних чинов во всех полках ему по действиям никто не известен, исключая в Саратовском [;] гренадеры Анойченко и Юрашев были у него

в лагере, из которых Анойченко, быв из Семеновского полка, кажется, был у Муравьева; ибо теперь припоминает, что Муравьев ему сам говорил о нем и чуть ли не в присудствии Тютчева; но утвердительно сказать не может, чтоб от Анойченки сам слышал, был ли он или нет, возбуждали ли сии двое неудовольствие в солдатах, наверное не знает, ибо в то время, как он имел щастие в письме к государю императору донести, уже начинал выходить из заблуждения, посему и не вступал с ними в подобные о сем разговоры, но дух их не смеет скрыть, которой еще был по замечанию его поселен ими в унтер-офицере Стаценке. В прочих же у него бывших ничего не было заметно, а именно к нему приходили: Семеновского полка: Янтарь, Андреев и Анойченко, прочие Юрашев, Комбалюк, Кожевников, Белой, Максимов, Георгиевской, Воронов, Матвеев, Мякушка, Пономарев, Кирпиченко и еще некоторые, которых не упомнит; унтер-офицеры: Стаценко, Ляшко, Иванов, Яцук и Мызников.

Верно: Флигель-адъютант полковник Адлерберг 1-й.

5.

Протоколы допросов рядовых Саратовского и Тамбовского пехотного полка Ф. Н. Анойченко, Ф. Николаева и П. Малафеева от 9-го и 15-го марта 1826 г.

1826-го года марта 9-го дня в присудствии комиссии военного суда учрежденной по высочайшему повелению в м. Белой Церкве, Саратовского пехотного полка рядовой Федор Николаев сын Анойченко, по священническому увещеванию допрашиван и показал.

Вопросы.	Ответы.
1.	на 1-й.
Как тебя зовут? Чей ты сын? Сколько тебе от роду лет? Грамоте читать и писать умеешь ли?	Федор Николаев сын Анойченко, от роду мне 35 лет. Грамоте читать и писать не знаю.
2.	на 2-й.
Какой ты веры и ежели христианской, то когда был у исповеди и у святого причастия?	Веры грекороссийской, у исповеди и у святого причастия ежегодно бывал.
3.	на 3-й.
В службу его императорского величества поступил ты которого года, месяца и числа? Из какого звания и откуда уроженец?	В службу поступил 1812-го года, сентября 1-го дня, из экономических крестьян Киевской губернии.

4.

На верность службы присягал ли? Военный устав и артикул читаны ль, и что за какое преступление чинить повелено знаешь ли?

на 4-й.

На верность службы присягал; воинский устав и артикулы были читаны, и что за какое преступление чинить повелено наказание знаю.

5-е.

Напред сего не был ли под судом, и по оному равно и без суда в каких штрафах и наказаниях?

на 5-й.

Под судом не был; но из лейб-гвардии Семеновского полка выписан вместе с прочими в Саратовский пехотный полк.

6-е.

С которого времяни и как ты знаеш подполковника Муравьева, бывшего в Черниговском цехотном полку, и порутчика Бестужева - Рюмина Полтавского пехотного полка? Сколько же и в которое время ты с ними виделся? Какие наставления получал от первого из них, т.-е. от Муравьева? К чему он склонял тебя, что говорил о службе и о правительстве, и сколько давал денег?

на 6-й.

Подполковника Муравьева, служившего в Черниговском пехотном полку, узнал я [в] 1817-м или 1818-м году, хорошо не припомню; но только тогда, когда поступил я к нему из 4-й в 3-ю фузилерную роту, где он Муравьев был ротным командиром, лейб-гвардии Семеновского полка. А Бестужева-Рюмина Полтавского пехотного полка, знал я также в Семеновском полку еще портупей-прапорщиком потому, что он часто ходил под знаменами и, будучи молод, любил шутить с солдатами, в числе коих и я бывал. Когда Муравьев служил в Черниговском пехотном полку, то я в первой раз с самого выхода моего из Петербурга, встретился, как с ним, так и с Бестужевым в лагере под м. Лещином, следующим образом. В один день, но которого числа не упомню, шел я с рядовым Василием Турковым, также из Семеновского полка выписанным, и некоторыми другими, коих теперь не припомню, за провиантом, и повстречал баталион Муравьева, шедший на учение, при котором находились впереди пешком подполковник Муравьев и Полтавского полка подпорутчик Бестужев. Когда же Муравьев, узнав из нас рядового Василия Туркова, бывшего прежде в его роте, то, подозвав его к себе, поздоровался с ним и спросил, куда он идет? Получа надлежащий ответ, спросил нет ли еще с ним кого из Семеновских солдат, и когда Турков назвал меня, то я также был им подозван, и, после обыкновенных приветствий и распросов: в котором полку, в которых ротах мы служили, приказал нам, по окончании приемки про-

вианта, придти к нему в балаган, находящийся в Черниговском пехотном полку. Исполняя сие приказание, мы пришли к нему в балаган и нашли Муравьева сидящим около стола; с ним были человека четыре или пять штаб- и обер-офицеров (кто же они были я не знаю); но Бестужева в то время там не было, ибо я его не приметил. Подполковник Муравьев, увидевши нас, позвал к себе своего человека и спросил, есть ли у него мелкие деньги, и, когда тот отвечал, что у него более нет, кроме одной монеты в двух польских злотах, т.-е. рубля двадцати копеек на наши деньги, то Муравьев, взявши оные, отдал Василию Туркову сказавши: «Вот вам ребята на водку! я бы вам дал и больше, но теперь нет мелких денег, а когда придете в другой раз, тогда я вам дам более».

Возвратясь в свой полк и в свою палатку, мы рассказывали товарищам (в числе коих из Семеновских мы были только двое, прочие Саратовского полка, коих прозвания не помню) о нашей встрече с Муравьевым и о том, что он дал нам денег; но дальнейшего разговору об нем не было. В другой раз я был у Муравьева, которого месяца и числа не упомню. После застрельщичьего ученья, ходил к нему один и тогда нашел у него Бестужева. Тут они оба говорили мне, что служба тяжела, что государь не хочет ничего сделать в наше облегчение, при чем Муравьев произносил против его особы дерзкие непристойные ругательства. Говорил, что немного надо потерпеть и все переменится, что тогда солдаты будут жить в изобилии, будут иметь деньги и прочее, чтобы мы слушали только его Муравьева голоса и приказания и чтобы старались склонять и подговаривать прочих солдат следовать за нами, если откроется бунт; при чем дал мне пять рублей ассигнациями. В третий раз я был с рядовым Макаром Пересеткиным, который еще прежде меня бывал у Муравьева, и которого хорошо знал подпорутчик Бестужев. При чем Муравьев опять то же говорил или тому подобное, и мы обещались ему склонять прочих армейских нижних чинов, лучших

в полку, чтобы и они пристали к его Муравьева делу, которому он однако ж названия никакого не давал; но я, как и все без исключения Семеновские нижние чины 8-й пехотной дивизии, знавшие то же самое чрез Муравьева, понимали, что это должно клониться к бунту против царской власти. В четвертый раз я был у Муравьева в Лещине же также с рядовым Василием Турковым, и еще с Антоном Янторевым; наущения его в этот раз были одни и те же, и он дал нам по польскому злоту на человека. В пятый раз я был перед выступлением из Лещина вместе с прочими Семеновскими, в числе около пятнадцати, из них припомнить могу только: Петра Гульбина, Николая Погодаева, Федора Николаева, Бобылева, а прочих не помню, тут Муравьев произносил также ругательства против государя и против службы, уговаривал потерпеть немного, обещевая облегчение и во всем избыток; но при том говорил, чтобы вели себя хорошо по службе, были осторожны и поведением своим не дали бы какого подозрения начальству, наконец, чтобы всегда держались его стороны. При сем случае он дал нам 25-ть рублей ассигнациями, и на мою долю досталось пол-рубля серебром.

7-е.

Не давал ли он тебе возмутительного Катехизиса? и не учил ли тебя распространять правила оного между товарищами?

на 7-й.

Об возмутительном Катехизисе я совершенно ни от кого не слыхал. Муравьев и никто другой мне его не давал; а потому и правил оного распространять между товарищами не мог.

8-е.

О всех сделанных тебе Муравьевым внушениях кому ты в полку открылся? не имеешь ли в оном и в других полках сообщников и кого имянно? Кто еще приходил к Муравьеву?

на 8-й.

О том, что слышал от Муравьева и чему он меня научал, в полку и в роте своей не открывался, кроме Семеновских же солдат, кои сами по себе уже все о том знали. Открывать о том другим солдатам удерживал меня страх, чтобы кто меня не выдал и не объявил начальству. В Лещине приходили к Муравьеву почти все нижние чины прежнего состава Семеновского полка, коим, как мне известно, Муравьев говорил всегда одно и то же, что и мне и поимянованным мною товарищам.

9.

Знают ли о сем прочие солдаты в полках, и как вообще о сем рассуждают?

на 9-й.

Сведущи ли прочие солдаты в полках о том, что говорил нам Муравьев и что он затевал, и открывал ли им о том кто-либо из Семеновских солдат, я не знаю; но сам, как уже показал, ни с кем о том не говорил и никому никаким образом не сообщал. Суждений на сей случай никаких не слыхал.

10.

Писали ль Семеновские солдаты письма к Муравьеву? Обещались ли в них выполнить то, в чем он Муравьев их наставлял?

на 10-й.

Сам я никогда не писал, а слышал от музыканта Петра Сорокина, что рядовые Саратовского пехотного полка Федор Николаев и Бобылев писали к Муравьеву; что же в тех письмах заключалось, о том я вовсе не знаю; но при свиданиях с ними под Лещином ему все обещали, как и прежде.

11.

Не брал ли Муравьев от тебя или от товарищей твоих каких клятв и обещаний?

на 11-й.

Клятв от меня никаких и от товарищей моих со мною у него бывавших не брал, а довольствовался простыми обещаниями.

12.

По всем сим вопросам ты должен ответствовать по сущей справедливости, — ибо есть способы к непременному тебя изобличению. Сугубое наказание тебя ожидает, если скроешь малейшее обстоятельство.

на 12-й.

Все, что показал, есть самая сущая правда, и более добавить ничего не имею.

Подлинные ответы за неумением грамоты рядового Анойченки, по просьбе его, подписал армейской подвижной № 36 роты писарь Карп Левченков.

Подлинные вопросные пункты за скрепою обер-аудитора, а допросы за подписанием присутствующих.

Скрепили:

Председатель генерал-маиор Антропов и обер-аудитор 9-го класса Шмаков.

Верно: дежурный генерал [подпись].

Список нижним чинам прежнего состава Семеновского полка, служащим ныне в полках 8-й пехотной дивизии, кои сверх поименованных Муравьевым и Бестужевым, по показанию доставленных в м. Белую Церковь рядовых, должны быть высланы в комиссию.

По показанию Саратовского пехотного полка рядового Анойченки

того ж полка

рядовые:

1. Василий Турков.
2. Антон Янтарев.

Тамбовского полка

рядовой

3. Николай Погодаев.

Саратовского полка.

4. рядовой Бобылев.

По показанию того ж Саратовского полка Алексея Андреева

того ж полка:

5. Музыкант Сорокин.

По показанию Пензенского полка рядового Гульбина

оного ж полка:

6. Унтер-офицер Бобровский.

Рядовые:

7. Конон Бондаренко.
8. Тимофей Федоров.

Троицкого полка рядовой

9. Макей Проскурин.

15-го егерского полка рядовой

10. Кузьма Алексеев.

Одного из егерских полков 15-го или 16-го

11. Терентий Степанченко.

Подлинный подписали:

Председатель генерал-маиор Антропов

и обер-аудитор 9-го класса Шмаков.

Верно: дежурный генерал [подпись].

1826-го года марта 15-го дня в комиссии военного суда, учрежденной по высочайшему повелению в м. Белой Церкве, Саратовского пехотного полка рядовые Федор Анойченко и Федор Николаев, в дополнение отобранных от них ответов, допрашиваны и показали: что ни один из них не делал обещания подполковнику Муравьеву привести целой Саратовской полк без офицеров; но оба добавили, что когда они в числе тринадцати человек при выходе из лагеря под м. Лещином были у Муравьева для прощания, то по выходе всех Муравьев воротил назад обеих и Федору Николаеву, у коего болела нога и который ходил в то время на костыле, дал особо пять рублей ассигнацию для найму подводы и прибавил при том, что около нового года он Муравьев будет может быть ездить по 8 пехотной дивизии переодевшим шляхтичем и их отыщет; при чем спрашивал: *узнают ли тогда они его? и если узнают, то чтобы не показывали того и не открывали никому кто он такой.* Но ездил ли он по 8 пехотной дивизии, того не знают и ни от кого не слыхали. Федор же Николаев прибавил особо, что когда он был с рядовым Саратовского же полка Афонасенкою в первой раз у Муравьева в м. Лещине, то Муравьев, адресуясь к двум артиллерийским, как Николаев полагает, судя по наружности штаб-офицерам средних лет, хотя они не имели эполет в то время, сказал: «Вот, господа! какой старик должен служить государю. Несмотря на то, что он давно отслужил свои лета, прину-

ждают его оставаться еще в службе». А к нему Федору Николаеву обратясь сказал: «что ему теперь не грех из чистого ружья застрелить государя». Ужаснувшись сих слов, Николаев возразил: «Нет! ваше высокоблагородие, не только сделать это, но и помыслить о сем я никогда бы не осмелился и позволил бы себя за подобное намерение растерзать»; после сих слов Муравьев, давши ему Николаеву с товарищем Афонасенкою пять рублей ассигнацию, выслал их поспешно вон.

Верно. Председатель генерал-маиор Антропов.

Сверял: обер-аудитор 9-го класса Шмаков.

1826 года марта 15-го дня в комиссии военного суда, учрежденной по высочайшему повелению в м. Белой Церкве, Тамбовского пехотного полка рядовой Петр Малафеев в дополнение отобранного от него ответа допрашиван и показал: что когда в первый раз он был у Муравьева и при разговоре объяснял о тягости службы, говоря между прочим, что рядовой одного с ним полка Иван Перепельчук из Семеновских от таковых же утеснений застрелился; то Муравьев возразил, что это большое дурачество стрелять себя и он глуп — не дождал времяни, а потом, сняв висевший на стене пистолет и сделав оным пример как бы кого застрелить, сказал: «Вот так надобно». На сие Малафеев не отвечал ничего и к чему клонились сии слова не понимал, в прочем более ничего не знает.

Председатель генерал-маиор Антропов.

Сверял обер-аудитор 9-го класса Шмаков.

6.

Вопросные пункты от 29 и 31 марта 1826 г. и ответы на них С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина и А. Ф. Фурмана.

Копия с вопросных пунктов, данных 29-го марта 1826-го года подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу и ответов его на оные.

Вопросы:

На сделанный вопрос, каких имянно полков и как по имянам те солдаты (служившие прежде в Семеновском полку) кои приходили к вам в лагере при Лещине, вы наимяновали только шесть человек, тогда как Бестужев-Рюмин и многие из членов тайного общества утверждают, что ходили к вам все Семеновские солдаты, в 8-й дивизии находящиеся, и что вы, привлекая их к себе, давали им деньги и научали, чтобы они действовали на возбуждение в товарищах своих ненависти к правительству и к самой службе и, вообще, были готовы следовать за вами по первому приказанию (что они с своей стороны и обещали).

И по тому комитет вновь требует от вас чистосердечного и совершенно положительного показания о том:

1.

Кто имянно и каких полков были означенные приходившие к вам солдаты, кроме шести уже наимянованных, коим вы давали деньги и, обла-

скав их, научали действовать на своих товарищей к возбуждению в них ненависти к власти и к последованию за возмутителями, и кто из них наиболее показывал усердия в исполнении ваших видов?

2.

Комитету известно, что во время лагеря при Лещине приходили к вам и так же были преклоняемы к возмущению: 15-го егерского полка два унтер-офицера высокого роста, поступившие из учебного карабинерного полка, из Полтавского — гренадерской роты унтер-офицер, высокой же ростом, и Черниговского — фельдфебели 3, 4, 5 и 6 рот и унтер-офицер Пучков.

Наимянуйте означенных 3-х унтер-офицеров и 4-х фельдфебелей с искренним объяснением того, что вы им внушили и что они обещали делать?

3.

Кто по имяни и фамилии — тот солдат (из прежде бывших в Семеновском полку), а ныне принадлежащий Саратовскому, который, по словам Бестужева-Рюмина, поклялся пред вами привести весь Саратовский полк без офицеров?

4.

Равномерно — как зовут по имяни и фамилии того солдата (из бывших Семеновских), о котором Бестужев-Рюмин многим членам с жаром рассказывал: «Вот какой имеют Семеновские солдаты дух, что один из них (известный ему по имяни) дал пред вами торжественную клятву при первом смотре из ружья застрелить государя», о обещании коего свидетельствовал и разжалованный из полковников Башмаков.

5.

Подобно сему наимянуйте и того солдата (из бывших Семеновских), которого Бестужев-Рюмин при вас и капитане Пыхачеве привел в балаган с сими словами: «Вот наш старый Семеновец!» и спрашивал его: «Исполнишь ли ты, что тебе приказано?». А солдат отвечал: «Исполню». «Будешь ли ты стоять на часах у государя?». — «Буду!» — сказал он.

Здесь поясните: что имянно сему солдату было от вас приказано исполнить, и для чего нужно было обещание его стоять на часах у государя.

6.

Во время возмущения Черниговского полка вы и Бестужев рассказывали, что имеете большую надежду на Саратовской и Пензенской полки посредством Семеновских солдат.

Поясните: на чем именно основывалась надежда сия, т.-е. кто из находящихся в полках сих солдат обещался возбуждать товарищей своих, и какие имели вы удостоверения о их готовности?

7.

В ответах своих вы утверждаете, что кроме хорошего обращения и некоторой помощи в нуждах, вы не употребляли никаких других средств к привлечению к себе солдат Черниговского полка; но порутчик Сухинов показывает, что вы еще избавляли от заслуженного наказания за вины их.

8.

Объясните откровенно, какое имянно принимал участие при возмущении Черниговского полка и в действиях ваших по тайному обществу разжалованный Б а ш м а к о в?

При чем Комитет предваряет вас, что изысканные доводы представляют ему полную возможность обличить и малейшую неискренность вопрошаемого.

О т в е т ы:

В сделанных уже мною ответах я показал, что во время лагеря при м. Л е щ и н е приходили ко мне бывшие в Семеновском полку солдаты более шести человек, но что я кроме шести человек, имян прочих не припомню, причем объясняю, что я не знаю, все ли находящиеся в 8-й дивизии Семеновские солдаты приходили ко мне в то время, ибо я их никогда о том не спрашивал, а говорил всегда приходящим ко мне, чтобы они сами и товарищи их всегда приходили ко мне, естьли имеют какую нужду. Причем подтверждаю мое показание, что я никогда ко приходившим ко мне в то время солдатам не говорил явно и положительно о возмущении, не препоручал никому из них вселять ненависть к правительству в товарищах, а также не говорил, чтобы они были готовы следовать за мною по первому приказанию, а, как уже мною показано, бранил службу, говорил, что уверен, что они от своих офицеров старых ни в каком случае не отстанут, а что армейские солдаты с них пример возьмут потому, что они в гвардии служили, — и тому подобные речи. Но опять повторяю, положительнее сего ничего мною не было ни говорено, ни препоручено никому из них. Деньги же я, действительно, давал им, но без всякого уговора.

На 1-й.

Кроме шести человек, названных мною, я действительно, не упомню имян прочих приходивших ко мне; кто же из них более оказывал усердия к видам моим, я утвердительно не скажу, ибо они всегда приходили ко мне по-несколько человек вместе, а не поодиночке, и я никому из них не давал особенного поручения, исполнение коего могло бы мне показать его усердие.

На 2-й.

Весь сей 2-й пункт совершенно ложной. — Во время лагеря при м. Л е щ и н е никогда не приходили ко мне ни 15-го егерского полка два унтер-офицера высокого роста из карабинерного учебного полка; никогда не приходил ко мне Полтавского полка гренадерской роты высокого же роста унтер-офицер. Черниговского полка фельдфебеля моего баталиона приходили ко мне ежедневно за приказанием, причем я никогда никакого не имел с ними разговора, и 3-й роты фельдфебель и унтер-офицер П у ч к о в никогда ко мне не приходили.

На 3-й.

Никакой солдат из прежде бывших в Семеновском полку не говорил мне и не клялся, что приведет весь Саратовский полк, без офицеров. Это показание ложно и несбыточно.

На 4-й.

Никакой солдат из прежде бывших в Семеновском полку не давал мне торжественной клятвы, что на первом смотру из ружья убьет государя.

Никогда о сем и слова не было говорено мною приходившим ко мне солдатам, и я очень удивляюсь, как могли многие члены слышать о сем от Бестужева-Рюмина, тогда, когда я сего никогда не слышал ни от солдат, ни от Бестужева самого. Впрочем, если какой солдат и говорил сие Бестужеву, а не мне, то пусть комитет спросит Бестужева-Рюмина о имени сего солдата; но мне невероятно кажется, чтобы он скрыл от меня подобное обстоятельство.

На 5-й.

О изложенном здесь разговоре Бестужева с Семеновским солдатом, бывшем будто бы при мне и при капитане Пыхачеве, слышу я в первой раз, и опять повторяю, что никогда ни мною, ни Бестужевым-Рюминым не было говорено приходившим ко мне солдатам о убиении государя ни во время смотра, ни на часах, ни в каком случае, и потому я имею право утверждать, что показание сие так же ложно, как и прочие.

На 6-й.

Во время возмущения Черниговского полка я говорил, что имею надежду на полки 8-й дивизии, потому что там Семеновские солдаты, для ободрения людей. Особенных же надежд, кроме известных уже комитету, я не мог иметь; моя же большая надежда была на содействие членов Славянского общества.

На 7-й.

Кроме хорошего обращения и помощи в нуждах, я, действительно, никаких средств не употреблял к привязанию к себе людей Черниговского полка; от должного же наказания за вины я солдат освобождать не мог, ибо баталионный командир не входит в внутреннее управление рот, а палочные наказания за ошибки во время учений я, действительно, уничтожил.

На 8-й.

Разжалованный из полковников Башмаков не принадлежал обществу, существование коего я ему никогда не открывал, но, живучи со мною, он мог догадываться кое-о-чем. Препоручения же по делу общества никогда никакого он не имел от меня; а во время возмущения полка, он участия никакого в оном не имел, ибо его не было, и я со времени отъезда моего в г. Житомир, его Башмакова и не видал.

Верно: Флигель-адъютант полковник Адлерберг.

Копия с вопросных пунктов, данных 29-го марта 1826-го года подпоручику Бестужеву-Рюмину и ответов его на оные.

Вопросы:

На сделанный вопрос, каких полков и как по имянам те солдаты (служившие прежде в Семеновском полку), кои приходили к вам и Сергею Муравьеву в лагере 1825 при Лещине, вы наимяновали только пять человек, тогда как сами же говорите, да и многие из членов тайного общества утверждают, что ходили к вам все Семеновские солдаты в 8-й дивизии находящиеся, и что вы привлекая их к себе давали им деньги и научали, чтобы они действовали на возбуждение в товарищах своих нена-

висти к правительству и к самой службе, вообще же были готовы следовать за вами по первому приказанию (что они с своей стороны и обещали).

И потому Комитет вновь непременно требует от вас чистосердечного и совершенно положительного показания о том:

1.

Кто имянно и каких полков были означенные приходившие к вам и Сергею Муравьеву солдаты, кроме пяти уже наимянованных, коим давали деньги и, лаская их, научали действовать на своих товарищей к возбуждению в них ненависти к начальству и к последованию за возмутителями, и кто из них наиболее показывал усердия к выполнению видов ваших?

2.

Комитету известно, что во время лагеря при Лещине приходили к вам и Сергею Муравьеву и также были склоняемы к возмущению 15-го егерского полка два унтер-офицера высокого роста, поступившие из учебного карабинерного полка, из Полтавского гренадерской роты унтер-офицер высокой же ростом и Черниговского — фельдфебели 3, 4, 5 и 6 роты и унтер-офицер Пучков.

Наимянуйте означенных 3-х унтер-офицеров и 4-х фельдфебелей с искренним объяснением того, что вы и Сергей Муравьев внушали, и что они обещали делать?

3.

Как по имяни и фамилии тот солдат, из бывших Семеновских, а ныне принадлежащий Саратовскому, которого вы называли по имяни, и которой по словам вашим поклялся пред вами и Сергеем Муравьевым привести весь Саратовский полк без офицеров.

4.

Равномерно как зовут по имяни и фамилии того солдата (из бывших же Семеновских), о котором вы с жаром рассказывали многим членам: Вот какой Семеновские солдаты имеют дух, что один их них, (коего называли) дал пред вами торжественну клятву при первом смотре из ружья застрелить государя, — и о обещании коего свидетельствовал и разжалованный из полковников рядовой Башмаков.

5.

Подобно сему наимянуйте и того солдата (из Семеновских), которого вы при Сергее Муравьеве и капитане Пыхачеве приводили в балаган с сими словами: «Вот старой Семеновец. Исполнишь ли ты, что тебе приказано?» «Исполню!» отвечал он. «Будешь ли ты стоять на часах у государя?» «Буду!» сказал он.

Объясните положительно: что имянно сему солдату было приказано исполнить, и для чего нужно было его обещание стоять на часах у государя.

6.

Во время возмущения Черниговского полка вы и Сергей Муравьев рассказывали, что имеют большую надежду на Саратовской и Пензенской полки посредством Семеновских солдат.

Поясните: на чем именно основывалась надежда ваша, т.-е. кто из солдат полков сих обещался возбудить товарищей своих и какие имели вы удостоверения о их готовности.

7.

Вы утверждаете, что кроме хорошего обращения и некоторой помощи в их нуждах, Сергей Муравьев не употреблял никаких других средств к привлечению Черниговских солдат; но поручик Сухинов показывает, что Муравьев сверх того избавлял от заслуженного наказания за вины.

8.

Объясните откровенно, какое принимал участие при возмущении Черниговского полка и в действиях ваших по тайному обществу разжалованный Башмаков?

При сем Комитет предваряет вас, что изысканные доныне сведения представляют возможность при первом взгляде открыть неискренность ответов, и, следовательно, всякое уклонение от истины повлечет за собою одно усугубление известной вины.

Ответы:

1.

Наименовав столько членов, со многими из коих были у меня не только политические, но родственные и сердечные связи, наименовав солдат, о коих мог только вспомнить, что могло бы меня удержать от искреннего показания о всех остальных, если бы знал их по имяни? Явная выгода моя в том бы состояла. Но кроме названных мною, я по имяни ни единого не знаю. Приходили они к Сергею Муравьеву, а не ко мне, — и часто в моем присутствии. И тех имена, кои бывали при мне, я не спрашивал, не надеясь на свою память, и не предвидя нужды их помнить каждого по имяни, даже в первых моих ответах вместо Николаева, я написал Яковлев.

2.

Унтер-офицеров 15-го егерского полка не только я не видал, но и не слыхал о них; (и безропотно приму всякое наказание, буде сие показание мое окажется не справедливым). Полтавской унтер-офицер приходил ко мне для получения полтины серебром, которую я у него занимал. Имя его Пузанов. Фельдфебели Черниговского полка, ходившие к Муравьеву, принадлежали ротам его баталиона. По имяни знаю только фельдфебеля 3-й гренадерской роты: его зовут Плехановым. Верно, показывающий о сем смешал 3-ю гренадерскую с 3-й мушкетерскою, ибо я знаю наверно, что ни один фельдфебель 1-го баталиона к Муравьеву никогда не приходил. И вообще фельдфебели, имевшие в виду скорое производство, и пользуясь большими выгодами, нежели прочие нижние чины, были к возмущению люди весьма ненадежные. Унтер-офицера Пучкова я вовсе не знаю.

3.

То был Анойченко. Но он предлагал привести роту, в коей находится, а не полк.

4.

Я готов утвердить присягою, что ни один Семеновской солдат не давал нам клятвы застрелить государя на первом смотре. Быть может, что говоря о негодовании Семеновских солдат, которое в самом деле было велико, я сказал кому-либо из членов, что они рады застрелить государя. Но положительно верно ни о ком в особенности не говорил. Пестель, (к коему после смотра Лещинского, я нарочно ездил, дабы уведомить его подробно о всем том, что было), верно, сего случая не покажет, также и Трубецкой, с которым о всех делах общества я говорил откровенно. Башмаков же имеет страсть лгать.

5.

Быть может (хотя сего не помню), что в бытность у нас Пыхачева, я приводил в балаган пришедшего к Сергею Муравьеву Семеновского солдата, и что я говорил: «Вот старой Семеновец. Исполнишь ли ты, что тебе прикажут?» — и что он отвечал: «Исполню». Но наверно я не спрашивал у него «будешь ли ты стоять на часах у государя», ибо с солдатами мы всегда говорили неопределительно, и ни о каком плане не толковали; в никакие подробности не входили (в сем Комитет легко может удостовериться, и я знаю, чему подвергаюсь в случае несправедливого показания). Капитан же Пыхачев был у нас один только раз, и вместе с Артамоном Муравьевым, Тизенгаузеном, Швейковским и Враницким. Благоволит комитет спросить у них, справедливо ли показание Пыхачева.

6.

Мы надеялись, что Семеновские солдаты по данному ими обещанию взбунтуют те полки, в коих находятся. На Пензенской мы считали более нежели на другие потому, что там кроме Семеновских солдат, служили маиор Спиридов и капитан Тютчев. На Саратовской полк мы также особенно полагались потому, что в лагере при Лещине одна рота оного взбунтовалась, и Анойченко, по приказанию Муравьева, ее усмирил, но предлагал привести, когда только нам заблагорассудится. Мы же всегда думали, что солдаты к солдатам пристанут, и что достаточно одной роты, чтобы увлечь весь полк.

7.

Сухинов может показать разве следующий случай. Не знаю за какое преступление, вели двух солдат наказывать кнутом; Муравьев дал деньги палачу, чтобы их не так жестоко били. Это было в декабре 1825 года.

8.

Башмаков обществу не принадлежал; разве Славяне приняли его без моего ведома, ибо мы, зная его чрезмерную нескромность и даже страсть вещи увеличивать, до самого возмущения все от него скрывали. Когда возмущение сделалось, меня с Муравьевыми не было. Слышал я, что они Башмакову дали порученность немедленно уведомить Пыхачева о начатии явных действий общества. Исполнил ли сие Башмаков и где во все время движений наших находился, мне неизвестно, ибо я его не видал с самой той ночи, когда жандармы приехали в Васильков за Муравьевым.

Видя заблуждение, в котором я был насчет истинного блага России, чувствую глубокое раскаяние в преступных действиях моих; я не только не намерен уклоняться от требуемых от меня показаний, но докладываю Комитету, что я с радостию готов дать всевозможные пояснения на счет всех дел Южного Общества. Быть может заслужу чрез то сожаление.

На Полтавских же солдат я прямо не действовал, но старался привязать их к себе ласковым обращением и разными вспомоществованиями и в сем успел.

Верно: Флигель-адъютант Адлерберг.

Копия с вопросных пунктов, данных 31-го марта 1826-го года Черниговского пехотного полка капитану Фурману и ответов его на оные.

В данных Комитету ответах вы утверждаете, что кроме бытности в одном собрании членов у Андреевича, где маиор Спиридов приглашал всех действовать на возбуждение солдат, никакого участия в деле общества не принимали и ни одного солдата к цели общества не приготовляли, но изысканные сведения доказывают сему противное.

Посему Комитет вновь требует от вас чистосердечного показания о нижеследующем:

1.

Поручик Сухинов показывает, что на собрании у Андреевича, куда приезжал он с Шахировым и бароном Соловьевым, вы дали клятву хранить тайну общества и быть твердым и непоколебимым в предназначенных предприятиях, каковая и с него, Сухинова, тогда же была взята; но вы в ответах своих о сем умалчиваете.

Поясните, справедливо ли сие показание Сухинова?

2.

Он же Сухинов говорит, что Сергей Муравьев привязал к себе солдат Черниговского полка, между прочим, тем, что избавлял от заслуженного наказания за вины их; но вы, говоря в ответах своих о привлечении Муравьевым солдат, собственно о сем способе его ничего не упоминаете.

3.

Сей же Сухинов показывает, что однажды Бестужев-Рюмин в присутствии вашем и Соловьева, вскоча со стула, говорил с жаром «Вот какой Семеновские солдаты имеют дух, что один из них, (коего Бестужев называл) приходил к нему и Сергею Муравьеву и дал торжественную клятву при первом смотре из ружья застрелить государя», каковые слова сего солдата подтверждал и разжалованный из полковников Башмаков.

4.

Комитету известно, что вы и поручик Кузмин в лагере [в] 1825 [году] при Лещине склоняли рядового Ракузу к участию в умышляемом возмущении. При чем говорили ему Ракузе: «Ты вовсе забыт, никто не

хочет о тебе постараться; скажи, на кого ты надеешься?». А когда Ракуза отвечал: «Моя надежда бог», то вы продолжали: «Но надежда твоя плохая; ты не знаешь еще наших намерений». Тут вы начали поносить правительство, как можно хуже, что оно есть подлое, что никакого порядка нет и проч. «В сем случае (вы продолжали) ты можешь найти средство сделать доброе дело, т.-е. внушать об оном некоторым тебе известным нижним чинам и вливать в сердца их, что доколе будет существовать фамилия Романовых, дотоле добра не будет; если мы возмемся за дело, то истребим все тягости, угнетающие народ и войски, а когда введем конституцию, то крестьяне освободятся от крепости и ты будешь награжден за неповинное терпение». Ракуза на сие не соглашался, но вы не переставали его убеждать, говоря, что вам самим неловко уговаривать нижних чинов; «начинай, старайся; мы уже имеем тысячи сот (участников) в своих намерениях»; но и за сим Ракуза остался непреклонным.

Объясните откровенно: каким образом сие происходило?

5.

Равномерно Комитету известно, что вы и поручик Кузмин весьма часто видались с полковником Швейковским и единомысленно стремились к возмущению.

Поясните, какие происходили между вами, Кузминым и Швейковским совещания по сему предмету?

6.

Комитет имеет сведения, что вы и прочие офицеры Черниговского полка, участвовавшие в тайном обществе, знали о всех лицах, разделявших намерения тайного общества, особенно же Кузмин, бывший с вами в приязненной связи и рассказывавший о том многим членам.

Наимянуйте без малейшей утайки всех тех из старших чинов армии, кого Кузмин или сам Муравьев называл одобряющим его предприятия.

К сему присовокупите с полною искренностию все вам известное на счет тайного общества сверх настоящих вопросов, ведая, что всякое запирательство ваше послужит к одному усугублению доказанной вины.

Копия с дополнительного вопросного пункта, данного 31-го марта 1826 года капитану Фурману и ответа его на оный.

Офицеры Черниговского полка показывают: Мозгалевский, что в бытность его в лагере 1825-го при Лещине из разговоров ваших с порутчиком Кузминым слышал о заговоре, составившемся против корпусного командира генерал-лейтенанта Рота, и Рыбаковский, что ежели означенный Мозгалевский знал о существовании тайного общества, то сведение о сем мог получить только от вас, ибо служил в одной с вами роте.

Объясните с полным чистосердечием.

1.

Когда, где и какой имянно заговор составлен был против генерал-лейтенанта Рота?

2.

Каким образом и где предполагалось совершить оный?

3.

Кто имянно в заговоре сем участвовал, и что воспрепятствовало его исполнению?

4.

Сказывали ли вы Мозгалевскому о существовании того общества, которому сами принадлежали, равно о цели и членах оного, и не был ли он принят в общество, когда, где и кем имянно?

Ответы.

На 1-й вопросный пункт.

Кроме бытности моей однажды в собрании тайного общества у Андреевича, когда ожидали Бестужева-Рюмина, и которой в то время не был, я никакого участия в деле общества не принимал, и ни одного солдата к цели общества не приготовлял.

На 1-й.

Когда я был у Андреевича, Шахирев приезжал верхом один, и в то время ни от кого клятвы не отбирали, лишь Спиридов говорил, что в будущее собрание будет производится клятва, на которой меня не было, и я никому никогда оной не давал и скрывать пред правительством тайны общества никогда не намеревался, почему Сухинов сие показание совершенно несправедливо на меня доносит.

На 2-й.

Говоря о привлечении Муравьева солдат себе, я не мог сказать так, что избавлял от заслуженного наказания, ибо когда во время лагеря после бывшего смотра корпусного командира застрельщиков, я пред балаганом своим наказывал унтер-офицера Ульяна Данилова, который стреляя в цель забыл насыпать на полку пороху и был в ветхой и неопрятной рубахе, Муравьев увидя сие, сказал мне, что если кто заслужил взыскания, не следует наказывать на виду лагеря, но запрещения в справедливом наказании он мне не делал.

На 3-й.

Нигде я Сухинова, Бестужева-Рюмина и Соловьева вместе не видал, и ни от кого не слыхал, чтобы бывший Семеновский солдат давал торжественную клятву кому-либо, при первом смотре застрелить государя!.. равно и Башмаков мне ето не говорил.

На 4-й.

Разжалованной из порутчиков Ракуза на время лагеря жил у меня в балагане, но разговоров как я, так, кажется, никто с ним серьезных не мог иметь, ибо известны о его болезни все офицеры нашего полка, что он часто теряясь в мыслях, утверждает совершенно неимоверные вещи, (и напр. его отец несколько лет пред походом 812 года поднес план его величеству, как войска должны действовать против Наполеона, и единственно тем, что государь не отступал от назначенных движений сего плана, Россия

одержала победу. Что он — князь Богдановский, что имеет нетленное имение и тому подобное) — почему, хотев участвовать тайному обществу, нашел бы без Ракузы особ и были бы действия мои известны как поручику Бржестовскому, прапорщику Мозалевскому, юнкеру Натучи, так и многим в 6-й роте нижним чинам, служившим со мною; — но я не вводил злоумышленности тайного общества, чего доказать никому невозможно, и в чем я совершенно уверен. Правительство от роду не осмеливался поносить, равно не думал ни Ракузу, ни кого другого склонять к тайному обществу, будучи сам совершенно противных мыслей! Подобной же разговор имел точно однажды у меня в балагане с Ракузой Шахирев и Кузмин, более же говорил Шахирев, будучи из одного корпуса с ним, и как говорил он более в полголоса, я не вслушивался, и, оставя их без внимания, вскоре вышел; и что не подговаривал Ракузу, должен он сам подтвердить, в противном случае, пускай докажет успехи мои.

Имев щастие служить лейб-гвардии в Семеновском полку, пользовался неоднократно благосклоннейшими отзывами как от его величества Александра Павловича, так и государя Николая Павловича, равномерно когда по собственному желанию оставил я службу по гвардии, и отправляясь в армию, его высочество Михайло Павлович одарил меня деньгами! и вообще имея всегда в предмете лестнейшие надежды от щедрот и снисхождения царской фамилии нашей, — смел бы я дерзнуть роптать и быть не верноподданным и не преданным русскому престолу!!.. неблагодарным за воспитание, которое получил! и забыться до высочайшего преступления, что бы из уст моих вышли слова в сем вопросном пункте означенные!!!

На 5-й.

Полковник Швейковский приезжал еще перед лагерем в Василькове к подполковнику Гебелю, и я, быв тогда дежурный по полку, ходил ему рапортовать, но разговоров никаких не имел, и вряд он знает меня по фамилии; Кузмин, кажется, также с ним не имел связей, впрочем мне ето не известно.

На 6-й.

Удаляясь всегда любопытства и разговоров тайного общества, чтобы не возложили какое поручение, от которого без подозрения отказаться не смел бы, я, ей-богу, не знаю ни одного из старших членов и не слыхал об оных ни от Муравьева, ни от Кузмина, которые мне ничего никогда не сообщали.

Ответы

на дополнительные вопросы:

Про генерал-лейтенанта Рота говорили многие, что он вечером ходит подслушивать под окна, и что это может ему когда-нибудь дорого стоить, слышал я от Кузмина и Сухинова в особенности же от последнего, которой вообще старался слыть отчаянным и рубакою; — но про заговор мне совершенно ничего не известно, кто к оному принадлежал и почему не совершился; а с Рыбаковским я не виделся: он был в гошпитале. После бытности моей у Андреевича, ужасаясь более участвовать в тайном обществе, я ни Мозалевскому, ни кому другому ничего никогда не говорил о существовании, лицах и цели общества; имея единственно в предмете намерения, мне известные, донесть прави-

тельству! — и есть ли бы я не побоялся бога, отступил от веры и присяги, — не имел ли время я в вверенной мне роте вселить мысли тайного общества? и не мог ли присоединиться к М у р а в ь е в у, который будучи с полком в деревне Пологах, всего в семи верстах находился от меня? Но я желал бы, чтобы вы на ето время знали мои мысли и чувства;.. тогда бы век не испытал я бремя неволи и заточения!! и есть ли бы высочайший комитет осудил меня на всегдашнее заключение или осыпал наградами, изъясниться не скрывая совершенно ничего (как желаю сам себе добра), я не в состоянии и не умею более ничего сказать ни про лица, ни про намерения тайного общества.

Верно: Флигель-адъютант полковник А д л е р б е р г.

7.

Протокол допроса рядового 8-й артиллерийской бригады Г. Ф. Крайникова от 28-го марта 1826 года.

1826-го года, марта 28-го дня в присудствии коммисии военного суда, учрежденной по высочайшему повелению в м. Белой Церкве, 8-й артиллерийской бригады 2-й легкой роты рядовой Григорий Крайников, по священническому увещеванию, допрашиван и показал.

В о п р о с ы.	О т в е т ы.
1-й.	на 1-й.
Как тебя зовут? чей ты сын? Сколько от роду лет? Грамоте, читать и писать умеешь ли?	Зовут меня Григорий Филиппов сын Крайников, от роду 28-м лет, грамоте читать и писать не умею.
2-й.	на 2-й.
Какой ты веры, и ежели христианской, то когда ты был на исповеди и у святого причастия?	Веры грекороссийской, у исповеди и причастия ежегодно бывал.
3-й.	на 3-й.
В службу его императорского величества поступил ты которого года, месяца, числа, из какого звания и откуда уроженец?	В службу его императорского величества поступил 1818 года, которого же месяца и числа не припомню; из господских крестьян Слободско - Украинской губернии.
4-й.	на 4-й.
На верность службы присягал ли? Воинский Устав и Артикулы тебе читаны ль? И что за какое преступление чинить повелено знаешь ли?	На верность службы присягал. Воинский Устав и Артикулы были читаны, и что за какое преступление чинить повелено, знаю.
5-й.	на 5-й.
Напред сего не был ли за что ты под судом и по оному равно и без суда в каких штрафах и наказаниях?	Напред сего под судом и в штрафах не бывал.

6-й.

Военному суду известно, что ты по наставлению подпоручиков Борисова, Андреевича 2-го, Бечастного и Горбачевского, возбуждал в товарищах неудовольствие к правительству и готовность к возмущению и потому ответствуй, по всей справедливости:

с которого времяни начали приклонять тебя к своей цели означенные офицеры? Какие наставления преподавали тебе? К чему склонили? Что говорили о службе и о правительстве? не открывали ль тайны заговора? и что заставило тебя к оному приклониться?

на 6-й.

По возвращении роты с маневров, дни три спустя, я был вместе с готлангером, называемом Ефремкою, послан при подпоручике Андреевиче в Новгород - Волынск за лекарем, чтобы освидетельствовать тело утонувшего фейерверкера Видякина; и на дороге Андреевич начал нам говорить: «Вот, ребята, скоро будет поход в Москву, где соберется армия, чтобы требовать от государя нового положения и облегчения для войска, ибо теперь служба чрезвычайно тяжела; что солдат теперь тиранят, бьют палками, занимают беспрестанными ученьями и пригонкою аммуниции; что все это выдумывается вышним начальством, которое по большей части из немцов». Андреевич рассказывал при сем, что в лагере под м. Лещином собирались многие офицеры и положили между собою стараться об облегчении службы. Нащет же блаженной памяти государя императора ничего Андреевич не говорил, но уговаривал нас никогда не оставлять своих офицеров и внушать также другим солдатам, чтобы они охотно следовали за ними, прибавя при том, что «все это для вас же делается». На все сии речи я отвечал Андреевичу, что, конечно, мы пойдем в поход, когда получим на то повеление, как это обыкновенно и прежде делалось, но Андреевич возразил: «Какое тебе повеление? Когда целая армия будет в походе, тогда и вы должны будете следовать за оною». Более же ничего Андреевич не говорил, и после сего случая я его более не видал.

О сем разговоре с Андреевичем я никому не рассказывал. Но спустя месяц времени я наряжен был фейерверкером Родичевым ехать на казенных лошадях с прапорщиком Бечасным так же в Новград-Волынск. Едучи дорогою, Бечасный шутил со мною, и тогда я осмелился его спросить, правда ли что будет поход в Москву. Когда Бечасный хотел знать, кто мне о сем говорил, то я объявил, что мне все сие рассказывал Андреевич и повторил тогда все объявленное мне Андреевичем. Бечасный все это подтвердил, прибавя, что это скоро исполнится. Я же действительно сказал

Бечасному, что будто по внушению Андреевича узнавал уже, как о сем думают прочие в роте солдаты и что, исключая весьма малое число, все охотно последуют за своими офицерами; но на самом деле я никому из товарищей тогда еще не говорил о слышанном мною от Андреевича, и Бечасному Родичева не означал, как будто согласного на предпринимаемое офицерами намерение. Возвратясь из Новград-Волынска, я иногда приходил в школу арифметистов и слышал от них, что и им тоже самое Бечасный говорил, что и мне, и мы рассуждая бывало между собою о всем слышанном, не понимали ничего, что бы все сие значило и к чему клонилось.

Потом дней за пять перед Рождеством Христовым Бечасный, получа записку чрез готлангера Липатова — от Горбачевского или Андреевича, мне неизвестно, — приказал тот час оседлать себе лошадь и, сказавши мне, что Андреевич возвратился из Киева, вечером поехал в с. Смандирово, где стоял Горбачевский, откуда возвратясь на другой день поутру, Бечасный рассказывал мне, что Андреевич привез известие, что чрез двадцать пять дней после Рождества пойдут в поход в Москву, на тот же предмет, при чем Бечасный повторил мне опять почти все то же на щет службы и прочего, что и прежде говорил, прибавя при том, чтобы я был осторожен во всяком случае, а особливо есть ли бы кто из старших начальников, подозревая, стал спрашивать, — и что когда пойдут в поход, то всякого, кто бы стал уклоняться от своей команды, непременно казнят смертию, при сем разе Бечасный рассказывал, что подпоручик 2-й же легкой роты Одинцев, прежде не соглашавшийся с ними на подписку, также объявил им, что и он от них не отстанет, и что Пензенской пехотной полк и гусары придут к нам в с. Барановку.

После сего свидания с Андреевичем, Бечасный стал разговаривать со многими, как то фейерверкерами: Брагиным, Евдокимовым, Родичевым, Заниным. Я же после сего раза сообщил о всем мною слышанном от Бечасного писарям нашей роты: Баранову, Малышову, Карнею

Михайлову и Тимофееву и спрашивал у них, действительно ли правда и есть ли что-либо в канцелярии на щет похода? На что они отвечали, что сего в канцелярии вовсе нет, и что Бечасный все это выдумывает и на какой конец — им не понятно. Я также рассказывал о том же фейерверкеру Озерину, который также удивлялся всему происходящему между офицерами.

По окончании следствия на щет пожара в с. Осторожках, где находился из Бердичева гусарской штабс-ротмистр Пехотинский, Бечасный сказал мне, что я должен буду с ними ехать в г. Бердичев, откуда возвращаясь он намерен был побывать у гусарского полковника Муравьева в м. Любаре. Наскучивши быть в беспрестанных разъездах, я отклонился от сей поездки, а с Бечасным и с гусарским штабс-ротмистром Пехотинским отправился фурман Куренный. Когда Бечасный возвратился из Бердичева, то я его видел после Рождества Христова, и он мне вместе с канониром Сидоровым сказал: «Теперь ничего не говорите о том, что вы от меня слышали, ибо всюду разосланы шпионы и, если вас подслушают, то вы пропадете». Но мы однакож, удивляясь офицерским речам и поступкам, всегда между собою рассуждали, что бы все это значило, — не могли того понимать.

Я никогда и никому не говорил, что будто лучше умереть, нежели вести такую жизнь, ибо жизнь наша не была так несносна, чтоб желать смерти, мы были всегда довольны ротным своим командиром, от фельдфебеля притеснений я никогда не имел, только во время лагеря под Лещином каптенармус Черноглазов не допущал полного количества хлеба, за что мы жаловались офицерам: Одинцову и Бечасному, и они, вступясь за нас, прекратили сие злоупотребление.

7-й.

Кого имянно из своих товарищей и какими средствами успел ты приклонить и приготовить к той же цели и возбудить возмутительные мысли?

на 7-й.

Я никого из товарищей не приклонял к мятежу и средств никаких на то не употреблял, а разговаривал о сем просто о всем мною слышанном с теми людьми, кои сами о том же слышали от офицеров.

8-й.

Кто еще из фейерверкеров или из товарищей твоих был употребляем к сему же делу? и кого успели они возбудить и приготовить к возмущению?

на 8-й.

Фейерверкеры: Брагин, Родичев, Занин; бомбардиры: Николаев, Семенов, Ярыгин, Макаров, Степанов и Петров; канониры: Сидоров и Крылов, и, наконец, готлангеры: Митрофанов, Бухарин и Дудкин, все слышали наущение от офицеров сами; но кого они успели возбудить и приготовить к возмущению, мне неизвестно.

9-й.

Не брали ль с тебя каких клятв и обещаний?

на 9-й.

Клятв и обещаний я никаких и никому не давал.

10-й.

По всем сим ответам обязан ты ответствовать по сущей справедливости, не закрывая и малейшего обстоятельства, ибо за всякую ложь и сокрытие истины подвергнешь себя строгому по законам наказанию.

на 10-й.

Показал сущую правду, прибавляя при том, что я часто видел у наших офицеров Горбачевского и Бечасного, — офицеров 3-й легкой роты Ротмистрова и Ридигера, кои бывали часто и ночевали у них, из коих Ротмистров должен непременно быть в согласии с Бечасным и Горбачевским на щет их предприятий и похода к Москве, ибо я слышал сам, как они вели между собою горячие разговоры и всегда прекращали оные, естьли кто к ним входил. О Ридигере я ничего не могу более сказать, как только слышанное от его же собственного человека, что он собирал свой взвод в 3-й легкой роте и поил их водкою, но что говорил ко взводу, и самому его собственному человеку не было известно. О прочем, чтобы Ридигер разговаривал с Горбачевским и Бечасным о тягости службы и о походе к Москве, того я не слыхал.

Скрепили:

Председатель генерал-маиор Антропов

и обер-аудитор 9-го класса Шмаков.

8.

Протоколы допросов фейерверкеров 8-й артиллерийской бригады И. Л. Гончарова и И. С. Фадеева от 4 апреля 1826 г.

1826 года, апреля 4-го дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета 8-ой артиллерийской бригады 1-й батарейной роты фейерверкер 3-го класса Гончаров допрашиван и показал:

Иваном его зовут, Леонтьев сын, Гончаров, от роду 35 лет, веры — греко-российского исповедания, на исповеди и у святого причастия бывает ежегодно, женат, в службу вступил в 1812-м году из помещичьих крестьян

Воронежской губернии. В штрафах и под судом не бывал. В продолжение осени прошедшего 1825, когда рота стояла по взводно в деревнях, и он, Гончаров, находился вместе с подпорутчиками Борисовым и Андреевичем 2-м и когда по обязанности своей ходил к последнему из них с рапортами, то он, Андреевич, вместе с Борисовым старались внушить ему, Гончарову, что солдаты служат долго, жалованья получают мало, а переносят все строгости начальников и взыскательность по службе, и что потому положение солдат — есть бедственное и они погружены в уныние, тогда как они составляют основание силы и славы государства. При чем сказывал Андреевич, что есть общество, которое желает улучшить судьбу их, изменить срок службы, прибавить жалованья и сделать самую службу для них легче, т.-е. избавить от теперешней строгости и взыскания, но что общество сие без содействия солдат не может исполнить своей цели, а если солдаты будут с ним согласны, то перемена в их положении тотчас совершится; после сего, он, Андреевич, поручил внушить сие тем из солдат, кои надежнее, дабы их приготовить. Когда же Гончаров доложил ему, Андреевичу, не будет ли из этого какого беспорядка, или несчастия, то он уверял, что ничего неприятного быть не может, и все кончится смирно. Не размыслив хорошо о предложенном со стороны Андреевича, он, Гончаров, говорил в своем взводе рядовым Андрею Васильеву, Никифору Зиновьеву и Василью Матвееву о том, что слышал от Андреевича. На сие отвечали, что если вся рота будет согласна, то и они не отстанут, а сами действовать на товарищей не могут, опасаясь худых из того последствий. Он, Гончаров, доносил Андреевичу об отзыве означенных рядовых. Тогда Андреевич говорил, что все будут говорить, когда придет время; на вопрос же о том, знает ли о таком обществе государь? ответил, что он узнает, когда все будет приготовлено. — Подобные внушения Андреевич и Борисов делали фейерверкерам: Зенину, Фадееву, Васильеву, Кузнецову; но передавали ли они таковые солдатам, не знает. — О том же, чтобы солдаты говорили, что для них все равно умереть, он Гончаров Андреевичу ни когда не сказывал, ибо и сам от них не слыхал. — Кроме сего ни от кого ничего не слышал и сам никому не говорил, что и утверждает по справедливости.

Фейерверкер 3-го класса Иван Гончаров руку приложил.

1826 года, апреля 4-го дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета 8-ой артиллерийской бригады 1-й батарейной роты фейерверкер 3-го класса Фадеев допрашиван и показал:

Иваном его зовут, Семенов сын, Фадеев, от роду 40 лет, веры греко-российской, на исповеди и у святого причастия бывает ежегодно, женат; в службу вступил в 1806-м году из помещичьих крестьян Нижегородской губернии, в штрафах и под судом не бывал. В продолжение осени 1825 г., когда рота стояла по-взводно в деревнях, а он, Фадеев, находился в деревне Кимовой вместе с Гончаровым, подпорутчики Борисов 2 и Андреевич, жившие на одной квартире, призывали его однажды к себе, и потом отослали назад, а в другой раз они, Борисов и Андреевич, старались внушить ему, что об нас (т.-е. нижних чинах) так же заботятся, как и других состояниях людей, многие значительные особы и стараются о том, чтобы облегчить их жребий, что им только не должно унывать, а быть твердыми и, в случае нужды, решиться умереть за свои права, что ежели они (т.-е. нижние чины) исполнят все это, то лета их службы уменьшатся, командиры и частные

офицеры не будут их обижать более по своим капризам, а ошибки во фронте не навлекут им палочных ударов. При чем они Борисов и Андреевич говорили, что сие хотят сделать таким образом, чтоб не нужно было никому умирать, поручая ему Фадееву все то пересказать тем солдатам, которые по-надежнее, дабы их приготовить. Не размыслив ни мало и полагаясь на слова своих начальников, он Фадеев, действительно, говорил во взводе своем рядовым: Никифору Зиновьеву и Андрею Васильеву, но они на это не согласились, а сказали: «Поглядим, что будет», о чем тогда же я донес Андреевичу и Борисову; но того, чтобы солдаты говорили, что им все равно умереть, никогда не доносил и сам от солдат не слыхал. Внушали ли подобным образом прочие фейерверкеры, он, Фадеев, не знает, ибо ни с кем из них не говорил. Равно и были ли солдаты приготовлены в других ротах и взводах также не знает, что утверждает по сущей справедливости.

Фейерверкер 3-го класса Иван Фадеев руку приложил.

9.

Рапорт Белоцерковской военно-судной комиссии на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 22 апреля 1826 г.

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генералу-от-инфантерии и кавалеру графу Сакену.

Комиссии военного суда, учрежденной
по высочайшему повелению в м. Белой Церкве,

Рапорт.

Во исполнение повеления вашего сиятельства доставлены в комиссию поимянованные в показаниях Саратовского пехотного полка подпорутчика Мозгалевского и Пензенского пехотного полка маиора Спиридова 16-ть человек нижних чинов Саратовского полка, получавших от сего последнего возмутительные внушения, в духе тайного общества, которого он был членом. —

По прибытии их комиссия, составив судебный обряд, приступила к снятию допросов с них, а равно и с поступивших в тот полк из прежнего состава лейб-гвардии Семеновского рядовых Анойченки, Янтаря и Андреева, также в показаниях упомянутых Мозгалевского и Спиридова поимянованных.

Первый допрошенный рядовой Анойченко, сознаваясь во всем противу показания Спиридова, показал, что он действительно вместе с рядовым Федором Юрашем в лагере под м. Лещином был у него Спиридова, по его приглашению, и тут оба они говорили ему, что прежний порядок при нем существовавший в 1-й гренадерской роте Саратовского полка, где он, Спиридов, был до тех пор ротным командиром, изменяется и что новый ротный командир поступает с ними очень строго. — На сию жалобу Спиридов говорил Анойченке и Юрашу: «Надобно потерпеть: может быть чрез год все переменится; что после лагеря возвратившись на квартиру они будут иметь время для отдыха». Но на возражение их, что и на квартирах мало будет покою, — Спиридов в утешение им говорил: «Надейтесь на начальников, которые вас не покинут и готовы за вас пропасть». А Анойченко и Юраш сказали: «Мы за таких начальников готовы лечь».

При чем Спиридов спрашивал Юраша о его дворянстве, которое он отыскивал, и тот ему отвечал, что ему в оном отказали. «Не отчаявайся!», — сказал Спиридов, — «бог милостив!»

Согласно с сим показал и рядовой Федор Юраш.

Далее, тот же Анойченко, а равно Янтарь, и Андреев, спрашиванные порознь, согласно показали, — что в начале декабря месяца маиор Спиридов приезжал в город Острог, где квартирует штаб Саратовского полка, и где в то время 1-ая гренадерская рота того полка, в коей они состоят, содержала караулы. — Причиною такового приезда Спиридова были прежние щеты как с ротою так и со многими нижними чинами особенно. — Проживая для сего в городе Остроге дни четыри, Спиридов призывал к себе унтер-офицеров, капральных ефрейтеров, артельщиков и некоторых других гренадер и стрелков, и подчивая их всегда водкою и испивая сам с ними целыми стаканами, внушал им: что служба ныне чрезвычайно тяжела, что не только солдатам, но и офицерам нет возможности служить, и что он весьма не рад маиорскому чину, но охотно согласился бы опять командовать тою же ротою. Говорил, что государь не наблюдает справедливости: увещевал потерпеть немного, обнадеживая, что служба скоро переменится и будет легче, — только бы они держались его Спиридова стороны, когда что начнется. — Причем Анойченко, Янтарь и Андреев утверждают, что речи говоренные Спиридовым весьма много сходствовали с словами Муравьева, исключая токмо дерзких бранных слов, — коих ни против особы его императорского величества, ни против службы Спиридов не произносил, но всего говоренного им теперь хорошо не могут припомнить, ибо бывая у Спиридова они почти всегда напивались у него пьяными и многих речей не разбирали. — В пребывание маиора Спиридова в городе Остроге, Анойченко был у него четыре раза, Янтарь три, Андреев два раза — прочие ходили в разное время и слышали одни и те же внушения. — Но чтобы они слышанное от Спиридова рассказывали и внушали товарищам своим, в одной роте служащим, кроме тех, кои сами были у Спиридова, — в том допрошенные при всех убеждениях и настоятельности учиненных им допросов не сознаются.

Таким же образом и упомянутые 16-ть человек нижних чинов того же Саратовского полка, при сделанных им в комиссии распросах нащет внушений Спиридова, показали то же самое, что и поимянованные три рядовых: Анойченко, Янтарь, и Андреев: — и они так же не признаются в наущении и склонении прочих своих товарищей, объясняя, что разговоры их по предмету речей Спиридова, ограничивались с теми токмо их сотоварищами, кои сами были у Спиридова и сами слышали то же, что и они. —

По всем снятым по сему делу допросам, поимянованы подсудимыми, и в особенности Анойченкою, еще 13-ть человек, посещавших Спиридова, в том числе: портупей-прапорщик Щикалин, два унтер-офицера: Ганусовский и Мартынов, и десять человек рядовых. Коммисия требует высылки их от командира 3-го пехотного корпуса г. генерал-лейтенанта Рота. —

О чем на основании предписания г. дежурного генерала армии от 12-го сего апреля с № 490-м, комиссия имеет честь донести вашему сиятельству.

№ 193-й.
Апреля «22» дня
1826-го года.
М. Белая Церковь.

Председатель генерал-маиор Антропов.

Обер-аудитор 9-го класса Шмаков.

10.

Секретное отношение председателя комитета для следственных изысканий на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 23 апреля 1826 г.

Секретно.

Господину главнокомандующему 1-ю армиею.

Ваше сиятельство изволите быть известны, что по случаю учиненного подпорутчиком 8-й артиллерийской бригады Яковом Андреевичем 2-го показания о склонении фейерверкеров своего взвода Гончарова и Фадеева к распространению возмутительных мыслей между нижними чинами, — сии фейерверкеры вытребованы были по воле государя императора в С. Петербург.

При допросе их в присудствии высочайше учрежденного комитета о злоумышленном обществе, они показали, что осенью 1825 года подпорутчики Борисов 2-й и Андреевич 2-й уговаривали их внушать солдатам, что служба их не вознаграждается, что с ними обходятся не так, как следует; что есть общество, пекущееся об улучшении их состояния и имеющее намерение доставить им прибавление жалованья, уменьшение срока службы, уничтожение телесного наказания и тому подобное; что для приведения сего намерения в исполнение нужно содействие солдат и обещание их выполнять все то, что обществом потребовано будет. Гончаров и Фадеев, не размыслив о сделанном им предложении, сообщили о всем им сказанном некоторым нижним чинам (тем же самым, о которых Борисов и Андреевич уже сделали показание), но они не оказали готовности действовать подобным образом.

Комитет, имея в виду показание Андреевича, что Гончаров и Фадеев доносили ему яко бы о успехе сделанного им поручения, а ответы их оказывают противное тому, нашел нужным дать им очную ставку по сему обстоятельству с Андреевичем. Но Гончаров, подтверждая прежнее показание, пояснил, что он, поговорив с тремя солдатами, донес об отзыве их Борисову, а не Андреевичу, который был тогда в Киеве, и прибавил сверх того, что когда Андреевич дал ему приказание, то он спрашивал не будет ли это нарушение присяги. На что Андреевич отвечал, что присяга не будет нарушена.

С сим показанием согласился и Андреевич. Равным образом и Фадеев остался при прежнем своем показании.

По содержанию всех сделанных о сем обстоятельстве допросов и показаний Комитет заключает, что фейерверкеры Гончаров и Фадеев были вовлечены обманом в таковые действия, которых противузаконность не подозревали, и о всем том доводил до сведения государя императора.

В следствие сего его императорское величество высочайше повелеть соизволил отправить Гончарова и Фадеева в главную квартиру вверенной вашему сиятельству армии с тем, чтобы дальнейшее исследование и окончание о них дела произведено было там по вашему, милостивый государь, распоряжению.

О таковой монаршей воле имея честь сообщить вашему сиятельству, долгом поставляю препроводить копии с письменных ответов Гончарова и Фадеева и с вышеупомянутой очной ставки, присовокупляя, что об отправлении их в главную квартиру со стороны моей сделано надлежащее распоряжение.

При сем нужным щитаю уведомить вас, милостивый государь, что сии фейерверкеры содержались здесь закованными в железа, но ныне по высочайшей воле раскованы.

№ 637.
23 апреля 1826 го[да].
С.-Петербург.

Военный министр Татищев.

11.

Секретное отношение председателя комитета для следственных изысканий на имя главнокомандующего 1-ю армиею от 6 июня 1826 г.

Секретно.

Господину главнокомандующему 1 армиею.

От господина начальника главного штаба его императорского величества доставлено было в высочайше учрежденную комиссию для изыскания о злоумышленном обществе отношение к нему вашего сиятельства, № 472 с приложением рапорта комиссии военного суда, в местечке Белой Церкви учрежденной, за № 113 и допроса, снятого 8 артиллерийской бригады с канонира Крайникова.

По содержанию сих бумаг сделаны допросы находящимся здесь 8 артиллерийской бригады подпорутчикам: Борисову 2-му, Андреевичу 2-му, Горбачевскому и прапорщику Бечасному, которых ответы вместе с данными им вопросами, я имею честь препроводить на благоусмотрение вашего сиятельства в копиях, присовокупляя, что на щет прикосновенности к тайному обществу упоминаемых Крайниковым офицеров: Пехотинского, Одинцова, Редигера и Ротмистрова, кроме сведений, заключающихся в препровождаемых показаниях, спрошены были также подполковник Сергей Муравьев-Апостол и подпорутчик Бестужев-Рюмин, но первый из них отвечал, что вышепоименованные четыре офицера не принадлежат тайному обществу, а последний никогда не слыхал об них.

№ 801.
Июня 6-го дня 1826 года.
С.-Петербург.

Военный министр Татищев.

Копия с вопросов, данных 23-го апреля 1826 года подпорутчикам: Борисову 2-му, Горбачевскому, Андреевичу и прапорщику Бечасному и ответов их.

Вопрос.

8-й артиллерийской бригады 2-й легкой роты рядовой Григорий Крайников показывает:

1-е) Что когда он, Крайников, вместе с готлангером Ефремкою были посланы при подпорутчике Андреевиче 2-м в Новоград-Волынск для освидетельствования тела утонувшего фейерверкера Видякина, то Андреевич 2-й дорогою говорил им: «Вот, ребята, скоро будет поход в Москву, где сберется армия, чтобы требовать от государя нового положения и облегчения для войск, ибо теперь служба чрезвычайно тяжела, что солдат теперь тиранят, бьют палками, занимают беспрестанными учениями и пригонкою аммуниции, что все это выдумывается высшим начальством, которое по большей части

из немцев; что в лагере под м. Лещиным собирались многие офицеры и положили между собою стараться о облегчении службы». Причем Андреевич 2-й уговаривал их никогда не оставлять своих офицеров и внушать также своим солдатам, что бы они охотно следовали за ними, ибо «все это для вас же делается».

2-е) Что когда Крайников на сие сказал Андреевичу 2-му, что, конечно, мы пойдем в поход, когда получим на то повеление, то он Андреевич 2-й возразил: «Какое тебе повеление? Когда целая армия будет в походе, тогда и вы будете следовать за оною».

3-е) Что спустя месяц Крайников едучи с прапорщиком Бечасным в Новоград-Волынск спросил у него, правда ли, что будет поход в Москву? И пересказал ему все, слышанное от Андреевича 2-го; Бечасный все это подтвердил, прибавя, что это скоро исполнится.

4-е) Что он, Крайников, возвратясь из Новоград-Волынска и, когда приходил в школу арифметистов, слышал от них, что и им то же самое, что и ему, внушал Бечасный.

5-е). Что дней за пять пред Рождеством Христовым, получа записку от Андреевича 2-го или Горбачевского чрез готлангера Липатова, приказал тотчас оседлать себе лошадь и сказавши ему, что Андреевич 2-й возвратился из Киева вечером, поехал в с. Смандирево, где стоял Горбачевский; — откуда возвратясь на другой день поутру, Бечасный рассказывал ему, что Андреевич 2-й привез известие, что чрез 25 дней после Рождества пойдут в поход в Москву на тот же предмет, причем Бечасный повторил ему опять почти все то же на щет службы и прочего, что и прежде говорил, прибавя притом, чтобы он был осторожен во всяком случае, а особливо если бы кто из старших начальников, подозревая, стал спрашивать; и что когда пойдут в поход, то всякого, кто бы стал уклоняться от своей команды, казнить смертию; при сем разе Бечасный рассказывал, что подпорутчик 2-й же легкой роты Одинцев, прежде не согласившийся с ними на подписку, также объявил им, что и он от них не отстанет, и что Пензенский полк и гусары придут к ним в Барановку. После сего свидания с Андреевичем 2-м Бечасный стал разговаривать со многими, как то фейерверкерами: Брагиным, Евдокимовым, Родичевым и Заниным.

6-е) Что по окончании следствия на щет пожара в с. Острожках, где находился из Бердичева гусарский штаб-ротмистр Пехотинский — Бечасный сказал ему, Крайникову, что он должен будет с ними ехать в город Бердичев; откуда возвращаясь, он намерен был побывать у гусарского полковника Муравьева в м. Любаре, но он отклонился, а с Бечасным и Пехотинским отправился фурман Куренный.

7-е) Что по возвращении из Бердичева, Бечасный ему, Крайникову, и канониру Сидорову сказал: «Теперь ничего не говорите о том, что вы от меня слышали; ибо всюду разосланы шпионы и, если вас подслушают, то вы пропадете».

8-е) Что он часто видел у Горбачевского и Бечасного офицеров 3-й легкой роты Ротмистрова и Редигера, кои бывали и ночевывали у них, из коих Ротмистров должен непременно быть в согласии с Бечасным и Горбачевским на щет их предприятий и похода к Москве, ибо он слыхал сам, как они вели между собою горячие разговоры и всегда прекращали оные, если кто к ним входил. А о Редигере Крайников слышал от его же собственного человека, что он собирал свой взвод в 3-й легкой роте и поил их водкою.

Поясните откровенно, справедливо ли показание Крайникова, присовокупив к тому, упоминаемые здесь офицеры: Пехотинский, Одинцов, Риди-

гер и Ротмистров — принадлежали ли к тайному обществу? когда, где и кем именно были приняты? в каких сношениях с кем из членов находились? и какое принимали участие в действиях общества?

Верно: Флигель-адъютант полковник Адлерберг.

Ответы:

Подпорутчика Борисова 2-го.

Я не могу совершенно подтвердить показаний 8-й артиллерийской бригады 2-й легкой роты канонира Григория Крайникова и необходимо должен объявить на некоторые места оных сомнения, а против других сделать возражения.

Андреевич 2-й в первых числах октября минувшего года ехавши с канониром Крайниковым в г. Новград-Волынск к бригадному командиру, не знаю зачем, именно по случаю утопления фейерверкера Ведякина, говорил ему Крайникову и его товарищу в духе общества; но каким образом ободрял их уныние и старался внушить им надежду лучшей будущности я сего не знаю, потому что с Андреевичем 2-м видался я тогда на квартире его брата Андреевича 1-го и, как невозможно было говорить что-либо откровенно, прощаясь со мною, он мне только сказал сии слова: «Я уже сделал первый шаг, но мало надежды». После же того, хотя мы были часто вместе, но он мне не рассказывал подробно первого своего разговора с Крайниковым, говорил однако же, что сей спрашивал у него, не знаю именно когда, зачем у вас во время маневров собирались по вечерам офицеры, — и получил от него в ответ: «Об вас думать». В последствии же сего разговора открыл, что он подозревал, не хотим ли мы освободить из-под суда штаб-офицера, который бывал у нас, или намерены все бежать за границу. — Не может быть, что бы Андреевич 2-й говорил ему в сие время о походе в Москву: мы еще сами не знали тогда о намерении главных заговорщиков итти в Москву и провозгласить там конституцию; о сем уведомил нас Бестужев-Рюмин в конце декабря чрез Андреевича 2-го.

Подтверждал ли Бечаснов слова Андреевича 2, мне неизвестно, но ето очень вероятно, сомнительно только, чтоб было говорено о походе в Москву.

Бечаснов мне говорил, что он старается между солдатами, находящимися в ротной школе, поселять мысли и надежды, благоприятствующие нашим намерениям, но действует весьма осторожно и не говорит с ними ничего откровенно, ибо не решается никак доверить себя им.

Действительно 20-го декабря приехал к нам Андреевич 2-й из Киева; я был тогда у Горбачевского в с. Смолдыреве; к Бечасному была послана записка, коей Горбачевский приглашал его к себе и просил занять до жалованья денег у кого-нибудь, дабы дать Андреевичу 2 на обратный путь в Киев. Бечаснов приехал верхом, ночевал у нас и на другой день поутру поехал назад в с. Острожек. Мне кажется, что Крайников несправедливо показывает, будто бы Бечаснов говорил ему, что мы пойдем в Москву спустя 25 дней после Рождества Христова, ибо, Бестужев-Рюмин, уведомлял нас словесно чрез Андреевича 2-го, что обстоятельства переменились, план сделан другой; чрез два месяца мы непременно пойдем в Москву и там провозгласив конституцию, водрузим знамя вольности; вторая армия первая откроет действии. Не думаю также, чтобы он говорил о Пензенском полку и гусарах. После сего может быть он узнал сие из наших разговоров, потому что, когда Андреевич 2 объявил нам вышеупомянутое намерение преобразователей, то мы обдумывали, какими бы средствами выступить

нам в поход с артиллериею без замешательств, я предложил просить Бестужева, дабы он сделал сношение с Спиридовым и с Артамоном Муравьевым и просил их в назначенное время итти в Новград-Волынской и дать нам пособие или, чтобы последний послал с каким-нибудь офицером, принадлежащим к обществу и на которого бы можно было положиться, два или три эскадрона гусар. Мы с помощию их могли бы без всяких беспорядков и трагических сцен арестовать бригадного [,] командира 2-й легкой роты и не соглашающихся на наше предложение офицеров, овладеть аммуницией и лошадьми и спокойно выступить в поход. Сие мнение было всеми одобрено; мы не могли положиться на своих солдат; их робость и недоверие к нам нас устрашали. Но принял ли сие мнение Бестужев и сделал ли по оному распоряжение, я не знаю.

Получа известие о близкой революции, мы удвоили свои действия относительно солдат. Подлинно Бечаснов говорил в духе общества с фейерверкерами Заниным, Родичевым и Евдокимовым, но не знаю был ли он с ними откровенен; я сомневаюсь в етом, ибо после нового года, когда Занин привез ко мне назад мой шарф, взятый у меня Бечасновым, то я, расспрашивая его об офицерах их роты и солдатах, спросил чем занимаются первые и что думают последние; на что он отвечал, первые сидят дома или бывают у подполковника и читают книги, а последние думают о службе и занимаются ею и артиллерийскими записками — «Что же у вас слышно?» «Мы слыхали, что 9-я бригада кует лошадей, может быть и нам будет поход».— «Ужели тебе жаль оставить Барановку?»—«О, нет — нам уже наскучило так долго стоять на одном месте».

Бечаснов ездил в Бердичев с штабс-ротмистром Пехотинским по следственному делу, или зачем другим, я не знаю, и хотел быть у Артамона Муравьева в м. Любаре; однако, я не слыхал от него, хотел ли он взять с собою Крайникова и отклонился ли сей от того, или нет, и кто с ним поехал.

Запрещал ли Бечаснов по возвращении своем из Бердичева Крайникову и Сидорову говорить о всем том, что они от него и от Андреевича 2-го слышали, мне он не сказывал; но ето может быть потому, что я удерживал его и Горбачевского внушать солдатам робость и безнадежность.

Ротмистров и Ридигер, которые часто бывали у Горбачевского и Бечасного и, может быть, у них когда ночевали, — не имели никакой с ними связи относительно тайного общества и наших намерений. Мысли их обоих весьма противны духу общества. Ежели же Крайников слышал, что Горбачевский, Бечаснов и Ротмистров разговаривали горячо между собою, то они говорили верно на щет военно судного дела, о коем еще спорили при мне, или о происшествии, случившемся в столице 14 декабря минувшего года, и о возмущении Черниговского полка, а может быть и о моем арестовании. Горячо разговаривали потому, что мнения были различны: один одобрял, другой порицал, а третий хотел согласить того и другого; прекращали же разговор, если кто входил, дабы не подать подозрения. Ридигер может быть поил свой взвод в 3-й легкой роте водкою, но без всякого умысла; ето я знаю верно.

С Пехотинским я незнаком, не знаю его мыслей, но знаю достоверно, что он не принадлежал к Южному обществу, также как Ридигер, Ротмистров и Одинцов 2-й. Последний оказывал ко мне сначала большое дружество, но мои разговоры относительно уничтожения крестьян и похвалы свободе, равенству и народодержавию, сделали его холодным; из любопытства он намерен был вступить в Славянский Союз в 1824 году, но узнавши некоторые статьи катехизиса Славян и цель, отказался, и на другой же день говорил в жарком споре, который имел со мною, что весьма нелепо думать о равен-

стве сословий, что уничтожение крестьян невозможно, а республиканское правление сумасбродство. В последствии, а особенно после маневров, он избегал даже случая со мною видиться. Ежели же Бечаснов говорил о нем Крайникову и уверял его, что Одинцов 2-й не откажется также от наших предприятий, то ето единственно для того, дабы внушить в него более к себе доверенности; все солдаты боялись Одинцова 2-го, как строгого офицера.

Я сам говорил с Крайниковым, как я показал сие прежде, но никогда не объявлял ему так, как и другим, всех наших намерений и 14-го генваря вечером, за несколько часов до моего ареста, я разговаривал с жаром с Горбачевским и Бечасным о наших намерениях, причем порицал главных членов Южного Общества. Приезд Ротмистрова прервал наш разговор, я был очень задумчив и, когда вышел в другую комнату закуривать трубку, то Крайников, бывший тут, заметя мое уныние и слышавши вероятно говоренное мною, подошедши ко мне спросил с горестию: «Ваше благородие, вы печальны; кажется, что все наше пропало, а может быть вам еще и беда будет!». Я старался его ободрить, подавал ему надежду, что все еще может перемениться. Он же отвечал на мои утешения сими словами: «Нет, ваше благородие, теперь надобно перестать думать и надеяться, что будет лучше, как вы говорили; мы слышали уже и о буйстве; так бог велел, против бога не итти».

Верно: флигель-адъютант полковник Адлерберг 1-й.

Подпорутчика Горбачевского.

Высочайше учрежденному Комитету честь имею донести, что я как только могу упомнить об сих обстоятельствах на каждой пункт, бравши их с самого источника, так и опишу самым подробнейшим образом и имею честь донести следующее:

1-е. На другой или третий день прихода нашего из маневров, в реке Случе, в м. Барановке, но не в Новграде-Волынске, утонул 2-й роты фейерверкер Ведякин. Я как помню, то Андреевич не был кажется командирован свидетельствовать тело (впрочем сего не опровергаю, ибо настояще не знаю) и ходил ли он с Крайниковым и с готлангером Ефремкою (которого сего Ефремку я вовсе не знаю) свидетельствовать тело, говорил ли он им дорогою сие, мне Андреевич ни слова о сем не говорил, потому что я бы хоть одно бы слово знал бы, или бы помнил из прописанного в 1-м пункте, слов тех, которые Андреевичем говорены Крайникову и Ефремке. Я даже некоторым образом утвердительно могу сказать, что Андреевич, состоявши во 2-й роте, пока он не был переведен, ни с одним солдатом не говорил. Я сие от того так говорю, что ни от солдатов сих (Ефремку даже не знаю), ни от Бечасного, ни от Андреевича, когда он был во 2-й роте, да и после не слыхал; ежели же Андреевич и говорил, то может быть после, когда был уже в батарейной роте, но и об сем не слыхал и никто мне о сем не говорил, а я не помню, чтоб даже кто упоминал мне даже о сих словах; или может быть Андреевич мне сего не сказывал. Андреевич разговаривал с фейерверкерами, приехавши из Киева, но не знаю с какими, а не могу помнить, я всегда тайно удалялся от сего и отвращал мои взоры; сердце мое кровью обливалось слыша от офицеров сих, что они сие делают, при сем честь имею донести высочайше учрежденному комитету, что вскоре по приходе нашего из маневров — Андреевич был переведен из нашей роты в 1-ю батарейную, и когда он был отправлен из роты в 1-ю батарейную в г. Новград-Волынск, то я тогда жил в деревне. Он, ехавши, заехал ко мне в деревню

единственно для того, чтобы я его вещи и его бричку с его деньщиком отправил бы в Новград-Волынск на подводе, а мне привез от моего ротного командира приказ, чтобы я ему дал казенных артиллерийских лошадей доехать до города. Он у меня пообедал, или переночевал, никак не упомню; знаю, что очень скоро уехал в бригадной штаб (на другой же день я его вещи отправил) и после сего он ни разу не был во второй роте пока не уехал в Киев, бывши он у меня, ни слова не говорил, что якобы он разговаривал с каким-либо солдатом или с Крайниковым и Ефремкою, а я ничего о сем не помню. Сие еще тем подтвердить я могу, что как знаю, что Борисов первый начал и осмелился из офицеров разговаривать с фейерверкерами, подстрекнув к тому и прибывшего в роту (где сам был) Андреевича, и первый, как я помню, сам хвалился, и когда я, а потом Бечаснов говорили, что Бестужев нас может быть обманывает, тем более, что мы ничего не знаем, то он на сие отвечал: «Ежели вы не хотите сего, то я один буду делать», и когда Бечаснов несколько раз говорил (при каждом при мне свидании), что сего ненужно, то Борисов употребил обыкновенное свое орудие колкие и острые насмешки; сие ничем Борисов не может опровергнуть, ибо ежели в нашей бригаде что и случилось (и все вообще), то единственно чрез него, — я сие потому говорю, что о сих разговорах услышал я от первого Борисова, а ни от кого другого. Сохрани меня бог, моя очищенная раскаянием совесть не позволяет мне хоть одно слово лишнее на Борисова прибавлять и говорить; он умел заслужить у нас (и во всех) к себе такое почтение, что мы его слушали, он сим жестоко воспользовался, тем более я никогда не осмелюсь обманывать высочайше учрежденный комитет.

2-е. Возражал ли Крайников Андреевичу, и говорил ли Андреевич: «Какое тебе повеление» и протчее, я ни от кого не слышал, ибо мне не только Андреевич, но Бечасный, которому Крайников, повидимому, все говорил, ни слова о сем не сказывал. Я никогда не любопытствовал спрашивать, что они говорят, всегда отвращал мои взоры и слух от подобных дел, хотя и сам завлечен и подстрекнут был в сие. Я сам говорил что-то одному только фейерверкеру, кажется, Евдокимову—и то когда я узнал, что Бечаснов с ним разговаривал; но клянусь всемогущим богом, ежели хоть настояще одно слово помню, что я говорил, ибо так как надо было выдумывать, говоривши, я не мог прямо смотреть в глаза — совесть меня мучила и угрызала от того, что я обманываю человека и ложь ему говорю; сие тем более меня терзает, что я, что говорил, не могу написать. Бог души моей свидетель, не могу ничего вспомнить; мои слезы не могут меня избавить от угрызения совести за сию говоренную мною ложь.

3-е. Что якобы Крайников едучи в Новград-Волынск спрашивал о походе в Москву, говоренном Андреевичем у Бечасного, сего я от Бечасного никогда не слыхал; но могу сказать, что ежели Андреевич говорил Крайникову о сем походе, то сие очень может быть вероятно, что тот спрашивал у Бечасного, ибо Бечасный за делами беспрестанно ездил из с. Острожка, где было следствие о пожарах, то в Новград-Волынск, то в м. Барановку, но утверждать сего не могу, ибо об сем не слыхал.

4-е. Что якобы Крайников приходил в школу и слышал от них (школьников), что им то же самое внушал Бечаснов, сего я утвердительно не могу сказать, ибо я ни с одним не хотел никогда разговаривать и спрашивать, что Бечаснов им говорит, и от Крайникова не слыхал, что он ходит и слышит; и хотя Бечаснов сам иногда хвалился, что он школьникам говорит, но я никогда не любопытствовал у него спрашивать, что он говорит; всегда мною при сем слухе овладевало некоторое оцепенение и я, бог тому

свидетель, тому даже не верил, судя по себе, что у меня никогда бы не достало духу на сие решиться, и даже виду не показывал никому, что сие слышу, и никогда моя нога не была в сей школе.

5-е. Когда Андреевич приехал из Киева, я тогда был в своей деревне, у меня проездом или нарочно, не помню, был Борисов. Он, приехавши туда же, привез мне письмецо от Бестужева (о котором я упоминал в прежних моих допросах). Признаюсь чистосердечно, он и сам сие подтвердит, что нас он своим приездом ужасно удивил; а на первой наш вопрос, зачем он приехал, и как он мог отлучиться от своего места, то он сказал, что его полковник (не знаю фамилии) на праздники к брату отпустил. А когда у него начали спрашивать, нет ли каких-либо новостей, то он говорил, что якобы слышал в Киеве, что в Москве все отказались от должной присяги его императорскому высочеству цесаревичу, и что по сему случаю пред выездом его из Киева Бестужев говорил ему, что он (Бестужев) едет Бобруйскую крепость сдавать полковнику Тизенгаузену и, сдавши ее, сам, возвратясь из Бобруйска в Киев, возьмет (именно сими словами) 3-й пехотный корпус и пойдет в Москву. Клянусь моим богом, что хотя мы от сего хвастовства бесстыдного при сих словах и захохотали все, но так были слабы и так легковерны, что поверили сему чистосердечно. Андреевич просил меня послать за Бечасновым, так как он близко находился, а тем более, чтобы он достал где-нибудь денег, чтобы Андреевичу назад возвратиться; а как он был в Острожках — не более от Смолдырева 4 и 5 верст, то я, написавши к нему, чтобы он приехал ко мне, что Андреевич приехал, послал ее чрез Ипатова, который у меня был вместо деньщика (ибо мой деньщик был в отпуску). Бечаснов в скорости приехал, и Андреевич ему то же говорил, что и нам, я никак не упомню или Андреевич говорил, или Бестужев писал в сем письме, что действия скоро начнутся, здесь он много говорил, я не упомню, тем более, что как скоро вечером свечу подали, я лег тотчас с вечера спать, они же втроем толковали между собою почти за полночь, а особливо Борисов и Бечаснов. Сие услышал я уже на другой день о сем, что они говорили долго между собой.

Что якобы Бечасной говорил Крайникову о Пензенском полку и гусарах, то, что я на другой [день] сам услышал, то и опишу, как помню и знаю. Бечасной на другой день поехал в с. Острожок; не знаю говорил ли он сие приехавши Крайникову: он мне о сем после ни слова не говорил, и я от него не слыхал; и говорил ли про подпорутчика Одинцова тоже не знаю (Одинцова здесь не было, и я высочайше учрежденному комитету в последнем пункте напишу). В рассуждении же Пензенского полка и гусар, я следующим образом честь имею донести, что когда Андреевич говорил, что надо как можно скорее солдат приуготовлять, что сего Бестужев непременно требует, то я первый сказал, что пусть себе Бестужев сего не надеется, что сего мы не можем сделать, чтобы бунтовать, и что я первый от сего отказываюсь, и чтобы он Бестужеву сие сказал, и что я писать к нему ничего не хочу; сам пошел и тотчас лег спать; и на другой день я услышал, не помню от кого из них, что Борисов (так как управлял всеми умами) подал мысль Андреевичу и Бечасному, чтобы он сказал Бестужеву, чтобы он сделал сие, чтобы пришли пензенцы и гусары в 8-ю бригаду, и что сие только тогда можно сделать. Я на сие ничего не отвечал, ибо видел ясно сие пустословие и Борисова фантазии. (Ежели Андреевич и Борисов имеют страх божий и ежели руководит их раскаяние, то они все сие подтвердят.) Следовательно, очень вероятно, Бечаснов, слышавши и вечером такие Борисова рассуждения, мог сказать Крайникову, но точно ли говорил ли, я сего не могу сказать, ибо он мне сего не пересказывал. Бывши у меня

Андреевич, никак не могу упомнить, с каким он и Борисов с фейерверкером разговаривали, я всегда отвращал мои взоры от сего, ибо чувствовал всю меру нещастия сих людей, и как их обманывают, тем более в глубине моего сердца я не верил ничему, и как бы опамятовался, мое нещастие и преступное добродушие не могло даже отвлечь и их от сего.

6-е. Так как в селениях Острожках часто были пожары, и по сему делу были замешаны и нашей роты солдаты, то был на сие следствие командирован Бечасной. Я однажды по письменному повелению господина подполковника и кавалера барона Корфа был с командою командирован для поимки в сих селениях бродяг и военных дезертиров (ибо на них подозрение на щет пожаров было). Я в одну ночь поймал их семь человек и представил; и когда по сему делу был обжалован пред господином корпусным командиром арендатором сих деревень, то господин корпусный командир приказал следственной комиссии и меня обследовать. В сей комиссии беспрестанно находился Бечасной, а также и Пехотинской; Бечасной все дела обрабатывал, как ротные, так и посторонние, он все бумаги писал, он за всех работал, он всем управлял, он сочинял всем ответные пункты и, кто был замешан, то только в Острожек приезжал и подписывал; он везде ездил и во всех местах ходатайствовал. И когда окончилось следствие, то я приехавши один раз из своей деревни, где жил, в м. Барановку, увидел Бечасного, которой мне сказал, что он был в Бердичеве и в Любаре, и что видел гусарского полковника Муравьева, и что всех Муравьевых при нем взяли под арест. Следовательно, я не могу на сей пункт ничего сказать, потому что я узнал, что Бечаснов ездил в Бердичев и к Муравьеву, тогда только, когда он возвратился назад. Не могу сказать, хотел ли он взять, Бечаснов, Крайникова и уклонялся ли тот от сего, и что ездил ли с ним Куренный: я сего ничего не знаю, ибо я узнал, что Пехотинской уехал, и что Бечасной был в Бердичеве и в Любаре, тогда, когда он уже возвратился; и зачем он ездил, клянусь моим богом, что я и теперь не знаю.

7-е. И мне также сие говорил Бечаснов, что разосланы везде шпионы; но говорил ли он сие Сидорову и Крайникову, сего я не знаю, он мне о сем ни слова не упоминал. Однажды, долгое время спустя после его приезду из Бердичева, когда я приехал из деревни в штаб, то был тогда дежурный по роте фейерверкер Брагин; и когда он, не знаю зачем-то, пришел к Бечаснову, то Бечаснов, что-то писавши, сказал мне: «Мне нет времени; скажи ты за меня Брагину, чтоб был осторожен и чтоб ничего не говорил, ибо шпионы разосланы». И когда я у него спросил: «От кого ты сие знаешь?» — то он отвечал, что он сие слышал в Бердичеве (здесь я в первой раз узнал о сем и услышал, а также и в первой раз узнал, что он и с Брагиным разговаривал). То я, вышедши в сени, сказал сие Брагину, больше ничего. А я с Брагиным ни слова не говорил и никогда с ним не разговаривал. Но говорил ли сие Бечаснов Крайникову и Сидорову, сие я не знаю и сего не слыхал.

8-е. По делу утопления фейерверкера Ведякина были замешаны два солдата, которые были по повелению начальства преданы военному суду; сия военная комиссия была наряжена в м. Барановке, в коей в числе членов были Ридигер, Ротмистров, Борисов, Бечасный, я и прочие. А так как в целом местечке Барановке одна была только офицерская квартира, где во время комиссии по пяти человек жили в одной комнате, и так как по разным случаям комиссия часто закрывалась, то Ротмистров и Ридигер приезжали всякой раз, когда она открывалась; но чтобы они нарочно приезжали, хотя бы один раз в Барановку, то сего никогда при мне не было, и я не знаю; моя тоже квартира была в деревне, и я приезжал в штаб только тогда, когда меня требовали. Ежели же Крайников и подозревает частые и жаркие

споры, то это споры были на щет сей комиссии (ибо дело было запутано, а члены не соглашались между собою часто), а не на щет похода в Москву, по крайней мере я в рассуждении себя скажу, что я никогда ни с Ротмистровым, ни с Ридигером ни слова никогда о сем не говорил. Следовательно, ежели кто и входил из солдат или посторонних людей, то чтобы не знал никто, что в комиссии делается, то и прекращали разговоры; может быть что и говорили на щет бывших беспокойств в Киевской губернии, или о каких-либо походах, но я настояще, клянусь богом, ничего не знаю и не слыхал.

При сем высочайше учрежденному комитету я о каждом порознь из сих офицеров опишу для яснейшего показания того, что я знаю.

Штабс-ротмистр Пехотинский находился ли он в каком-либо обществе, был ли он принят в члены и какое он участие принимал, я ничего о сем не знаю: мне никто и слова даже о сем не говорил и даже не упоминал; я его в первой раз увидел в Лещине; он 15-го сентября, как могу упомнить, приходил к Пестову с подполковником бароном Корфом. Господин подполковник зашел единственно за сим, что требовал от Пестова (так как он был адъютант начальника артиллерии в корпусе), чтобы он скорей к выходу с маневров прислал бы ему образцовой солдатской подсумок и приказал мне его домой принести с находившимся здесь у Пестова посыльным, — и когда я спросил, кто ето такой гусар, то мне, не знаю кто-то, сказал, что ето Пехотинской, о котором старается подполковник, чтобы находился в комиссии по делу пожаров для обрабатывания дела. И я не видел нигде Пехотинского с тех пор, пока он не приехал к нам в роту для произведения в Острожке следствия.

Про подпорутчика Одинцова нельзя никогда сказать, чтобы он состоял в каком-либо обществе; его никто не считал, что он принадлежит к обществу какому-либо, ибо что ни старались Борисовы и Бечасной его уговорить, но ничто не могло поколебать его твердой и благородной души, он всегда был предан государю и своему долгу, он всегда противился всему, всегда смеялся, всегда удалялся, хотя ему Борисов, как я упомню, и открывал на щет Славянского общества, он знал, что есть что-то, но всегда смеялся над сим и даже не хотел ни об чем знать. Ежели он и знал об чем-либо (но что он знал настояще, я не могу сказать, ибо с ним о сем никогда не разговаривал), то его влекло одно любопытство и дружба к Бечаснову и к Борисову, тем более, что он не мог запретить им говорить, он никогда ни слова не упоминал ни об чем и никогда ни об чем не говорил. Я не могу сказать никак, был ли он настояще принят, ибо Бечасной часто говорил, что не может ничем уговорить Одинцова; я с ним никогда не разговаривал; разве может быть что-нибудь Одинцов слышал от нас на маневрах, ибо он с нами на квартире стоял; но он ни с кем не был знаком, ни у кого нигде не бывал и что там происходило он ничего не знает. Ежели Бечасной и говорил Крайникову о Одинцове, что якобы он согласился на подписку (которой не было никогда), то он ложь сказал, ибо никогда нельзя надеяться, чтобы Одинцов на сие был согласен; и сие говорил тем более, что Одинцов был так благоразумен, что всегда удалялся от всего: он даже не знал, был ли Андреевич из Киева, ибо он, я не помню, что хотя бы о сем даже и спрашивал; сие справедливо, что Одинцов имел некоторое неудовольствие на ротного командира и жаловался Борисову и Бечаснову, и оттого они в нем жестоко обманулись.

Порутчик Ридигер, как я знаю, никогда не состоял ни в каком обществе, и никто мне о сем ни слова не говорил; мы его видели тогда только, когда он приезжал в Барановку в комиссию, он всегда останавливался там, где и все в одной квартире; сие еще тем подтверждается, что когда

Борисова взяли под арест, он на другой же день, приехавши в Барановку в сию комиссию, остановился тут же, и когда ему сказали, что Борисова взяли под арест, то он спрашивал, не знает ли кто, за что; и когда ему сказали, что верно состоял в каком-либо обществе, то он ужасно ругал за сие, как его, так и всех, которые думали что-либо сделать; и я тут же стоял, ни слова не говорил и не противоречил, ибо чувствовал, что он правду говорит. Но что он поил водкою своих солдат, то я от самого Ридигера никогда не слыхал, и даже ни от кого.

Подпорутчик Ротмистров тоже никогда не состоял в обществе, и никто мне никогда не говорил, что якобы его принял, и какие он сношения имел, никто о сем не упоминал никогда. Он даже не был на маневрах; сие справедливо, что Бечаснов с ним в большой дружбе был, также и Андреевич, и часто они бывали у Ротмистрова, я же у Ротмистрова во все продолжение моей службы с ним у него не был ни разу. Я сие потому так говорю, что мне никто не говорил, что бы кто-либо его принял, а второе, что когда Бечаснов, Андреевич и Борисов хотели его принять и говорить, то я сему воспротивился, просил их, умолял, и даже хитрость и выдумки употреблял к сему, чтобы они сего не делали. Они сие сами подтвердят, ибо когда они говорили когда-либо о сем, то у меня сердце содрогалось и слезы навертывались, что они хотят погубить того человека, которой имеет жену и детей. Андреевич, приезжавши из Киева, хотел и просил Борисова, чтобы его брата приняли бы в общество, но я упросил, чтобы они сего не делали, ибо я с его братом всегда жил так, как должно людям, жившим в истинной, но не преступной приязни. Я им всегда благодарен за сие, что Борисов и Бечаснов послушались меня в сем и не делали сего: их могли бы они обмануть, те были бы завлечены дружбою их, за которую и я несчастлив, и я никогда не мог равнодушно сего слыщать, все употреблял, чтобы они сего не делали, и чтоб их от сего отвлечь. Благодарю моего создателя, что в моем нещастии имею утешение сказать, что я избавил двух человек от пропасти, в которую сам был увлечен ненавистной сей дружбою, моим преступным добродушием, моею легковерностию и моею неопытностию.

Верно: флигель-адъютант полковник Адлерберг 1-й.

Ответ подпорутчика Андреевича 2-го.

Что оный рядовой Григорий Крайников показывает относительно меня собственно, я оные показания утверждаю, и точно разговаривал с ним едучи в город Новоград-Волынск; равно и в том, что я, приезжая из Киева к брату перед Рождеством Христовым, бывши у Горбачевского, отдав ему письмо от Бестужева, сказывал им таковое известие, ибо об оном слышал от Бестужева. Относительно же показаний его, Крайникова, о Бечаснове, мне известно только то, что он точно, узнавши о моем приезде, в полночь приехал к Горбачевскому, ибо мы не могли видеться в другое время, потому что я имел скоро ехать обратно; а что он после рассказывал ему, Крайникову, я о том не знаю.

Из упомянутых офицеров: о Пехотинском совершенно не знаю ничего; а о Ротмистрове и Ридигере точно знаю, что они не принадлежали к тайному обществу.

Подпорутчик же Одинцов, как я слыхал от моих товарищей, был прежде принят в Славянское общество; но после, по его несогласию, совершенно оставлен. Более же о сем сказать ничего не имею.

Верно: флигель-адъютант полковник Адлерберг 1-й.

Ответы прапорщика Бечаснова.

Что все, показываемое канониром Григорием Крайниковым в 1-м и 2-м пунктах, на щет внушения ему Андреевичем 2-м, действительно слышал я от него же самого, Крайникова, а потому уже и осмелился сам я действовать в духе общества, подтвердя ему по словам Андреевича и прибавя по словам Бестужева, что скоро исполнится, как в 6-м пункте показывает Крайников, и то самое почти слово в слово имел уже я честь представить комитету — есть ли не ошибаюсь в первых числах прошлого марта месяца. На 4-е, что мною раза два было говорено в арифметической школе, также имел уже честь откровенно описать комитету с поименованием, кто там находился; но в сем пункте показание Крайникова не совсем справедливо, ибо я с оными говорил весьма неясно и остерегался, а не то же самое, что ему — и даже заметил, что школьники, мало слушая, продолжали свои занятия, почему и перестал; да и был с ними весьма короткое время, ибо вскоре отправился к следствию, разве он слышал только от одного гандлангера Бухарина, находившегося тоже в школе, и коего я имел честь представить в своих ответах, но от оного никаких донесений не получал, чтобы он объявил слышанное от меня школьникам.

5-е. О поездке в с. Смолдырево к Горбачевскому, как в ответных пунктах, равно и от 22 числа сего месяца в представленных, имел честь комитету донести. Приехавши же назад, на вопросы его, что скоро ли бог даст нам конец, отвечал по словам Андреевича, что дней чрез 40 или наидалее чрез два месяца (впрочем, времени не могу хорошо припомнить, только не чрез 25 дней) пойдем в Москву; о сем времени, сказанном Андреевичем, так же имел уже честь доносить в прежде представленных мною пунктах. Место же Москву потому сказал Крайникову, чтобы подтвердить прежде сказанное ему Андреевичем: «в Москву», и как кажется при приезде Андреевича, когда мы спросили, чем же начнется, отвечал: «Я думаю, в Москву пойдем». Но сего утверждать не могу, ибо не припомню; от Бестужева же о сем никогда не слышал.

Об осторожности ему так же говорил, чтобы не узнал командир роты, коего он в показании называет высшим начальством; но что будто бы будут казнить смертию, уклоняющихся от похода, — сего не имел даже и надобности говорить, дабы стращая при внушении противузаконного поступка не мог бы и его наполнить к себе страхом. — Напротив — на его слова: «Мало я думаю, кто отстанет», отвечал я: «Ну, пускай себе с командиром остаются, небольшая в таких людях и надобность».

На вопрос же его о подпорутчике Григорие Одинцове, которой тогда при роте находился (а брат его Харлампий в Киеве), что по всему видно, что Одинцов не пойдет с нами, отвечал, чтобы успокоить его Крайникова: «Теперь он не наш, а как мы пойдем, то и он не отстанет». Но о сем Крайников показывает, или иначе перетолковав мои слова, или по неудовольствию вообще на обоих Одинцовых, кои суть офицеры совершенно противных правил и строгие для солдат, а потому и не весьма любимые оными.

Что же касается до Пензенского полка и гусар, что якобы оные придут в Барановку, то Крайников показывает не так, как слышал от меня. На вопрос его, как же мы пойдем, я отвечал, единственно для успокоения сего вопроса: «Пойдут полки, вот Пензенской или гусары, чрез Барановку (которая на большой дороге), то и мы с ними». О Пензенском полку потому упомянул, что когда раз было собрание у Андреевича на маневрах, то Крайников видел приехавших пензенских офицеров; а о гусарах, чтобы обнадежить, что и гусары с нами пойдут вместе, коим хоть и дорога не чрез Барановку. Каким образом я говорил с фейерверкерами: Брагиным, Роди-

чевым, Евдокимовым и гандлангером Бухариным, имел уже честь представить комитету; но Занину, как я сам ничего не внушал, то об оном совершенно было позабыл.

После крещения, не помню в которой день, потребовал я дежурного фейерверкера для отдания приказа и, когда оный явился, то таковым был Занин, коему отдавши приказ, спросил его о ярмонке, на которую он был отпущен в Новоград-Волынск, сей объявил, какова была ярмонка, прибавя, что, видевшись там с фейерверкером 1-й батарейной роты Зениным, слышал от него о внушаемых ему, Зенину, Борисовым 2 возмутительных мыслях, и что Горбачевский и я так же одинаково мыслим с Борисовым и говорил почти то же самое, что было говорено Крайникову; на что я коротко отвечал: «Да, но теперь надобно о сем молчать и ни с кем не разговаривать». И с сим отослал его к своему месту и более уже ничего никогда не внушал.

6-е. По окончании следствия, хотел бы взять в дорогу канонира Крайникова, но не взял потому, что у него рука болела, и сказал, что по дороге может быть заеду к гусарскому полковнику Муравьеву, ибо от Барановки до Бердичева две совершенно ровные дороги: одна чрез Любар, а другая чрез м. Чудново, почему и полагал заехать, но единственно как в праздник в гости, ибо познакомясь с Артамоном Муравьевым в балагане у Сергея Муравьева был сим первым вместе с другими приглашаем ездить иногда в гости, как к семейному человеку и квартирующему довольно близко от м. Барановки, но никогда не был, а потому и думал заехать, зная же притом, что у него довольно часто бывают гости с фамилией и весело проводят время. В Бердичев ехал с штабс-ротмистром Мариупольского гусарского полка Пехотинским, имея оказию безденежно проездиться в такой торговой город, каков Бердичев и сделать покупки лучше и дешевле, нежели в другом каком месте; и был с нами фурман Куренный, коему однакож я никогда ничего не внушал.

7-е. По возвращении из Бердичева, где видя своими глазами, как провезли неизвестных мне особ и слыша от фактора, неизвестного по имени мне еврея, что многих провезли в Петербург (причем должен упомянуть, что бердичевские купцы евреи всегда прежде всех узнают, что только не сделается в государстве), накануне нового 1826 года вечером какого-то писаря с фонарями искали по трактирам и заездным домам (от чего, имея на совести, именно я скорей и уехал). Далее в м. Любаре видел, как пошли опечатывать бумаги Муравьева, к коему из Бердичева я хотел заехать не в гости уже, но чтобы узнать, что такое значит в Бердичеве тревога и слышимое о Черниговском полку, что оный якобы грабит и разбойничает и привезти (или лучше сказать из хвастовства, что мне уже известно) сказать за новость Горбачевскому и Борисову, но в Любаре уже арестованного Муравьева не застал, что самое даже и вышеупомянутый фурман Куренный может подтвердить, и оттуда около полудня, как опечатывали дом, будучи в страхе, скорей уехал и возвратился к роте.

Все сие, мною описанное, и потом вскоре за сим отданный приказ по корпусу нащот Черниговского полка заставил вдруг меня опамятоваться и раскаяваться в нещастном заблуждении. Тут опять вскоре был арестован Борисов 2-й, и я действительно сказал Крайникову, что обо всем надобно молчать, а дабы сильнее сие подействовало — упомянул о шпионах, сам же, хоть и предчувствуя свою участь, желал однако ж не быть только открытым и надеялся совершенно истребить внушаемые мною мысли нижним чинам, в прежде представленных ответных пунктах упоминаемых и поимянованных. Иногда же намеревался сам открыться, но страх, что уже поздно,

останавливал меня, и я думал есть ли не буду открытым, истребив наперед мысли в поимянованных солдатах, самому перепроситься в другой корпус, где бы меня с сей стороны никто не знал, и там ревностной службой, загладив старое, стать на другом щету; ибо сей первый в жизни урок достаточен был навсегда предохранить от подобных увлечений.

Что же касается до канонира Сидорова, то сему ничего мною особенно говорено не было, кроме как в школе с прочими, и предостерегал не его с Крайниковым по приезде из Бердичева, но упоминаемого мною гандлангера Бухарина. С упоминаемым же Крайниковым гандлангером Ефремкою (Ефрем Игнатов должен быть) никогда я не говорил, и от Крайникова об нем не слышал.

8-е. Когда стояли мы по деревням, то 3-й легкой роты порутчик Ридигер и подпорутчик Ротмистров никогда не бывали ни у меня, ни [у] Горбачевского, но после нового 1826 года, будучи оные офицеры назначены ассесорами в комиссию военного суда, прибыли в м. Барановку. И как в Барановке весьма мало квартир, а особенно отдельных, то Ротмистров, прибывший прежде, остановился у меня, а так же Горбачевский и Борисов, ибо я имел две комнаты весьма просторных и совершенно отдельных от хозяев; вскоре тут был взят Борисов 2-й, и на другой же день приехал подпорутчик Одинцов 2-й также в комиссию и, по обыкновению, заехал ко мне тоже; но видя, что тесно, перешел на другую квартиру и стал на оной вместе с Ротмистровым. Наконец, приехал Ридигер и остановился у меня же и даже, по веселому своему характеру, смеялся об арестовании Борисова, говоря ко мне: «Я уверен, что меня не возьмут, да и ты тоже можешь быть спокоен, ибо таких пустых голов, как твоя и моя не берут». После прибыл по назначению вместо Борисова Гордей Андреевич 1-й, остановясь у меня же, ибо в штабу только и офицеров, что штабс-капитан, коего не хотели обеспокоить и с коим уже стал аудитор и я, притом как в Барановке ничего и за деньги почти нельзя достать, то, чтобы не возить с собою посуды и другого, имеют у меня, зная, что я с каждым охотно разделял все, что имел и рад был приезжающим, несмотря на противность мыслей.

Желая же узнать мысли Ротмистрова, Горбачевский в продолжении сего времяни иногда вел с ним жаркие споры и о других материях посторонних и говоря иногда в духе общества, одними предположениями, но отнюдь ничего не открывая об существовании и предприятиях, в коих разговорах и я иногда учавствовал, но получали всегда сильные возражения, отчего самого и происходили всегда подобные споры, кои я старался между ими прекращать, опасаясь за Горбачевского, а тем более и за себя, когда входил аудитор, находившийся при следствии и которой из канцелярии начальника артиллерии 1-й армии. Ридигер же о таковой материи никогда ни с кем не хотел иметь суждений, всегда отзываясь, что масонерия, карбонария и прочее есть наивеличайшая глупость. Давая сим обществам разные ругательные имяна и смеясь над оными, прибавляя: «Я даже не могу понять, чего хотят эти люди». Что же касается до того, что он поил свой взвод, то сие для праздников многие приказывают поднести по чарке водки своему взводу.

Штабс-ротмистр Пехотинский, Одинцов, Ридигер и Ротмистров неизвестно мне принадлежали ли к тайному обществу, но из коих с первым, когда я заводил разговор о подобной материи, жалуясь на презрение и отзываясь с хорошей стороны о республиканском правлении, отвечал всегда мне: «Вас не принуждают служить». Даже делал мне наставления, чтобы выбросить из головы подобные мысли, называя безрассудством желать

такого правления, говоря, что в России оного никогда не может быть, по обширности земли и различию народов, прибавляя, что везде хорошо, где нас нет. Одинцов, с коим я весьма редко говорил о сем предмете, так же изъявлял всегда противные мысли; Ридигер и слушать не хотел, а Ротмистров, как человек уже не молодой и притом семейной, даже старался избегать подобных суждений и так же подобно Пехотинскому, есть ли оные при нем случались, сильно возражал на безрассудство желать, не зная чего, а особенно когда говорили, что может быть когда-нибудь дождемся перемены, — отвечал, что никогда и быть не может.

Внутренно я сильно уже сожалел о своем заблуждении, но уже в страхе решился ожидать своей участи и там еще положил признаться во всем чистосердечно, когда буду открыт, что и учинил, кроме чего по обширности дела не мог припомнить, умолчав было об одном только пункте на щот внушения солдатам, но после признаваясь и в сем пункте, в первых числах прошлого марта месяца представленном, чистосердечно сознал причину, для коей было скрыл.

Верно: флигель-адъютант полковник А д л е р б е р г 1-й.

12.

Отношение главнокомандующего 1-ю армиею на имя начальника главного штаба от 21 августа 1826 г.

Милостивый государь барон Иван Ивановичь!

По рассмотрении военно-судного дела, произведенного по высочайшему его императорского величества повелению, в комиссии военного суда, учрежденной в местечке Белой Церкве над нижними чинами 8-ой артиллерийской бригады, всего 27-ю человеками, склоненными и введенными подпорутчиками: Андреевичем 2-м, Борисовым 2-ым, Горбачевским и прапорщиком Бечасным в заговор к мятежу противу правительства, найдено, что из числа означенных подсудимых нижних чинов 8-ой артиллерийской бригады 1-ой батарейной и 2-й легкой рот некоторые действительно оказались виновными в преступной связи с злоумышлявшими противу правительства и законной власти, командовавшими ими офицерами; большая же часть из них вовлечены в преступление и под суд единственно чрез обольщение их, которое состояло в том, чтобы доставить им меньший срок службы, прибавку жалованья, улучшить их состояние, уничтожить наказания за ошибки во фронте и частую пригонку аммуниции; однако же не смотря на таковые льстивые для солдата предложения, не все вообще подсудимые следовали оным внушениям, ибо (как из дела видно:) многие из них, не верив рассказываемому, не только не изъявили никакого одобрения и готовности слушать внушаемое им, но некоторые еще, отрицая разглашаемую ложь, понуждали и других тому не верить. А посему сообразно мере вины каждого, я конфирмовал:

Первое: фейерверкеров Ивана Гончарова и Ивана Фадеева, оказавшихся по суду и собственному признанию виновными в добровольной готовности последовать внушаемому им офицерами зловредному замыслу и в преклонении к тому некоторых рядовых своих взводов—разжаловав в готлангеры и лишив имеемых ими за прежнюю беспорочную службу нашивок на рукавах мундиров, прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек каждого по три раза.

Второе, фейерверкеров Федора Васильева, Никиту Кузнецова, Ивана Родичева, Федора Брагина, Николая Евдокимова, Ивана Занина, канонира Григория Крайникова и готлангера Федора Бухарина, которые хотя

и не внушали слышанного ими от офицеров и не преклоняли следовать тому других своих товарищей, но внимая зловредным замыслам своих офицеров, вопреки присяге и совести, не только не донесли об оных ротному своему командиру, но еще изъявили безрассудную готовность последовать за преступными офицерами всюду, даже с пожертвованием самой жизни: по разжаловании фейерверкеров и канонира в готлангеры и по лишении из них Васильева, Кузнецова, Родичева и Занина имеемых ими за прежнюю беспорочную службу нашивок на рукавах мундиров, прогнать тоже шпицрутенами чрез тысячу человек каждого по два раза.

Третие, бомбандира Никифора Зиновьева, готлангеров Василия Матвеева и Андрея Васильева, которые быв преклоняемы фейерверкерами Гончаровым и Фадеевым помогать в намерениях офицеров, хотя и не изъявили на то своего согласия, однако ж (как сами сознаются:) отозвались, что они не отстанут, если вся рота будет на то согласна, по лишении из них Зиновьева имеемых им за пятнадцатилетнюю беспорочную службу нашивок на рукавах мундира, прогнать шпицрутенами же чрез тысячу человек каждого по одному разу, и всех их, равно как и поимянованных в первом и втором отделениях, отправить на службу в Кавказский отдельный корпус.

Четвертое, фейерверкера Василия Озерина, которой слышал только от канонира Крайникова, что служба облегчиться, солдат не будут наказывать, и что скоро будет поход, куда же не объявлял, из чего не видя ничего противузаконного и приняв таковые слухи за обыкновенный разговор, отверг оные; того же чтоб ему Озерину делал кто-либо какие противузаконные внушения, то ни по показаниям офицеров, ни из допросов прочих подсудимых нижних чинов вовсе не значится; бомбандира Андрея Гальцова и казенного деньщика Ефима Игнатова, из коих первый включен подпоручиком Борисовым в число тех, с коими он, Борисов, говорил в духе общества, а на второго показывал канонир Крайников, что и ему подпоручик Андреевичь делал возмутительные внушения, но сии подсудимые при всех убеждениях и настоятельности военного суда в том не сознались, да и доказательств по делу к изобличению их не оказалось; равно и находившихся под ведением прапорщика Бечасного в ротной школе бомбандиров Василия Николаева, Василия Семенова и Федора Петрова, канониров: Сергея Митрофанова, Ефима Сидорова, Василия Макарова, Козьму Ярыгина, Дениса Степанова, Андрея Дуткина и Егора Крилова, которых прапорщик Бечасный имел намерение развратить и преклонить к преступному своему предприятию, но говорил с ними (как и сам показывает:) неопределенно и без всякого успеха, ибо никто из них никакого одобрения или согласия не изъявил, другие же и вовсе словам его не внимали, а потому не могли заключить, чтобы оные клонились к нарушению порядка службы и к заговору противу правительства, — освободя всех их поимянованных в сем отделении от суда и от ареста употребить по прежнему на службу, поручив однако ж ближайшим их начальникам иметь за поведением их бдительный надзор.

Сделав ныне же надлежащее распоряжение о приведении в точное исполнение сей конфирмации и уведомляя о том ваше превосходительство для доклада его императорскому величеству в следствие отношения вашего мне от 2-го марта сего года за № 509-м, с истинным почтением и преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга

граф Сакен.

№ 1049.
21-го августа 1826-го года

В Москве.
Его пре-ву барону И. И. Дибичу.

13.

Отношение главнокомандующего 1-ю армиею на имя начальника главного штаба от 25 ноября 1826 г.

Милостивый государь, барон Иван Ивановичь!

По рассмотрении военно-судного дела, произведенного в комиссии военного суда, учрежденной по высочайшему его императорского величества повелению в местечке Белой Церкве над нижними чинами полков 8-й пехотной дивизии, переведенными из прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка, за участие в заговоре противу правительства по злоумышленной связи с мятежником Сергеем Муравьевым-Апостолом, найден приговор оного суда, равно и выведенные по оному преступлении всех и каждого из подсудимых в большей или меньшей степени, правильным, основанным на точной истине и очевидных доказательствах, не подлежащих ни малейшему сомнению, и как в преступлениях оных подсудимых заключается важный умысел и желание содействовать изменнику и государственному злодею Муравьеву-Апостолу, к испровержению законной в государстве власти, а некоторых даже собственный вызов на цареубивство и возбуждение других к совершению сего злодейского предприятия, то за преступлении сего рода все они не только не могут подходить под всемилостивейший манифест, состоявшийся после учиненного над ними в суде приговора, а должны бы как государственные злоумышленники по мере вины своей понесть заслуженную ими казнь. Но соображаясь с беспримерным его императорского величества милосердием, оказанным над подобными им преступниками, я конфирмовал:

Первое: из оных подсудимых рядовые Саратовского пехотного полка Федор Анойченко, Федор Николаев и Тамбовского пехотного полка Петр Малафеев были главными содействениками Муравьеву, в изменнических его замыслах, к которому они приходили по нескольку раз и выслушивали от него с очевидным равнодушием дерзновеннейшие поношения блаженной памяти государя императора и возмутительнейшие внушения и подговоры к мятежу; при чем из них Николаеву, как сам он показывает, Муравьев, изъявляя между прочим сожаление, что он отслужил свои лета, но что его принуждают еще оставаться на службе, говорил, что ему теперь не грех из чистого ружья застрелить государя, но однако на сие он, Николаев, не согласился; а Малафеев при первом посещении Муравьева, сам изъявлял дерзновенный ропот на настоящую службу и жаловался на перетерпеваемые якобы притеснения от начальства, которому Муравьев также показывал пистолетом пример, как бы кого застрелить; кроме того, Анойченко и Николаев сами сознаются, что из всех вышеизъясненных дерзновенных и возмутительных поношений и внушений, видели явно, что оные клонятся к бунту; однако, за всем тем неоднократно обещевались Муравьеву содействовать в злодейских его предприятиях; в особенности же Анойченко и Малафеев, из коих первый, по заверению другого мятежника, Бестужева-Рюмина, обещал даже привесть за собою всю роту, в которой служит, без офицеров; в чем он, Анойченко, не сделал точного сознания, да и других достоверных доказательств на него в том не объявилось, но по изъясненным преступным и возмутительным внушениям, делаемым ему от Муравьева, и по неоднократно изъявленному им согласию к содействию, подпадает в том большому подозрению. Сверх того он же Анойченко, вместе с рядовым одной с ним роты, из армейских, Федором Юрашем изъявлял таковую же готовность к содействию Пензенского пехотного полка маиору Спиридову, бывшему напредь сего ротному

своему командиру, на слова которого, чтобы они надеялись на своих (мятежных) начальников, которые их не покинут и готовы за них пропасть, ответствовал вместе с Юрашем, что они за таковых начальников готовы умереть, а Малафеев сверх описанного, по приказанию Муравьева, приводил к нему многих своих товарищей из Семеновских, в одном полку с ним служащих, для получения таких же возмутительных и продерзостных внушений, как сам он получал, и хотя он, Малафеев, между прочим показывает, что будто бы он не понимал к чему клонились деланные ему внушения и подговоры, но таковое объяснение по изъясненным выше сего поступкам не заслуживает ни малейшего вероятия и уважения; Николаев же, будто бы о всех деланных ему внушениях объявлял фельдфебелю своему Федору Фомиляту при портупей-прапорщике (что ныне прапорщиком) Гидееве, из коих будто бы Фомилят запрещал ему далее о том говорить, стращая Камчаткою, чего он, Николаев, по отрицательству Фомилята и прапорщика Гидеева не только ничем не доказал, но еще сим обнаружился в несправедливости своего извета, ибо никто из прочих товарищей Семеновских, в одной роте с ними служащих, сего не подтвердил; письмо же писал Фомилят к Муравьеву от Николаева о присылке на необходимые нужды денег по одной только прозбе его, Николаева, а по сим, как равно и по другим в деле имеющимся ответам его, Николаева, совершенно явно видно, что обстоятельство, касательно объявления фельдфебелю о внушениях Муравьева есть вымышленное им, Николаевым, в надежде избегнуть чрез то наказания и с предположением, что чрез таковое объявление фельдфебелю, как ближайшему своему начальнику, окончатся пределы личной его ответственности — а потому их: Анойченку, Николаева и Малафеева прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек каждого по двенадцати раз.

Второе. Рядовых пехотных полков: Саратовского — Антона Янтаря, Макара Пересеткина, Алексея Андреева, Тамбовского — Федора Михайлова, Гаврилу Резникова, Степана Никитина, Григория Сорокина, Павла Мартынова, Семена Кулакова, Тихона Рослова, Игнатия Максимова, Филиппа Щербинина, Ефима Колодченку; Пензенского — Петра Гульбина; Троицкого — Анисима Пестерева, Макара Прокофьева и Василия Кирьякова, оказавшихся виновными в равном посещении Муравьева, в выслушивании от него дерзновеннейших поношений на службу, начальство и на особу государя императора, со изъявлением согласия содействовать его преднамерениям, и подговаривать к тому прочих своих товарищей, прогнать всех их шпицрутенами чрез тысячу человек каждого по шести раз.

Третие. Тамбовского полка унтер-офицера Игнатия Иванова и Саратовского ж полка рядовых: Василия Туркова, Андрея Бобылева, Петра Грекова, Василия Иванова, Гурьяна Афанасьева, Григория Никитина, Андрея Никитина, барабанщика Петра Сорокина, рядового Федула Латышева, горниста Михайлу Коколова; Пензенского — рядового Андрея Муркина; Троицкого — Макея Проскурина, Якова Антипова; 16-го егерского — Андрея Тазильцова, Федора Шевченку, Александра Потапова и Якова Василенку, равномерно оказавшихся в тех же самых преступлениях виновных, как вышеозначенные во втором пункте подсудимые, кроме того только, что сии последние рядовые на деланные им, Муравьевым, внушения не изъявили согласия и не распространяли оных мыслей между прочими своими товарищами, а только унтер-офицер Иванов сверх того оказался еще виновным в ослушании и гру-

бости во время караула противу прапорщика Дехтенки, по разжаловании его Иванова в рядовые, — прогнать их всех шпицрутенами чрез тысячу человек, Иванова пять раз, а рядовых каждого по четыре раза.

Четвертое. Рядовых егерских полков: 15-го — Козьму Алексеева и 16-го — Ксзьму Кляпова, слушавших от Муравьева ругательства на службу и внушение как о тягости, так и о перемене оной с условием не отставать от него, получая за сие значительные деньги, прогнать обоих шпицрутенами чрез тысячу человек по три раза.

Пятое. Рядовых Тамбовского пехотного полка: Николая Погодаева и Пензенского — Ивана Бородина, из коих первый, слышавший произносимые бывшим у Муравьева мятежником Бестужевым-Рюминым непристойные против начальства ругательства и разные зловредные от Муравьева в отношении службы внушения, а второй, внимавший склонениям мятежного офицера подпоручика Мозгана не действовать самому против возмутившихся Черниговцев и подговаривать к тому прочих своих товарищей, к чему, однако, оба они согласия не оказывали, — прогнать тоже шпицрутенами чрез тысячу человек по два раза, и потом всех поимянованных как в сем, так и в прежних четырех пунктах, по лишении тех из них, кои имеют знаки отличия и нашивки на рукавах мундиров, таковых знаков и нашивок, отправить в Отдельный Кавказский Корпус.

Шестое. Того ж Саратовского полка рядовых из армейских: Федора Козейчука, Григория Макового, Василия Гурина, Тамбовского — Емельяна Лукьянова, Ивана Ефимовича, Евсея Рышкова и Матвея Матюшка, за то, что они слышав от товарищей своих, посещавших Муравьева, о произносимых сим последним ругательствах противу службы, начальства и государя и делаемых им обнадеживаниях, не донесли о том начальству, но по уважении того, что они разговор сей приняли без всяких намерений и склонения и, как еще из дела видно, из них рядовой Лукьянов выговаривал одному из тех рядовому Михайлову, бывшему у Муравьева, что он напрасно ходит к нему и слушает такие речи, о которых знать им не нужно, — наказать в пример другим пред собранием полка палками, дав каждому по триста лозанов, и Седьмое. Фельдфебеля Саратовского же полка Федора Фамилята за то, что, знав от подсудимого Николаева, что Муравьев, неизвестно по какой причине, в лагере раздавал всем прежнего состава Семеновским солдатам деньги и кроме того еще приказывал им и писать к нему в их нуждах, не донес о том ближайшему своему ротному начальнику, хотя без всякого в том умысла, однако ж невнимательность таковая, по занимаемому им званию, доказывает большую в нем нерасторопность, по уважению прежней беспорочной его службы, разжаловать в рядовые с оставлением в том же полку впредь до отличной выслуги, лишив как его, так и поимянованных в шестом пункте первых трех человек рядовых имеемых за беспорочную службу на мундирах нашивок.

За тем восьмое. Того ж Саратовского полка рядового Илью Фролова, горниста Ивана Желязняка; Тамбовского — рядовых: Иевлея Филимонова, Тан Яна, Никиту Цепляева, Петра Рубцова, Назара Просвирина; Троицкого — Ивана Шевелева, Мартына Петрова; Егерьских полков: 15-го—Федора Козьмина, Николая Григорьева, Поликарпа Иванова, Ивана Никитина, барабанщика Петра Молявина и 16-го — горнистов: Андрея Маркова и Петра Балдина; равным образом девятое, пехотных полков: Саратовского ж рядовых: Ивана Ларионова, Калину Терещенка, Артемия Колесниченку, Ивана

Московкина и Ивана Костенку; Пензенского — Тимофея Федорова, Конона Бондаренку, барабанщика Василия Семенова, 15-го егерьского рядовых: Никиту Лосева и Терентия Степанченку, также и обращенных к своим полкам допрашиванных по сему делу в комиссии военного суда прочих нижних чинов прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка, состоящих ныне в 8-й пехотной дивизии, всего 45-ть человек, поелику из них первые означенные в 8-м пункте 16-ть человек, кроме бытности у Муравьева и получения денег, никаких возмутительных внушений и дерзновенных поношений, а также и подговоров к содействию не слыхали и в том никем из прочих злоумышленников не уличаются, а последние, прописанные в 9-м пункте 10-ть и обращенные к своим полкам 45-ть при всем тщательном военного суда разыскании, ни в посещении Муравьева, ни в выслушивании от него зловредных и дерзостных внушений ниже в знании о том от своих товарищей нисколько не обнаружены, то согласно с приговором суда, на основании воинских процессов 2-ой части 5-ой главы 9-го и 10-го пунктов, за исключением одного из них рядового Терещенки, во время производства суда умершего, не подвергая их никакому наказанию, но по совместному их с подсудимыми, бывшими у Муравьева, служению и знакомству с ними, могущих знать о цели таковых посещений, оставить в подозрении; а как их, так и вышезначащихся в шестом пункте нижних чинов также отправить в Кавказский Корпус; и наконец, прапорщика Гидеева, по несознании против оговора одним из подсудимых Николаевым, в известности будто бы о внушениях Муравьева, ему, Николаеву, деланных, а равно и неимению никаких доказательств как от него, Николаева, так и по всем расспросам прочих нижних чинов к его изобличению, яко невинного ни в чем, от следствия и всякого взыскания освободить и бытности его под следствием в формуляре не показывать.

А выданные из комиссии Киевского Комиссариатского Депо бывшим членам и чиновникам, производившим военно-судное дело в местечке Белой Церкве, отправившимся ныне к своим местам, прогонные деньги, всего 967-мь рублей 6 коп., по несуществованию главных виновников Муравьева и его сообщников принять на щет казны.

Сделав надлежащее распоряжение о приведении в исполнение изъясненной конфирмации, уведомляю о том ваше высокопревосходительство.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть вашего высокопревосходительства покорный слуга граф Сакен.

№ 1417.
25 Ноября 1826.

Г. Могилев Белор.
Его высокопр-ву барону И. И. Дибичу.

14.

Отношение главнокомандующего 1-ю армиею на имя начальника главного штаба от 25 ноября 1826 г.

Милостивый государь барон Иван Ивановичь.

По военно-судному делу, произведенному по высочайшему его императорского величества повелению, в комиссии военного суда, учрежденной в местечке Белой Церкве над нижними чинами Саратовского пехотного полка, всего 27-ю человеками, учавствовавшими в заговоре к мятежу против правительства, по подговору Пензенского пехотного полка маиора Спиридова, найден приговор оного военного суда правильным и основанным на точной истине и очевидных доказательствах. Хотя же оной приговор за-

ключен до всемилостивейшего манифеста, состоявшегося в 22-й день августа сего 1826-го года, но как дело сие произведено по высочайшему его императорского величества повелению, и при том в преступлениях подсудимых заключаются важнейшие умыслы и желание к общему с осужденными преступниками содействию противу высочайшей власти, для того не полагая подлежащими их к освобождению от присужденного наказания и соображаясь с беспримерным милосердием его императорского величества к подобным преступникам, я конфирмовал вместо определенной оным подсудимым казни, из них унтер-офицеров: Ивана Стеценку, Федора Ляшка, Матвея Иванова, Кондратия Ящука, Петра Мызникова, Викентия Ганусовского и Дениса Мартынова, как главнейших виновников в посещении бывшего маиора Спиридова, имевшего злодейские предприятия противу монаршей власти, в слушании от него зловредных намерений и сообщавших сие своим сотоварищам рядовым, хотя они склонности на то не изъявили, но по опытности своей довольно могли предвидеть к чему оные внушения клонились, но не объявили своему ближайшему начальству, по разжаловании в рядовые и по лишении тех из них, кои имеют на рукавах нашивки, прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек, каждого по четыре раза; — рядовых же Федора Юрашева, Семена Комбалюка, Степана Кожевникова, Григория Белого, Петра Воронова, Ивана Мякушку, Андрея Пономарева, Михайлу Платонова, Федосея Санаева, Финогена Егорьевского, Демида Карпаченка, Матвея Максимова и цырульника Степана Осипова, оказавшихся в равном посещении Спиридова и выслушивании от него одних и тех же зловредных противу монаршей власти намерений, и необъявлении начальству, по лишении тоже тех из них, кои имеют на рукавах нашивки, прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек каждого по три раза; и потом как их, так и поимянованных в первом отделении, отправить на службу в Кавказской Корпус; — затем, прочих рядовых: Клементия Емельянова, Ефрема Юдрашку, Петра Иванова, Алексея Червонного, Гаврилу Кузьменка, Гаврищу Козакова и Логина Матвеева, ни кем из товарищей своих и по обстоятельствам дела сего не изобличенных в том, чтобы и им деланы были от Спиридова подобные же внушения, но, напротив, по всем сделанным ссылкам оправданных, согласно с приговором военного суда и на основании воинских процессов 2-й части 5-й главы 10-го пункта, освободя от суда и наказания, употребить по прежнему на службу в том же полку.

Таковую конфирмацию предложив привесть в надлежащее действие, сообщаю о том вашему высокопревосходительству, имея честь быть с истинным почтением и преданностию вашего высокопревосходительства

покорный слуга граф Сакен.

№ 1418.
25 ноября 1826 го[да]
Г. Могилев Белорусский
Его высокопре-ву барону И. И. Дибичу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Материалы дознания о «возмутительных катехизисах, разбросанных мятежниками в Киевской губернии».

1.

Главный Штаб
его императорского
величества.
По канцелярии
дежурного генерала.
В Царском
16 июля
№ 77

Секретно.

Господину главнокомандующему 1-ю армиею.

Начальника главного штаба его императорского величества

Рапорт.

Ваше сиятельство изволите быть известны, что во время возмущения Черниговского пехотного полка разбросаны были мятежниками по Киевской губернии возмутительные катехизисы. Государю императору угодно было повелеть, чтоб сии катехизисы были отысканы, и потому писано было о сем киевскому гражданскому губернатору, от которого доставлено ныне два экземпляра сего катехизиса у сего прилагаемые.

Оба сии экземпляра оказались переписанными теми самыми руками, какими написаны список штаб- и обер-офицерам Черниговского пехотного полка и расписание баталионное и ротное за декабрь 1825 года за подписанием командующего полком маиора Трухина, представленные ко мне начальником главного штаба армии от 26 генваря 1826 года, из чего заключить можно, что и катехизисы переписаны были полковыми писарями.

В следствие сего государь император высочайше повелеть мне соизволил прилагаемые при сем два экземпляра возмутительного катехизиса препроводить к вашему сиятельству, дабы вы изволили приказать, по сходству руки, коею оные переписаны, исследовать строжайше и немедленно, кто имянно оные переписывал и сколько оных было переписано.

Уведомляя ваше сиятельство о сей высочайшей воле для зависящего от вас о исполнении оной распоряжения, покорнейше прошу о последующем почтить меня уведомлением для доклада его величеству.

Начальник главного штаба граф Дибич.

2.

Секретно.

Управление
начальника главного штаба
1-й армии.
№ 85-й.

Главная квартира в Могилеве Белорус[ском].
Июля 31 дня 1827-го года.

Главнокомандующему 1-ю армиею господину генерал-фельдмаршалу и кавалеру графу Сакену.

Начальника главного штаба 1-й армии
генерал-адъютанта барона Толя

Рапорт.

Прежде отправления повеления вашего сиятельства к г. генералу от инфантерии Рудзевичу, на щет розыскания об отысканных киевским гражданским губернатором двух соблазнительных катихизисах и доставленных от г. начальника главного штаба его императорского величества, я счел нужным приказать сделать справку с делами по главному штабу армии, по которой открыто, что на щет розысканий о возмутительном катихизисе принимаемы были уже надлежащие меры; почему сделав о сем представление г. начальнику главного штаба его императорского величества, я имею честь поднести с оного вашему сиятельству список, из коего благоусмотреть изволите все подробности сделанного мною по сему предмету распоряжения, по коему сделав г. генералу от инфантерии Рудзевичу отношение, соответственное открывшимся обстоятельствам, я остановил отправление подписанного к нему предписания вашего сиятельства, поелику, как из дел видно, сочинитель катихизиса был сам Сергей Муравьев-Апостол, а переписывали оные нижние чины, в рапорте моем к г. начальнику главного штаба его императорского величества поименованные. Впрочем, я сообщил еще генералу Рудзевичу потребовать от начальника корпусного штаба генерал-маиора князя Горчакова объяснения, почему те перепищики, о коих бывший командир 3-го пехотного корпуса от 19-го генваря 1826-го года за № 135-м доносил вашему сиятельству, что они арестованы, в последствии же освобождены и показаны из них: Потутов, Васильев, Шевель, Хаперский, Щелкалин и Белякин, в списке не причастными к возмущению и назначенными к распределению в полк, равномерно потребовать от него сведения, обращены ли вышеупомянутые два экземпляра катихизиса в следственную комиссию в Белой Церкве бывшую, а из оной вместе с прочими бумагами в бывший там военный суд, как равно и взятые с переписчиков допросы; а от киевского гражданского губернатора потребовал бы сведения, откуда он получил и где отысканы представленные от него г. начальнику главного штаба его императорского величества два экземпляра катихизиса, и нет ли следов, чтобы таковые еще где-либо скрывались.

Генерал-адъютант барон Толь.

Список с рапорта г. начальнику главного штаба его императорского величества от г. начальника главного штаба 1-й армии, от 31 июля 1827-го года за № 82.

В следствие отношения вашего сиятельства к г. главнокомандующему армиею от 16-го сего июля за № 778-м относительно доставленных от киев-

ского гражданского губернатора двух экземпляров катехизиса, разбросанного якобы по Киевской губернии во время возмущения Черниговского пехотного полка, честь имею донести, что по справке с делами в главном штабе армии оказывается: Черниговского пехотного полка прапорщик Мозалевский, посыланный Муравьевым-Апостолом в Киев, подбросил там три экземпляра помянутого катехизиса. Оные в то же время отысканы попечением тамошнего губернатора, и один экземпляр представлен от него управляющему министерством внутренних дел, а остальные два бывшему командиру 4-го пехотного корпуса генералу-от-инфантерии князю Щербатову. От него же они, по повелению г. главнокомандующего армиею, обращены были к генерал-лейтенату Роту с тем, чтобы он при производившемся в то время следствии приказал открыть, точно ли эти самые экземпляры даны были Муравьевым Мозалевскому, и кто их переписывал. На сие генерал-лейтенант Рот донес, что означенный катехизис был переписан писарями Черниговского пехотного полка: Патутовым, Щелкалиным и Васильевым, унтер-офицерами: Дмитриевским и Шевелем и рядовыми: Хаперским и Белякиным, и что предписано взять их под строгий арест. Сие донесение генерал-лейтенанта Рота сообщено было вашему сиятельству при отношении г. главнокомандующего армиею от 27-го генваря 1826-го года за № 150-м. В последствии генерал-лейтенант Рот в списках, представленных от него о всех воинских чинах Черниговского полка по разрядам прикосновенности их к возмущению, сообщенных и вашему сиятельству при том же отношении г. главнокомандующего за № 150-м, показал из помянутых семи переписчиков шесть человек в разряде воинских чинов, не причастных к возмущению, потому что они, не согласясь на приглашение Муравьева, при выступлении мятежных рот остались в Василькове; один только Дмитриевский оказался деятельным участником и потому по суду наказан шпицрутенами и отослан в Кавказский Корпус. Означенные же шесть человек не причастных, на основании высочайшего разрешения, изъясненного в отношении вашего сиятельства от 6-го февраля 1826-го года за № 369-м, обращены в состав вновь сформированного Черниговского пехотного полка, в коем вероятно и поныне состоят на лицо.

Я вместе с сим отнесся к генералу-от-инфантерии Рудзевичу, дабы он, согласно резолюции г. генерал-фельдмаршала, приказал сих людей тотчас арестовать и допросить: сколько экземпляров соблазнительного сочинения сего они переписали, и не известно ли им, какое из них сделано употребление.

Вместе с сим я предписал также и полевому аудиториату сделать справку по актам военно-судного дела, произведенного в Белой Церкве, зделано ли в суде рассмотрение о поступке сих шести нижних чинов, и что вообще относительно сочинения сего катехизиса и распространения оного открыто.

При сем считаю долгом привосокупить, что как главные виновники сего возмущения Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин на месте преступления и исследования оставались весьма короткое время, а здесь в Могилеве были только проездом, то и не было возможности обнаружить здесь во всей подробности обстоятельства относительно катехизиса; но предполагалось, что оно со всею точностию будет исследовано в высочайше учрежденной комиссии о злоумышленном обществе, тем более, что г. главнокомандующий армиею в особенности о сем просил г. военного министра. Впрочем во взятом здесь от Бестужева-Рюмина допросе видно, что экзем-

пляров оного переписано небольшое количество, которое, как он полагает, уничтожено при разбитии мятежной шайки. Из показания же самого Сергея Муравьева-Апостола, снятого в комиссии 18-го февраля 1826-го года и доставленного сюда при отношении г. военного министра от 8-го марта за № 449-м, видно, что он сам сочинил сей катехизис в последних числах декабря 1825-го года и до возмущения никому его не сообщал.

О том же, чтобы мятежники экземпляры сего катехизиса разбросали по Киевской губернии, исключая в начале упомянутых трех экземпляров, посланных с Мозалевским и отысканных в Киеве, здесь по делам нигде не видно.

Верно: генерал-адъютант барон Толь.

3.

Начальнику главного штаба 1-й армии господину генералу-от-инфантерии и кавалеру барону Толю.

Полеваго аудиториата 1-й армии

Рапорт.

На предписание вашего высокопревосходительства от 31-го минувшего июля за № 84, относительно того, было ли сделано в суде рассмотрение о поступках нижних чинов Черниговского пехотного полка шести человек, переписывающих сочиненной бывшим Муравьевым-Апостолом возмутительной катихизис, и что́ вообще относительно сочинения сего катихизиса и распространения оного было открыто, как равно имеются ли при деле или куда поступили те два экземпляра катихизиса, которые переданы от генерала князя Щербатова генералу Роту, — полевой аудиториат по учинении с делом выправки честь имеет донесть: что из переписывающих тот катихизис предан был суждению один только унтер-офицер Иван Дмитриевский, по той причине, что он помянутый катихизис не только со слов Муравьева-Апостола и Бестужева писал, но и последовал за мятежниками, невзирая на то, что он из сего ясно мог видеть злодейские их замыслы, за что по сентенции военного суда и приговорен был к смертной казни. Прочие ж употребленные ими Муравьевым и Бестужевым к таковой же переписке писаря Никита Патутов, Семен Щелкалин, Алимпий Васильев, унтер-офицер Иосиф Шевель и рядовые: Иван Хаперский и Дмитрий Белякин, по случаю тому что они по представленным генерал-лейтенантом Ротом разрядным спискам с протчими показаны были не согласившимися на приглашение его Муравьева к бунту и оставшимися при выступлении мятежных рот в городе Василькове, суду преданы не были, и по сей причине на щет их поступков и никакого заключения не учинено; а из числа вышепоказанных экземпляров катихизиса один находится при военно-судном деле над мятежными офицерами Черниговского полка, отправленном в С.-Петербург, другой же таковой запечатанной под секретом остается при деле над учавствовавшими с ними в мятеже нижними чинами в полевом аудиториате.

Председатель генерал-лейтенант Уманец 1-й.

Генерал-аудитор Шмаков.

№ 128.
Августа 11 дня
1827 года.
Г. Старобыхов.

4.

1827 года августа 18 дня Черниговского пехотного полка рядовой Семен Щ е л к а л и н допрашиван и показал следующее:

Зовут меня Семен Иванов сын Щелкалин, от роду имею 37 лет, грамоте читать и писать умею. Веры христианской, на исповеди и у святого причастия бываю. Уроженец Симбирской губернии Алатырского уезда, села Гумошева из удельных крестьян; в службе с 1812 года февраля 5-го, начально служил в 1-м морском полку[,] в 1815 году переведен в Черниговской пехотной полк, в коем 1-го февраля произведен баталионным писарем; в 1824 году переименован в унтер-офицеры, а сего года в маие месяце за болезнею смещен в рядовые с зачислением во 2-ю мушкатерскую роту, в походах и сражениях в 1812 году против французских войск находился, на верность службы присягал блаженной памяти государю императору Александру Павловичу и ныне царствующему государю императору Николаю Павловичу, воинский устав и артикулы я сам читал и что за какое преступление повелено чинить знаю, под судом не бывал.

Прошлого 1825 года декабря 30-го, находясь я с прочими писарями в полковой канцелярии, и имянно с полковым писарем Патутовым, баталионным Алемпием Васильевым, рядовыми: Иваном Хоперским, Дмитрием Балякиным, унтер-офицером Иваном Дмитревским и казначейским писарем Михайлою Копачевским, увидели часу в 6-м пополудни привезенного полкового командира подполковника Гебеля, капитаном Вульфертом, неизвестно мне откуда израненного, как после спустя несколько минут слышал от маиора Трухина и разжалованного из аудиторов Клабукова, кои, суетясь возле квартиры Гебеля, между собою проговарили о том, но где и кем поранен, мне неизвестно, вдруг прибыл подполковник Муравьев-Апостол в город Васильков с 6-ю ротами в боевой аммуниции с большим шумом: все пьяны, одеты как попало, одни в киверах и шинелях, другие в шапочках и мундирах, а иные в мужичьих шапках в беспорядочных видах, бегая по улицам, солдаты и офицеры с обнаженными шпагами. Видя мы шумные буйства и оставаясь в неизвестности о причине оного, из опасения, как сие происходило уже в сумерках, затворясь все в канцелярии, не выходили из оной, но между тем в окны могли приметить, что кажется гренадерской взвод с Муравьевым и еще несколькими офицерами пошли к квартире подполковника Гебеля, от куда вынесли знамя и полковой ящик везли на себя солдаты, с коим присоединились к прочим, на площади оставшимся, ротам. Более же, что в квартире подполковника Гебеля происходило неизвестно по причине, что в сие самое время прибегали несколько раз в канцелярию бывшие порутчики: прежде Щипила, потом Сухинов, спрашивая полкового адъютанта Павлова и разжалованного из аудиторов Клабукова, и когда мы отвечали неведением об них, то Щипила пришедши с несколькими вооруженными солдатами уговаривал нас и просил сказать, где находятся оные, обещая за открытие награждение от Муравьева-Апостола; однакож, не получа ничего удовлетворительного, ушел. За сим оставаясь мы в недоумении о происходившем в Василькове и поговоря между собою о причине видившего буйства, ушол я на квартиру, опасаясь, дабы от пьяных солдат не случилось чего, а прочие писаря остались в канцелярии.

На другой день, 31-го числа, поутру рано идя в канцелярию, встретил неизвестного пьяного солдата, которой сказал мне итти скорей (в канцелярию), ибо давно ищут; куда по приходе видел стоявшего у дверей солдата и застал всех вышепоимянованных писарей, кроме казначейского,

писавшими какие-то катехизисы, которые писаря в один голос отозвались к нему,—«Скорей садись писать катехизисы; Муравьев приказал написать их 12 экземпляров», к чему более принуждал унтер-офицер Дмитревский говоря, что ты шатаеся, а мы с Хоперским целую ночь в квартире Муравьева писали черные катехизисы. Тогда я сел и с диктовки оного Дмитревского писал, как и прочие писаря тоже писали катехизисы, содержание коих не могу настояще припомнить, кроме что упоминалось в них более о свободе и о царях; из чего я заключал, что это клонится к возмущению, и после все писаря о том же полагали, один только Дмитревский молчал, между же тем временем, пока переписывались те катехизисы, приходил Щипила и несколько человек порознь унтер-офицеров и рядовых, понуждая нас к скорейшему окончанию оных, наконец, когда прибег от Муравьева ординарец мне неизвестной и велел полковому писарю Патутову сколько есть написанных катехизисов нести к нему, то Патутов, собрав переписанных катехизисов 11-ть экземпляров (в числе коих один мною был написан, однакож в предъявленных ныне мне двух катехизисов его нет, а таковые писаны Дмитревским и Хоперским), отнес сам Патутов к Муравьеву и, возвратясь от него, сказал, что Муравьев приказал собираться в какой-то поход и придти к нему.

По прибытии же к Муравьеву на квартиру застали у него Бестужева, Щипилу, Сухинова, Соловьева, Кузмина и брата Муравьева. Сей последний, выйдя к нам, сказал: «Пойдемте, ребята со мною в поход». Но как я сумневался в таковом походе, то, желая уклониться от оного, просился по болезни остаться в Василькове и, коль скоро позволил Муравьев, говоря: «Ну, ты не годисся; оставайся здесь, как хотишь», — я вышел от него; а вслед за мною пришли в канцелярию и прочие писаря, сказывая, что и они остаются, выключая Дмитревского, которой объявил желание итти с Муравьевым и готов умереть с ним. После ж выступления из Василькова неизвестно куда бунтовавшихся рот и Муравьева, мы совершенно уже тогда удостоверились о возмущении им Муравьевым полка, остались на месте до прибытия туда дня чрез два полкового адъютанта Павлова и наконец узнали о прекращении мятежа.

Более ж ничего не знаю и до времени прибытия Муравьева с бунтующими ротами в Васильков ни от кого не слыхал о злоумышлении чьем-либо на бунт и сам не имел намерения к тому и желания следовать за Муравьевым; так же, кем сочинен катехизис и какое из переписанных нами сделано употребление, я неизвестен. И во время переписки оного вышепомянутыми писарями и мною, в бытность мою в полковой канцелярии, унтер-офицера Шевеля не видал, и ходил ли он к Муравьеву, тоже не знаю; а увидел его в канцелярии уже по выступлении Муравьева из Василькова, и на щет происшествия оной Шевель ничего со мною не говорил.

При допросе ж меня в генваре месяце 1826 года маиором Трухиным с штабс-капитаном Глушковым, когда производилось в местечке Белой Церкве над бунтовщиками следствие, показывал то, о чем был спрашиван и в истине вышепоказанного теперь по всей справедливости утверждаю подписом моим.

Черниговского пехотного полка рядовой Семен Иванов сын Щелкалин руку приложил.

Допрашивал обер-аудитор 6-го класса Григорьев.

5.

1827 года августа 19-го дня Черниговского пехотного полка рядовой Алемпий Васильев допрашиван и показал следующее:

Зовут меня Алемпий Васильев сын Васильев, от роду имею 41 год, грамоте читать и писать умею; уроженец Вологодской губернии и уезда, сельца Ильинского из дворовых людей помещика Барша; веры христианской, на исповеди и у святого причастия ежегодно бывал, в службу поступил прошлого 1809 года генваря 15-го, начально из рекрут в 1-й морской полк, а в 1815-м году, генваря 5-го переведен в Черниговской пехотной полк, в коем произведен унтер-офицером 1817 года июля 27, баталионным писарем 1823 года месяца и числа не упомню; разжалован за пьянство сего года июля 22-го числа в рядовые. На верность службы присягал блаженной памяти государю императору Александру Павловичу и ныне царствующему государю императору Николаю Павловичу; воинский устав и артикулы мною читаны и что за какое преступление повелено чинить, знаю; в штрафах по суду, кроме разжалования из баталионных писарей, не бывал, в походах за границею до Баварии в 1815-м году находился; прошлого 1825 года декабря 30-го числа, вскоре после того, как полковой командир подполковник Гебель приехал в Васильков с конвойными солдатами неизвестно от куда, подполковник Муравьев прибыл туда же с ротами и остановясь на плац-парадном месте, с одним или более взводом 2-й гренадерской роты и несколькими офицерами пошли в квартиру полковника Гебеля, вынесли знамя и полковой ящик, присоединились с оными к ротам, остававшимся на площади. Более же, что происходило в квартире Гебеля, мне неизвестно, ибо я вместе с прочими писарями, как-то полковым Патутовым, баталионным Щелкалиным, рядовыми Балякиным, Хоперским и унтер-офицером Дмитревским (но был ли казначейской писарь Копачевский, не упомню), находясь в то время в канцелярии, не мог ни о чем знать, кроме что приходили к нам в канцелярию несколько раз Щипила и Сухинов с конвойными вооруженными солдатами, спрашивали о полковом адъютанте Павлове и разжалованном из аудиторов Клабукове, просили и обещали денежное награждение, кто отыщет их, но видя отзывающимись нас неведением об них, уходили. Не понимая совершенно о причине такового требования и видя солдат в беспорядочной одежде и пьяном виде, решились от опасения оставаться в канцелярии; затем, как бы около одиннадцатого часа ночи, потребовал Муравьев чрез вестового к себе двух писарей, почему из нас пошли Хоперский и Дмитревский и, возвратясь от него, принес Хоперский черновую бумагу и несколько листов белой, сказал, что Муравьев приказал написать таковых бумаг 12-ть. Тогда я, Патутов, Хоперский, Болякин и Дмитревский начали с диктовки сего последнего писать ту принесенную бумагу, которая с начала содержала катехизис, а о дальнейшем содержании оного не помню, кроме что упоминалось больше о царях, о проклятии службы и о осквернении церквей поминанием царской фамилии. Но Щелкалин был ли в то время в канцелярии или нет и писал ли катехизисы, также не упомню, ибо от сует и понуждения стоявших над нами конвойных солдат, пришедших с Муравьевым, не имел времяни не только помыслить о следствиях переписываемых катехизисов, но и приметить, находился ли в то время с нами Щелкалин или пришел на другой день по утру; знаю только, что он 30-го числа был в канцелярии до самого вечера. Катехизис же черновой был написан в квартире Муравьева Хоперским, их коего переписано одиннадцать экземпляров, в том числе и мною был написан один, которые по утру уже 31-го числа по требованию Муравьева

отнесены были полковым писарем Патутовым и рядовым Хоперским, кои возвратясь в канцелярию сказали, что бы все шли к Муравьеву на квартиру, куда по приходе Муравьев меня и Щелкалина (которой в это время находился с нами) отпустил в канцелярию, а прочим писарям приказал взять в цейхаузе аммуницию и итти с ним, но куда, неизвестно, причем просился Патутов остаться в Василькове потому, что он от ран не может итти и Муравьев согласился на то. После чего мы вышли и разошлись по своим квартирам.

По выступлении Муравьева с ротами из Василькова, кроме Дмитревского, последовавшего с ним, прочие все писаря остались в Василькове, и узнал я уже о происходившем возмущении, когда начали некоторые офицеры появляться в Васильков, и маиор Трухин брал их и, арестовывая, отправлял за конвоем в Киев. Но до того совершенно ничего не знал и ни от кого не слыхал относительно бунта и сам намерения к тому не имел. Катехизисов написано было одиннадцать экземпляров под страхом стоявших над нами нетрезвых конвойных солдат, коих названий не знаю; кем же сочинен был катехизис, и какое из переписанных сделано употребление, неизвестен; а предъявленные мне ныне два катехизиса были писаны первой бывшим унтер-офицером Дмитревским, а второй рядовым Хоперским. И при допросе меня маиором Трухиным и штабс-капитаном Глушковым, когда производилось в местечке Белой Церкве над бунтовщиками следствие, я показал то, о чем только был спрашиван, и в истине выше показанного теперь по всей справедливости утверждаю подписью моею.

Черниговского пехотного полка рядовой Алимпий Васильев сын Васильев руку приложил — С добавлением, что как теперь припоминаю, что хотя теперь унтер-офицер Шевель был 30-го числа днем в полковой канцелярии, но переписывал ли вместе с нами катихизисы и ходил ли к Муравьеву, когда он после переписки оных требовал всех нас к себе, настояще припомнить не могу.

Допрашивал обер-аудитор 6-го класса Григорьев.

6.

1827-го года августа 20 дня Черниговского пехотного полка рядовой Дмитрий Болякин допрашиван и показал следующее:

Зовут меня Дмитрий Федоров сын Болякин, от роду имею 27 лет; грамоте читать и писать умею; уроженец Пензенской губернии Чембарского уезда села Ершова из крестьян графа Разумовского; веры християнской, на исповеди и у святого причастия ежегодно бывал, в службу поступил 1820 года генваря 24 прямо в Черниговский пехотный полк; произведен баталионным писарем 1822 года марта 1-го; разжалован за пьянство в рядовые 1824 года февраля 25-го. На верность службы присягал блаженной памяти государю императору Александру Павловичу и ныне царствующему государю императору Николаю Павловичу. Воинский устав и артикулы я читал и что за какое преступление чинить повелено, знаю. В штрафах по суду и без оного, кроме разжалования из баталионных писарей, не бывал.

Относительно бывшего происшествия в Черниговском пехотном полку, я ничего более не знаю, кроме только, что прошлого 1825 года в декабре месяце, кажется на 1-й или на 2-й день праздника Рождества Христова, не могу припомнить, кто-то сказывал в полковой канцелярии при некоторых писарях, что приехал ночью жандармский офицер к полковому коман-

ему подполковнику Гебелю и уехал с ним за подполковником Муравьевым и что возвращался в Васильков без Муравьева и опять уехал, но куда, не сказывал.

30-го ж числа каптенармус 1-й гренадерской роты Емельян Алексеев приходил поутру в канцелярию и говорил, что приехал с письмом от капитана к маиору Трухину, остававшемуся в Василькове в отсутствии подполковника Гебеля, и на вопрос мой и прочих писарей, с каким письмом, отвечал, что у нас худо выходит, о чем после сами узнаете, после чего был привезен около обеденного времени подполковник Гебель капитаном Вульфертом с несколькими конвойными солдатами пораненым, как я видел, когда снимали его с повозки обвязанного, и говорили о том помянутые конвойные солдаты; но где и кем поранен, не успел расспросить по случаю скорого отправления их из Василькова.

И так оставаясь в известности об обстоятельствах, обещавших какое-то несчастие, вдруг услышали тревогу, множество сбегшихся жителей и маиора Трухина, вышедшего на площадь с малым числом солдат в боевой амуниции, но в ту же минуту увидели Муравьева с ротами солдат, с шумом проходящих городом пьяных в разнообразной одежде, в мужичьих шубах и шапках. Остановившись же на площади, где маиор Трухин ожидал с своими солдатами, и произошел неизвестно от чего чрезвычайной шум, и слышно было, что у маиора Трухина оборвали эполеты и посажен на гауптвахту; в сие время видел я Щипилу и Сухинова с взводом 2-й гренадерской роты, шедшими к квартире подполковника Гебеля и вскоре возвратившихся с знамями и полковым ящиком, которые обращены в квартиру Муравьева. Все таковые очевидные самовольства и явные противу воинской службы поступки показывали худые намерения Муравьева; но как неизвестна была мне настоящая цель того, а также и прочие писаря не постигали причины таковой внезапной перемены, оставались в страхе, тем более, что Сухинов и Щипила с обнаженною саблею и пистолетами прибегали несколько раз с приметною азартностию и, кажется, с конвойными солдатами в полковую канцелярию, спрашивали о полковом адъютанте порутчике Павлове и разжалованном из аудиторов Клабукове, и когда мы отзывались неведением об них, то убеждали и обещали большое награждение от Муравьева, сказать только где они находятся; однако уходили, не получив ничего удовлетворительного в требованиях.

Потом уже ночью потребовал к себе Муравьев двух писарей и ходившие к нему Дмитревский и Хоперской, возвратясь часа через два, говорили, что они писали с диктовки Муравьева и Бестужева катехизисы, из коих один принесли в канцелярию, сказывая, что Муравьев приказал тот же час написать таковых 12-ть. И хотя видели содержание оного катехизиса злословящее против службы и царей, но единственно из одного страха, видя беспрестанно входящих к нам в канцелярию и опять возвращающихся Сухинова, Щипилу и других солдат, пришедших с Муравьевым, переписывали оный катехизис я, Патутов, Щелкалин, Васильев, Хоперский и Дмитревский с голсса сего последнего и Хоперского; но унтер-офицер Шевель и казначейской писарь Капачевский переписывали-ль те катехизисы или нет, утвердительно сказать не могу, а помню только, что они во время переписывания катехизисов были в канцелярии. Катехизисов написано было одиннадцать экземпляров (в числе коих написано мною два, однако ж в показанных теперь мне двух катехизисов их нет, а таковые писаны Дмитревским и Хоперским); отнесены были Хоперским или Патутовым к Муравьеву, которой затем потребовал всех нас к себе на квартиру, куда по приходе, кроме Капачевского, Муравьев Васильева оставил при канце-

лярии, а прочим велел итти с ним. Но Патутов, Щелкалин и Шевель по болезни отпросились так же остаться в Василькове; мне же и Хоперскому приказал получить в цейхаузе амуницию и следовать за ним. Однако ж мы пред ним сказывали в том нежелание свое под разными изворотами и незнанием обращаться с боевою амуницией, остались на месте, как и прочие писаря, кроме Дмитревского, которой с охотою последовал с Муравьевым. И в тот же день, неизвестно куда, Муравьев с ротами пришедшими с ним из Василькова выступил, и в сие уже время совершенно удостоверился о возмущении Муравьева; до того ж я ничего не знал и ни от кого ни о каких злых намерениях к бунту не слышал; так же на какой конец сочинен Муравьевым катехизис, названный православным и заключавший в себе непозволительные толкования, и какое сделано употребление из переписанных нами одиннадцати экземпляров, мне неизвестно, кроме, знаю, что Хоперский черновой катехизис представил, как слышал от него, Васильковскому городничему, о чем при прежнем допрашивании меня маиором Трухиным и капитаном Глушковым, когда производилось о бунтовщиках следствие, показывал ли я или нет не помню. При переписке ж катехизиса, кроме вышепоименованных писарей, так же не помню, что бы кто был, кроме часто приходивших в канцелярию разных солдат с Муравьевым последовавших; в справедливости же вышепоказанного теперь утверждаю подписью своею.

Черниговского пехотного полка рядовой Дмитрий Федоров сын Болякин руку приложил.

Допрашивал обер-аудитор 6 класса Григорьев.

7.

1827 года августа 20-го дня Черниговского пехотного полка рядовой Иван Хоперский допрашиван и показал следующее:

Зовут меня Иван Петров сын Хоперский, от роду имею 24 года, грамоте читать и писать умею, веры христианской, на исповеди и у святого причастия бывал, — уроженец города Тамбова, из обер-офицерских детей. В воинскую службу отдан по резолюции тамбовского губернского правления, в коем служил канцеляристом, за нерадение к должности 1822 года июня 13-го числа и поступил в Черниговский пехотный полк рядовым; произведен баталионным писарем 1826 года ноября 22-го; смещен по повелению дивизионного начальника в рядовые (по причине, что из обер-офицерских детей писарем быть не может) сего года марта 4-го, на верность службы присягал. Воинский устав и артикулы читал и что за какое преступление повелено чинить знаю. Под судом ни за что не был.

Относительно бывшего происшествия в Черниговском полку я ничего более не знаю, как только, что 30-го декабря 1825 года видел, когда приехал подполковник Гебель в Васильков с конвойною командою израненой, по словам сих конвойных в селении Трилесах Муравьевым, Соловьевым и Щипиллою, то полковой адъютант порутчик Павлов в торопях, бежа мимо канцелярии, сказал мне приготовить бумаги на донесение во все места, а о чем именно не сказал, но как бумаги не было в канцелярии, то я пошел в квартиру подполковника Гебеля; вдруг прибегает туда адъютант Павлов, сказал бывшему там маиору Трухину, что Муравьев идет в Васильков с заряженными у людей ружьями. Выскочили все на двор; Трухин послал меня на гоубтвахту заставить бить тревогу, от куда я возвратясь в канцелярию

(где застал писарей Патутова, Щелкалина, Васильева, Копачевского, Шевеля, Дмитревского и Балякина) видел Муравьева с ротами солдат с шумом пьяных, разнообразно одетых, вошедших уже в город, и при встрече им маиор Трухин с нескольким числом солдат был нападен офицерами, которые оборвали на нем эполеты и шарф и отдали под арест, а отряженный взвод гренадеров, не помню с каким офицером, вынесли с квартиры подполковника Гебеля знамя и ящик, которые приняты были на площади остававшимися ротами с криком ура. Отбили у арестованных Соловьева и Щипилы и на гоубтвахте караул, освободили их и арестантов. Искали Сухинов и Щипила с конвоем в канцелярии полкового адьютанта порутчика Павлова и разжалованного из аудиторов Клабукова; просили писарей и требовали отыскать их, каковые поступки офицеров и солдат, пришедших с Муравьевым, доказывали не что иное, как только бунт; но оставаясь в неизвестности, какие далее будут Муравьева распоряжения, и где девались адьютант Павлов и маиор Трухин, от коих можно бы было получить внушение к избежанию предстоявшей опасности, не знали, что делать. Вдруг Щипила пришел в канцелярию и, спрося вновь адьютанта Павлова, приказал полковому писарю Патутову итти к Муравьеву, от коль возвратясь он объявил, что Муравьев велел написать приказ, что полк завтрашнего числа должен выступить в поход; но приказ сей написан не был. После чего, часу в 11-м ночи, все писаря разошлись по квартирам, один только Дмитревский оставался в канцелярии. А как я застал на квартире своей пьяных солдат, производивших шум, то воротился в канцелярию ночевать. Но около первого или второго часа, услыша стук в двери, приказал находившемуся при канцелярии за сторожа рядовому 4-й мушкатерской роты Андрею Кирееву отворить, увидел трех солдат, по имени и прозванию мне неизвестных, требовавших писарей к Муравьеву и, взяв меня и Дмитревского, привели к нему, которой заставил обоих нас писать какие-то православные катехизисы, диктуя попеременно с Бестужевым из какой-то бумаги писанной, как я приметил на иностранном диалекте, во многих местах перечерненной с поправками. По окончании ж оных катехизисов, в коих упоминалось более о независимости и о свободе, один, мною писанный, катехизис Муравьев отдал мне, а другой оставив у себя приказал к 8-ми часам утра написать таковых катехизисов двенадцать и отпустил нас с конвоем же. По утру рано, т.-е. 31-го числа, собравшиеся писаря Дмитревский, Патутов, Шевель, Балякин и я начали писать с диктовки моей и, написав пять экземпляров по требованию Муравьева, я отнес оные ему, и по сделанной ошибке в катехизисе писанном Шевелем в тех словах, где сказано «во имя отца»... и проч. возвратил Муравьев мне для поправки, которой вместе с последними шестью катехизисами, написанными некоторыми (из вышеупомянутых) писарями, и сверх того Васильевым и Щелкалиным, пришедшими в канцелярию позже всех, отнесены были уже полковым писарем Патутовым, за коими беспрестанно приходили от Муравьева Сухинов и разные вестовые. И так написано было тех катехизисов одного содержания одиннадцать экземпляров, в том числе и мною один написан ныне признанный из двух мне при допросе предъявленных катехизисов, а другой в квартире Муравьева черновой, которой, по выступлении его Муравьева из Василькова 31-го числа, когда я узнал от унтер-офицера Давида Карлова, находившегося у присмотра за полковым цейхаузом, о нахождении адьютанта Павлова у тамошнего городничего, представил ему, порутчику Павлову.

А относительно казначейского писаря Копачевского, то хотя он был во время переписки в канцелярии и читал черновой катехизис, но с нами не переписывал оных. По возвращении ж Патутова от Муравьева мы все потре-

бованы были к нему в квартиру, где он приглашал нас следовать с ним, обещая свободу; но мы, желая уклониться от него, ибо видели измену против правительства и службы, отговаривались всячески, но он оставил прочих писарей в Василькове, а мне и Балякину приказал непременно итти с ним, однако ж мы и никто из писарей не последовал ему, кроме Дмитревского, которой как и прочие единомышленники Муравьева, выступили того ж дня из Василькова неизвестно куда.

До прибытия же его Муравьева в Васильков с бунтующими ротами я ничего не знал и ни от кого ни о каких заговорах к возмущению не слыхал; так же на какой конец сочинены были Муравьевым два катехизиса одного содержания, из коих один остался у него, и какое из переписанных нами одиннадцати экземпляров сделано употребление, неизвестен. Во время переписывания последних шести экземпляров катехизиса приходил в канцелярию вышеозначенный унтер-офицер Давыд Карлов и просил Копачевского совместно с ним досмотреть за полковым цейхаузом по случаю, что из мятежных солдат растаскивали из оного вещи, почему Копачевский и я придя в цейхауз застали унтер-офицера, заведывающего музыкантскою командою, служащего ныне прапорщиком в Черниговском полку Василия Алексеева и музыканта, состоящего поныне в том же полку на службе Ефросима Иванова, которые брали себе ружья и на вопрос мой с Копачевским, что они делают, отвечали, что Муравьев приказал их выгнать из музыкантской школы и велел взять ружья и следовать с ним. Тогда мы сказали им, что Муравьев делает бунт, и говорили не ходить с ним, а притти в канцелярию и посмотреть, что он пишет. Тогда они спрятались в цейхаузе, за коляскою подполковника Гебеля, пока вышли из оного последователи Муравьева, а потом вместе с нами пришли в канцелярию, и я им, равно и квартермистрскому писарю Андрею Дементьеву, в то же время случившемуся в канцелярии, читал означенный катехизис, при всех тех писарях, которые переписывали таковые, и на другой день помянутых Алексеева и Иванова видел я и Копачевский в лазарете на койках под видом болезни в уклонение себя от похода Муравьева. При допросах меня маиором Трухиным и штабс-капитаном Глушковым, когда производилось в местечке Белой Церкве следствие над бунтовщиками, я показал то, о чем только был опрошен, что все показав по сущей справедливости, подписуюсь. — Черниговского пехотного полка рядовой Иван Петров, сын Хоперский.

Допрашивал обер-аудитор 6 класса Григорьев.

8.

1827 года августа 23 дня доставленной в корпусное дежурство от Васильковского городничего отставной из Черниговского пехотного полка унтер-офицер Иосиф Шевель допрашиван и показал:

Зовут меня Иосиф Иосифов сын Шевель, от роду имею 20 лет; грамоте по российски и польски читать и писать умею; веры римско-католической, на исповеди и у святого причастия ежегодно бывал, из дворян Киевской губернии, города Василькова, где между дворянским сословием состою записанным и на происхождение сие имею документы, отосланные мною при прошении в Васильковский поветовый суд на предмет определения меня в оном на службу. В воинской службе находился я по собственному моему желанию и служил в Черниговском пехотном полку с 1822 года, ноября 1-го унтер-офицером. — На верность подданства и службы ныне

царствующему государю императору Николаю Павловичу присягал. Воинской устав и артикулы читаны, и что за какое преступление чинить повелено известен. По болезни увольнен в отставку тем же чином прошлого 1826 года сентября 1-го и проживал в городе Василькове при дяде своем, служащем в тамошнем поветовом суде секретарем Краковецком, до взятия меня вчерашнего числа тамошним квартальным надзирателем Вигилянским для доставления в корпусное дежурство.

В рассуждении вопроса меня относительно бывшего в Черниговском пехотном полку возмущения, я ничего совершенно не знал до тех пор, пока Муравьев-Апостол вступил в город Васильков с ротами пред новым годом за день, то-есть 30 декабря 1825 года, ибо я находясь в то время для письма в полковой канцелярии и видя необыкновенные беспорядки, шум, крик и ругательство производившие солдатами, которые между прочим говорили, как я слышал, что будут палить, от страха ушел на квартиру, занимавшую у помянутого дяди Краковецкого, а на другой день поутру был прислан за мною неизвестной солдат с требованием скорейшего прибытия в полковую канцелярию, куда по приходе застал писарей полкового Патутова, Хоперского, Балякина, Щелкалина, Дмитревского и Алемпия Васильева, из коих Патутов показывал мне принесенную от Муравьева бумагу и, сказав, что Муравьев приказал, чтобы катехизисов написать 12-ть или 11-ть (настояще не могу упомнить) экземпляров, заставлял меня писать; и когда я спросил об оном катехизисе, то он отвечал, что возмутительный о свободе, почему я в таких обстоятельствах, по молодости моей, в то время опасаясь, дабы за отговорку не быть в случае от Муравьева лишенным жизни, решился с вышепоимянованными писарями переписывать; и написано было мною два экземпляра того возмутительного катехизиса. Сколько ж всех экземпляров написано было, не помню, которые тогда же отнесены были полковым писарем Патутовым на квартиру к Муравьеву. Во время переписки оных катехизисов приходил в канцелярию казначейский писарь Копачевский, но читал ли он катехизис, и был ли еще более кто известным об оных, не знаю, ибо по происходившей тогда суете и потому, что много приходило в канцелярию разных неизвестных солдат, нельзя было ничего заметить. А по возвращении Патутова от Муравьева все писаря и я, по приказанию Муравьева, пошли к нему, где застали множество солдат пьянствовавших. Я, оставаясь в прихожей комнате, прочие писаря входили к нему по одному и более; но что Муравьев с ними разговаривал неизвестен; слышал только, что Муравьев сказал, чтобы с ними шли два писаря, при чем писаря отговаривались от того болезнями и неимением на себя аммуниции. А после выхода их, я вошел к нему, Муравьеву, и так же объяснялся о действительно имеющейся у меня болезни в груди и грыжи и что не могу потому итти в поход; был оставлен в Василькове. И затем вскоре начали бить сбор, и выступил Муравьев с ротами из Василькова, неизвестно мне куда, с коими последовал унтер-офицер Дмитревский, а прочие писаря и я оставались на месте. Прежде же вшествия Муравьева в Васильков я совершенно о возмущении ничего не знал и ни от кого о том не слыхал, так же намерения к бунту и желания последовать с Муравьевым никакого не имел, а напротив сказался уклониться от похода Муравьева под предлогом моей болезни; и есть ли бы к переписке катехизиса заставляем не был Патутовым и не предвидел за отговорку опасности, то избегал бы, сколько возможно было и от переписки оного; но не имея к сему средств, ибо везде видны были толпы пьяных буйственных солдат из шайки Муравьева, опасался при какой-либо решимости уклониться из Василькова мщения за то Муравьева, почему и оставался на месте до выхода его, как и прочие писаря, не следуя за ним

в поход. О переписке ж катехизиса я тогда сказывал дяде своему Краковецкому, которой советовал мне объявить при первом случае своему начальнику, то после сего как скоро усмирены мятежники и начался расспрос и следствие в местечке Белой Церкве над бунтовщиками, я объявил маиору Трухину и штабс-капитану Глушкову, равно на какой конец сочинен был и кем возмутительный катехизис и какое сделано из переписанных экземпляров оного употребление, неизвестен, но знаю, что черновой катехизис остался у рядового Хоперского, которой после выступления Муравьева из Василькова носил в квартиру подполковника Гебеля неизвестно кому, и где оной Хоперским дет или поныне у него находится не знаю. Что по самой справедливости показал, подписуюсь своеручно. — Отставной из Черниговского пехотного полка унтер-офицер из дворян Иосиф Иосифов, сын Шевель, руку приложил.

Допрашивал обер-аудитор 6 класса Григорьев.

9.

1827 года сентября 4 дня Черниговского пехотного полка бригадный писарь Михайло Копачевский допрашиван и показал:

Зовут меня Михайло Федоров сын Копачевский, от роду мне 24 года, грамоте читать и писать умею; веры грекороссийской, на исповеди и у святого причастия ежегодно бывал; уроженец города Москвы из солдатских детей. В службу поступил прошлого 1819 года, сентября 27-го, начально лейб-гвардии в Павловской полк рядовым, из оного в штаб гвардейского корпуса писарем 1820 года апреля 17-го, наконец переведен в Черниговский пехотный полк унтер-офицером 1821 года июня 7-го, казначейским писарем — 1823-го декабря 19-го, бригадным — сего года, июня 7-го. На верность службы присягал, воинский устав и артикулы я читал и, что за какое преступление повелено чинить, знаю. В штрафах и под судом не был.

Прошлого 1825 года, декабря 30-го, находясь я в полковой канцелярии с прочими писарями: Патутовым, Щелкалиным, Болякиным, Шевелем, Васильевым, Хоперским и Дмитревским, уже перед вечером, когда полковой адъютант порутчик Павлов вышел, неизвестно мне куда, из канцелярии, вдруг явился в город Васильков Муравьев-Апостол с бунтующими ротами с шумом и буйством. Что же он делал в городе, мне неизвестно, по нахождению тогда в канцелярии, кроме что единомышленник его, бывший порутчиком Щипилла с 12-ю человеками солдат приходил в полковую канцелярию и приказал отыскать полкового адъютанта и разжалованного из аудиторов Клабукова; однако ж по входе его никто из писарей не хотел выполнить того. Потом я пошел из канцелярии на квартиру свою и переночевал.

На другой день, т.-е. 31 числа, пришедши в канцелярию, застал всех писарей переписывающих катехизисы, к чему заставлял меня полковой писарь Патутов, говоря, что Муравьев приказал написать 12-ть экземпляров. Но я, прочтя оной и видя изъяснение по вопросам и ответам противузаконное и возмутительное, не согласился переписывать, ушел и, проходив по городу, заходил в цейхауз, где был унтер-офицер Василий Алексеев, служащий ныне в Черниговском полку прапорщиком, и музыкант Ефрем Иванов, которые стояли и ничего мне и я им не говорил и, зачем они туда приходили, не знаю; приказал унтер-офицеру Давиду Карлову, находившемуся у присмотра за цейхаузом, чтобы он, есть ли какие вещи будут выдавать бунтовщикам, записывал бы, сам пошел на квартиру, а по выступлении Муравьева из Василькова пришел в канцелярию и застал писарей,

от коих ничего не слышал, и, сколько экземпляров того катехизиса ими написано было, не знаю, ибо оные без меня отнесены были к Муравьеву Патутовым. После чего прохаживался я с Хоперским и Патутовым по городу, разговаривая между собою, куда Муравьев пошел, и наконец разошлись по квартирам.

О возмущении ж Муравьева я до того времени не знал, пока он вступил с ротами пьяных и вооруженных солдат в Васильков, и ни от кого об оном не слышал; так же намерения и желания последовать за Муравьевым не имел и у него никогда не был и, кроме Дмитревского, никто из писарей итти с ним не соглашался. — Равно возмутительного катехизиса я никому не читал и у себя такового не имел и не видел, чтобы писарь Хоперский читал в канцелярии катехизис унтер-офицеру Василию Алексееву и музыканту Ефрему Иванову; так же были ли они тогда в канцелярии не знаю, но видел их обоих уже на другой день выступления Муравьева на койке в полковом лазарете; какое сделано употребление из переписанных писарями экземпляров возмутительного катехизиса неизвестен.

При допросе моем маиором Трухиным и штабс-капитаном Глушковым во время производившегося следствия над бунтовщиками, я показал то, о чем был спрашиван, и ныне по сущей справедливости сознаюсь с своеручным подписом. — 1-й бригады 9-й пехотной дивизии бригадный писарь Михайло Федоров сын Копачевский руку приложил.—

Допрашивал корпусный обер-аудитор 6 класса Григорьев.

10.

1827 года сентября 4 дня Черниговского пехотного полка квартирмейстерской писарь Андрей Дементьев допрашиван и показал:

Зовут меня Андрей Дементьев сын Дементьев, от роду мне 51 год, грамоте читать и писать умею; уроженец Симбирской губернии города Алаторя из мещан; веры христианской, на исповеди и у святого причастия ежегодно бывал. В службу поступил прошлого 1810 года, февраля 2-го прямо в Черниговской пехотный полк, произведен унтер-офицером 1813 года февраля 15-го, квартирмейстерским писарем — 1816 года февраля 2-го. На верность службы присягал. Воинской устав и артикулы читал, и что за какое преступление повелено чинить, знаю. В походах и сражениях в 1812 году против французских войск находился и ранен под городом Можайском в грудь картечью с повреждением ребра, того же года августа 26-го. Под судом не был. Прошлого 1825 года декабря 30-го, по приходе моем из канцелярии на квартиру обедать, вдруг хозяйка квартиры моей, крестьянка Анна, по прозванию неизвестная, сказала мне посмотреть, что в городе делается. И когда я выбежал на двор, увидел солдат 2-й гренадерской роты и офицеров Щипилу и Сухинова, с криком везших на себе от квартиры подполковника Гебеля полковой ящик и знамена прямо на квартиру к Муравьеву-Апостолу. Тотчас прибежав в полковую канцелярию, застал писарей Щелкалина, Патутова, Балякина, Дмитревского, Шевеля, Васильева, Копачевского и нескольких человек неизвестных пьяных солдат. На вопрос же мой писарей, что ето делается, отвечали они: «Мы сами не знаем». Потом пошел я на квартиру к квартирмистру Войниловичу и спроса также его о виденных мною беспорядках в городе, которой сказал мне, что завтра сам узнаешь, а между тем приказал мне по утру притти к нему.

Переночевав я на своей квартире, зайдя прежде по дороге в полковую канцелярию, застал в оной вышеизъясненных писарей (но был ли казна-

чейский писарь Копачевский, не приметил), переписывающих какой-то катехизис, данный, как они мне говорили, Муравьевым. И когда я спросил о содержании оного, то отвечали, что после узнаешь, когда напишут. Но я, не дождавшись окончания их, пошел к Войниловичу, которой сказал взять мне три листа белой бумаги и ехать с ним неизвестно мне куда; и на вопрос мой, как же останутся письменные дела, велел бросить их, говоря: «Они не нужны». Однакож я начал было убирать их, в то самое время пришел от смотрителя провиантского магазейна вахтер, по имяни и прозванию мне неизвестный, с требованием сдачи в магазин казенных мешков, почему я, по приказанию Войниловича, сдал ему оные и, возвращаясь, увидел на площади множество солдат, офицеров и Муравьева, из коих казначей Сизиневский, подбежав ко мне, послал к обозу, находившемуся за городом, чтобы тот час ехали патронные ящики. Но я пробежал только до половины дороги, встретился с вагенмейстером Василием Андреевым, от которого узнал, что ящики давно уже уехали. Остановясь с ним, он спросил меня, куда я теперь пойду; а когда я отвечал: «Надо итти и убрать бумаги», то он сказал мне, что ты согласен итти за полком? на что я отозвался ему, что не пойду: это все пустое; и потом согласились оба не ходить за Муравьевым во что бы то ни стало, растался с ним, он пошел неизвестно куда, а я встретил денщика Войниловича, Михайла Козакова, на воловой подводе ехавшего, и узнав, что бумаги оставлены на квартире Войниловича, пошел и, собрав их, отнес в полковую канцелярию, где и сам остался вместе с прочими писарями по выступлении уже из Василькова рот, более ж ничего не знаю, и что тогда происходило в Черниговском полку, не мог придумать до того времяни, пока сделалось всем известным по усмирении бунтующихся рот; а до того ни от кого прежде ни о каком возмущении не слышал и сам намерения и желания к тому не имел; равно сколько экземпляров писарями было переписано катехизиса, и какое сделано из них употребление, и что в оных заключалось неизвестен, и никто мне катехизиса не читал, и был ли в то время, когда я заходил в полковую канцелярию унтер-офицер (ныне прапорщик) Василий Алексеев и музыкант Ефрем Иванов, не помню; во время ж производства о бунтовщиках следствия я был допрашиван подполковником Трухиным и штабс-капитаном Глушковым, пред коими и показал то, о чем только был спрошен. Предъявленные ж теперь мне три экземпляра катехизиса, как по почерку руки вижу, писаны один Алимпием Васильевым, а другие два Хоперским и Дмитревским, что по всей справедливости показав, подписуюсь своеручно. — Черниговского пехотного полка квартирмейстерской писарь Андрей Дементьев сын Дементьев руку приложил.

Допрашивал корпусный обер-аудитор 6 класса Григорьев.

11.

1827 года сентября 4 дня, Черниговского пехотного полка прапорщик Василий Алексеев спрашиван и показал:

Прошлого 1825-го года, декабря 31-го, пред выступлением Муравьева-Апостола с бунтующими ротами из города Василькова, я, по бытности тогда унтер-офицером, находился в полковом штабе вместе с полковыми музыкантами, которых обучал и которые в то время все без исключения были в школе. Вдруг часу около первого пришедший офицер Кузьмин с конвойными солдатами и двумя унтер-офицерами Лазыкиным и Пучковым, взяв прежде старосту Ивана Иванова, отдал под арест, а после всех музыкантов и меня отвели на площадь к возмутителям, стоявшим в колоне;

потом приказал Муравьев бросить инструменты и взять из цейхауза ружья; то я, видя необыкновенные беспорядки и буйства пьяных солдат, разнообразно и неприлично одетых, и не постигая о намерении Муравьева, войдя с прочими музыкантами в цейхауз, но не желая вооружиться, спрятался в оном за коляскою; что увидя музыканты Ефрем Иванов и Андрей Иванов (ныне выпущенный в отставку) тоже сделали; а когда прочие музыканты из цейхауза вышли с ружьями, и Муравьев с ротами выступил из Василькова, тот час я с Ефремом Ивановым явились к маиору Трухину, коего застали в квартире его, а Андрей Иванов пошел в школу; и того ж дня, опасаясь, дабы не прислал за мною Муравьев, пошел в лазарет на койку под видом болезни и оставался до 2-го числа инваря 1826-го года, а сего числа был отправлен маиором Трухиным нарочным с конвертом к корпусному командиру в местечко Белую Церковь, отколь возвратясь в Васильков узнал о усмирении бунтовщиков. До того ж времени об оном и ни о каких злоумышленных намерениях я не знал и ни от кого не слыхал и желания к последованию за Муравьевым не имел; во время же прихода моего в цейхауз я действительно видел писаря Копачевского стоявшего у дверей (писаря же Хоперского не помню, чтобы тогда я видел его); но говорил ли Копачевский мне или музыканту Ефрему Иванову что-либо на щет Муравьева, я ничего в суетах и шуме не слышал; и есть ли он видел меня за коляскою спрятавшимся и перебиравшим ружья, то я сие делал потому только, что буде на случай вошел бы Муравьев в цейхауз и понуждал выходить, мог бы отговориться тем, что будто бы выбираю ружье, но отнюдь не с намерением последовать ему; и, после выхода из цейхауза, в канцелярию я не заходил и катехизиса мне никто не читал, и не знаю в чем заключается оной; что все по сущей справедливости показал, подписуюсь своеручно. Черниговского пехотного полка прапорщик Василий Алексеев.

Сие показание отбирал корпусный обер-аудитор 6 класса Григорьев.

12.

1827 года, сентября 4-го дня, Черниговского пехотного полка комплектный музыкант Ефрем Иванов допрашиван и показал:

Зовут меня Ефрем Иванов сын Иванов, от роду мне 32 года; грамоте не обучался; веры христианской, на исповеди и у святого причастия ежегодно бывал; уроженец Симбирской губернии Курмышского уезда села Качетовки, из солдатских детей; в службу поступил в 1812-м году, а которого месяца и числа не упомню рядовым, а помещен в музыканты в 1821-м году; на верность службы присягал; воинский устав и артикулы мне читаны были и что за какое преступление положено чинить, знаю, под судом ни за что не бывал. В 1825-м году, когда случилось от служившего в полку подполковника Муравьева-Апостола с офицерами возмущение, я, в то время находясь в полковой штаб-квартире городе Василькове в музыкантской школе, видел происходивший от солдат беспорядок и буйство, а на другой день, то-есть 31-го числа, выгнаты были все музыканты пришедшими от Муравьева офицером и унтер-офицерами Лазыкиным и Пучковым (которые после были под судом и наказаны), взяты под арест, а после по приказанию Муравьева, велено всем бросить инструмент, взять ружья в цейхаузе, куда по приходе я и унтер-офицер Василий Алексеев (кой ныне прапорщиком) успели в то время скрыться за коляскою и наконец, когда Муравьев выступил часов в 12-ть дня из Василькова, мы тот час явились к подполковнику Трухину, оставшемуся на месте, а потом я часу в четвертом по полудни придя

обратно к цейхаузу за своим кивером, увидев писаря Хоперского, спрашивал, что такой за беспорядок в полку; то он мне отвечал — не знает, что такое значит, и не говорил притти в канцелярию и посмотреть, что Муравьев пишет, и я не ходил в оную, и он, Хоперский, мне не читал никакого катехизиса, и не знаю, что то за катехизис. После того я за болезнею от перепуга отправлен с известием в полковой лазарет и чрез некоторое время, когда производилось в местечке Белой Церкве следствие над бунтовщиками, был допрашиван в полковой канцелярии по приказанию подполковника Трухина о том, каким образом остался на месте, и показал справедливо, как что со мною происходило, без малейшей утайки, ибо я никакого желания и участия следовать за Муравьевым не имел и уклонился, как выше показал, от зловредных его действий; в чем и ныне, по сущей справедливости показуя, подписуюсь. Черниговского пехотного полка комплектный музыкант Ефрем Иванов сын Иванов, а вместо его неграмотного (за неумением грамоты) штаба 3-го пехотного корпуса писарь Михайла Четыркин руку приложил.

Допрашивал корпусный обер-аудитор 6 класса Григорьев.

13.

1827 года сентября 5 дня Черниговского пехотного полка унтер-офицер Давид Карлов допрашиван и показал:

Зовут меня Давид Дорофеев сын Карлов, от роду имею 40 лет, грамоте читать и писать немного умею, веры грекороссийской, на исповеди и у святого причастия ежегодно бывал; уроженец Орловской губернии, Малоархангельского уезда, села Колпинского, деревни Вишникарловой из однодворцев; в службу поступил прошлого 1807-го года, месяца и числа не упомню, прямо в Черниговской пехотной полк рядовым. Произведен унтер-офицером 1813-го года декабря 1-го. На верность службы присягал. Воинской устав и артикулы мне читаны и что за какое преступление повелено чинить, знаю; в походах и сражениях против французских войск в 1812 году находился и ранен ружейною пулею в грудь под городом Можайском в августе месяце, числа не упомню; в штрафах не бывал.

Прошлого 1825 года, декабря 30-го числа находясь я в полковом штабе по воле бывшего полкового командира подполковника Гебеля при цейхаузе, по прибытии Муравьева в город Васильков с бунтующими ротами, тот час я потребован был чрез бывшего порутчика Сухинова к нему Муравьеву, которой приказал мне непременно выдать из цейхауза для солдат и арестантов, освобожденных из под караула, нужные каждому вещи и переменить ружья, почему я на другой день, 31-го числа, выдавал всем тем нижним чинам и музыкантам, кои только приходили в цейхауз, вещи и ружья под надзором Сухинова, стоявшего почти во все время отпуска оных надо мною с обнаженною саблею и пистолетами; в которое время я никого из писарей, ни Копачевского, ни Хоперского в цейхаузе не видел и их никогда не просил помощи в записывании братых бунтовщиками вещей, а записывал оные я сам по приказанию Муравьева; равномерно не видал в цейхаузе унтер-офицера Василия Алексеева и музыканта Ефрема Иванова, разговаривавшими что-либо с оными писарями; а пред самым выступлением Муравьева с ротами из Василькова в поход пришли ко мне в цейхауз означенные унтер-офицер Алексеев, музыкант Иванов и третий с ними музыкант же Андрей Иванов, когда уже никого в цейхаузе не было, просили спрятать их в оном в отклонении от похода Муравьева, и чтобы не были взяты злоумышленниками Сухиновым и Щипилою, разъезжавшими по городу;

почему я, спрятав их в цейхаузе в разные места и запер[ев] оной, отошел прочь, а когда уже совсем вышел Муравьев, выпустил их и приказал итти в лазарет на койки, более ж ничего не знаю и прежде вступления Муравьева в Васильков о намерении возмутителей не был известным и ни от кого не слышал и сам последовать за Муравьевым желания не имел, хотя меня и приглашал офицер Бестужев итти с ними, однако ж я не согласился, отговариваясь занятием в цейхаузе; где же в то время были писаря и чем занимались, я совершенно неизвестен, и с писарем Копачевским увиделся тогда уже, когда по усмирению бунтовщиков штабс-капитан Павлов переписывал с ним Копачевским в цейхаузе вещи забратые последователями Муравьева; что все по сущей справедливости показал и подписуюсь своеручно.

Черниговского пехотного полка унтер-офицер Давыд Дорофеев сын Карлов руку приложил.

Допрашивал корпусный обер-аудитор 6 класса Григорьев.

14.

Секретно.

От Киевского гражданского губернатора.
20 августа 1827.
Киев.
№ 7866-й.

Командиру 3-го пехотного корпуса господину генерал-от-инфантерии и разных орденов кавалеру Александру Яковлевичу Рудзевичу.

В следствие почтеннейшего отношения ко мне вашего высокопревосходительства за № 5-м, о доставлении сведения, откуда получены мною и где отысканы упомянутые в оном два экземпляра возмутительного катехизиса,— чинима была по делам выправка, по которой оказалось, что по принятым со стороны гражданского начальства тотчас после происшедшего в г. Василькове мятежа в Черниговском пехотном полку, — мерам к отысканию экземпляров появившегося в то время возмутительного катехизиса и строгому примечанию, не появятся ли таковые где-либо, — один экземпляр сего катехизиса киевский земский исправник, в бытность его 1-го генваря, 1826 года в Василькове, увидел у полкового адъютанта (не желавшего соучаствовать с злоумышленниками и укрывавшегося от них в доме городничего) и, взяв под предлогом любопытства прочесть, удержал неприметным образом у себя; — три экземпляра, подброшенные в Киеве из числа мятежников прапорщиком Мозалевским с четырьмя нижними чинами, отысканы: первый того же 1-го генваря на улице двумя мастеровыми суконной фабрики здешнего приказа общественного призрения, представившими оный тот же час по команде, — другой 2-го числа, частным приставом Новаковичем в доме киевского мещанина Горбиковского, которого сын подняв оный на улице у ворот дома мещанина Бреславского и по возвращении домой увидев в начале написанные слова: «Во имя отца, и сына, и святого духа»... и не читав далее, ибо бумага была чрезвычайно измочена дождем, отдал своему отцу, неумеющему читать, а сей думая, что это молитва, положил за образ, где экземпляр сей и лежал до тех пор, пока частный пристав, узнав, что была поднята какая-то бумага, пришел и взял оный оттуда; и третий 3-го числа того ж генваря, киевским полициймейстером в переулке близ самой дороги также весьма измоченный и совсем измятый, — а сверх того еще один экземпляр найден 6-го того ж генваря заседателем Васильковского нижнего земского суда в селении Пологах у священнического сына,

чиновника 12-го класса Левицкого, оставленный бывшим подполковником Муравьевым во время перехода чрез то селение при ночлеге у тамошнего церковного старосты. — Из числа сих экземпляров два киевским полициймейстером для доставления к бывшему г. командиру 4-го пехотного корпуса князю Щербатову, по требованию коего о подброшенных Мозалевским катехизисах розыскание производилось, вручены тогда же бывшему начальнику штаба, того корпуса генерал-маиору, что ныне генерал-лейтенант, Красовскому, — один представлен от меня 4-го генваря 1826 года к г. управляющему министерством внутренних дел, а остальные за тем два, оставшиеся впредь до разрешения его высокопревосходительства у меня, — представлены от меня 19-го июня сего 1827 года не г. начальнику главного штаба его императорского величества, а г. военному министру, в следствие предписания его ко мне от 14 генваря 1826 года, с изображением в оном высочайшего его императорского величества повеления о употреблении возможнейших мер к отысканию всех возмутительных катехизисов, разбросанных по Киевской губернии и присылке их к нему последовавшего. —

О чем всем имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, долгом поставляю присовокупить, что кроме сего четыре экземпляра того катехизиса найдено было в числе бумаг Муравьева-Апостола, отобранных у дворового его человека Масленникова, которые вместе с сим Масленниковым переданы тогда же в ведомство военного начальства. Более же таковых экземпляров по всем розысканиям в здешней губернии до сих пор нигде не оказывается, а к наблюдению впредь приняты должные меры; —и что сколько припомнить могу, все бывшие у меня экземпляры того катехизиса писаны почерками, сходственными с получаемыми до того от Черниговского пехотного полка бумагами, а потому и полагать можно, что оные экземпляры писаны полковыми писарями.

Губернатор Ковалев.

15.

[Черновой отпуск отношения главнокомандующего 1-ю армиею начальнику главного штаба].

№ 37
4 марта 1828.

Секретно.

Милостивый государь, граф Иван Ивановичь.

В следствие распоряжений известных вашему сиятельству из донесения начальника главного штаба высочайше вверенной мне армии от 31-го июля 1827 года за № 82-м, касательно количества переписанных писарями Черниговского пехотного полка: Патутовым, Щелкалиным, Васильевым, унтер-офицерами: Дмитревским и Шевелем и рядовыми: Хоперским и Болякиным, экземпляров возмутительного катехизиса и о распространении оных, командир 3-го пехотного корпуса генерал-от-инфантерии Рудзевич представил отобранные им от оказавшихся в Черниговском пехотном полку налицо из числа означенных перепищиков, бывших баталионных писарей (ныне рядовых): Щелкалина, Васильева, Хоперского и Болякина и от доставленного от гражданского начальства находящегося в отставке на жительстве в городе Василькове из дворян унтер-офицера Шевеля показания и взятые от начальника штаба упомянутого корпуса и киевского гражданского губернатора объяснения. По рассмотрении сих бумаг и

в последствии чрез генерала ж Рудзевича истребованных дополнительных сведений и донесений полкового аудиториата оказалось:

С 30-го на 31-е декабря 1825 года ночью, как показывает рядовой Хоперский, присланные в полковую канцелярию от Муравьева-Апостола три солдата, взяв его, Хоперского, и унтер-офицера Дмитревского, привели к нему Муравьеву, который и заставил их писать катехизис, диктуя попеременно с Бестужевым с бумаги, писанной, как он заметил, на иностранном диалекте и во многих местах перечерненной. Когда ж они окончили, то Муравьев-Апостол, написанной Дмитревским оставил у себя, а написанной им, Хоперским, отдал ему и, приказав к 8-ми часам утра написать таковых д в е н а д ц а т ь экземпляров, отпустил их за конвоем же. В следствие чего 31 по утру он, Хоперский, Дмитревский, Патутов, Шевель, Болякин, Васильев и Щелкалин написали одиннадцать экземпляров, которые и отданы Муравьеву-Апостолу. Написанной же им в квартире Муравьева-Апостола черновой отдал он, Хоперский, по выступлении Муравьева из Василькова полковому адъютанту порутчику, что ныне штабс-капитан, Павлову.

Рядовые Черниговского пехотного полка: Щелкалин, Васильев, Болякин и отставной унтер-офицер Шавель об участии их в переписке катехизиса и количестве написанных экземпляров показание Хоперского подтверждают; остальной же перепищик того катехизиса полковой писарь Патутов, уволенной в отставку Вятской губернии в город Слободск, генералом Рудзевичем спрашиван не был. Но показание его, равно и показание наказанного по суду и отправленного в Кавказский корпус бывшего унтер-офицера Дмитревского, имеющиеся при деле в полевом аудиториате, относительно переписки ими катехизиса, так и количества написанных экземпляров, согласны с показанием рядового Хоперского. Штабс-капитан Павлов объяснил, что рядовым Хоперским, действительно, был доставлен ему в показываемое им время экземпляр возмутительного катехизиса, который от него, Павлова, тогда же взят киевским земским исправником Яниковским для представления начальству.

Полевой аудиториат донес, что из переписывавших тот катехизис предан был суждению один только унтер-офицер Дмитревский по той причине, что он помянутой катехизис не только с слов Муравьева-Апостола и Бестужева писал, но и последовал за мятежниками, не взирая на то, что он из сего ясно мог видеть злодейские их замыслы, за что по сентенции военного суда и приговорен был к смерти. Прочие ж, употребленные Муравьевым к той переписке писаря: Патутов, Щелкалин, Васильев, унтер-офицер Шевель и рядовые: Хоперский и Болякин потому, что они по представленным генерал-лейтенантом Ротом разрядным спискам с прочими показаны были несогласившимися на приглашение его, Муравьева, к бунту и оставшимися при возмущении мятежных рот в городе Василькове, суду преданы не были и по сей причине на щет их поступков никакого заключения не учинено. Начальник же штаба 3-го пехотного корпуса, генерал-маиор князь Горчаков объясняет, что генерал-лейтенант Рот показал упомянутых людей в сем разряде на основании донесения генерал-маиора Курносова, который при производстве следствия и рассортировке людей по разрядам, нашел, что они не согласились итти с Муравьевым.

Относительно количества отысканных экземпляров катехизиса Киевский гражданский губернатор уведомил: один экземпляр киевским земским исправником Яниковским взят, как выше упомянуто, в Василькове у полкового адъютанта Черниговского пехотного полка Павлова; три экземпляра подброшенных в Киеве прапорщиком Мозалевским и нижними чинами, —

один экземпляр найден заседателем васильковского нижнего земского суда в селении Пологах у священнического сына, чиновника 12 класса Левицкого. Из числа ж сих экземпляров: два киевским полициймейстером вручены начальнику штаба 4 пехотного корпуса генерал-маиору Красовскому; один доставлен им, гражданским губернатором, управляющему министерством внутренних дел, а остальные два представлены военному министру. Кроме сего четыре экземпляра найдены были в числе бумаг Муравьева-Апостола, отобранных у дворового его человека Масленникова, которые васильковским нижним земским судом 10-го генваря 1826 года переданы командовавшему Черниговским пехотным полком маиору, что ныне подполковник, Трухину. Более же таковых экземпляров, как удостоверяет киевский гражданский губернатор, по всем розысканиям в Киевской губернии нигде не оказывается, а к наблюдению впредь приняты должные меры.

Хотя упоминаемые киевским гражданским губернатором два экземпляра катехизиса, доставленные генерал-маиору, что ныне генерал-лейтенант, Красовскому предписано было отослать для сличения руки к генерал-лейтенанту Роту, но по делам видно, что к нему отослан только один экземпляр, а другой тогда же истреблен генералом Красовским. Означенной же отосланной к генерал-лейтенанту Роту экземпляр оказался при секретных делах 3-го пехотного корпуса в целости. Что ж касается до четырех экземпляров, бывших по удостоверению киевского гражданского губернатора в бумагах, отобранных у дворового человека Масленникова, то оных по описи бумаг, переданных васильковским земским судом маиору, что ныне подполковник, Трухину, не значится; однако ж киевский гражданский губернатор утверждает, что между сих бумаг те четыре экземпляра действительно находятся. Начальник же штаба 3-го пехотного корпуса рапортом от 1-го сентября минувшего 1827-го года донес генералу-от-инфантерии Рудзевичу, что сколько он может припомнить, то между найденных генерал-маиором Гейсмаром при прекращении бунта и представленных маиором Трухиным бумаг Муравьева-Апостола было и несколько экземпляров катехизиса. — Бумаги сии по получении от генерал-лейтенанта Рота препровождены от меня к вашему сиятельству при отношении от 18-го генваря 1826 года за № 109-м.

Генерал-от-инфантерии Рудзевич, представляя два экземпляра катехизиса, доставленные ко мне вашим сиятельством при отношении от 16-го июля 1827 года за № 778, которые к нему были посыланы для сличения руки, и вышеупомянутый экземпляр, оказавшийся при делах 3-го пехотного корпуса, донес, что один из первых двух, переписан бывшим унтер-офицером Дмитревским, в последствии по суду наказанным и отправленным в Кавказский корпус, другой рядовым Хоперским, а последний рядовым Васильевым.

По подробном и внимательном рассмотрении обстоятельств сего дела, я находя, что Черниговского пехотного полка полковой писарь Патутов, унтер-офицер Шавель, бывшие баталионные писаря (ныне рядовые) Щелкалин, Васильев, Хоперский и Болякин, хотя и переписывали по приказанию Муравьева-Апостола возмутительный катехизис, но усмотрев из оного злое намерение Муравьева-Апостола за ним не последовали, а остались в Василькове и сим самым совершенно себя оправдав на основании высочайшего разрешения, сообщенного мне вашим сиятельством в отношении от 6-го февраля 1826 года за № 369-м, поступили в новой состав Черниговского пехотного полка,—предписал генералу-от-инфантерии Рудзевичу, из числа сих людей, рядовых Щелкалина, Хоперского, Васильева и Болякина и унтер-офицера Шевеля, которые при настоящем розыскании о пере-

писке того катехизиса взяты были под арест, из-под оного освободить и первых четырех обратить по прежнему в Черниговский пехотный полк на службу, — а унтер-офицеру Шевелю, как уволенному в отставку, дозволить возвратиться в место своего жительства город Васильков. Равномерно уволенного так же в отставку писаря Патутова, оставить на месте его жительства Вятской губернии в г. Слободске.

Имея честь уведомить о сем, в следствие отношения вашего сиятельства от 16-го июля 1827 года за № 778-м, для доклада государю императору препровождаю при сем полученные мною при упомянутом отношении вашем два экземпляра возмутительного катехизиса и один экземпляр того ж катехизиса, представленный генералом-от-инфантерии Рудзевичем, из коих на каждом означено, которой кем из писарей Черниговского пехотного полка переписан.

С истинным почтением имею честь быть

4 марта 1828.
Г. Могилев Белорус.
Его Сия-ву г. И. И. Дибичу.

II. Материалы дознания о «поступках Черниговского пехотного полка полкового священника Даниила Кейзера».

1.

1826 года генваря 22 дня в присудствии васильковского городничего васильковской инвалидной команды порутчик Антон Терпиловский на щет действия Черниговского пехотного полка полкового священника Даниила Кейзера во время происходившего в том полку мятежа спрашиван и объяснил.

Он, Терпиловский, при выступлении Черниговского пехотного полка с города Василькова 31 числа декабря 1825 года, с любопытства подойдя к собравшемуся на площади Черниговскому пехотному полку, видел, что полковой священник Даниил Кейзер в кругу того полка отправлял молебствие. Вкратце, не поминая царей и далее пропев молитву «ц а р ю н е б е с н ы й», сказав за православных христиан и воинство, читал какую-то особенного сочинения бумагу, называемую катихизисом. Тут Муравьев-Апостол кричал, сидя на лошади верхом, что царей нет, а только это одни выдумки, ребята, а только есть царь небесный и Исус Христос. Продолжая далее, говорил, что кто ему изменит, то будет проклят. Нижние чины отзывались: «Рады стараться до последней капли крови». Велел кричать ура и три раза таким образом закричали. Он же, Терпиловский, стоявши тут в отдаль круга, не имел к тому никакого влияния, находился в шапке, но солдат 2-й гренадерской роты, по имени и прозванию ему неизвестный, прицелясь спрашивал, кому они присягают; но он, видивши его в таком виде, удалился между стоявший народ. По окончании всего того, священник Кейзер ушел с дьячками на квартиру, и тот солдат ходя кричал, что теперь вольность.

Что справедливо объяснил в том и подписался порутчик Т е р п и л о в с к и й.

2.

1826-го года генваря 22-го дня, в присудствии Черниговского пехотного полка подполковника и кавалера Трухина, маиора Козлова

и васильковского городничего коллежского советника Девилгерса, того ж полка церковник Дмитрий Аверьянов сын Красков, допрашиван и показал:

Звать меня, как выше значит, от роду имею 34 года, веры христианской, на исповеди и у святого причастия ежегодно бываю, грамоте умею, в службу его императорского величества вступил 815 [года] декабря 15-го; Нижегородской губернии Сергачского уезда села Варемы из церковников.

30-го декабря прошлого 1825 года, по прибытии Муравьева в г. Васильков с двумя бунтующими ротами, я находился в квартире моей и ничего о прибытии его совершенно не знал, 31-го же числа того ж месяца я, придя в квартиру полкового священника, узнал, что подполковник Муравьев-Апостол требует священника к себе в квартиру, куда он вскоре и пошел; возвратившись же от него объявил, что Муравьев подарил ему денег двести рублей; потом он пошел к васильковскому экспедитору, где и купил брычку за 70-ть рублей; по возвращении ж обратно, я послан был от него к Муравьеву для узнания, встал ли он, но в квартиру его не был впущен.

После же сего, по извещении священника о готовности полка унтерофицером в боевой аммуниции (коего имя не упомню), я пришел с священником к квартире Муравьева, где, увидя его, священник спросил, что прикажет служить, получивши же в ответ от Муравьева, что бы исполнено было что-нибудь покороче в отправлении молебна, священник и другой церковник Иван Ахлестин, пропели «царю небесный», начальную молитву и по трисвятом тропарь Рождества Христова и кондак; по окончании сего подан был священнику подпорутчиком Бестужевым какой-то катихизис, который и читан им был пред собравшимися бунтующими ротами. Содержание сего катихизиса я вполне не упомню, слышал только, что читано было, что царей земных не должно быть, и что их поминать в церкве велят единственно для обмана народа.

По исполнении же подполковник Муравьев-Апостол приказал священнику, дабы он с ним отправился; когда же сей последний отзывался ему неготовностию, то он и приказал догнать полк на другой день в местечке Бышеве, оставив в г. Василькове при церкве одного церковника. Солдатам же говорил Муравьев следующее: «Ребята! будьте верны и служите одному царю небесному, то-есть Иисусу Христу! Тот же, кто изменит или от меня отстанет, будет анафима проклят», потом скомандовал и пошел в поход. Мы же с полковым священником пошли в квартиру его и потом, по выступлении Муравьева, священник ходил к г. маиору (что ныне подполковник) Трухину, и спрашивал от него совета, что ему делать: исполнять ли приказание Муравьева, или остаться в г. Василькове, который ему и советывал остаться при церкве. Священник же Кейзер, боясь Муравьева-Апостола, не ночевал как ту ночь, так и последующие две на своей квартире, оставляя меня на оной, днем же всегда ходил около полковой церкви; в квартире же своей бывал очень редко и тайно, что справедливо показал, то утвердить могу присягою, в чем и подписуюсь.

Черниговского пехотного полка церковник Дмитрий Аверьянов сын Красков.

Допрашивал за аудитора Черниговского пехотного полка полковой писарь Патутов. При снятии сего допроса присудствовали: подполковник Трухин, маиор Козлов, городничий Девилгерс. Васильковский поветовый протоиерей депутат Михаил Помян-Кашинский.

3.

1826 года генваря 22 дня в присудствии Черниговского пехотного полка подполковника и кавалера Трухина, маиора Козлова, и васильковского городничего коллежского советника Девилгерса того ж полка церковник Иван Алексеев сын Ахлестин допрашиван и показал:

Звать меня, как выше значит, от роду имею 28 лет, веры христианской, на исповеди и у святого причастия ежегодно бываю, грамоте умею, в службу его императорского величества вступил в 823 маия 1-го; Пензенской губернии Саранского уезда села Архангельского Галицына, из церковников.

30-го числа декабря 1825 года, по прибытии Муравьева в г. Васильков с двумя бунтующими ротами, я находился в квартире моей и ничего о прибытии его совершенно не знал; 31-го же числа того ж месяца, я, придя в квартиру полкового священника, узнал, что оный был в то время у подполковника Муравьева-Апостола. Спустя не более получаса я дождался и возвращения священника, который говорил мне, что Муравьев-Апостол подарил ему денег, сколько же оных подарено было, я не знаю, видел только что священник развертывал несколько белых ассигнаций; потом он пошел к васильковскому экспедитору, где и купил брычку за семьдесят рублей; по возвращении же обратно в квартиру священника, я послан был от него к Муравьеву-Апостолу для узнания, что надобно имянно служить; почему, придя в квартиру его, мне говорил полковой казначей порутчик Сизиневский, чтоб как наискорее пришел в квартиру Муравьева полковой священник для исправления молебна; бывший же в то время там Полтавского пехотного подпорутчик Бестужев добавил, что надобно будет читать и православный катихизис. По объявлении чего полковому священнику, он послал меня в церковь для взятия креста, эпитрахили и церковного катихизиса; по принесении чего, я был вторично им, священником, послан к Муравьеву для узнания, скоро ли надобно служить молебен, где Сизиневский вторично сказал мне, надобность будет в священнике чрез полчаса; после чего по извещении его о готовности полка унтер-офицером в боевой аммуниции (коего имени я не упомню), я пришел вместе с священником к квартире Муравьева, где, увидя его, священник спросил, что прикажет служить; получив же в ответ от Муравьева, чтобы исполнено было, что-нибудь покороче в отправлении молебна, священник, я и другой церковной служитель Дмитрий Красков, пропели «царю небесный», начальную молитву, и по трисвятом тропарь Рождества Христова и кондак; по окончании чего, подан был священнику подпорутчиком Бестужевым какой-то катихизис, который и читан им пред собравшимися бунтующими ротами; содержания сего катихизиса я вполне не упомню, слышал только, что читано было, что царей земных не должно быть, и что их поминать в церквах велят единственно для обмана народа. По исполнении же сего подполковник Муравьев-Апостол приказал священнику, дабы он с ним отправился; когда ж сей последний отзывался ему неготовностью, то он и приказал догнать полк на другой день в местечке Бышеве, оставив в городе Василькове при церкве одного церковника.

Солдатам же говорил Муравьев следующее: ребята, будьте верны и служите одному царю небесному, то-есть Иисусу Христу. Тот же, кто изменит или от меня отстанет, будет анафимо проклят; потом скомандовал и пошел в поход, мы же с полковым священником пошли в квартиру его, что справедливо показал, то утвердить могу присягою. Сверх сего добавляю, что священник Кейзер, по выступлении Муравьева с бунтующими ротами, ходил к г. маиору (что ныне подполковник) Трухину и спрашивал от него

совета, что ему делать: исполнить ли приказание Муравьева или остаться в г. Василькове, который ему и советывал остаться при церкве. Священник же, остановясь и после сего в нерешимости, посылал меня к полковому адьютанту порутчику (что ныне штабс-капитан) Павлову 1-му, для узнания, где ему надобно быть, от которого также получил ответ, чтоб остаться в г. Василькове, по объявлении чего священнику, он, боясь Муравьева-Апостола, не ночевал как ту ночь, так и последующие две на своей квартире, днем же всегда ходил около полковой церкви и в квартире своей очень редко и тайно бывал, в чем подписуюсь.

Черниговского пехотного полка церковник Иван Алексеев, сын Ахлестин.

Допрашивал за аудитора Черниговского пехотного полка полковой писарь Патутов.

При снятии сего допроса присудствовали: подполковник Трухин, маиор Козлов, городничий Дивильгерс. Васильковский поветовый протоиерей депутат Михайло Помян-Кашинский.

4.

Показание.

Черниговского пехотного полка полковому священнику Даниилу Кейзеру.

Генваря 23 дня 1826 года.

По высочайшей воле, объявленной мне предписанием командира 3 пехотного корпуса господина генерал-лейтенанта Рота, от 19 генваря за № 131-м велено произвесть строжайшее исследование на щет поступков вашего привелебия [sic!]. По производимому ж до сего следствию о возмущении Черниговского пехотного полка, из показаний нижних чинов 5-й мушкатерской роты и других, открылось: что вы пред выступлением из Василькова мятежника подполковника Муравьева с возмущенными ротами на площади оного читали катихизис, а также по показанию оной же роты рядового Ивилия Стрелгилова видно, что при окончании вами молебна, он слышал произнесение вами слов анафима. А в отобранных от состоящих при вас двух церковных причетников: Краскова и Ахлестина (при депутате с духовной стороны васильковского

31-го числа декабря прошлого 1825 года я находился в своей квартире, куда, прийдя ко мне, 2-й гренадерской роты унтер-офицер Григорий Попов часу в одиннадцатом пред обедом, объявил мне словестно приказание подполковника Муравьева-Апостола, дабы я тотчас шел к нему в квартиру с крестом для служения молебна, где читать будут и катихизес. Почему я, быв объят величайшим страхом, как и протчие городские жители прихода Муравьева 30-го декабря в город Васильков, не знал к кому прибегнуть для защиты, приказания и совета, не смел уже ослушаться и послал находящегося при мне дьячка Ивана Охлестина в полковую церковь для взятия молебной книжицы и сокращенного печатного катехизеса, и когда оной дьячок возвратился ко мне с вышеупомянутыми книгами, то я пошел с причетом в квартиру Муравьева, где находилось довольно офицеров, но по недавнему моему определению в полк того ж года октября 22-го числа и отсудствия из оного с позволения полкового командира в ноябре месяце 17-го числа в домовой отпуск, где пробыл до 24-го декабря, я не только офицеров не знал, но даже и самого Муравьева в первой раз

поветового протоиерея Михаила Помян-Кашинского) допросах значится: что когда вы 31 числа декабря пришли от Муравьева в квартиру свою, объявили, что Муравьев подарил вам денег двести рублей; потом вы, пойдя к васильковскому экспедитору, купили бричку за семьдесять рублей; а по возвращении вашем обратно от Муравьева вы посылали их для узнания, встал ли он, и что надобно служить, а потом вы прийдя к Муравьеву, спросили, что прикажет отслужить; на что Муравьев сказал: «что-нибудь покороче», и при окончании молебна вам подан подпорутчиком Бестужевым какой-то катихизис, которой вами и читан был пред бунтующимися ротами. Содержание ж его, сколько они припомнят, что царей земных быть не должно, и что их поминать в церквах велят единственно для обмана народа. По исполнении ж всего Муравьев сказал вам отправиться с ним. А сверх сего и васильковской инвалидной команды порутчик Терпиловский и подпорутчик Клейменов, коллежский секретарь Чекирский и титулярный советник Виголянский и несколько человек жителей подтверждают даже и о том, что Муравьев дал вам денег на кибитку.

При следствии ж о возмущении Муравьевым 6-ти рот Черниговского полка уже открыт вышеупомянутый катихизис и представлен главному начальству в рассмотрение, то содержание его, вам известное, совершенно обнаружено, в чем заключался оный, а потому имеете ваше привелебие [sic!] дать надлежащее объяснение с тем, что следовали ль вы с мятежниками в поход от роду увидел, которой мне приказал никуда от него не отлучаться из квартиры, где я стоял у порога с пол-часа пред ним и находившимися офицерами; тогда подойдя ко мне из оных какой-то офицер, спросил у меня, совсем ли я готов. На что я ему отвечал: «Молебная книжица и сокращенной печатной катехизес у меня есть», но тот же офицер, взяв у дьячка сказанной катехизес, развернул и сказал, что у нас есть свой писанной катехизес, в то время Муравьев, переменив свое слово, сказал мне, что молебна служить не надобно, а что-нибудь покороче, тогда я видя такое странное дело, хотя и не разумел, что они между собою по-французски разговаривали, но усмотрев на столе несколько пистолетов заряженных, часовых в комнате и на дворе с заряженными ружьями, испугался, а более тогда, как мысленно полагал оттуда выйти, но не осмелился потому, что часовые не допустили бы по его приказанию. А как Муравьев уже надел на себя род армянской шапки и шарф, отходя с своими офицерами к построенным на площади ротам, приказал мне вместе с ним же итти туда, где он подъехал верхом к фронту, скомандовал, и нижние чины составили круг. А офицеры, выйдя на средину с заряженными пистолетами, а некоторые с кинжалами, окружили меня; тогда я по приказанию Муравьева, надев на себя ризы, с причетом пропел «Царю Небесный», «Отче наш», тропарь и кондак храмового полкового праздника, а более ничего по положению уставному не делал; и потом какой-то офицер, дав мне в руки писанную бумагу, которую я прежде никогда не видал и никогда не слыхал, что именно в ней было написано, ибо тот или другой офицер, стоя за мною, читал наизуст оную, а я, будучи в так необыкновенном страхе, принужден был повторять ее, не помня, что в ней содержалось; но, наконец, по приказанию Муравьева пели многие лета за всех православных христиан, и произносил ли я притом уже какие другие слова, совершенно не помню. Относительно ж показания церковниками моими, что я пришедши от Муравьева в свою квартиру говорил, что Муравьев подарил мне двести рублей,

добровольно, или принужденно до селения Мотовиловки и далее, а, наконец, отколь возвратились в Васильков, или только ездили к нему в Мотовиловку тайно, ибо из показаний церковников видно, что после выступления Муравьева с ротами в поход, вы не ночевали, как ту ночь, так и последовавшие две ночи на своей квартире.

Показание отбирал обер-аудитор 6 класса Григорьев.

я точно им говорил сие и, показывая, что по новости моей в полку и совершенной бедности, он мне дал оные, дабы я мог сколько ни есть исправиться с семейством и следовать в поход; но однако, я за всем тем, отпросясь у него для распоряжения моего семейства, не послушал того исполнить, а оставался с причетниками в городе Василькове при полковой церкве, для целостного сохранения оной. Что ж касается до показания находящихся при мне церковников, что я не ночевал на своей квартире, то действительно, опасаясь Муравьева, не находился одну ночь в оной, а ночевал с церковником Ахлестиным в его квартире в одной комнате. Прочие же дни и ночи проводил в своей квартире без отлучки, в чем могут посвидетельствовать хозяин Стефан Тараненко с женою, сын их Иван и другие домашние, что все показуя по званию моему и присяжной должности, естьли бы впредь надобность была о вышеписанном утвердить присягою могу, и подписуюсь.

К сему показанию Черниговского пехотного полка полковой священник Даниил Кейзер руку приложил. При сем присудствовали: генерал-маиор Курносов. С духовной стороны депутат местечка Белой Церкви Свято-Николаевской церкви священник Антоний Павловский.

III. Протокол допроса штаб-ротмистра Ушакова, проезжавшего через г. Васильков во время восстания.

1826-го года генваря 27 дня по воле г-на главнокомандующего 1-ю армиею, объявленной начальником главного штаба армии в отношении от 22-го генваря за № 120-м на имя командира 3-го пехотного корпуса последовавшем, гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистр Ушаков, в присудствии Мариупольского гусарского полка маиора Ржундковского был вспрашиван и показал.

Вопросы.	Ответы.
Из доставленного господину главнокомандующему армиею от командира 3-го пехотного корпуса, показания Сергея Муравьева - Апостола видно: что вы во время мятежа проезжали чрез с. Ва-	

сильков и, быв захвачены солдатами, приведены были к Муравьеву и им отпущены. — Почему имеете объясниться в следующем:

1-е.

Зачем и каким образом вы заехали в Васильков?

На первый.

Будучи я командирован полковым командиром г. полковником Бринкеном Полтавской губернии в Роменской повет на Камарской конной завод, принадлежащий помещику Почеки-Тарнавскому, для осмотра на оном годных в ремонт лошадей и исполнив сие препоручение, возвращался в полк с крепостным моим человеком Петром Филатьевым. 30-го декабря прошлого 1825 года вечером в часу девятом, при въезде в г. Васильков вспрошен стоявшим у заставы на часах солдатом, кто едет? Почему я, объявивши мой чин и фамилию, поехал на почтовую станцию для перемены лошадей, куда вскоре вошел Черниговского пехотного полка рядовой, по имени и прозванию мне неизвестной, и вторично спрашивал — кто едет? В ответ на то, я и станционной смотритель объявили ему, что возвращается к своему полку, ездивший за ремонтом гусарского принца Оранского полка штабс-ротмистр Ушаков; при чем когда я спросил того солдата для чего ето ему нужно знать, то он сказал, что ему о том приказано от начальства, и потом вышел. Не удовольствовавшись таковым ответом, я спрашивал станционного смотрителя, для чего так расспрашивают, и зачем стоит у заставы караул, которого прежде, проезжая чрез Васильков, я не видел; однако и от него не получил удовлетворительного ответа, кроме что сказал: Бог знает, что делает подполковник Муравьев. После сего сказали мне, что лошади готовы и я, севши в сани, выехал [со] станции, но немного отъехавши от оной, был вновь остановлен солдатами — сколько же их было по темноте ночи не приметил, — которые объявили мне, что никого пропущать не приказано, и что мне непременно должно явиться к полковому командиру, и когда я спросил их о его фамилии, то они сказали, что подполковник Муравьев, и тотчас подвезли

меня к его квартире, которая находилась вблизи етого места, и я вошел в оную, а человек мой остался у саней.

2-е.

Какие вы имели с Муравьевым разговоры, и не делал ли он вам каких-либо предложений?

На второй.

Когда я вошел к Муравьеву, то он сначала расспрашивал меня, откуда и куда я еду, потом осматривал мои бумаги и подчивал меня чаем, и между протчим он и бывший у него (как я узнал) брат его и подпорутчик Бестужев говорили, что Черниговской пехотной [полк] возмущен, что полковник Гебель при возмущении ранен штыком, что Муравьева велено было взять, но он посланного за ним курьера задержал, что они хотят требовать конституции, и что как гусарский принца Оранского полк по расположению квартер ближайший к ним, то вероятно будет прислан для усмирения их, добавив при том, что он полагает, что когда узнают цель их, то может быть и все согласятся последовать им. Я же, опасаясь быть от них задержанным и избегая всякой другой для себя неприятности, им не противоречил. Сверх того читали какую-то бумагу, которую называли они катихизисом, заключающую в себе противное правительству, и предлагали мне ее взять; но в ето время ударили повестку вечерней зари, которую они сочтя за тревогу, вышли все для узнания, от чего оная произошла, взявши с собою пистолеты, и потом, вскоре возвратясь, говорили, что ето заря, после чего не возобновляли уже разговора, и я просил позволения ехать, на что и получа их согласие, тотчас выехал из Василькова. Сверх же вышеизъясненного Муравьев никаких предложений мне более не делал.

3-е.

Кого именно вы у Муравьева видели, и что слышали?

На третий.

У Муравьева в то время были, как во втором пункте упомянуто, брат его и подпорутчик Бестужев и приходил на короткое время неизвестный мне офицер и говорил с Муравьевым, но о чем я не слыхал и сей час же вышел. Его, как мне кажется, видел я в деревне Трилесье лежащего убитым вместе с протчими; более никого у Муравьева я не видал и ничего кроме объясненного во втором пункте не слыхал.

4-е.

По выезде из Василькова, объявили ль вы тотчас ближайшему военному начальству о всем, что там случилось?

На четвертой.

По выезде из Василькова, проезжая той же ночи местечко Белую Церковь, в котором находится дивизионная квартира 9-й пехотной дивизии, я не счел нужным объявлять об означенном происшествии дивизионному начальнику той дивизии генерал-маиору Тихановскому, потому что смотритель Гребенской почтовой станции мне сказывал, что генералу о возмущении Черниговского пехотного полка уже известно и что он проезжал чрез упомянутую станцию к Василькову, но неизвестно по какой причине возвратился. По прибытии же в полк тот час объявил об оном происшествии полковому командиру г. полковнику Бринкену, а потом корпусному командиру господину генерал-лейтенанту Роту в проезд его превосходительства того ж числа чрез город Сквиру.

5-е.

Не были ль вы напред сего с означенным Муравьевым-Апостолом и сообщниками его знакомы, или каких либо связей?

На пятый.

Прежде сего как подполковника Муравьева, так и протчих не знал, подпоручика же Бестужева случилось мне видеть один раз, знакомства же и связей никаких с ним не имел.

6-е.

В означенных ответных пунктах показали ль вы всю сущую правду и не имете ль еще чего по сему предмету показать?

На шестой.

Во всем означенном показываю сущую правду и более ничего не знаю.

Штабс-ротмистр Ушаков своеручно подписался.

При отобрании сих ответных пунктов присудствовал Мариупольского гусарского полка маиор Ржундковский.

IV. Протоколы допросов от 8-го и 10-го апреля 1826 г. рядового (разжалованного из штабс-капитанов) Черниговского пехотного полка Дмитрия Грохольского.

1826-го года апреля 8-го дня в присудствии комиссии военного суда, учрежденной по высочайшему повелению в м. Белой Церкви, подсудимый Черниговского пехотного полка 2-й мушкатерской роты рядовой Дмитрий Грохольский по священническому увещеванию допрашиван и показал.

Вопросы.

1-й.

Как тебя зовут? Чей ты сын? Сколько от роду лет? Грамоте читать и писать умеешь ли?

Ответы.

На 1-й.

Дмитрий сын Грохольский, 42-х лет, грамоте знаю.

2-й.

Какой ты веры, и ежели христианской, то когда ты был на исповеди и у святого причастия?

На 2-й.

Веры грекороссийской, на исповеди и у святого причастия был ежегодно.

3-й.

В службу его императорского величества поступил ты которого года, месяца и числа? Из какого звания и откуда уроженец?

На 3-й.

В службу поступил в 1812 году, по выпуске из дворянского полка прапорщиком в Полтавской пехотный полк. Происхожу из дворян Смоленской губернии.

4-й.

На верность службы присягал ли? Воинский устав и артикулы тебе читаны ль и что за какое преступление чинить повелено знаешь ли?

На 4-й.

Присягал, воинский устав и артикулы читал, и за преступления какие определены наказания, знаю.

5-й.

Напред сего не был ли ты за что под судом и по оному равно и без суда в каких штрафах и наказаниях?

На 5-й.

В июле месяце 1821-го года по суду разжалован из штабс-капитанов в рядовые с лишением дворянства за грубость и дерзость противу своего баталионного командира.

6-й.

По следственному делу, над мятежниками Черниговского пехотного полка произведенному, по распросам нижних чинов всех рот и по показаниям в особенности отобранным видно: что во время мятежа в городе Василькове ты находился при Муравьеве и сообщниках его, имея при себе саблю, содействовал к возмущению нижних чинов, и вместе с солдатами 2 гренадерской роты освободил содержавшихся на Васильковской гоубвахте арестантов, бил часового, сопротивлявшегося в отдаче тех арестантов, угрожая его застрелить, а 5-й роты унтер-офицер Маценко утвердительно доказывает, что ты при нем уговаривал некоторых солдат итти

На 6-й.

Подполковника Муравьева и подпоручика Бестужева-Рюмина, который почти всегда жил у Муравьева, начал я знать с 1821 года, со времени поступления моего в Черниговской пехотной полк. Нередко был я приглашаем Муравьевым, дабы бывать у него, как можно чаще и даже, естьли хочу, и всегда жить; но я оставался по прежнему на своей квартире и был вхож к нему, а более к жившему у него разжалованному из полковников рядовому Башмакову. При сих посещениях я неоднократно был подговариваем Бестужевым, Башмаковым, также адъютантом Шахиревым, порутчиками: Щипилою, Сухиновым, Кузминым и Петиным присоединиться к их обществу и следовать их намерениям. Намерения общества заключались в том, что бы сделать в государстве временное правление. О государе императоре блаженной памяти говорили: что поцарствовал до-

всем вместе; а во время похода его с возмущенными ротами был в карауле за офицера и им же Муравьевым и сообщниками его был употребляем в разные посылки с поручениями.

Хотя во всех сих поступках, не взирая на явные улики, ты сделал при следствии упорное запирательство, но комиссия военного суда еще раз предлагает тебе напамятовать свою совесть и с чистосердечным раскаянием обнаружить свои поступки, почему ответствуй по сущей справедливости: давно ли ты знаешь подполковника Муравьева и подпорутчика Бестужева-Рюмина? Не был ли ты заранее подговариваем Муравьевым или кем другим? Когда и где? И не был ли введен в заговор? И в чем заключались намерения тайного общества? Что говорено было сообщниками о государе, правительстве и о службе?

вольно, что временные государи будут лучше, что в правительстве нашем нет фундаментального устройства; с теперешними людьми и нынешним образом жизни надо учредить совсем другие законы, которые бы были кратки и вразумительны, и чтобы они хранились не в одних присутственных местах, а были бы и в каждой приходской церкви, где, естьли кому понадобятся, мог бы всякой прихожанин брать и читать. Далее, говоря о правительстве, изъясняли, что весьма бы хорошо, естьли бы у нас были одни законы, а то у нас закон на закон, и потому дела идут так медленно, а следствием того то, что гражданские чиновники обижают бедных людей; о содержании же войск говорили, что по обширности наших границ их надо иметь столько, сколько необходимо для обороны от соседственных держав и для покоя своего государства, но чтобы соблюсти вместе с тем и выгоды государственные, надобно их расположить по своим губерниям, с тем, чтобы всякой военный человек был ближе к своему семейству. Из сего будут извлекаться его выгоды и не будет портиться нравственность; а кольми паче не делать ни в каком случае запрещения жениться солдатам, чрез что прекратились бы побеги, и всякой солдат имел бы на себе чище и исправнее нижнее платье, и государству была бы большая выгода от родившихся у них детей, кои были бы самые лучшие солдаты, а чтобы служба для всякого нижнего чина была не чужда, положить срок оной не более как 15 лет. При таком содержании войск можно обойтиться и без палок; переправка казенных вещей не должна быть так часто допускаема; из этого нет никакой пользы, кроме помянутых для всех воинских чинов затруднений, они всегда в беспокойствах, ходят по дурной погоде и редко бывают на месте, а от сего следуют болезни и смертность; при том излишние ученья вовсе бы надо отменить: на все есть время, как-то весна и осень, а в летнее время, то-есть в сенокос и жатву учения вовсе бы не производить, а дать солдатам воспользоваться заработками; здесь была бы сопряжена польза солдат и жителей. Крепостные люди пусть бы и были, но надобно огра-

ничить владельцов законным правилом так, чтобы всякой из крестьян имел бы должное количество земли, собственно для себя, работы же для помещиков довольно производить два дня в неделю, а остальные пусть бы люди употребляли для себя, чрез что очевидно чернь приходила бы в лучшее состояние и ни в каком случае от своих владельцов побегу не делали и не было бы столько нерадивых и нищих; а в казенных имениях, где употребляются люди головой, который иногда бывает переменяем либо по капризам крестьян или по собственному головы произволу или по его нерадению, надобно законом определить, чтобы казенные крестьяне были управляемы нарочито определенными от правительства чиновниками, кои, конечно бы, лучшее имели попечение о всяком поле и возрасте человека, и не был бы бедный обижен богатым; для вдов, сирот и калек надлежит устроить в лучшем по возможности виде больницы и богодельни; о поселении говорили, что чем бы селить уже набранные войска, так лучше объявить некоторых жителей военными поселянами, с тем, что они чрез то избавляются рекрут и постою, а употребляемы будут тогда, когда государству вознадобятся; чрез сие избегнули бы тех неудовольствий, кои ныне между жителями и солдатами имеются, как-то в Чугуеве и других местах. Все таковые суждения в обществе происходили более по возвращении полка из лагерей из-под местечка Лещина, и однажды в ноябре месяце, как кажется, в праздник Введения, то-есть 21 числа, будучи я у подпорутчика Быстрицкого, куда пришло несколько офицеров, в числе коих и Башмаков, кои говорили между прочим, что все такие люди, каков подполковник Гебель, будут не лучше как вот этот деньщик, который на ту пору случился там быть. На другой день пришел ко мне Башмаков и порутчик Сухинов, и между разговорами говорили мне, что жизнь императора Александра скоро кончится, надо будет приступить к делу; при чем опять убеждали от них не отставать. Затем последовал манифест о смерти императора, а вслед за оным забраты бумаги подполковника Муравьева.

ные в Грузию шестые взводы. С ним был в тесной дружбе капитан Щербинский, юнкер Лекень, из коих сей последний всегда жил у подпорутчика Вадковского и вместе с ним бывал у подполковника Муравьева. Того ж 17-го егерского полка об офицере Шефлере, который теперь в корпусной или в главной квартире, барон Соловьев нередко говорил, что принадлежит обществу. 18-го егерского полка офицер Криницын подозрителен мне потому, что был в дружбе с Вадковским, и сей относился об нем весьма хорошо. Адъютант Шахирев, член общества, говорил в Василькове при офицерах Черниговского полка как-то: бароне Соловьеве, Аландаренке, Сизеневском, Башмакове и других, коих теперь не упомню, что старший дивизионный адъютант Цевловский действительно есть член общества, что доказывается еще более связями его с Бестужевым, Муравьевым и полковником Швейковским. Бывший дивизионный адъютант порутчик Семчевский был всегда в большой дружбе с маиором Панченком, бароном Соловьевым, Кузминым, Сухиновым, Щепилою, Аландаренком, Кильхиным, Фурманом, Вадковским, Молчановым, Цявловским, Шахиревым и Щербинским и, вероятно, принадлежал к обществу. Еще мне известно, что подполковник Муравьев писал письмо чрез своего человека Никиту, с какого места не упомню, только знаю, что это было тогда, как он ездил на праздники Рождества Христова в последний раз к своим братьям, которые командуют гусарскими полками, на имя Бестужева, чтобы он как можно поспешнее ехал в Киев к полковнику Реинкамфу; но за чем, и кто такой сей Реинкамф, я не знаю. Другое письмо писал он, Муравьев, уже в Василькове к маиору Крупеникову, чрез прапорщика Мозалевского, с тем, чтобы он следовал на сборный пункт; но и сего Крупеникова я не знаю, при чем и еще какие-то были бумаги у Мозалевского запечатанные в конверте, но содержания их я также не знаю.

8-й.

Какие меры употреблял Муравьев к возмущению Черни-

На 8-й.

Меры к возмущению Черниговского пехотного полка употреблял Муравьев

говского пехотного полка? Не подкупал ли кого из фельдфебелей, унтер-офицеров и рядовых к сему действию? Когда и чем?

особым своим снисхождением против нижних чинов, и слышал я, что он многим давал деньги, покупал для солдат разные вещи и съестные припасы во все время бытности его в Черниговском полку; в особенности мог я заметить, что 2 гренадерской роты унтер-офицер Никитин был фаворит Муравьева; рядового Зайцева он очень любил и, когда присягали государю цесаревичу Константину Павловичу, Муравьев долго с ним что-то говорил. Из фельдфебелей больше всех он любил 2 мушкатерской роты Абрамова, который и теперь щитает за Муравьевым какие-то деньги и как мне известно, что он, Абрамов, довольно часто бывал у Муравьева, равно и 6-й мушкатерской роты фельдфебеля Титова Муравьев очень любил.

9-й.

Какие действия были Муравьева и сообщников в Василькове? Какие распоряжения деланы, и кто более содействовал в исполнении оных?

На 9-й.

Муравьев и сообщники его по приходе в Васильков 30-го числа с двумя ротами, взяв знамена и денежный ящик, освободили из-под караула арестантов, арестовали маиора Трухина и жандармских офицеров, а 31-го числа при сборе полка священник служил молебен и читал катихизис. Содействовали же в этом случае, как я мог заметить, все офицеры Черниговского полка одинаково. Тогож 31-го числа выступили оттудова в Мотовиловку, где хотя я просился возвратиться в Васильков, но порутчик Щипила от того удержал и для сильнейшего меня удержания показал письмо артиллерийского офицера по фамилии Горбачевского, в котором между прочим было написано, что они людей уже не приготовляют, но удерживают; и другое письмо от солдат Пензенского пехотного полка, о том, что они нетерпением ожидают. Вместе с ним и все тут бывшие как-то: Муравьев и Бестужев убеждали меня остаться с ними, говоря, что мне будет хорошо; почему я и оставался с ними до самого забратия гусарами.

10-й.

Кто из нижних чинов во время возмущения оказывал более своеволия и буйства и наклонял к тому других?

На 10-й.

Во время возмущения из нижних чинов более всех делали своеволие гренадеры 2-й гренадерской роты и с поводу их и другие, но по именам их не знаю.

11-й.

Сознаешься ли в действиях твоих во время возмущения Черниговского полка, о коих на тебя есть достоверные свидетельства по следствию и по суду? Объясни оные в подробности: скажи, читал ли ты катихизис, написанный Бестужевым, что в нем заключалось, и не сокрывается ли у кого-либо экземпляров оного?

На 11-й.

Известясь о вступлении Муравьева в Васильков чрез подпорутчика Рыбаковского и разжалованного из офицеров рядового Ракузу, пошел с ними на площадь, а оттуда на гоубвахту, где совместно с Бестужевым был я у маиора Трухина, находившегося под арестом, которому Бестужев давал деньги, а оттуда я возвратился на квартиру. Катихизис я сам не читал, но во время молебна при чтении оного слышал токмо, что надобно ополчиться всем. Имеются ли теперь у кого-либо экземпляры оного, не знаю. В прочем, что касается до освобождения из-под караула арестантов, то я при том не был, часового, сопротивлявшегося в отдаче арестантов, не бил, а освобождал оных отставной подполковник Муравьев и штабс-капитан барон Соловьев, что может быть известно маиору Трухину и инвалидной команды маиору Новгородцову. Нижних чинов, чтобы итти всем вместе, как показывает унтерофицер Маценко, я не уговаривал; во время же похода с возмущенными ротами, действительно, я был в карауле по принуждению порутчика Сухинова. Поручения же мне были следующие: 1-е) был я посылан подполковником Муравьевым за 2-ю мушкатерскою ротою, что я и исполнил; 2-е) препоручал мне Муравьев 2-ю гренадерскую роту, но я от того отказался.

12-й.

По какому случаю писано тобою из Мотовиловки письмо к жительствующей в Василькове вдове коллежского регистратора Ксении Громыковой в присутствии тебе показанное? Что значат помещенные в оном выражения: «что дела наши идут очень, очень хорошо»? Где ты взял серебряные вещи, при означенном письме приложенные? Кому именно отданы тобою сие письмо и вещи для доставления в Васильков, в каком месте и в какое точно время?

На 12-й.

1-го числа генваря в Мотовиловке, получив в подарок от Бестужева серебряные вещи, ныне в Комиссии находящиеся, я хотел было отвезти оные сам в Васильков к находившейся у меня на содержании вдове Ксении Громыковой; но Бестужев, удержав меня от сей поездки, приказал написать ей письмо и, показывая на бывшего тут (это было в квартире Муравьева) помещика, сказал: «Вот этот господин доставит оное: на его можно надеяться», которому все то и отдано в то же время. Фамилию я сего помещика не знаю, но приметы его суть следующие: росту большого, сед, одет был во фраке. При том были братья Муравьевы, штабс-

капитан Маевский, порутчик Щипила, собственный человек Муравьева Никита и еще два крепостных человека помещика Руликовского. Касательно ж значения помещенных в сем письме слов, то долгом поставляю объявить, что я, будучи тогда довольно выпивши, и из писем Щипилою мне показанных, о которых я показал выше, видя успех предприятия Муравьева, написал о том Громыковой, в намерении ее тем, по любви ее ко мне, обрадовать.

13-й.

По всем сим вопросам должен ты показать самую сущую правду, ибо за ложь и сокрытие истины повергнешь себя строгому по законам наказанию.

На 13-й.

Показал самую сущую истину. Естьли показание мое окажется несправедливым, тогда подвергаю себя строжайшему по законам наказанию.

Подлинные ответные пункты вписаны и подписаны собственною рукою подсудимого рядового Дмитрия Грохольского. Подлинные вопросные пункты за скрепою обер-аудитора, а допрос за подписанием присутствующих.

Верно: председатель генерал-маиор Антропов. Сверял обер-аудитор 9-го класса Шмаков.

1826-го апреля 9 дня, в комиссии военного суда, по высочайшему повелению учрежденной в м. Белой Церкве, подсудимый Черниговского пехотного полка рядовой Дмитрий Грохольский в дополнение отобранных от него ответов по предмету письма, писанного Муравьевым в конце декабря месяца прошлого 1825 года на имя Бестужева, был спрашиван и показал, что в то время, когда дворовый человек Муравьева привез означенное письмо, тогда Бестужева в Василькове уже не было, ибо он вслед за подполковником Гебелем поехал навстречу Муравьеву для извещения о произшедшем; почему посланное письмо принял порутчик Щипила и читал оное в слух; но так как оное было на французском языке, то того, что в нем заключалось, он в подробности не знает; но Щипила, переводя оное, изъяснял между прочим извещение Муравьева о бывшем в Петербурге произшествии 14-го декабря и упоминал имя князя Трубецкого, Якубовича и о смерти генерала Милорадовича; прибавил к тому, что Муравьев пишет еще к Бестужеву, чтобы он немедленно ехал в Киев к полковнику Рененкамфу; но зачем не сказано и передано ли оное письмо к упомянутому полковнику он не знает. При сем случае в квартире Муравьева были еще Башмаков, порутчики: Войнилович, Сухинов, Петин, Кузьмин и штабс-капитан барон Соловьев. Добавляет к сему, что в тот же день, незадолго пред отъездом дворового человека Никиты с письмом, приезжал к Муравьеву из Киева артиллерии подпорутчик Андреевич, с которым упомянутые офицеры долго разговаривали и потом отправили его в м. Любарь к Муравьеву также для извещения и на проезд его туда собравши несколько рублей серебром, отдали ему, а Сухинов сверх того и свою подорожную, выданную ему для проезда в Александрийской гусарской полк. Подлинной подписал подсудимый рядовой Дмитрий Грохольский.

Верно: председатель генерал-маиор Антропов. Сверял обер-аудитор 9-го класса Шмаков.

V. Материалы дознания и конфирмированный 31 августа 1827 г. приговор по делу рядового Черниговского пехотного полка (разжалованного из полковников артиллерии) Флегонта Башмакова.

1.

1826-го года февраля 25 дня в присудствии высочайше учрежденного комитета (разжалованный из полковников артиллерии) Черниговского пехотного полка рядовой Башмаков допрашиван и показал:

1) У подполковника Сергея Муравьева-Апостола жил я с марта месяца 1823-го года. Он взял меня к себе из сострадания к несчастному и вместе болезненному моему положению.

2) Ни от Сергея Муравьева-Апостола, ни от Бестужева-Рюмина никогда ничего не слыхал как о существовании тайного общества, намерениях и действиях его, так и о преступных замыслах сих лиц ничего не знал.

3) Никого из штаб- и обер-офицеров, ходивших к Сергею Муравьеву, не видал, никаких совещаний по злоумышленному обществу не слышал и в оных не участвовал.

4) Какими средствами Сергей Муравьев успел привлечь к себе офицеров и нижних чинов и приготовить их к возмущению, не знал.

5) В лагере 1825 года к нему, Муравьеву, служившие в Семеновском полку солдаты приходили, и он давал им деньги; но кто имянно были солдаты сии и каким полкам принадлежали он, Башмаков, не знает.

6) Брал ли Муравьев с приходивших к нему Семеновских солдат какую присягу, он не слыхал.

7) Не знает так же, писал ли кто из означенных солдат к Муравьеву.

8) Подобно сему, писал ли к нему, Муравьеву, кто из офицеров на счет возбуждения в нижних чинах духу неудовольствия, неизвестен.

9) 26-го или 27 декабря 1825 года артиллерийской подпорутчик Андреевич 2-й, действительно, приезжал в квартиру Муравьева в Василькове, и, спросив об нем, скоро уехал назад; в это время случились тут Черниговского полка офицеры Кузьмин, Щипила и Сухинов, у которых Андреевич просил денег на дорогу, а потом обратился к нему, Башмакову, нет ли у меня знакомых по дороге к Житомиру и Бердичеву, куда он едет, которые ссудили бы его деньгами для прогонов. Не обдумав ни мало, он дал ему на имя Артамона Муравьева записку, в коей просил только, что если Андреевичу нужны будут деньги, то снабдил бы его оными; в Василькове же кажется дали ему денег означенные офицеры. Зачем ехал Андреевич в Житомир и Бердичев, он, Башмаков, у него не спрашивал, а сам Андреевич о сем ему не сказал, и о намерении его побудить Артамона Муравьева к бунту совершенно не знал.

10) После отъезда Андреевича из Василькова 26 или 27 декабря более его не видал, и был ли он с Сергеем Муравьевым при возмущении Черниговского полка не слыхал.

11) Во время сего происшествия он, Башмаков, находился 29 и 30 декабря в деревне Бертнили у знакомого дворянина Чеховского, 31 в деревне Гребенке у маиора Лебедева, где пробыл и 1-е генваря, а потом был у капитана Фурмана, в этом же имении квартировавшего, и оставался у него до 6-го генваря; все сие делал единственно для того, чтобы уклониться от преступного возмущения, в котором не принимал ни малейшего участия.

12) В лагере 1824-го года при Белой Церкви точно приходили к нему Башмакову, подполковник Фролов 4 и капитан Пыхачев и изъявили ему одно сострадательное участие в его положении; но он, Башмаков, пред ними не жаловался на правительство и государя и ничего дерзкого не говорил.

Более же сего показать ничего не имеет, свидетельствуясь только полковым своим командиром, что в продолжении 6 лет от полку никогда не отлучился и ничего противного долгу своему не сделал, будучи все сие время болен и страдая различными, угнетающими его припадками. Не терял никогда надежды на милосердие государя, которое может облегчить судьбу его потому, что со стороны начальников был аттестуем в его поведении.

К сему допросу Черниговского полка рядовой Флегонт Башмаков руку приложил.

2.

Господину главнокомандующему 1-ою армиею.

Истребованный сюда разжалованный из полковников артиллерии Черниговского пехотного полка рядовой Башмаков, по отобранным допросам комиссиею для изыскания о злоумышленном обществе, обвиняется в следующем:

Показание подполковника Фролова.

1-ое) Он изъявлял неудовольствие на покойного императора, который, по словам его, разжаловал его по весьма малым причинам и не уважил его службы.

Показание Артамона Муравьева.

2-ое) Он был в совещании, где рассуждали о намерении посягнуть на жизнь покойного императора.

Показания его же:

3-е) Артиллерийский подпорутчик Андреевич 2-ой приезжал к Артамону Муравьеву с запискою от Башмакова и приглашал действовать, говоря, что иначе пропали.

4-ое) Из отношений вашего сиятельства от 12-го марта № 370 и 19 апреля № 505 видно: а) что Бестужев-Рюмин, как показывает Сухинов, говорил о решимости семеновских солдат застрелить государя, и Башмаков подтверждал слова сии солдатам, в) что разжалованный из штабс-капитанов рядовой Грохольский неоднократно был подговариваем Бестужевым, Башмаковым и пр. присоединиться к их обществу и следовать их намерениям: а 22-го ноября, пришед к нему, Башмаков и Сухинов, говорили, что жизнь императора Александра скоро кончится: надобно приступить к делу, при чем убеждали от них не отставать: и с) Башмаков назван в числе участников в заговоре и шайке злоумышленников.

Показание Бестужева-Рюмина.

5-ое) Для нанесения удара государю императору думали употребить между прочими и Башмакова, но ему о сем не объявляли.

В отобранном допросе Башмаков сознается в том, что жил у Сергея Муравьева-Апостола с марта 1823-го года, что видел, как приходили к нему солдаты, служившие в Семеновском полку, и Муравьев давал им деньги, что он, Башмаков, дал Андреевичу к Артамону Муравьеву записку, в коей просил только снабдить Андреевича деньгами, если оные будут ему нужны, что 29-го и 30-го декабря, во время возмущения Черниговского полка он находился в деревне Бертнили у дворянина Чеховского, 31-го декабря и 1-го генваря в деревне Гребенке у маиора Лебедева, а потом у капитана Фурмана, у коего оставался до 6-го генваря. Все сие делал единственно для того, чтобы уклониться от возмущения.

Хотя же Башмаков и отрицается, как от знания о существовании тайного общества, о приготовлении Сергеем Муравьевым нижних чинов к возмущению и о замыслах на жизнь покойного императора, но короткая связь его с Сергеем Муравьевым-Апостолом, у которого жил он с 1823 года и видел как приходили к нему бывшие семеновские солдаты, и как он давал им деньги, а также с Бестужевым-Рюминым и сношения с другими членами,

равным образом удаление от полка своего, как сам сознается, чтобы уклониться от возмущения, ясно удостоверяют в том, что замыслы членов тайного общества не могли быть ему неизвестны, и доказывают явное его запирательство; почему комиссия признала бесполезным делать дальнейшие о нем изыскания, кои могли бы послужить единственно к продолжению дела.

По докладу о сем государю императору его величество высочайше повелеть соизволил, чтобы содержащийся в С.-Петербургской крепости разжалованный из полковников артиллерии Черниговского пехотного полка рядовой Башмаков был предан военному суду, на каковой конец и отправить его к вашему сиятельству.

Во исполнение сей высочайшей воли, изложив сведения, собранные комиссиею о рядовом Башмакове, имею честь препроводить его к вашему сиятельству для предания военному суду.

№ 961. Военный министр Татищев.

«30» июля 1826 года. С.-Петербург.

3.

Его императорскому величеству.

Генерал-фельдмаршала графа Сакена

Рапорт.

Черниговского пехотного полка рядовой из разжалованных артиллерии полковников Флегонт Башмаков, сужден по высочайшему вашего императорского величества повелению, изъясненному в отношении ко мне военного министра от 30-го июля прошлого 1826 года за № 961-м, по оговору его, Башмакова, разными злоумышленными лицами в соучастии по тайному обществу. И по рассмотрении произведенного над ним военно-судного дела, найден он виновным в знании о существовании в России сказанного тайного общества и в принадлежности его к оному; в чем хотя он, Башмаков, ни в бывшей высочайше учрежденной для изыскания о таковом злоумышленном обществе следственной комиссии, ни в военном суде по допросам не сделал точного сознания, отзываясь одним словом, что будто бы не знал и не учавствовал в оном, но во всем том достаточно уличается как показаниями самих злоумышленников: Артамона Муравьева, Бестужева-Рюмина, Андреевича, Сухинова, Грохольского и прочих, коим не предстояло никакой надобности, да и не было возможности согласиться клеветать его, Башмакова, понапрасну; равномерно по короткой его с сказанными преступниками Муравьевым-Апостолом, Бестужевым-Рюминым и прочими злоумышленниками связи, по старательству которых собирались для него по подписке деньги, а не менее и разъезду его во время произшедшего в Черниговском полку возмущения по мятежным офицерам, совершенно нельзя было не знать ему о том злоумышленном обществе; и потому, основываясь на указе 1775-го года апреля 28-го, в коем сказано: «где есть к доказательству подсудимого довольные причины, изъявляющие его преступление, то нет тут ни малой нужды употреблять истязание и домогаться от подсудимого того, в чем по делу настоящие причины открыли вину его», я конфирмовал сообразно государственным узаконениям, лишив его, Башмакова, дворянского достоинства и выключив из воинского звания, по немолодым летам, коих он имеет 49-ть, сослать вечно в Сибирь на поселение. О исполнении сей конфирмации учинив надлежащее распоряжение всеподданнейше доношу о том вашему императорскому величеству.

№ 773 Генерал-фельдмаршал граф Сакен.

31-го августа 1827 го[да]. Г. Могилев Белоруский.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

1. Секретное отношение председателя Комитета для изысканий о злоумышленных обществах, военного министра, генерала-от-инфантерии А. И. Татищева об аресте братьев Муравьевых-Апостолов печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии «О злоумышленном тайном обществе», 1825 г., № 9, часть I, л. 19.

Самым ранним свидетельством об участии обоих братьев Муравьевых-Апостолов в заговоре явились материалы тайного правительственного агента И. В. Шервуда, положенные в основание всеподданнейшего доклада от 11 декабря 1825 г., посланного из Таганрога в Петербург начальником главного штаба генерал-адъютантом бароном И. И. Дибичем. (Ср. Н. К. Шильдер, Император Николай I, СПБ, т. I, 1903 г., стр. 639—640). Данные Шервуда подтверждены были показаниями первых же захваченных участников восстания 14-го декабря и ближайшим следствием своим имели, на основании резолюции Николая I-го «приказать взять и прислать», постановление Комитета от 18-го декабря об аресте и доставке С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов в Петербург. (Ср. «Восстание декабристов», том IV, Л., 1927 г., стр. 456). 23-го декабря отношение об этом (с ошибкой: Матвей Иванович именуется Сергеем Ивановичем) получено было в Могилеве и немедленно обращено к исполнению. Предписание главнокомандующего 1-й армиею прапорщику жандармского полка Скокову гласило следующее:

«На основании высочайшей воли его императорского величества, поручается вам арестовать Черниговского пехотного полка подполковника Муравьева-Апостола на том месте, где вы его найдете, и, забрав все бумаги его в совершенной целости, представить его прямо к государю императору.

«На сей конец предписываю вам с состоящими при вас двумя жандармами отправиться сейчас в полковую штаб-квартиру помянутого полка г. Васильков прямо на квартиру к полковому командиру, подполковнику Гебелю, коему отдав прилагаемый конверт, требовать от него, чтоб он, не теряя ни одного мгновения, на вашей же повозке ехал с вами на квартиру подполковника Муравьева-Апостола; буде оного нет в полковом штабе, то в его батальонный штаб, село Гребенки. По прибытии к квартире подполковника Муравьева-Апостола, войдя в дверь, тотчас поставить одного жандарма с обнаженным палашем, с приказанием не впускать никого в дом и не выпускать из оного; то же сделать и у другого порожнего входа, естьли есть другой. Между тем тотчас по входе в квартиру объявить самому Муравьеву-Апостолу арест по высочайшему повелению и, взяв прежде шпагу его, отобрать от него все имеющиеся при нем бумаги, а потом же забрать все бумаги, в квартире его имеющиеся; для сего обыскать все ящики, шкатулки, столы, шкапы, наконец за стенами, в стульях и тому подобное. По собрании всех бумаг, их запечатать в тюк, положив печать вашу и онаго Муравьева-Апостола. По исполнении сего, не теряя ни одного мгновения (более полутора часов вам на арестование и забрание бумаг Муравьева нужно быть не может), посадив Муравьева с собою на повозку, везти его обратно чрез Могилев Белорусский прямо в С.-Петербург. Когда вы с ним приедете сюда, то имеете проехать город, отнюдь в оном нигде ни на минуту не останавливаясь, но проехав за Шкловскую заставу, остановиться там и оттуда послать на почтовую станцию за лошадьми и о вашем проезде дать мне знать чрез жандарма. Во время пути иметь за Апостоловым [sic!] строгий присмотр, не отлучаться от него ни на миг, отнюдь не позволять ему ни с кем говорить и к нему никого не допускать. По прибытии в С.-Петербург представить подполковника Муравьева-Апостола со всеми забранными бумагами прямо к его императорскому величеству во дворец.

«Все вышеписанное подтверждаю вам выполнить со всею точностью, под опасением в случае малейшего упущения или послабления предания суду и строжайшего по законам наказания» (то же дело, лл. 21—22). Врученный жандарму пакет на имя командира Черниговского полка подполковника Гебеля заключал в себе следующее предписание:

«Податель сего жандармского полка прапорщик Скоков, во исполнение высочайшей воли его императорского величества, имеет поручение арестовать вверенного вам полка подполковника Муравьева-Апостола, забрать все его бумаги и вместе с оными представить его самого прямо к его императорскому величеству.

«По предъявлении сего, вы, г. подполковник, в то же мгновение сядете на повозку к Скокову, поедете с ним на квартиру к Муравьеву-Апостолу, сдадите оного лично Скокову и затем выполните с точностию все его требования. Впрочем сие хранить в непроницаемой тайне и никому не доносить» (то же дело, л. 22 об.).

Поручение об аресте М. И. Муравьева-Апостола одновременно возложено было на поручика жандармского полка Несмеянова, при чем, так как местопребывание подлежащего аресту заговорщика точно известно не было, командированному за ним агенту предлагалось пока «ехать с прапорщиком Скоковым. Когда же сей возьмет в Черниговском пехотном полку родного брата того отставного Муравьева-Апостола, также подполковника Муравьева-Апостола, то от сего истребовать верное сведение, где имянно проживает отставной брат его, и тогда вам отправиться тотчас в место его пребывания, и буде оное в уезде, то, заехав прежде в уездный город, взять, по предъявлении прилагаемого открытого повеления, с собою исправника или, в небытность его, старшего земского чиновника, а также небольшую воинскую команду из расположенных там войск, с коими ехать прямо на квартиру Муравьева-Апостола» (л. 23).

27-го декабря 1825 г. председатель Комитета для следственных изысканий о злоумышленных обществах обратился к главнокомандующему 2-ою армиею с секретным отношением о необходимости ареста и доставления, со всеми бумагами, в Петербург прапорщика квартирмейстерской части Ипполита Ивановича Муравьева-Апостола (дело бывшего Государственного архива, разряд I В, № 30, ч. I, л. 209). Последний, выехав, как известно, 13-го декабря из Петербурга к месту своего назначения в Тульчин, должен был по пути доставить в Москве М. Ф. Орлову и в Василькове С. И. Муравьеву-Апостолу письма С. П. Трубецкого с секретной информацией членов тайного общества о положении дел в столице накануне уже решенного вооруженного выступления (Ср. показания С. П. Трубецкого в издании «Восстание декабристов», т. I, М. 1925, стр. 50 и 62). В Москве И. И. Муравьев-Апостол несколько задержался и, опасаясь обыска и ареста, должен был уничтожить порученную ему корреспонденцию (Ср. «Мемуары декабристов», Киев, 1906, стр. 17, и «Красный Архив» 1925, кн. 6, стр. 17). Продолжая свой путь, он прибыл в Васильков к утру 31-го декабря, т.-е. в самый разгар восстания, в момент сбора революционных рот на плацу для чтения «катехизиса». В дальнейших событиях И. И. Муравьев-Апостол принял деятельнейшее участие, вместе с братом Сергеем и Бестужевым-Рюминым был во главе взводной колонны мятежников 3-го января и, после того, как ему «картечью раздробило левую руку», не желая сдаваться в плен, застрелился. Между тем, розыски его продолжались на территории 2-ой армии, — и в то время, как в Киеве, Житомире и Могилеве военные и гражданские власти уже располагали конкретными данными о роли И. И. Муравьева-Апостола в восстании, из Тульчина главнокомандующий 2-ой армиею граф П. Х. Витгенштейн доносил в Петербург, что он «еще не прибыл сюда и где теперь находится — неизвестно» (бывш. Государственный Архив, разряд I В. дело № 30, ч. I, л. 211).

2. Письмо командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота от 26-го декабря 1825 г. к начальнику главного штаба генерал-адъютанту барону И. И. Дибичу печатается с оригинала, находящегося в наряде документов бывш. Государственного архива «Бумаги барона И. И. Дибича и другие из секретного архива канцелярии военного министерства», разряд I В, № 469, лл. 17—18.

Как известно, именно через ген. Л. О. Рота (с 4. III. 1820 г. командующий, с 26. IX. 1823 г. командир 3-го корпуса) представлен был на высочайшее имя 26-го ноября 1825 г. извет капитана Майбороды (Н. К. Шильдер, Имп. Николай I, т. I, стр. 620—621, 628—629 и И. М. Троцкий «Ликвидация Тульчинской управы Южного общества»,— «Былое» 1925, кн. 5, стр. 53—74), разоблачения которого о работе тайных противоправительственных организаций, совпав с данными, полученными перед тем от Шервуда и Бошняка, вызвали командировку в Тульчин генерал-адъютанта Чернышева для производства на месте необходимых дополнительных розысканий и ликвидации ядра заговора. Случайно, таким образом, приобщившись к секретным розыскным операциям ген. Чернышева, командир 3-го корпуса был еще 20-го декабря осведомлен о «соучастии с злонамеренными» некоторых чинов 9-й пехотной дивизии, в том числе и будущих вождей восстания Черниговского полка — С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина. То обстоятельство, что ген. Рот не учел всей важности полученных им сведений, не раз ставилось ему впоследствии в вину и отразилось на всей его служебной карьере. В самом деле, самоуверенно гарантируя в письме к И. И. Дибичу за три дня до восстания Черниговского полка «полное повиновение и покорность» войск 3-го корпуса, ген. Рот совершенно уклонился от принятия каких-либо предохранительных

мер против заговорщиков. Очень характерно, что еще 25-го декабря 1825 г., когда С. И. Муравьев-Апостол, прибыв в Житомир для ходатайства об отпуске Бестужеву-Рюмину (а также для свидания с представителем тайного Польского Патриотического Общества графом Мошинским), явился в корпусный штаб, ген. Рот, хотя и отказал ему в его просьбе, но пригласил к себе на обед, поделился только что полученными первыми сведениями о событиях 14-го декабря и беспрепятственно отпустил обратно в полк. Характеристику командира 3-го корпуса дал в своих воспоминаниях его адъютант в эти годы В. А. Докудовский: «генерал-лейтенант Логин Осипович Рот, француз-эмигрант, начавший службу в корпусе принца Конде, а потом перешедший к нам... вовсе не был образован и никогда ничего не читал, хотя и говорил, что где-то у него остались книги; но, кроме соблазнительной вольтеровской Иоанны д'Арк с картинками, других книг у него не было. Он, однако же, имел много природного ума, гибкости в характере и сметливости; в обществе был любезен, особенно с дамами, и большой комплиментист, но в то же время был до крайности самолюбив, эгоист, вспыльчив, дерзок, жесток и хвастун по природе. Пред назначением к нам командовал дивизиею в гренадерском корпусе, но там по личности к командиру, кажется Астраханского гренадерского полка, возникшей по причине неудавшегося волокитства за женою его, он стал преследовать ее мужа, делать неприятности и личные оскорбления. Это преследование Рот распространил и на полк, который он мучил ученьями, жестоко наказывал солдат, и оттого в короткое время произошло в полку 18-ть самоубийств. Корпусный командир, граф Остерман-Толстой, узнав об этом, довел до сведения императора, сказав с обычною ему откровенностью: «или он, Остерман, отказывается от корпуса, или Рот должен быть удален», — и потому-то сей последний и был назначен к нам в дивизию».

Ненавидимый за свою жестокость, взбалмошность и взыскательность офицерской и солдатской массой, ген. Л. О. Рот грубо третировал и ближайших своих сотрудников. «Я был очевидцем, — замечает тот же мемуарист, — как он закричал на генерал-майора Курносова, имевшего длинные волосы, что прикажет остричь его на барабане; а генерал-лейтенанту Сулиме угрожал посадить его на пушку. И все это сходило ему с рук». Ср. материалы «дела о стихах на генерала Рота» в «Русской Старине» 1882 г., кн. IV, стр. 277—279.

Значительное число печатаемых нами бумаг ген. Рота заставляет особо отметить еще одну указанную В. А. Докудовским «прихоть» командира 3-го корпуса: «он не разумел русского языка, но знал, что повторения одного и того же слова в бумаге должно избегать и потому настойчиво требовал, чтобы отнюдь не было таких повторений, как бы бумага ни была обширна, и я, исполняя его желание, должен был ломать голову и приискивать однозначащие слова; при чтении бумаги, он бывало не пропустит ни одного ѣ и е, не спрося, так ли поставлена буква. У всякого есть слабость: фельдмаршал Паскевич требовал, чтобы в бумагах были слова: ибо и поелику, и в угодность ему они были. Рот был крайне прихотлив по бумагам, желая показать, что он знает русский язык, и потому иногда приходилось раза по три переправлять одно и то же» («Воспоминания генерал-майора В. А. Докудовского», Рязань, 1898, оттиск из «Трудов Рязанской Ученой Архивной Комиссии» за 1897 г., т. XII, стр. 23 и 26).

3. Рапорт командующего 9-ю пехотною дивизиею генерал-майора С. Л. Тихановского от 30-го декабря 1825 г. главнокомандующему 1-ю армиею печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии «О возмущении Черниговского пехотного полка», № 10, лл. 152—153. Аналогичный рапорт его же на высочайшее имя от того же числа за № 502 сохранился в деле главного штаба е. и. в. по секр. части канцелярии дежурного генерала «О возмущении Черниговского пехотного полка, произведенном полковником Муравьевым-Апостолом» 1826, № 7, лл. 41—42 (опубликован в заметке Ю. Г. Оксмана «Первое донесение Николаю I о восстании Черниговского полка».—«Новая Вечерняя Газета», Л., 13 января 1926 г.). Упоминаемое в этих рапортах секретное предписание ген. Тихановского начальникам подчиненных ему воинских частей известно в печати по публикации в сборнике «Декабристы». Неизданные материалы и статьи, под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М. 1925, стр. 10—12.

Основными источниками для уяснения начальных моментов восстания являются, помимо публикуемых нами документальных данных, материалы сводки В. Е. Сыроечковского «Восстание Черниговского полка в показаниях участников» («Красный Архив» 1925, кн. 6 (XIII), стр. 1 — 67); «Восстание декабристов», том IV, М.—Л., 1927 и том V, М.—Л., 1926 (см. по указателю); заметки и воспоминания М. И. Муравьева-Апостола («Декабрист М. И. Муравьев-Апостол, воспоминания и письма» под ред. С. Я. Штрайха. П. 1922 г., стр. 13 и 51 — 53; первое издание воспоминаний — «Рус. Арх.» 1871 г., № 6, стр. 0229 — 0238); запись Ф. Ф. Вадковского «Белая Церковь» (со слов Быстрицкого, Соловьева и Мозалевского) — «Записки декабристов, выпуск II и III. Лондон. Вольная русская типография. 1863 г., стр. 163 — 181, перепечатано в «Собрании материалов, для истории возрождения России», Лейпциг,

изд. Э. Л. Каспровича, т. I. [1874 г.?], стр. 79 — 94; «И. И. Сухинов», анонимный биографический очерк и воспоминания, принадлежащие, очевидно, бар. В. Н. Соловьеву. («Русский Архив» 1870 г., стр. 908 — 926); «Записки декабриста И. И. Горбачевского», под ред. Б. Е. Сыроечковского, изд. 2-е, М. 1925, стр. 99 — 141; (впервые записки увидели свет на страницах «Русского Архива» за 1882 год, первое отдельное издание их выпущено «Задругой». М. 1916 г.).

4. Секретное отношение киевского гражданского губернатора И. Г. Ковалева (занимавшего этот пост с 4. VIII. 1822 г. по 24. II. 1828 г.) на имя управляющего министерством внутренних дел от 31. XII. 1825 г. печатается с оригинала, находящегося в деле бывш. Государственного архива, разряд I В № 20 «О возмущении в Черниговском пехотном полку», л.л. 102—103.

В основу донесения И. Г. Ковалева, как свидетельствуют документы дела канцелярии киевского гражданского губернатора «О возмущении некоторых рот квартирующего в г. Василькове Черниговского пехотного полка под предводительством того полка подполковника Муравьева-Апостола», положен был, во-первых, фактический материал двух рапортов, полученных в Киеве 31. XII. 1825 г., в 3 часа пополудни, — от васильковского городничего И. И. Девилерса и васильковского стряпчего А. Е. Пивинского (см. № **6**) и, во-вторых, рапорт от 31. XII. 1825 г. командира 4-го пехотного корпуса на имя главнокомандующего 1-ю армиею (см. приложение к № **15**). Рапорты эти (первый с оригинала, а остальные с неисправных копий), равно как и черновик самого отношения И. Г. Ковалева в министерство внутренних дел, воспроизведены в сборнике «Рух декабристів на Україні» Ювилейне видання Укрцентрархіву. Харків, 1926, стр. 24 — 25 втор. пагин. В этом же сборнике, в комментариях В. В. Мияковского и Л. П. Добровольского, дан богатый материал о представителях киевской губернской (стр. 15 — 21) и васильковской уездной (стр. 80 — 91) администрации в дни восстания Черниговского пехотного полка. Интереснейшие бытовые детали событий запечатлены в воспоминаниях их очевидцев: 1) владельца Мотовиловки И. Руликовского («Rokosz pulku Czernihowskiego» в изд. «Nasza Pzyszlosc» 1908, № 6, стр. 207—236; № 7, стр. 341 — 382. Украинский перевод этих воспоминаний дан в сборн. «Декабристи на Україні», под ред. С. Ефремова и В. Мияковского, К. 1926, стр. 51—99); 2) бывш. киевского губернского маршала дворянства Густава Олизара («Pamiçtniki 1798 — 1865», Lwòw 1892; русский перевод соответствующих страниц помещен в «Русском Вестнике», 1893, кн. 9); 3) бэло-церковского лекаря Де-ла-Флиза («Муравьевский бунт» в журнале «Аргус» 1913, кн. IV, стр. 65 — 80) и 4) адъютанта штаба 3-го корпуса В. А. Докудовского («Воспоминания», Рязань, 1898, стр. 162—165).

5. Всеподданнейший рапорт волынского гражданского губернатора М. Ф. Бутовта-Андржейковича от 31. XII. 1825 г. печатается с оригинала, находящегося в том же деле бывш. Государственного архива № 20, л.л. 81—82. Фиксируемый в этом рапорте слух о предстоящем движении мятежников к Белой Церкви «для вовлечения в свой заговор полк, там квартирующий, а еще более для забора казны графини Браницкой» позволяет нам установить официальный первоисточник широко использованного впоследствии клеветнического утверждения рапорта ген. Рота от 3-го января о том, что С. И. Муравьев, «переменив свое направление, шел к Белой Церкви в надежде успеть овладеть у графини Браницкой значительной суммой». Версия эта, пущенная «сверху» в определенных целях дискредитирования мятежников и отвлечения внимания от политических лозунгов восстания, получила большое распространение и закрепилась даже в крестьянских низах, в которых приближение муравьевских рот к имениям граф. Браницкой оживило давнишние надежды на уничтожение панов и избавление от крепостной неволи. Очень любопытно в этом отношении свидетельство А. И. Михайловского-Данилевского, хорошо знакомого с районом восстания и настроениями в разных пластах его населения: «Если бы Муравьев действовал решительнее, то он мог бы прийти в Белую Церковь, где находились несметные сокровища графини Браницкой и где его ожидали, чтобы с ним соединиться, четыре тысячи человек недовольных своим положением. Это были большею частью старинные малороссийские казаки, которых Браницкая укрепила за собой несправедливым образом». («Русск. Стар.» 1890, XI, стр. 495). Обильный материал о положении крестьян гр. А. В. Браницкой и о том брожении, которое вызвано было приближением к Белой Церкви революционных рот Черниговского пехотного полка, зарегистрирован в труде В. С. Иконникова «Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826—1827 гг., в связи с событиями того времени». («Сборник статей, посвященных почитателями В. И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности», ч. II, СПБ. 1908, стр. 682—686).

Волынский губернатор М. Ф. Бутовт-Андржейкович, проявивший чрезвычайную энергию и распорядительность в тревожные дни восстания Черниговского полка, являлся в течение некоторого времени ближайшим осведомителем о происходящих событиях цесаревича Константина Павловича, как свидетельствует об этом сам Константин в своих

письмах к имп. Николаю от 4-го и 10-го января 1826 г. и ответные строки царя от 11-го января 1826 г. («Сборник Русского Исторического Общества», т. 131, СПБ. 1910, стр. 23 и след.; перевод этой переписки в издании «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах царской семьи». Под редакцией Б. Е. Сыроечковского. Л.-М. 1926, стр. 173 — 180).

По представлению Константина Павловича, служебное усердие М. Ф. Бутовта-Андржейковича во время ликвидации восстания отмечено было 30-го января 1826 г. производством его в действительные статские советники.

Собранные нами формулярные данные о М. Ф. Бутовте-Андржейковиче сводятся к следующему: на русскую службу перешел в 1795 г., испросив, «яко майор войск литовских», увольнение от короля Станислава; с 1812 г. исполнял обязанности вице-губернатора и губернатора в Гродно; 30. X. 1824 г. был назначен волынским губернатором, в каковой должности оставался до 18. IV. 1828 г.; по высочайше утвержденному 23. X. 1830 г. положению комитета министров предан суду «за лихоимство и другие противозаконные по службе действия».

Показания подпоручика А. Ф. Вадковского, на которые ссылался в своем рапорте от 31. XII. 1825 г. волынский губернатор, очевидно, отличались большею сдержанностию, чем дошедший до нас протокол следующего допроса А. Ф. Вадковского:

«1826 года генваря 12 дня, в присудствии командира войск 3-го пехотного корпуса господина генерал-лейтенанта и кавалера Рота, дежурного штаб-офицера 3-го пехотного корпуса полковника Паулина, после увещания житомирской Успенской церкви священника Матвея Соколовского, 17-го егерского полка подпорутчик Вадковский допрашиван и показал:

«К тайному обществу я принадлежу 3-й уже год, т.-е. с 1823 года, приглашен был к оному родным моим братом Нежинского конно-егерского полка корнетом Федором Вадковским, им же и принят, но собственного обществу названия я не знаю; дал подписку с клятвою, дабы сохранить связь с обществом, коего цель есть быть свободным.

«Минувшего года декабря 30 числа получил я Черниговского пехотного полка от подполковника Муравьева-Апостола записку на квартире своей чрез неизвестного человека, в которой он уведомлял, что упомянутое общество открыто; а как я имел и прежде надобность быть в Василькове, то на другой же день отправился туда, но в пути остановился того же повета в селении Гребенках в корчме у еврея кормить лошадей, и видя в продолжении сего времени проезжавших многих курьеров, кои расспрашивали проезжающих офицеров, боясь дабы и меня не схватили, намерен уже был возвратиться; но тут же часа чрез три приехал знакомый еврей, ехавший из Василькова, и объявил мне, что там большая суматоха, почему я из любопытства поехал в Васильков, остановился в оном на улице, потому что в городе собиралась часть Черниговского пехотного полка, потом заехал в корчму и пошел к Муравьеву-Апостолу, но у него пробыл не более одного часа, видя его в суетах, причем он просил меня, ежели ему будет худо, чтоб в таком случае я содействовал ему тем, что когда пошлют полк, в котором я служу, для усмирения его, то чтобы старался уговорить людей в противную сторону, на что я отвечал ему, что не могу помочь, потому что полк не был собран; вышедши от Муравьева и поужинавши в корчме, я пошел к гг. офицерам, по фамилиям мне неизвестным, просил, чтобы дали солдата проводить меня за заставу, что и было исполнено; после чего выехал из Василькова и приехал одною упряжкою в ночь в м. Белую Церковь. Подъехав к заставе, окружили меня человек до 40-ка нижних чинов, которых я спросил: «Что вас так много: не в зборе ли полк?», на что они отвечали, что их собрали, дабы меня арестовать; после чего я слез с саней и сопровождаемый конвоем, пошел к командующему 9-ю пехотною дивизиею генерал-маиору Тихановскому, которому на вопрос, где я был и зачем в партикулярном платье, я отвечал, что был в Василькове, а одет в охотническое платье, и когда его превосходительство сказал: «Ступайте к полковнику Лаппе: он знает что с вами делать», то я отвечал: — Это за что? на что же напрасно людей наказывать? — и хотел идти. Но только адъютант Щербаков сказал что-то ему на ухо, и генерал приказал остаться у него под караулом, а сам пошел в кабинет; более же я его не видал, грубости и бранных слов ему не говорил; арестованный отправлен в город Житомир, где и содержусь теперь на главной гаубтвахте.

«Офицеров 17-го егерского полка, чтоб кто принадлежал к обществу, мне не известно, равно и подпорутчика Молчанова при мне в Василькове не было. В других полках известны мне принадлежащими к обществу Черниговского пехотного полка подполковник Муравьев-Апостол, Полтавского пехотного подпорутчик Бестужев-Рюмин, гусарского принца Оранского штабс-ротмистр Жуков, более сих никого припомнить не могу. Чтобы склоняемы были к возмущению нижние чины Черниговского полка кем и когда, мне неизвестно, а в рассуждении 17-го егерского полка сего совершенно ни кем делаемо не было.

«Во время бытия моего у Муравьева-Апостола, кроме офицеров того полка, никого не видал, и посылал ли Муравьев кого-либо из чинов в другие места склонять мне не-

известно. Бумаг же, относящихся до тайного общества, я при себе никогда не имел и ни от кого никогда не получал.

«Что все показал по сущей справедливости и ничего не утаил в том подписуюсь: 17-го егерского полка подпоручик Вадковский.

«Допрашивал штаба 3-й артиллерийской дивизии аудитор 12 класса Рудаков. Генерал-лейтенант Рот. Дежурный штаб-офицер полковник Паулин. Увещевал священник Соколовский». (Дело штаба 1-й армии, № 10, лл. 239—241.)

Допрос, учиненный А. Ф. Вадковскому в Могилеве 16 января (то же дело л. 259) не обогатил следствия никакими новыми данными. Между тем, появление А. Ф. Вадковского в Василькове в самый разгар восстания было далеко не случайным. Как свидетельствуют позднейшие показания вождей заговора, еще 30 декабря, из д. Ковалевки, при подходе мятежников к Василькову, С. И. Муравьевым-Апостолом отправлен был в Белую Церковь унтер-офицер Какауров с письмом, которым А. Ф. Вадковский предупреждался о начале восстания и вызывался в Васильков. В показаниях М. И. Муравьева-Апостола от 29. I. 1826 г. («Красн. Арх.» 1925, кн. 6, стр. 20), содержится определенное указание на то, что Вадковский, посетив город в день «присяги», выехал в Белую Церковь с обещанием «приготовить 17-й егерский полк», в котором, как слышал от него Бестужев-Рюмин (пункт 11 показания последнего от 9. I. 1826 г.), «существует такое же негодование, как и в Черниговском». Правда С. И. Муравьев-Апостол, не желая, очевидно, отягчать его участи, утверждал на следствии, что Вадковский «объявил, что средства действовать со своим полком не имеет» («Красный Архив» 1925 г., кн. 6, стр. 4 и 8), но весь ход операций под Белой Церковью свидетельствует о серьезности его рассчетов на поддержку квартировавших там егерей.

Для характеристики настроений последних очень важен относящийся к первым числам марта 1826 г. донос одного из участников восстания Черниговского полка — рядового (из разжалованных офицеров) Игнатия Ракузы, который сообщил Военно-Судной Комиссии следующее:

«Во время содержания моего здесь, в Белой Церкви, на гауптвахте, назад тому с месяц или более, когда 2-ая карабинерная и 5-ая егерская роты 17-го егерского полка были в карауле, то, между разговорами, нижние чины означенных рот изъявляли ропот на настоящую их службу и на правительство, говоря притом, что весна откроет все, что они разбегутся по лесам и там соединятся. Разговоры сии, происходившие между арестантами, коих на гауптвахте до восьмидесяти или более человек, могли слышать также лежавшие близ меня на койках рядовой Грохольский и унтер-офицер Фитиолин». («Русский Архив» 1902, II, стр. 297). Ср. материалы, опубликованные О. Д. Багалей в сбор. «Декабристи на Україні», под ред. С. А. Ефремова и В. В. Мияковского, Киев, 1926, стр. 29—36.

6. Рапорт Киевского губернского прокурора В. А. Каменского (в этой должности с 1824 г. по 1832 г.) от 31-го декабря 1825 г. на имя министра юстиции печатается с оригинала, находящегося в деле архива министерства юстиции «По рапорту Киевского прокурора о бунте Черниговского полка и Волынского прокурора о том же», 1826, № 39, лл. 1—4.

7. Донесения командированного в Киев 22-го декабря 1825 г. «для общего наблюдения» тайного агента штаба 1-й армии капитана гвардии В. С. Сотникова, представленные главнокомандующим 1-ю армиею начальнику главного штаба при отношении от 3. I. 1826 г. (см. стр. 33), печатаются с оригичалов, находящихся в отмеченном выше деле бывш. Государственного архива № 20, лл. 10—16. Многоточием отмечаются опущенные нами места, не относящиеся к восстанию Черниговского полка и к отзвукам последнего в Киеве.

В деле штаба 1-ой армии, 1826 г. № 9, лл. 93—94, сохранилось донесение В. С. Сотникова, отправленное им в Могилев «1-го генваря, в 10 часов утра» и тесно связанное с печатаемой нами на стр. 12 — 13 его запиской от того же числа «в 5 часов пополудни».

«От поручика жандармского полка Несмеянова, с коим я отправляю сии мои донесения, ваше превосходительство соизволит узнать подробности случившегося в Черниговском полку. Прибывший сюда вчера из Василькова почталион сказывал, что якобы слышали они от приехавших туда из Белой Церкви крестьян, что солдаты квартирующего там полку не совсем покойны. Обстоятельство сие я докладывал генералу Красовскому, но он мне отвечал, что сие не имеет никакого основания, ибо Черниговский полк, выступивший по дороге на Житомир, свернул в сторону, узнав, что 17-й егерский полк идет против него из Белой Церкви. Что Черниговский полк действительно свернул в сторону, подтверждается, о действиях же против него 17-го егерского полка достоверных сведений я еще не имею. Здесь есть слухи, что якобы сего числа в ночь один офицер и четыре солдата Черниговского полка из числа возмутившихся отправились в Киев. К отысканию их приняты меры. Войска, здесь квартирующие, покойны и ничего особенного не замечено. Муравьев говорил к солдатам возмутительную речь, копию

с которой имеет адъютант генерала Красовского Врангель, с поручиком Несмеяновым в главную квартиру отправляющийся».

Формулярные данные об авторе этих донесений, сыгравшем крупную роль в розыскных операциях в районе расположения войск всего 3-го корпуса, сводятся к следующему: Сотников, Василий Семенович, потомственный дворянин Орловской губ., родился в 1788 г.; на гражданской службе — в департаменте ревизионной коллегии и в Московском архиве старых дел — с 1801 г.; с 5 августа 1812 г. подпоручик Московского ополчения, участник боев при Бородине, Мало-Ярославце, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге, Париже. Старший адъютант штаба 1-й армии с 15-го сентября 1819 г., капитан с 11 февраля 1822 г., полковник с 9 июня 1829 г. Во время войн с Турцией и при походе в Польшу состоял при гр. Дибиче, впоследствии при кн. Паскевиче; с 1837 г. действительный статский советник, в 1842 г. переименован в генерал-майоры и назначен сперва кавказским, а затем грузино-имеретинским гражданским губернатором; с 17 февраля 1846 г. военный губернатор города Каменец-Подольска и подольский гражд. губернатор; с 11 июня 1848 г. генерал-лейтенант; с 22 февраля 1849 г. сенатор, впоследствии — первоприсутствующий в 4-м департаменте; умер 13 июня 1853 г. (Дело о службе Сотникова в архиве Департамента Общих Дел М. В. Д., I отд., I ст., 1849 г., № 389.)

Данные донесения Сотникова от 31-го декабря 1825 г., ставившие восстание Черниговского пехотного полка в связь с настроениями местного дворянства, уклонявшегося якобы от присяги Николаю, вызвали предписание главнокомандующего об аресте помещика Проскуры и запрос о прочих лицах, заподозренных В. С. Сотниковым. В своих объяснениях от 5 января 1826 г. киевский губернатор отмечал, что «губернского маршала дворянства Шимановского 24 декабря 1825 г. в Киеве не было, и успеть пригласить его к общей с прочими губернскими чиновниками присяге, которая выполнена здесь ими вместе со мною на следующее же затем утро, т.-е., 25-го числа, не было возможности; по приезде же г. Шимановского на сих днях в Киев, он повеленную присягу выполнил и 5-го числа сего месяца опять на несколько дней выехал из губернского города». Что касается прежнего губернского маршала графа Олизара, то «хотя проникнуть совершенно в настоящий образ мыслей его весьма трудно, но совсем тем, сколько по наружности и всем видимым во время прежнего служения его здесь действиям судить можно, во всех поступках его никаких вредных преднамерений и ничего предосудительного не замечено, и что он к исполнению всего того, что правительством требуется, оказывал всегда совершенную готовность; — присяги на верность государю императору Николаю Павловичу он еще не выполнил сколько известно потому, что выехал из имения своего прежде собрания для сего в поветовом городе Радомысле всех тамошних помещиков; но по изъявленному им желанию присягнуть здесь, имеет быть приведен к таковой присяге обще с прочими помещиками Киевского повета в назначенный для сего, по невозможности прежде всех собрать, срок 8-го числа сего месяца; по всем сим обстоятельствам, кажется, и не можно бы было ожидать от обоих сих никаких злоумышленных действий или вредных преднамерений; за всем тем, однакож, исполняя в точности предписание вашего сиятельства, я сей же час, под предлогом надобности в личном присутствии губернского маршала при выполнении дворянами Киевского повета присяги, [приказал] послать к нему приглашение о прибытии сюда к тому времени; граф же Олизар, кажется, и без того не намерен в скорости из Киева выехать; впрочем в случае предприятия его к тому, я не премину удержать и его также под каким-либо благовидным предлогом. Чтожь касается до бывшего председателя Проскуры (который ныне находится в м. Белой Церкве у графини Браницкой, и для взятия коего тайно оттуда, под предлогом приглашения его ко мне для свидания по делам, к имению его относящимся, и доставления во исполнение предписания вашего сиятельства сюда в крепость, командирован от меня сей же час благонадежный чиновник), то хотя я не могу утвердить, чтобы он не распускал изъясненного в предписании вашем слуха, но по крайней мере смею удостоверить, что слух сей, ежели оный и был распущен, не имел здесь ни малейшего влияния, ибо по всем секретным разведываниям и бдительнейшему надзору, который учрежден по вверенной управлению моему губернии, везде где только можно было иметь какое-либо сомнение, ни где никакого волнения до сих не замечено, и тишина и спокойствие между жителями сохраняются совершенно». (Дело штаба 1-й армии № 9, лл. 144—145.)

Ценный материал о январьских настроениях в Киеве сохранился в «секретных дознаниях» одного из агентов тайной военной полиции — подполковника Бакуревича, командированного на Киевские контракты согласно особому распоряжению цесаревича Константина Павловича («Русск. Арх.» 1902, II, стр. 285). Как свидетельствовал рапорт на имя ген. Ф. Г. Гогеля от 24 января 1826 г., в Киеве «происшествие, случившееся в Черниговском пехотном полку, произвело между жителей и съехавшихся помещиков видную тишину, опаску в разговорах и во всяких сходбищах» «съезд в Киев помещиков на контракты противу прежнего очень мал, и в контрактовом зале бывают только те, которые имеют дела в суде, а сделки и уговоры делают на квартирах и сейчас по окончании выезжают». Не смотря на это, в «контрактовом доме учинен караул одним взводом

пехоты с офицером, одним полувзводом жандармов с офицером же и известным числом полицейских чинов. Сей дом ежедневно навещает по нескольку раз сам корпусный командир» («Русск. Арх.» 1871 г., стр. 279—284). Ср. воспоминания об этих же днях в Киеве гр. Густава Олизара («Pamiętniki 1798—1865. Gustawa Olizara»; перев. соотв. страниц в «Русск. Вестн.» 1893 г., кн. 9, стр. 115—116); докладные записки генерал-адъютанта Демидова (Гос. Арх. I В. дело № 22, лл. 21—28); воспоминания Иосифа Руликовского («Nasza Przyszlosc» 1908, № 6 и 7), а также В. М. Базилевич «Декабристи на Київщині». Киев, 1926; его же очерк «Восстание декабристов и Киев» (сборник «Из эпохи борьбы с царизмом», № 5, К., 1926, стр. 55—66) и публикации в сборн. «Декабристи на Україні», под ред. С. А. Ефремова и В. В. Мияковского, К. 1926, стр. 148 — 152. Кой-какие дополнительные данные вошли в справку В. В. Мияковского в «Україне» 1925 г., кн. 6, стр. 68 — 71 и в нашу заметку о книжке В. М. Базилевича в «Каторге и Ссылке». 1926 г., кн. 3, стр. 275 — 278.

8. Рапорт начальника штаба 3-го пехотного корпуса генерал-майора кн. М. Д. Горчакова от 1-го января 1826 г. на имя начальника штаба 1-й армии печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии «О возмущении Черниговского пехотного полка», № 10, л. 40.

9. Рапорт командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота от 1 января 1826 г. печатается с оригинала, находящегося в деле бывш. Государственного Архива № 20, лл. 31—32.

Ссылаясь в своем рапорте на «пьянство и неистовство» нижних чинов восставшего полка, ген.-лейт. Рот пользовался, очевидно, теми же сведениями, которыми располагал васильковский поветовый стряпчий, отметивший в своем донесении от 2 января, что при занятии С. И. Муравьевым г. Василькова «солдатам дана была вольность» и «оные на квартирах требовали вооруженною рукою необыкновенного продовольствия, сопряженного с грабительством хозяйственных вещей, водку же и съестные припасы брали без всякого платежа с крайнею обидою для жителей». Расходясь с показаниями большинства других источников (в том числе и официальных) о строгой дисциплине, поддерживаемой в ротах С. И. Муравьева в дни восстания, легенда о «неистовствах» черниговцев питаться могла лишь неизбежными инцидентами в шинках, столкновениями при размещении солдат по обывательским квартирам, да случаями в роде вывоза нескольких ведер водки из придорожного помещичьего двора. Выходило из этих рамок лишь происшествие в Фастове, действующими лицами, в котором были выдавшие себя за муравьевских квартирьеров-разведчиков пьяные дезертиры из мятежных рот. В рапорте фурштадского майора Тимофеева события представлены были в следующем виде: «2-го числа сего месяца приезжали из числа бунтовавшихся рот Черниговского пехотного полка в м. Фастов, 2-ой гренадерской роты унтер-офицеры Тимофей Николаев и Прокофий Никитин, который меньше ростом первого, и при них рядовые 5-ой мушкатерской роты: Алексей Осмолов, Михайло Голобоков и Гаврило Судаков, кои по прибытии в Фастов в первой раз заехали к содержателю трактира, а потом к управителю фастовского имения дворянину Новосельскому, что же они там делали и говорили—о том присланное ко мне отношение за № 4, при сем оригиналом вашему превосходительству представить честь имею. После же оного поясненные чины прибыли в дом фастовского поссесора Ольшевского, в коем только находилась в то время оного поссесора мать, обремененная старостью лет, и по прибытию в дом рядовые, взявши ружья, оставались с подводами на дворе, а унтер-офицеры также с ружьями, Николаев стоял у дверей, а Никитин взошол в покой, требовал от хозяйки дома на каждого человека по рублю серебром и, разломавши сундуки, выкидывал из оного платья, в каковом положении застан мною с бывшими при мне гг. офицерами: порутчиками Турчаниновым и Копейкою и подпорутчиком Стельмахом. Унтер-офицера Николаева я стал спрашивать, для чего они приехали в Фастов и по чьему приказанию, которой мне отвечал, что он прислан от подполковника Муравьева-Апостола для объявления жителям, чтобы они не опасались имеющих прибыть рот на ночь в Фастов, и со мною же вместе вышел из комнаты на двор, где я обще с офицерами начал всех их уговаривать, чтобы они оставили ложного своего командира и обратились под защиту истовых начальников, но они с смехом и грубым тоном отвечали: «Мы не знаем никаких начальников, кроме своего подполковника, а когда оной прибудет в Фастов, то наверно заставит присоединиться к своей команде». Я же, видавши, что уговаривать их невозможно лаской, потом объявил, что с ними поступлено будет как с бунтовщиками. По сему унтер-офицер Прокофий Никитин подскочил ко мне с ругательством, взявши ружье наперевес с примкнутым штыком, был намерен сделать оным мне удар, но до сего не допустил порутчик Копейка, схвативши за ружье, и порутчик Турчанинов с подпорутчиком Стельмахом отобрали в тоже время ружья у всех рядовых; потом оной Никитин бросился ко мне с кулаком, дабы нанести также удар, но унтер-офицер Николаев схватил его и не допустил исполнить предпринятого им; потом я, приказавши всех их взять и связать руки и отправить за надлежащим караулом к штабс-капитану

Матвеенке, находившемуся с казенными лошадьми в селении Дмитриевке, а оной за таковым же караулом отослал в местечко Белую Церковь: при всех же их противузаконных поступках были поясненные чины не в весьма в пьяном виде. (Дело штаба 1-й армии, № 9, лл. 1420—1422.)

В «отношении» управляющего Фастовской экономией дворянина Новосельского, на которое ссылался в своем рапорте Тимофеев, было отмечено, что при посещении его, Новосельского, унтер-офицерами Черниговского полка, на поздравление его «с новым государем», они «сказали с суровым видом: — Что вы говорите: у нас государь Константин Павлович, а Николай Павлович у нас под подборами» (Назв. дело, л. 1422). Арестованные, которым, сверх эксцессов в Фастове, ставилось в вину активное участие в мятеже и «изнасильствование в с. Мотовиловке жидовки», упорно отрицали все предъявленные им обвинения, при чем Тимофей Николаев утверждал, что он, «видя происходящий в полку бунт», пробирался в дивизионную квартиру, но в Фастове, куда заехал он для перемены лошадей, «был встречен фурштадским майором, которому объявил о себе и товарищах, что посланы туда для заемки квартир, — и сие показание сделал потому единственно, что не имел у себя письменного вида (а был в крестьянской шапке, взятой с квартиры), дабы не быть задержанным, но вместо того, когда товарищ его унтер-офицер, быв в нетрезвом виде, сделал оному майору грубости и даже толкнул его, то он тотчас, оттолкнув оного Никитина прочь, повалил на сани так, что он уронил ружье, и потом просил майора приказать связать их и отправить в Белую Церковь» (Назв. дело, лл. 1415—1416). Унтер-офицер Прокопий Никитин, присоединившийся «со своим капральством» к С. И. Муравьеву еще в дер. Ковалевке, показал, что будучи отправлен из Василькова в дер. Мотовиловку для предупреждения о приходе туда полка на ночевку, ожидал в корчме прибытия рот, а когда последние прибыли, «то я тотчас побежал вперед к ксендзу, есть ли хорошая для Муравьева квартира, и, возвратясь оттуда с сотским, пошел к роте. Разошлись по квартирам, и после, по позыву Муравьевым через вестового, пошел вместе с товарищем своим Николаевым в Муравьеву квартиру и на кухне переночевал, [затем] посланы были к помещику на залогу для удержания приходивших из рот во многом числе солдат забирать горячее вино, а когда Муравьев с ротами выступил в поход, то товарищ мой Николаев сказал мне, что полк бунтуется, и будет худо, — отправились на данных нам от помещика в подводы лошадях по тракту к Фастову, как сказывал Николаев, дабы обогнать полк и явиться в дивизионную квартиру, но в Фастове, заехав в помещичий или экономский дом переменить лошадей, вошли в покои, при чем у меня было ружье заряженное с собою, потому что по приказанию Муравьева в ротах были все заряжены ружья, где при требовании от хозяина дома лошадей, мы встречены были фурштадским майором... в нетрезвом виде грубили оному майору... и доставлены в Белую Церковь. В Мотовиловке же я прежде того никакого участия в предприятии Муравьева не принимал, дабы уговаривать солдат к возмущению, и насилие никому нигде не делал и ничего не грабил, как только во все время имел на себе мужичью шапку, снятую в селении Средней Слободе в корчме с мужика, потому что Муравьев приказал одеваться как можно поспешнее, хотя в крестьянское платье, ибо в то время было холодно и посему многие солдаты имели крестьянские шапки» (лл. 1416—1417). Показания Никитина и Николаева (по нашим копиям они частично воспроизведены в сборнике «Декабристи на Україні», Киев, 1926 г., стр. 153—160) подтверждены были и арестованными вместе с ними тремя рядовыми (то же дело, л. 1418). Ср. дополнительные показания всех о том же, лл. 1424—1431 и воспоминания владельца Мотовиловки И. Руликовского о пребывании в его деревне восставшего Черниговского полка. («Декабристи на Україні», стр. 72 и сл.)

Данные официального расследования, произведенного в Васильковском уезде о том «сколько потерпели жители убытку при возмущении Черниговского полка», выявили претензий на общую сумму в 17.721 р. 45 коп. ассигнациями и 123 р. 39 к. серебром, при чем размеры отдельных претензий колебались в пределах от 3.500 р. до 50 коп. ассигн. Цифры эти, как установила их проверка, были чрезвычайно преувеличены, заключали в себе убытки даже от простоя питейных домов и снабжения высланных против черниговцев правительственных войск, а потому «потерпевшие» вполне удовлетворены были выдачей им из государственного казначейства, на основании именного указа императора Николая министру финансов от 24. IX. 1827 г., десяти тысяч рублей ассигнациями («Былое», 1925 г., кн. V, стр. 90). Ср. В. М. Базилевич «Збитки від повстання 1825 — 1826 рр.». («Декабристи на Україні». Сборник Украинской академии наук, под ред. С. А. Ефремова и В. В. Мияковского. Киев, 1926, стр. 101 — 113.)

10. Рапорт командира 3-го пехотного корпуса ген. Л. О. Рота от 2 января 1826 г. на имя начальника штаба 1-й армии печатается с оригинала, находящегося в том же деле, № 20, лл. 33—34. Рапорт этот является ответом на секретный запрос начальника штаба 1-й армии от 30 декабря 1825 г., за № 325, о причинах долгого невозвращения в Могилев жандармов, командированных для ареста С. И. Муравьева-Апостола:

«Как прапорщик Скоков по сие время еще не возвратился сюда проездом в С.-Петербург и по всем расчетам просрочил уже без малого трое суток, то я по повелению г. главнокомандующего покорно прошу послать как наиспешнее кого-либо из генералов или иного доверенного чиновника в Васильков для немедленного выполнения высочайшей воли и строжайшего исследования причин, от коих произошла сия медленность и кто тому виною. Даже и в том случае, если б Скоков, взяв своего арестанта, выехал в С.-Петербург, то и тогда произвесть строжайшее исследование, которого именно числа и в котором часу он прибыл в Васильков, как исполнено арестование Муравьева-Апостола и когда, в котором часу, Скоков выехал из Василькова. Следствие сие представить как наиспешнее г. главнокомандующему для донесения государю императору. Еслиб случилось, что Муравьев-Апостол или другие чиновники, коих приказано взять, скрылись, то г. главнокомандующий приказал употребить всевозможные средства к отысканию их, разослав для сего повсеместно расторопных людей, и в таком случае сообщить о том и гражданскому начальству». (*Дело штаба 1-й армии «О злоумышленном тайном обществе»*, №9, л. 58).

Предметом особого обследования явился в штабе 1-й армии и вопрос о незаконной отлучке подпоручика М. П. Бестужева-Рюмина из Бобруйска к моменту получения там приказа об его аресте:

«1826 года, генваря 5 дня в присутствии дежурного генерала 1-й армии, командир пехотного Полтавского полка полковник Василий Карлов сын Тизенгаузен, по предмету отлучки вверенного ему полка подпорутчика Бестужева-Рюмина спрашиван и объяснил:

«Означенный подпорутчик Бестужев-Рюмин поступил ко мне в полк из прежнего состава л.-г. Семеновского полка юнкером, и как в сем чине, так и по производстве в прапорщики находился не при полку, но при корпусной квартире 3-го пех[отного] корпуса по воле корпусного командира г.-л. Рота, а в июне или июле месяце 1821 года по переходе полка из Полтавской в Киевскую губернию обращен в полк, где в течении означенного 1821, 1822 и 1823 годов вел себя весьма порядочно и никогда никуда самовольно не отлучался кроме в 1823-м году с позволения корпусного командира в июле месяце в Москву по случаю трудной болезни отца его. В 1824 и 1825 годах несколько раз без позволения моего отлучался в г. Васильков к подполковнику Черниговского пех[отного] полка Муравьеву, за что с начала получал от меня выговоры, а потом даже был арестован, и при сем случаи я не принимал в уважение, что он, Бестужев, квартировал в деревне, отстоящей от Василькова не более 35 верст; к вящему же воздержанию его от отлучек, было приказано от меня ротному его командиру, и как помнится даже дано было предписание иметь за ним строжайший надзор и не отпущать его из ротного двора без моего позволения. Пред выступлением вверенного мне полка из кантонир квартир к Бобруйской крепости, отпущен был мной Бестужев в половине октября м-ца в Васильков для взятия там своих вещей, остававшихся у подполковника Муравьева с тем, чтобы он явился к полку в Киев при походе оного чрез сей город 28 октября, но он на сей срок в полк не явился, почему я приказал было полковому адъютанту порут. Сумцову послать за ним, Бестужевым, нарочного, но бывши тогда же у дежурного штаб офицера 4 пех[отного] корпуса полковника князя Трубецкого, застал там вышеупомянутого подполковника Черниговского пех[отного] полка Муравьева-Апостола, где так же был и командир 4 пех[отного] корпуса г. генерал князь Щербатов, и я, узнавши от оного Муравьева, что и с ним не приехал Бестужев, просил его послать за ним, Бестужевым, и Муравьев взялся сие исполнить того же дня, при чем я говорил Муравьеву, что естьли Бестужев на первых переходах не присоединится к полку, то я сделаю донесение начальству о его отлучке, однако и за сим Бестужева не было, а по прибытии полка в Чернигов 5 числа ноября в полночь, означенный подполковник Муравьев-Апостол и отставной его брат, служивший у меня же в полку, Матвей приехали вместе ко мне на квартиру и привезли рапорт подпорутчика Бестужева о болезни его, прося при том меня, чтоб я не делал представления об оной отлучке Бестужева, но как при том рапорте не было приложено установленного лекарского свидетельства и в самом рапорте не означено, когда и откуда оный пущен и где находился Бестужев, то я решительно сказал им, Муравьевым, что непременно сделаю представление и сие исполнил тот час по прибытии в Бобруйск, каковое представление учинено от меня командующему г.-м. Тихановскому, не смотря и на то, что и полковые офицеры просили меня повременить с оным представлением единственно для того, чтобы удалить Бестужева от предстоявшего ему за тот поступок нещастия. Несколько дней спустя после отправления упомянутого представления, Бестужев явился к полку и был в то же время арестован на 10 дней с объявлением о сем в приказе по полку. 14-го декабря по утру Бестужев, довольно рано явясь ко мне в отчаянном виде, предъявил два письма от поверенного в делах его отца Бестужева, в коих заключалось уведомление: о смерти матери и о болезни отца его Бестужева (но кто именно тот поверенный припомнить не могу). По сему случаю просил он, Бестужев, способствования моего к получению ему увольнения в отпуск, но я в содействии моем ему отказал, а только советовал, чтобы послал означенные полученные им письма при своем письме к корпус-

ному командиру и просил бы его об отпуске; в сем разе Бестужев убедительно изъяснял о медленности, каковая от того произойдет, и что чрез таковую медленность может быть и не застанет уже в живых отца своего. Я, тронувшись таковым убеждением Бестужева и имея надобность командировать в Киев офицера для принятия на полк жалованья, ибо командированный для того полковой казначей тамо заболел, решился отправить его за жалованьем 16 декабря, но Бестужев, прибывши в Киев, не застал уже там казначея, который хотя и был болен, однако получил жалованье и отправился в полк, куда прибыл в Бобруйск 26 декабря, а после того чрез три дня получил я и от Бестужева рапорт о приеме казначеем жалованья, однако сам Бестужев к полку не возвратился, несмотря на то, что ему при отправлении наистрожайше от меня приказано было пробыть в Киеве не более трех дней и возвратиться к полку не позже 24 декабря.—Командировку же в Киев Бестужева сделал я и потому уважению, что Киев ближе к Житомиру, нежели Бобруйск, и что в Киеве скорее мог получить разрешение от корпусного командира о просимом им, Бестужевым, увольнении. В заключение я присовокупляю, что командировка Бестужева в Киев учинена мною единственно по изъясненным убеждениям его. В сем случае я признаю себя виновным, ибо мне известно было о воле начальства, что офицеры, переведенные из бывшего состава л.-г. Семеновского полка, не должны быть ни увольняемы в отпуск, ни употребляемы в командировки, но в прочем я берусь утвердить клятвою, что я ни о каких противузаконных предприятиях Бестужева и его соумышленников не знал, ни от кого о том не слышал и ни по каким обстоятельствам в том ни его, Бестужева, и никого не подозревал и переписки с ними никогда никакой не имел. 2-го ж настоящего генваря доставил ко мне полковой адъютант порутчик Сумцов принятые им с почты два письма на имя подпорутчика Бестужева, кои я при арестовании меня отдал не вскрытыми прибывшему за мною жандармскому порутчику Заичневскому, которые я хотел было с первоотходящею почтою отправить к корпусному командиру по тому случаю, что 31 декабря получил от него предписание о забрании бумаг его Бестужева, за коими и отправился на квартиру его с корпусным старшим адъютантом Докудовским и бобруйским плац-майором Пушкаревым, но в той ни бумаг, ни вещей никаких не нашел. Подлинное подписал полковник Тизенгаузен». (Дело штаба 1-й армии № 10, лл. 106 — 109). Ср. позднейшее «Откровение Василия Тизенгаузена», представленное им в Комитет для следственных изысканий в Петербурге и опубликованное в сборнике «Декабристи на Україні». Киев, 1926, стр. 173 — 178.

11. Донесение старшего адъютанта штаба 1-й армии В. С. Сотникова от 2 января 1826 г. печатается с оригинала, находящегося в деле 1-й армии «О злоумышленном тайном обществе» № 9, ч. I, лл. 112—114. Приписка к рапорту вызвана предложением главнокомандующего немедленно приступить к перлюстрации всей идущей через киевскую почтовую контору корреспонденции. (То же дело, лл. 148—150). Формальные затруднения, о которых писал В. С. Сотников, были скоро улажены, но, как свидетельствует представляемый впоследствии перлюстрированный материал, серьезных результатов «прочет партикулярных писем» не дал.

12. Рапорт командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии кн. А. Г. Щербатова (в этой должности с 25. XI. 1824 г. по 16. IX. 1826 г.) от 2 января 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армией печатается вместе со всеми приложениями к нему с оригинала, находящегося в деле бывш. Государственного Архива № 20, лл. 61—77.

Дополняют эту коллекцию документов показания А. Е. Мозалевского от 9. I. 1826 г., вошедшие вместе с некоторыми выдержками из печатаемых нами «приложений» к рапорту кн. Щербатова в публикацию В. Е. Сыроечковского «Восстание Черниговского полка в показаниях его участников» («Красный Архив» 1925, кн. VI, стр. 30 — 36 и 38 — 41. Ср. текст этих же показаний А. Е. Мозалевского от 9. I. 1826 г. в изд. «Восстание декабристов», том IV, М.-Л., 1927, стр. 249 — 251). По неисправным копиям дела штаба 1-й армии показания Харитонова и Федорова опубликованы в сбор. «Декабристи на Україні». Киев, 1926, стр. 151 — 152.

Получившая чрезвычайно яркое отражение в этих материалах командировка прапорщика А. Е. Мозалевского в самый разгар восстания в Киев, как можно заключить из показаний братьев Муравьевых-Апостолов («Красн. Арх.» 1925, кн. VI, стр. 7 и 20), была связана с информацией, полученной в конце декабря А. Д. Кузьминым от подпоручика 8-й артиллерийской бригады Я. М. Андреевича, — деятельнейшего члена тайного общества, временно находившегося по служебным делам в Киеве, приехавшего оттуда в Васильков и участвовавшего в совещании заговорщиков накануне выступления Черниговского полка. Трудно ныне судить, насколько серьезны были предположения о возможности восстания в Киеве при приближении к нему революционных рот С. И. Муравьева, но каковы бы эти основания ни были (следствие на них почему-то не остановилось, и формальной отпиской кн. Щербатова разрешился даже такой перво-

степенной важности вопрос, как расчеты мятежников на батальон Крупенникова) — проект захвата первоклассной крепости и административно-экономического центра всего юго-западного края поставлен был во главу угла начальных операций черниговцев. Вот, что свидетельствует, например, С. И. Муравьев-Апостол в своем «ответе» («Восстание декабристов», т. IV, М.-Л., 1927, стр. 287 — 288), на один из вопросных пунктов Следственной Комиссии от 31 января 1826 г.

«Из Василькова я мог действовать трояким образом: 1-е идти на Киев, 2-е идти на Белую Церковь и 3-е двинуться поспешнее к Житомиру и стараться соединиться с славянами. Из сих трех планов я склонялся более на последний и на первой, по сей самой причине, когда посылал я Мозалевского с письмом к майору Крупенникову, назначил ему приехать в Брусилов, ибо из Брусилова я мог одним переходом прийти в Киев, если бы получил от Крупенникова удовлетворительный ответ; в противном же случае я находился также в расстоянии одного перехода от Житомира. На другой день, 31-го декабря, выждав до полудни, чтоб дать приблизиться 2-й мушк. роте, я собрал роты в городе находящиеся. Полковой священник после молебствия прочел катихизис, сочиненный мною, и я двинулся с ротами на Мотовиловку по дороге к Брусилову, где были роты 1-я гренадерская и 1-я мушкатерская. Приметив же, что прочтение катихизиса произвело дурное впечатление на солдат, я решился снова действовать во имя великого князя Константина Павловича. Приближась к сумеркам к с. Мотовиловке, нашел там собранные обе упомянутые роты без ротных командиров, уговаривал их пристать к нам. Часть 1-й мушкатерской роты согласилась, 1-я же гренадерская отказалась и пошла ночью в Белую Церковь. Переночевав в Мотовиловке с остальными ротами (2-й мушк. прибыла на другой день по утру), я решился здесь передневать, по случаю нового года, дабы не возбудить ропота в солдатах. На другой же день, т.-е. 2-го генваря, не имея никаких известий о Мозалевском и заключив из сего, что он взят или в Киеве, куда следственно мне идти не надобно, или в Брусилове, где стало быть уже предварены о моем движении, и зная, сколько первая встреча подействует на солдат, я решился двинуться на Белую Церковь, где предполагал, что меня не ожидают, и где надеялся не встретить артиллерии».

Историю разведки А. Е. Мозалевского и его соратников в Киеве освещают «Записки декабриста И. И. Горбачевского» (отд. изд., под ред. Б. Е. Сыроечковского. М., 1925, стр. 155 — 164; первонач. в «Русском Архиве» за 1882 г. и в изд. «Задруга», М., 1916, стр. 127—136).

Об обстоятельствах самого захвата посланцев С. И. Муравьева-Апостола сохранился рапорт войта села Петропавловской Борщаговки от 1-го января 1826 г. в киевский нижний земский суд: «Взятых заехавших в селений в казенной питейной дом и требовавших две троеконные подводы за указанные прогоны названной солдатами князем Черниговского пехотного полка прапорщик Мозаревский [sic!] и при нем один унтерофицер Иван Харитонов и три рядовые Павел Прокофьев, Алексей Федоров, Аким Софронов, то я у оных требовал билетов или каких-нибудь бумаг, и оные объявили, что никаких бумаг у них нету, а отобранные у них деньги ассигнациями тридцать рублей серебром, мелких 3 руб. 40 коп. и медью один рубль: которого названного солдатами князем прапорщика Мозаревского, и солдаты как спрашивали у них бумаг, то оные начали бежать из трактира в сени и садиться на тройку лошадей, то мы начали удерживать, а тот самый прапорщик призвал казенного крестьянина Иову Димиденка и давали ему денег тридцать рублей ассигнациями, то оной не принял и объявил, что дают ему деньги для того, чтобы их выпустить из трактира, и при оных оружия никакого не было кроме сабли, которых в Киевский нижний земский суд за караулом представить честь имею». («Рух декабристів на Україні». Ювілейне видання Укрцентрархіву. Харків, 1926, стр. 30 второй пагин. Ср. здесь же опубликованные рапорт от 1 января Киевского нижнего земского суда на имя гражданского губернатора и расписку от того же числа поручика Павлова о принятии им арестованных в Борщаговке «для доставления в дежурство 4-го пехотного корпуса».)

13. Рапорт киевского губернского прокурора от 3 января 1826 г. на имя министра юстиции (Номер рапорта остался не проставленным, в силу, очевидно, спешки) печатается вместе со всеми приложениями к нему с оригиналов, находящихся в деле архива министерства юстиции за 1826 г., № 39, лл. 5 — 11. Копии рапорта и письма васильковского уездного стряпчего от 2. I. 1826 г., приложенные к донесению В. А. Каменского, сохранились также в отмеченном нами выше деле канцелярии Киевского гражданского губернатора «О возмущении Черниговского пехотного полка». Как доказывает находящаяся здесь же копия показаний бежавшего от С. И. Муравьева-Апостола рядового Карпа Степанова, данные последнего о мятежниках явились основным источником и для публикуемого нами рапорта уездного стряпчего. А. Е. Пивинский опустил лишь сообщение Карпа Степанова об обозе восставших: «Взятые с города 4 плотника и кузнец шли под стражею, так же и фурлейты, позади коих наблюдал за сим ехавший верховою лошадью с обнаженною саблею порутчик Сухинов». (Сборник

«Рух декабристів». Харьков, 1926, стр. 35 — 39 втор. пагин.). Об окончании мятежа В. А. Каменский довел до сведения министра юстиции рапортом от 5-го января 1826 г.:

«4-го сего генваря получил я рапорт васильковского поветового стряпчего, что партия сих мятежников, около селения васильковского повета Поляниченцы отрядом принца Оранского полка с артиллериею быв встречена, действием оной уничтожена, подполковник Муравьев-Апостол раненым захвачен, брат его при нем бывший лишил себя жизни, один офицер и нижних чинов более десяти человек убиты, а о количестве раненых еще неизвестно; из сообщников Муравьева одни захвачены, а другие разбежались, но о поимке сих последних приняты меры. Между же жителями в городе Василькове и повете оного состоит благополучно». (Архив министерства юстиции. то же дело, л. 13.)

14. Всеподданнейший рапорт командующего киевским внутренним гарнизонным батальоном майора Черняка-Самойленка от 3-го января 1826 г. печатается с оригинала, находящегося в деле главного штаба е. и. в. по канцелярии дежурного генерала 1826 г., № 7, лл. 31 — 36.

Данные рапорта командующего гарнизонным баталионом о «нижних чинах» Черниговского полка, оставшихся в Василькове после выступления мятежников, уточняет рапорт васильковского городничего на имя киевского гражданского губернатора от 2. I 1826 г., в котором перечислено: «плотников, писарей, музыкантов и в лазарете больных и служителей всего числом 111 человек». В этом же рапорте городничий отмечает, что 1-го января С. И. Муравьев-Апостол «прислал с Мотовиловки в Васильков унтер-офицера и взял старшего полкового фершала Макухина», а 2-го января вечером в полковой цейхгауз явились: 1) денщик полкового казначея Сизиневского — для сдачи принадлежащего последнему чемодана с вещами и 2) «подполковника Муравьева два человека крепостных людей», возвративших полученные ими «ружья и аммуницию» и заявивших, что «они Муравьевым отпущены» («Рух декабристів». Харків 1926, стр. 34).

15. Секретное отношение главнокомандующего 1-й армиею гр. Ф. В. Сакена от 3-го января 1826 г. на имя начальника главного штаба генерал-адъютанта бар. И. И. Дибича печатается, вместе с приложениями к нему, с оригинала, находящегося в отмеченном выше деле бывш. Государственного Архива, № 20, лл. 1—4 и 6—9. Из приложений опущены нами копия с воспроизведенного выше рапорта васильковского стряпчего и оргиналы донесений В. С. Сотникова, перенесенные в основной текст под № **7**. Неисправная копия первого приложения, сохранившаяся в деле канцелярии киевского гражд. губернатора, напечатана в сборнике Укрцентрархива «Рух декабристів», стр. 25.

Донесение Ф. В. Сакена от 3. I. 1826 г. получено было в Петербурге в ночь с 5-го на 6-е января и вызвало следующее обращение императора Николая к главнокомандующему 1-ю армиею:

«C'est hier soir à minuit que j'ai reçu, mon cher général, la nouvelle de la révolte de Муравьевъ, ainsi que des mesures que votre prudence vous a dictées pour réprimer, s'il est encore possible, le mal dans sa source.

«J'avoue que je ne puis me dissimuler de croire que la chose n'a pu arriver que par la maladresse du pauvre général Guébel; car il paraît que c'est au moment de l'arrestation de Муравьевъ que la chose est éclatée. Je blâme aussi beaucoup la manière irrésolue du prince Cherbatof, qui peut être cause de bien graves inconvenients.

«A tout considérer et surtout vu l'emploi que l'on fait du nom de mon frère pour révolter les troupes, j'ai cru devoir me décider à charger mon frère lui-même de réprimer la rébellion en cas qu'elle devienne plus grave, en mettant tous les trois corps sous ses ordres momentanés. Comme je fais tout connaître au public, je compte publier aussi cet événement et dire, pour montrer ma confiance pleine et entière dans mon frère, que c'est lui auquel j'ai confié de terminer ce scandale. Cela ne peut que faire le meilleur effet.

«J'attendrai avec impatience de vos nouvelles et de celles du général Roth. Je ne suis pas sans crainte à son égard, car je sais positivement qu'il est détesté dans son corps. Hors cela ne peut gagner la confiance de la troupe, et une fois la branle donné, il serait possibleque l'on se défasse de lui.

«Je vous envoie porteur de la présente le général Demidow que j'envoie à Житомиръ. S'il arrivait que Roth fût mis hors de combat, c'est lui qui prendra le commandement du corps. Si,ce que Dieu veuille nous accorder, tout finit bien, je le charge de voir par lui-même l'état des esprits du pays et des troupes dont les coquins ont troublé les têtes. Il poussera pour le même objet vers Kiew où il restera aussi longtemps qu'il le supposera nécessaire pour me mettre au fait des esprits de la canaille qui s'y trouve.

«Tout me paraît tranquille ici, et avec l'aide de Dieu je ne vois pas de raison pour une nouvelle secousse. Nos enquêtes vont bien et deviennent de plus en plus curieuses. Je compte en finir avec deux des assassins principaux dans trois jours d'après les loix du Учрежденіе о большой дѣйствующей арміи. Cet exemple tout affreux qu'il soit, est indispensable.

«Enfin, mon cher général, arrive ce que doit, nous ferons notre devoir en honnêtes gens. C'est ce que j'espère en Dieu de faire. Et quant à vous, soyez sûr de toute mon estime, et de ma confiance, comme je compte sûr votre zèle et votre amitié. Votre affectionné N.

«Ne négligez pas de me donner les plus souvent possible de vos nouvelles».

(«Русск. Архив». 1884 г., III, стр. 242 — 243).

Под первым же впечатлением известий о событиях в Василькове, император Николай с гораздо большею непосредственностью писал 5 января 1826 г. цесаревичу Константину: «Только что полученное мною известие о возмущении Черниговского полка Муравьевым-Апостолом в момент, когда его должны были арестовать, заставляет меня, не откладывая, сообщить вам, дорогой Константин, что я отдал 3-й корпус под ваше командование, о чем я уже написал Сакену. Я уполномачиваю вас принять все меры, которые вы найдете необходимыми, чтобы помешать развитию этого зародыша мятежа; вы можете, следовательно, двинуть все войска ваших д в у х к о р п у с о в, какие сочтете необходимым употребить в дело, уведомив главнокомандующего, дабы он, со своей стороны, мог урегулировать движение своей армии. Я желал бы избежать вступления польской армии в Россию, разве только это станет необходимым. Главнокомандующий принял нужные меры; я не могу сказать того же о Щербатове: он упустил драгоценное время, и я, принимая во внимание направление взятое Муравьевым, не могу не опасаться, как бы Полтавский полк, командуемый Тизенгаузеном, который еще не арестован, а также Ахтырский гусарский и конная батарея, командиры которых тоже должны были быть арестованы, не присоединились к восставшим. Князь Волконский, который по близости, вероятно присоединится к ним. Таким образом, наберется от 6.000 до 7.000 человек, если не окажется честных людей, которые сумеют удержать порядок. Жду дальнейших известий и, сообразуясь с ними, думаю дать делу необходимую гласность, что бы предупредить ложные слухи» («Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». Л. 1926, стр. 175; французский оригинал письма напечатан впервые в «Сборнике Русского Исторического Общества», т. 131. СПБ, 1910, стр. 25 — 26). В примечаниях к новейшему изданию этой переписки Б. Е. С ы р о е ч к о в с к и й опубликовал документ, проливающий свет на мотивы первых распоряжений Николая — записку И. И. Дибича и резолюцию, положенную на ней царем: «Я полагаю, — писал И. И. Дибич, — что сего числа в Комитете непременно должно объявить о полученном из Киева известии, на что испрашиваю высочайшего соизволения вашего императорского величества. Генваря 6 дня 1826 года». Отметка Николая гласила: «Да, и прибавить, что я щитаю нужным объявить в приказе, что я Константину Павловичу поручил все распоряжения по укрощению начала сего возмущения. Этим каждый увидит, что, хотя бунтовщики действуют его именем, я е м у с а м о м у предоставляю все меры против сих злодеев» (op. cit., стр. 238). О последующих сношениях главного штаба и штаба 1-й армии с цесаревичем Константином в дни восстания Черниговского полка см. в настоящем издании №№ **24**, **27**, **28** и примечания к ним.

Как свидетельствуют самые даты публикуемых нами документов, отдаленность главной квартиры 1-й армии от места действий восставшего Черниговского полка обусловила, с одной стороны, слишком позднюю информацию штаба главнокомандующего о событиях в Василькове, а, с другой, невозможность фактического руководства им операциями против восставших. Ближайшее применение энергия и опыт начальника штаба 1-й армии генерал-адъютанта барона К. Ф. Толя—деятельного участника подавления восстания на Сенатской площади, только 19-го декабря возвратившегося из Петербурга в Могилев (См. «Журнал генерала-адъютанта гр. К. Ф. Толь о декабрьских событиях 1825 г.». СПБ., стр. 19—10) — могли получить лишь в последующей розыскной работе, масштаб которой определялся не столько данными, непосредственно относящимися к восстанию Черниговского полка, сколько материалами о широко развернутой Южным обществом агитации и пропаганде во всем районе расположения войск 3-го корпуса.

16. Секретное отношение главнокомандующего 1-й армией от 3-го января 1826 г. к начальнику главного штаба генерал-адъютанту бар. И. И. Дибичу печатается с оригинала, находящегося в деле бывш. Государственного Архива № 20, лл. 17—19.

Как свидетельствует сличение текста приложенного к отношению главнокомандующего рапорта князя Щербатова от 1. I. 1826 г. с рапортом киевского земского исправника от 31. XII. 1825 г. (опубликован в сборн. «Рух декабристів», стр. 26 — 27), — в основе обоих донесений лежал один и тот же фактический материал, позволяющий установить тожество обоих информаторов — «чиновника Коломейцева» с писарем станции Вета.

17. Рапорт командира 4-го пехотного корпуса кн. А. Г. Щербатова от 3-го января 1826 г., вместе с приложенным к нему подлинным рапортом ген. Рота от того же дня за № 13, печатается с оригиналов, находящихся в деле бывш. Гос. Архива № 20, лл. 42 —43. В Могилеве бумаги эти получены были 5-го января, в 8 часов пополудни, и в тот же

день, при всеподданнейшем рапорте главнокомандующего 1-й армией за № 34, отправлены были в Петербург. Копия с рапорта генерал-лейтенанта Л. О. Рота была распубликована, как дополнение первой печатной информации о восстании, при приказе начальника главного штаба от 8 января 1826 г. за № 2, откуда перепечатана в «Русском Инвалиде», 10 января 1826 г., № 8.

18. Всеподданейший рапорт командира 3-го корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота от 3-го января 1826 г. за № 17, полученный в Петербурге лишь 10 января, печатается с оригинала, находящегося в деле бывш. Государственного Архива № 20, лл. 76—80. Рапорт этот буквально совпадает в своей фактической части с рапортом ген. Рота на имя главнокомандующего 1-й армиею от того же числа за № 16, который, будучи получен в Могилеве 6-го января, в 10 часов утра, был немедленно отправлен в Петербург и распубликован в приказе начальника главного штаба от 9-го января 1826 г. за № 3. (Перепечатан в «Русском Инвалиде» 12 января 1826, № 9). Высочайшим приказом от 16-го января 1826 г. всем штаб и обер-офицерам, «находившимся при покорении мятежников», была объявлена «высочайшая благодарность», а нижним чинам «всемилостивейше» пожаловано «по два рубля, по два фунта говядины и по две чарки вина на человека». Приказами от 9-го января 1826 г. объявлено было о производстве в следующие чины Гебеля, Козлова и Павлова, от 20 января 1826 г. о переводе в полки лейб-гвардии всех чинов первой гренадерской роты Черниговского полка и от 27-го февраля 1826 г. о высочайшем благоволении десяти офицерам разных гусарских полков за «усердие и верность» при покорении мятежников («Русская Старина» 1905, кн. V, стр. 377—378. Ср. «Русский Архив» 1905, кн. 5, стр. 126, и «Былое» 1925, кн. 5, стр. 84.

19. Секретное отношение киевского гражданского губернатора от 4-го января 1826 г. на имя управляющего министерством внутренних дел печатается, вместе со всеми приложениями к нему, с оригиналов, находящихся в деле бывш. Государственного Архива № 20, лл. 83—100. Черновик этого отношения, вместе с подлинниками приложенных к нему в копиях рапортов, сохранился в деле канцелярии киевского гражданского губернатора «О возмущении некоторых рот квартирующего в г. Василькове Черниговского пехотного полка», опубликованном в сборнике «Рух декабристів». Харків, 1926, стр. 43 — 45 и 27 — 36. Ценным дополнением к этой серии документов является рапорт васильковского земского исправника от 6-го января 1826 г. за № 5 к киевскому гражданскому губернатору, сохранившийся в копии в деле штаба 1-й армии «О возмущении Черниговского пехотного полка», № 10, лл. 216—217, а с оригинала напечатанный в сборнике «Рух декабристів», 1926 г., стр. 51—52:

«После отправленного к вашему превосходительству от меня 3-го числа за № 4 рапорта с донесением о усмирении возмутителей Черниговского пехотного полка под начальством подполковника Муравьева и о взятии их всех в плен, сделав нужные из Василькова распоряжения на щет поимки разбредшихся по повету из оных возмутителей и ограбления ими некоторых обывателей, а в особенности селения Мотовиловки, я сам отправился на место происшествия в селение Королевку, но, получив при выезде от маиора Трухина отношение о заарестовании в селении Гребенках разжалованного из полковников в рядовые Башмакова и капитана Фурмана, я туда заехал и отыскал их и, арестовав, отправил за надлежащим караулом в Васильков на гоубтвахту под присмотр воинской команды, отправился чрез Устимовку, где донесено мне, что возмутившийся Черниговский полк, генваря 3-го числа по утру возвратившись из селения Пологов под местечком Белою Церковью, в 12 верстах около которого он лавировал, посылая в разные места квартирьеров для обману, чтоб не узнали его направления; уповательно получивши чрез своих шпионов известие, что и в м. Белой Церкве находится 18-й егерский полк с артиллериею, ночевавши там до света, взял направление по бердичевской дороге на означенное селение Устимовку, где в экономическом доме подполковник Муравьев, собравшись с общниками своими, сжег на каминку какие то секретные бумаги, в чемодане туда внесенные, довольно в значительном количестве, так что не безопасно было от пожара, затем потянулся на селение Королевку и Трилесы, но тут, между Устимовкою, Ковалевкою и Паляничинцами, на ровном месте был встречен четырьмя эскадронами гусар и двумя орудиями артиллерии; за окружением их командующий сим отрядом бригадный генерал, генерал Гейсмар, закричал им, чтобы они сдались и бросили ружья, но Муравьев того не послушался, а потому и выстрелено было по них из артиллерии поверх голов картечью, но когда и тогда не здались, то прямо в них—и тут положено убитых и раненных до 30 человек. Подполковник Муравьев сбит с лошади одним ударом по голове саблею или картечью. Тогда все нижние чины бросили ружья, не выстрелив из них ни один, сдались в плен. По приезде моем в село Трилесы, куда убитые и раненые были перевезены, а полк пленный под конвоем гусар отправлен в дивизионную квартиру в м. Белую Церковь, где и теперь под стражею 17-го егерского полка находится, а по личном моем обозрении и распросе о убитых оказалось: убиты брат Муравьева—свит-

ский прапорщик Муравьев, Черниговского полка порутчик Щепилла и порутчик Кузьмин. Сей последний, хотя и был взят в плен, но сам себе из спрятанного им пистолета застрелился. Раненых нижних чинов 22 человека, которые на восьми троеконных и пароконных подводах отправлены мною под присмотром оставленного для перевязки ран гусарского принца Оранского полка костоправа Данилова в м. Белую Церковь в полковой лазарет, а убитых четырех рядовых и означенных трех офицеров при себе же предал земле. Отправившись от тудова и сам в Белую Церковь для подробнейшего узнания о числе пленных, и за прибытием сюда оказалось пленных и содержащихся под воинскою стражею: раненый подполковник Муравьев, брат его отставной подполковник Муравьев, Полтавского полка подпорутчик Бестужев-Рюмин, Черниговского полка подпорутчик Быстрицкий, штабс-капитан барон Соловьев и разжалованный из штабс-капитанов Грохольский, да нижних чинов до 800 человек. Два знамена находятся у дивизионного генерала Тихановского; переведенный же из Черниговского полка в Александрийский гусарский полк подпорутчик Сухинов во время сражения с лошадью ускакал и неизвестно куда, сказывают одни, что он при преследовании гусаром ранен, а другие, что он, скакавши чрез пруд, провалился и утонул; однакож все то невероятно, и вследствие отношения ко мне дивизионного генерала о сыску и поимки его сообщено от меня по секрету киевскому, сквирскому и радомысльскому земским исправникам, о чем вашему превосходительству честь имею донести. При чем докладываю, что со времени действия моего с 29 прошлого декабря до сего времени я не ограничивал себя одною перепискою и донесениями вашему превосходительству, но самым личным действием и теперь тем же занимаюсь, далее вашему превосходительству о действиях по сему происшествию не умедлю представить подробнейший рапорт, в протчем теперь донести имею честь, что обыватели от происшедшего по сему случаю страха успокоились и приводятся все в порядок».

20. Секретный рапорт начальника штаба 1-й армии генерал-адъютанта бар. К. Ф. Толя от 4-го января 1826 г. к начальнику главного штаба генерал-адъютанту бар. Дибичу печатается с оригинала, находящегося в деле бывш. Государственного Архива № 20, лл. 21—24, 27—28, 35—40. Из приложений нами выделены и перенесены в основной текст под №№ **9** и **10** подлинные рапорты ген. Рота и опущены: воспроизведенная выше (см. приложение к № **19**) с более авторитетного списка копия донесения васильковского городничего за № 1456 и неисправная копия известного катехизиса. Что касается рапорта кн. М. Д. Горчакова от 2-го января 1826 г. за № 8, то он устранен нами из основного текста, как заключающий в себе лишь следующую информацию:

«Имею честь донести вашему превосходительству, что 2-я бригада 9-й пехотной дивизии выступила уже из своих квартир и прибудет завтра: Алексопольский полк в с. Студеницу, Кременчугский в с. Левково, и что я сей час двигаю один эскадрон для наблюдения пространства между Старосельем и Коростышевым, равно как места левее первого и правее последнего из сих селений. Прочие же распоряжения должны заключаться в донесении г. корпусного командира, с сим же курьером посылаемого».

Помета генерал-адъютанта Дибича на рапорте бар. Толя гласит: «Высочайше повелено маиора Трухина и порутчика Павлова в следующие чины».

Показания командира Ахтырского гусарского полка полковника А. З. Муравьева от 4. I. 1826 г. (отрывок из них напечатан в «Красном Архиве», 1925, кн. 6, стр. 26—27) в основной своей части были им впоследствии существенно изменены. Так, при допросе 30. I. 1826 г. в Петербурге А. З. Муравьев сознался в том, что, после приезда в Любар Бестужева-Рюмина с тревожными вестями из Василькова, он «предложил» ему и братьям Муравьевым-Апостолам «всем вместе ехать, придумать хладнокровно дорогою, что предпринять на будущее время и стараться изведать, точно ли бумаги [С. И. Муравьева-Апостола] взяты без приказания его взять. В эту минуту Сергей Муравьев сказал, что — это и моя мысль, но если доберусь до батальона, то живого не возьмут. Бестужев обратился ко мне и говорит: «ты верно не отстанешь с полком, говоря то, что ты говорил и предлагая то, что ты предлагал»... Дабы не остановить их, дабы не покраснеть пред ими, открыв себя, я новым преступлением сделался виновным, о б е щ а в с о д е й с т в и е. Бестужев оставил мне записку, в коей пишет офицеру артиллерийскому, за старым Константиновым с ротою расположенному, что бы он известил всех, что бумаги схвачены и что бы чрез 8 дней были готовы. Я, не послав ее, истребил. («Красный Арх.», 1925, кн. 6, стр. 28 — 29). Расчетам заговорщиков на Ахтырский гусарский полк и самой роли А. З. Муравьева в дни междуцарствия и восстания Черниговского полка посвящены страницы «Записок» И. И. Г о р б а ч е в с к о г о (изд. 2-е, стр. 122 — 133), Ф. Ф. В а д к о в с к о г о (op. cit., стр. 163 — 168), показания С. И. М у р а в ь е в а - А п о с т о л а, М. П. Б е с т у ж е в а - Р ю м и н а, Н. Н. С е м и ч е в а, Я. М. А н д р е е в и ч а, В. А. Б е ч а с н о г о («Красн. Арх.». 1925, кн. 6, стр. 11 — 12, 24, 29, 42 — 46 и др.), а также очерк и материалы М. В. М у р а в ь е в а «Декабрист Артамон Захарович Муравьев» («Тайные общества в России в начале XIX столетия». Сборник материалов, статей и воспоминаний. М., 1926, стр. 103—128).

Показания Несмеянова (стр. 52 — 53) любопытно сравнить с написанным им впоследствии «объяснением» его роли в декабрьских событиях, сохранившимся в бумагах академика Н. Ф. Дубровина и напечатанным С. А. Ереминым в издании Академии наук «Памяти декабристов», вып. 2, Л., 1926, стр. 73 — 87.

21. Рапорт командира 4-го пехотного корпуса кн. А. Г. Щербатова от 5-го января 1826 г. главнокомандующему 1-ю армиею печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии, № 10, лл. 124 — 126. Рапорт этот, очевидно, вызван следующим отношением графа Сакена от 3-го января 1826 г.: «Сейчас полученный рапорт вашего сиятельства от 1-го генваря подтверждает совершенно возмущение Муравьева-Апостола, и из оного я не усматриваю, чтобы ваше сиятельство взяли бы какие-либо решительные меры к укрощению возмущения. Вследствие сего, в подтверждение вчерашнего моего к вашему сиятельству повеления, чрез начальника главного штаба объявленного, повторяю вам, дабы вы сами, не медля ни мало, выступили вслед за мятежниками и употребили все средства настичь и истребить шайки их. Отдаленность, в которой мы находимся от вас, не позволяет мне давать вам подробные наставления и потому предоставляю совершенно вашему благоразумию употребить все те средства, которые клониться могут к скорейшему прекращению беспорядков. Если Муравьев с мятежниками, по получении сего, удалился уже на несколько маршей по дороге к Варшаве, то, как присутствие ваше может быть нужно в Киеве (что предоставляю совершенно вашему благоусмотрению), тогда поручите начальнику штаба вверенного вам корпуса следовать за мятежниками и выступившие по предмету сему войска замените 2-ю и 3-ю бригадами 10-й дивизии, из коих Полоцкой, 19 и 20-й егерские получили приказы отсель следовать в Киев». (То же дело л. 23).

В тех же тонах, что и главнокомандующий, вел переписку генерал К. Ф. Толь с начальником штаба 4-го корпуса генерал-майором А. И. Красовским. Так, в письме К. Ф. Толя к последнему от 2-го января 1826 г. сохранилось следующее наставление: «Я еще повторяю, что сила оружия должна быть употреблена без всяких переговоров: происшествие 14-го числа в Петербурге, коему я был свидетель, лучшим служит для нас примером». (Н. К. Шильдер, Николай I, т. 1. СПБ., 1903, стр. 337 и 798.)

22. Рапорт командира 4-го пехотного корпуса кн. А. Г. Щербатова от 6-го января 1826 г. к главнокомандующему 1-й армиею печатается с оригинала, находящегося в том же деле № 10, лл. 129 — 132. Недовольство главной квартиры действиями кн. Щербатова в дни восстания Черниговского полка, обостряемое его столкновениями с ген.-адъют. К. Ф. Толем и агентом последнего в Киеве кап. Сотниковым, привело, как известно, к перемещению 16-го сентября 1826 г. командира 4-го корпуса на ту же должность во 2-й пехотный корпус.

Как ответ на печатаемый нами рапорт А. Г. Щербатова надлежит рассматривать следующее полуофициальное письмо ген. Толя к ген. Красовскому: «Благодаря бога, мятеж уничтожен, и потому напрасно бы было разбирать теперь меры, которые первоначально приняты были к уничтожению оного. Одно обстоятельство можно однако ж заметить. Конечно, мятежники со всех сторон были окружены войсками 9-й дивизии; но войска сии были рассеяны по квартирам; для сбору их потребно было время. В Киеве же, со включением гарнизонного, было четыре баталиона, готовые по первому сигналу стать в строй. В Броварах был Муромской баталион, а в Борисполе Витебский. Следовательно, если б сим последним приказано было тотчас вступить в Киев, а отсюда с 2 Курскими баталионами тотчас по первому известию о мятеже сделано было форсированное движение к Василькову, то первого числа вся горсть пьяных мятежников была бы уничтожена, почти прежде, нежели посланный из Киева нарочный мог прибыть к генерал лейтенту Роту, которого войска могли действовать не прежде, как по прошествии трех дней. Не взирая на сие движение, Киев оставался бы совершенно обеспечен, хотя после совершенной уверенности г. корпусного командира в благополучном и спокойном состоянии оного, никакого по предмету сему не оставалось опасения. Но два предмета, в разсуждении коих я в особенности желаю объясниться с вами, суть следующие: 1. Опыт настоящих происшествий показал, что несомненная уверенность в общей правоте есть слабость, пагубная для общего блага. Везде оказались отрасли злонамеренных. Замыслы их давно б были уничтожены, если бы они были преследуемы подозрением и начальство не имело слепой доверенности. А потому я нахожу, что лучше везде подозревать, нежели отвергать всякую мысль злонамерения. Вы, конечно, более уверились теперь в необходимости правила сего, ибо к кому был ближе кн. Трубецкой, как не к вашему превосходительству? Правота подозрением не мало не может оскорбиться. Я сам нисколько не почел бы обидою для себя, если бы у меня был сделан осмотр бумаг моих; напротив того, долгом почту во всякое время представить готовность мою к открытию неприкосновенности моей. 2. Если г. главнокомандующему угодно самому удостовериться о положении дел чрез доверенных чиновников, то мера сия нисколько не может казаться предо-

судительною, особенно при таких обстоятельствах, как настоящие. Здесь дело идет не только о благе общем; но о личности и безопасности каждого частного, а потому преследовать таковых доверенных людей и навлекать их оскорбление — несправедливо и одобрения заслужить не может» (Дело штаба 1-ой армии, № 10, лл. 135—136).

Точку зрения штаба 1-й армии на действия кн. А. Г. Щербатова разделял, очевидно, и сам император Николай. По крайней мере, в письмах к цесаревичу Константину Павловичу он 5 января 1826 г. жалуется на медленность и ненаходчивость командира 4-го корпуса, 16 января замечает: «насколько я имел случай быть довольным Ротом, настолько Щербатов, мне кажется, держался как баба. Наш старый Сакен даже заболел от этого, тем более, что Щербатов позволил себе писать более, чем непочтительно, за что и призван к порядку. Пора бы этим скандалам прекратиться!». («Междуцарствие декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи», 1926, стр. 175 и 181; французские оригиналы писем в «Сборнике Русского Историч. Общества», т. 131. СПБ. 1910, стр. 26 и 36).

23. Рапорт волынского губернского прокурора А. С. Сербиновича (занимавшего эту должность с 1821 по 1828 г.), на имя министра юстиции от 6-го января 1826 г., печатается с оригинала, находящегося в деле архива министерства юстиции, 1826 г., № 39, лл. 14—15.

Свидетельство волынского губернского прокурора об «убеждениях бунтовщиков к сдаче», якобы предшествовавших открытию по ним «пальбы из пушек», решительно не соответствует ни донесениям начальников воинских частей, действовавших против восставших (см., напр., в настоящем издании №№ 17, 18, 29, 30), ни показаниям самих мятежников (см., напр., «Красн. Архив» 1925, кн. VI, стр. 10, 22, 26). В мемуарной литературе о разгроме Черниговского полка наиболее авторитетным является рассказ Ф. Ф. Вадковского «Белая Церковь» (со слов Соловьева, Быстрицкого и Мозалевского): «3-го января выступили в Ковалевку, в которой в 11 часов был привал. Солдатам вытребовали съестных припасов и вина. Управляющий в Ковалевке г. Петровский пригласил к себе Муравьева и офицеров и с ними двух разжалованных — Ракузу и Грохольского; у него обедали; он и семейство его оказали им очень радушный прием. Разобрали бумаги, которые были захвачены Гебелем и с уничтожением его достались Муравьеву; одними варили кофе, другие оставляли; в час пополудни выступили на Трилесы. На 6-ой версте от Ковалевки послышался первый выстрел. Муравьев остановил людей и построил во взводную колонну справа* (*Во всех переходах наблюдалось следующее устройство: роты шли по отделениям, одна за другой; назначался авангард, арьергард и боковые патрули; между арьергардом и главным отрядом помещался обоз). Стрелки вызваны за взводы; приказано осмотреть ружья. Между тем выстрелы с противной стороны продолжались; полагают, что стреляли холостыми зарядами, ибо никому не сделано вреда. Устроив своих, Муравьев двинулся вперед; он, Ипполит и Бестужев были впереди колонны, офицеры на своих местах во взводах. Приближаясь на известное расстояние к небольшому возвышению, из-за которого действовали два орудия, Муравьев предположил рассыпать стрелков и под огнем их атаковать орудия. Но прежде, чем он это исполнил, открыли картечный огонь. С первых выстрелов Сергей Муравьев ранен картечью в левую часть черепа над глазом, и баталион его рассеялся. Кавалерия понеслась в атаку, но ей оставалось только догонять бегущих». («Записки декабристов», Лондон, 1863 г., l. cit.).

Очень близки свидетельствам Ф. Ф. Вадковского показания воспоминаний хорошо осведомленного А. И. Михайловского-Данилевского («Русская Старина». 1890, кн. XI, стр. 496 — 497). Одна из анекдотических версий разгрома Черниговского полка сохранилась в «Записках Михаила Чайковского» («Русск. Старина» 1895, кн. XII, стр. 160 — 161).

24. Всеподданнейший рапорт цесаревича Константина Павловича от 6-го января 1826 г. из Варшавы печатается, со всеми приложениями к нему, с оригиналов, находящихся в деле главного штаба по канцелярии дежурного генерала, 1826 г., № 7, лл. 31—36. Приложенное к рапорту «Подробное описание происшествий, случившихся в Черниговском пехотном полку» в значительнейшей части своей известно в печати по черновику, сохранившемуся в бумагах начальника 25-й пехотной дивизии ген. Ф. Г. Гогеля и опубликованному М. Ф. Шугуровым в «Русском Архиве» за 1871 г., стр. 267—272. О роли генерал-лейтенанта Ф. Г. Гогеля в дни восстания Черниговского полка и ликвидации заговора в войсках 3-го корпуса см. «Сборник Русского Историч. Общества», т. 131, СПБ., 1910, стр. 23, 31 — 32, а также «Русск. Арх.» 1902, II, стр. 278, «Русск. Стар.» 1905, V, стр. 378 и сборник «Декабристы» под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М. 1925 г., стр. 21 — 23.

25. Всеподданнейший рапорт главнокомандующего 1-й армиею генерала-от-инфантерии гр. Ф. В. Сакена от 6-го января 1826 г. печатается с оригинала, находящегося в деле бывш. Государственного Архива № 20, лл. 47 — 49. Под «подробным донесением о покорении мятежников» надлежит, очевидно, понимать рапорт Л. О. Рота от 3 января, полученный в штабе 1-й армии 6 января в 10 часов утра и распубликованный в Петер-

бурге при приказе начальника главного штаба от 9 января, за № 3. О порядке осуществления воли главнокомандующего о снятии на месте допросов и об отправке в Могилев «захваченных в плен офицеров» Черниговского полка, — сохранились воспоминания участника этой операции, адъютанта штаба 3-го корпуса В. А. Докудовского (Рязань. 1898 г., стр. 39—40). Данные о расчетах мятежников на Кременчугский пехотный полк сгруппированы Ю. Г. Оксманом в примечаниях к бумагам командира этого полка полк. П. А. Набокова в сборн. «Декабристы». М. 1925, стр. 6—21. Что касается роли в декабрьских событиях 1825 г. полковника И. С. Повало-Швейковского, отказавшегося поднять, несмотря на призывы Я. М. Андреевича и М. П. Бестужева-Рюмина, ранее командуемый им Алексопольский полк, то ее освещают, помимо материалов издания «Восстание декабристов», том IV, М. - Л., 1926 (см. по указателю), отмеченные выше записки И. И. Горбачевского и Ф. Ф. Вадковского.

26. Приказ генерал-лейтенанта Л. О. Рота по войскам 3-го корпуса от 6-го января 1826 г. печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии, № 10, л. 196.

Официальная фразеология приказа, сводящая сложные операции по окружению и разгрому восставшего полка к простому «натиску верноподданных войск» на «гнусных мятежников», не выдерживает, разумеется, никакой критики и опровергается прежде всего донесениями самого ген. Рота в штаб 1-ой армии. Со слов одного из активнейших участников в «деле» под Королевкою 3 января 1826 г. (очевидно, подполковника И. И. Левенштерна), генерал А. И. Михайловский-Данилевский внес в свои мемуары следующий рассказ: «Когда Черниговский полк увидел себя в необходимости пробиваться сквозь гусар, против них стоявших, то, построившись в каре, он пошел с примерным мужеством на них; офицеры находились впереди. Я это слышал от того самого гусарского подполковника, который командовал эскадронами, посланными против Муравьева; он присовокупил, что он удивлялся храбрости черниговских солдат и опасался даже в одно время, что бы они не отбили орудий, из которых по ним действовали, ибо они подошли к ним на самое близкое расстояние. Картечные выстрелы их не расстроили, но коль скоро только скомандовали гусарам в атаку, то мятежники бросили оружие» («Русская Старина» 1890, XI, стр. 496). В свидетельствах самих вождей восставшего полка последним его операциям уделено очень мало места. Так, С. И. Муравьев-Апостол 31. I. 1826 г. показал, что «не имев уже никакой цели итти на Белую Церковь, я решился воротить на Трилесы и стараться приблизиться к славянам, по первому моему предположению. На сем переходе, между деревнями Устимовкою и Королевкою, быв встречен отрядом генерала Гейсмара, я привел роты, мною водимые, в порядок, приказал солдатам не стрелять, а итти прямо на пушки, и двинулся вперед со всеми остававшимися офицерами. Солдаты следовали нашему движению, пока попавшая мне в голову картечь не повергла меня без чувств на землю. Когда же я пришел в себя, нашел батальон совершенно расстроенным и был захвачен самими солдатами в то время, когда хотел сесть верхом, чтобы стараться собрать их. Захватившие меня солдаты привели меня и Бестужева к Мариупольскому эскадрону, куда вскоре привели и брата и остальных офицеров». («Красный Архив» 1925, кн. 6, стр. 10).

В показаниях Матвея Ивановича Муравьева-Апостола от 10. IV. 1826 г. отмечено следующее: «Брат построил шесть рот в взводную колонну и стал впереди колонны и пошел навстречу отряду. Тут два конных орудия были выставлены против нас. Сначала они пустили одно ядро на елевацию через колонну. Солдаты тут же остановились и стали роптать на брата. Брат сказал — вперед; но отряд, видя, что эти шесть рот все стоят выстроившись, пустил картечью. Брат Сергей упал раненый в голову. Брату моему Ипполиту раздробило левую руку. Я пошел, чтобы сказать, нет ли какого-нибудь фельдшера, чтобы перевязать их, но тут же эскадрон наехал в хвост колонны. Гусары кричали солдатам: бросайте ружья, — что они очень охотно делали; не было ни одного выстрела из ружья». («Красн. Архив» 1925, кн. 6, стр. 22).

М. П. Бестужев-Рюмин в показаниях от 5. IV. 1826 г. дал несколько дополнительных штрихов к последнему эпизоду боя: «Когда картечный выстрел поверг Муравьева без чувств на землю, я приказал колонне бросить оружие (сие легко узнать от 2-й гренадерской роты). Муравьев, вставши, хотел сесть на лошадь, но не мог. После того уперся на меня, и мы, не говоря ни слова, почти оба без чувств, шли, не зная сами куда. Между тем колонна расстроилась, и гусары стали подъезжать к оной. Тогда некоторые солдаты Черниговского полка кинулись на нас и, вероятно, хотели тащить навстречу гусарам. Но один гусарский офицер подскакал к нам. Мы ему сдались» (op. cit, стр. 26).

27. Рапорт начальника главного штаба генерал-адъютанта бар. И. И. Дибича от 7-го января 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армиею печатается с оригинала, находящегося в том же деле штаба 1-й армии № 10, лл. 174—175.

Подчинение цесаревичу Константину Павловичу войск 3-го корпуса, направляемых против восставшего Черниговского полка (об основаниях этого распоряжения см. при-

мечание к № 15), проведено в жизнь не было, так как соответственные полномочия получены были в Варшаве уже после разгрома мятежников. Принося брату благодарность, «за доверие», цесаревич в письме от 10. I. 1826 г. предупреждал, что «не считает себя больше в праве вмешиваться в это дело», а император Николай в письме от 11-го января разъяснил, что «при всей надежде на милость божью, я все же готовился к х у д ш е м у, и что меры, которые я счел долгом вам предложить, были в этом духе. Провидению угодно было, повидимому, при посредстве этого события, нам дать доказательство своего неисчерпаемого милосердия к нам, допустив событиям разразиться, когда они были уже предвидимы во всех их ужасных последствиях, и позволив покончить с ними так же легко, как это было и здесь» («Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». Л., 1926, стр. 179, ·Ср. «Сборн. Русск. Истор. Общ.», т. 131, стр. 31 — 32)

28. Рапорт главнокомандующего Литовским отдельным корпусом цесаревича Константина Павловича от 7-го января 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армиею печатается с оригинала, находящегося в том же деле № 10, лл. 182—187.

29. Письмо главнокомандующего 1-й армиею гр. Ф. В. Сакена от 12-го января 1826 г. к императору Николаю печатается в переводе с оригинала, сохранившегося в наряде «Бумаг барона И. И. Дибича и других из секретного архива канцелярии военного министерства», дело бывш. Государственного Архива I В. № 469, лл. 33—34.

«Sire! Les Brigands sont écrasés; tout rentre dans l'obéissance et l'ordre ancien. Je crois, Sire, qu'il n'est plus nécessaire de faire marcher des troupes, il reste à poursuivre les filiations de cette abominable trame pour en exterminer racine. A mon plus regret je vois ici un homme qui a longtemps servi, agé, père de famille, Rajevski, dont la maison a été ouverte à tous les conjurés et toute sa propre famille impliquée. Serait-il possible de le croire innocent?

«Le g-al Roth a le défaut de se brouiller avec son monde; Je ne lui connaissais pas celui de l'envie. Il vient de quereller le g-al Geismar pour avoir battu les brigands sans le prévenir; cependant triomphe n'est plus complet. J'attends sa rélation détaillée avec impatience; ilemploi plus de jours pour l'écrire, que l'autre n'a employé de minutes pour vaincere. Veuillez, Sire, avoir Geismar dans vos hautes bontés; il est aussi un homme peu fortuné.

«Le p-se Scherbatoff a peu de moyens pour commander un corps d'armée, surtout dans des cironstances difficiles; il est surtout pénétré de l'innocente illusion d'être infaillible. Le g-al Demidoff est allé hier à Житомиръ; il passera à son retour par Бердичевъ Бѣла Церковь въ Кіевъ; je désirais qu'il causa à Бѣла Церковь avec Муравьевъ le blessé.

«Une circonstance mérite à etre relevée, c'est que pas un seul habitant n'a été trouvé mêlé avec la bande. Les sollicitudes paternelles et les missives vigoureuses de Votre Majesté Impériale, pour assurer le bonheur de Vos peuples, sont aussi partout l'objet de leur admiration et vénération. Dieu bénira Votre règne et les peu de jours qui me restent seront employés à Vous servir. Je suis avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté Impériale le très fidèle sujet Comte S a c k e n. Mohilev, le 12 Janvier 1826».

«La relation detaillée», затребованная от генерал-лейтенанта Л. О. Рота, представлена была последним в Могилев лишь 19 января 1826 г. за № 133 и в своей основной части сводилась к следующему:

«30-го декабря вечером я осведомился чрез порутчика жандармского полка Ланга, бывшего посланным от меня для арестования Полтавского пехотного полка подпорутчика Бестужева-Рюмина, что, встретя на дороге подполковника Гебеля, он прибыл с ним в селение Трилесы; что они нашли там подполковника Муравьева-Апостола и брата его; что под полковник Гебель арестовал их, что вскоре потом прибыло туда несколько офицеров Черниговского полка, и что один из них ударил прикладом и хотел заколоть штыком порутчика Ланга, когда выходил из комнаты, где находились арестанты; почему Ланг поспешил в Житомир для извещения меня без потери времяни о сем происшествии.

«По важности такого обстоятельства, хотя я еще не полагал, что последствием оного могло быть возмущение Черниговского полка, я немедленно отправился в Белую Церковь и, проезжая чрез Сквиру, дал однако же приказание собрать тотчас гусарской принца Оранского полк.

«Прибыв в Белую Церков 31-го после полудня, я узнал, что офицеры изранили подполковника Гебеля и освободили подполковника Муравьева-Апостола, которой, возмутив часть полка, в коем служил, и пришед в Васильков, взял казенный ящик и знамена.

«Для немедленного прекращения бунта сего я собрал 1-го числа генваря:

«В местечке П а в о л о ч е — 1-й и 3-й эскадроны Александрийского гусарского полка, 2-й и 6-й эскадроны Мариупольского гусарского полка, 2-й, 5-й и 6-й эскадроны гусарского принца Оранского полка, Конную роту № 5. В местечке В ч е р а й ш е — Конную роту № 6. В местечке Б е р д и ч е в е остальные 4-е эскадрона Мариупольского полка и 5-й эскадрон Ахтырского. В местечке К о д н е остальные 4-е эскадрона Александрийского гусарского полка. В местечке Т р о щ е пять осталь-

ных эскадронов Ахтырского гусарского полка. Между Белою Церковью и Сквирою — 17-й егерский полк, 2-ю и 3-ю мушкатерские роты Кременчугского пехотного полка, 1-ю гренадерскую роту Черниговского пехотного полка, не участвовавшую в мятеже и отклонившуюся от бунтовщиков, исправительную роту 9-й пехотной дивизии, четыре орудия легкой роты № 2-го 9-й бригады.

«Сего числа были поставлены в движение по направлению к м. Белой Церкве 18-й егерский полк и два орудия легкой роты № 2-го 9-й бригады; и было предписано 2-й бригаде 9-й пехотной дивизии (за исключением двух вышеупомянутых рот) следовать форсированными маршами к Житомиру; долгое командование Александрийского полка полковником Швейковским и несколько мягкой нрав полковника Набокова заставляли меня опасаться, чтоб сближение сих войск с мятежниками не имело бы каких-либо дурных последствий.

«Подполковник Муравьев-Апостол прибыл 31-го числа из Василькова в селение Мотовиловку, с ним были второй баталион Черниговского полка, 2-я и 3-я мушкатерские роты оного, и часть первой, которую он успел захватить.

«Имев известие, что он намерен двинуться к Брусилову, я взял непосредственное начальство отряда в Паволоче собранного, дабы немедленно напасть на возмутителей; отряд между Белою Церквой и Сквирою находящийся остался в команде генерал-майора Тихановского; начальство над прочими войсками в движении я поручил генерал-лейтенанту Ридигеру; а начальнику штаба генерал-майору князю Горчакову 3-му велел оставаться в Житомире и иметь за 2-ю бригадою 9-й дивизии, к сему городу прибыть долженствовавшею, особенное наблюдение, с учебным и караульным батальонами и с частью гусарской дивизии, по близости находящеюся.

«Прибыв 2-го генваря с отрядом, в Паволоче собранным, к селению Жидовцам, с тем, чтоб идти оттуда к селению Корнину и потом напасть на мятежников во время следования их к Брусилову, я получил известие, что они переменили направление и идут к Фастову. По сему я оставил прежний путь и свернул на селение Мохначку, куда отряд прибыл к ночи. Сего же числа 1-й и 4-й эскадроны принца Оранского полка заняли по повелению моему селение Трилесы; для командования оными, я послал подполковника Левенштерна, немедленно по прибытии моем в Мохначку. В то же время я послал приказание пехотному отряду, о коем упомянуто выше, и которому уже было прежде велено свернуть к селению Половецкому, продолжать свое движение и следовать по направлению между Гребенками и Белою Церковью, чтоб встретить мятежников, ежели они возьмут путь свой на сию сторону.

«Генерал-лейтенант Ридигер двинул 2-го генваря пять эскадронов Ахтырского полка из Трощи в м. Пятки, четыре Александрийского из Кодни в Лещин, и, послав один из них на Брусилов, три эскадрона Мариупольского полка, посланные от Паволоча к Ходоркову, ночевали между сими двумя местами; один Ахтырской и один Мариупольской остались в Бердичеве, 2-я бригада 9-й дивизии прибыла в Староселье и м. Коростышев.

«Получив ночью новые известия о бунтовщиках, я приказал генерал-майору барону Гейсмару отправиться в 2 часа по полуночи с 2-м и 6-м эскадронами Мариупольского полка и двумя орудиями № 5-го, из Мохначки в Трилесы (куда я был намерен быть со всем отрядом); при том предписано было мною генерал-майору барону Гейсмару принять в свое командование эскадроны подполковника Левенштерна и идти по направлению к Пологам и Гребенкам, около коих мест Муравьев-Апостол должен был находиться; я же выступил в 5-ть часов по полуночи из Мохначек к Трилесам с левым отрядом из 5-ти эскадронов и 6-ти конных орудий, получив на половине дороги новое известие, что мятежники намерены отступить к Василькову. Вследствие сего я дал помянутому отряду новое направление чрез м. Фастов на селение Фастовец, дабы отрезать бунтовщиков от Василькова и, назначив пребывание свое при оном, поехал в Трилесы, откуда немедленно отправил, по направлению к Пологам и Гребенкам, подполковника Левенштерна с 4-м эскадроном принца Оранского полка и приказал генерал-майору барону Гейсмару следовать за ним с прочими тремя и двумя орудиями, как скоро лошади несколько отдохнут; после сего я поехал в Фастов к левому отряду. В то самое время, когда с оным я прибыл в сие местечко, генерал-майор барон Гейсмар, примкнувши к подполковнику Левенштерну, настиг мятежников на Устиновской высоте: орудия открыли огонь, бунтовщики смешались и, по приближении 6-го эскадрона Мариупольского полка и 4-го эскадрона принца Оранского, бросили оружие.

«Те войска, которые не успели получить того же числа известия о прекращении бунта, продолжали движения свои, на другой же день все пошли обратно на свои квартиры». (Дело штаба 1-й армии, № 10, лл. 557—561).

30. Донесение командира 2-ой бригады 3-й гусарской дивизии барона Ф. К. Гейсмара от 15-го января 1826 г. о действиях его по подавлению восстания Черниговского пехотного полка печатается в переводе с немецкого оригинала, находящегося в деле главного штаба е. и. в. по секретной части канцелярии дежурного генерала № 7, лл. 78 — 79:

«Relation über der bei Ustinovka beendigten Rebellion des Tschernigovschen Regiments unter Anführung des Oberstlieutenants Muravief-Apostolof.

«Nach der sicheren Nachricht, welche ein von mir abgesandter Kundschafter brachte, dass die Rebellen von Motovilovka in der Direction von Belaia-Zerkov marschirt seien, erhielt ich in der Nacht vom 2-ten auf 3-ten Jänuar den Befehl mit zwei Eskadronen des Mariupolschen Husaren-Regiments, und zwei Canonen der 5-ten reitenden Artillerie-Compagnie nach Trilessi zu gehen, wo schon eine Eskadron des Regiments Prinzen von Oranien eingetroffen war. Der Corps-Comandeur selbst wollte mir mit den übrigen 5 Eskadronen und 6 Kanonen folgen, und traf auch (für seine Person) eine Stunde nach mir ein, die Truppen aber hatte er auf dem halben Wege von Machnatzky nach Trilessi zurückgelassen und befohlen die Pferde zu füttern. Da ich ihm die sichere Nachricht gab, dass die Rebellen in Pologi genächtiget, und gesonnen seien von dort nach Grebenki zu gehen, so entschloss er sich mit den 5 Eskadronen und 6 Kanonen nach Fastov zu marschieren, mir aber wurde befohlen mit meine Abtheilung nach Grebenki zu gehen, wohin er auch gleich befahl die Oransche Eskadron mit dem Oberstlieutenante Löwenstern voraus aufzubrechen; und nun kehrte der General Roth zurück zu seinen Eskadronen, und marschierte, wie gesagt, nach Fastov. Ich lies die Pferde füttern und schickte mehrere Offiziere in verschiedenen Richtungen, um den Feind aufs sicherste auszukundschaften; erhielt auch bald die Nachricht, dass die Rebellen im Marsche begriffen, und vermuthlich in Kovalevka nächtigen wollten. Hierauf schickte ich an den Obristlieutenant Löwenstern den Befehl, bei Korolevka (bis wohin er schon marschirt war) stehen zu bleiben, wo ich bald darauf mit 3 Eskadron und 2 Kanonen eintraf, denn die 1-te Eskadron des Regiments von Oranien war (wie ich glaube von Belaia-Zerkov kommend) bei mir angekommen; denn setzte ich mich auch unverzüglich mit meinen 4 Eskadronen nach Ustinovka zu in Marsch, wo nach eingegangenen Nachrichten die Rebellen gefrühstückt haben; bald auch entdeckte ich selbe im freien Felde uns entgegenmarschierend, ich lies die 2 Kanonen vorrücken, die Eskadrons formiren, und ging so im Trabe den Pflichtvergessenen entgegen, um mehr Terrain zu gewinnen (denn sie hatten kaum drei Werste zu machen, um den Wald und darin gelegenen Dörfer zu erreichen). Die Rebellen luden in unserem Angesichte ihre Gewehre, formierten das Quarrè, und gingen im Geschwindschritte auf meine Kanonen los, ich lies sie bis auf ungefähr 200 Schritte ankommen, und sie dann wirksam mit Kartätschen bedienen; die ersten Schüsse hielten sie noch in so ziemlicher Ordnung aus, jedoch bei den 7 — 8-ten kamen sie in Unordnung, und liessen rechts und links auseinander; diesen Augenblick benutzte ich zu einem allgemeinen Cavallerie-Angriffe; alles wurde genommen, obwohl der Aufwiegler Muravief-Apostolof mit der Fahne in eigener Hand seine Rebellen wieder zu sammeln suchte.

«Drei Officiere blieben tot auf dem Platze, namentlich der jüngste Bruder Muravief, die Lieutenants Tschipilla und Kusmin vom Tschernigovschen Regimente, alles übrige wurde gefangen, nemlich 5 Offiziere und 859 Gemeine und Unteroffiziere; Muravief selbst war am Kopf verwundet.

«Mit meinen Gefangenen marschierte ich gleich nach Trilessi zurück, weil ich dorten eine grosse Kortschma wusste, worin ich sie alle einsperren und sicher bewachen konnte. Den Majoren Giundkofski von dem Mariupolschen Regimente lies ich auf dem Felde zurück, um dorten die Waffen und übrige Ammunitions-Stücke nebst Verwundeten und Toten zu sammeln.

«Nach ein Paar Stunden kam auch der Generallieutenant Roth mit dem Capitaine Stich in Trilessi an, welchem ich die bei den Gefangenen gefundenen Papiere einhändigte, namentlich das ganze Portfeulle von Bestouschef, und eine in französischer und russischer Sprache entworfene Constitution, welche Muravief auf dem Felde aus der Tasche fallen liess, welches der Oberstlieutenant Löwenstern bemerkte, und aufnahm.

«Nach wenigen Stunden reiste der General Roth nach Gitomir zurück, und befahl mir die Gefangenen nach Belaia-Zerkof abzuführen, und dem Generalle Tichanovski zu überliefern, welches ich dem Befehle gemäss den 4-ten ins Werk stellte.

Mohilef, den 15 Jänuar 1826. Generalmajor Baron Geismar».

Как свидетельствуют официозные воспоминания В. А. Докудовского: «Гейсмар настиг полк на его переходе; он тянулся в величайшем беспорядке; после нескольких выстрелов ядрами и картечью, солдаты бросили ружья, большая часть которых были незаряжены и имели деревянные кремни, и ударились на утек, а гусары кололи и рубили это жалкое стадо. После такого побоища, совершенного в начале января 1826 г., труднее было разбежавшихся собрать и отвесть в Белую Церковь со всеми захваченными офицерами. Генерал Рот, приехавши к отряду победителей на другой день разбития полка (4 января), ужасно гневался на Гейсмара за то, что он, по силе данного ему предписания, не дождался его Рота прибытия и дерзнул без него одержать блистательную победу над бунтовщиками; не менее того, однако же, он с места

побоища от своего имени послал к главнокомандующему Сакену в Могилев с капитаном Стихом реляцию об окончании дела и возвратился с досадою в душе в Житомир. Это донесение Рота из Могилева было отправлено в Петербург с тем же Стихом и там так были осчастливлены развязкою этой несчастной истории, что Стих произведен в подполковники, а сам Рот получил ленту Александра Невского». (Op. cit, стр. 39.)

Осведомившись о содержании рапорта ген. Л. О. Рота о разгроме мятежников, генерал-майор Гейсмар 20 января 1826 г. представил в штаб 1-й армии печатаемые нами в переводе с немецкого оригинала, находящегося в деле № 10, лл. 265 — 266, следующие свои возражения:

«Я прочел вчера в 5-м номере «Северной Пчелы» донесение генерал-лейтенанта фон-Рота его сиятельству главнокомандующему 1-й армии графу фон-Сакену, которое вынуждает меня сделать следующие замечания.

«Во-первых, о том, что я был лицом, командовавшим так называемым средним отрядом, упомянуть о котором генерал, повидимому, счел излишним.

«Во-вторых, генерал Рот говорит в своем донесении князю Щербатову, что, узнав о том, что мятежники, вместо того, чтобы направиться через Фастов к Брусилову, взяли направление на Белую Церковь, он отправил меня с двумя пушками и тремя эскадронами в Устиновку, сам же выступил ранее из Мохначки в Фастов с пятью эскадронами и шестью пушками, чтобы таким образом отрезать мятежникам все пути к отступлению. Генерал ошибся, так как он послал меня из Мохначки в Трилесы и хотел последовать туда с остальной кавалерией и артиллерией. Он прибыл в Трилесы, где я сообщил ему, что мятежники ночевали в Пологах и оттуда собрались выступить к Гребенкам, после чего генерал решил поехать назад к своим пяти эскадронам и шести пушкам (которые прошли уже большую часть дороги от Мохначки до Трилес и остановились покормить лошадей в деревне N. N.), чтобы из этого пункта (где он оставил отряд) направиться в Фастов. Мне же было приказано покормить лошадей и дать им немного отдохнуть, а затем выступить в Гребенки, куда я должен был тотчас же выслать вперед эскадрон под командой подполковника барона Левенштерна, в виду того, что этот эскадрон прибыл в Трилесы раньше и менее нуждался в отдыхе. Но этот эскадрон дошел лишь до Королевки, когда высланные на разведку офицеры принесли точное известие о том, что подполковник Муравьев со своей бандой выступил из Пологов и идет к Королевке; это побудило меня отдать приказ подполковнику Левенштерну остановиться у Королевки и подождать моего прихода с остальными эскадронами. Когда я прибыл туда, я по собственному решению направился к Устиновке, чтобы встретить мятежников в открытом поле и не дать им уйти от близлежащих лесов и деревень, так как только здесь для меня явилось возможным успешно атаковать мятежников с моими силами едва из 400 человек. Результат известен и оправдывает мое решение. Пехота, которая стояла в д. Половецкой с четырьмя пушками, получила приказ генерала Рота выступить к Белой Церкви, куда мне было приказано отвести моих пленных (в числе 859 человек), только в ночь с 3-го на 4-ое, а не в ночь со 2-го на 3-е, как это говорится в донесении князю Щербатову.

«Могилев, 20-го января 1826 г. Генерал-майор барон Г е й с м а р».

Сводка биографических данных о генерале Ф. К. Гейсмаре вошла в «Русский Биографический словарь», том Гааг-Гербель. М., 1914, стр. 365 — 368.

31. Письмо генерал-майора графа Г. И. Ностица, «состоящего по части кавалерии при главнокомандующем 1-й армией», от 15-го января 1826 г. бар. И. И. Дибичу, — печатается с оригинала, сохранившегося в наряде бумаг барона И. И. Дибича, бывш. Государственный Архив, I В., № 469, лл. 35 — 42. Поездка гр. Ностица (род. в Дрездене 10. VI. 1781 г., на русской службе—с 1809 г., в чине генерала — с 12.XII. 1823 г.) в район недавних действий Черниговского полка с целью «узнать об истинном духе войск» 3-й гусарской дивизии вызвала серьезные возражения со стороны ген. Рота, который, ссылаясь на то, что «приказание сие» было дано графу Ностицу «прежде прекращения случившегося бунта», и полагая, что «немедленно после оного могло бы быть вредным показать сомнение к расположению войск, оказавших полное и ревностнейшее усердие при усмирении мятежа», осведомил главнокомандующего рапортом от 7 января, что он «взял смелость просить генерал-майора графа Ностиц не продолжать объезда своего по 3-му пехотному корпусу и уверил его, что все войска, под его начальством состоящие, преисполнены верности и повиновения. Нет сомнения, что ежели бы подполковник Муравьев-Апостол не был старшим по полковом командире штаб-офицером, то и в Черниговском полку не последовало бы бунта». Заканчивался рапорт указанием на то, что «во всем краю, близ места мятежа и далее, все совершенно спокойно, и жители вовсе не изъявляют духа непокорности даже и в тех местах, где подполковник Муравьев-Апостол находился и провозглашал вольность, поселяне не вышли из повиновения и только имели о сем разговоры, совершенно прекратившиеся с окончанием бунта». (Дело штаба 1-й армии № 10, л. 195).

Несколько месяцев спустя граф Г. И. Ностиц по поручению главного штаба произвел обследование причин крестьянских волнений весною 1826 г. в местах непосредственно примыкавших к стоянкам Черниговского пехотного полка. Рапорт Г. И. Ностица об этой поездке частично опубликован в статье В. А. Ганцовой-Берниковой «Крестьянские волнения 1826 г.» («Тайные общества в России в начале XIX столетия». М., 1926, стр. 145 — 150).

32. Приказ главнокомандующего по 1-й армии от 18-го января 1826 г., печатается с экземпляра, сохранившегося в деле главного дежурства 1-й армии по военно-судной части «Об офицерах Черниговского пехотного полка, причастных к обществу злоумышленников против правительства», 1826 г., № 11, л. 12. В состав учрежденной под председательством генерал-майора Набокова военно-судной комиссии назначены были «за ассесоров» генерал-майоры Кратц и граф Ностиц; полковники — Бушен, Гаярин, барон Седлер и подполковник Кононов (то же дело, л. 5). Открытие суда последовало, как свидетельствует рапорт генерал-майора Набокова, 1 февраля 1826 г. (то же дело, л. 1).

В серии бумаг ген.-лейт. Ф. Г. Гогеля, опубликованных М. Ф. Шугуровым, напечатаны были («Русск. Арх.» 1902, II, 287 — 288 и 298 — 301) копии двух рапортов Могилевской Военно-Судной Комиссии на имя главнокомандующего — от 12-го февраля 1826 г. (о показаниях Фурмана и бар. Соловьева) и от 7-го марта 1826 г. (показания Сухинова), подлинники которых сохранились: первого — в деле штаба 1-й армии № 9, л. 598 — 602, а второго — в деле бывш. Государств. Архива, разряд I В., № 395, лл. 210 — 216 (ср. «Восстание декабристов», том IV, стр. 323 — 325).

33. Рапорт командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота главнокомандующему 1-й армиею от 19-го января 1826 г. печатается с оригинала в деле штаба 1-й армии № 10, лл. 361—364. Повеление главнокомандующего от 7 января, на которое ссылается ген. Рот, заключало в себе два предложения: 1-е, о присылке в главную квартиру «наикрепче скованных и под строгим караулом» всех захваченных мятежных офицеров, как находящихся в Житомире, так и отправленных в Киевскую крепость, «сняв с них наперед строгие допросы о том, когда, по чьему наущению и с какими видами и понятиями они вошли в заговор». 2-е, «Распорядив таким образом отправление офицеров, приступить тотчас к производству строжайшего следствия о нижних чинах с тою целью, чтоб открыть общие причины, каким образом в войске, отличающемся твердостию в вере и непоколебимою преданностию и верностию к престолу, два или три мятежных офицера, без денег, без славы, и следовательно, без доверенности, в одно мгновение, могли возмутить почти целый полк и, не встречая сопротивления, увлечь всех за собою, и каким образом ложное и явно безрассудное учение их принято так внезапно и безусловно, людьми неиспорченными и простыми, коих понятия и желания должны бы быть учению сему совершенно противуположны. Никакого нет сомнения, что здесь давно были введены в заговор фельдфебели, унтер-офицеры и некоторые рядовые, и вероятно преимущественно прежние семеновские, если таковые есть в полку. А потому исследовать, по какому имянно внушению сие случилось? Давно ли их к тому приготовляли и кто имянно? Какие средства употреблены к склонению их на то, деньги или другие способы? Не были ль они подсылаемы к другим полкам и имянно к каким? Нашли ли в оных сообщников? Не был ли назначен день возмущения, или оное случилось по случаю арестования Муравьева? Одним словом, всех основателей мятежа непременно надобно открыть, как и весь ход тайного учения и действия их, и способы, коими они умели распространять столь скрытно заговор свой; а их самих наикрепче заковать и держать под строгим и надежным караулом». (То же дело, лл. 119 — 120).

Процесс «очищения» затронутой пропагандою солдатской массы шел в штабе 3-го корпуса параллельно с собиранием материалов о тех нижних чинах, которые проявили особое усердие при ликвидации восстания. К середине января генерал-лейтенант Л. О. Рот мог представить «благоуважению» главнокомандующего следующих участников недавних событий:

1. Унтер-офицера 6-го эскадрона Куприенко, который «проникнув с ожесточением в толпу мятежников, бросился на главу их Муравьева-Апостола и взял его.» 2. Рядового 1-й гренадерской роты Черниговского полка Анисимова, бывшего крепостного крестьянина Муравьева, которого «сей последний убеждал содействовать ему в уговоре той роты, но Анисимов сказал. «Я вами доволен, вы меня всегда награждали деньгами, но вы взбунтовали Семеновский полк, хотите взбунтовать и Черниговский: я никак к тому противу присяги не приступлю». 3. Рядового «1-й мушкатерской роты оного же полка Буланова, которой, когда мятежники были настигнуты кавалерийским отрядом и подполковник Муравьев-Апостол хотел ускакать, — проколов штыком лошадь, схватил его за грудь и, удержав от бегства, сказал: «Нет, ваше высокоблагородие, и так мы заведены вами в нещастие!». 4. Каптенармуса «5-й мушкатерской роты оного же полка

Якубовского, спасшего своего полкового командира от мятежных офицеров, коими он был изранен». 5. Рядового той же роты Иванова, «увезшего полкового командира тайно из с. Трилес (где он был изранен) в деревню Снетинку, а оттуда в г. Васильков». (То же дело, л. 591).

Как свидетельствует рапорт начальника главного штаба на имя главнокомандующего 1-й армиею от 17-го марта 1826 г., высочайшим приказом от 27-го февраля 1826 г., Куприенко был произведен в офицеры; Максиму Иванову, произведенному в унтер-офицеры, выдано 200 руб. ассигн.; рядовому Анисимову выдано 200 руб., с резолюцией Николая «привести сюда, ибо есть ли достоин, то можно перевесть в гвардию»; рядового Буланова «простить за бытность в числе бунтовщиков, но перевесть его в другой полк» (то же дело, лл. 962—963).

34. Рапорт начальника штаба 1-й армии от 22-го января 1826 г. на имя начальника главного штаба печатается, вместе с приложениями к нему, с оригинала, находящегося в деле бывш. Государственного Архива, № 20, лл. 124 — 128.

Краткие сведения о службе офицеров Черниговского пехотного полка, внесенные в «список» майора Трухина, могут быть значительно пополнены на основании находящихся в архиве аудиториатского департамента, в деле «Об офицерах, участвовавших в мятеже Черниговского пехотного полка», 1826 г., № 35, том 4-й, лл. 1 — 7, «Формулярных списков о службе подсудимых Черниговского пехотного полка обер-офицеров». Важнейшие из этих данных, отсутствующие не только в «списке» Трухина (стр. 80—83) и в справке «всеподданнейшего доклада» (стр. 181 — 182), но и в документальных примечаниях Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса к «Алфавиту декабристов», сводятся к следующему: Быстрицкий А. А.—в армии с 11. IV. 1817 г. юнкером Черниговского конно-егерского полка; 30. III. 1819 г. переведен в Черниговский пехотный; с 29. IV. 1819 г. — прапорщик; Войнилович А. А. — с 22. X. 1816 г подпрапорщик Новороссийского драгунского полка; 30. III. 1819 г. переведен в Черниговский полк; с 29. IV. 1819 г. — прапорщик; Маевский К. К. — выпущен из дворянского полка прапорщиком в Черниговский полк 16. V. 1816 г., с 18. VI. 1817 г. подпоручик; с 29. IV. 1819 г. — поручик; Петин В. Н. — в дворянском полку с 1. X. 1815 г.; с 28. III. 1819 г. прапорщиком переведен в Черниговский полк; с 16. XII. 1821 г. — подпоручик; Сизиневский В. О. с 1. II. 1817 г. прапорщик; с 28. VI. 1817 г. — портупей-прапорщик; с 4. V. 1818 г. — прапорщик с 29. IV. 1819 г. — подпоручик; бар. Соловьев В. Н. — из императорского военного дома выпущен прапорщиком в Черниговский полк 28. IV. 1817 г.; с 4. V. 1818 г. — подпоручик; с 29. IV. 1819 г. — поручик; с 11. XII. 1823 г. находился в четырехмесячном отпуску; Рыбаковский В. Н. — с 2. X. 1815 г. юнкер легкой № 64 лейб-гвардии артиллер. бригады; с 3. V. 1819 г. — подпрапорщик Черниговского полка; Сухинов И. И. — в службу вступил рядовым в Лубенский гусарский полк 22. XI. 1809 г.; унтер-офицер — с 3. XII. 1815 г.; за ранами назначен в Херсонской инвалид; по получении от ран совершенного выздоровления, согласно желания его, определен 9. X. 1816 г. в Изюмский гусарский полк; по представленному свидетельству о дворянстве своем переименован юнкером 17. IV. 1817 г.; приказом главнокомандующего 20. III. 1818 г. переведен в Черниговский полк, с переименованием в подпрапорщики; с 29. IV. 1819 г., — прапорщик; с 4. V. 1823 г. — подпоручик; в походах и делах против неприятеля — в 1812 г. против австрийских и саксонских войск в перестрелках при селении Тришиле и при дер. Теребуне 26-го и 27-го октября; с 3. XI за границею, в герцогстве Варшавском, с 20-го в действительном сражении при Шелятине, в преследовании неприятеля до 30-го и сего же числа в сражениях при Горностаевке, а декабря 2-го и 4-го под Волковыском; в 1813 г. — против французов — 23 апреля под Волчанском, 24-го под Гольздорфом и под Ножаном; 26-го при переправе через Эльбу под Дрезденом; 30-го при м. Бышиверде; 3-го мая под Бауценом, 8-го и 9-го под оным же в генеральном сражении; 10-го при атаке под м. Рехенбахом ранен в правую руку саблею; с 14-го по 17 августа под крепостью Кенигштейном; в отступлении от оной 17-го и 18-го под Кульмом при разбитии корпуса Вандама; сентября 2-го при с. Бенкендорфе и в преследовании неприятеля до г. Лейпцига, где вторично ранен в левую руку ниже локтя, в плечо и голову; в генеральном сражении под Лейпцигом, а оттуда при преследовании неприятеля до реки Рейна; с 8-го по 10-се января 1814 г. при блокаде крепости Киль; 15-го при переправе через Рейн во Францию и в блокаде г. Страсбурга.

Отсутствующие в этих материалах данные о службе А. Ф. Фурмана извлекаем из его формуляра, находящегося в деле бывш. Государственного Архива, I. В., № 442, л. 17: А. Ф. Фурман, из дворян Киевской губернии, сын надворного советника, в службу вступил 19. V. 1815 г. из кадет дворянского полка прапорщиком в подвижную № 14 роту; подпрапорщиком с 20. II. 1819 г., с переводом в гренадерский наследного принца Прусского полк; с 6. IV. 1819 г. — поручиком, с 30. VII. 1819 г. бригад-

ным адъютантом; с 24. I. 1821 г., переведен в лейб-гвардии Семеновский полк; с 10. V. 1822 — бригадным адъютантом 2-й бригады 1-й гренад. дивизии, с 28. IX. 1822 — штабс-капитан; 22. VI. 1823 г. переведен в Черниговский полк капитаном.

35. Рапорт командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота от 22 января 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армиею печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии, № 10, лл. 387 — 388. Из приложений к нему печатаются копии тех, которые непосредственно относятся к самому восстанию (лл. 389 — 407, 410 — 411, 413 — 416, 418 — 419), и сохранившаяся в оригинале последняя ведомость (л. 453).

Как некоторые пояснительные данные к находящимся здесь спискам нижних чинов Черниговского пехотного полка (они препровождены были впоследствии, с несколько измененной порядковой нумерацией, в главный штаб), надлежит учесть свидетельства рапорта ген. Рота от того же 22-го января 1826 г., что «в Черниговский пехотный полк не поступало нижних чинов из прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка». (то же дело, л. 381), показание С. И. Муравьева-Апостола о том, что он при занятии Васильков «выпустил из-под ареста и поставил в ряды двух арестантов, Алексеева (за побег из 11-й дивизии) и Переметьева (за «неумышленное смертоубийство, им самим объявленное»), («Красн. Архив» 1925, кн. 6, стр. 9) и одно из признаний М. И. Муравьева-Апостола (п. 33), относящееся к событиям 29-го декабря 1825 г. в Трилесах: «Когда Гебель скрылся, Кузьмин упрекнул брата в том, что он скрывался от него, говоря то, что он успел бы приготовить роту, и что, если бы брат ему сказал хоть слово, он не отпустил бы тогда самых лучших людей в отпуск. (Зимой лучшие люди в армейских полках отпускаются). В комнате были Сухинов, Соловьев и Щипилла».

В одной из таблиц, сделанных в штабе 3-го корпуса, подсчеты взятых в плен нижних чинов Черниговского пехотного полка сводились к следующему: унтер-офицеров — 50; музыкантов — 53; рядовых — 777; нестроевых — 10; деньщиков — 5. По ротам пленные распределялись так: 1-ой гренадерской — 18; 1-ой мушкатерской — 59; 2-ой мушкатерской — 150; 3-ей мушкатерской — 135; 2-ой гренадерской — 150; 4-ой мушкатерской — 122; 5-ой — 129 и 6-ой — 132. («Рух декабристів». Ювілеине видання Укрцентрархіву. Харків, 1926 г., стр. 75 втор. пагин.).

Все солдаты, поименованные в последнем из приложенных к рапорту от 22 января, 1826 г. списков, перечислены были в окружном циркуляре министерства внутренних дел о розыске бежавших (см. «Русская Старина» 1899, VI, стр. 586 и «Каторга и Ссылка», 1926, № 6, стр. 115 — 116), и, как свидетельствует справка ген. Курносова от 11-го марта 1826 г. (то же дело л. 946) были очень скоро открыты и преданы суду одновременно с прочими участниками восстания. Что же касается поимки единственного из бежавших руководителей восстания, поручика Сухинова, то ее освещает наш специальный экскурс в сборнике «Декабристы» под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, стр. 53 — 74, а также данные, опубликованные в «Красном Архиве» 1925, кн. 6, стр. 11—42 и в сборнике «Декабристы на Украине». Киев, 1926, стр. 167 — 170.

36. Рапорт командира 4-го пехотного корпуса кн. А. Г. Щербатова от 26-го января 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армиею печатается, вместе с приложенной к нему копией показаний полковника Гебеля, с оргинала в деле штаба 1-й армии № 10, лл. 507 — 514. Согласно резолюции генерал-адъютанта бар. К. Ф. Толя, оригинал показаний отправлен был в комиссию военного суда, а копия с него препровождена к начальнику главного штаба. 30-го января 1826 г. выписка из показаний Гебеля «о первоначальных обстоятельствах мятежа» была послана ген. Роту при чем, как отмечал в своем сопроводительном отношении барон К. Ф. Толь, — «г. главнокомандующий, усматривая из оного, что караульные 5-й мушкатерской роты (всего 12 человек), присутствовавшие при том, когда Щипилло нанес полковнику Гебелю первую рану штыком в грудь, и приказания Гебеля, что Щипиллу и прочих мятежных офицеров колоть, не исполнили, но остались совершенно спокойными зрителями, допустив еще и прочих трех офицеров взять ружья для уязвления Гебеля, находит, что сии караульные и фельдфебель их Шутов — суть первые зачинщики возмущения из числа нижних чинов, и что в особенности фельдфебель явно прежде испорчен и в заговор введен был. А потому г. главнокомандующий армиею приказать изволил всех сих людей заковать найкрепче на руках и на ногах и военному суду, который над преступниками учрежден быть имеет, взять в особенное внимание изменнический поступок их» (то же дело, лл. 528 — 529).

В «Записках полковника гвардии Александра Густавовича Гебеля» (сына командира Черниговского пехотного полка), опубликованных в «С.-Петербургских Ведомостях» 1871 г., № 176 и перепечатанных в «Русском Архиве» 1871 г., стр. 1717 — 1728, есть ссылка на публикуемое нами «описание» Г. И. Гебелем событий в Трилесах и Василькове: «По желанию государя императора, отец, — полубольной еще и в постели, продиктовал описание сего происшествия. Копия этого описания у меня. На основании его и многих

других рассказов отца, я составил настоящие мои записки» (стр. 1726). Последние появились в печати в порядке опровержения некоторых страниц воспоминаний М. И. Муравьева-Апостола — единственного из активных участников событий, выступившего с мемуарами о них («Русский Архив» 1871 г., стр. 0229 — 0238, ср. издание «Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма». Предисловие и примеч. С. Я. Штрайха. П., 1922, стр. 50 — 56 и 13). — К сожалению воспоминания престарелого М. И. Муравьева-Апостола исполнены существеннейших фактических ошибок и недомолвок и, для уяснения начальных моментов восстания, дают не многим более записок И. И. Горбачевского и Ф. Ф. Вадковского. Что же касается разновременных показаний участников восстания во время следствия и суда над ними, то сопоставление их с описанием Г. И. Гебеля позволяет установить значительную точность последнего.

37. Рапорт начальника главного штаба от 6-го февраля 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армиею печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии, №10, лл. 699—702. Отметка на рапорте гласит: «Г. главнок[омандующий] приказал исполнить, о чем предписать г.-л. Роту и г.-м. Антропову, дабы приступили к суду нижних чинов. Те, которых отправить надобно будет на Кавказ, отправлять партиями от 50 до 80 чел. под прикрытием конным. О чем в свое время уведомить Ермолова, которому послать и маршрут». Как отмечалось в отношении главнокомандующего от 19-го марта 1826 г. на имя военного министра: «По высочайшему повелению нижние чины Черниговского пехотного полка, участвовавшие в мятеже, имеют быть отправлены на службу в Кавказский корпус. Они разделены на два разряда. Все фельдфебели и унтер-офицеры и те из рядовых, которые изобличены в злонамерении, преданы военному суду в Комиссии, в Белой Церкве учрежденной, и будут отправлены по окончании над ними суда и исполнении присужденного им наказания. Прочих же за тем рядовых, музыкантов и нестроевых всего 800 человек, которые по высочайшему соизволению оставлены без суда, я предписал ныне командиру 3-го пехотного корпуса отправить в Ставрополь, в шести ротах» (то же дело, л. 941).

Специально разработанная «инструкция штаб-офицеру, командированному для отвода в Кавказский корпус нижних чинов Черниговского пехотного полка» свидетельствует о совершенно исключительных предосторожностях, с которыми пришлось связать эту операцию:

«Из всех отправляемых теперь в Кавказский корпус нижних чинов составляется шесть рот в ровном числе, по распоряжению господина корпусного командира.

«Рота строится в две шеренги, как по внутреннему устройству, так и для строю, делится на два взвода, на четыре полувзвода или капральства, а полувзводы на отделения или десятки; каждое отделение имеет пять рядов или десять человек.

«К каждой роте прикомандировывается по два надежных и опытных офицеров. Старший из них есть ротный командир, который непосредственно отвечает за всю роту во всех частях. Младший есть командир 2-го взвода под командою старшего.

«К каждой роте прикомандировывается по пяти унтер-офицеров и на каждые десять черниговских солдат по одному вооруженному рядовому, отличной нравственности и твердости, в виде вице-унтер-офицеров. Один из унтер-офицеров есть фельдфебель, прочие унтер-офицеры имеют каждый капральство или полувзвод. Каждый из конвойных рядовых имеет десяток или отделение и есть десяточный вице-унтер-офицер.

«За выбор офицеров, унтер-офицеров и конвойных отвечают полковые их командиры, в случае если б они выбора сего не оправдали.

«Штаб-офицер, командующий всеми шестью ротами, принимает оные и состоящие на них вещи от командующего дивизиею и полкового командира. Штаб-офицеру и офицерам на щет путевого порядка предписывается следующее:

«Каждая рота следует всегда в полном строевом порядке. Офицерам быть всегда в строю и ни на шаг от роты не отлучаться, унтер-офицерам быть всегда при своих полувзводах, а вице-унтер-офицерам безотлучно на флангах своих отделений.

«На марше сохранять тишину и порядок. Без позволения унтер-офицеров и офицеров из рядов не выходить. На привалах не терпеть беспорядков и никаких отлучек. Офицерам весьма внимательно наблюдать, чтобы солдаты на походе не вели непристойных и соблазнительных разговоров, и оные тотчас унимать. Также чтоб унтер-офицеры и вице-унтер-офицеры не входили в близкие с солдатами разговоры и связи. Привалы поблизости корчем и кабаков запрещаются, как и вообще не терпеть никаких попоек.

«Квартирьерами посылаются впредь один унтер-офицер с двумя вице-унтер-офицерами.

«Как скоро рота пришла на ночлег или растах [sic!], то каждый десяточный вице-унтер-офицер разводит свой десяток по квартирам по показанию местных квартирмистров. В продолжении ночлегов и растахов солдатам воспрещается отлучаться с квартир без позволения или приказания унтер-офицеров. Запрещаются строжайше всякие само-

вольные сходбища и сборища. Всякое утро и вечером делать перекличку, но не целою ротою, а по-полувзводно или по-десяточно в присутствии ротного командира или взводного офицера. Для сего люди собираются вице-унтер-офицерами на назначенное место и по перекличке ими же отводятся обратно на квартиры. В ночное время дежурный по роте унтер-офицер осматривает квартиры и, сверх того, каждый вице-унтер-офицер в своем десятке. В тех местах, где есть воинские команды, требовать от оных караул и посылать частые ночные патрули; где же войск нет, там посылать необходимый обывательский дозор, вместе с дежурным унтер-офицером и одним вице-унтер офицером, которым быть вооруженными.

«Унтер-офицерам и вице-унтер-офицерам не стоять на квартире с солдатами, но располагаться по два и по три вместе на одной квартире, в кругу своих частей. Одна из таковых квартир должна быть всегда близ ротного командира.

«Ротным командирам и офицерам наблюдать внимательно за всем, что происходит и чрез унтер-офицеров должны знать все и доносить тотчас обо всем штаб-офицеру. Унтер-офицерам также быть осторожным и наблюдать за всеми разговорами и поступками солдат.

«Еслиб кто-либо из солдат нарушил сии правила, а паче всего оказал бы малейшее неповиновение или непокорность, такового тотчас заковать или забить в колодки и сдать местному воинскому начальству, а если такового нет, то гражданскому или сельскому для содержания под крепчайшим караулом впредь до распоряжения командующего штаб-офицера, коему подробно обо всем донести. Штаб-офицеру по получении о том донесения, тотчас распорядиться об отправлении такового преступника, если сие случится в Полтавской губернии, то к ближайшему полковому командиру одного из полков 3-го пехотного корпуса или 3-й кирасирской дивизии, а если в Екатеринославской губернии, то к командиру Екатеринославского внутреннего гарнизонного баталиона, для предания виновного военному суду, для чего подробно описать преступление его. В случае же если бы подобное случилось в земле Донского войска, или в Кавказской губернии, то сдать преступника местному начальству, для пересылки его скованного обыкновенным порядком чрез внутреннюю стражу в Ставрополь. О всяком таковом аресте доносить тотчас г. главнокомандующему подробно, упоминая куда и как виновный отправлен.

«Гг. офицерам подтверждается наблюдать порядок и хранить строгое повиновение; при выборе хороших офицеров не ожидается противного сему, но еслиб оно случилось, то предписывается командующему штаб-офицеру арестовать такового офицера и сдать для содержания местному военному начальству впредь до разрешения г. главнокомандующего. В то же время донести о таковом аресте его сиятельству с подробным изложением причин.

«Дабы командующий штаб-офицер удобнее мог надзирать за всеми шестью ротами, то предписывается ему, по отправлении всех шести рот, ехать тотчас к головной роте, и, нагнав оную в месте ночлега или растаха, где ее застанет, оставаться пока все прочие роты чрез то место пройдут, и тогда опять нагнав головную роту, оставаться на одном месте, пока все там проследуют. Объезжая роты, останавливаться при каждой несколько, поверяя состояние и порядок оной, впрочем ему не воспрещается поехать от головной и к задним ротам по усмотрению надобности, с тем только, чтоб ротные командиры знали всегда, где он находится.

«Разумеется, если б штаб-офицер нашел, что который-либо из ротных командиров ненадежен, то имеет право его сменить и поручить роту другому офицеру.

«Во всех случаях, где только нужна гражданская помощь, он должен обращаться к гражданскому чиновнику, роты сопровождающему, или к исправнику. О наряде надежных для сего чиновников, как и о том, чтобы вообще земские чиновники были поблизости следования его, от гражданских губернаторов сделано уже распоряжение. Воинские начальники, чрез расположение коих роты следуют, также предварены о том, равно и войска Донского войсковой атаман». (Дело штаба 1-й армии, № 10, лл. 851—853).

Некоторые данные об отправке на Кавказ солдат раскассированного Черниговского полка и о предохранительных мероприятиях военных и гражданских властей в местах их прохождения сохранились в записках А. И. Михайловского-Данилевского («Русск. Стар.» 1899 г., кн. XI, стр. 498 — 499), в материалах «К истории декабристов», опубликованных И. Ф. Павловским («Труды Полт. Арх. Ком.». 1905 г., кн. I, стр. 67 — 68) и Е. Г. Вейденбаумом «Декабристы на Кавказе» («Русск. Стар.» 1903 г., VI, стр. 501). Исчерпывающей характеристике всей этой операции посвящен этюд Л. П. Добровольского «Виправа на Кавказ салдаті в Чернігівського полку» (Сборник «Декабристи на Україні» под ред. С. А. Ефремова и В. В. Мияковского. Киев, 1926, стр. 114 — 123).

38. Рапорт старшего адъютанта главного штаба 1-й армии гвардии капитана В. С. Сотникова от 26-го марта 1826 г. на имя дежурного генерала 1-й армии печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии «О злоумышленном обществе» № 9, часть II,

л. 1103, а приложенная к рапорту записка — с оригинала, находящегося в деле бывш. Государственного Архива «О розысканиях, произведенных старшим адъютантом главного штаба 1-й армии В. С. Сотниковым». 1826, № 23, лл. 35 — 46.

Командировка В. С. Сотникова в район расположения воинских частей, с которыми связывали свои расчеты вожди восстания Черниговского полка, ближайшим образом, вызвана была следующим секретным отношением цесаревича Константина Павловича на имя главнокомандующего 1-й армиею от 20-го февраля 1826 г.

«Дошло до сведения моего, что между нижними чинами полков и рот, коих командиры и старшие офицеры арестованы и увезены в С.-Петербург, начинает вкрадываться какой-то дух ослабления, сопряженный с шалостями и неповиновением, которой делается для сельских жителей тем более чувствительным, что доселе во всем 3-м пехотном корпусе, состоящем под начальством генерал-лейтенанта Рота, соблюдались примерное послушание, спокойствие и согласие между состояниями военным и гражданским.

«Причиною перемены сей полагать можно то, что по лишении полков и рот старших офицеров, умевших держать нужную строгость и порядок, нижние чины менее боятся оставшихся молодых субалтерн-офицеров, одних яко не имеющих опытности, а других потому, что они не способны к временному заступлению вакантных мест; впрочем, судя по случившимся событиям легко, быть может, и остались еще в полках и ротах такие из злоумышленников, кои с умыслом делают солдатам поблажки и льстят страстям их. За сим польза службы, а с тем вместе и общая безопасность, требовали бы немедленного замещения вакантных мест по полкам и ротам лицами надежными и не зараженными духом злоумышления». (Дело штаба 1-й армии № 9, л. 737).

Материалы, добытые агентурой цесаревича Константина (значительнейшая часть их опубликована в «Русском Архиве» 1871 г., стр. 257—288; 1902 г. т. II, стр. 285—302 и в сборнике «Декабристы», op. cit., стр. 21—36), совпав с данными о массовом вовлечении в заговор чинов 3-го корпуса в дни Лещинского лагерного сбора осенью 1825 г., заставили штаб 1-й армии широко развернуть работу по тайному разведыванию о настроениях наиболее затронутых пропагандою Южного общества воинских частей, главным образом, в направлении того, что «говорят и мыслят в рассуждении бывшего возмущения Черниговского пехотного полка и не замечаются ли где понятия, сходные с возмутительным катехизисом». 3-го апреля 1826 г. граф Сакен препроводил начальнику главного штаба печатаемую нами отчетную записку В. С. Сотникова, при чем «по содержанию сих замечаний» просил о распоряжении, «чтоб майору Спиридову сделан был допрос, — какие именно суть те пять рот Пензенского пехотного полка, которые он располагал приготовить для Муравьева-Апостола», а капитана Пыхачева запросить — «на какой конец он приказывал собирать подводы, узнав о приготовлении в поход гусарского принца Оранского полка». (Гос. Арх., дело № 23, л. 32). Запрошенный Следственной комиссией об обстоятельствах, изложенных В. С. Сотниковым, М. И. Пыхачев в своих показаниях от 24 апреля, подтверждая распространение священником слухов о новом походе, разъяснил, что «10 января приказаний о заготовлении возможного количества подвод не давал, но подобное приказание было от меня не 10-го, а 1-го генваря — по приказанию генерал-майора Гейсмара, находившегося в квартире моей, на случай разных посылок» (то же дело, л. 47). Сделанное здесь же указание Пыхачева, что арестован он был «в ночь с 10-го на 11-е января», опровергает свидетельство воспоминаний М. И. Муравьева-Апостола о том, что «Пыхачев, накануне того дня, когда его рота выступила против нас, был арестован». Наоборот, — несмотря на свою принадлежность к тайному обществу, Пыхачев обманул расчеты мятежников и принял деятельное участие в операциях против них. Что же касается данных о поднятии Пензенского пехотного полка, то С. И. Муравьев в своих показаниях 23 мая 1826 г. категорически удостоверил, что «никогда Спиридов не давал обещания приготовить пять рот Пензенского полка, и я никогда не посылал к нему офицера артиллерийского с уведомлением о начале возмущения» (то же дело, л. 48). Ср. материалы серии «Восстание декабристов», том V, М.-Л., 1926. (Стр. 156, 287—293, 388—389, 441 и др.); «Красного Архива» (1925 г., кн. VI, стр. 46—67), записок И. И. Горбачевского (изд. 2-ое, стр. 101 — 121) и статьи М. В. Довнар-Запольского («Голос Минувшего» 1917 г., № 7 — 8, стр. 56 — 60) о неудавшихся попытках членов тайного общества из состава чинов 8-ой артиллерийской бригады и 8-ой пехотной дивизии оказать поддержку восставшему Черниговскому полку. Краткий пересказ относящихся к 8-ой артиллерийской бригаде частей записки В. С. Сотникова, напечатан в заметках О. Д. Багалей «Салдатськи маси в декабристському рухови» («Декабристи на Україні». К., 1926, стр. 19 — 21).

Выписка из доклада В. С. Сотникова была сообщена и генерал-лейтенанту Роту, при чем в сопроводительном отношении главнокомандующего особо выделялся случай в Черниговском пехотном полку («Сей порыв буйного и мятежного духу не дает хорошего мнения об остатках Черниговского полка»), предлагалось обратить особенное внимание «на фурштадских нижних чинов и стараться отыскать тех, которые радовались возмущению Муравьева» и, «сверх того, открыть непременно во всех полках и ротах, по содержанию

сей записки, тех офицеров, которые обнаруживают сожаление об офицерах, взятых в С.-Петербург или их оправдывают. За ними учредить тайный надзор, примечая все поступки и связи их; в особенности же наблюдая отношение их к солдатам и разговоры их с оными при разных сборах на походе и в карауле. Равным образом, обратить внимание на управление Тамбовского полка, нет ли в том строгости сверх меры и предоставленной начальникам законной власти. Впрочем, жалоба солдат на учение обнаруживает мало усердия и добрых чувств, по которым они не хотят постигать, что все состояния около их трудятся усердно, и что в этом состоит назначение человека. Надобно наблюдать, чтоб людей чаще водили в церковь, и чтоб в полку сохранялось благочестие» (то же дело, лл. 33—34). Еще до получения материала В. С. Сотникова, главнокомандующий привлек к делу тайного розыска в армии «гражданскую часть», при чем волынский губернатор, согласно его предложению от 12-го марта 1826 г., «самосекретнее предписал городничим и земским исправникам тех уездов, в коих расположены полки 8-й пехотной дивизии и роты 8-й артиллерийской бригады, чтобы они, если только узнают о каких-либо беспорядках, нарушении дисциплины со стороны помянутых войск, а в особенности о вольных мнениях и поступках офицеров и нижних чинов, тотчас доносили мне и в случае важности обстоятельств, по эстафете. Поветовым же маршалам новоградволынскому, староконстантиновскому, острогскому и овручскому так же самосекретнее поручил обратить непременный надзор за поведением и образом мыслей офицеров и нижних чинов, квартирующих в тамошних поветах Тамбовского, Пензенского и Саратовского полков и 8-й артиллерийской бригады, с примечанием даже и того, в какой мере и самые начальники выполняют долг свой и стараются удержать порядок и добрую нравственность, донося о последствиях мне таким же порядком. В прочем обязал я всех вышеозначенных чиновников, чтобы каждый настоящее поручение хранил в глубочайшей тайне и собственно только в своем сведении». (Дело штаба 1-й армии, № 9, л. 1030).

39. Секретное отношение начальника штаба 1-й армии генерал-адъютанта К. Ф. Толя от 7 апреля 1826 г. к главнокомандующему 1-й армией печатается с оригинала, находящегося в деле канцелярии начальника главного штаба 1-й армии «О поступках генерал-лейтенанта Рота, по существовавшему в 3-м пехотном корпусе заговору злоумышленников» 1826 г., № 4, лл. 1 — 9. Одновременно с письмом к главнокомандующему, ген. Толь о том же, в тех же самых выражениях и дублируя те же «экстракты и ответы», осведомлял генерал-адъютанта Дибича (ср. «Бумаги барона И. И. Дибича», в бывш. Государств. Архиве, IB, № 469, лл. 67—74). Поездке бар. Толя в штаб 3-го корпуса (любопытные бытовые детали этого эпизода сохранились в воспоминаниях В. А. Докудовского, op. cit, стр. 40—41) предшествовали рапорты Могилевской военно-судной комиссии с разоблачениями рядового Черниговского пехотного полка, разжалованного из офицеров, Игнатия Ракузы (опубликованы в «Русском Архиве» 1902, т. II, стр. 292—297) и сведения, представленные цесаревичем Константином в отношении от 7-го марта о том, что «в Пензенском пехотном полку не видно истинного чувства службы и гг. офицеры крайне сожалеют о взятых из сего полка офицерах, а особливо о тех, которые поступили в оной из прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка и превозносят их щедрость и воспитание, о сем с похвалами отзываются и все нижние чины того полка; сверх сего известно, что 1-го числа сего месяца в г. Староконстантинове в общем трактире за обедом все находившиеся там сего полка офицеры между разговором об открытом заговоре, жалуясь на притеснение по службе и на причинение беспрестанных неудовольствий, изъяснялись с заметным чувством сострадания о виновных нещастливцах в С.-Петербурге, а один из них молодой человек и имянно порутчик Мисюрин, говоря с жаром о недавних происшествиях, явно объявил, что судящиеся виновники не были вредны и не искали возмущений и кровопролития, но требовали лучших учреждений к общему благу и улучшению, и потом, когда коснулся разговор о напечатанном объявлении в ведомостях о заговоре на жизнь всеавгустейшей императорской фамилии, то все означенные офицеры утверждали, что таковых намерений не было, а помянутой порутчик Мисюрин старался уверять, что напечатанное о том объявление в ведомостях есть несправедливо и выдумано правительством для того, дабы увеличить наказание взятых в С.-Петербург». (Дело штаба 1-й армии, № 9, лл. 875 — 876). Ср. материалы, опубликованные в изд. «Восстание декабристов», т. V, стр. 312 — 313.

Учитывая все эти новые подтверждения «развращенности» войск 3-го корпуса (вина Мисюрина, впрочем, не подтвердилась и, после четырех с половиною месяцев тюремного заключения, он был отправлен обратно в полк — то же дело, л. 2144), начальник главного штаба ген. Дибич в отношении своем к главнокомандующему от 15 марта 1826 г. (то же дело, л. 1081) предложил немедленно «повторить» ген. Роту «именем его императорского величества, что имевши уже столь нещастный опыт в случившемся в Черниговском полку происшествии, он тем более и строже должен обращать внимание и наблюдение за поведением войск вверенного ему корпуса, и что если после сего еще случится в оных какой-либо беспорядок и об оном дойдет до сведения не по его донесе-

нию, а по посторонним известиям, то он подвергнет себя за то личной ответственности». Одна из объяснительных записок ген. Рота, доказывавшего преувеличенность опасений штаба 1-й армии и необоснованность сведений тайных агентов о настроениях 8-й пехотной дивизии, опубликована В. Ганцовой-Берниковой в сборнике «Декабристи на Україні». Киев, 1926 г., стр. 162—164. Неудовольствие начальства смягчено, однако, не было и 16-го сентября 1826 г. генерал-лейтенант Л. О. Рот был перемещен на должность командира 4-го пехотного корпуса.

40. Всеподданнейший доклад аудиториатского департамента от 10 июля 1826 г. печатается с оригинала, находящегося в наряде «Высочайше конфирмованных докладов и докладных записок по военно-судным делам с 1-го июня по 1-е сентября 1826 г.» № 82, на 130 листах.

Следственная часть делопроизводства Могилевской военно-судной комиссии, поступившая 22-го апреля 1826 г. на ревизию в аудиториатский департамент главного штаба и зарегистрированная в нем как первый том дела «Об офицерах, участвовавших в мятеже Черниговского пехотного полка», 1826 г., № 35, как известно, не сохранилась. До нас дошла, однако, в числе уцелевших прочих трех томов, «выписка из военно-судного дела», прочитанная 20-го марта 1826 г. всем подсудимым и заверенная их собственноручными подписями в том, что «прописанные в сей выписке их ответы внесены правильно и их утверждают во всем пространстве. Ничего более представить не могут, никого и ничего не закрыли, в чем и подписались». Выписка эта, на 163 листах, составила, вместе с необходимыми процессуальными справками и сентенцией военно-судной комиссии, второй том названного выше дела и, как доказывает произведенное нами сличение текстов, почти буквально перенесена была во «всеподданнейший доклад» от 10-го июля 1826 г. Не использованы были в последнем лишь следственные материалы об офицерах Черниговского полка, подозрения о прикосновенности которых к мятежу не оправдались. Данные «выписки» об этой категории обвиняемых не лишены некоторого бытового интереса, а потому отметим по ней все, что может уяснить хоть какие-нибудь детали Васильковских событий. Так, листы 121 — 122 удостоверяют, что капитан А. Ф. Фурман «как при 3-м пехотном корпусе, так равно и в ответах своих пред судом объяснился, что он в возмущении Черниговского полка ни с Муравьевым, ни с его приверженцами не только не имел никакого участия, но даже и известен о том вовсе не был, ибо сдав, по случаю подачи прошения в отставку, командуемую им 6-ю мушкатерскую роту поручику Павлову 2-му, 24-го числа декабря, с позволения полкового командира, отправился он из расположения означенной роты, квартировавшей в селении Гребенках, в Синяву к бывшему казначею графини Браницкой Цехановичу по знакомству для свидания, оттоль в деревню Ольшанку к Станишевскому и, наконец, в Ракитно к Станишевским же; где и гостил у означенных лиц во все время с показанного 24-го числа до самого 31 декабря (по следствию все означенные лица подтвердили, что точно капитан Фурман гостил у них с 24-го по 31-ое число минувшего года), а того дня возвратился обратно в Гребенку, куда прибыв 1-го генваря и услышав от своего деньщика, что полк их выступил в поход, а куда неизвестно, заходил к квартировавшему там же маиору Лебедеву, как узнать что случилось, так и поздравить его с семейством с новым годом; застал у него и разжалованного из полковников в рядовые Башмакова и тогда же спрашивал, что случилось, но Лебедев отозвался, что он ничего не знает и в тот же день едет в Белую Церковь; после чего он, Фурман, пошел оттуда на свою квартиру, взяв с собою Башмакова, дабы дать ему по возможности и по человечеству, в рассуждении расстроенного его здоровья, о котором только и жаловался, пособие, и находился вместе с ним на своей квартире до 5-го генваря, и того числа по предложению исправника отправился в Васильков, где и был взят с ним же Башмаковым под арест».

Штабс-капитан А. Н. Роменский 1-й показал, что он «до 30-го числа ни о каком в полку происшествии не знал, ибо во весь декабрь месяц, по случаю подачи им просьбы в отставку, сдав 3-ю мушкатерскую роту порутчику Шипилле, с позволения полкового командира, находился в своем поместье, в селении Копычеве, а 30-го числа пополудни, в 6 часов, получа записку от адъютанта Павлова чрез рядового 3-й роты Абрамова, отправился с братом своим Роменским 2-м, прибывшим к нему в сей же самый день на праздники, в г. Васильков, к майору Трухину, где, узнав от рядового Новикова, что он арестован и находится на гаубтвахте, а от денщика адъютанта Павлова о случившемся в полку происшествии и что Павлов скрылся, он Роменский с тем же братом своим возвратился опять в свою деревню, а хотя после поехали было в Белую Церковь явиться к ближайшему своему начальству, но, узнавши на дороге от проезжавших оттоль жителей, что будто бы и в Белой Церкве 17-й егерский полк взбунтовался, опасаясь быть захваченными, возвратились оттоль и 1-го генваря прибыли в Киев (лл. 148 об.—149). Подтверждая показания брата, подпоручик К. Н. Роменский 2-й разъяснил что он «до 30-го числа, по болезни, находился при 3-й роте в дер. Бугаевке», 30-го же числа

«хотя приезжал туда подпоручик Кондырев для принятия от поручика Щипиллы роты и объявлял ему о нанесенных полковому командиру ранах, потом вышел с ротою в Васильков, но он Роменский 2-ой, по причине невозможности быть одетым ни в какую форму, не мог с ним следовать». По дороге же в Белую Церковь «он с дороги, по совету брата, возвратился было опять в Васильков под видом получения лекарства от болезни, а точное было намерение, чтобы узнать подробнее о всем, там происходящем . . . и хотя на обратном оттуда следовании встретившиеся с ним Кузьмин и Мозалевский уговаривали его к выступлению с ними в поход и угрожали смертию, но он, Роменский 2-ой, не взирая ни на что, решительно от всего отказался и от них уехал к брату» (лл. 149 — 150).

Подпоручик М. Ф. Павлов 2-ой показал, что «29-го числа декабря, по предписанию командующего полком майора Трухина, командирован был он с двумя унтер-офицерами в м. Паволочь для арестования там или на дороге подполковника Муравьева, брата его и подпоручика Бестужева-Рюмина, где, однако, не нашедши их, возвратился в полк, по тракту заехал в Белую Церковь, явился к командовавшему дивизиею генерал-маиору Тихановскому, от коего, с повода полученных им известий, посылан был в Васильков, но, не доезжая до оного четырех верст, узнал, что Муравьев с двумя возмущенными ротами с заряженными ружьями, идет на Васильков, то, чтобы предупредить его туда прибытие, в тот час послал одного из своих унтер-офицеров к маиору Трухину, а сам обратился опять в Белую Церковь» (лл. 150—151). Наконец, подпоручик А. П. Анастасиев оправдывался тем, что, «осведомившись о приближении Муравьева к Мотовиловке», не нашел нигде «ротного командира своего Вульферта» и, «оставаясь при роте один из офицеров», «по неопытности своей совершенно потерял присутствие духа, не зная к какому тогда прибегнуть средству» и, чтобы не быть «самому захваченным, решился отстать от роты и поспешно поехал в Житомир, где и явился к дежурному штаб-офицеру» (лл. 151 — 152).

Прошение И. И. Сухинова от 15 января 1826 г., пересланное из главного штаба в аудиториатский департамент 24 мая 1826 г. и изложенное во «всеподданнейшем докладе» (стр. 189 в нашем издании) в подлиннике сохранилось в отмеченном выше деле № 35, том 2-ой, лл. 13—15, а по очень неисправной копии воспроизведено было В. А. Барвинским в сборн. «Декабристи на Україні». К., 1926, стр. 169—170. (Особенно извращены в печати следующие места подлинника: «Происшествие же, случившееся с г. подполковником Гебелем, я почти не соучавствовал, ибо в доказательство моей против его невинности, что даже еще спас ему жизнь, когда было строго мне подполковником Муравьевым-Апостолом приказано, чтобы уничтожить его и предать смерти: за неисполнение такого приказания подвергался было там таковой же участи»; «это было единственно минутное мое заблуждение»; «семнадцатилетняя беспорочная служба»; «будучи всегда преданным вашему августейшему дому»; «. . . мое положение хуже самой смерти и каторжной работы, но ни мало на то не ропщу, ибо оные я заслуживаю еще и более, совесть ежеминутно меня преследует и повсеместно напоминает мне о моем преступлении, о измене подданного своему государю»; «ваши милости, повсечасно гремящие»; «царя милостивого и благодетельного, оказавшего уже многим свое милосердие»; «место же моего пребывания повсюду и повсеместно . . . где день, где ночь, а как кажется угодно всевышнему еще меня сохранить»....

Копия доклада аудиториатского департамента от 10 июля 1826 г., вместе с «высочайшей конфирмацией», была препровождена военным министром министру юстиции, а последним в Правительствующий Сенат, который заключительную часть доклада (соответствующую лишь восьми последним листам оригинала) «дал знать от Сената печатными указами» во все центральные государственные учреждения и губернские присутственные места. Появившись в «С.-Петербургских Сенатских Ведомостях» от 12 августа 1826 г., № 34, этот «указ с изъяснением высочайше утвержденного приговора об офицерах Черниговского пехотного полка, сужденных за участие в мятеже, произведенном бывшим в том полку подполковником Муравьевым-Апостолом», вошел в «Полное собрание законов Российской империи» (собр. второе, том I, СПБ. 1830 г., стр. 838 — 843, № 514) и перепечатывался впоследствии в следующих изданиях: 1) «Государственные преступления в России в XIX в. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений». Составлен под редакцией Б. Базилевского [В. Я. Богучарского], том I, Штутгарт, 1903 г.; 2) Г. А. Куклин «Материалы к изучению истории революционного движения в России», т. I, Genève, 1905, стр. 152—159; 3) «Русская Старина» 1905, кн. 5, стр. 378 — 384; 4) «Всемирный Вестник» 1905 г., кн. VI, стр. 32 — 39; 5) во втором, легальном, издании труда В. Я. Богучарского «Государственные преступления в России». СПБ, т. I, 1906 г. стр. 64 — 67; 6) в сборнике «Декабристы. Тайные Общества. Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевских. М., изд. В. М. Саблина. 1907, стр. 148—154; 7) в «Полном собрании библиографических трудов А. Е. Бурцева», т. IX, вып. 65, СПБ., 1908, стр. 141—146 и 8) в изд. Центрархива «Декабристы». Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман, М., 1926 г., стр. 461 — 466.

Порядок приведения в исполнение «высочайшей конфирмации» от 12 июля 1826 г. был детально разработан штабом 1-й армии, согласно указаниям которого в городе Остроге — месте нового расквартирования Черниговского полка — «учинено» было 1-го августа публичное «переломление шпаг» над бар. В. Н. Соловьевым, И. И. Сухиновым, А. Е. Мозалевским и А. А. Быстрицким, а 28-го августа, при сборе в г. Василькове сводного баталиона из команд всех полков 9-ой пехотной дивизии, три первых из указанных выше мятежников поставлены были «через палача» под виселицу, к которой одновременно прибиты были имена погибших во время восстания — А. Д. Кузьмина, М. А. Щипиллы и И. М. Муравьева-Апостола. По окончании «сего обряда», все осужденные переданы были «в гражданское ведомство» для отправки в каторжную работу. Что касается суммы в 3.932 р. 38$^{2}/_{4}$ коп., подлежавшей, согласно конфирмации, взысканию с имения осужденных офицеров «за неоказавшиеся в полку после мятежа аммуничные и оружейные вещи», то «в число такового взыскания» выручено было «за проданное некоторых из оных преступников имущество 1.178 руб. 80 коп.». Покрыть недоимку оказалось невозможным, так как по произведенному на местах обследованию имущественного положения участников восстания Черниговского полка «только из оных мятежников у Петина в Козловской округе пять душ крестьян с землею, а у прочих никакого принадлежащего особо им имения не отыскано, кроме того, что за отцом Мозалевского состоит 12 душ собственно им благоприобретенных, за отцом Сухинова 4 души и за матерьми: Соловьева дворовых 6 душ и Сизиневского 4 души, однако все оные лица по семейным обстоятельствам отозвались несостоятельными к платежу за преступных сыновей присужденных с них денег» (Дело аудиториатского департамента, 1826 г., № 35, том 4, лл. 177—178). Для характеристики материального положения участников восстания см. также любопытный «Список г.г. офицерам и нижним чинам Черниговского пехотного полка, состоящим должными купцу Ошлендеру» в Василькове («Рух декабристів». Харків, стр. 72 — 73 втор. пагин.). По представлению военного министра от 23 мая 1828 г. недоимку с деятелей вооруженного восстания пришлось сложить. Вся переписка, связанная с исполнением приговора Могилевской военно-судной комиссии, а также с дополнительными розысканиями, отраженными во «всеподданнейшем докладе» от 10 июля 1826 г. на стр. 189 и след., находится в отмеченном выше деле аудиториатского департамента, № 35, томы 3-й и 4-й, и в деле главного дежурства 1-й армии, военно-судной части, «Об офицерах Черниговского пехотного полка, причастных к обществу злоумышленников против правительства», № 11 — 826, на 429 листах. Краткий обзор материалов доклада аудиториатского департамента сделан в очерке О. Д. Багалей-Татариновой «Участники повстання Чернігівського полку перед військовим судом у Могильові» («Повстання декабристів на Україні». Науковий збірник Харків. науков-дослід. катедри історії української культури, за редакцією академика Д. Багалія. Харків, 1926, стр. 171 — 234).

41. Отношение главнокомандующего 1-й армиею генерала-от-инфантерии гр. Ф. В. Сакена на имя начальника главного штаба генерал-адъютанта бар. И. И. Дибича от 5 августа 1826 г. печатается с оригинала, находящегося в деле Аудиториатского департамента: «О конфирмации г. главнокомандующего 1-ю армиею по делу о нижних чинах Черниговского пехотного полка, сужденных за измену и мятеж, всего 136 человеках», лл. 1—8. Резолюция бар. И. И. Дибича гласит: «10 авг[уста]. Высочайше утверждается, за исключением Кейзера, коего повелено, по лишении дворянства, послать в крепостную работу». В основной своей части конфирмация опубликована впервые нами в сборнике «Декабристы. Отрывки из источников». М., 1926 г., стр. 397 — 400.

Военно-судная комиссия в Белой Церкви сформирована была на основании следующего приказа по 1-й армии от 18 февраля 1826 г. за № 17: «По высочайшему повелению учреждается в м. Белой Церкве комиссия военного суда над всеми фельдфебелями и унтерофицерами Черниговского пехотного полка, участвовавшими в бывшем возмущении того полка и измене, как равно и над прочими из числа нижних чинов, увлеченных мятежниками, которые по предварительному розыску изобличены в злонамерении. Председателем оной комиссии назначается командир 2-й бригады 12-й пехотной дивизии генерал-маиор Антропов; ассесорами — командир Воронежского пехотного полка полковник Гинтовт, командир 20-го егерского полка подполковник Галафеев, Таврического гренадерского полка подполковник Красовский, 3-го карабинерного полка подполковник Гурьев, 24-го егерского полка маиор Набоков 3-й и Киевского драгунского полка маиор Карево». (Дело главного дежурства 1-й армии. Военно-судной части, № 15, л. 1).

Тем же днем помечено было отношение главнокомандующего на имя генерал-майора Антропова, детально предопределявшее как внешний, так и внутренний распорядок всех работ военно-судной комиссии:

«Во исполнение высочайшего повеления, объявленного чрез начальника главного штаба его императорского величества, учреждается, в Белой Церкве, комиссия военного суда над нижними чинами Черниговского пехотного полка, виновными в измене и мятеже.

«Приказав уже прежде предварить ваше превосходительство о назначении вас председателем сей комиссии и членах, в состав ее командированных, я препровождаю при сем представленные от командира 3-го пехотного корпуса и обращенные ныне ко мне от начальника главного штаба его императорского величества двенадцать списков воинским чинам Черниговского пехотного полка и предписываю вам тотчас по получении сего открыть военный суд и, согласно высочайшей воле, судить в оном:—I. Всех фельдфебелей и унтер-офицеров, показанных в списке № 1, взятых с оружием в руках. II. Всех нижних чинов по списку № 3, оказывающихся виновными в законопротивных поступках относительно мятежа и III. Из числа показанных по списку № 4, разновремянно уклонившихся от мятежников, тех, кои окажутся участвовавшими в мятеже.

«Я предписал теперь командиру 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту Роту, чтоб он приказал доставить в военный суд произведенное генерал-маиором Курносовым о сем мятеже следственное дело и вообще все потребные оному сведения. От начальника главного штаба армии вместе с сим доставить служащие основными актами обвинения, показания полковника Гебеля, подполковника Трухина, маиора Козлова, штабс-капитана Павлова 1-го, и вообще все прочие необходимые сведения. Сверх того предписано комиссии военного суда, учрежденной при главной квартире армии над мятежными офицерами, дабы она сообщила военному суду, в Белой Церкве учрежденному, все сделанные ею по сие время открытия относительно нижних чинов.

«Обязанности комиссии военного суда, учреждаемого под председательством вашим, будут состоять в следующем:

«1) Исследовать и рассмотреть с точностию поведение и поступки преступных фельдфебелей и унтер-офицеров, определить преступление ими сделанное и наказание, коему они по всей строгости воинского артикула государя императора Петра Великого подвергаются. При сем иметь всегда во внимании, что при происшедшем возмущении, рядовые могли быть вовлечены в преступление внезапностью и недоумением; но унтер-офицеры, будучи опытнее и разумнее их и имея уже навык начальствовать, должны были найти разрешение в приверженности своей к престолу и законной власти. Муравьев-Апостол мог обманом собрать полк в полковую штаб-квартиру, и в сем случае фельдфебели и унтер-офицеры могли оправдываться обязанностию повиновения; но как скоро сделалась речь о ниспровержении престола и стали читать возмутительный катехизис, столь ясно преступные замыслы объясняющий, тогда по совести и присяге их окончились пределы всякого повиновения. Они явно увидели тогда в начальнике своем гнуснейшего преступника, что им из воинского артикула, который они твердо знать должны, известно; а потому им следовало ему воспротивиться, и нет сомнения, что рядовые последовали бы примеру их. А потому фельдфебели и унтер-офицеры явно изобличаются в злоумышлении против правительства.

«2) Определить с точностию преступление каждого из рядовых, показанных в списках № 3 и № 4, и наказание, коему они по артикулу подлежат.

«3) Не ограничиваясь ни мало следствием, произведенным генерал-майором Курносовым, изыскать с точностию, не откроются ли сверх показанных в списке № 3 еще другие унтер-офицеры и рядовые, особенное злоумышление оказавшие. По некоторым обстоятельствам обнаруживается, что в других полках офицеры, принадлежащие к тайному обществу злоумышленников, старались портить солдат постепенно и вводили их заблаговремянно в заговор, открывая им тайну общества. А потому военный суд обязывается в особенности исследовать, нет ли и между мятежниками таковых унтер-офицеров и рядовых, которые Муравьевым или его сообщниками уже заранее были подговорены и введены в тайну заговора, и, вообще, не существовало ли в полку предварительного заговора. При чем комиссии поставляется на вид, что из числа мятежных офицеров капитан Фурман, штабс-капитан барон Соловьев, порутчики Кузьмин и Щипило все были членами тайного общества злоумышленников; почему все нижние чины, которые к ним близки были, подвергаются подозрению.

«4) В заключение комиссия имеет определить с точностию, которые именно из всех вышеупомянутых нижних чинов, преданных суду, суть виновнейшие и подлежат строжайшему и примерному наказанию.

«Всех прочих рядовых, показанных в списке № 1, которые не будут изобличены в особенном и явном злоумышлении, государь император высочайше повелеть соизволил отправить, яко порочных, на службу в Кавказский корпус. Я предписал генерал-лейтенанту Роту отправление их начать тогда, когда военный суд не будет иметь в них надобности. А потому необходимо поспешить окончательным розыском, и о тех ротах или нижних чинах, в которых суд не имеет надобности, уведомлять командира 3-го пехотного корпуса для отправления их согласно назначению.

«В заключение я предлагаю вашему превосходительству употребить всевозможную деятельность к самоскорейшему окончанию дела, на каковой конец военному суду иметь заседания, подобно как суд в главной квартире имеет, ежедневно по утру от осьми до двух часов и по полудни от шести до девяти часов. О успехе производства дела доносить

мне еженедельно чрезсрочного курьера, отправляя донесение в Киев. По окончании военно-судного дела представить оное прямо ко мне». (Дело штаба 1-й армии, № 10, лл. 705—708).

Приступив к работе 28 февраля 1826 г., военно-судная комиссия закончила ее 25 июня, когда все материалы по делу о восстании, вместе с заключительной сентенцией, препровождены были ген. Антроповым в Могилев на имя главнокомандующего. (Дело штаба 1-й армии № 10, л. 1234. Ср. л. 826).

Из документов, связанных с деятельностью Бело-Церковской комиссии, в печати появился только один — копия с рапорта главнокомандующему от 6 марта 1826 г. о показаниях Игнатия Ракузы («Русский Архив» 1902, II, 293—297).

Из подсудимых двое умерли во время процесса (фельдфебель Иван Поляков — 24-го апреля и рядовой Андрей Молодцов — 14 мая), а относительно третьего пришлось сделать особую оговорку в сопроводительном рапорте, что «из числа значущихся по сему делу подсудимых Черниговского пехотного полка фельдфебель Михей Шутов, хотя по высочайшему его императорского величества приказу, в 23-й день декабря прошлого 1825 г. отданному, произведен в подпорутчики, но таковой чин объявлен не был, и он потому судим и по сентенции приговорен в числе главнейших соумышленников в прежнем его звании» (то же дело, л. 1234).

Вопрос о приведении в исполнение смертных приговоров над нижними чинами, проявившими особую активность в дни восстания Черниговского полка, разрешился в благоприятном для подсудимых смысле совершенно неожиданно. В самом деле, как свидетельствует рапорт ген. Дибича от 6 февраля 1826 г. (см. печатаемые нами материалы под № **37**), «высочайшей волей» предусматривался расстрел не менее трех представителей этой категории мятежников, при чем были точно указаны даже некоторые детали предстоящих казней. Процесс, однако, затянулся, и окончанием своим совпал с приведением в исполнение приговора Верховного Уголовного суда в Петербурге. Под явным впечатлением пяти виселиц на кронверке Петропавловской крепости, Николай признал излишним эффект расстрелов на юге, и уже 16 июля 1826 г. ген. Дибич извещал главнокомандующего о следующем: «государь император высочайше повелеть мне соизволил уведомить ваше сиятельство, что, буде над рядовыми Черниговского пехотного полка, приговоренными по суду быть расстрелянными, исполнение еще не сделано, то его величеству угодно, чтобы вместо расстреляния прогнать их шпицрутеном по двенадцать раз каждого сквозь тысячу человек». (Дело главного дежурства 1-й армии, военно-судной части № 15, л. 26). Бумага эта была получена в Могилеве 21 июля и как бы ответом на нее явилось печатаемое нами отношение графа Ф. В. Сакена от 5 августа 1826 г., об утверждении которого штаб 1-й армии извещен был аудиториатским департаментом главного штаба 21 августа 1826 г.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

1. Рапорт начальника главного штаба генерал-адъютанта барона И. И. Дибича от 15-го февраля 1826 г., за № 392, на имя главнокомандующего 1-ю армиею печатается, вместе с приложенной к нему выпиской из показаний М. П. Бестужева-Рюмина, с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии «О злоумышленном тайном обществе» № 9, лл. 688—690. Что касается выписки из показаний С. И. Муравьева-Апостола (полностью воспроизведенных в изд. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 276), то она препровождена была в Могилев не одновременно с первой, а лишь при дополнительном отношении ген. Дибича от 19-го февраля 1826 г. (лл. 749—751). Копии с обоих выписок частично воспроизведены в «Русском Архиве» 1902, II, стр. 291—292.

Отправляя этот материал в Белоцерковскую военно-судную комиссию, начальник штаба 1-й армии предложил генерал-лейтенанту Л. О. Роту всех поименованных в «ответах» Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола нижних чинов бывш. состава Семеновского полка «немедленно взять без всякой огласки и под строгим караулом доставить в Белую Церковь», куда генерал-адъютант бар. К. Ф. Толь одновременно сообщал, что «г. главнокомандующий армией приказать изволил, дабы, по прибытии их, военный суд сделал строгий розыск относительно связей их с Муравьевым-Апостолом и цели оных, на каковой конец допросить их: с которого времени и как вошли они в сношения с Муравьевым? Какие он давал им наставления и к чему склонял их? Не давал ли он им возмутительного катехизиса? Учил ли их распространять правила его между товарищами? Кому они в полку о том открылись? Имеют ли в полках сообщников? Кого именно? Знают ли о сем прочие солдаты в полках и как вообще о сем рассуждают? Людям сим напомнить, что они только откровенным сознанием могут облегчить свою участь, ибо есть способ к непременному их изобличению» (л. 694).

Вопрос о сношениях С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина с солдатами лейб-гвардии Семеновского полка, расквартированными после октябрьского «возмущения» 1820 г. по полкам 8-й пехотной дивизии, поставлен был почти одновременно и Комитетом для следственных изысканий в Петербурге и Военно-судной комиссией

в Могилеве. Исходным пунктом для предпринятых разысканий явилось, очевидно, случайно брошенное кем-то на допросе замечание об укрощенной бывшими семеновцами вспышке недовольства в одном из полков в дни Лещинского лагерного сбора и об интерпретации этого эпизода С. И. Муравьевым. Так или иначе, но уже 17-го января 1826 г. от арестованного командира Полтавского пехотного полка полковника В. К. Тизенгаузена потребованы были «откровенные и подробнейшие показания о всем том, что ему было известно на счет роты Саратовского пехотного полка и унтер-офицера, находящегося в оной из Семеновского полка». Исчерпывающие «ответы» Тизенгаузена приводим полностью:

«Относительно роты Саратовского пехотного полка я слышал в исходе августа месяца 1825 г. от Черниговского пехотного полка подполковника Муравьева, во время сбора 3-го пехотного корпуса в лагере под м. Лещиным, что одна мушкатерская рота (какая же именно, того не помню) после ученья, положив ружья в пирамиды и сняв амуницию, пришла к своему полковому командиру полковнику Брычеву просить, чтобы он переменил им ротного командира, с которым служить не могут. Полковник Брычев их спрашивал: почему они не хотят с своим ротным командиром служить — разве он жестоко понапрасну наказывает, или не отдал вам жалованья, или аммуничных денег или не допускает вам провианта — заставляет может быть для себя работать? — «Нет, отвечала рота, мы в этом не можем пожаловаться, — но он нас мучает, — недостает сил терпеть, не дает покоя, не только днем, но и ночью, — посмотрите на нас, — на кого мы похожи; одна тень; не удается и часу поспать, — чтобы хотя немного поспать, и еда на ум не идет, — почти и богу некогда помолиться, и тому подобное». Брычев, расспроса о сем деле некоторых офицеров и найдя, что жалоба солдат неосновательна, побранил их, хотел некоторых наказать (но не знаю сделал ли сие) и приказал роте идти в палатки,— но солдаты отвечали: «Пойдем, но только из лагеря не выйдем; когда дивизию после смотра отпустят на квартиры, останемся одни, если прочие роты и пойдут домой». — Помнится мне, что сие упорство роты продолжалось (как говорил Муравьев) несколько дней; офицеры их не могли никак уговорить дурачиться и успокоиться:—она все просила другого ротного командира и объявила, что из лагеря не выйдет, покуда им не переменят их мучителя. Напоследок один унтер-офицер (поступивший из лейб-гвардии Семеновского полка, который в сем наглом требовании роты с некоторым весьма малым числом товарищей из Семеновского же полка не участвовал) начал уговаривать своих солдат и уверять, что будут раскаиваться, если его не послушают, чтобы просили прощения и объявили, кто их настроил. Муравьев мне говорил, что сие подействовало на роту, и что полковник Брычев имел слабость согласиться переменить солдатам их ротного командира.

«Были ли виновные по сему делу наказаны и узнал ли о сем г. корпусный командир, того не знаю, но происшествие должно быть известно во всей 8-й дивизии, ибо все полки оной дивизии находились тогда в лагере.

«При сем случае я вспоминаю, что видел два раза приходивших солдат из Семеновского полка к подполковнику Муравьеву — одного в Лещине, когда весь Черниговский полк еще расположен был там по квартирам, и одного у балагана подполковника Муравьева, когда 2-ой баталион Черниговского полка уже вступил в лагерь. Первого солдата он отпустил от себя в самое то время, когда я подъехал к его квартире, сходил с дрожек; он сказал мне про его: «Старой солдат бывшей моей роты из Семеновского полка. Их должно быть много в 8-й дивизии». — Со вторым солдатом он еще говорил при мне, когда я подошел к балагану его, и приказал дать своему человеку сему рядовому несколько денег, который поблагодарил его, когда отходил, то Муравьев мне сказал: «Это Семеновской, доброй, смирной мужик, но дурак, которой ничего не понимает. Да он и был у нас в Семеновском полку не рядовым, а барабанщиком». — Были ли еще другие солдаты у Муравьева, сами ли они к нему приходили или посылал ли он кого за ними, о том совершенно ничего не знаю. О чем, всего лучше можно узнать от людей Муравьева и от разжалованного в рядовые полковника Башмакова, который всегда с ним квартировал. Если Муравьев, в каком ни есть моем показании противу его будет делать запирательство, он или вообще кто-нибудь, кого я только именовал, то я прошу позволения уличить каждого. Василий Карлов сын Тизенгаузен» (Дело главного штаба его императорского величества по секретной части канцелярии дежурного генерала, 1826 г., № 97, лл. 4—5).

Секретным отношением от 6-го февраля 1826 г. начальник главного штаба, направляя копию показаний В. К. Тизенгаузена главнокомандующему 1-й армией, предлагал «произвесть строжайшее и вернейшее исследование» и открыть «как все причины, служившие поводом к сему происшествию, так и лица, виновные в допущении возникнуть подобному беспорядку». (Дело штаба 1-й армии № 9, л. 578). В виду того, что о волнении в Саратовском пехотном полку в дни Лещинского лагерного сбора до сих пор в литературе нет никаких свидетельств, за исключением позднейших рассказов И. И. Горбачевского (один вариант — в его записках, изд. 2, стр. 61 — 62, другой в — передаче, с его же слов, П. И. Першина-Караксарского, там же, стр. 381 — 383), восполь-

зуемся следующими официальными данными о результатах расследования, представленными 22-го февраля 1826 г. генерал-лейтенанту Л. О. Роту начальником 8-й пехотной дивизии генерал-майором Зассом 2-м.

«30 августа, по возвращении 1-й гренадерской роты из бывшего в тот день церковного парада, частные унтер-офицеры, услышав от нижних чинов, что они имели некоторое неудовольствие на своего ротного командира поручика Березина за взыскание с них за то, что не чисто была выбелена ременная аммуниция, и ругал их неприличными словами, доложили о том баталионному командиру майору Трескину, а от него было донесено словесно полковому командиру генерал-майору Брычеву, который при расспросе оной роты нижних чинов нашел, что сия претензия была маловажна и недостойна внимания высшего начальства, поелику оная заключалась в том, что они говорили: аммуниция их сложена в аммуничнике весьма тесно, где им неудобно было разбирать и чистить, и при надевании в тесноте ломалась, а ротный командир за то с них взыскивал, почему желали бы иметь оную на руках и хранить в палатках, где можно лучше сберечь и вычистить, на что ротный командир не согласился, присовокупили к тому, что и ругал их неприличными званию гренадеров словами; почему г. Брычев, находя, что сии между ими разговоры не отчего другого происходили, как от глупости, запретил им и сделал наставление ротному командиру, чтобы впредь не употреблял при взыскании с нижних чинов неприличных ругательных слов; и ротной командир поручик Березин командовал оною ротою во все время нахождения в лагерях и при возвращении на квартиры, где уже в последствии времяни генерал-майор Брычев, находя отличнее в знании фронтовой службы поручика Клементьева, назначил командиром оной, а ему поручил в командование 4-ю мушкатерскую роту. Донесение по команде о сем им сделано не было потому, что он полагал таковой случай не столь важным, чтобы довести до сведения вышняго начальства.

«Все здесь вышеизъясненное показали согласно как командующий полком генерал-майор Брычев, батальонный командир майор Трес кин и вся рота.

«Из числа находящихся в сем полку на службе нижних чинов, поступивших из состава бывшего лейб-гвардии Семеновского полка, значущихся по имянному списку, все почти ходили в разное время к подполковнику Муравьеву, исключая двух рядовых : Ефима Павлова и Андрея Матвеева, которые не были. Рядовые Василий Турков и Федор Анойченко, служившие в оном полку в 3-й фузилерной роте, которою командовал подполковник Муравьев, по вступлении полка в лагерь, будучи посланы в м. Лещин для принятия провианта, и повстречавшись он с ними, узнав их, приказал зайтить мимоходом к себе на квартиру, где в бытность их приезжавшего к нему полковника Тизенгаузена и никого из офицеров у него не видели, кроме застали его одного, и человек по его приказанию дал им по злотому, при чем подполковник Муравьев сказал: «Объявите и всем прочим нижним чинам, поступившим из Семеновского полка в сей полк, чтобы к нему пришли. По поводу сему и прочие ходили с позволения своих ближайших начальников в праздничные дни по переходе Черниговского полка в лагерь, поодиночке и по-два, которым дал он также каждому по злотому и спрашивал, хорошо ли им служить в полку, на что отвечали хорошо, при чем он делал каждому наставление, чтобы служить верно и хорошо государю императору, повиноваться начальству, чрез что могут они заслужить прощение за прежний их проступок. В бытность же их у него объявили, что никто не видел полковника Тизенгаузена и даже не заметили никого из штаб-офицеров. По сему их показанию, все они были опрашиваемы поодиночке и единогласно показали о том». (Дело главного штаба по канцелярии дежурного генерала, 1826 г., № 97, лл. 10—11. Ср. дело штаба 1-й армии, № 9, лл. 762—772.)

В то время как корпусные и дивизионные власти старались всячески подчеркнуть совершенно невинный характер общения С. И. Муравьева с бывшими семеновцами в дни Лещинского лагерного сбора, Петербургский Комитет располагал уже приведенными нами в основном тексте показаниями вождей заговора от 31-го января и 7-го февраля, а Могилевская военно-судная комиссия в рапорте на имя главнокомандующего от 12 февраля 1826 г. отмечала: 1) показания кап. А. Ф. Фурмана о речи майора Спиридова в Лещине на собрании членов тайного общества о том, что «главное старание общества должно состоять в том, чтобы привлечь солдат, на которых основана вся надежда», и 2) признание штабс-капитана бар. В. Н. Соловьева в том, что «Щипилла читал у Муравьевых письмо от Горбачевского, что солдаты 8-й артиллерийской бригады с таким рвением ожидают начала действия, что офицеры, состоящие в сем обществе, не находят средств удержать их нетерпение, также и письмо от солдат 8-й дивизии из бывшего Семеновского полка, что они давно уже готовы исполнить внушенное им предприятие» («Русский Архив» 1902, II, стр. 287—288).

2. Рапорт начальника главного штаба генерал-адъютанта барона И. И. Дибича от 2-го марта 1826 г. за № 509 на имя главнокомандующего 1-й армиею печатается, вместе с приложениями к нему, с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии

№ 9, лл. 809—825. По получении этих материалов, ген. Толь отношением от 7-го марта 1826 г. предложил генерал-лейтенанту Роту всех поименованных в показаниях Андреевича 2-го, Борисова и Бечасного нижних чинов 8-й артиллерийской бригады «взять немедленно и доставить под строгим караулом каждого порознь в Белую Церковь... и из них всех фейерверкеров, а также Гольцова, Крайникова и Бухарина — крепко скованных» (то же дело, л. 828). Оригиналы допросов, выписка из которых приложена к печатаемому нами секретному рапорту начальника главного штаба от 2-го марта 1826 г., опубликованы в издании «Восстание декабристов», том V, М. — Л., 1926, стр. 376 — 382, 36, 42 — 44, 294 — 297.

3. Секретное отношение председателя Комитета для следственных изысканий военного министра ген. А. И. Татищева от 8-го марта 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армиею печатается, вместе со всеми приложениями к нему, с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии № 9, лл. 910 — 930. Отношение главнокомандующего от 14-го февраля 1826 г., на которое ссылается ген. Татищев, известно по копии, опубликованной в «Русском Архиве» 1902, II, стр. 289. Оригиналы допросов, сводная «выписка» из которых приложена к печатаемому нами секретному отношению от 6-го марта 1826 г., воспроизведены в изд. «Восстание декабристов» том IV, М. — Л., 1927, стр. 296 — 298 и том V, Л. — М., 1926, стр. 205 — 206, 218 — 226. Как свидетельствует сличение с подлинником (т. IV, стр. 296), копиист вопросных пунктов С. И. Муравьеву-Апостолу (стр. 222) сделал ошибку в дате: следует читать не «28», а «18» февраля 1826 г.

О настроениях в 8-й артиллерийской бригаде, помимо основных следственных данных в сборнике «Восстание декабристов», том V, см. литературу и материалы в сборнике «Декабристы» под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М., 1925 г., стр. 23—36, а также очерк О. Д. Багалей-Татариновой, «Салдатські маси в декабристському рухові» («Декабристи на Україні». К., 1926, стр. 18 — 28).

4. Рапорт начальника главного штаба генерал-адъютанта бар. И. И. Дибича от 10-го марта 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армиею печатается, вместе с приложениями к нему, с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии № 9, лл. 934 — 938. Препровождая эти выписки 14-го марта 1826 г. в военно-судную комиссию, ген. Толь одновременно предложил ген. Роту «всех поименованных в сих показаниях нижних чинов взять немедленно и доставить каждого порознь под строгим караулом в Белую Церковь» (лл. 940 — 942). К свидетельствам, приведенным в рапорте ген. Дибича от 10-го марта 1826 г., надлежит присоединить данные позднейших допросов маиора М. М. Спиридова и капитана А. И. Тютчева, полностью опубликованных в «Восстании декабристов», том V, стр. 101 — 180, 427 — 459, а также показания подпоручика Пензенского полка А. Ф. Фролова от 22-го марта 1826 г., который в дни Лещинского лагерного сбора, застав как-то в палатке у Тютчева нескольких рядовых Саратовского пехотного полка, на свой недоумевающий вопрос «зачем они приходят», получил ответ, что это старые сослуживцы Тютчева по Семеновскому полку, которых он сейчас наставляет в следующем: «Мы, было, начали в Петербурге дело, но не кончили, — здесь надо кончить. А вы постарайтесь подговаривать своих товарищей к сему». (Дело бывш. Гос. Архива, № 448, л. 28). См. также материалы, опубликованные нами в этом же отделе под №№ 9-м и 13-м, и комментарии к ним.

5. Протокол допроса рядового Саратовского пехотного полка Федора Николаева сына Анойченко от 9-го марта 1826 г. и дополнительные показания его же от 15-го марта, вместе с показаниями того же полка рядового Федора Николаева и рядового Тамбовского полка Петра Малафеева, печатается по копиям, представленным главнокомандующему при рапортах военно-судной комиссии от 10-го и 15-го марта 1826 г. и находящимся в деле штаба 1-й армии № 9, лл. 960 — 965 и 1042 — 1043. Официальная переписка, связанная с публикуемыми нами показаниями солдат бывш. Семеновского полка, вошла в следственное «дело» С. И. Муравьева-Апостола, воспроизведенное в издании «Восстание декабристов», т. IV, стр. 332 — 341. Как свидетельствуют представленные главнокомандующему при отношении ген. А. И. Татищева от 2 июня 1826 г. выписки из ответов С. И. Муравьева-Апостола на вопросные пункты, составленные по показаниям Ф. Анойченко и Ф. Николаева (Ср. Восстание декабристов», т. IV, стр. 340), вождь восстания по каждому из обвинений дал следующие разъяснения:

«На 1-ое — Что показание Федора Анойченки и Федора Николаева, что будто бы около нового года поеду я в 8-ю дивизию, переодетой шляхтичем, совершенно ложно, что я не только никогда не говорил сего, но и в мыслях у меня не было никогда сделать означенное путешествие.

«На 2-ое — Показание его же, Николаева, что будто бы я при каких-то артиллерийских офицерах, говорил ему, что не грех тебе из чистого ружья убить государя, на что

будто бы он мне отвечал, что даст себя скорее растерзать, совершенно ложно; тут все выдумано: и самой разговор и присутствие мнимое офицеров, и в истинне сего моего показания клянусь я моей честию.

«На 3-ие — Показания Игнатия Иванова, Петра Малафеева, Макара Пересеткина, Федора Николаева, Петра Грекова справедливы, кроме того, что я никогда не говорил им, чтобы уговаривали формально к последованию за нами лучших армейских солдат, а говорил, как я показал, что если они пойдут за нами, то и армейские не отстанут.

«На 4-ое—Показание Петра Малафеева справедливо, кроме непристойных выражений, ибо все меня знающие скажут, что я никогда оные не имел в привычку употреблять и гнушался даже этим. Рассказ же его о пистолете совершенно ложной, и я никогда не говорил ему, сняв пистолет со стены и показав, что как бы застреливаю кого: «Вот так надобно» (то же дело лл. 1901 — 1906).

6. Вопросные пункты, данные 29-го марта 1826 г. С. И. Муравьеву-Апостолу и М. П. Бестужеву-Рюмину, а 31-го марта А. Ф. Фурману, и «ответы» их печатаются по выписке, представленной ген. Татищевым главнокомандующему 1-й армиею при отношении от 8-го апреля 1826 г. за № 579 и сохранившейся в деле штаба 1-й армии № 9, лл. 1312 — 1338. Ср. «Восстание декабристов», т. IV, М.-Л., 1927, стр. 328 — 331.

7. Протокол допроса рядового 8-й артиллерийской бригады Г. Ф. Крайникова печатается по копии, представленной главнокомандующему 1-й армиею при рапорте комиссии военного суда в Белой Церкви от 29-го марта 1826 г. и находящейся в деле штаба 1-й армии № 9, лл. 1140—1144. На основании этих показаний были передопрошены все изобличенные Г. Ф. Крайниковым в пропаганде офицеры 8-й артиллерийской бригады, входившие в Общество Соединенных Славян (Материалы эти опубликованы нами ниже под № 11-м). Ср. дополнительные показания Крайникова и прочих нижних чинов 8-й артиллерийской бригады, в том же деле штаба 1-ой армии № 9, лл. 1683 — 1692.

8. Протоколы допросов от 4-го апреля 1826 г. «в присутствии высочайше учрежденной комиссии» фейерверкеров 8-й артиллерийской бригады И. Л. Гончарова и И. С. Фадеева печатаются с оригиналов, находящихся в деле бывш. Государственного Архива, № 153, лл. 10 — 11. Основанием для ареста обоих этих фейерверкеров явились показания подпоручика 8-й артиллерийской бригады Я. М. Андреевича 15 февраля 1826 г. о том, что «он фейерверкеров своего взвода склонял к возмутительным действиям против правительства и приказывал им подобные преступные мысли внушать прочим нижним чинам, в чем, по словам его, они успели». (Ср. материалы «дела» Я. М. Андреевича, опубликованного в «Восстании декабристов», том V, М. — Л. 1926, стр. 381 и сл.) Отправление арестованных (в силу распоряжения военного министра от 22-го февраля 1826 г.) в Петербург произведено было в глубокой тайне и, для облегчения дальнейших розысков, в бригаде объявлено было о их побеге. Уловка эта увенчалась успехом и, как свидетельствует рапорт от 6-го марта 1826 г. главнокомандующему, бригадный командир полковник Эйлер «по случаю объявленного побега тех фейерверкеров, призвал ефрейтора 2-го взвода, в коем они состояли, и допрашивал его, какая причина побудила их к побегу, и не слыхал ли он когда их разговоров? На сие отказался он неведением; но по подозрению полковник Эйлер посадил его под караул, а на другой день по долгому расспросу ефрейтор сей показал следующее: что он, бывши один раз в городе для приему провианта и возвратившись в деревню, где квартировал его взвод, зашел сперва в корчму, в коей нашел взводного своего фейерверкера Гончарова и солдат того же взвода Матвеева и Васильева. Тогда Гончаров сказал ему: «Наш новой взводной командир подпорутчик Андреевич 2-й дал мне денег и велел по чарке вина дать взводу, но как тебя не было, то выпей теперь»; а потом сказал, чтоб они все трое пришли на квартиру к фейерверкеру Фадееву; и когда сии туда пришли, то застали уже там и Гончарова, которой между прочими разговорами говорил, что нынче служба очень тяжела, но скоро однако будет легче, на что ефрейтор отвечал, что мы тебя не понимаем. фейерверкер же Гончаров сказал на то, что с дураками толковать нечего, вы все после узнаете; по окончании чего они все трое вышли и ничего после сего подобного от Гончарова он не слыхал. Все сии три человека взяты полковником Эйлером под караул» (то же дело, л. 908).

Протоколы допросов, снятых с обоих фейерверкеров тотчас же по их аресте и доставлении в Житомир, гласили следующее (то же дело, лл. 838 — 839):

«1826 года, марта 5-го числа доставленный в корпусную квартиру 8-й артиллерийской бригады 1-й батарейной роты фейерверкер 3-го класса Иван Гончаров допрашиван и показал следующее:

«По состоянию в одной со мною роте и взводе подпорутчика Андеевича 2-го не более месяца времени, до отъезда его в город Киев осенью после праздника Покрова, когда я прихаживал к нему с рапортом об взводе, то он говорил мне два или три раза, что солдатам положено много служить 25-ть лет, а жалованья мало дают, не можно ли поговорить

нижним чинам на щет того, что может будет прибавка жалованья и убавиться срока службы, дабы они между собою имели согласие и прилежность к оной, а когда я начинал отвечать ему, что как же, ваше благородие, можно солдатам объяснить о том, чего они не поймут, и родятся разные толкования, за что иногда в случае можно пострадать, не зная, к чему оное будет клониться, тогда он отвечал: что в самом деле нельзя им говорить без времени, пока таковое придет и вся армия приступит к тому, то они сами узнают, что из того никакого раздору не произойдет, а будет для всех хорошо. Однакож я никому из товарищей ни даже из солдат о том не говорил, потому что опасно было разглашать, не зная к чему все то клонилось, а когда начали брать офицеров из роты, то стал догадываться, что слова его имели какой ни есть сокрытой смысл, но более ничего не знаю, — в чем и подписуюсь. Фейерверкер 3-го класса Иван Гончаров.

«Допрашивал корпусный обер-аудитор 6 класса Григорьев. При сем присутствовал генерал-лейтенант Рот».

«1826-го года марта 5-го числа, доставленный в корпусную квартиру, 8-й артиллерийской бригады 1-й батарейной роты фейерверкер 3-го класса Иван Фадеев допрашиван и показал следующее:

«1. 1825-го года в осеннее время, а которого месяца и числа не припомню, вскоре после поступления подпорутчика Андреевича 2-го в роту, квартировавши в с. Киковой, одного дня он позвал меня к себе, чрез частного фейерверкера Гончарова в квартиру, где потом сказал мне: «ступай назад, теперь не нужен», но для чего намерен был позвать меня, не знаю, ибо ничего о том, равно и никаких других слов, клонящихся к какому-либо возмущению или вреду, не говорил, и я от него и даже ни от кого таковых не слыхал, и сам ни с кем из нижних чинов в роте служащих ни о чем закону противном или дурном не разговаривал и совещаний не делал, поелику не имел и не имею никакого злого умысла противно присяги, начальства и службы.

«2. Той же осени, когда прошел слух, что его императорское высочество государь цесаревич и великий князь Константин Павлович будет проезжать чрез город Новоград-Волынск, куда для того была собрана рота, одного числа поутру я ходил к подпорутчику Андреевичу рапортовать об взводе и, коль скоро исполнил сие, то он сказал мне сими словами: «Ступай, а когда я приеду из Киева, то скажу тебе», а о чем намерение его было после поговорить со мной не знаю, ибо я уже с тех пор не видал его в роте, а знал только, что отправился в Киев, но по какой надобности не известен, в чем и подписуюсь. Фейерверкер 3-го класса Иван Фадеев.

Допрашивал корпусный обер-аудитор 6 класса Григорьев. При сем присутствовал генерал-лейтенант Рот».

9. Рапорт Белоцерковской военно-судной комиссии от 22-го апреля 1826 г. печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии № 9, лл. 1477—1480. Копия этого документа, сохранившаяся в деле маиора Пензенского полка М. М. Спиридова, опубликована вместе с дополнительными показаниями последнего от 8 мая 1826 г., в «Восстании декабристов», том V, стр. 165 — 169.

Показания юнкера Саратовского пехотного полка В. И. Шеколлы от 13 мая 1826 г. в Следственной комиссии, учрежденной при Главной квартире 1-ой армии, вносят несколько ценных добавочных черт в характеристику пропагандистской работы М. М. Спиридова и Н. О. Мозгалевского среди младшего командного состава и нижних чинов в дни Лещинского лагерного сбора:

«В исходе лагерей, бывших под м. Лещином в августе месяце прошлого 1825-го года, не помню кого прислал за мною подпорутчик Мозгалевской. Прибыв к нему в палатку перед вечером, где тогда никого не было, он Мозгалевской после обыкновенного приветствия начал жаловаться на притеснение начальников, на тяжесть службы, на угнетение оною солдат, потом, объявив мне, что для исправления всего того и приведения в лучший порядок составляется тайное общество, приглашал меня вступить в члены оного; затем, не говоря по предмету сему ничего далее, предварил меня, что как он открыл мне уже сию тайну, то нескромность моя, если я только осмелюсь обнаружить ее, будет стоить мне жизни, ибо, продолжал Мозгалевской, в сем обществе состоят сам он и много прочих. — Не понимая к чему все это стремилось, поелику цели общества Мозгалевской мне тогда не сообщил, и будучи устрашен слышанными мною от него угрозами, я не знал на что решиться и должен был оказать покорность к его предложению. Получив таким образом согласие, Мозгалевской в тот же вечер повел меня к маиору Спиридову, вместе с прапорщиком Шимковым, тогда из балагана вышедшим, говоря, что он расскажет мне на щет общества по подробнее, уверяя, что в оном нет ничего вредного и противного правилам добродетели. — Пришед к Спиридову, нашли у него Громницкого и Пензенского полка четырех неизвестных мне по фамилии офицеров, которые тогда закусывали; но никаких уже тут между ими разговоров об обществе не происходило, кроме некоторых отголосков слов, сказанных мне Мозгалевским, ибо Спиридов торопил их в деревню Млиниши, как я мог понять в собрание для совещаний, приглашая туда же и меня,

Шимкова и Мозгалевского. — Почему все мы в ту же минуту в показанную деревню и отправились, куда прибыв в квартиру артиллерийского офицера Андреевича увидели уже бывших т. т многих офицеров артиллерийских и пехотных 9 дивизии, примерно человек до 18-ти или более — совершенно утвердить не могу, из числа коих известны мне только Горбачевской, Андреевич, Борисов, Кузьмин и Щипилло, прочих же не знаю и даже теперь в лицо признать не могу. Но какое точно происходило там совещание я не заметил, потому что по большей части вместе с Горбачевским находился на дворе. По общим же разговорам, между ими тут происходившим, сколько я понять мог, предметом сего общества было восстановить в России общее для всех равное благо, упоминая о вольности, а Спиридов, говоря о компании 812-го года, о понесенных им трудах, о потерянии здоровья и обещанной государем императором за сию компанию воинам, в оной подвизавшимся, какой-то награде, упрекал его величество в неисполнении такового обещания и между тем, жалуясь на слабость ног своих и на то, что, несмотря на сие, вместо обещанной награды заставляют вытягивать носки, не переставал утверждать, что сие управление не приносит никакой пользы, а только истощивает у солдата последние силы и отнимает время, которое он мог бы употребить на что-либо для себя полезное; в это время приехал неизвестно отколь подпорутчик Бестужев-Рюмин и читал какую-то бумагу, не знаю кем написанную, о намерениях общества, которых я в точности истинно не понял и объяснить никак не в состоянии; а только помню, что читано и вместе трактовано было о разных злоупотреблениях, издавна вкоренившихся, о несправедливости начальников, дерзком и грубом обращении их, при чем роптали так же о тяжести службы, о введении бесполезного и вовсе ненужного ученья, служащего только к угнетению солдат, о непомерном взыскании и о малом жалованьи, в особенности порицали корпусного командира генерал-лейтенанта Рота, что он позволял себе ругать офицеров самыми гнусными словами, за что, как было говорено, стоило б поднять его на штыки; говорили так же о дворянстве, что оно совсем уничтожено, и права их вовсе пренебрежены, и негодовали на государя, что он слабо и очень хладнокровно на сие смотрит и допускает таковые несправедливости; в заключение говорили, что общество сие имеет цель исправить все непорядки, возвратить дворянам прежние их права, ограничить монарха властию и доставить крестьянам свободу и вольность, при чем Бестужев и Спиридов, на вопрос некоторых офицеров, отозвались, что о времяни приведения всего этого в действие и о средствах достижения оного дастся знать от старших, которые будут избраны, по восстановлении в обществе твердого согласия и тогда, когда все нужное к тому приведено будет в порядок. В сем обществе особенной никакой клятвы, как мне известно, не отбиралось, а пред окончанием оного положено было за правило на словах, чтоб никому о сем под смертною казнею не объявлять, но стараться привлекать в общество сие людей известных по характеру и недовольных правительством, а так же привлекать к себе нижних чинов, внушая им сколь они обременены службою, сколь мало их жалованье и сколь много терпят они безвинно, к чему в особенности приглашал меня и на дороге при возвращении в лагерь Спиридов и Мозгалевской, упоминая, что привязывать к себе солдат должно для того, что как для исполнения предприятий основана была вся на них надежда, то чтоб когда надобность востребует, были они в готовности действовать. — За всем тем я никого в общество не ввел, никому об оном не открывал и никакого разврата между нижними чинами никогда не распространял. — Сам после того никогда я в собраниях не бывал, и были ль оные еще или нет — не знаю и ни от кого о том не слыхал, потому что по случаю постигшей меня на другой день жестокой болезни я не мог никуда выходить и по окончании лагерей тот же час отправлен был в полковой лазарет; после чего я уже ни с Спиридовым, ни с Мозгалевским и ни с кем даже из членов общества нигде никогда не виделся. В сем обществе ни в каких отношениях я не был и никакого участия не принимал; а напротив внутренно раскаивался, что вступил в оное; не открыл же об оном начальству из боязни. Других членов сего общества я не знаю, настоящая цель оного, предположения и средства достижения их мне так же неизвестны, ибо сие было еще тогда сокрыто. Что ж я об оном знал, все то объясняю я здесь без всякой утайки, и ничего не скрываю, в чем и показал сущую правду.

«С подлинным верно: генерал-майор Кратц. Аудитор Чикалин». (Дело главного дежурства 1-ой армии, по военно-судной части, 1826 г., № 50, л. 94 — 97.)

Об юнкере В. И. Шеколле («от роду мне 24 года, веры — католического исповедания, из дворян Киевской губернии, крестьян не имею; в службу вступил 18 ноября 1819 г. подпрапорщиком в Саратовский пехотный полк, 14 февраля 1821 г. произведен в портупей-прапорщики») и его влиянии на солдат сохранились интереснейшие упоминания в записках И. И. Горбачевского (изд. 2-ое, М., стр. 61 — 62 и 383).

10. Секретное отношение председателя Комитета для следственных изысканий военного министра генерала-от-инфантерии А. И. Татищева от 23 апреля 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армиею печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии № 9, лл. 1526 — 1527.

11. Секретное отношение председателя Комитета для следственных изысканий военного министра генерала-от-инфантерии А. И. Татищева от 6 июня 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армиею печатается, вместе со всеми приложениями к нему, с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии, № 9, лл. 1929—1962. Подлинники показаний Борисова 2-го, Андреевича 2-го, Горбачевского и Бечасного, сводная выписка из которых приложена к публикуемому нами секретному отношению от 6. VI. 1826 г., вошли в издание «Восстание декабристов», том V, М.—Л., 1926, стр. 57 — 61, 236 — 242, 397 — 398, 304 — 308.

14-го мая 1826 г. в военно-судной комиссии, учрежденной при главной квартире 1-ой армии, происходил допрос арестованного, по предписанию из Петербурга, юнкера П. К. Головинского, показания которого очень многое уяснили в пропагандистской работе, проводимой перед восстанием Черниговского пехотного полка в местах расквартирования 8-й артиллерийской бригады.

«Выписка из показаний о юнкере Головинском 4-й парочной батарейной роты», присланная генералом-от-инфантерии А. И. Татищевым в Могилев при отношении от 13 апреля 1826 г., гласила следующее:

«Подпорутчик Горбачевский (8-й артил. бригады) показывает, что 1-й батарейной роты подпорутчик Борисов писал чрез Красницкого письмо к юнкеру 4-й парочной батарейной роты Головинскому, в коем уговаривал его, чтобы он, ежели может, возмущал бы и бунтовал солдат, и что он слышал от Борисова, что сей Головинский был членом Славянского общества. На сделанный вопрос: подпорутчик Борисов 2-й ответствовал, что юнкер Головинский был приглашен в Славянский Союз им Борисовым в 1825-м году, о существовании же Южного общества не знал, ни с кем из членов не имел сношения и не принимал никакого участия в их действиях.

«Причина, побудившая его писать к Головинскому, была следующая: когда брат его поехал в Константинов с приглашением к возмущению офицеров Пензенского полка, то он полагал, что они устоят в данном слове подполковнику Муравьеву-Апостолу и по первому знаку поднимут оружие для введения конституции, почему и надеялся, что они придут с вверенными им частями войск в Новоград-Волынск, откуда намерен был следовать в г. Житомир и завладеть корпусною квартирою, из коей, смотря по обстоятельствам, итти к Киеву, или в кр[епость] Бобруйск; а как 4-я парочная рота квартирует на дороге, ведущей к сему последнему месту, и он не думал, чтобы все канониры 1-й батарейной роты и 2-й легкой согласились на его предложение, то предполагал заменить недостающее число солдатами 4-й парочной, коих бы удалось ему Борисову склонить к возмущению; почему и написал к Головинскому, дабы он узнал дух и мысли солдат сей роты, но не писал, чтобы он их возмущал — просил его так же уведомить какого мнения помещики Овручского повета. Головинский же даже не отвечал на письмо Борисова, а сказал словесно, что он ничего не знает и ни одного из его поручений не может исполнить. Одним словом, Головинский явно отказался принимать участие в его действиях, цели коих совершенно не знал; относился же он к нему потому, что знал его к себе привязанность».

К моменту допроса П. К. Головинского — в распоряжении Могилевской военно-судной комиссии оказалось еще письмо к нему П. И. Борисова от 21 сентября 1825 г., в котором последний отмечал, между прочим, что «на маневрах случился с нами большой переворот, однако не подумайте, чтоб он произошел в мыслях, — нет! сего никогда не случится. Наши дела приняли другой вид, который не может вас опечалить; ежели вы принимаете в них участие, то приезжайте в Житомир, адресуйтесь к Киреву или Пестову, они объявят вам о наших делах, кои идут как нельзя лучше. Я думаю сего будет довольно». Далее сказано: «кланяйтесь вашим офицерам, именно капитану и Павлу Алексеевичу, постарайтесь приехать сюда или в Житомир, куда ближе и способнее — это все равно. — Потрудитесь взять у Полисанова Систему натуры и переслать к Кирееву или ко мне».

Объяснения, представленные П. К. Головинским, после необходимых личных сведений («от роду 21 год, веры католической, в службу вступил 1 июля 1823 г. в помянутую роту юнкером; из дворян Волынской губернии, крестьян за мною не состоит»), заключали в себе следующий материал:

«Еще во время бытности 8-й артиллерийской бригады в лагере при городе Новгород-Волынске в июне или июле месяцах прошлого 1824 года, однажды подпорутчик Борисов, на линейке пред палаткою остановясь, между прочих разговоров спросил меня: «не хочешь ли принадлежать к нашему обществу». Не понимая, к чему он обратился ко мне с таковым вопросом, и не зная тогда еще ничего на щет сего общества, о котором мне он ничего тогда не объявлял, я отозвался ему, что я как не офицер, к обществу вашему принадлежать не желаю и полезным в оном ни в чем быть не могу. — Борисов, прекратя в ту ж минуту разговор со мною по предмету общества, просил только меня хранить сие в тайне и никому не объявлять, требуя в поручительство честь мою. — Не предполагая тут ничего вредного, я убедился его просьбою и дал ему слово, сдержав оное совершенно; ибо об обществе никому не открывал.

«На другое лето, то-есть в 825 году, пред самым выступлением нашей роты

в лагери, при том же городе бывшие, пришел ко мне на квартиру еще в расположении роты на тесных квартирах в деревне Канунах он же Борисов вместе с Бечасным. — Тут оба они по прочих разговорах стали охулять правительство, что оно худо держит правосудие, что у нас издавно уже вкоренились многие злоупотребления, которые они будут стараться исправить и что лучше б было, есть ли б у нас существовала вольность.— После чего, Бечасный уехал в свою роту в м. Барановку, а он Борисов оставался у меня и, продолжая разговоры, наконец припомнил мне о помянутом обществе, назвал его Славянским, уверяя при том, что оно имеет цель истребить все злоупотребления и восстановить в России республику для общего блага, что в сем обществе состоит много уже людей, которых однако не объявил, и что каждый, в оное вступивший для приведения в действие вышесказанного предположения, к благоденствию отечества стремящегося, должен помогать друг другу в чем надобность потребует, не щадя ничего даже до последней капли крови.— Не распространяясь далее, кроме одних уверений, что в сем обществе нет ничего вредного для отечества, добродетели и обязанности, он прочитал мне самим же им написанную присягу, повторившую мне те же самые слова, и потом по содержанию оной требовал от меня клятвы.— Овладев моим легкомыслием, он успел в оном. Я из доверенности к нему, коего почитал всегда за человека умного, согласился вступить в общество и дал клятву на словах по чести и совести помогать во всем, чего только будут от меня требовать, полагая, что все это клонилось к добру. При таковом моем согласии, кроме сего, никакой особенной обязанности он мне не назначал, а только предлагал быть скромным с тем, чтобы без предварительного уведомления его никого в общество самому мне не приглашать, после чего он меня оставил, а дней чрез пять выступили мы в лагерь; тут помещался я в одной палатке с прапорщиком Киреевым. Сей, узнав от Борисова о принадлежности меня к обществу, так же просил меня не чуждаться оного, между тем приходили к нам в палатку и порознь и вместе Борисов, Бечасной, Горбачевской и еще жительствующий в г. Новгород-Волынске отставной подпорутчик Красницкой, а также и мы с Киреевым бывали у них в палатках; всегда толковали на щет сего общества и, притом, роптали на тяжесть службы особенно солдатам, говоря, что солдату должно только хорошо стрелять, но вместо того больше занимают их пустяками именно бесполезною маршировкою и вытягиванием носков, чего вовсе не нужно, и что также в гражданских местах отправляются дела с большою несправедливостию, роптали при том и на самого государя, упоминая, что все это происходит от послабления и допущения его и что они, когда только увеличится число их, употреблят все меры истребить все злоупотребления, но как, когда и посредством чего предполагали достичь сего, о том разговоров при мне не было. Во время лагерей все означенные офицеры, как я мог заметить, получили неизвестно мне от кого писем примерно до 10-ти, чего однако утвердить не могу; читали оные всегда вечером в палатке Борисова, о чем я заключаю потому, что Борисов несколько раз придя в палатку, где помещался я с Киреевым, и объявя, что получено письмо, вызывал к себе для прочтения Киреева, который мне содержание оных, а равно и никто из них ничего не показывал, да и сам я не любопытствовал, полагая, что они до общества не касаются и что введение республики требует еще дальнего времени. — Знаю только, что было письмо от комиссионера Иванова, ибо Борисов сам мне сказал о получении такового письма, но о чем было то письмо мне не объявил. — После окончания лагерей я возвратился с своею ротою на прежние квартиры в местечке Искорость; Борисов же, Горбачевский, Бечасный и Киреев, прикомандированный к 1-й батарейной роте, отправились с бригадою в местечко Лещин на маневры. — После чего я уже никогда с ними не видался и формально никаких сношений не имел, но по возвращении из Лещина в Новгород-Волынский, где была бригадная квартира, Борисов писал ко мне означенное в сем запросе от 21-го сентября письмо, посредством почты, на щет большего переворота и что дела их приняли другой вид, он извещал меня потому, что (как я после узнал, о чем сказано будет ниже) в Лещине они успели много других пригласить в общество, и что то время, в которое они располагали произвесть действие, по тогдашним их видам казалось уже сближенным. — Приглашал он меня в том письме в Новгород-Волынск или в Житомир к Кирееву или Пестову, дабы объявить о делах на щет общества потому, что я состоял в оном, но я к ним вовсе не ездил, зная, что ротный командир мой меня не отпустил бы, ибо я не мог представить ему такой причины, по которой необходим был мне сей отпуск. Капитан и Павел Алексеевич, которым Борисов велел мне кланятся, есть первый ротный командир мой Василевский, а другой подпорутчик Полисанов, тот же самый, у коего Борисов просил меня взять Систему натуры, но они к обществу не принадлежали, ибо об оном никогда мне ничего не говорили, равно и от других на щет их я никогда ничего не слыхал. — Сей Полисанов, когда я спрашивал у него означенной Системы, отозвался, что он ее не имеет, поелику у Борисова никогда оную не брал, а потому я и переслать ее ни к Борисову, ни к Кирееву не мог, — да и для чего оная им была нужна мне совершенно неизвестно. — На сие письмо я ничем ему не ответствовал, потому что, обдумав безрассудный свой поступок, я не хотел с ними иметь никакого уже дела, на щет же упоминаемого письма, доставленного мне от Борисова чрез

Красницкого, то помнится мне, что действительно в октябре или ноябре привез он мне от Борисова письмо, в котором однако ж он Борисов возмущать и бунтовать солдат меня не уговаривал, а только предлагал стараться заслужить любовь у солдат, но для чего — не уведомил; на сие письмо я также и по той же причине не отвечал и, получив оное от Красницкого в квартире Полисанова, преподававшего мне тогда геометрию, я уже Красницкому и словесно ничего не мог сказать, и Красницкий, отдав мне сие письмо и видя, что в то время ответа сделать мне было невозможно, тот же час уехал обратно. Письмо сие я тогда ж сжог.—Наконец, около 10-го числа минувшего декабря он же, Борисов, прислал мне чрез неизвестного человека в вечеру третье письмо и, говоря в оном, что сей молодой человек расскажет мне их предприятия, уговаривал меня бунтовать и возмущать в роте солдат и, чтоб вернее узнать мысли, употреблять для их водку. Сей человек, за подачею мне того письма, объявил, что уже 8-я артиллерийская бригада намерена возбунтоваться, что уже многие солдаты об оном знают и что намерены приступить ко всеобщему бунту 6-го генваря, когда только прибудут к ним гусары, а каких полков не объявлял; упоминал, что недавно был у Борисова во время проезда неизвестно откуль какой-то офицер, которого он и сам не знает, и проехал с 50 тыс. руб. ассигнациями в город Старой Константинов; а зачем не объявил, но как я отозвался ему, что предложения Борисова выполнить я не в состоянии и, будучи один в роте из состоящих в обществе, солдатам о сем объявлять не могу, то тот человек по ночлеге у меня и возвратился в обратный путь. — Кто он таков, — он мне не сказывал, да я и сам его не спрашивал, мысля только как бы скорее сбыть его с своей квартиры. — Но из слов его мог я заметить, что он есть эконом или лесничий имения наследников Уварова в окрестности Новгород-Волынска, приметами он росту два аршина и три вершка, лицом бел, круглиной, рябин не имеет, глаза серые, волоса на голове и бровях светлорусые, нос малый, говорит по-польски, от роду ему лет 25-ть. Кто были еще члены помянутого общества, кроме вышепоказанных офицеров: Борисова, Бечасного, Горбачевского, Киреева и Красницкого, я не знаю и ни от кого о том не слыхал; не знаю также настоящей цели общества и того, с которого времени и на какой точно предмет стало оно составляться, равно не было прежде известно мне, посредством чего располагалось произвесть в действие все планы и предположения оного; но после из писем я мог заключить, что посредством оружия, сам я никого в оное не ввел и ничем никогда не действовал, а еще в последствии когда начал получать означенные письма и видел из них цель, стремящуюся к бунту, сам раскаивался, что вступил в общество; не объявил же начальству единственно потому, дабы не завлечь их в нещастные последствия. О Южном же обществе я даже и вовсе ничего ни от кого не слыхал. В чем и показав я самую истину, ничего не скрыл и не утаил». (Дело главного дежурства 1-ой армии по военно-судной части, 1826 г., № 50, лл. 33 — 36 и 87 — 97). Приведенные нами выше фрагменты письма П. И. Борисова к П. К. Головинскому опубликованы (по копии, находящейся в деле бывш. Государственного архива, № 146, л. 26) в заметках М. Нечкиной «Три письма декабриста Петра Борисова» («Каторга и Ссылка» 1926, № 6, стр. 63).

12. Отношение главнокомандующего 1-й армиею генерала-от-инфантерии графа Ф. В. Сакена от 21-го августа 1826 г. на имя начальника главного штаба печатается с оригинала, находящегося в деле Аудиториатского департамента «О конфирмации г. главнокомандующего 1-ю армиею по делу о нижних чинах 8-й артиллерийской бригады, всего 27 человек, сужденных за мятеж противу правительства», 1826 г., № 74, лл. 1 — 4. Как свидетельствует резолюция военного министра от 28-го августа 1826 г., конфирмация эта была «высочайше» утверждена с тем, чтобы «все прикосновенные нижние чины, кои оставлены без наказания, были переведены в бригады 2-й армии». От внимания составителей и всех официальных читателей отношения графа Сакена укрылся явный дефект в именном перечне осужденных нижних чинов 8-й артиллерийской бригады: вместо 27-ми человек, указанных в самом названии «дела» и в первых же строках приговора, в нем оказалось 26. Судя по известным нам показаниям офицеров и солдат в Петербургской и Бело-Церковской следственных комиссиях, из перечня осужденных выпало имя фейерверкера 1-ой батарейной роты Зенина, смешанного, вероятно, с фейерверкером 2-й легкой роты Заниным. Полностью, но, очевидно, с очень неисправной копии, печатаемое нами отношение графа Ф. В. Сакена от 21 августа 1826 г. впервые опубликовано было в сборнике «Декабристи на Україні», К., 1926, стр. 165 — 166.

К судьбе одного из осужденных относится любопытный запрос генерал-фельдцейхмейстера от 25-го августа 1842 г.: «в числе чинов артиллерийского ведомства, удостоенных командующим отдельного Кавказского корпуса к наградам, испрашивается фейерверкеру 20-й артилл. бригады Федору Васильеву, — не щитать препятствием по службе штрафа, заключающегося в разжаловании в 1826 г. в готлангеры и наказании шпицрутенами через тысячу человек два раза. Его императорское высочество при докладе о сем приказал справиться, в чем именно заключался проступок Васильева». (то же дело л. 1-й 3-й пагин.). Дальнейшая судьба Васильева неизвестна.

13. Отношение главнокомандующего 1-й армиею от 25-го ноября 1826 г. за № 1417 на имя начальника главного штаба печатается с оригинала, находящегося в деле Аудиториатского департамента «О конфирмации г. главнокомандующего 1-ю армиею по делу о участвовавших в заговоре противу правительства нижних чинах, переведенных из прежнего состава л.-г. Семеновского полка», 1826, № 89, лл. 1 — 8. На отношении этом положена резолюция, доведенная до сведения главнокомандующего рапортом И. И. Дибича от 16-го декабря 1826 г.: «Высочайше утверждается, но прапорщика Гиреева перевести в полки 3-й дивизии и иметь под строгим наблюдением». Переписка об исполнении приговора сохранилась в деле главного дежурства 1-й армии военно-судной части, 1826 г., № 71, на 42-х листах. В этом же деле сохранился рапорт командира Вологодского пех. полка от 28 июля 1834 г., из которого видно, что разжалованный из фельдфебелей в рядовые Федор Фамилят представлен был на Кавказе к производству в унтер-офицеры — в виду «отличного поведения и во уважение бытности его в походах и делах против неприятеля, за отличие в коих награжден знаком отличия военного ордена», но производство встретило затруднения из-за нахождения его в 1826 г. под судом (лл. 35 — 36).

Вопрос об агитации и пропаганде среди солдат б. Семеновского полка в войсках 3-го корпуса впервые осветили некоторые страницы исследования В. И. Семевского «Волнение в Семеновском полку в 1820 г.» («Былое» 1907, III, стр. 112 — 118), материалы, опубликованные в изданиях «Восстание декабристов», томы IV и V (см. по указателям) и «Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман, при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского», М., 1926, стр. 365 — 367, 467 — 470.

14. Отношение главнокомандующего 1-й армиею от 25-го ноября 1826 г. за № 1418, на имя начальника главного штаба печатается с оригинала, находящегося в деле Аудиториатского департамента «О конфирмации г. главнокомандующего 1-ю армиею по делу Саратовского пехотного полка, о нижних чинах 27 человеках, участвовавших в заговоре к мятежу противу правительства» 1826 г., № 90, лл. 1 — 2. На отношении положена резолюция, доведенная до сведения главнокомандующего рапортом от 17-го декабря 1826 г.: «Высочайше утверждено с тем, чтобы рядовых Емельянова и прочих перевести в другой полк». Переписка, относящаяся к исполнению приговора, находится в деле главного дежурства 1-й армии, военно-судной части, № 70, на 13 листах.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. Материалы дознания о распространении «Катехизиса» С. И. Муравьева-Апостола находятся в секретном деле канцелярии начальника главного штаба 1-й армии «Об отыскании катехизисов, разбросанных по Киевской губернии, якобы во время возмущения Черниговского пехотного полка» 1827 г., № 5, на 169 листах.. Все документы, извлеченные нами отсюда, печатаются с оригиналов, соответствующих листам 1 — 2, 12 — 16, 18 — 19, 25 — 55, 56 — 59 и 153 — 159. Копии некоторых из печатаемых нами документов сохранились в деле бывш. Государственного Архива I В, № 24. «О собрании возмутительных катехизисов, разбросанных мятежниками по Киевской губернии, и о убытке, понесенном жителями при возмущении Черниговского полка».

В деле канцелярии киевского гражданского губернатора «О возмущении некоторых рот квартирующего в г. Василькове Черниговского пехотного полка», опубликованном в юбилейном сборнике Укрцентрархива «Рух декабристів», Харків, 1926 г., сохранились интереснейшие донесения низовой администрации об обстоятельствах находки некоторых экземпляров «катихизиса». Так, в рапорте губернатору главного надзирателя заведений Киевского приказа общественного призрения Воронкова от 1-го января 1826 г. отмечалось следующее: «Сего числа по полудни в два часа, суконной Киевского приказа общественного призрения фабрики из числа рабочих мастеровых людей Федор Кублицкий и Илья Иванов отпущены были в город по своей надобности для покупки харчей. За возвращением в фабрику, на дороге, против дома купца Павла Романовского подняли свернутую бумагу, называемую Православный Катихизес, и за прибытием на фабрику объявили оную смотрителю порутчику Стенжицкому. А он сейчас доставил ко мне, которую бумагу вашему превосходительству у сего честь имею представить» (стр. 29). «Употребив всевозможные розыскания, — доносил губернатору киевский полицмейстер Дуров, — 2-го числа отыскан и другой лист, третьей части приставом Новаковичем, в доме киевского мещанина Семена Горбиковского, поднятой его сыном на той же Кирилловской улице у ворот мещанина Бреславского, который по возвращении домой показал поднятую им бумагу отцу, не умеющему читать, но, развернув прежде оную, увидел в начале, что написано: во имя отца и сына и святого духа, не читая далее, ибо чрезвычайно была измочена дождем, отдал оную отцу, который, просушив ее близ топившейся печи, положил за образ, полагая, что то должно быть молитва, которая там и лежала, доколе пристав узнал, что была поднята какая-то бумага, и взял оную оттуда. Третий же лист сего именуемого катихизиса отыскан собственно мною

3-го числа вечером, несколько далее упоминаемых домов, в переулке, близ самой дороги, также весьма измоченный и совсем измятой» (стр. 49). Не зная еще об успехе киевских розысканий, начальник штаба 1-ой армии писал 5 января 1826 г. губернатору от имени главнокомандующего, что «возможность, которую нашел Мозалевский оставаться в Киеве, не быв схвачен, происходит явно от оплошности и бездействия киевской полиции, а потому объявить полицмейстеру Дурову, что как из помянутых мятежных катихизисов по сие время найден только один экземпляр, то за отыскание остальных двух экземпляров ответствует он непосредственно, под опасением лишения всего, что ему может быть драгоценно» (стр. 53). В рапортах Васильковского нижнего земского суда от 5-го и 7-го января 1826 г. отмечалось о задержании в с. Серединной Слободе «крепостного человека подполковника Муравьева-Апостола» Никиты Маслеенкова, в вещах бывших при котором обнаружен «в нескольких экземплярах рукописной катехизис, вредной правительству» и о находке заседателем Рубашевским экземпляра «катехизиса», оставленного Муравьевым в Пологах — «у тамошнего церковного старосты» (стр. 56).

Как несомненное отражение свидетельств о неуспехе лозунгов «катехизиса» в солдатской массе надлежит рассматривать анекдот, рассказанный в известной книге Ancelot «Six mois en Russie. Lettres écrites a M. X-B. Saintines en 1826, Bruxelles» 1827, стр. 135 (2-ое изд.—Paris 1827, стр. 172 — 173): «Le Russe, façonné par les siecles à l'obéissance, n'admet pas l'existence d'un état sans un souverain; ce n'est point pour des systèmes de gouvernement qu'il se révoltera; on pourra l'entraîner avec un nom; ses opinions politiques ne sont que des affections; aussi, n'est-ce qu'en s'adressant à des scrupules de fidélité qu'on est parvenu à en armer quelques-uns. L'anecdote suivante, dont je puis garantir l'authenticité, témoigne en faveur de ce que j'avance ici. Le 26 décembre Mouravieff, colonel d'un régiment, et l'un des principaux conspirateurs, harangue ses soldats et les excite à la révolte, en leur annonçant l'établissement de la république Slavonne: à peine a-t-il terminé ce discours, où respire le plus fougueux républicanisme, qu'un vieux sergent sort des rangs et lui dit: «colonel, nous crierons houra la république slavonne! Soit; mais vous ne nous dites pas qui sera notre empereur. — Il n'y a point d'empereur dans une république, repond Mouravieff». A ces mots, le sergent se retourne vers la troupe et s'écrie: «Camarades, ne l'écoutez pas: il nous dit que nous n'aurons pas d'empereur; vous voyez bien qu'il se moque de nous!»

Этот анекдот, в основе которого лежат известные обстоятельства отказа присоединиться к С. И. Муравьеву-Апостолу 1-ой гренадерской роты в Мотовиловке, явился одной из самых популярных в Европе информаций о восстании Черниговского полка, так как книга Ансело, запрещенная в России, не только выдержала два французских издания, но тогда же переведена была на несколько других иностранных языков.

Некоторый печатный и архивный материал, относящийся к истории катехизиса, собран в исследовании П. Е. Щеголева «Катехизис Сергея Муравьева-Апостола. (Из истории агитационной литературы декабристов)», опубликованном в журн. «Минувшие Годы» 1908 г., кн. XI и с незначительными добавлениями перепечатанном в двух изданиях «Исторических этюдов» П. Е. Щеголева (изд. 1-ое СПБ, 1913 г., стр. 318—363; изд. 2-ое, без обоз. года, те же стран.) и в его же книге «Декабристы». Л., 1926. Об осторожном отношении крестьян к читаемому им «катехизису» интересный материал сохранился в донесении от 20-го января 1826 г. агента тайной военной полиции ген. Гогелю («Русск. Архив» 1871 г., стр. 287) Самый текст «Православного катехизиса» впервые полностью воспроизведен был в печати в издании Ф. Шимана. Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I. Neue Materialen veröffentlicht und eingeleitet von Theodor Schiemann. Berlin, 1902, стр. 409 — 412, откуда перепечатан в «Материалах к изучению истории революционного движения в России» Г. А. Куклина, т. I, Genève, 1905 г., стр. 101 — 103. Первым русским легальным изданием «Православного катехизиса» явилась публикация его в сборнике «Из писем и показаний декабристов» под ред. А. К. Бороздина. СПБ., 1906 г., стр. 85 — 87. Четыре экземпляра «Православного катехизиса», приобщенные к «делу» С. И. Муравьева-Апостола (IB, № 395, лл. 52 — 59), описаны Б. Е. Сыроечковским («Восстание декабристов», т. IV, [М.—Л. 1927, стр. 446), который включил в редактированное им издание (стр. 254—255) второй по порядку экземпляр прокламации, признанный им наиболее исправным. Этот экземпляр воспроизведен фотографически в «Красном Архиве» 1925, кн. 6 и в «Восстании декабристов», т. IV. Тексты «катехизиса», сохранившиеся в делах бывш. Государственного архива, разряд IB, № 20, л. 29 и № 502, лл. 4 — 16, представляет собою позднейшие «копии с копий» и научного значения не имеют. Что же касается текста «катехизиса», вошедшего во всеподданнейший доклад аудиториатского департамента от 10 июля 1826 г. (стр. 128—129 настоящего издания), то он представляет собою копию, чрезвычайно близкую экземпляру, опубликованному Б. Е. Сыроечковским. Все разночтения его (напр., «тіи» вместо «тѣ»; «надлежащая» вм. «надлежащей»; «божіемъ» вм. «божіимъ»; «ко» вм. «къ»; «Богопротивна» вм. «Богу противна») и варианты пунктуации (восклицательный знак вм. тире, отсут-

ствие многоточия во втором «ответе» и пр.) дают ценный материал для критической истории текста прокламации и объясняются, в известной части своей, тем что экземпляры «катехизиса» писались в полковой канцелярии Черниговского полка «с голоса» двух писарей, в свою очередь располагавших не автографом, а текстом, заготовленным ими же под диктовку С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина.

2. Протоколы допросов от 22 и 23 января поручика Васильковской инвалидной команды А. Терпиловского, «церковников» Черниговского пехотного полка Д. А. Краскова, И. А. Ахлестина и полкового священника Даниила Кейзера печатаются с оригиналов, находящихся во вшитом в дело штаба 1-й армии № 10 «следственном деле о поступках Черниговского полка полкового священника Даниила Кейзера», лл. 1271, 1266 — 1269 и 1275 — 1276. Здесь же (лл. 1256 — 1257) сохранился рапорт Д. Ф. Кейзера от 10-го января 1826 года:

«Его высокоблагородию Черниговского пехотного полка 1-го баталиона командиру Сергею Стефановичу господину маиору Трухину того ж полка священника Даниила Кейзера рапорт.

«С получения последовавшего от вашего высокоблагородия сего течения генваря 10-го числа за № 46-м ко мне предписания, во исполнение коего немедленно: 1) Что требования меня к себе командиром полка г. подполковником и кавалером Гебелем прежде прибытия в г. Васильков Муравьева-Апостола, никакого формально ни словесного, ни на бумаге по сему делу касающегося, не имел и ничего не слыхал; а находился в своей квартире безотлучно, что и свидетелями под присягою показать можно. 2) Муравьев-же Апостол когда присылал по меня 2-й гренадерской роты унтер-офицера Григория Тимофеева Попова, я, не имея в виду со стороны начальства своего и других никакой защиты, почти как за караулом в величайшем будучи страхе принужденным себя находил явиться к нему. 3) Что же касается до присяги и другого богослужения, по положению уставному, совсем ничего не было; а что я читал между окружающим меня вооруженным с заряженными ружьями полком, и внутре оного находившихся г. офицеров, также видно представляющих страшные свои оружия, и я, как еще с нового моего определения в оный полк нигде в таковых тревогах не бывал, совершенно будучи как пленник, ничего и малейшего не помню и награждения за сие именно никакого не получал. 4) А когда он Муравьев-Апостол по выходе своем из г. Василькова прошлого 1825 г. декабря 31 дня и приказывал мне вместе с полком ехать, то я, отпросившись для распоряжения малого семейства моего, не послушал. Явился тотчас к вашему высокоблагородию спросить в сем странном случае по новости моей совета и приказания какого, откуда того же числа не проминул пойти не по требованию, а сам по себе и к полковому командиру за приказанием также и советом; но как он находился в то время болен, я и для свидания полковым г. штаб-лекарем Никольским не допущен был; и потом я по должности моей духовной оставался в г. Василькове с причтом моим при церкве для целостного сохранения оной; сим вашему высокоблагородию благопочтеннейше честь имею донести. Черниговского пехотного полка священник Даниил Кейзер. 1826 года, генваря 10 числа. г. Васильков».

Роль Даниила Кейзера в Васильковских событиях и его последующая судьба освещены в очерке П. Е. Щеголева, op cit., стр. 347 — 363.

3. Протокол допроса штаб-ротмистра Ушакова от 17-го января 1826 г. печатается с оригинала, находящегося в деле штаба 1-й армии «О штаб-ротмистре гусарского принца Оранского полка Ушакове, проезжавшем чрез Васильков во время мятежа Черниговского пехотного полка» 1826 г., № 7, лл. 11 — 14. Все следственное дело об Ушакове, препровожденное начальником штаба 1-ой армии К. Ф. Толем к командиру 3-го корпуса ген. Роту, не дало материалов для обвинения Ушакова в соучастии с мятежниками, но, как свидетельствует рапорт Л. О. Рота от 26 апреля 1826 г., он признал необходимым: «штаб-ротмистра Ушакова за праздные разъезды по разным местам и не в отношении исполнения сделанной ему порученности, а для единственного свидания с сродственником своим и другими, чрез что упустил время возвратиться из командировки к полку и явиться на предписанный срок, а, сверх сего, излишеством разъездов своих навел на себя другого рода подозрение, по которому хотя и не оказался виновным, но между тем причинил большое затруднение начальству к поверке всех следов его, оштрафовать при полку арестом на две недели с посажением на гауптвахту» (л. 2). Этот приговор был бы, разумеется, гораздо менее снисходительным, если б в распоряжении ген. Рота были дополнительные показания об Ушакове вождей восстания Черниговского полка. Так, например, Бестужев-Рюмин показал 15-го апреля 1826 г., что «когда Черниговский полк по возмущении занял Васильков, то были приставлены солдаты к почтовому двору с тем, чтобы никому из военных лошадей не давать, не уведомя предварительно нас. Солдаты же Ушакова, возвращающегося в полк, привели к нам на квартиру. Ни с кем из нас он знаком не был. Видя, что мы восприняли действие, он воспламенился и желал нам успеха. Мы поручили ему немедленно уведомить о виденном принца Оранского полк, где мы на некоторых офицеров считали. (На Жукова, Паскевича, Веселовского, Поздеева,

Рославлева. Комитету известно, что они действительными членами не были, а Рославлеву об обществе и говорено не было). Быть может, что я дал Ушакову написанный нами катехизис, но о сем ясно вспомнить не могу. (Благоволит комитет о сем узнать от Муравьевых). Ушакову, впрочем, ничего об обществе говорено не было и под Королевкою он находился в отряде, против нас действовавшем». («Красн. Арх.» 1925, кн. VI, стр. 9). То, что запамятовал Бестужев-Рюмин, хорошо помнил М. И. Муравьев-Апостол, дополнительные показания которого гласят: «во время возмущения Черниговского полка офицер принца Оранского полка Ушаков, который проезжал через Васильков и который не принадлежал к обществу, приходил к брату, чтобы его пропустили через засаду. Бестужев ему дал копию своего катехизиса. Ушакова я видел в Трилесах — он был в отряде, который остановил Черниговский полк». И действительно, за «усердие и верность», оказанную «при покорении мятежников» Ушакову объявлено было в приказе от 27-го февраля 1826 г. «высочайшее благоволение» («Русск. Стар.» 1905, кн. V, стр. 378). Ср. материалы об Ушакове, опубликованные в изд. «Восстание декабристов», т. IV, стр. 251 — 253.

4. Протокол допроса рядового Черниговского пехотного полка (разжалованного в 1821 г. из штабс-капитанов) Дмитрия Грохольского от 8 апреля 1826 г. и дополнительные показания его же от 9 апреля 1826 г. печатаются с копий, представленных главнокомандующему 1-й армиею при рапорте Белоцерковской военно-судной комиссии от 10 апреля 1826 г. и находящихся в деле штаба 1-й армии № 9, лл. 1367 — 1375. Ответ на вопрос 9-й опубликован в «Красном Архиве» 1925, кн. VI, стр. 34. По последним пунктам обвинений, предъявленных Грохольскому, в том же деле штаба 1-й армии, № 9 сохранились показания помещика Руликовского и отставного капитана Коровицкого, лл. 1509 — 1513.

5. Материалы дознания и конфирмованный приговор по делу рядового Черниговского пехотного полка (разжалованного из полковников) Флегонта Башмакова печатаются с оригиналов, находящихся в делах следующих фондов: 1) бывш. Государственного Архива, № 148, лл. 3 — 4. 2) Штаба 1-й армии 1826 г., № 9, лл. 2180 — 2184. 3) Аудиториатского департамента 1827 г., № 19, л. 1.

В показаниях М. И. Муравьева-Апостола от 29 января 1826 г. нашло себе место свидетельство, отсутствующее в официальной сводке обвинительных данных о Башмакове в дни восстания Черниговского полка: 29 декабря 1825 г. он прибыл в Трилесы, где, правда, уже не застал большинства мятежных офицеров, но, успев повидаться с задержавшимся здесь до вечера М. И. Муравьевым-Апостолом, был очевидцем приготовлений к походу 5-ой мушкатерской роты и уехал, обещая добраться «до Оранского гусарского полка, в котором находились два члена Южного общества — Поздеев и Жуков» («Красный Архив» 1925, кн. 6, стр. 19). В Записках И. И. Горбачевского (изд. 2-ое, стр. 143) поездка Башмакова не совсем точно интерпретируется как исполнение прямого задания С. И. Муравьева-Апостола, который якобы послал его «известить членов 8-ой артиллерийской бригады и пригласить их к поднятию оружия. Кроме сего, Башмаков должен был заехать к капитану Черниговского полка Фурману и отправить его с таким же поручением к членам 8-ой пехотной дивизии».

Как свидетельствует секретная справка, составленная генерал-аудиториатом 27-го августа 1852 г. о Ф. М. Башмакове (умер 21-го сентября 1859 г. в Тобольске):

«1) Флегонт Башмаков, по высочайше утвержденной 26 марта 1820 г. конфирмации главнокомандовавшего бывшею 1-ю армиею, был разжалован из полковников в рядовые с определением на службу в бывший Черниговский пехотный полк, за растрату казенных, солдатских, артельных и других сумм, принадлежавших бывшей в командовании его 33-й батарейной роте 17-й артиллерийской бригады, всего 29.215 руб. 92½ коп. ассиг. и 11 руб. серебром. Сверх того, за оклеветание генерал-майора Скобелева и артиллерии полковника Талызина: первого в намерении отравить его ядом по связи с его женою, а последнего в том, что он будто бы, не быв ни в одном деле против неприятеля, произведен неправильно в полковники за отличие в сражении и 2) что Башмаков в бытность его уже рядовым, вновь был сужден военным судом и по оному оказался виновным в знании о существовании в России злоумышленного тайного общества и в принадлежности к оному: за что по высочайше утвержденной 10 сентября 1827 г. конфирмации покойного генерал-фельдмаршала графа Сакена, лишен дворянского достоинства и по выключке из воинского звания, сослан вечно в Сибирь на поселение, по немолодым его летам, коих ему было тогда 49.

«Сам Башмаков в знании о тайном обществе и принадлежности к оному не сознался; но к обвинению его в том приняты в основание: а) показания злоумышленников Артамона Муравьева, Бестужева-Рюмина, Андреевича, Сухинова, Грохольского и других, которым не представляло никакой надобности и не было возможности согласиться оклеветать Башмакова, б) короткая связь Башмакова с сказанными преступниками, старанием которых собирались для него по подписке деньги и в) что Башмаков во время происходившего в Черниговском полку возмущения, разъезжая по мятежным офицерам, не мог не знать о злоумышленном обществе». (Дело Аудиториатского департамента 1827 г., № 19, лл. 2 — 3).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Алатырь, город Симбирской губернии 287.
Александрия, уездный город Херсонской губ. 145.
«Алфавит декабристов» 341.
«Аргус», журнал 320.
Армия Первая 67.
Армия Вторая 119,318,360.
Армия Польская 167, 330.
Артиллерия конная 12, 19, 39, 63, 68, 144.
Артиллерия 3-го корпуса 33, 35, 36.
Архангельское-Голицино, село Саранского уезда, Пензенской губ. 297.
Архив Государственный 318, 320, 322, 324, 327, 329 — 332, 334, 336, 339, 341, 345, 346, 354, 355, 360 — 362, 363, 364.
Архив министерства юстиции 328, 329.
Архив Московский старых дел 323.
Аудиториат полевой 1-ой армии 275, 276, 293.

Б.

Бавария 279.
Барановка, село Новоградволынского уезда, Волынской губ. 116 — 117, 244, 252, 254 — 256, 258 — 263, 359.
Баталион внутренний гарнизонный Екатеринославский 344.
Баталион внутренний гарнизонный Киевский 32, 55, 57.
Баталион учебный главной квартиры 3-го корпуса 82.
Бауцен, город в Саксонии 323, 341.
Белая Церковь, местечко Киевской губ. 6, 8, 12 — 15, 17, 19, 20, 27, 30, 32, 38 — 40, 44, 47 — 49, 55, 61 — 63, 68 — 70, 74, 76, 78, 80, 85, 98 — 102, 107, 112, 118, 119, 121, 122, 130, 131, 133, 136, 144, 155, 159, 162, 172 — 174, 177 — 180, 192, 194, 202, 225, 230, 231, 242, 248, 249, 251, 264, 266, 269, 274, 275, 278, 280, 284, 286, 289, 290, 303, 312, 319 — 323, 325, 328, 331, 332, 335 — 339, 347 — 349, 354.
Белогородка, местечко Волынской губ. 19, 55, 63, 114.
Белополье, местечко Бердичевского уезда, Киевской губ. 113.
Берлин 362.
Бердичев, город Киевской губ. 19, 51, 52, 68, 106, 107, 112, 113, 119, 125, 131, 136, 245, 252, 254, 258, 262, 263, 312, 336, 337.
Бертнили, усадьба ок. Василькова 312, 313.
Бишев, местечко Киевской губ. 19, 27, 28, 30, 47, 54, 55, 150 — 154, 159, 185, 296, 297.
Бобруйск, крепость 4, 14, 23, 65, 83, 188, 218, 222, 257, 326, 327, 358.
Богуслав, уездный город Киевской губ. 47.
Богуславская застава (в Василькове) 147, 184, 187, 196.
Борисполь (Боришполь), местечко Переяславского уезда, Полтавской губ. 7, 54, 333.
Бородино, село Можайского уезда 323.
Борщаговка, деревня Киевской губ. 21 — 23, 41.
Бригады:
2-я Артиллерийская 74, 333.
5-я Артиллерийская 333.
7-я Артиллерийская 35, 44, 47, 50, 55.
8-я Артиллерийская 111, 116 — 118, 138, 139, 141, 143, 203, 211, 215, 216, 218 — 223, 264, 345, 346, 353, 354, 358, 360.
9-я Артиллерийская 139, 337.
Легкая 64-я лейб-гвардии артиллерийская 341.
Пионерная 23, 65.
Бровары, местечко Черниговской губ. 7, 19, 34, 54, 130, 333.
Брусилов, местечко Радомысльского уезда, Киевской губ. 13, 15, 16, 18 — 21, 28, 30, 38, 47, 74, 105, 106, 127, 131, 136, 147, 148, 328, 337, 339.
Брюссель 362.
Бугаевка, село Васильковского уезда, Киевской губ. 176, 347.
«Былое», журнал 318, 325, 331, 361.
Бышиверде, местечко в Саксонии 341.

В.

Варема, село Сергачевского уезда, Нижегородской губ. 286.
Варшава 5, 7, 11, 17, 26, 37, 59, 65, 67, 159, 333, 334, 336.

Варшавское герцогство 341.
Васильков, уездный город Киевской губ. 5 — 13, 16 — 22, 24 — 34, 36 — 38, 40 — 46, 48 — 52, 54 — 57, 60, 61, 63, 65, 71, 72, 77, 78, 98 — 102, 105 — 107, 109 — 112, 114, 119, 123, 124, 126 — 132, 135 — 137, 140, 142 — 152, 154 — 177, 181, 183 — 187, 189, 192 — 199, 237, 241, 275 — 298, 300 — 304, 307 — 312, 317, 320 322, 324 — 326, 328 — 333, 336, 337, 341, 342, 347 — 349, 361 — 363, 364.
Вета, почтовая станция Киевской губ. 37, 330.
Вишникарловая, деревня Малоархангельского уезда, Орловской губ. 290.
Волковыск, уездный город Гродненской губ. 341.
Волчанск, 341.
«Восстание декабристов», издание Центрархива 317, 319, 327, 328, 335, 340, 345, 346, 351, 354 — 356, 358, 361 — 363, 364.
«Всемирный Вестник», журнал 348.
Вчерайше, местечко Киевской губ. 112, 113, 336.

Г.

Германовка, местечко Киевской губ. 127, 146, 147, 195.
Глеватская волость, Киевской губ. 46.
«Голос Минувшего», журнал 345.
Гольздорф, местечко 341.
Городище, село Воронежской губ. 81.
Горностаевка, селение 341.
Госпиталь военный Могилевский 83.
«Государственные преступления в России в XIX в.». Сборник под редак. Б. Базилевского. (В. Я. Богучарского) 348.
Гребенки, село Киевской губ. 20, 47, 69, 74, 102, 135, 178 — 180, 186, 188, 198, 312, 317, 321, 331, 337 — 339, 347.
Гродно 321.
Грузия 308.
Губернии:
Вологодская 279.
Волынская 4, 59, 60, 62, 358.
Воронежская 247.
Вятская 293.
Гродненская 181, 182.
Екатеринославская 344.
Кавказская 344.
Калужская 18.
Каменец-Подольская 59, 60, 62, 323.
Киевская 58 — 60, 62, 181, 182, 225, 259, 273, 276, 284, 292, 294, 326, 341, 357, 361, 362.
Курская 182.
Нижегородская 247, 296.
Орловская 182, 290, 323.
Пензенская 280, 297.
Полтавская 41, 55, 182, 301, 326, 344.
Рязанская 181, 182.
Симбирская 277, 287, 289.
Слободско-Украинская 242.
Смоленская 304.
Тамбовская 182.
Херсонская 182.
Гумошево, село Алатырского уезда, Симбирской губ. 277.

Д.

«Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма», сборник 343.
«Декабристы», издание Центрархива 335, 348, 349, 361.
«Декабристы», сборник под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана 319, 334, 342, 345, 354.
«Декабристы», книга П. Е. Щеголева 362.
«Декабристи на Кіевщині», брошюра В. М. Базилевича 324.
«Декабристи на Україні», сборник Украинской Академии Наук 320, 322, 324, 325, 327, 342, 344, 345, 347, 348, 354, 360.
Департамент Аудиториатский 124, 187 — 189, 192, 194, 195, 197, 198, 341, 347 — 349, 351, 360, 361, 363, 364.
Департамент Комиссариатский 194, 198.
Департамент Общих Дел 323.
Депо Киевское комиссариатское 269.
Дивизион лейб-гвардии конно-пионерный 190.
Дивизии:
3-я гусарская 37, 49, 63, 211, 337, 339.
4-я драгунская 72, 143, 144, 151, 155.
3-я кирасирская 314.
8-я пехотная 21, 23, 49, 66, 111 — 114, 118, 119, 121, 122, 138, 139, 143, 147, 164, 203, 205 — 207, 215, 223, 228, 230, 231, 233, 234, 266, 269, 345 — 347, 349, 351 — 354.
9-я пехотная 3, 4, 15, 57, 119, 127, 130, 138, 177, 179, 198, 206, 215, 318, 332, 333, 337.
10-я пехотная 55, 65, 333.
11-я пехотная 342.
25-я пехотная 59, 67, 123.
Дмитриевка, село Киевской губ. 325.
Дом императорский военный 341.
Донского войска земля 344.
Дрезден 323, 339, 341.
Дубно, уездный город Волынской губ. 8, 67.
Дубосары, город Херсонской губ. 144.
Дума верхняя тайного общества 142.

Е.

Евангелие 128, 137, 138.
Европа 363.
Ершово, село Чембарского уезда, Пензенской губ. 280.

Ж.

Женева 348, 362.
Жидовцы, село Сквирского уезда, Киевской губ. 337.
Житомир 4, 8, 9, 11, 14, 15, 21 — 23, 28, 30, 31, 42, 46, 47, 53, 58 — 63, 66 — 68, 70, 72, 74, 75, 77, 79, 85, 105 —

107, 110, 114, 117, 118, 124, 125, 131, 132, 134 — 136, 147, 148, 153, 156, 160, 176, 190, 234, 312, 318, 319, 321, 327 — 329, 336 — 340, 348, 355, 358, 359.
«Журнал генерала-адъютанта гр. К. Ф. Толь о декабрьских событиях 1825 г.» 330.

З.

Завод Камарский конный 301.
«Задруга», издательство 320, 328.
«Записки декабриста И. И. Горбачевского» 320, 328, 332, 335, 345, 357, 364.
«Записки Михаила Чайковского» 334.
«Записки Декабристов», лондонское издание 319, 334.
Заславль, уездный город Волынской губ. 114.
Зыбкая, корчма по Белоцерковскому тракту 27, 159.

И.

«Из эпохи борьбы с царизмом», сборник 324.
«Из писем и показаний декабристов», сборник 362.
Ильинское, сельцо Вологодского уезда 279.
Искорость, местечко Волынской губ. 117, 359.

К.

Кавказ 343, 344, 361.
Каменец-Подольск 323.
Камчатка 267.
Кануны, деревня Волынской губ. 359.
Канцелярия полковая Курского полка 23.
Канцелярия полковая Черниговского полка 277 — 288, 290, 293, 363.
«Катехизис Православный», составленный С. И. Муравьевым-Апостолом 18 — 24, 29, 41, 43, 45 — 47, 49, 78, 127, 128, 134, 144, 146 — 148, 150, 168, 183, 184, 187, 195, 201, 215, 216, 218, 223, 228, 254, 273 — 276, 278 — 289, 291 — 299, 302, 309, 310, 318, 328, 332, 345, 350, 361 — 364.
«Каторга и Ссылка», журнал 324, 342, 360.
Квартиры:
главная 1-й армии 20, 62, 71 — 73, 75, 76, 105, 110, 137, 187, 250, 274, 323, 330, 333, 340, 350.
главная 2-й армии 119.
дивизионная 8-й пехотной дивизии 67.
дивизионная 9-й пехотной дивизии 6, 14, 30, 40, 110, 114, 130, 131, 135, 174, 179, 303, 325, 331.
корпусная 3-го пехотного корпуса 14, 16, 20, 44, 63, 105, 111, 120, 131, 136, 139, 176, 185, 191, 326.
Кенигштейн, крепость в Саксонии 341.
Киев 6, 7, 10 — 12, 16 — 23, 27 — 29, 31 — 38, 40 — 42, 44, 46, 48 — 51, 54 — 58, 62, 65, 68, 71, 72, 74, 76 — 80, 83, 97, 105, 109 — 113, 117, 119, 120, 127, 130, 133, 142, 147 — 149, 151, 155, 159, 160, 162 — 164, 167, 168, 170, 175, 184, 187, 195, 201, 209, 216, 218 — 222, 244, 250, 252, 253, 255 — 257, 259 — 261, 275, 276, 280, 291, 293, 308, 311, 318, 320, 322 — 330, 333, 336, 342, 344, 347, 355, 356, 358, 362.
Киевская Застава в Василькове 164, 321.
Киково, село Новоградволынского уезда, Волынской губ. 356.
Киль, крепость 341.
Кимово, деревня Волынской губ. 247.
Кишинев 131, 144, 145.
Ковалевка, село Васильковского уезда, Киевской губ. 19, 21, 25, 44, 69, 100, 126, 140, 143, 144, 147, 157, 322, 325, 334, 338.
Кодня (Кодно), местечко Волынской губ. 336, 337.
Колпинское, село Малоархангельского уезда, Орловской губ. 290.
Комиссия военного суда в Белой Церкви 109, 119, 147, 177, 202, 208, 225, 230, 231, 242, 248, 251, 264 — 266, 269, 274, 276, 293, 303, 305, 310, 311, 322, 340, 343, 349 — 351, 354 — 356, 360, 364.
Комиссия военного суда при Главной квартире 1-й армии в Могилеве 75, 80, 110, 124, 137, 138, 145, 149, 151, 156, 159 — 161, 163 — 168, 170, 173, 174, 178, 181, 182, 186 — 190, 197, 346, 347, 349 — 351, 353, 356, 358.
Кочетовка, село Курмышского уезда, Симбирской губ. 289.
Комитет для следственных изысканий о злоумышленных обществах 3, 138, 173, 205, 206, 209, 212, 215, 218, 219, 221, 222, 224, 231 — 233, 235 — 239, 242, 246, 247, 250, 251, 255 — 257, 259, 275, 312 — 314, 317, 327, 328, 330, 345, 351, 353, 357 — 358, 360.
Комитет министров 321.
Контракты Киевские 11, 33, 57, 113, 323.
Копычево, селение, принадлежащее Роменскому 1-у 347.
Корец, местечко Волынской губ. 116.
Корнин, село Киевской губ. 337.
Королевка, деревня Васильковского уезда, Киевской губ. 74, 331, 335, 338, 339, 364.
Коростышев, местечко Киевской губ. 332, 337.
Корочин, село Киевской губ. 74.
Корпуса:
гренадерский 3-й 65, 319.
кавалерийский резервный 4-й 65.
кавказский отдельный 81, 110, 119, 188, 202, 265, 268, 270, 343, 350, 360.
литовский отдельный 64, 66, 67.
1-й пехотный 64.
2-й пехотный 21.
3-й пехотный 51, 57, 59, 63, 64, 66, 70, 72, 73, 78, 79, 82, 110, 111, 118, 119, 121, 122, 134, 136, 138, 139, 146, 150, 177, 182, 195, 257, 294, 307, 319, 323.

330, 334, 335, 339, 344 — 347, 352, 361.
4-й пехотный 21, 35, 41, 72, 110, 119, 147 — 150, 155, 157, 164, 166, 167, 169, 328, 347.
5-й пехотный 49.
Корсунь, местечко Киевской губ. 144.
«Красный Архив», журнал 318, 319, 322, 327, 332, 334, 335, 342, 345, 363, 364.
Кременец, уездный город Волынской губ. 114.
Кременчуг, город Полтавской губ. 144.
Ксаверовка, село Киевской губ. 99.
Кульм, селение в Богемии 323, 341.
Кунев (в тексте Куньев), село Острожского уезда, Волынской губ. 114, 115.

Л.

Лабунь, местечко Волынской губ. 112, 113.
Лазарет полковой Черниговского пехотного полка 284, 287, 289 — 291, 332.
Левково, селение 332.
Лейпциг 182, 319, 323, 341.
Лещин, местечко Волынской губ. 51, 115, 117, 120, 138, 139, 141, 145, 177, 178, 206, 207, 211, 222, 226, 228 — 235, 237 — 239, 243, 245, 248, 252, 259, 306, 337, 352, 353, 356, 359.
Липоваловка (ошибочное начертание вм. Мотовиловка) 97.
Лондон 319.
Львов 320.
Любарь, местечко Новоградволынского уезда, Волынской губ. 16, 48, 53, 60, 106, 113, 125, 136, 245, 252, 254, 258, 262, 311, 332.
Ляховцы (в тексте — Ляховец) мест. Острожского уезда, Волынской губ. 114.

М.

Магазейн провиантский в гор. Василькове 24, 26, 32, 127, 161, 162, 192, 193, 288.
Мазеницы, деревня Васильковского уезда, Киевской губ. 144.
Малый Ярославец, город Калужской губ. 323.
Манифест о вступлении на престол Николая I 11.
Матвеевка, село Чигиринского уезда, Киевской губ. 82.
«Материалы к изучению истории революционного движения в России», Г. А. Куклина 348, 362.
«Междуцарствие 1825 г. и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи», сборник под ред. Б. Е. Сыроечковского 321, 330, 334, 336.
«Мемуары декабристов», сборник М. В. Довнар-Запольского 318.
Мирополь (в тексте — Мирополье), местечко Волынской губ. 116.
Млинищи, деревня близ Лещина 356.
«Минувшие Годы», журнал 362.
Могилев Белорусский 15, 34, 37, 48, 57, 62, 69 — 72, 75, 79, 113, 118, 123, 187, 189, 202, 269, 270, 274, 275, 295, 314, 317, 318, 322, 326, 330, 331, 335, 336, 338, 339, 351, 358.
Можайск, уездный город Московской губ. 287, 290.
Москва 11, 33, 65, 82, 136, 150, 190, 213, 243, 244, 246, 251 — 253, 256 — 258, 261, 265, 286, 318, 326.
Мотовиловка, село Васильковского уезда, Киевской губ. 19, 24, 26 — 31, 43 — 47, 63, 69, 74, 97 — 102, 127, 134, 135, 140, 144, 146, 147, 150, 151, 154, 155, 159 — 162, 164 — 171, 176, 177, 179, 184 — 186, 192, 193, 196, 300, 309, 310, 320, 325, 328, 329, 331, 337, 338, 348, 363.
Мотыжинская станция Киевской губ., 105.
Мохначка, с. Киевской губ. 38, 69, 74, 337 — 339.
Мытница, корчма около Василькова 101.

Н.

«Nasza Przyszlosc», журнал 320, 324.
«Новая Вечерняя Газета» 319.
Новоград-Волынск, уездный город Волынской губ. 116, 117, 243, 244, 251 — 256, 260, 262, 356, 358, 359.
Ножан, город в департаменте Об во Франции 341.

О.

Ольшанка, деревня Волынской губ. 347.
Ополчение Московское 323.
Острог, уездный город Волынской губ. 114, 115, 249, 349.
Острожки, село Волынской губ. 245, 252, 253, 256 — 259.
Общество тайное Польское Патриотическое 319.
Общество Соединенных Славян 138, 195, 216, 222, 234, 237, 254, 259, 260, 355, 358, 359.
Общество Южное 210, 212, 220, 238, 254, 255, 330, 345, 358, 360.

П.

Паволочь, село Сквирского уезда, Киевской губ. 13, 15, 16, 19, 106, 107, 112, 113, 125, 130 — 132, 136, 336, 337, 348.
«Pamiętniki 1798 — 1865», Г. Олизара 320, 324.
«Памяти Декабристов», сборник, изд. Академии Наук 333.
Париж 323, 362.
Переяславль, город Полтавской губ. 50, 55.
Петербург 3, 4, 11, 17, 19, 20, 26, 33, 35, 48, 49, 51, 60 — 62, 64, 65, 67, 73, 109, 115, 119, 121 — 123, 127, 137, 138, 149, 150, 159, 183, 189, 205, 207, 215, 224, 226, 250, 251, 262, 276, 311, 314, 317, 318, 321, 326, 327, 329 — 333, 335, 339, 345, 346, 351, 354, 355, 358.

Петропавловская крепость 314, 351.
Печерск, предместье гор. Киева 23.
Плисецкое, село Киевской губ. 150, 151, 184, 196.
«Повстання декабристів на Украіні», сборник под редакцией Д. И. Багалея 349.
Подол, предместье гор. Киева 19, 22, 23, 127.
Полиция васильковская 8, 29, 47.
Полиция киевская 55, 58.
Полки:
Александрийский гусарский 5, 20, 21, 108, 147 — 149, 189, 311, 336, 337.
Алексопольский пехотный 13, 15, 61, 62, 131, 139, 143, 147, 332, 335, 337.
Астраханский гренадерский 319.
Ахтырский гусарский 20, 21, 113, 121, 143, 147 — 149, 330, 332, 336, 337.
Виртембергского короля конно-егерский 190.
Витебский пехотный 7, 34, 35, 55, 57, 58, 130, 333.
Вологодский пехотный 361.
Воронежский пехотный 349.
Дворянский 341.
Егерский 15-й 114, 206, 232, 235, 236.
Егерский 16-й 114, 206.
Егерский 17-й 12, 15, 19, 20, 44, 47, 55, 61, 67, 74, 122, 131, 139, 149, 172, 321, 322, 337, 347.
Егерский 18-й 12, 20, 47, 61, 67, 74, 122, 331, 337.
Егерский 19-й 33, 57, 333.
Егерский 20-й 33, 55, 57, 333, 349.
Егерский 24-й 349.
Изюмский гусарский 341.
Карабинерный 3-й 349.
Казанский пехотный 113.
Киевский драгунский 349.
Кременчугский пехотный 12, 13, 15, 18 — 21, 44, 47, 55, 62, 123, 130, 131, 147, 150 — 152, 332, 335, 337.
Курский пехотный 7, 18, 21, 32, 34, 55 — 57, 127, 130, 149, 333.
Лубенский гусарский 341.
Мариупольский гусарский 335 — 338.
Морской 1-й 277, 279.
Муромский пехотный 7, 19, 22, 34, 54, 55, 57, 63, 129, 333.
Нарвский драгунский 33, 55, 72.
Низовский пехотный 12, 32, 54 — 57.
Новороссийский драгунский 341.
Павловский лейб-гвардии 286.
Пензенский пехотный 113 — 115, 123, 124, 145, 206, 232, 235, 237, 244, 252, 253, 257, 261, 309, 345, 346, 356.
Полтавский пехотный 4, 83, 143, 232, 236, 238, 304, 330,
Полоцкий пехотный 33, 55, 57, 333.
Принца Оранского гусарский 13, 15, 19, 20, 45, 47, 55, 58, 61, 68, 69, 74, 113, 143, 329, 336, 338, 345, 363, 364.
Принца Прусского гренадерский 341.
Семеновский пехотный лейб-гвардии 51, 58, 62, 112, 122, 139, 141, 145, 182, 205 — 207, 211, 214 — 216, 223, 225 — 227, 230 — 233, 235, 241, 266, 269, 312, 313, 326, 327, 340, 342, 346, 351, 353, 354, 361.
Саратовский пехотный 114, 115, 117, 118, 121, 123, 145, 206, 211, 226, 227, 229, 230, 232, 233, 235, 237, 248, 249, 269, 346, 352, 354.
Таврический гренадерский 349.
Тарутинский пехотный 18.
Троицкий пехотный 113, 114, 206, 211.
Тамбовский пехотный 8, 22, 116, 117, 145, 206, 346.
Черниговский конно-егерский 341.
Черниговский пехотный 3, 6 — 8, 12, 14, 19, 22, 32, 36 — 39, 41, 44 — 47, 49, 54 — 56, 58 — 60, 64 — 69, 72, 73, 76, 78 — 80, 84 — 86, 95, 97, 102 — 104, 109, 111 — 116, 118 — 120, 122, 123, 128, 129, 136, 137, 139, 145, 146, 153, 162, 174, 177, 178, 181, 183, 184, 186 — 189, 192 — 194, 198, 199, 207, 214, 215, 226, 227, 232 — 236, 238, 239, 254, 262, 268, 273, 275 — 277, 279, 280, 282, 284 — 288, 290 — 295, 298, 299, 302 — 304, 308 — 310, 312 — 314, 318, 319 — 325, 329 — 335, 337 — 345, 347 — 353, 358, 361 — 364.
Половецкое большое, село Киевской губ. 39, 337, 339.
Пологи, деревня Васильковского уезда, Киевской губ. 39, 63, 69, 74, 97 — 99, 101, 131, 140, 144, 147, 155, 156, 164 — 166, 168, 176, 177, 242, 291, 294, 331, 337 — 339, 362.
Польша 323.
Поляниченцы, селение Васильковского уезда, Киевской губ. 329, 331.
Пятки, местечко Волынской губ. 337.

Р.

Радомысль, город Киевской губ. 13, 15, 28, 77, 105, 130, 323.
Ракитны, село Васильковского уезда, Киевской губ. 19, 35, 44.
Рейн 341.
Рейхенбах, местечко в Силезии 182, 341.
Роты:
Гренадерская 1-я Чёрниговского полка 15, 20, 25, 26, 29, 30, 40, 45, 47, 55, 61, 64, 104, 108, 110 — 112, 127, 132, 134, 144, 150, 158, 159, 160, 162, 169, 185, 196, 199, 224, 328, 331, 342, 362.
Гренадерская 2-я Черниговского полка 14, 20, 26, 29, 42, 78, 97, 104, 111, 126, 130, 132, 133, 137, 140, 143, 147 — 149, 155, 156, 158, 160, 162, 164, 166, 168, 176, 183, 196, 279, 281, 287, 304, 309, 310, 324, 335, 342.
Исправительная при дивизионной квартире 83.
Конно-артиллерийская №5 15, 16, 21, 58, 69, 112, 131, 336, 338.

Конная №6 336.
Мушкатерская 1-я Черниговского полка 19, 20, 26, 27, 48, 104, 109, 110, 127, 135, 144, 150, 158 — 160, 177, 185, 193, 199, 328, 342.
Мушкатерская 2-я Черниговского полка 104, 127, 132, 144, 146, 147, 155, 169, 177, 195, 277, 310, 328, 337, 342.
Мушкатерская 3-я Черниговского полка 51, 104, 132, 133, 144, 150, 151, 154, 155, 169, 176, 236, 337, 342, 347.
Мушкатерская 4-я Черниговского полка 20, 30, 47, 51, 104, 132, 135, 144, 149, 154, 155, 164, 165, 176, 177, 342.
Мушкатерская 5-я Черниговского полка 5, 13, 14, 20, 21, 25, 26, 29, 30, 42, 47, 60, 97, 104, 126, 130, 132, 133, 135, 140, 143, 147, 148, 149, 153, 155, 156, 158, 168, 174, 175, 183, 185, 298, 342, 364.
Мушкатерская 6-я Черниговского полка 104, 132, 144, 149, 155, 166, 176, 177, 342, 347.
Подвижная №14 341.
«Русский Архив», журнал 319, 320, 322 — 324, 328, 330, 334, 340, 342, 343, 345, 346, 351, 353, 354, 363.
«Русский Биографический Словарь» 339.
«Русский Вестник», журнал 320, 324.
«Русский Инвалид», газета 331.
«Русская Старина», журнал 319, 320, 331, 334, 335, 342, 344, 348, 364.
«Рух декабристів на Україні, сборник 320, 328, 329, 331, 342, 349, 361.
Рязань 319, 320, 335.

С.

«Сборник Русского Исторического Общества» 321, 330, 334, 336.
«Северная Пчела», газета 339.
Семеновские солдаты 120, 121, 218, 228, 229, 232 — 235, 237, 238, 240, 267, 268, 312, 313, 340, 351, 352.
Сенат Правительствующий 323, 348.
Сенатская (Петровская) площадь 330.
Сибирь 141, 197, 314, 364.
Сибирские гарнизоны 186.
Синод 181.
Синява, село Васильковского уезда, Киевской губ. 347.
Сквира, город Киевской губ. 303, 336, 337.
Слободск, город Вятской губ. 293, 295.
Случь, река 255.
Смолдырев (Смандирово), село Волынской губ. 244, 252, 253, 257, 261.
Снетинка, селение Васильковского уезда, Киевской губ. 5, 24, 25, 29, 30, 42 — 45, 108, 109, 126, 132, 157, 161, 175, 341.
«Собрание материалов для истории возрождения России», сборник 319.
Солтановка большая, село Васильковского уезда, Киевской губ. 147, 151.
«С.-Петербургские Ведомости» 342.
«С.-Петербургские Сенатские Ведомости» 348.
Средняя Слобода (иначе Винницкие Ставы) село Васильковского уезда, Киевской губ. 102, 325, 362.
Ставрополь 343, 344.
Старобыхов, город Могилевской губ. 276.
Староконстантинов, уездный город Волынской губ. 123, 332, 346, 358, 360.
Староселье, село Киевской губ. 332, 337.
Страсбург 341.
Студеница, селение 332.
Суд земский 144, 145, 179, 284, 285, 291, 294, 328, 362.

Т.

Таганрог 4, 73, 317.
«Тайные Общества в России в начале XIX столетия», сборник 332, 340.
Тамбов 282.
Теребунь, деревня 341.
Теофиполь (в тексте — **Тиофиль - Поль**) местечко Волынской губ. 114.
Тобольск 364.
Трилесы, село Васильковского уезда, Киевской губ. 5, 13, 14, 16, 20, 28, 40, 42, 43, 50, 60, 61, 69, 70, 74, 78, 101, 102, 107, 109, 125, 130, 132, 134 — 137, 140, 142, 143, 148, 149, 174, 175, 183, 195, 196, 200, 201, 282, 302, 331, 334 — 339, 341, 342, 364.
Тришиль, село 341.
Троща, местечко Волынской губ. 336, 337.
Троянов, местечко Житомирского уезда, Волынской губ. 53, 60, 106.
«Труды Рязанской Архивной Комиссии» 319.
Трушки, селение Васильковского уезда, Киевской губ. 172, 173.
Тульчин, местечко Брацлавского уезда, Подольской губ. 4, 5, 318.
Турция 323.

У.

Уезды:
Алатырский, Симбирской губ. 277.
Жиздринский, Калужской губ. 18.
Кременчугский, Полтавской губ. 114.
Курмышский, Симбирской губ. 289.
Малоархангельский, Орловской губ. 290.
Новоград-Волынский, Волынской губ. 116.
Острожский, Волынской губ. 116.
Роменский, Полтавской губ. 301.
Саранский, Пензенской губ. 297.
Сергачевский, Нижегородской губ. 296.
Староконстантиновский, Волынской губ. 114.
Чембарский, Пензенской губ. 280.
«Україна», журнал 324.
Устиновка, деревня Васильковского уезда, Киевской губ. 39, 41, 43, 68, 69, 74, 99 — 101, 176, 331, 335, 338, 339.
Устиновская высота 39, 63, 131, 337.

Ф.

Фастов, местечко Васильковского уезда, Киевской губ. 19, 38, 39, 43 — 45, 47, 48, 69, 74, 97, 101, 107, 112, 122, 125, 324, 325, 337 — 339.
Фастовец, селение Киевской губ. 19, 37, 65, 337.
Франция 341.

Х.

Харьков 328, 329, 331, 342, 349, 362.
Ходорков, село Сквирского уезда, Киевской губ. 337.

Ц.

Царское Село, город Петербургской губ. 273.
Цейхгауз Черниговского полка 29, 43, 132, 161, 280, 282, 284, 286, 289 — 291, 329.
Центральный Архив Р. С. Ф. С. Р. (Центрархив) 348.
Центральный Архив У. С. С. Р. (Укрцентрархив) 320, 328, 342, 361, 362.

Ч.

Черкассы (Черкаск) город Киевской губ. 144.
Чернигов 326.
Черняхов, местечко Волынской губ. 139.
Чуднов (в тексте — Чудново), местечко Волынской губ. 262.
Чугуев, город Харьковской губ. 306.

Ш.

Шамраевка, село Васильковского уезда, Киевской губ. 20, 45, 47.
Шелятин, местечко 341.
Шкловская Застава в Могилеве 317.
Штабы:
Главный 1-й армии 274, 317, 319, 322 — 327, 330, 331, 333 — 335, 337, 339, 340, 342 — 348, 351 — 355, 358, 363, 364.
Главный е. и. в. 205, 207, 224, 273, 319, 329, 330, 334, 338, 340, 352.
3-го пехотного корпуса 8, 68, 137, 319, 340, 342, 346.
4-го пехотного корпуса 17, 161, 165.
9-й пехотной дивизии 39.
Черниговского пехотного полка 24, 32, 109, 132, 146, 147, 153, 161, 172, 175, 288 — 290, 317, 350.
Штутгарт 348.

Э.

Эльба 341.

Я.

Яхны, селение Сквирского уезда, Киевской губ. 37, 65.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Аблыгин Иван, стрелок 2-й гренадерск. роты Черниговского полка 91.
Аболенцов Афанасий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Абрамов Клим, фельдфебель 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 200, 309.
Абрамов Яков, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89, 347.
Авдеев Егор, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Авдеев Сильвестр, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Аверьянов Федот, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Авчинников Моисей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Агапов Изот, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Агапов Филипп, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Агеев Варфоломей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 201.
Агеев Роман, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Адлерберг 1-й Владимир Федорович, полковник, флигель-адъютант 207, 209, 211, 214, 219 — 223, 225, 234, 238, 242, 253, 255, 260, 264.
Адо Юган, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Адо Юрий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89, 96, 201.
Аканин Петр, рядовой 2-й мушкет. роты, Черниговского полка 99.
Акимов Василий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Акимов Семен, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Акимов Федот, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Актынчук Василий — см. **Ахменчук.**
Акуловский Василий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Акусов Исак, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 103.
Аландаренко, подпоручик Черниговского полка 307, 308.
Альберт, отставной гвардии ротмистр 117.
Александр I, император 17, 52, 67, 73, 77, 177, 182, 190, 213, 240, 241, 243, 266, 277, 279, 280, 304, 306, 313.
Александров Антип, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Александров Иван, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Александров Петр, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Александров Степан, рядовой 2-й гренадерской роты Черниговского полка 90.
Александров Фока, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Алексеев Андрей, барабанщик 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Алексеев Афанасий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Алексеев Афанасий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 96, 201.
Алексеев Василий, заведующий музыкантской командой Черниговского полка 284, 286 — 290.
Алексеев Емельян, каптенармус 1-й гренад. роты Черниговского полка 281.
Алексеев Иосиф, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Алексеев Кузьма, рядовой 15-го егерского полка (семеновец) 230, 268.
Алексеев Максим, рядовой, бежавший из Елецкого полка 201, 342.
Алексеев Максим, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Алексеев Михаил, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Алексеев Николай, рядовой 3 мушкет. роты Черниговского полка 89.
Алексеев Павел, унтер-офицер 5-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 200.
Алексеев Степан, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Алексеев Тит, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90
Алмакиев Шангарей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Ананьев Филипп, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Анастасьев Александр Николаевич, подпоручик 1-й мушкет. роты Черниговского полка 79, 82, 84, 135, 181, 348.
Андреев Абрам, барабанщик 3-й мушкет роты Черниговского полка 88.

Андреев Аверьян, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Андреев Аким, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Андреев Алексей, рядовой Саратовского полка (семеновец) 206, 225, 230, 248, 249, 267.
Андреев Василий, вагенмейстер Черниговского полка 288.
Андреев Григорий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Андреев Дмитрий, барабанщик 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Андреев Иван, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Андреев Иван, флейтщик 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Андреев Исай, барабанщик 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Андреев Кирилл, стрелок 2 гренад. роты Черниговского полка 91.
Андреев Маркел, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Андреев Осип, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Андреев Павел, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Андреев Петр, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Андреев Семен, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Андреев Сидор, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Андреев Степан, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Андреев Степан, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Андреев Тимофей, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Андреев Трофим, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Андреев Федор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Андреевич 1-й Гордей Максимович, подпоручик 8-й артилл. бригады 253, 263.
Андреевич 2-й Яков Максимович, подпоручик 8-й артиллер. бригады 77, 78, 117, 120, 122, 141, 143, 207, 208, 212, 213, 215, 216, 218 — 222, 238, 240, 241, 243, 244, 247, 248, 250 — 258, 260, 261, 264, 265, 307, 311 — 314, 327, 332, 335, 354 — 358, 364.
Андреянов Максим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 103, 201.
Аникеев Абрам, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Аникеев Егор, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Аникин Иван, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96.
Анисимов Андрей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Анисимов Никифор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Анисимов Степан, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Анисимов, рядовой 1-й гренад. роты Черниговского полка 112, 340, 341.
Анойченко Федор Николаевич, рядовой Саратовского полка (семеновец) 206, 207, 224, 225, 229, 230, 236, 237, 248, 249, 266, 267, 353, 354.
Аносов Лука, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Анофриев Гаврила, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Ancelot, путешественник 362.
Антипов Яков, рядовой Троицкого полка (семеновец) 267.
Антонов Амос, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Антонов Афанасий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Антонов Григорий, рядовой Черниговского полка 201
Антонов Павел, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Антонов Степан, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 201.
Антонов Яков, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Антропов Николай Николаевич, генерал-майор, командир 2-й бригады 12-й пехотн. дивизии председатель военно-судной комиссии в Белой Церкви 229 — 231, 246, 249, 311, 343, 349, 351.
Анц Индрик, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Анц Юрий, рядовой 2 гренад. роты Черниговского полка 100.
Анц Якуб, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Анц Ян, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Апостол-Кегичь (Кейчь) Егор Иванович, прапорщик, адъютант 2-го баталиона Черниговского полка 63, 75, 83, 84, 97, 124, 130, 132, 134, 135, 146, 147, 165, 169, 171, 177, 182, 186, 188, 196 — 198.
Аракчеев Андрей Андреевич, генерал-майор, киевский комендант 32, 54.
Аргиров, поручик, командир 6-й мушкет. роты Саратовского полка 115, 124.
Артамонов Степан, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Артемьев Исаак, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Артемьев Клим, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Артемьев Михаил, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Архипов Степан, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Архипов Сысой, рядовой 1-й мушкет.роты Черниговского полка 87.
Асарьев Григорий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Астафьев Игнат, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Атоманов Иван, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.

Афанасий, викарий Киевской епархии 181.
Афанасьев Александр, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Афанасьев Гурьян, рядовой Саратовского полка (семеновец) 267.
Афанасьев Кузьма, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Афанасьев Михаил, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка (денщик поручика Сизиневского) 92, 98.
Афанасьев Никифор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Афанасьев Прохор, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Афанасьев Степан, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Афанасьев Терентий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Афанасьев Трофим, рядовой 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Афанасьев Яков, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90
Афанасьев Яков, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Афонасенко, рядовой Саратовского полка 231.
Ахлестин Иван, церковник Черниговского полка 162, 163, 296 — 298, 300, 363.
Ахмаров Хаким, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Ахменчук (Актынчук) Василий, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86, 95, 201.
Ашманов Клим, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.

Б.

Бабенко Моисей, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Бабичев Федор, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91, 150.
Бабыкин Захар, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Баврин Дмитрий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Багалей Ольга Дмитриевна, историк 322, 345, 349, 354.
Базиет — см. **Боязитов.**
Базилевич Василий Митрофанович, историк 324, 325.
Базилевский Б. (псевдоним **В. Я. Богучарского**) 348.
Байцов Прокофий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Бакалдин Афанасий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Бактемиров Иммакамет, барабанщик 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Бакуревич подполковник, агент тайной военной полиции 323.
Балашев Петр, горнист 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Балдин Петр, горнист 16 егерского полка 268.
Балтрук Апулка, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Балякин (Болякин, Белякин) Дмитрий, рядовой Черниговского полка, разжалованный из писарей 78, 274 — 277, 279, 280, 282 — 287, 292 — 294.
Бар, поручик, адъютант штаба 1-й армии 49.
Баранов, писарь 2-й легкой роты 8-й артиллерийск. бригады 244.
Барвинский Виктор Александрович, историк 348.
Барилкин Арсентий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Барш, помещик Вологодской губ. 279.
Барышов Михаил, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Басилаев Александр, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Батраков Петр, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Батсукин, унтер-офицер Черниговского полка 169.
Башкин Михаил, капральный унтер-офицер 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 96, 200.
Башмаков Флегонт Миронович, разжалованный из полковников артиллерии рядовой Черниговского полка 5, 6, 20, 78, 101, 125, 145, 149, 175, 178 — 180, 187, 188, 198, 218 — 222, 232 — 238, 240, 304, 306 — 308, 311 — 314, 331, 347, 352, 364.
Безуглов Григорий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Белелюбский Амплий Дмитриевич, прапорщик 2-й мушкет. роты Черниговского полка 63, 75, 83, 84, 97, 124, 130, 146, 165, 166, 169 — 171, 177, 182, 186, 188, 196 — 198.
Белецкий Артемий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Белой Григорий, рядовой Саратовского полка 225, 270.
Белоусов Степан, флейщик 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Бельский Степан, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Березин, поручик, командир 1-й гренад. роты Саратовского полка 115, 121, 353.
Беркус Андрей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Берстель Александр Карлович, подполковник 9-й артиллер. бригады, к-р легкой роты № 2-й 307.
Бессонов, маиор Полтавского полка 307.
Бестужев-Рюмин Михаил Павлович, подпоручик Полтавского полка 4, 6, 14, 16, 17, 19, 20, 29, 39, 42, 51 — 53, 62, 63, 76, 78, 95, 102, 105 — 109, 119, 120, 125, 126, 131, 132, 134 — 139, 141 — 143, 145, 169, 170, 175, 195, 202, 205, 206, 209 — 212, 214 — 223, 226, 227, 230 — 232, 234, 238, 240, 251, 253, 254, 256, 257, 260, 261, 266, 268, 275, 276,

278, 281, 283, 291, 293, 296, 297, 299, 302 — 305, 307 — 314, 318, 319, 321, 322, 326, 327, 332, 334 — 336, 348, 351, 355, 357, 363, 364.
Бечасный (Бечаснов) Владимир Александрович, прапорщик 2-й легкой роты 8-й артиллерийской бригады 116, 117, 122, 141, 143, 207, 209, 211, 212, 216—220, 243 — 246, 251 — 261, 264, 265, 332, 354, 358 — 360.
Бибиков Михаил Илларионович, полковник лейб-гвардии Гусарского полка, директор канцелярии начальника главного штаба е. и. в. 12.
Бистром, фельдфебель 1-й гренад. роты Черниговского полка 134.
Бобылев Андрей, рядовой Саратовского полка (семеновец) 228 — 230, 267.
Бобровский, унтер-офицер Пензенского полка (семеновец) 230.
Богомолов Петр, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Богуславский Александр Андреевич, генерал-майор, командующий артиллерией 3-го пехотного корпуса 8, 113.
Богуславский, портупей-прапорщик Полтавского полка 307.
Богучарский Василий Яковлевич, историк 348.
Бондаренко Влас, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Бондаренко Конон, рядовой Пензенского полка (семеновец) 230, 269.
Борисов Алимпий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 150, 199.
Борисов Артемий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 102.
Борисов Егор, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 152, 154.
Борисов Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 201.
Борисов 1-й Андрей Иванович, отставной подпоручик 219, 259.
Борисов 2-й Петр Иванович, подпоручик 1-й батарейной роты 8-й артиллерийской бригады 120, 122, 141, 143, 207, 209, 212 — 217, 219 — 221, 243, 246, 248, 250, 251, 253, 256 — 260, 262 — 265, 354, 357 — 360.
Борисов Тихон, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 100.
Борисович Адам, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Бородин Иван, рядовой Пензенского полка (семеновец) 268.
Бороздин Александр Корнильевич, историк 362.
Бороздин Николай Михайлович, генерал-от-кавалерии командир 4-го резервного кавалерийского корпуса 33, 49.
Борщов, маиор, проживавший в г. Васильков 160.
Борышников Гавриил, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Бошняк Александр Карлович, тайный правительственный агент 318.
Боязитов Боязила, казенный денщик поручика Кузьмина 94, 143.
Брагин Федор, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады 214, 244, 246, 252, 258, 261, 264.
Браницкая Александра Васильевна, графиня, владелица мест. Белая Церковь 8, 38, 74, 172, 320, 323.
Бреславский, киевский мещанин 291, 361
Бржестовский Франц Иванович, поручик Черниговского полка 82, 84, 241
Бринкен Карл Васильевич, полковник, командир гусарского принца Оранского полка 4, 179, 180, 301, 303.
Брызгун Лаврентий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Брылев Яков, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Брычев Василий Осипович, генерал-майор, командир Саратовского полка 115, 352, 353.
Брянс Петр, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Буклин Анисим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Буланов, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 340, 341.
Булыкан Андрей, барабанщик 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Булыков Иван, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Бурковский Митрофан, рядовой 6-й мушкетерск. роты Черниговского полка 102.
Бурцев А. Е., издатель 348.
Бусленко Николай, рядовой 6 й мушкет. роты Черниговского полка 102.
Бутович, поручик 5-й конно-артиллерийской роты 141.
Бутовт-Андржейкович Михаил Фадеевич, волынский гражданский губернатор 8, 66 — 68, 121, 320, 321, 346.
Бухарин Федор, готлангер 8-й артиллерийской бригады 213, 214, 246, 261 — 264, 354.
Бушен Христиан Николаевич, полковник, член Могилевской военно-судной комиссии 340.
Бушков Антон, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Буязитов Мустай, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Быстрицкий Андрей Андреевич, подпоручик 2-й мушкет. роты Черниговского полка 32, 39, 63, 75, 82, 84, 86, 102, 124, 127, 131, 132, 146, 147, 176, 177, 182 — 184, 187, 195 — 198, 306, 319, 332, 334, 341, 349.

В.

Вавилов Сидор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Вагин Адриян, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Вадковский Александр Федорович, подпоручик 17-го егерского полка 8, 62,

78, 137, 148, 172 — 174, 186, 188, 189, 197, 307, 308, 319, 321, 322, 332, 334, 335, 343.
Вадковский Федор Федорович, корнет Нежинского конно-егерского полка 321.
Валенюк Даниил, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Вандамм Иосиф-Доминик, маршал 341.
Варапаев Михаил, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Василевский, капитан, командир 4-й парочной батарейной роты 359.
Василенко Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Василенко Яков, рядовой 16-го егерского полка (семеновец) 267.
Васильев Агафон, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Васильев Алимпий, писарь Черниговского полка, разжалованный в рядовые 78, 85, 274 — 277, 279 — 281, 283, 285, 286, 288, 292 — 294.
Васильев Андрей, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 201.
Васильев Андрей, готлангер 8-й артиллерийской бригады 247, 248, 265, 355.
Васильев Анисим, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Васильев Антон, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Васильев Артем, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Васильев Григорий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Васильев Егор, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Васильев Ефим, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Васильев Иван, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 200.
Васильев Иван, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Васильев Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 154.
Васильев Иван, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Васильев Петр, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Васильев Петр, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Васильев Прокофий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Васильев Семен, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Васильев Сергей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Васильев Тимофей, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Васильев Федор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Васильев Федор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Васильев Федор, фейерверкер 1-й батар. роты 8-й артиллерийской бригады 211, 247, 264, 265, 360.
Васильев Яков, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Васильев Яков, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Васильев Яков, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 100, 152, 154.
Вахненко Карп, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Веденеев Максим, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Веденяпин 1-й Аполлон Васильевич, подпоручик 9-й артиллер. бригады 120.
Веденяпин 2-й Алексей Васильевич, прапорщик 9-й артиллер. бригады 120.
Вейденбаум Евгений Густавович, историк, 344.
Вельяминов-Зернов Михаил Иванович, подпоручик Черниговского полка 83, 84.
Веселовский Павел Семенович, штабс-ротмистр гусарского принца Оранского полка 363.
Ветлица, штабс-капитан 21-го егерского полка 19, 44.
Вигилянский, квартальный надзиратель гор. Василькова 285, 299.
Видякин (Ведякин), фейерверкер 2-й роты 8-й артиллер. бригады 243, 251, 253, 255, 258.
Вистулевич Дементий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Витгенштейн Петр Христианович, граф, главнокомандующий 2-й армией 318.
Витенко Григорий, фурлейт 3-й мушкет. роты Черниговского полка 90.
Вишняков, чиновник 5-го класса Аудиториатского департамента 198.
Владимиров Иван, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Власов Макар, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Внуков Прокофий, унтер-офицер 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91, 200.
Войнилович Антон Станиславович, подпоручик, квартирмейстер Черниговского полка 17, 19, 20, 24 — 27, 75, 82, 84, 97, 109, 124, 127, 130, 132, 134, 135, 146, 147, 157 — 161, 163, 177, 182, 184, 185, 188, 193, 196, 198, 199, 287, 288, 307, 311, 341.
Войтюк Николай, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Волков Дмитрий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Волков Максим, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Волков Никита, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86, 95, 201.
Волконский Сергей Григорьевич, князь, генерал-майор, бригадный командир 19-й пехотной дивизии 141, 330.
Вольтер 319.
Воробьев Иона, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 137.
Воронин Аким, дворовый человек 202.

Воронков, главный надзиратель заведений Киевского приказа общественного призрения 361.
Воронов Петр, рядовой Саратовского полка 225, 270.
Вошранский, штаб-лекарь гусарского принца Оранского полка 180.
Врангель Егор Петрович, штабс-капитан, адъютант начальника штаба 4-го пехотного корпуса 37, 49, 50, 57, 128, 323.
Враницкий Василий Иванович, полковник, обер-квартирмейстер 3-го корпуса 120, 141, 237.
Вульферт Самойло Иванович, капитан, командир 1-й мушкет. роты Черниговского полка 20, 24, 26, 27, 29, 42, 46, 48, 81, 84, 85, 109, 110, 126, 132, 133, 135, 159 — 161, 179, 180, 277, 281, 348.

Г.

Гаврилов Кирилл, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Гаврилов Мирон, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Гаврилов Максим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Гаврилов Петр, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Гаврищенко Василий, унтер-офицер 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91, 200.
Галафеев Аполлон Васильевич, подполковник, командир 20-го егерского полка 349.
Галенко Лаврентий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Галицкий Лука, дворовый человек 202.
Галкин Иван, унтер-офицер 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101, 200.
Гальцов Андрей, бомбардир 2-й роты 8-й артиллерийской бригады 211, 265.
Ганусовский Викентий, унтер-офицер Саратовского полка 249, 270.
Ганцова-Берникова Вера Александровна, историк 340, 347.
Гапоненко Антон, крепостной граф. Браницкой 173.
Гарбузов Роман, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Гаярин, полковник, член Могилевской военно-судной Комиссии 340.
Гебель Александр Густавович, полковник 342.
Гебель Густав Иванович, подполковник, командир Черниговского полка 5 — 11, 13, 14, 16, 22, 24, 25, 28, 29, 31, 33, 36, 38, 39, 42, 43, 46, 49 — 53, 58, 60, 61, 63, 65, 76 — 78, 80, 84, 98, 105 — 109, 112, 121, 124 — 127, 130 — 137, 140, 142, 143, 147 — 150, 153 — 158, 161 — 163, 165 — 168, 170, 171, 174 — 176, 183, 184, 186, 187, 189, 192, 195 — 197, 199, 201, 202, 241, 277, 279, 281 — 284, 286, 287, 290, 302, 306, 311, 317, 318, 329, 331, 334, 336, 342, 343, 348, 350, 363.
Гебель Роза, жена подполковника 162, 192, 194.
Гейсмар Федор Климентович, барон, генерал-майор, командир 2-й бригады 3-й гусарской дивизии 16, 39, 41, 68 — 70, 73 — 75, 78, 85, 104, 113, 131, 141, 178, 180, 294, 331, 335 — 339, 345.
Гельфрейх Егор Иванович, полковник, командир Нарвского драгунского полка 33, 35.
Георгиевский, рядовой Саратовского полка 225.
Герасименко Семен, крепостной гр. Браницкой 172.
Герасимов Владимир, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Герасимов, обер-аудитор 9-го класса 21 — 24, 27.
Герасимов Иван, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 200.
Герасимов Кондрат, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Герасимов Осип, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Гидеев, прапорщик Саратовского полка 267, 269, 361.
Гинтовт Людвиг Иванович, командир Воронежского полка 349.
Глушков 2-й Владимир Александрович, штабс-капитан, командир 2-й гренад. роты Черниговского полка 79, 81, 84, 181, 278, 280, 282, 284, 286 — 288.
Гогель 2-й Федор Григорьевич, генерал-лейтенант, начальник 25-й пехотной дивизии 59, 66, 67, 323, 334, 340, 362.
Голобоков Михаил, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 96, 101, 201, 324.
Головинский Павел Казимирович, юнкер 4-й парочной батарейной роты 358.
Голотынин Кузьма, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Голубенко Аким, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Голубенко Петр, фурлейт 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Гольцов, канонир 8-й артиллерийской бригады 354.
Гончаров Ефим, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Гончаров Иван Леонтьевич, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады 208, 211, 212, 214, 246, 247, 250, 264, 265, 355, 356.
Гончаров Макар, рядовой 2-й мушкетерской роты Черниговского полка 88.
Горбачев Аким, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Горбачев Филипп, рядовой 6-й мушкетер. роты Черниговского полка 94.
Горбачевский Иван Иванович, поручик 8-й артиллер. бригады 122, 138, 139, 141, 143, 209, 212 — 215, 219 — 223, 243, 244, 246, 251 — 255, 260 — 264, 307, 343, 352, 353, 357 — 360.

Горбенко (Гордеенко) Моисей, унтер-офицер 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 200.
Горбиковский Семен, мещанин гор. Киева 291, 361.
Горчаков 3-й Михаил Дмитриевич, князь, генерал-маиор, начальник штаба 3-го пехотного корпуса 8, 13, 14, 48, 76, 119, 274, 293, 324, 332, 337.
Горяев Осип, унтер-офицер Черниговского полка 200.
Гостом Павел, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Гребенников, барабанный староста 1-й гренад. роты Черниговского полка 30, 86.
Гребенников Андрей, барабанщик 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Греков Петр, рядовой Саратовского полка (семеновец) 207, 267, 355.
Грешков Иван, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 102.
Гриб Прокофий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Григорьев, обер-аудитор 6-го класса 3-го пехотного корпуса 76, 278, 280, 282, 284, 286 — 291, 300, 356.
Григорьев Алексей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 143, 200.
Григорьев Александр, денщик подполковника Гебеля 98, 202.
Григорьев Андрей, лазаретный служитель Черниговского полка 99.
Григорьев Иван, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Григорьев Иван, унтер-офицер 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91, 152, 154, 200.
Григорьев Иван, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Григорьев Лукьян, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 96, 201.
Григорьев Николай, рядовой 15-го егерского полка (семеновец) 268.
Григорьев Осип, унтер-офицер 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Григорьев Семен, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Григорьев Софрон, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Григорьев Степан, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Григорьев Терентий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Громницкий (Громнитский) Петр Федорович, поручик Пензенского полка 114, 120, 139, 141, 356.
Громыкова Ксения, вдова коллежского регистратора, проживающая в гор. Василькове 310, 311.
Гротенгельм Максим Максимович, подполковник, командир Киевского драгунского полка 17.
Грохольский Дмитрий, разжалованный из штабс-капитанов Полтавского полка рядовой Черниговского полка 21, 95, 98, 146, 147, 149, 151, 162, 163, 182, 193, 201, 202, 303, 311, 313, 314, 322, 332, 334, 364.
Гроцкой Адам, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Гульбин Петр, рядовой Пензенского полка (семеновец) 206, 228, 230, 267.
Гурин Василий, рядовой Саратовского полка (семеновец) 268.
Гурьев, подполковник 3-го карабинерного полка 349.
Гусев Архип, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Гусев Гаврила, барабанщик 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Гусев Самсон, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Гутковский Лаврентий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.

Д.

Давыдов Афанасий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Давыдов Василий Львович, отставной полковник 11.
Давыдов Мартын, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Давыдович Григорий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Далькюк Андре, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Данилов, костоправ гусарского принца Оранского полка 332.
Данилов Григорий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Данилов Егор, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Данилов Тарас, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Данилов Ульян, унтер-офицер 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 200, 240.
Данилов Яков, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Дворской Федор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Девильерс (Дивильер) Иван Иванович, городничий гор. Василькова 27 — 29, 41, 42, 45 — 49, 129, 130, 134, 151, 155, 157, 163, 166, 171, 192, 197, 282 — 284, 291, 295 — 298, 320, 329, 332.
Дедин Василий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Дементьев Андрей Дементьевич, квартирмейстерский писарь 284, 287, 288.
Демидов Николай Иванович, генерал-адъютант 68, 77, 324, 329, 336.
Дехтенко, прапорщик Тамбовского полка 268.
Дибич Иван Иванович, барон, генерал-адъютант, начальник главного штаба е. и. в. 3, 5, 15, 32, 33, 37, 48, 49, 56, 57, 64 — 66, 70, 75, 79, 109, 111, 119, 173, 181, 189, 190, 192, 194, 199, 202,

205, 207, 208, 224, 251, 264 — 266, 269, 270, 273, 274, 292, 295, 300, 317, 318, 323, 329 — 332, 335, 336, 339, 341, 342, 346, 349 — 352, 354, 360, 361.
Димиденко Иов, казенный крестьянин, 328.
Диминич, эконом сел. Гребенки 178 — 180.
Дмитревский Иван, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка 78, 87, 200, 275 — 288, 292 — 294.
Дмитриев Ефим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Дмитриев Максим, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Дмитриев Тимофей, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Дмитриев Филипп, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Добров Дмитрий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Добровольский Леонид Павлович, историк 319, 344.
Довнар-Запольский Митрофан Викторович, историк 345.
Докудовский Василий Абрамович, адъютант ген. Рота, мемуарист 319, 320, 327, 335, 338, 346.
Долганов (Долгаков) Петр, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 96, 201.
Долинин Василий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Долинский Григорий Ильич, чиновник канцелярии киевского гражданского губернатора 30, 31, 41, 46, 47.
Домбровская, хозяйка квартиры Сергея Муравьева-Апостола в Житомире 106.
Доминов Петр, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Домшин Василий рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 96, 200.
Драгоманов Яков Акимович, портупей прапорщик Полтавского полка 120, 141, 307.
Дробович Станислав, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Дубов Архип, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 199.
Дубовик, отставной капитан 144.
Дубровин Николай Федорович, историк 333.
Дубыкин Лукьян, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Дудкин (Дуткин), канонир 8-й артиллер. бригады 214, 246, 265.
Дука Илья Михайлович, генерал-лейтенант, командир 2-го резервного кавалерийского корпуса 34, 49.
Дурнаев Терентий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Дуров Федор Сергеевич, киевский полицеймейстер 148, 291, 292, 294, 361 — 362.
Духалин Дмитрий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Дябин Семен, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.

Е.

Евдокимов Мирон, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Евдокимов Николай, фейерверкер 2-й роты 8-й артиллер. бригады 211 — 214, 244, 252, 254, 256, 262, 264.
Евсеев Евсей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Евстратов Автух, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Евтушенко Григорий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Евтушенко Терентий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Егоренко Иван, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Егоров Василий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Егоров Евсей, горнист 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Егоров Иван, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Егоров Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Егоров Куприян, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Егоров Петр, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Егоров Платон, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Егоров Яков, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Егорьевский Финоген, рядовой Саратовского полка 270.
Екимов Дмитрий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Елисеев Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Елистратов Яков, рядовой 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Емельянов, штабс-капитан, жандармский офицер 38, 45.
Емельянов Герасим, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Емельянов Иван, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Емельянов Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Емельянов Клементий, рядовой Саратовского полка 270, 364.
Емельянов Савелий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Емельянов Тимофей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Емельянов Федор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Епифанов Никифор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 103.
Еремеев Петр, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Еремин Степан Антонович, историк 333.

Ермолин Осип, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Ермолов Алексей Петрович, генерал-адъютант, командир Кавказского корпуса 343.
Ерофеев Макар, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Ефимов Алексей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Ефимов Матвей, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Ефимов Петр, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 201.
Ефимов Семен, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Ефимов Сергей, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Ефимов Федор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Ефимович Иван, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 268.
Ефремов Андрей, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Ефремов Евдоким, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Ефремов Ефим, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Ефремов Никита, барабанщик 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Ефремов Николай, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Ефремов Сергей Александрович, историк 320, 322, 324, 325, 344.
Ефремов Тихон, музыкант 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Ефремов Федор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Ефремка (Ефрем Игнатов?), готлангер 8-й артиллер. бригады 251, 255, 256, 263.

Ж.

Жадкевич Родион Федорович, поручик Черниговского полка 81, 84.
Жандр Павел Андреевич, секретарь канцелярии киевского губернатора 43 — 48.
Жегалов, капитан 17-го егерского полка 307.
Железняк Иван, горнист Саратовского полка (семеновец) 268.
Жилинский, подполковник Троицкого полка 113.
Жилкин Исай, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 96, 201.
Жилкин Савелий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Жуков Иван Петрович, штабс-ротмистр гусарского принца Оранского полка 141, 307, 321, 363, 364.
Журавлев Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.

З.

Зантов Фектул, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Зайц Титгуш, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Зайцев Яков, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 201, 309.
Зайцов (Цайцов) Данила, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 201.
Заичневский, жандармский поручик 327.
Занин Иван, фейерверкер 2-й легкой роты 8-й артиллер. бригады 244, 246, 252, 262, 265, 360.
Засс 2-й Александр Павлович, генерал-майор, командир 8-й пехотной дивизии 119, 121, 353.
Засыпкин Василий, музыкант 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Заталокин Аким, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Захаров Игнатий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Захаров Семен, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Захаров Силантий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Захаров Федор, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Зинзиров Андрей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Зиновьев Никифор, бомбардир 1-й батарейной роты 8-й артиллер. бригады 247, 248, 265.
Зиновьев Спиридон, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Зенин Иван (ошибочно именуется иногда **Зюнин**), фейерверкер 1-й батарейной роты 8-й артиллер. бригады 209 — 212, 214, 216, 217, 247, 254, 262, 360.

И.

Иванов Алфим, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Иванов Андрей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Иванов Андрей, музыкант Черниговского полка 289, 290.
Иванов Анисим, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Иванов Василий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Иванов Василий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Иванов Василий, рядовой Саратовского полка 267.
Иванов Данила, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Иванов Евстигней, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Иванов Егор, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Иванов Елисей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Иванов Емельян, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 100.
Иванов Ефим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.

Иванов Ефрем, музыкант Черниговского полка 284, 286 — 290.
Иванов Иван, музыкант 1-й гренад. роты Черниговского полка 86, 288.
Иванов Иван, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Иванов Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Иванов Игнат, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Иванов Игнатий, унтер-офицер Тамбовского полка (семеновец) 267, 268, 355.
Иванов Илья, рабочий суконной фабрики в гор. Киеве 361.
Иванов Капитон, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Иванов Кирилл, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Иванов Лукьян, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Иванов Максим, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 5, 50, 61, 96, 108, 126, 132, 143, 183, 341.
Иванов Максим, музыкант 1-й гренад. роты Черниговского полка 98.
Иванов Марк, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 154.
Иванов Матвей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Иванов Матвей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Иванов Матвей, унтер-офицер Саратовского полка 225, 270.
Иванов Митрофан, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Иванов Михаил, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 29, 42.
Иванов Михаил, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Иванов Михаил, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Иванов Михаил, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Иванов Николай, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 200.
Иванов Осип, фурлейт 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Иванов Павел, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Иванов Парфен, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Иванов Петр, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Иванов 1-й Петр, горнист 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Иванов 2-й Петр, горнист 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Иванов Петр, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Иванов Петр, рядовой Саратовского полка 270.
Иванов Поликарп, рядовой 15-го егерского полка (семеновец) 268.
Иванов Прокофий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 154.
Иванов Родион, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Иванов Созон, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Иванов 1-й Семен, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Иванов 2-й Семен, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Иванов Сергей, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Иванов Спиридон, унтер-офицер 3 мушкет. роты Черниговского полка 88, 200,
Иванов Спиридон, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 100.
Иванов Степан, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Иванов Степан, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Иванов Степан, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Иванов Степан, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 103.
Иванов Трофим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Иванов Федор, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 201.
Иванов Федор, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Иванов Федор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Иванов 2-й Федор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Иванов Харлампий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Иванов Яков, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Иванов Яков, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Иванов Илья Иванович, провиантский чиновник 10-го класса 120, 141, 359.
Иванов, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 207.
Иванцов Аким, барабанщик 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Игнатов Ефим, казенный денщик 265.
Игнатьев Иван, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Игнатьев Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Игнатьев Карп, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Игнатьев Кузьма, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Игнатьев Семен, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Изотов Андрей, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Изотов Василий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Изотов Гаврила, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Изотов Яков, барабанщик 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Иисус Христос 128, 129, 295 — 297.
Иконников Алексей, старший горнист 1-й гренад. роты Черниговского полка 98.

Иконников Василий Степанович, историк 320.
Ильин Абрам, музыкант 1-й гренад. роты Черниговского полка 30, 86.
Ильин Абрам, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Ильин Аким, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Ильин Василий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Ильин Марк, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Ильин Никита, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Ильин Никита, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Ильин Сидор, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Ильинич Павел, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Индрик Гауберт, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Индрик Фриц, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Индрик Ян, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Ипатов, денщик подпоручика Горбачевского 257.
Исаев Антон, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Исаев Савелий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Истаев Абрахим, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.

К.

Каблуков 1-й Платон Иванович, генерал-майор, командир 3-й кирасир. дивизии 34, 49.
Каблуков, разжалованный из аудиторов — см. **Клабуков.**
Какауров, каптенармус Черниговского полка 78, 322.
Калюжный Роман, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка 99, 200.
Камаев Михаил, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Каменский Василий Афанасьевич, киевский губернский прокурор 9, 10, 27, 28, 30, 31, 322, 328, 329.
Кандратьев Никон, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Каньков Семен, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Капнист Алексей Васильевич, подполковник Воронежского полка 307.
Карево, маиор Киевского драгунского полка 349.
Карлов Давид, унтер-офицер Черниговского полка 283, 284, 286, 290, 291.
Кармазинов Дмитрий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Карнеев Степан, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Карпов Емельян, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Карпов Кузьма, рядовой Курского полка 23.
Каспрович Э. Л., издатель 320.
Качеринской, унтер-офицер 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91, 200.
Квашнин Михаил, старший горнист 2-й гренад. роты Черниговского полка 100.
Кейзер Даниил Федорович, священник Черниговского полка 21 — 24, 29, 32, 43, 45, 46, 61, 83, 110, 127, 144, 147, 150, 163, 181, 183, 195, 202, 295 — 298, 300, 309, 328, 349, 363.
Кильхен, поручик Черниговского полка 307, 308.
Киреев Иван Васильевич, прапорщик 4-й парочной батарейной роты 8-й артилл. бригады 117, 120, 358 — 360.
Киреев Антон, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Киреев Андрей, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 283.
Киреев Иван, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Кириенко Иван Ильич, секретарь Васильковского нижнего суда, правящий должность васильковского поветового стряпчего 10, 160.
Кирилов Василий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Кирилов Максим, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Кирманов Михаил, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Кирпиченко (Карпаченко) Демид, рядовой Саратовского полка 225, 270.
Кирсанов Федор, горнист 5-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Кирьяков Василий, рядовой Троицкого полка (семеновец) 267.
Киселев Павел Дмитриевич, генерал-адъютант, начальник штаба 2-й армии 141.
Кистерин Николай, денщик поручика Сизиневского 24, 48.
Клабуков (неправильно именуется иногда **Каблуков**), разжалованный из аудиторов унтер-офицер Полтавского полка 24, 78, 85, 161, 162, 165, 166, 192, 194, 277, 279, 281, 283, 286.
Клейменов, подпоручик, командовавший Васильковской инвалидной командой 31, 32, 299.
Клементьев, штабс-капитан Саратовского полка 115, 353.
Клименко Григорий, казенный денщик поручика Щипиллы 90.
Климов Василий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Кляпов Кузьма, рядовой 15-го егерского полка (семеновец) 206, 268.
Князьков Иван, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Кобец Григорий, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.

Ковалев Иван Гаврилович, киевский гражданский губернатор 6, 7, 9, 11, 28, 33, 34, 37, 38, 40, 42 — 49, 54, 56 57, 128, 129, 273 — 275, 291 — 294, 320, 323, 328, 329, 331.
Ковалев Иван, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Ковалев Степан, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 100.
Ковалев Степан, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Коврегин Михаил Абрамович, генерал-маиор, окружной генерал 3-го округа внутренней стражи 31, 32.
Когановский Ушер, работник купца Пекерского, радомысльский мещанин 192, 193.
Кожевников Степан, рядовой Саратовского полка 225, 270.
Козаков Гаврила, рядовой Саратовского полка 270.
Козаков Иван, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Козаков Михаил, денщик подпоручика Войниловича 288.
Козейчук Федор, рядовой Саратовского полка (семеновец) 268.
Козлов Гаврила, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Козлов Петр Федорович, капитан, командир 1-й гренад. роты Черниговского полка 5, 20, 24 — 26, 29, 40, 42, 45, 46, 50, 61, 64, 81, 84, 85, 108, 109, 126, 127, 132, 134, 144, 149, 157, 159 — 161, 169, 175, 196, 295 — 298, 331, 350.
Кузьмин Федор, рядовой 15-го егерского полка (семеновец) 268.
Кокелов Михаил, горнист Саратовского полка (семеновец) 267.
Колесников Василий Павлович, портупей-прапорщик Оренбургского гарнизонного полка 348.
Колисниченко Артемий, рядовой Саратовского полка (семеновец) 268.
Колков Потап, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Колодченко Ефим, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 267.
Колокольников Андрей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Колокольников Никита, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Коломейцев, губернский секретарь 37, 38, 330.
Комаров Алексей, денщик штабс-капитана Маевского 151, 154.
Комаров Гаврила, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Комбалюк Семен, рядовой Саратовского полка 225, 270.
Комлев Архип, рядовой 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Конаров, унтер-офицер 1-й гренад. роты Черниговского полка 169.
Конде Людовик-Жозеф-Бурбон, вождь роялистов 319.
Кондраков Андрей, унтер-офицер 5-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 200.
Кондратьев Денис, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 102.
Кондратьев Иван, фурлейт 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Кондратьев Максим, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Кондратьев Федор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88
Кондратьев Яков, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Кондырев Василий Яковлевич, подпоручик Черниговского полка 63, 75, 82, 84, 97, 124, 130, 132, 134, 144, 146, 147, 152, 165 — 168, 171, 176, 177, 182, 186, 188, 196 — 198, 348.
Кононов, подполковник, член Могилевской военно-судной комиссии 340.
Конопенко Касьян, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Коноплев Трофим, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Конышенко Самойло, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Константин Павлович, великий князь 7, 9 — 11, 14, 26, 27, 30, 33, 36, 37, 59, 62, 64 — 68, 112, 118, 120 — 123, 130, 137, 138, 146, 158 — 160, 167 — 169, 171, 185, 257, 309, 320, 321, 323, 325, 328 — 330, 334 — 336, 345, 346, 356.
Константинов Антон, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Константинов Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 103, 201.
Копачевский Михаил Федорович, казначейский писарь 277, 279, 281, 283 — 291.
Копейка, поручик Фастовского гарнизона 324.
Кордюков Иван, горнист 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Коребут-Воронецкий, князь, поручик гусарского, принца Оранского полка 178 — 180, 186 — 188, 198.
Коржевский, чиновник 179.
Корняев Осип, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Коробов Андрей, горнист 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Коробов Петр, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Коровицкий, отставной капитан 364.
Королев Савелий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Корольков Иван, дворовый человек 202.
Корчагин Иван, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 199.
Корф, барон, подполковник, командир 2-й легкой роты 8-й артиллер. бригады 117, 254, 258, 259.
Костенко Иван, рядовой Саратовского полка (семеновец) 269.
Костров Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.

Костюков Леонтий, унтер-офицер 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91, 154, 200.
Котенко Кирилл, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Котломин, каптенармус Кременчугского полка 153.
Котов Федор, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Кочетов Григорий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Кочетов Ефрем, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Кошелев Степан Павлович, рядовой Курского полка 23, 24.
Крайников Григорий Филиппович, канонир 8-й артиллер. бригады 209, 211 — 214, 217, 242, 251 — 265, 354, 355.
Краковецкий, секретарь Васильковского поветового суда 285, 286.
Крамаренко Григорий, барабанщик 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91. 154.
Красиков Антип, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Красков Дмитрий Аверьянович, церковник Черниговского полка 296 — 298, 363.
Красницкий Николай, отставной подпоручик 358 — 360.
Красноперов Кузьма, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Красовский, подполковник Таврического гренадерского полка 349.
Красовский Афанасий Иванович, генерал-майор, начальник штаба 4-го пехотного корпуса 11 — 13, 17, 27, 32, 46, 55, 56, 78, 109, 133, 159, 162, 163, 292, 294, 322, 333.
Кратц Федор Иванович, генерал-майор, член Могилевской военно-судной комиссии 340, 357.
Крахин Андрей, музыкант 1-й гренад. роты Черниговского полка 98.
Кретов Николай, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Кривандасов Ермил, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Криницын Александр Николаевич, прапорщик 18 егерского полка 308.
Кристун Отто, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Критские, братья Василий, Михаил, Петр, участники тайного общества 1827 г. 348.
Крупеников (Крупников), несуществовавший майор Курского полка 18, 20 — 23, 127, 148, 149, 308, 328.
Крупенников, поручик Курского полка 18, 21, 23, 127.
Крупенников, маиор Тарутинского полка (брат предыдущего) 12.
Круповицкий Фома, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Крушевиль Степан, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Крылов Егор, канонир 8-й артиллер. бригады 214, 246, 265.
Крылов Федор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Крыстов Крым, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Крыш Петер, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Крышпун Ян, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Крюков Николай Александрович, поручик свиты е. и. в. по квартирмейстерской части 61.
Кубенко Анофрий, крепостной граф. Браницкой 173.
Кублицкий Федор, рабочий суконной фабрики в гор. Киеве 361.
Кудисов Николай, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Кузионов Спиридон, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86, 95, 201.
Кузнецов Никита, фейерверкер 1-й батар. роты 8-й артиллер. бригады 210, 211, 247, 264, 265.
Кузнецов Осип, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Кузнецов Павел, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Кузьменко Гаврила, рядовой Саратовского полка 270.
Кузьмин (Козьмин) Василий Васильевич, земский исправник гор. Василькова 5, 30.
Кузьмин Афанасий Дмитриевич, поручик, командир 5-й мушкет. роты Черниговского полка 5, 6, 14, 16, 19 — 23, 28, 29, 32, 39, 42 — 44, 50, 63, 70, 81, 84, 102, 103, 107 — 109, 125, 126, 131 — 138, 140 — 145, 147 — 149, 151, 152, 154 — 157, 164 — 166, 168 — 170, 174 — 177, 183, 184, 187, 195, 197, 198, 224, 238, 239, 241, 278, 288, 304, 308, 311, 312, 327, 332, 338, 342, 348 — 350, 357.
Кузьмин Алексей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Кузьмин Иван, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Кузьмин Игнат, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Кузьмин Лаврентий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 201.
Кузьмин Максим, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Кузьмин Никифор, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Кузьмин Осип, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Кузьмин Прокофий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Кузьмин Сидор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Кузьмин Спиридон, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Кузьмин Степан, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.

Кульчицкий, земский заседатель мест. Лабунь 113.
Куприенко, унтер-офицер 340, 341.
Куприянов Иван, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Куренный, фурман 2-й легкой роты 8-й артиллер. бригады 245, 252, 258, 262.
Курносов Николай Андреевич, генерал-майор, командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии 5, 76, 174, 179, 180, 293, 300, 319, 342, 350.
Курута Дмитрий Дмитриевич, граф, генерал-лейтенант 5.
Кучерявый Федор, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Кушков Василий, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 200.

Л.

Лавреньев Михаил, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Лаврентьев Герасим, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Лаврентьев Петр, барабанщик 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Лаврентьев Петр, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 200.
Лаврентьев Федот, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Лавров Николай Федорович, историк 361.
Лазинский, чиновник 178 — 180.
Лазыкин Иван, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 156, 157, 199, 288, 289.
Лактионов Михаил, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Ланг, жандармский поручик 16, 125, 126, 140, 142, 143, 189, 336.
Ланской Василий Сергеевич, управляющий министерством внутренних дел 6, 38, 40, 41, 111, 275, 292, 294, 320, 331.
Ланызин Мирон, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Ланчук Павел, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 321.
Лапин Фома, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89, 96, 201.
Ларионов Василий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Ларионов Иван, рядовой Саратовского полка (семеновец) 268.
Ларионов Никита, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 201.
Ларионов Федор, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Латышев Константин, рядовой 5-й мушкетерск. роты Черниговского полка 93.
Латышев Федул, рядовой Саратовского полка (семеновец) 267.
Лахтин Степан, унтер-офицер 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 200.
Лахтюшин Яков, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Лебедев Александр Алексеевич, майор, младший штаб-офицер 2-го баталиона Черниговского полка 75, 80, 84, 181, 312, 347.
Лебедев Василий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Лебедев Панкратий, унтер-офицер 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91, 200.
Лебедев Прохор, ложник 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Левенштерн Иван Иванович, подполковник гусарского принца Оранского полка 69, 70, 74, 141, 335, 337 — 339.
Левицкий, комиссионер 10-го класса 193.
Левицкий, чиновник 12-го класса, сын священника селения Пологи 292, 294.
Левков Тимофей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Левченков Карп, писарь армейской подвижной 36 роты 229.
Лединков Илья, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Лезин Федор, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Лейченко, штаб-лекарь Полтавского полка 307.
Лекень, юнкер 17-го егерского полка 308.
Леонов Аверьян, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Леонов Егор, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Леонов (Леонтьев) Фома, денщик поручика Петина 98, 157.
Леонтьев Анисим, барабанщик 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Леонтьев Самойло, унтер-офицер 1-й гренад. роты Черниговского полка 86, 200.
Лестратенко Григорий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Липатов, готлангер 8-й артиллер. бригады 244, 252.
Липка Алексей, цырульник 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Лисицын Андрей, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Лисовский Николай Федорович, поручик Пензенского полка 139, 141.
Литвиненко Григорий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 103, 201.
Литвинов, уездный казначей гор. Василькова 134.
Литвинович Яков, цырульник 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Литиновский Лукьян, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.

Лобанов Василий, дворовый человек 202.
Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович, князь, генерал-от-инфантерии, министр юстиции 9, 27, 58, 322, 328, 329, 334, 348.
Лорер Николай Иванович, майор Вятского полка 61.
Лосев Никита, рядовой 15-го егерского полка (семеновец) 269.
Лукашев Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Лукашевич Матвей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Лукша Михаил, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Лукьяненко Харитон, крепостной граф. Браницкой 173.
Лукьянов Емельян, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 268.
Лукьянов Корней, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Лукьянов Кузьма, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Лямин Михаил, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Ляшко Федор, унтер-офицер Саратовского полка 225, 270.
Ляшковский Григорий, унтер-офицер 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 200.

М.

Магдигеев Бакселей, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Маевский Карл Клементьевич, штабс-капитан, командир 4-й мушкет. роты Черниговского полка 63, 75, 81, 84, 97, 124, 130, 135, 145, 147, 149 — 155, 165, 166, 176, 177, 181, 184, 185, 188, 196, 198, 311, 341.
Мазолевский — см. **Мозалевский.**
Майборода Аркадий Иванович, капитан Вятского полка 61, 73, 120, 318.
Макаров Абрам, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Макаров Алексей, унтер-офицер 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 200.
Макаров Василий, канонир 8-й артиллер. бригады 214, 246, 265.
Макаров Корней, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Макаров Савелий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Макеев Семен, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Маклюков Аким, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Маковой Григорий, рядовой Саратовского полка (семеновец) 268.
Максимов Григорий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Максимов Егор, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Максимов Игнатий, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 267.
Максимов Карп, фельдфебель 4-й мушкет. роты Черниговского полка 30.
Максимов Матвей, рядовой Саратовского полка 225, 270.
Максимов Роман, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Максимов Фрол, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Макухин, фельдшер Черниговского полка 25, 329.
Малафеев Никифор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Малафеев Петр, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 207, 225, 231, 266, 267, 354, 355.
Малерчук Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Малецкий, подполковник, старший адъютант 4-го корпуса 25.
Малинин Осип, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Малышов, писарь 2-й легкой роты 8-й артиллер. бригады 244.
Мальцов Илья, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Мальчин (Молчан) Михаил, фурлейт 1-й гренад. роты Черниговского полка 98, 201.
Мамонтов, рядовой 1-й гренад. роты Черниговского полка 112.
Марков Андрей, горнист 16-го егерского полка 268.
Марков Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Март Томаш, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Мартинов Евдоким, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Мартынов Василий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Мартынов Денис, унтер-офицер Саратовского полка 249, 270.
Мартынов Павел, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 267.
Марченко, военный советник Аудиториатского департамента 198.
Марчук Юзеф, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Масалов Василий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Масленников Никита Степанович, крепостной слуга Сергея Муравьева-Апостола 202, 292, 294, 308, 311, 362.
Маслов, поручик 17-го егерского полка 179.
Мастеров Ефим, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Матвеев Андрей, рядовой Саратовского полка 225, 353.
Матвеев Василий, готлангер 1-й батарейной роты 8-й артиллер. бригады 247, 265, 355.
Матвеев Ермил, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Матвеев Ефим, унтер-офицер Черниговского полка 200.

Матвеев Игнат, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Матвеев Логин, рядовой Саратовского полка 270.
Матвеев Максим, горнист 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Матвеев Петр, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Матвеев Савелий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Матвеев Ян, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89, 96, 201.
Матвеенко, штабс-капитан 325.
Матис Ян, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Матеуш Матвей, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Матюшка Матвей, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 268.
Маценко Никифор, унтер-офицер 5-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 200, 303, 310.
Медведев Антон, горнист 5-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Медведев Петр, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Медведев Прокофий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Мешалкин Никифор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Мещерский Александр Петрович, князь, прапорщик 2-й гренад. роты Черниговского полка 5, 6, 63, 75, 83, 84, 97, 124, 130, 144, 146, 147, 165 — 168, 171, 174, 175, 177, 182, 186, 188, 196 — 198.
Мик Ян, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Микиль Юрий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Миклашевский, капитан гвардии, адъютант главнокомандующего 1-й армией 37, 65, 66.
Микоц Аким, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Микулин, фельдшер Черниговского полка 162.
Милевич, дворянин Киевской губернии 199.
Милованов Иван Максимович, генерал-аудитор Аудиториатского департамента 198.
Милонин, ротмистр гусарского принца Оранского полка 180.
Милорадович Михаил Андреевич, граф, генерал-от-инфантерии, с.-петербургский военный генерал-губернатор 311.
Мильгунов Николай Сергеевич, прапорщик Черниговского полка 83, 84.
Мин Юрий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 103.
Минаев Сидор, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Минаков Ефим, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Минсарский Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Минцов Андрей, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Миронов Акула, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Миронов Григорий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Миронов Иван, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Мирошин Ефим, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Мисюров (Мисюрин), поручик Пензенского полка 123, 346.
Митрофанов, готлангер 8-й артиллер. бригады 214, 246.
Митрофанов Сергей, канонир 8-й артиллер. бригады 265.
Митрофанов Федор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Митяев Ермолай, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Михаил Павлович, великий князь 241.
Михайлов, подпоручик 17-го егерского полка 179.
Михайлов Андрей, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Михайлов Евдоким, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Михайлов Ефим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 103.
Михайлов Захар, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Михайлов Кондрат, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Михайлов Корней, писарь 2-й легкой роты 8-й артиллер. бригады 245.
Михайлов Кузьма, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Михайлов Максим, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Михайлов Нефед, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Михайлов Никифор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Михайлов Николай, рядовой 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Михайлов Николай, флейщик 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Михайлов Парфен, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Михайлов Петр, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Михайлов Потап, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Михайлов Тимофей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Михайлов Федор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Михайлов Федор, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 267, 268.
Михайлов Яков, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 103, 201.
Михайловский - Данилевский Александр Иванович, мемуарист 320, 334, 335, 344.
Михель Анц, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.

Михель Ян, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Михель Ян, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Михель Юрий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Мияковский Владимир Варламович, историк 320, 322, 324, 325, 344.
Модзалевский Борис Львович, историк 319, 334, 341, 342, 354, 361.
Мозалевский (Мазолевский) Александр Евтихиевич, прапорщик 6-й мушкет. роты Черниговского полка 12, 17 — 23, 41, 46, 75, 83, 84, 97, 120, 124, 127, 133 — 135, 137, 144, 146 — 149, 151, 152, 162, 168, 172, 177, 178, 182 — 184, 187, 195, 197, 198, 239 — 241, 275, 276, 291 — 293, 308, 319, 327, 328, 334, 348, 349, 362.
Мозгалевский Николай Осипович, подпоручик Саратовского полка 115, 141, 224, 248, 356, 357.
Мозган Павел Дмитриевич, подпоручик Пензенского полка 268.
Моисеев Василий, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Молодцов Андрей, рядовой 1-й мушкет роты Черниговского полка 86, 351.
Молчан — см. **Мальчин.**
Молчанов Александр, отец подпоручика 190.
Молчанов Дмитрий Александрович, подпоручик 17 егерского полка 62, 78, 124, 148, 172 — 174, 182, 186, 188 — 191, 197, 198, 307, 308, 321.
Молчанов Михаил, фурлейт 1-й гренад. роты Черниговского полка 103.
Молявин Петр, барабанщик 15-го егерского полка (семеновец) 268.
Морев Петр, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Моржелин Иван, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Морозов Андрей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Московкин Иван, рядовой Саратовского полка (семеновец) 269.
Мохонин Григорий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Мошинский Петр Игнатьевич, граф, маршал дворянства Волынской губ. 143, 319.
Мочульский, эконом сел. Трилессы 43.
Муравьев 2-й Александр Захарович, полковник, командир Александрийского гусарского полка 12, 51 — 53, 60, 106, 139, 178.
Муравьев 3-й Артамон Захарович, полковник, командир Ахтырского гусарского полка 12, 35, 36, 48, 49, 51 — 54, 60, 62, 65, 106, 139, 141, 178, 237, 245, 246, 254, 258, 262, 307, 311 — 314, 332, 364.
Муравьев-Апостол Ипполит Иванович, прапорщик квартирмейстерской части 19, 20, 25, 26, 39, 41, 58, 63, 68, 70, 78, 102, 103, 127, 131, 134, 159, 170, 184, 187, 197, 198, 318, 329, 331, 334, 335, 338, 349.
Муравьев-Апостол Матвей Иванович, отставной подполковник 3, 4, 6, 13, 14, 16, 19, 20, 25, 28, 29, 33, 39, 42, 43, 50 — 54, 58, 60, 62, 63, 68, 76, 102, 105 — 109, 124 — 127, 131, 132, 134 — 137, 140, 143, 156, 158, 170, 174, 175, 183, 184, 189, 195, 197, 258, 278, 302, 307, 310, 317, 318, 319, 322, 326, 327, 332, 335, 336, 343, 345, 348, 364.
Муравьев-Апостол Сергей Иванович, подполковник, командир 2-го баталиона Черниговского полка 3, 5 — 22, 24 — 33, 35 — 55, 58, 60 — 63, 65, 68 — 78, 80 — 82, 84 — 86, 90, 95, 97, 98, 102 — 109, 111 — 113, 115, 119 — 122, 124 — 127, 129 — 152, 154 — 182, 184 — 200, 202, 205, 206, 215, 216, 218 — 222, 224 — 231, 234 — 242, 249, 251, 258, 262, 266 — 269, 274 — 314, 317 — 322, 324 — 340, 342, 345, 347, 348, 350 — 355, 358, 362 — 364.
Муратов Василий, унтер-офицер 5-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 200.
Муркин Андрей, рядовой Пензенского полка (семеновец) 267.
Муханов Александр Алексеевич, поручик 17-го егерского полка 173.
Мухин Конон, казенный денщик прапорщика Апостола-Кегича 91.
Муштраган, фельдфебель Кременчугского полка 153.
Мызников Петр, унтер-офицер Саратовского полка 225, 270.
Мышнин Андрей, денщик подпоручика Рыбаковского 100.
Мякушка Иван, рядовой Саратовского полка 225, 270.

Н.

Набоков Иван Александрович, генерал-майор, начальник 3-й пехотной дивизии 64, 75, 80, 187, 340.
Набоков 2-й Петр Александрович, полковник, командир Кременчугского полка 105, 123, 153, 335, 337.
Набоков 3-й, майор 24-го егерского полка 349.
Наволокин Михаил, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Назаров Петр, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Найденко Яков, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Наполеон I, император 240.
Натучи, юнкер Черниговского полка 241.
Немузин Аким, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Неповитой Игнатий, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Несмеянов, жандармский поручик 12, 20, 28, 29, 42, 43, 48 — 54, 124, 125, 127, 130 — 132, 135, 136, 146, 147, 150 — 152, 154, 168, 183, 184, 196, 318, 322, 323, 333.

Нестеров Никифор, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89, 96, 169, 201.
Нечкина Милица Васильевна, историк 360.
Низин Изот, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Никитин Алексей, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 201.
Никитин Анкудин, горнист 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Никитин Ананий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Никитин Андрей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Никитин Андрей, рядовой Саратовского полка (семеновец) 267.
Никитин Герасим, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Никитин Григорий, рядовой Саратовского полка (семеновец) 267.
Никитин Дмитрий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Никитин Ефрем, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Никитин Иван, казенный денщик подпоручика Быстрицкого 88.
Никитин Иван, рядовой 15-го егерского полка (семеновец) 268.
Никитин Карп, фельдфебель 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91, 200.
Никитин Прокофий, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 160, 199, 309, 324, 325.
Никитин Савелий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Никитин Степан, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 267.
Никитин Тарас, барабанщик 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Никифоров Алексей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 201.
Никифоров Дмитрий, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Никифоров Ефан, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Никифоров Макар, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Никифоров Федор, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Никифоров Федор, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Николай Павлович, император 3 — 6, 8 — 11, 13, 14, 16 — 19, 27, 28, 30 — 32, 35 — 37, 39, 40, 42, 49 — 51, 54, 56, 57, 59, 62 — 71, 76, 77, 105, 107, 109 — 111, 117 — 119, 124, 130, 131, 133, 135 — 138, 153, 159, 163, 169, 172, 174, 181 — 184, 187 — 189, 195, 198, 199, 202, 205, 208, 213, 219, 224, 225, 227, 228, 230, 232 — 235, 237, 238, 240— 242, 247, 249 — 251, 259, 264 — 270, 273, 277, 279, 280, 285, 292, 295, 314, 317 — 319, 321, 323, 325, 326, 329, 330, 333, 334, 336, 341, 342, 346, 350 351, 357, 362.
Николаев Алексей, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 100.
Николаев Андрей, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 98.
Николаев Василий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Николаев Василий, бомбардир 8-й артиллер. бригады 214, 246, 265.
Николаев Захар, унтер-офицер 17-го егерского полка 173.
Николаев Матвей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Николаев Михаил, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 201.
Николаев Степан, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Николаев Степан, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Николаев Тарас, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 201.
Николаев Тимофей, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 156, 157, 160, 199, 324, 325.
Николаев Федор, рядовой Саратовского полка 207, 223, 225, 228 — 231, 236, 266 — 269, 354, 355.
Никольский Иосиф Иванович, штаб-лекарь Черниговского полка 24, 25, 29, 43, 83, 109, 132, 150, 151, 154, 157, 161, 162, 175, 364.
Никулин Ананий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Новакович Иван Данилович, частный пристав гор. Киева 291, 361.
Новгородцев, майор Васильковской инвалидной команды 310.
Новиков, фельдъегерь 5.
Новиков Дементий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Новиков Илья, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Новиков Минай, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Новиковский Тимофей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Новицкой Петр, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Новосельский, управляющий имением Фастово 324, 325.
Норов Дмитрий Сергеевич, поручик гвардии 17.
Носов Иван Васильевич, подполковник, старший адъютант при главной квартире 1-й армии 80, 84.
Ностиц Григорий Иванович, граф, генерал-майор 33, 70, 75, 339, 340.

О.

Одинцов 2-й Григорий, подпоручик 2-й легкой роты 8-й артиллер. бригады 244, 251, 252, 254, 255, 257, 259, 261, 263, 264.
Одинцов Харлампий, подпоручик 8-й артиллер. бригады 261.

Ожаровский Адам Петрович, граф, генерал-адъютант 17.
Озерин Василий, фейерверкер 8-й артиллер. бригады 245, 265.
Оксман Юлиан Григорьевич, историк 319, 334, 335, 342, 348, 354, 361.
Олизар Густав Филиппович, граф, бывший киевский губернский маршал 11, 33, 65, 320, 323, 324.
Ольдекоп Карл Федорович, генерал-лейтенант, дежурный генерал 1-й армии 51 — 54, 111, 178, 181, 249, 326, 344.
Ольшевский, поссесор мест. Фастово 324.
Орлов Михаил Федорович, генерал-майор 141, 318.
Осипов Андрей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Осипов Василий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Осипов Степан, цирульник Саратовского полка 270.
Осипов Терентий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Осипов Федор, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка (денщик) 101.
Осипов Харитон, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Осмолов Алексей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 201, 324.
Осмолов Николай, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 96, 101.
Остен Карл Федорович, барон, полковник, командир 18-го егерского полка 307.
Остен-Сакен — см. **Сакен.**
Остерман-Толстой Александр Иванович, граф, командир гренадерского корпуса 319,
Отарвенко Никита, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Ошлендер, васильковский купец 349.

П.

Павел, апостол 128.
Павел I Петрович, император 362.
Павлов Ермолай, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Павлов Ефим, рядовой Полтавского полка 353.
Павлов Иван, унтер-офицер 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 200.
Павлов Иван, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Павлов Иван, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Павлов Мартин, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Павлов 1-й Евграф Федорович, поручик, полковой адъютант Черниговского полка 29, 38, 41, 43, 46, 49, 50, 82, 84, 130, 132 — 135, 158, 167, 170, 171, 197, 201, 277 — 279, 281 — 283, 286, 291, 293, 298, 328, 331, 332, 347, 350.
Павлов 2-й Михаил Федорович, поручик 1-й мушкет. роты Черниговского полка 79, 82, 84, 132, 133, 181, 347, 348.
Павлов Михаил, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Павлов Семен, горнист 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Павлов Сергей, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 96, 201.
Павловский Антоний, священник в мест. Белая Церковь 300.
Павловский Иван Францевич, историк 344.
Панов Гаврила, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Пантонов Григорий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96.
Пантюхин Тихон, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Панченко, майор 17-го егерского полка 307, 308.
Панчоха Данила, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Парамонов, ефрейтор 17-го егерского полка 173.
Парфенов Степан, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Паскевич Иван Федорович, генерал-адъютант, командир 1-го пехотного корпуса 64, 319, 323.
Паскевич Михаил, штабс-ротмистр гусарского принца Оранского полка 141, 363.
Патутов, писарь Черниговского полка — см. **Потутов.**
Паулин, полковник, дежурный штаб-офицер 3-го пехотного корпуса 321, 322.
Пахомет Антип, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Пахомов Филипп, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Пашин Матвей, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Пашутин Матвей, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Пащенко, чиновник 5-го класса Аудиториатского департамента 198.
Пекерский Сруль, васильковский купец 192, 193.
Перемытьев Капитон, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 342.
Перепельчук Иван, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 231.
Пересеткин Макар, рядовой Саратовского полка (семеновец) 206, 227, 267, 355.
Пермин Василий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Пермяков Ефрем, барабанщик 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Перфилов Андрей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Першин-Караксарский Петр Иванович, мемуарист 352.
Пестель Павел Иванович, полковник, командир Вятского полка 4, 11, 13, 61, 77, 237, 307.
Пестерев Анисим, рядовой Троицкого полка (семеновец) 267.

Пестов Александр Семенович, подпоручик, адъютант генерал-майора Богуславского 120, 138, 139, 258, 259.
Пестряков Иван, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Петин Василий Николаевич, поручик, командир 2-й гренад. роты Черниговского полка 20, 29, 42, 63, 75, 82, 84, 97, 98, 124, 130, 132, 140, 143 — 145, 147, 155 — 157, 164, 165, 171, 176, 177, 182, 184, 185, 188, 196, 198, 304, 307, 311, 341, 349.
Петр I Алексеевич, император 350.
Петренко Осип, крепостной граф. Браницкой 172.
Петров Абрам, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Петров Андрей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Петров Антон, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Петров Владимир, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Петров Дмитрий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Петров Исай, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Петров Козьма, рядовой 3-й мушкет. рот Черниговского полка 89.
Петров Козьма, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Петров Максим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Петров Мартин, рядовой Троицкого полка 268.
Петров Михаил, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Петров Осип, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Петров Петр, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Петров Петр, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Петров Петр, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Петров Прохор, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Петров Семен, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Петров Семен, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Петров Семен, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Петров Тимофей, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Петров Федор, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Петров Федор, бомбардир 8-й артиллер. бригады 214, 246, 265.
Петров Юрий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Петровский, управляющий селением Ковалевкой 334.
Пеутлинг, подполковник, старший адъютант штаба 1-й армии 192.
Пехотинский, штабс-ротмистр Мариупольского полка 245, 251, 252, 254, 258 — 260, 262 — 264.
Пивинский Андрей Ефимович, поветовой стряпчий гор. Василькова 28, 30, 34, 128, 129, 320, 328, 329.
Пимонов Севастьян, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Пирамонов Николай, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Письменный Афанасий, хозяин квартиры капитана Фурмана в селении Гребенки 178.
Платонов Михаил, рядовой Саратовского полка 270.
Плеханов, фельдфебель Черниговского полка 236.
Плеханов Максим, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Плотников Федор, фельдшер 2-й гренад. роты Черниговского полка 100.
Повало-Швейковский Иван Семенович, полковник, командир Алексопольского полка 4, 15, 17, 35, 36, 61, 65, 77, 130, 131, 138, 141, 237, 239, 241, 307, 308, 355, 337.
Погодаев Николай, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 228, 230, 268.
Подлиннева Мария, жена капитана гвардии 190, 191.
Пожидаев Григорий, цирульник 5-й мушкет. роты Черниговского полка 102,
Поздеев, поручик гусарского принца Оранского полка 363, 364.
Полетаев Емельян, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 167.
Полетучий Моисей, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Полин Никита, баталионный барабанщик 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 200.
Полисанов Павел Алексеевич, подпоручик 358, 359, 360.
Полубояров Михаил, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Поляков Иван, фельдфебель 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 351.
Помянкашинский, васильковский поветовой протоиерей 296, 298, 299.
Пономарев Андрей, рядовой Саратовского полка 225, 270.
Попелкин Кондратий, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Попов Андрей, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Попов Григорий Тимофеевич, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка 298, 363.
Попов Филипп, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Потапов Алексей Николаевич, генерал-майор, дежурный генерал главного штаба е. и. в. 189.
Потапов Александр, рядовой 16-го егерского полка (семеновец) 267.
Потапов Кузьма, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.

Потапов Филипп, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Потемкин Яков Алексеевич, генерал-адъютант, начальник 4-й пехотной дивизии 141.
Потутов Никита, писарь Черниговского полка 78, 274 — 283, 285 — 287, 292 — 296, 298.
Потюк Андрей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Почеки-Тарнавский, помещик Полтавской губ., владелец Камарского конного завода 301.
Пржевалинский, поручик Кременчугского полка 150 — 153, 155.
Прибытка Карп, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Притченко Михаил, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Прокофьев Афанасий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Прокофьев 1-й Василий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Прокофьев 2-й Василий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Прокофьев Козьма, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Прокофьев Лаврентий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Прокофьев Макар, рядовой Троицкого полка (семеновец) 267.
Прокофьев Павел, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 21 — 23, 103, 149, 201, 328.
Прокофьев Степан, барабанщик 3-й мушкет роты Черниговского полка 88.
Прокофьев Федор, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Просвирин Назар, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 268.
Проскура, коллежский советник, бывший президент Киевского главного суда 11, 33, 323.
Проскурин Макей, рядовой Троицкого полка (семеновец) 230, 267.
Простак Иван, унтер-офицер 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 200.
Прохоров Прохор, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Прудников Филипп, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Прященко Филипп, дворовый человек 202.
Пузанов, унтер-офицер Полтавского полка 236.
Пучков Спиридон, унтер-офицер 5-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 96, 200, 232, 233, 235, 236, 288, 289.
Пучков Николай, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Пушкарев, бобруйский плац-майор 327.
Пушлин Михаил, рядовой Черниговского полка 201.
Пфейлицер-Франк — см. **Франк.**
Пыхачев Матвей Иванович, капитан, командир 5-й конно-артиллер. роты 113, 232, 334, 235, 237, 312, 345.

Р.

Раевский Александр Николаевич, отставной полковник 11.
Раевский, Владимир Федосеевич, майор 32-го егерского полка 348.
Раевский Николай Николаевич, генерал-от-кавалерии 11, 17, 68, 336.
Раевский Николай Николаевич, полковник Харьковского драгунского полка 11.
Ражнов Федор, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Разанцов Мирон, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Разумовский, граф, помещик 280.
Ракуза Игнатий, разжалованный из поручиков рядовой 2 мушкет. роты Черниговского полка 95, 99, 121, 122, 149, 177, 178, 201, 238 — 241, 310, 322, 334, 346, 351.
Рашков Кондратий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Ребиндер 2-й Ермолай Иванович, полковник Черниговского полка, вице-директор инспекторского департамента Главного штаба 80, 84.
Резников Гаврила, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 267.
Рейн Матис, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Рененкампф Карл-Фридрих (Карл Павлович), полковник, обер-квартирмейстер 2-й армии 17, 18, 308, 311.
Репнин Николай Григорьевич, князь, малороссийский генерал-губернатор 55.
Репницкий Иван унтер-офицер 4-й мушкет. роты Черниговского полка 100.
Ретушенко Данила, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Ржундковский, майор Мариупольского полка 70, 301, 303, 338.
Ридигер 1-й Федор Васильевич, генерал-майор, командир 3-й гусарской дивизии 74, 180, 337.
Ридигер, поручик 3-й легкой роты 8-й артиллер. бригады 246, 251 — 254, 258 — 260, 263, 264.
Риего, испанский политический деятель 140.
Римский-Корсаков Владимир Александрович, майор Черниговского полка 80, 84.
Рог Петр, смотритель Васильковского провиантского магазина 193.
Рогачев Алексей, рядовой Черниговского полка 143.
Рогачев Мартын, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96 200.
Рогов Филипп, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Родичев Иван, фейерверкер 2-й легкой роты 8-й артиллер. бригады 209, 211 — 213, 217, 243, 244, 246, 252, 254, 261, 264, 265.

Романов Сидор, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 201.
Романовский Павел, купец в гор. Киеве 361.
Романовы, царствовавший дом 239.
Романченко Федор, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Роменский 1-й Антон Николаевич, штабс-капитан, командир 3-й мушкет. роты Черниговского полка 79, 81, 84, 176, 181, 347, 348.
Роменский 1-й Клементий Николаевич, подпоручик 3-й мушкет. роты Черниговского полка 79, 82, 84, 181, 347, 348.
Рославлев Александр Петрович, корнет гусарского принца Оранского полка 364.
Рослов Тихон, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 267.
Рот Логгин Осипович, генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса 3 — 5, 7 — 9, 11 — 17, 19, 20, 30, 33, 34, 36, 38 — 41, 44, 45, 47 — 50, 55, 57 — 76, 79, 85, 95, 105 — 107, 118 — 121, 125, 129 — 131, 134 — 137, 162, 174, 177, 178, 180, 189 — 191, 194, 197, 202, 239, 241, 249, 258, 274 — 276, 293, 294, 298, 300, 303, 318, 322, 324 — 327, 329, 331, 332, 334 — 336, 338 — 340, 342, 343, 345 — 347, 350, 352 — 354, 356, 357, 363, 364.
Ротмистров, поручик 3-й легкой роты 8-й артиллер. бригады 246, 251 — 255, 258 — 260, 263, 264.
Рошков Тимофей, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 200.
Рубашевский Василий Игнатьевич, заседатель Васильковского земского суда 45, 362.
Рубцов Исай, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89, 96, 201.
Рубцов Петр, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 268.
Рудаков, аудитор 12-го класса 322.
Рудаков Дмитрий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 96, 100, 201.
Рудзевич Александр Яковлевич, генерал-от-инфантерии, командир 3-го пехотного корпуса 274, 275, 291 — 295.
Руднев Игнат, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Рудницкий, унтер-офицер Черниговского полка 173, 200.
Рукавишников Ефим, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 98.
Руликовский Иосиф Казимирович, владелец сел. Мотовиловки 25, 46, 311, 320, 324, 325, 364.
Руликовский Конрад, хорунжий 45.
Русецкий Антон, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 137.
Рыбаковский Владимир Николаевич, подпоручик 2-й гренад. роты Черниговского полка 63, 75, 82, 84, 97, 100, 124, 130, 146, 147, 155, 156, 164, 165, 171, 177, 178, 182, 188, 196 — 198, 239, 241, 310, 341.
Рышков Евсей, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 268.
Рышкович Иван, цирульник 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Рьянов Семен, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.

С.

Саблин В. М., издатель 348.
Савельев Иван, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Савельев Кузьма, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Савельев Никон, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Савельев Самсон, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Савельев Тимофей, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90, 96, 201.
Савенко Григорий, барабанщик 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Савин Семен, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Савинов Макар, музыкант 1-й гренад. роты Черниговского полка 98.
Савицкий Мартын, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Савицкий Степан, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 142.
Савочкин, полковник, командир 7-й артиллер. бригады 55, 57.
Савчук Григорий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Садаков Гаврила, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 96, 201.
Сазанов Ефрем, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Сайчитов Хемет, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Сакен Фабиан Вильгельмович, граф, генерал-от-инфантерии, главнокомандующий 1-й армией 5, 7, 13, 14, 16 — 18, 32, 33, 35 — 38, 48 — 50, 54, 56 — 58, 62 — 69, 75 — 80, 85, 104, 109 — 111, 118 — 120, 124, 129, 137 — 138, 154, 162, 173, 178, 180, 181, 187, 189, 192, 194, 197, 199, 202, 205, 207, 215, 224, 248, 250, 251, 264, 266, 269, 270, 273, 275, 292, 300, 313, 314, 319, 320, 322, 323, 326, 327, 329 — 331, 333 — 336, 339 — 343, 346, 349, 351, 353 — 355, 358, 360, 361, 364.
Сакин Митрофан, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Саковкин Дмитрий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Сальников Иван, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Самойлов Яков, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Самуил, первосвященник 129.
Самусев Григорий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.

Санаев Федосей, рядовой Саратовского полка 270.
Сангушко, князь, владелец мест. Белогородка 114, 116.
Сановский Станислав, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Сарабио, майор, командир 1-го баталиона 16-го егерского полка 114.
Сарваров Клим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Сауров Прокофий, дворовый человек 202.
Сафонов Федор, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Сафронов Павел, унтер-офицер 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 133, 200.
Сафронов Яков, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89, 201.
Свистунов, городничий гор. Острога 115.
Сдульский, шляхтич 113.
Седлер, барон, полковник, член Могилевской военно-судной комиссии 340.
Селезнев Иван, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Семевский Василий Иванович, историк 361.
Семенов Василий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Семенов Василий, бомбардир 8-й артиллер. бригады 214, 246, 265.
Семенов Василий, барабанщик Пензенского полка (семеновец) 269.
Семенов Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Семенов Игнат, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Семенов Лазарь, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 96, 201.
Семенов Семен, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Семенов Степан, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 137.
Семичев Николай Николаевич, ротмистр Ахтырского гусарского полка 141, 307, 332.
Семчевский, поручик, бывший адъютант 9-й пехотной дивизии 308.
Сербинович Адриан Степанович, волынский губернский прокурор 58, 59, 334.
Сергеев Алексей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Сергеев Гаврила, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Сергеев Герасим, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Сергеев Иван, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Сергеев Логин, унтер-офицер 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 200.
Сергеев Михаил, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Сердюков Марк, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Сиверс Александр Александрович, историк 341.
Сидоров Андрей, унтер-офицер 4-й мушкет. роты Черниговского полка 30, 100, 200.
Сидоров Ефим, канонир 8-й артиллер-бригады 214, 245, 246, 252, 254, 258, 263, 265.
Сидоров Иван, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 96, 201.
Сидоров Никита, барабанщик 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Сидоров Петр, барабанщик 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Сидоров Степан, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Сизиневский Виктор Осипович, поручик, казначей Черниговского полка 17, 19, 20, 24 — 27, 48, 75, 82, 84, 97, 98, 124, 130, 144 — 147, 158 — 163, 177, 181, 186, 188, 192 — 194, 196, 198, 288, 297, 308, 329, 341, 349.
Силаев Яков, барабанщик 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86, 95, 201.
Силантьев Михаил, барабанщик 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Силантьев Павел, горнист 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Силантьев Федосей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Симаков Матвей, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Симонов Моисей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Симонов Симеон, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Синакоп Яков, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Синюков Ефим, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Сипягин Николай Мартынович, генерал-майор 141.
Ситников Мардарей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Скобелев Иван Никитич, генерал-майор 364.
Скоков, жандармский прапорщик 16, 19, 25, 28, 29, 42, 49, 50, 52, 53, 124, 125, 127, 130, 135, 136, 147, 157, 158, 183, 184, 317, 326.
Скоков Петр, музыкант 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Слесарев Афанасий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Смирнов Федор, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Соболев Ермил, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Советов Филипп, плотник 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Соколов Василий, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86, 95, 201.
Соколовский Матвей, священник житомирской Успенской церкви 321, 322.
Сокочрев Петр, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Соловкин Дмитрий, унтер-офицер Черниговского полка 200.
Соловьев Вениамин Николаевич, барон, штабс-капитан, командир 2-й мушкет. роты Черниговского полка 5, 6, 19, 20,

24, 25, 28, 29, 39, 42, 47, 50, 63, 75, 81, 84, 86, 102, 108, 109, 124 — 127, 131, 132, 134, 136 — 152, 154 — 156, 158, 161, 164 — 168, 170, 171, 174 — 178, 181 — 184, 187, 195 — 198, 238, 240, 278, 282, 283, 307, 308, 310, 311, 319, 320, 332, 334, 340, 341, 342, 349, 350, 353.

Соловьев Степан, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.

Сорокин Григорий, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 267.

Сорокин Петр, барабанщик Саратовского полка (семеновец) 229, 230, 267.

Сотников Василий Семенович, капитан гвардии, тайный агент штаба 1-й армии 11, 12, 16 — 18, 33, 111, 118, 120 — 123, 322, 323, 327, 329, 333, 344 — 346.

Софронов Аким, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 21 — 23, 103, 149, 328.

Спиридов Михаил Матвеевич, капитан Пензенского полка 115, 121, 124, 138, 139, 141, 142, 224, 237, 238, 240, 248, 249, 254, 266, 269, 270, 345, 353, 354, 356, 357.

Станислав-Август, король польский 321.

Стах Иван, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.

Стаценко (Стеценко) Иван, унтер-офицер Саратовского полка 225, 270.

Стельмах, подпоручик Фастовского гарнизона 324.

Стенжицкий, поручик, смотритель суконной фабрики в гор. Киеве 361.

Степанов Андрей, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.

Степанов Денис, бомбардир 8-й артиллер. бригады 214, 246, 265.

Степанов Евдоким, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 179 — 181, 198.

Степанов Елисей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.

Степанов Иван, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.

Степанов Иван, казенный денщик прапорщика князя Мещерского 91.

Степанов Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.

Степанов Карп, рядовой, плотницкий староста Черниговского полка 20, 29, 30, 47, 98, 328.

Степанов Козьма, кузнец 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.

Степанов Кондратий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 201.

Степанов Максим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 96, 201.

Степанов Тимофей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.

Степанов Фома, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.

Степанов Яков, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.

Степанченко Терентий, рядовой 15-го егерского полка (семеновец) 230, 269.

Стих, капитан квартирмейстерской части штаба 1-й армии 62, 70, 336, 339.

Столыпин, генерал-майор 33.

Стремилов (Стрелгилов) Иевлий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 201, 298.

Стрюхов Филипп, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.

Судаков Василий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.

Судаков Гавриил, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 308, 324.

Сулима Николай Семенович, генерал-лейтенант 319.

Сумцов, поручик, полковой адъютант Полтавского полка 327.

Супринович Лаврентий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.

Суровикин Андрей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 99.

Суслопаров Егор, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.

Сухин Афанасий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.

Сухинов Василий Иванович, брат поручика, служивший в Александрийском уездном суде 145.

Сухинов Иван Иванович, поручик Черниговского полка 5, 6, 19, 20, 28, 32, 42, 50, 102, 103, 108, 111 — 113, 118, 124 — 126, 131 — 134, 136, 138, 140 — 147, 150 — 152, 155 — 161, 164 — 168, 170, 174 — 178, 182 — 184, 187, 189, 193, 195 — 198, 232, 236 — 238, 240, 241, 277 — 279, 281, 283, 287, 290, 304, 306 — 308, 310 — 314, 320, 328, 332, 340 — 342, 348, 349, 364.

Сухинов Степан Иванович, служащий Александрийского уездного суда 144, 145.

Сыроечковский Василий Евгеньевич, историк 319, 327.

Сыроечковский Борис Евгеньевич, историк 320, 328, 330, 362.

Сычев Софрон, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 200.

Т.

Тазильцев Андрей, рядовой 16-го егерского полка 267.

Талызин, артиллерийский полковник 364.

Тараватов Андрей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.

Тараненко Стефан, хозяин квартиры священ. Кейзера в гор. Васильков 300.

Тарбеев Филипп, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.

Тарасов Анкудин, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка, разжалованный из офицеров 94, 149.

Татищев Александр Иванович, граф, генерал-от-инфантерии, военный министр, председатель Комиссии для след-

ственных изысканий о злоумышленных обществах 3, 32, 62, 138, 189, 194, 215, 250, 251, 275, 276, 292, 294, 314, 317, 318, 343, 348, 349, 354, 355, 357, 358, 360.
Твирошков Прокофий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Терентьев Иван, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Терентьев Никита, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Терентьев Степан, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 102.
Терпиловский Антон, поручик Васильковской инвалидной команды 295, 299, 363.
Терешко Деменик, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Терещенко Калина, рядовой Саратовского полка (семеновец) 268, 269.
Тизенгаузен Василий Карлович, полковник, командир Полтавского полка 4, 17, 35, 36, 65, 115, 121, 138, 141, 237, 257, 307, 326, 327, 330, 352, 353.
Тилиоргалев Якуб, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Тимофеев, майор 3-го фурштадского батальона 199, 324, 325.
Тимофеев, писарь 2-й легкой роты 8-й артиллер. бригады 245.
Тимофеев Василий, унтер-офицер 5-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 200.
Тимофеев Егор, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка 100, 199.
Тимофеев Зиновий, унтер-офицер Черниговского полка 135.
Тимофеев Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Тимофеев Семен, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 100.
Титеев Мирон, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Титов Александр, фельдфебель 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 200, 309.
Титов Яков, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Титюнов Федор, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Тихановский 1-й Степан Леонтьевич, генерал-майор, командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии 5, 7, 8, 11—15, 25, 26, 34, 39, 43, 49, 50, 55, 57, 70, 78, 101, 130, 132, 134, 135, 158 — 160, 173, 175, 179, 180, 303, 319, 321, 326, 332, 337, 338, 348.
Тихонов Иван, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Тихонов Трофим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Тихонов Федот, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Толстов Козьма, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Толь Карл Федорович, барон, генерал-адъютант, начальник главного штаба 1-й армии 13, 16, 34 — 38, 43, 48 — 51, 63, 75, 78 — 80, 105, 118, 119, 124, 139, 274, 276, 292, 322, 324, 325, 330, 332, 333, 341 — 343, 346, 350, 351, 354, 362, 364.
Томаш Петр, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 201.
Трескин, майор Полтавского полка 115, 353.
Третьяков Николай, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Трифонов Афанасий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Трофимов Никифор, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Трофимов Терентий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Трофимов Федот, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Троцкий Исаак Моисеевич, историк 318.
Трубецкой Сергей Петрович, князь, полковник, штаб-офицер 4-го пехотного корпуса 17, 237, 311, 318, 326, 333.
Трухин Сергей Степанович, майор, командир 1-го баталиона Черниговского полка 5, 6, 13, 17, 19, 20, 24 — 27, 29, 31, 32, 38, 42, 43, 46, 49, 50, 61, 63, 77, 80, 83, 84, 107 — 109, 126, 127, 130 — 135, 137, 143 — 147, 149, 150, 152, 155, 157 — 171, 174 — 176, 183 — 185, 193, 195 — 197, 199, 273, 277, 278, 280 — 282, 284, 286 — 290, 294 — 298, 309, 310, 331, 332, 341, 347, 348, 350, 363.
Тручук Клим, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Тряков Салим, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Турков Василий, рядовой Саратовского полка (семеновец) 226 — 228, 230, 267, 353.
Турчанинов, поручик Фастовского гарнизона 324.
Тутолмин Павел Васильевич, полтавский гражданский губернатор 41.
Тютчев Алексей Иванович, капитан Пензенского полка 114, 123, 138, 139, 141, 218, 225, 237, 354.

У.

Удачин Дмитрий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Удинцов Александр, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Уманец 1-й Андрей Семенович, генерал-лейтенант, председатель полевого аудиториата 1-й армии 276.
Умрихин Филипп, горнист 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Усов Александр, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Усович Петр, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Усовский Алексей Васильевич, поручик Полтавского полка 141, 307.

Усталов Наум, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Устимович, капитан Полтавского полка 307.
Устинов Филипп, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Утин Михаил, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Ушаков Павел Николаевич, генерал-майор, начальник 7-й пехотной дивизии 55, 57.
Ушаков, штабс-ротмистр гусарского принца Оранского полка 137, 300, 302, 303, 363, 364.
Ушаков Егор, барабанщик 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Ушаков Яков, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.

Ф.

Фадеев Иван Семенович, фейерверкер 1-й батарейной роты 8-й артиллерийской бригады 208, 211, 246 — 248, 250, 264, 265, 355, 356.
Федоренко Игнат, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Федоров Алексей, флейщик 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Федоров Алексей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 21, 22, 103, 149, 201, 327, 328.
Федоров Андрей, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Федоров Василий, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Федоров Василий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Федоров Григорий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Федоров Евдоким, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 99.
Федоров 1-й Иван, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Федоров 2-й Иван, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Федоров 1-й Иван, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Федоров 2-й Иван, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Федоров Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Федоров Иван, дворовый человек 202.
Федоров Кондратий, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 200.
Федоров Конон, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Федоров Матвей, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Федоров Моисей, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Федоров Никита, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Федоров Николай, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Федоров Тимофей, рядовой Пензенского полка (семеновец) 230, 267.
Федоров Устин, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Федоров Филипп, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Федоров 1-й Филипп, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Федоров Филипп, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Федосеев Федор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Федосов Игнат, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Федотов Иван, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Федотов Лифан, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Федотов Тихон, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Федулов Фрол, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Феклистов Максим, горнист 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Феклистов Никита, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Феклистов Панкрат, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Феклистов Спиридон, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Филатов Иван, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Филатьев Петр, крепостной человек штабс-ротмистра Ушакова 301.
Филимонов Гаврила, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 201.
Филимонов Иевлей, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 268.
Филиппов, унтер-офицер Кременчугского полка 153.
Филиппов Аверьян, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Филиппов Авксентий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Филиппов Алексей, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Филиппов Андрей, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Филиппов Афанасий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Филиппов Гаврила, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 96.
Филиппов Павел, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Филиппов Павел, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Филиппов Семен, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Фирсов Яков, барабанщик 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Фитисов Кирьян, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Фитиолин Виталий, унтер-офицер 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 96, 200, 322.
Флиз-де-ля, мемуарист 320.

Фомилят (**Фамилят**) **Федор,** фельдфебель Саратовского полка (семеновец) 267, 268, 361.
Фомин Дмитрий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Фомин Кузьма, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Франк 5-й (Пфейлицер-Франк) Егор Ермолаевич, барон, штабс-ротмистр Ахтырского гусарского полка 113.
Фрейтах Андрей, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Фриц Ян, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Фриц Ян, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Фрица Фриц, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89, 96, 201.
Фролов 2-й Александр Филиппович, подпоручик Пензенского полка 120, 354.
Фролов 4-й Александр Никитич, подполковник конной артиллерии, командир бригады при 3-й гусарской дивизии 312, 313.
Фролов Илья, рядовой Саратовского полка (семеновец) 268.
Фурман Андрей Федорович, капитан, командир 6-й мушкет. роты Черниговского полка 75, 79, 81, 84, 138, 139, 141, 142, 145, 177 — 180, 187, 188, 198, 231, 238, 239, 307, 308, 312, 313, 331, 340, 341, 347, 350, 353, 355, 364.
Фюрстенберг, майор Кременчугского полка 123.

Х.

Хадченко Семен, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Халабудной Максим, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Харитонов Василий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Харитонов Иван, унтер-офицер Черниговского полка 21, 103, 127, 149, 200, 327, 328.
Харитонов Мирон, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Ханенко Павел Николаевич, младший лекарь Черниговского полка 83.
Хитрово 2-й, майор Полтавского полка 307.
Холодков Никита, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 200.
Холин Марк, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Хоперский Иван Петрович, рядовой Черниговского полка 78, 274 — 282, 284 — 290, 292 — 294.
Хотяинцев Иван Николаевич, подполковник, командир Витебского полка 35, 36.
Хохолкин Ион, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.

Ц.

Цветков Никифор, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 101.
Ценбула Иван, горнист 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Цепляев Никита, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 268.
Цеханович, бывший казначей граф. Браницкой 347.
Цявловский Демьян Иванович, капитан, старший адъютант 9-й пехотной дивизии 308.
Цявловский Иван, портупей-прапорщик 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 200.

Ч.

Чекирский, васильковский чиновник 299.
Червонный Алексей, рядовой Саратовского полка 270.
Черноглазов, каптенармус 8-й артиллер. бригады 245.
Черначик, унтер-офицер 1-й гренад. роты Черниговского полка 134.
Чернухин Антон, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 103, 201.
Чернышев Александр Иванович, генерал-адъютант, член Комитета для изысканий о злоумышленных обществах 1, 3, 4, 119, 318.
Чернышев Лаврентий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Чернышев Осип, барабанщик 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Черняк-Самойленко, майор, командующий киевским внутренним гарнизонным батальоном 31, 32, 329.
Четыркин Михаил, писарь штаба 3-го пехотного корпуса 290.
Чеховский, дворянин 213, 313.
Чигунов (Чугунов) Моисей, унтер-офицер 3-й мушкет. роты Черниговского полка 88, 200.
Чикалин, аудитор 357.
Чистяков Тихон Иванович, генерал-майор, командир 2-й бригады 9-й пехотной дивизии 15, 131, 153.

Ш.

Шалаев Иван, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Шапошников, денщик штабс-капитана Глушкова 157.
Шарыгин Филипп, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Шатунов Никита, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Шахирев Андрей Иванович, поручик Черниговского полка, адъютант генерал-майора Тихановского 81, 84, 141, 238, 240, 241, 304, 307, 308.
Шаховской Иван Леонтьевич, князь, генерал-лейтенант, командир гренадерского корпуса 1, 34, 49,
Шварценберг Карл, подполковник артиллерии 78, 117.
Швецов Дмитрий, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87, 200.
Швецов Захар, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.

Швырев Федор, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Шебанов Давид, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Шевель Иосиф Иосифович, унтер-офицер Черниговского полка 78, 274 — 276, 278, 280 — 284, 286, 287, 292 — 295.
Шевелев Иван, рядовой Троицкого полка (семеновец) 268.
Шевченко Иван, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Шевченко Федор, рядовой 16-го егерского полка (семеновец) 267.
Шевчук Андрей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Шеколла Викентий Иванович, юнкер Саратовского полка 356, 357.
Шеляпин Игнатий, барабанщик 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Шемандрыкин Малафей, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Шервуд Иван Васильевич, унтер-офицер 3-го Украинского полка 317, 318.
Шемякин Василий, горнист 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Шерпин Галактион, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Шефлер, подпоручик 17-го егерского полка 308.
Шеян Кондратий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 95.
Шильдер Николай Карлович, историк 317, 318, 333.
Шиман Теодор, историк 362.
Шимановский Иосиф Демьянович, киевский губернский маршал дворянства 323.
Шимков Иван Федорович, прапорщик Саратовского полка 224, 356, 357.
Шинковский Томаш, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Ширмо - Щербинский, капитан 17-го егерского полка 173, 308.
Шишков, подпрапорщик Кременчугского полка 153.
Шмаков, генерал аудитор 75, 229 — 231, 246, 249, 276, 311.
Шорин Ефим, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86, 137.
Штрайх Соломон Яковлевич, историк 319, 343.
Шугуров Михаил Федорович, историк 334, 340.
Шурма Павел, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 200.
Шустов Иван, горнист 1-й гренад. роты Черниговского полка 86.
Шустов Яков, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91.
Шутов Михей, фельдфебель 5-й мушкет. роты Черниговского полка 96, 101, 107, 125, 175, 176, 199, 342, 351.

Щ.

Щебалин Филипп, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Щеголев Павел Елисеевич, историк 362, 363.
Щелкалин Семен Иванович, писарь Черниговского полка, разжалованный в рядовые 78, 274 — 283, 285 — 287, 292 — 294.
Щелканов Андрей Семенович, поручик Черниговского полка 82, 84.
Щепилло Михаил Алексеевич, поручик, командир 3-й мушкет. роты Черниговского полка 5, 6, 19 — 22, 25, 28, 29, 32, 39, 42, 43, 49, 50, 63, 70, 74, 80, 84, 102, 103, 108, 109, 125, 126, 130 — 134, 136 — 144, 146 — 152, 154 — 156, 158, 162, 164 — 166, 168, 170, 175, 176, 183, 184, 187, 193, 195, 197, 198, 215, 218, 277 — 279, 281 — 283, 286, 287, 290, 304, 307, 308, 309, 311, 312, 332, 338, 342, 347 — 350, 353, 357.
Щербаков, адъютант командира 8-й пехотной дивизии 321.
Щербаков Дмитрий, унтер-офицер 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86, 200.
Щербаков Иван, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 202.
Щербатов Алексей Григорьевич, князь, генерал-адъютант, командир 4-го пехотного корпуса 7, 10 — 13, 17, 18, 20, 28, 33 — 40, 48 — 51, 54, 56, 58, 62, 63, 65, 68, 71, 72, 105, 127 — 130, 132, 154, 171, 275, 276, 292, 320, 326, 327, 329, 330, 333, 334, 336, 339, 342.
Щербинин Филипп, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 267.
Щикалин, портупей-прапорщик Саратовского полка 249.

Э.

Эйлер Федор Христофорович, полковник, командир 8-й артиллер. бригады 116, 117, 355.
Эккартсгаузен, писатель 213.
Эннс Томас, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Эпельбойм Абрам, васильковский купец 193, 194.
Эпельбойм Нусь, васильковский купец 193, 194.

Ю.

Юдрашка Ефрем, рядовой Саратовского полка 270.
Юрашев Федор, рядовой Саратовского полка 224, 225, 248, 249, 266, 267, 270.
Юрий Андрей, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Юрий Ян, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Юрий Януш, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Юрий Юрий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка 89.
Юрий Юрий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 103.

Юрик Дирик, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Юрис Юрий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Юров, земский заседатель Овручского уезда 117.
Юрьев Кондратий, унтер-офицер 4-й мушкет. роты Черниговского полка 91, 154, 200.
Юрьев Павел, плотник 1-й гренад. роты Черниговского полка 98, 103, 201.
Юрьев Петр, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Юрьин Клас, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.

Я.

Ядрилло Гавриил Иванович, подпоручик 5-й мушкет. роты Черниговского полка 82, 84, 120.
Якименко Филипп, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Яковлев, рядовой Пензенского полка 206.
Яковлев Александр, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Яковлев Василий, унтер-офицер 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 133, 200.
Яковлев Герасим, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Яковлев Евдоким, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Яковлев Иван, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Яковлев Кондратий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Яковлев Лаврентий, стрелок 2-й гренад. роты Черниговского полка 91.
Яковлев Никита, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Яковлев Осип, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 86.
Яковлев Осип, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 100.
Яковлев Петр, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Яковлев Степан, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 102.
Яковлев Федор, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Яковлев Харлам, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Яковлев Яков, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Якуб Андрей, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Якуб Бертель, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Якуб Матис, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94.
Якубович Александр Иванович, капитан Нижегородского драгунского полка 311.
Якубовский Кирилл, каптенармус 5-й мушкет. роты Черниговского полка 92, 143, 200, 341.
Ян Бертель, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93, 96, 201.
Ян Март, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Ян Тан, рядовой Тамбовского полка (семеновец) 268.
Ян Юрий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Ян Юрий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка 90.
Ян Юрий, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 92.
Ян Юрий, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Ян Юрий, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка 94, 96, 201.
Яниковский Иван Константинович, киевский земский исправник 41, 45, 49, 128, 291, 293.
Янов Ян, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка 87.
Янов Ян, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского полка 100.
Янтарь Антон, рядовой Саратовского полка (семеновец) 228, 230, 248, 249, 267.
Янусов Иван, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка 88.
Янус Давид, рядовой 4-й мушкет. роты Черниговского 92.
Янц Андрей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка 93.
Ярыгин Козьма, канонир 8-й артиллер. бригады 214, 246, 265.
Яцук Кондратий, унтер-офицер Саратовского полка 225, 270.

СОДЕРЖАНИЕ.

От редакции.

Стр.

Ю. Г. Оксман. Восстание Черниговского полка (Обзор источников публикаций и исследований) ..... IX—LXVII

Отдел первый.

Официальная переписка о восстании Черниговского пехотного полка и о мерах по его ликвидации.

1. Секретное отношение председателя Комитета для следственных изысканий о злоумышленных обществах, военного министра, генерала от-инфантерии А. И. Татищева к главнокомандующему 1-ю армиею от 20 декабря 1825 г. 3
2. Письмо командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота к начальнику главного штаба е. и. в., генерал-адъютанту барону И. И. Дибичу от 26 декабря 1825 г. ..... 3 — 4
   Приложение: копия письма генерал-адъютанта А. И. Чернышева к генерал-лейтенанту Л. О. Роту от 20 декабря 1825 г. .... 4 — 5
3. Рапорт командующего 9-ю пехотною дивизиею генерал-майора С. Л. Тихановского главнокомандующему 1-ю армиею, от 30 декабря 1825 г. .. 5 — 6
4. Секретное отношение киевского гражданского губернатора И. Г. Ковалева на имя управляющего министерством внутренних дел, от 30 декабря 1825 г. ..... 6 — 7
5. Всеподданнейший рапорт волынского гражданского губернатора М. Ф. Бутовта-Андржейковича, от 31 декабря 1825 г. ..... 8 — 9
6. Рапорт киевского губернского прокурора В. А. Каменского министру юстиции, от 31 декабря 1825 г. ..... 9 — 10
   Приложение: копия рапорта правящего должность васильковского поветового стряпчего, от 30 декабря 1825 г. 10
7. Донесения старшего адъютанта штаба 1-й армии, гвардии капитана В. С. Сотникова, от 31 декабря 1825 г. и 1 января 1826 г. ..... 11 — 13
8. Рапорт начальника штаба 3-го пехотного корпуса, генерал-майора кн. М. Д. Горчакова 3-го к начальнику главного штаба 1-й армии генерал-адъютанту бар. К. Ф. Толю от 1 января 1826 г. ..... 13 — 14
9. Рапорт командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота к главнокомандующему 1-ю армиею, от 1 января 1826 г. ..... 14 — 15
10. Рапорт командира 3-го корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота к начальнику главного штаба 1-й армии, от 2 января 1826 г. 16
11. Донесение гвардии капитана В. С. Сотникова в штаб 1-й армии от 2 января 1826 г. ..... 16 — 18
12. Рапорт командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии князя А. Г. Щербатова к главнокомандующему 1-й армиею от 2 января 1826 г. ..... 18 — 20
    Приложения: а) Показания прапорщика Черниговского пехотного полка А. Е. Мозалевского ..... 20 — 21
    б) Показание унтер-офицера Черниговского пехотного полка Ивана Харитонова 21
    в) Показания рядовых Черниговского пехотного полка Алексея Федорова, Павла Прокофьева и Акима Софронова ..... 21 — 23
    г) Показания рядовых Курского пехотного полка Кузьмы Карпова и Степана Кошелева ..... 23 — 24

Стр.

д) Показание казначея Черниговского пехотного полка поручика В. О. Сизиневского . . . . . 24 — 25
е) Показание квартермистра Черниговского пехотного полка подпоручика А. С. Войниловича . . . . . 25 — 27
13. Рапорт киевского губернского прокурора В. А. Каменского к министру юстиции от 3 января 1826 г. . . . . 27 — 28
Приложения: а) копия рапорта васильковского поветового стряпчего от 2 генваря, в 7 часов пополудни пущенного . . . . . 28 — 20
б) Копия письма васильковского поветового стряпчего от 2 генваря, в 8 часов пополудни пущенного . . . . . 30 — 31
14. Всеподданнейший рапорт командующего киевским внутренним гарнизонным баталионом майора Черняка-Самойленко от 3 января 1826 г. . . 31 — 32
15. Секретное отношение главнокомандующего 1-ю армиею генерал-от-инфантерии графа Ф. В. Сакена к начальнику главного штаба е. и. в. генерал-адъютанту бар. И. И. Дибичу от 3 января 1826 г. . . . . 32 — 34
Приложения: а) Копия с рапорта командира 4-го пехотного корпуса князя А. Г. Щербатова от 31 декабря 1825 г. 34
б) копия с предписания начальника штаба 1-й армии командиру 4-го пехотного корпуса от 2 января 1826 г. 35
в) копия с предписания начальника штаба 1-й армии командиру 3-го пехотного корпуса от 2 января 1826 г. 36
16. Секретное отношение главнокомандующего 1-й армиею графа Ф. В. Сакена и начальника штаба 1-й армии барона К. Ф. Толя к начальнику главного штаба е. и. в. бар. И. И. Дибичу от 3 января 1826 г. 37
Приложение: Копия с рапорта командира 4-го пехотного корпуса от 1-го января 1826 г. . . . . 37 — 38
17. Рапорт командира 4-го корпуса кн. А. Г. Щербатова главнокомандующему 1-ю армиею от 3 января 1826 г. 38
Приложение: Рапорт командира 3-го корпуса от 3 января 1826 г. 38 — 39
18. Всеподданнейший рапорт командира 3-го корпуса генрал-лейтенанта Л. О. Рота от 3 января 1826 г. . . . . 39 — 40
19. Секретное отношение Киевского гражданского губернатора И. Г. Ковалева к управляющему министерством внутренних дел от 4 января 1826 г. 40 — 42
Приложения: а) Копия с рапорта васильковского городничего от 31 декабря 1825 г. . . . . 42 — 43
б) Копия с рапорта васильковского земского исправника от 31 декабря 1825 г. . . . . 43 — 44
в) Копия с рапорта васильковского земского исправника от 1 января 1826 г. 44
г) Копия с рапорта васильковского земского исправника от 2 января 1826 г. 45
д) Копия с рапорта киевского земского исправника от 1 января 1826 г. . . . . 45 — 46
е) Копия с рапорта чиновника особых поручений при киевском гражданском губернаторе надворного советника Долинского от 2 января 1826 г. за № 2. . . . . 46 — 47
ж) Копия с рапорта его же, от 2 января 1826 г. за № 3. . . . . 47 — 48
20. Рапорт начальника штаба 1-й армии генерал-адютанта барона К. Ф. Толя к начальнику главного штаба е. и. в. барону И. И. Дибичу от 4 января 1826 г. . . . . 48 — 49
Приложения: а) Копия с рапорта командира 4-го корпуса кн. А. Г. Щербатова от 1 января 1826 г. . . . . 49 — 50
б) Копия с копии рапорта майора Черниговского пехотного полка С. С. Трухина командующему 9-ю пехотною дивизиею генерал-майору С. Л. Тихановскому от 30 декабря 1825 г. 50
в) Копия с копии рапорта его же к командиру 4-го пехотного корпуса князю А. Г. Щербатову от 31 декабря 1825 г. . . . . 50 — 51
г) Показания командира Ахтырского гусарского полка полковника А. З. Муравьева от 4 января 1826 г. . . . . 51 — 52
д) Показания поручика жандармского полка Несмеянова от 4 января 1826 г. . . . . 52 — 53
е) Показания полковника А. З. Муравьева и поручика Несмеянова при очной ставке, 4 января 1826 г. . . . . 53 — 54
21. Рапорт командира 4-го пехотного корпуса генерала-от-инфантерии кн. Щербатова к главнокомандующему 1-й армиею от 5 января 1826 г. . 54 — 56

Стр.

22. Рапорт командира 4-го пехотного корпуса ген.-от-инфант. А. Г. Щербатова к главнокомандующему 1-й армиею от 6 января 1826 г. . . . . 56 — 58
23. Рапорт волынского губернского прокурора А. В. Сербиновича к министру юстиции от 6 января 1826 г. . . . . 58 — 59
24. Всеподданнейший рапорт цесаревича Константина Павловича от 6 января 1826 г. из Варшавы. 59
Приложения: а) Копия с рапорта начальника 25-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Ф. Г. Гогеля от 4 января 1826 г. . . . 59
б) «Подробности происшествия, случившегося в Черниговском пехотном полку, меры, принятые начальством 1-й армии к усмирению бунтовщиков, и положение прочих войск, расположенных в Волынской, Киевской и Каменец-Подольской губерниях». 60 — 62
25. Всеподданнейший рапорт главнокомандующего 1-й армиею генерала-от-инфантерии графа Ф. В. Сакена от 6 января 1826 г. 62
Приложение: Копия с рапорта командира 4-го пехотного корпуса от 4 января 1826 г. 63
26. Приказ генерал-лейтенанта Л. О. Рота по войскам 3-го корпуса от 6 января 1826 г. . . . . 63 — 64
27. Рапорт начальника главного штаба е. и. в. генерал-адъютанта бар. И. И. Дибича к главнокомандующему 1-й армиею от 7 января 1826 г. . . . . 64 — 65
Приложение: Копия с рапорта начальника главнаго штаба к цесаревичу Константину Павловичу от 5 января 1826 г. . . . . 65 — 66
28. Секретное отношение главнокомандующего Литовским отдельным корпусом цесаревича Константина Павловича к главнокомандующему 1-й армиею от 7 января 1826 г. . . . . 66 — 67
Приложение: Копия с рапорта волынского гражданского губернатора цесаревичу Константину Павловичу от 4 января 1826 г. . 68
29. Всеподданнейшее письмо главнокомандующего 1-й армиею генерала-от-инфантерии гр. Ф. В. Сакена от 1 января 1826 г. . . . . 68 — 69
30. Донесение командира 2-й бригады 3-й гусарской дивизии генерал-майора Ф. К. Гейсмара в штаб 1-й армии от 15 января 1826 г. . . . . 69 — 70
31. Письмо состоящего при главнокомандующем 1-й армиею генерал-майора гр. Г. И. Ностица от 15 января 1826 г. к начальнику главного штаба генерал-адъютанту барону И. И. Дибичу . . . . . 70 — 75
32. Приказ главнокомандующего 1-й армиею от 18 января 1826 г. 75
33. Рапорт командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота главнокомандующему 1-й армиею от 19 января 1826 г. . . . . 76 — 79
34. Рапорт начальника штаба 1-й армии генерал-адъютанта бар. К. Ф. Толя к начальнику главного штаба е. и. в. генерал-адъютанту бар. И.И. Дибичу от 22 января 1826 г. . . . . 79 — 80
Приложения: а) Список штаб и обер-офицерам Черниговского пехотного полка, строевым и нестроевым, по старшинству их службы за декабрь месяц 1825 года . . . . . 80 — 83
б) Баталионное и ротное росписания Черниговского пехотного полка за декабрь месяц 1825 г. 84
35. Рапорт командира 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота к главнокомандующему 1-й армиею от 22 января 1826 г. 85
Приложения: а) Список Черниговского пехотного полка воинским чинам, взятым в шайке подполковника Муравьева-Апостола с объяснением, каких они званий и полковн. . . . . 86 — 95
б) Список Черниговского пехотного полка нижним чинам, которые из возмущенных подполковником Муравьевым-Апостолом рот оного полка, оказываются в каких-либо противузаконных поступках . . . . . 95 — 96
в) Список Черниговского пехотного полка воинским чинам тем, кои разновременно уклонились от мятежника . . . . . 97 — 102
г) Список Черниговского пехотного полка г.г. офицерам, бывшим во фронте при подполковнике Муравьеве-Апостоле 3-го числа генваря 1826 г. 102
д) Список Черниговского пехотного полка воинским чинам, бывшим в шайке Муравьева-Апостола и во время дела 3-го числа генваря убитым. 103
е) Список Черниговского пехотного полка нижним чинам, бывшим в шайке Муравьева-Апостола, кои неизвестно ныне где находятся 103

Стр.

ж) Ведомость, сколько оказалось артельных солдатских денег в казенном ящике Черниговского пехотного полка, взятом генерал-майором бароном Гейсмаром с шайкою Муравьева-Апостола 104

36. Рапорт командира 4-го пехотного корпуса генер.-от-инфантерии кн. А. Г. Щербатова к главнокомандующему 1-й армиею от 26 января 1826 г. . 105
Приложение: Описание происшествия, случившегося с командиром Черниговского пехотного полка . . . . . 105 — 109

37. Рапорт начальника главного штаба генерал-адъютанта барона И. И. Дибича к главнокомандующему 1-й армиею от 6 марта 1826 г. . . . . 109 — 111

38. Рапорт старшего адъютанта штаба 1-й армии капитана В. С. Сотникова дежурному генералу 1-й армии от 26 марта 1826 г. о нравственном состоянии частей 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады. . . . . 111 — 118

39. Секретное отношение начальника штаба 1-й армии генерал-адъютанта барона К. Ф. Толя к главнокомандующему 1-й армиею генералу-от-инфантерии графу Ф. В. Сакену от 7 апреля 1826 г. . . . . 118 — 124

40. Всеподданнейший доклад Аудиториатского департамента от 10 июля 1826 г. об офицерах Черниговского пехотного полка, судимых в Могилеве за участие в произведенном подполковником Сергеем Муравьевым-Апостолом возмущении . . . . . 124 — 198

41. Отношение главнокомандующего 1-й армиею генерала-от-инфантерии гр. Ф. В. Сакена к начальнику главного штаба е. и. в. от 5 августа 1826 г. о конфирмации приговора военного суда по делу о нижних чинах Черниговского пехотного полка. . . . . 199 — 202

Отдел второй.

Материалы дознания и конфирмованные приговоры по делам нижних чинов 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады.

1. Рапорт начальника главного штаба генерал-адъютанта бар. И. И. Дибича на имя главнокомандующего 1-й армиею от 15 февраля 1826 г. 205
Приложение: Выписки из вопросных пунктов от 7 февраля 1826 г. и 31 января 1826 г. М. П. Бестужеву-Рюмину и С. И. Муравьеву-Апостолу и ответы последних . . . . . 205 — 207

2. Рапорт начальника главного штаба генерал-адъютанта бар. И. И. Дибича на имя главнокомандующего 1-й армиею от 2 марта 1826 г. . . . . 207 — 208
Приложение: Выписки из вопросных пунктов и данные на оные ответы 8-й артиллерийской бригады подпоручика Андреевича 2-го, подпоручика Борисова 2-го и прапорщика Бечаснова . . . . . 208 — 214

3. Секретное отношение председателя Комитета для следственных изысканий военного министра ген. А. И. Татищева на имя главнокомандующего 1-й армиею от 8 марта 1826 г. 215
Приложение: Выписка из вопросных пунктов и ответы на них от 19 февраля 1826 г. подпоручика Горбачевского и дополнительные объяснения от 28 февраля 1826 г. Борисова 2-го, Андреевича 2-го, М. П. Бестужева-Рюмина и С. И. Муравьева-Апостола. 215 — 223

4. Рапорт начальника главного штаба генерал-адъютанта барона И. И. Дибича на имя главнокомандующего 1-й армиею от 10 марта 1826 г. 224
Приложение: Выписка из показаний подпоручика Саратовского пехотного полка Мозгалевского и майора Пензенского пехотного полка Спиридова . . . . . 224 — 225

5. Протокол допроса рядового Саратовского пехотного полка Ф. Н. Анойченко от 9 марта 1826 г. и дополнительные показания от 15 марта 1826 г. его же и рядовых — того же полка Ф. Николаева и Тамбовского полка Петра Малофеева . . . . . 225 — 231

6. Вопросные пункты, данные 29-го и 31-го марта 1826 г. С. И. Муравьеву-Апостолу, М. П. Бестужеву-Рюмину, А. Ф. Фурману, и ответы их . 231 — 242

7. Протокол допроса в Белоцерковской военно-судной комиссии рядового 8-й артиллерийской бригады Г. Ф. Крайникова от 28 марта 1826 г. . . 242 — 246

8. Протоколы допросов в Комитете для следственных изысканий в Петербурге фейерверкеров 8-й артиллерийской бригады И. Л. Гончарова и И. С. Фадеева от 4 апреля 1826 г. . . . . 246 — 248

Стр.

9. Рапорт Белоцерковской военно-судной комиссии на имя главнокомандующего 1-й армиею от 22 апреля 1826 г. . . . . 248 — 249
10. Секретное отношение председателя Комитета для следственных изысканий военного министра генерала-от-инфантерии А. И. Татищева на имя главнокомандующего 1-й армиею от 23 апреля 1826 г. . . . . 250 — 251
11. Секретное отношение его же на имя главнокомандующего 1-й армиею от 6 мая 1826 г. 251
Приложение: Копия с вопросов, данных 23 апреля 1826 г. подпоручикам Борисову 2-му, Горбачевскому, Андреевичу 2-му, прапорщику Бечасному, и ответы их. . . . . 251 — 264
12. Отношение главнокомандующего 1-й армиею генерала-от-инфантерии гр. Ф. В. Сакена от 21 августа 1826 г. на имя начальника главного штаба о конфирмации приговора по делу о нижних чинах 8-ой артиллерийской бригады. . . . . 264 — 266
13. Отношение его же от 25 ноября 1826 г. на имя начальника главного штаба о конфирмации приговора военного суда по делу об участвовавших в заговоре нижних чинах 8-й пехотной дивизии, переведенных из прежнего состава л.-г. Семеновского полка . . . . . 266 — 269
14. Отношение его же от 25 ноября 1826 г. на имя начальника главного штаба о конфирмации приговора по делу о нижних чинах Саратовского пехотного полка, всего 27 человек, участвовавших в заговоре к мятежу противу правительства. 270

Приложения.

I. Материалы дознания «о возмутительных катехизисах, разбросанных мятежниками по Киевской губернии».
1. Секретный рапорт начальника главного штаба на имя главнокомандующего 1-й армиею от 16 июля 1827 г. 273
2. Рапорт начальника штаба 1-й армии на имя главнокомандующего 1-й армиею от 31 июля 1827 г. . . . . 274 — 276
3. Рапорт полевого аудиториата 1-й армии на имя начальника штаба 1-й армии от 11 августа 1827 г. 276
4. Показания рядового Черниговского пехотного полка С. И. Щелкалина от 18 августа 1827 г. . . . . 277 — 278
5. Показания рядового Черниговского полка А. В. Васильева от 19 августа 1827 г. . . . . 279 — 280
6. Показания рядового Черниговского пехотного полка Д. Ф. Болякина от 20 августа 1827 г. . . . . 280 — 282
7. Показания рядового Черниговского пехотного полка И. П. Хоперского от 20 августа 1827 г. . . . . 282 — 284
8. Показания унтер-офицера Черниговского пехотного полка И. И. Шеверя от 23 августа 1827 г. . . . . 284 — 286
9. Показания писаря 1-й бригады 9-й пехотной дивизии М. Ф. Копачевского от 4 сентября 1827 г. . . . . 286 — 287
10. Показания квартирмейстерского писаря А. Д. Дементьева от 4 сентября 1827 г. . . . . 287 — 288
11. Показания прапорщика Черниговского пехотного полка В. Алексеева от 4 сентября 1827 г. . . . . 288 — 289
12. Показания комплектного музыканта Черниговского пехотного полка Е. И. Иванова от 4 сентября 1827 г. . . . . 289 — 290
13. Показания унтер-офицера Черниговского пехотного полка Д. Д. Карлова от 5 сентября 1827 г. . . . . 290 — 291
14. Рапорт киевского гражданского губернатора на имя командира 3-го пехотного корпуса от 20 августа 1827 г. . . . . 291 — 292
15. Черновой отпуск отношения главнокомандующего 1-й армиею на имя начальника главного штаба от 4 марта 1828 г. . . . . 292 — 295
II. Материалы дознания «о поступках Черниговского пехотного полка полкового священника Даниила Кейзера».
1. Протокол допроса поручика А. Терпиловского 295
2. Протокол допроса церковника Д. А. Краскова. . . . . 295 — 296
3. Протокол допроса церковника И. А. Ахлестина . . . . . 297 — 298
4. Показания священника Д. Ф. Кейзера . . . . . 298 — 300

Стр.

III. Протокол допроса от 27 января 1826 г. штаб-ротмистра гусарского принца Оранского полка Ушакова, проезжавшего через Васильков во время мятежа Черниговского пехотного полка . . . . . 300 — 303
IV. Протоколы допросов рядового 2-й мушкатерской роты Черниговского пехотного полка (разжалованного в 1821 г. из штабс-капитанов) Дмитрия Грохольского от 8 и 10 апреля 1826 г. . . . . 303 — 311
V. Материалы дознания и конфирмованный приговор по делу рядового Черниговского пехотного полка (разжалованного в 1820 г. из полковников артиллерии) Флегонта Башмакова.
1. Протокол допроса Ф. М. Башмакова в комитете для следственных изысканий о злоумышленных обществах от 25 февраля 1826 г. . . . 312 — 313
2. Отношение военного министра генерала-от-инфантерии А. И. Татищева на имя главнокомандующего 1-й армиею от 30 июля 1826 г. . 313 — 314
3. Всеподданнейший рапорт главнокомандующего 1-ю армиею генерал-фельдмаршала графа Ф. В. Сакена от 31 августа 1827 г. . . 314

Примечания . . . . . 315 — 364
Предметный указатель . . . . . 365 — 371
Именной указатель . . . . . 372 — 400

Воспроизведения на вкладных листах.

1. Карта расположения войск 3-го пехотного корпуса (с подлинника, рисованного в 1823 г. портупей-юнкером 15-го егерского полка Ильяшенко).
2. Секретное отношение от 20 декабря 1825 г. об аресте М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов (с подлинника, находящегося в деле штаба 1-й армии, 1825 г., № 9, ч. I, л. 19).
3. Выписка из военно-судного дела «Об офицерах, участвовавших в мятеже Черниговского пехотного полка», скрепленная собственноручными подписями всех подсудимых (с подлинника, находящегося в деле аудиториатского департамента, 1826 г. № 35, т. II, л. 163 об.).

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
76	10 сверху	3 бригады	1 бригады
82	8 столбец	полковой квартермистр	Те же слова поднять на три строки
273	9—11 сверху	в Царском 16 июля № 77	В Царском Селе 16 июля 1827 г., № 778
334	7 сверху	жалуется	он жалуется
338	21 сверху	Obristlieutenant	Oberstlieutenant
341	31 сверху	прд-	подпра-
344	10 снизу	«Русск. Стар». 1899	«Русск. Стар.» 1890
349	9 сверху	И. М. Муравьева-Апостола	И. И. Муравьева-Апостола
361	6 снизу	отцу	своему отцу
394	36 сверху	Николай Мартынович	Николай Мартьянович
395	3 сверху	Столыпин, генерал-майор	Столыпин, Николай Алексеевич, начальник бригады тяжелой кавалерии при 4 драгунской дивизии.
395	24 снизу	Василий Евгениевич	Владимир Евгениевич

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г.). Материалы по истории крестьянских движений в России. Вып. IV. Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Стр. 177. Ц. 1 р. 20 к.

Буржуазия накануне Февральской революции. Подготовила к печати Б. Граве. Стр. XVIII, 204. Ц. 2 р. 40 к.

Воспоминания Льва Тихомирова. Предисловие В. Невского. Вступит. статья В. Фигнер. Стр. XL, 516. Ц. 5 р.

Всероссийское совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Стенографический отчет. Подготовил к печати М. Цапенко. С предисловием Я. Яковлева. Стр. 256. Ц. 4 р. 50 к.

Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. Стр. 484. Ц. 2 р. 75 к.

Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового. Стр. 291. Ц. 1 р. 50 к.

Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890). (Мемуары и дневники царских сановников). Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна. Стр. X, 396. Ц. 3 р.

Дневник Е. А. Перетца (1880—1883). С предисл. А. Пресняков. Текст подготовил к печати А. Сергеев. Стр. X, 172. Ц. 2 р.

Крестьянское движение 1902 г. Материалы по истории крестьянских движений в России. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Стр. 128. Ц. 50 к.

Крестьянское движение в 1917 году. Подготовили к печати К. Котельников и В. Меллер. С предисловием Я. Яковлева. Стр. XXVII, 444. Ц. 5 р. 25 к.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. Стр. 248. Ц. 3 р.

Нечкина М. — Общество Соединенных Славян. Стр. 245; 2 прил. на отд. листах. Ц. 2 р. 50 к.

Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. С предисловием М. Н. Покровского. Стр. 198, 14 (нен.). Ц. 1 р. 50 к.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 гг. Том III. С предисловием М. Н. Покровского. Стр. 512. Ц. 5 р.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916 г. Том IV. С предисловием М. Н. Покровского. Стр. 440. Ц. 4 р.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Том V. С предисловием М. Н. Покровского. Стр. 303. Ц. 3 р.

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Протоколы заседания Исполнительного Комитета и Бюро И. К. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.) Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к.

Покровский М. Н. — Декабристы. Сборник статей. Стр. 95. Ц. 80 к.

Пресняков А. Е. — 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева „Гвардия в декабрьские дни 1825 года". (Восстание декабристов. Исследования, под ред. М. Н. Покровского.) Стр. 226, 2 схемы. Ц. 2 р. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Пугачевщина. Том I. Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка). Подготовлен к печати С. А. Голубцовым. Под редакцией С. Г. Томсинского и Г. Е. Мейерсона. Со вступительной статьей М. Н. Покровского. (Материалы по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв. Под общей редакцией М. Н. Покровского.) Стр. 292. Ц. 3 р.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 год в документах и материалах. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.) Стр. 372. Ц. 4 р.

Разложение армии в 1917 г. Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С предисловием Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.) Стр. 192. Ц. 1 р. 50 к.

Революция в 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого.) Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного. Стр. 184. Ц. 1 р. 70 к.

Революция 1905 года и самодержавие. Подготовил к печати В. П. Семенников. Предисловие А. М. Панкратовой. Примечания составили М. Ахун и В. Петров. Стр. 286. Ц. 2 р. 40 к.

Социал-демократическое движение в России. Материалы. Под редакцией А. Потресова и Б. Николаевского. Предисловие П. Лепешинского. Том I. Стр. 410. Ц. 5 р. 50 к.

Царская Россия в мировой войне. Том I. С предисловием М. Н. Покровского. Стр. XXIV, 304. Ц. 3 р. 20 к.

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с предисл. М. Н. Покровского.

Дела Верховного Уголовного Суда и Следственной комиссии, касающиеся государственных преступников.

Том I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, В. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева, М. А. Бестужева. Стр. 540. Ц. 6 р.

Том II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Стр. 424. Ц. 6 р.

Том III. Следственные дела: А. М. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, Д. И. Завалишина. К печати подготовил А. Покровский. Стр. 456. Ц. 6 р.

Том IV. Следственные дела: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. Стр. 488. Ц. 6 р.

Том V. Следственные дела: П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. Подготовлен к печати Н. П. Чулковым. Стр. 4.3. Ц. 6 р.

Том VII. „Русская Правда“ П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печатается.)

Том VIII. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Алфавит декабристов. Под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Стр. 440. Ц. 4 р. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА